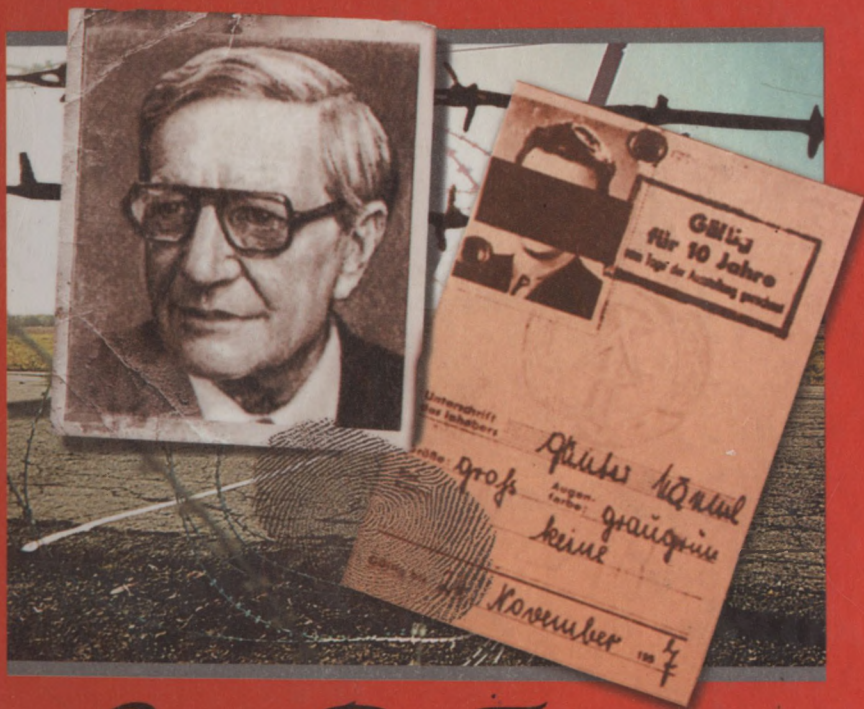

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА

Санш Де Трамон

МИР В ВОЙНАХ

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА

Санш Де Трамон

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2002

УДК 32
ББК 66
Д 11

Серия основана в 1998 году
Перевод с английского А. С. Матвеева
Редактор М. И. Рабинович

Санш Де Грамон.

Д 11 История шпионажа / Пер. с англ. А. С. Матвеева. —
Смоленск: Русич, 2002. — 448 с. (Мир в войнах).
ISBN 5-8138-0325-4

Книга Де Грамона посвящена соперничеству разведок бывшего СССР и государств-участников НАТО в 1940-60-е годы, в эпоху так называемой холодной войны. В центре внимания автора — громкие политические скандалы, особенности ведения разведдеятельности, судьбы людей, волею истории вовлеченных в драматическое противостояние сверхдержав XX века. Представляющая несомненный интерес книга издается на русском языке впервые.

УДК 32
ББК 66

•The Secret War. The Story of International
Espionage since 1945•.
© by Sanche de Gramont
© Перевод. А. С. Матвеев, 2000
© Предисловие. М. И. Рабинович, 2001
© «Русич», составление, оформление и
разработка серии, 2001

ISBN 5-8138-0325-4

К ЧИТАТЕЛЮ

Да простится автору этих строк такое начало: потенциальный читатель, взяв в руки книгу де Грамона и обнаружив, что написана она без малого 40 лет назад, может испытать разочарование. Спешу его развеять. Верно — за столь солидный срок в мире произошли кардинальные перемены: закончилась «холодная война», время от времени плавно перетекавшая или неожиданно взрывавшаяся многочисленными локальными конфликтами; ушло в историю понятие «мировая система социализма»; исчез с политической карты мира Советский Союз... На смену старым реалиям пришли или приходят новые: газеты, радио, телеэкран, вездесущий Интернет несут и несут все новую информацию, заслоняя или тесня в нашей памяти картины прошлого. Но, как сказал известный миру историк, прошлого нет. И реальность сегодняшнего дня так или иначе связана с временами ушедшими.

Мысль эта, как представляется, вполне «интерполируется» и на такую специфическую сферу человеческой деятельности, как разведка. Пусть в других формах, пусть с применением более «джентльменских» приемов и методов, но «война разведок» продолжается. Увы, ничто не предвещает ее окончания, по крайней мере в наступившем столетии. И пока она ведется, добропорядочные граждане тайно или явно противостоящих друг другу государств не будут скрывать свой искренний интерес к ее перипетиям и результатам.

Значит ли это, что новые политические сюжеты начисто вытеснят память об отгремевших битвах? Ответ очевиден: конечно же, нет. Пока живо человечество, оно будет постоянно обращаться к истории. И подробности «шпион-

ских войн» все так же будут занимать отнюдь не последнее место в ряду событий и отдаленного, и недавнего прошлого.

Есть, однако, и другие обстоятельства, не позволяющие отнести книгу американского историка и публициста к разряду устаревших. Вспомним старую шутку: «у «них» — шпионы, у нас — разведчики». Парадоксально, но факт: в свое время мы больше знали о «шпионах», чем о «разведчиках». Впрочем, «инстанции» в любом случае строго фильтровали информацию о тайной войне. Настолько строго, что многие наши соотечественники, давно и заслуженно отмеченные в анналах разведки, ушли в мир иной, оставаясь без признания не только соседей и знакомых, но порой и ближайших родственников — секретность до последнего дня сохранялась в качестве одной из фундаментальных опор системы.

Другой лагерь также отнюдь не демонстрировал полной открытости в том, что касалось разведок и контрразведок. И все же, как убеждает труд де Грамона, Запад ушел в этом отношении значительно дальше. Потому-то читатель с большим интересом прочтет, к примеру, описание судебных процессов над разоблаченными агентами, открывая при этом для себя, что он до сих пор не только не встречал публикаций о некоторых сенсационных делах, но даже не слышал о них. Дело супругов Розенберг или процесс над пилотом самолета-шпиона У-2 Пауэрсом, о которых наша печать давала дозированную информацию, — это лишь те исключения, которые подтверждают правило. Разумеется, «открытые» процессы над агентами «троцкистско-бухаринско-зиновьевских» группировок или, скажем, сообщение о разоблаченных «врачах-убийцах» не в счет...

Объективен ли автор книги в своих размышлениях, оценках, выводах? Думается, что да. Во всяком случае, в той мере, в какой позволяло это положение человека, живущего по другую сторону «железного занавеса». Тут, однако, требуется одно дополнительное замечание. Агенты-разведчики, работающие на США, Великобританию и другие страны Запада, при всех обстоятельствах остаются для де Грамона «своими». Будем же объективны и мы, читатели, и останемся на своих собственных позициях, когда речь идет о героях шумных судебных процессов, проходивших в свое время за океаном. Люди, представшие

перед американским или, скажем, британским правосудием, самоотверженно и как правило бескорыстно работали на Советский Союз — страну, гражданами которой мы с вами являлись. Воздадим же должное своим и мы.

Объективность потребуется читателям и в других случаях. Да, де Грамон признает, что шпионаж не был «прерогативой» только СССР и других государств «восточного блока». «Так же как Советский Союз, — пишет он, — опутывает шпионскими сетями США и другие страны Запада, ЦРУ пытается проникнуть на территорию коммунистических стран». Показательно в этом смысле и другое высказывание, касающееся разделенной не в таком уж далеком прошлом Германии. «По всей Восточной Германии, — замечает де Грамон, — можно найти отделения Министерства государственной безопасности и других секретных организаций, руководящих шпионажем против Запада, который также делает все возможное в этой области» (разрядка наша — *М. Р.*). Возникает, однако, вопрос: а были ли идентичными методы, коими действовали противостоящие спецслужбы? Определенного вывода на сей счет историк разведок не делает, давая в то же время понять, что стороны отнюдь не всегда действовали «в белых перчатках». И все же многочисленные факты, которые он приводит, дают основание заключить, что одна, а именно «восточная», сторона, заходила в своих действиях гораздо дальше другой. Моральные и физические пытки, похищения, а то и убийства отнюдь не являлись исключением из правил. Но насколько достоверна сообщаемая автором информация? Увы, приводимые в книге факты — время и место происходившего, имена жертв, обстоятельства, в которых такого рода ситуации возникали, — убеждают в том, что все это не плод авторских фантазий. Впрочем, документы, исследования, мемуары, пополнившие в 90-е годы библиотеку по истории наших спецслужб, дают достаточно доказательств истинности приводимых фактов. Да и простая логика подсказывает: если произвол чинился по отношению к миллионам своих и невинных, то что могло помешать тому же в отношении чужих и виновных?

И все же прочитавшие труд де Грамона едва ли не заметят и «белых пятен» в описании войны разведок и определенной вольности в толковании отдельных эпизо-

дов. Скажем сразу, таких мест в книге немного. А если они и встречаются, то объясняется это не субъективным желанием автора что-то недоговорить, а что-то представить в искаженном виде. Причины в другом. Вот одна из них. Секретные службы потому и называются секретными, что с самого своего возникновения в далекие, еще библейские, времена они отнюдь не стремились к гласности, особенно если терпели неудачи. Де Грамон, безусловно, почерпнул многое из газет, журналов, книг, издававшихся на Западе официальных документов. Для нас, в большинстве своем не знакомых с этими изданиями, соответствующие разделы книги представляют особый интерес. Но архивные фонды, десятилетиями закрытые для советских исследователей, конечно же, были недоступны иностранному, да еще «западному» специалисту. Это, впрочем, не означает, что архивисты встречали де Грамона с распростертыми объятиями и в собственной стране. Безусловно, у российских читателей найдут отклик оценки деятельности и личных качеств советского разведчика Рудольфа Абеля. Чего стоит хотя бы этот короткий пассаж: «Мы (т. е. американцы. — *М. Р.*) можем только сожалеть вместе с Алленом Даллесом (многолетним руководителем ЦРУ. — *М. Р.*), что такой человек не служил в вооруженных силах США». Но у тех же читателей вызовет по меньшей мере недоумение заключение главы, специально посвященной выдающемуся разведчику: «Обычное наказание провалившихся агентов (в СССР) практически не оставляло Абеля шансов на хорошую жизнь в будущем». Между тем в Советском Союзе едва ли не каждый школьник знал о выдающихся заслугах полковника, кавалера многих наград, героя десятков, если не сотен, газетно-журнальных публикаций и книг, наконец, прототипа главного героя популярного фильма «Мертвый сезон» Рудольфа Ивановича Абеля (настоящее имя — Вильям Генрихович Фишер). Кстати, миллионы соотечественников с выходом картины на экраны имели возможность видеть и «настоящего» Абеля — разведчик обращался к зрителям с вступительным словом к фильму. Интерес к этой неординарной во всех отношениях личности сохраняется и поныне, подтверждением чему могут служить организованная в Москве в канун 2001-го года выставка живописных работ разведчика и выпуск в начале 2001-го года компакт-диска, включившего большое

количество рассекреченных документов, воспоминания коллег, друзей и родственников, а также рисунки и фотографии Абеля (Фишера). Стоит ли приводить другие факты, свидетельствующие, вопреки утверждению де Грамона, что Р. И. Абель не только не подвергся после возвращения из американской тюрьмы на родину преследованиям, но вполне заслуженно (что, надо полагать, признал бы и автор книги) стал национальным героем? Впрочем, остается правдой и то, что немало наших разведчиков, людей кристально честных и преданных, до и после Отечественной войны превратились, употребляя слова Лаврентия Берии, в «лагерную пыль». Как сказал в интервью газете «Известия» (номер за 20 декабря 2000 года) начальник Службы внешней разведки России генерал-лейтенант С. Н. Лебедев, за время сталинских репрессий «примерно половина личного состава советской разведки была репрессирована». Так что, признавая очевидную несостоятельность версии де Грамона относительно будущей судьбы советского разведчика, согласимся вместе с тем, что родилась она не на пустом месте.

Непроницаемость «железного занавеса» сыграла с автором книги о войне разведок злую шутку и в том случае, когда он попытался рассказать, как живут в Советском Союзе «исследователи, инженеры, математики, физики, химики». Утверждение о том, что все они «катаются как сыр в масле», а наука «занимает место религии и ученым предоставлена возможность спокойно мыслить», может вызвать у наших инженеров и химиков лишь улыбку. Аналогичной, надо полагать, окажется и реакция на эмоциональное восклицание де Грамона, относящееся к тому же сюжету: «Есть (в СССР) антипартийное искусство и антипартийная литература, но как может существовать антипартийная наука?!» А вот так: существовали же у нас «буржуазные» генетика и кибернетика. Но это, видимо, было уже за пределами понимания добросовестного исследователя, взявшегося заполнить одну из страниц истории государств, находившихся по обе стороны от пресловутого «железного занавеса». Не будем, однако, чрезмерно строги к автору. Последовательно и скрупулезно он разбирается в хитросплетениях тайной войны, не впадая при этом в морализаторство, не демонстрируя приверженность идеологическим стереотипам и пропагандистским клише. От-

бор фактов строг, язык доступен, и от начала до конца книга де Грамона читается с интересом. И это при том, что сегодня, как это ни парадоксально звучит, мы, неспециалисты, знаем о тайной войне последних десятилетий больше, чем знал о ней автор книги «Секретная война...». Объяснение данному факту выглядит достаточно просто: как и любой другой историк, писатель, публицист, де Грамон был лишен возможности предвидеть, да еще в деталях, будущее — то будущее, которое успело стать для нас сегодняшних прошлым. Когда писалась его книга, мир еще не знал о деталях эпопеи, развернувшейся вокруг атомных секретов США, еще не разгорелся в полную силу скандал, связанный с разоблачением «кембриджской пятерки», еще не переметнулись на Запад Гордиевский и Резун (В. Суворов), еще благоденствовали 100 тысяч агентов «Штази», и уж тем более еще не были на слуху у миллионов жителей «старого» и «нового» света имена Эймса и Поупа. Добавим к этому: за последние десять-пятнадцать лет в СССР, а затем в России, сформировалась целая библиотека «шпионской» литературы. Детективы, даже самые занимательные, в данном случае не в счет. Речь идет о серьезных книгах — монографиях, исторических очерках, мемуарах непосредственных участников событий, публикациях в солидных научных журналах. Разумеется, появление этих разнообразных по жанрам, но посвященных одной теме, изданий стало возможным в условиях, когда на смену жесткой цензуре пришла гласность. Преждевременно, видимо, говорить о полном снятии всевозможных «табу» с деликатной и острой «разведывательной» темы, но остается фактом: 20-30 лет назад у российского читателя не было возможности узнать и малой толики того, что он знает о «войне разведок» сегодня. Вот только фрагмент «библиографии» на соответствующую тему, да и то ограниченной лишь последним пятилетием:

Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — Москва, 1996.

Павел Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. — Москва, 1997.

Юрий Модин. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. — Москва, 1997.

Виталий Павлов. Операция «Снег». Полвека в разведке. — Москва, 1997.

Елисей Сеницын. Резидент свидетельствует. — Москва, 1997.

Зоя Воскресенская. Теперь я могу сказать правду. — Москва, 1998.

Вадим Телицын. «СМЕРШ»: операции и исполнители. — Смоленск, 2000.

Джон Кёлер. Секреты «Штази». История знаменитой спецслужбы ГДР. — Смоленск, 2000.

Валерий Кочик. Советская военная разведка: структура и кадры. — Журнал «Свободная мысль», №№ 5—12, 1998.

Похоже, поток соответствующих публикаций отечественных и зарубежных авторов не иссякнет и в обозримом будущем. Поручкой тому служат гласность и все большая открытость архивов. Вот информация, содержащаяся в последнем за 2000 год номере газеты «Новости разведки и контрразведки» (выходит с 1993 года): Центральное разведывательное управление США сняло гриф секретности в 1998 году — с одного миллиона, в 1999-ом — с трех миллионов и в 2000 году — с пяти миллионов страниц своих «закрытых» документов...

Думается, книга де Грамона будет хорошим дополнением к списку названных и неназванных сочинений о разведке и контрразведке. Утверждают, что «новое — это хорошо забытое старое». Похоже, что читатели предлагаемой книги не вспомнят эту максиму, ибо большая часть фактов, сообщаемых автором, едва ли была известна в прошлом. Так что среди своих новейших «собратьев» труд иностранного автора не затеряется. Ну а мы, его читатели, порадуемся, что «холодная война» со многими ее атрибутами канула в Лету.

М. Рабинович,
кандидат исторических наук,
член Союза журналистов России.
Январь 2001 г.

1. ТОТАЛЬНЫЙ ШПИОНАЖ

В 1955 году беспокойство из-за полосы провалов в разведке США привело к изучению работы Центрального разведывательного управления специальной комиссией под руководством Гувера. Комиссия рекомендовала «увеличить активность на политическом уровне». Был показан контраст между советской разведкой, которая с «относительной легкостью собирала важнейшие сведения в США», и «нерешительной» американской разведкой. Специальная комиссия предложила сделать «возможным определенный дипломатический и политический риск и полное использование технических возможностей».

Можно с уверенностью сказать, что в последующие шесть лет рекомендации специальной комиссии были выполнены полностью. Никто не мог обвинить ЦРУ в бездействии после событий на Кубе и полетов самолета-разведчика У-2. В те дни модно было называть агентство разбушевавшимся чудовищем. Фред Кук, опубликовавший разоблачительную статью о ЦРУ в газете «Нэйшнл» от 24 июня 1961 года, подчеркивал:

«Президент провозглашает мир, но ЦРУ свержает режимы, готовит международный саботаж и революции, натравливает наркодельцов на дружественные нации, управляет военными вторжениями, поддерживает правых милитаристов. Это не действия демократичной, миролюбивой нации, преданной тем высоким идеалам, которые мы исповедуем. Это больше похоже на действия лидеров Коминтерна».

В своей статье Кук выразил тот шок, который должны были испытать многие, узнав, что США, основывая свою

внешнюю политику на сохранении мира, в то же время субсидировали войны.

Однако есть что-то неожиданное и в том, что общественное мнение изменилось так сильно всего за шесть лет. В 1955 году основной проблемой стала необходимость развязать руки ЦРУ, которое не обеспечивало адекватной разведки, особенно по другую сторону «железного занавеса». В 1961 году проблема заключалась в сдерживании ЦРУ, чтобы США не потерпели очередной провал на Кубе. Мощь и агрессивность американской разведки удивляет еще больше тогда, когда вспоминаешь, что она вышла на поле разведывательной деятельности незадолго до этого. Управление было основано в 1947 году, но не работало вплоть до 1950-го, когда его возглавил Аллен Даллес.

За это короткое время, совпадающее, отметим, с началом холодной войны, ЦРУ из хрупкого ребенка превратилось в грозу всех и вся.

В то же время советская разведка также не бездействовала, и Даллес однажды сказал: «С тех пор как я возглавил ЦРУ, на мой стол легли горы документов, свидетельствующих о происках коммунистов». Советские агенты работали в США более сорока лет, и с началом холодной войны их деятельность во всем мире только усилилась.

Благодаря событиям на Кубе и инциденту с У-2 достоянием общественности стал следующий факт: США, как и СССР, а во многом из-за последнего, практикуют тотальный шпионаж. Соединенные Штаты выходят на один уровень с Советским Союзом в войне разведок, так же как и в области разработки ракет. В советском шпионаже используется не много методов, которые не были бы скопированы американской разведкой. Разведывательные организации каждого блока монолитны и могущественны, они работают в обстановке секретности и жестокости.

Разведки США и СССР обмениваются обвинениями, причем каждая сторона отдает другой лавры самой мощной организации. А. Н. Шелепин, экс-руководитель КГБ, бывший соперником Даллеса, писал в «Правде» в начале 1959 года, что «разведывательный аппарат в капиталистических странах, прежде всего в США, постоянно растет. Например, в одном только ЦРУ, расходуя 1,5 млрд. долларов в год, сейчас работает более 20 тыс. человек. Масштабы контрразведывательной деятельности США уве-

личились в несколько раз за последние годы по сравнению с первыми послевоенными годами. Даллес в своем единственном интервью, которое он дал газете «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» 19 марта 1954 года, заявил: «Советской разведке, конечно, принадлежит первое место в плане развития агентурной сети. Они вербуют агентов в наиболее важных странах мира, а с помощью своих «передовых организаций» контролируют гораздо большие территории». В одном из выступлений он сказал следующее:

«Советы обладают большим количеством агентов, подготовленных для шпионажа и тайных политических действий, чем любая другая страна. В Москве, Праге, Пекине и других центрах коммунизма агенты, завербованные в других государствах, готовятся нести коммунистическую идеологию в те регионы мира, где начинаются недовольства. Большая часть Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, а также часть Африки находятся в списке их приоритетов. Они не забывают и наше полушарие, как нам показывает недавнее разоблачение коммунистического заговора в Мексике».

Подобный тон используется и в обвинениях в подлости разведывательных служб. Брошюра Советского информационного бюро «Пойман на месте преступления» — изданное в 1960 году осуждение ЦРУ на 160 страницах, переданное автору этих строк офицером американской разведки со словами «Это не Библия, но тут тоже есть неплохие вещи», — констатирует, что «шпионаж и подрывная деятельность, которую ведут США, стала на самом деле глобальной по своей сути. Эта деятельность варьируется от прослушивания телефонных переговоров и расшифровки иностранной корреспонденции до прямого нарушения суверенитета государств путем засылки в них агентов и самолетов-разведчиков и подготовки государственных переворотов».

В докладе «Модели коммунистического шпионажа», подготовленном Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности, говорится:

«Коммунистические посольства, консульства, делегации ООН, торговые и другие миссии были и есть легальное прикрытие международного шпионажа. Персонал их дипломатических, торговых и подобных миссий состоит в значительной

степени из специально подготовленных офицеров МВД и военной разведки... Дипломаты из стран социалистического лагеря... прибегают к шантажу, террору и другим предосудительным методам... есть также сведения, что Советский Союз использует определенные программы по обмену для достижения целей шпионажа».

В своем выступлении в 1960 году перед сенатской комиссией по ассигнованиям Дж. Эдгар Гувер, под чьим руководством ФБР препятствовало разведывательной деятельности Советского Союза в США, сказал, что «в подрывной деятельности Советов не было остановок, а расследования говорят только об усилении разведывательной деятельности социалистического блока против США».

Шпионаж СССР в Соединенных Штатах не новость. Первая организация такого рода появилась под прикрытием «Амторга», советского торгового агентства, открывшего свое представительство в Нью-Йорке в 1924 году. У ФБР был почти сорокалетний опыт борьбы с советскими шпионами. Однако работа американской разведки в СССР — явление относительно новое. Владимир Петров, агент МВД, сдавшийся Соединенным Штатам в 1954 году, сделал следующее заявление, основанное на собственном опыте: «За те двадцать лет, которые я был офицером государственной безопасности, не было ни одного достоверного случая шпионажа против СССР, за исключением военного времени. Тысячи людей были расстреляны без доказательств их вины. Я никогда не слышал, чтобы в России были такие провалы, как у Фукса и Алана Нанна Мэя, Грингласса и Голоса в Америке, Андерсона и Энхома в Швеции или Рихарда Зорге в Японии. Хотя, если верить советским властям, весь Советский Союз настолько опутан агентурной сетью, что только неусыпная бдительность спасает страну от развала».

В первые послевоенные годы в США работали агенты СССР, в то время как в Советском Союзе не было американских разведчиков. Но начало холодной войны подтолкнуло Соединенные Штаты, которые, стремясь догнать СССР в области шпионажа, исказили несколько основных принципов демократического государства. Слова Даллеса о том, что можно пренебречь некоторыми вещами ради достижения общей цели, звучат сейчас довольно жестоко, когда

общество знает о большинстве вещей, которыми жертвовало ЦРУ.

Осознание того, что США занимаются шпионажем так же решительно, как и СССР, пошатнуло представление о холодной войне как о крестовом походе против коммунизма. В ЦРУ частично разочаровались, когда стало известно, что удар ниже пояса был нанесен не только советской тактикой. Двуличность и грязные методы поставили ЦРУ на один уровень с советским шпионажем. В то же время появились проблемы при создании мощной разведывательной организации в свободном обществе. Может ли нация, исповедующая власть людей, право человека на знание и невмешательство во внутренние дела других государств, посылать в них своих агентов, подкупать чиновников?

Главная проблема, которую выделяют все государственные деятели начиная от Перикла в Древней Греции до Дж. Ф. Кеннеди — разница между свободным и тоталитарным обществом. Когда Перикл создавал Афинское государство, он не мог предположить, что через четырнадцать лет оно падет под мощью военного государства Спарты, которое олицетворяло полную противоположность его словам:

«Наше государство свободно как в политике, так и в обычной жизни. Мы превосходим наших врагов даже в готовности к войне. Наш город открыт миру. Мы не гоним иностранцев, боясь, что они могут узнать что-то имеющее военное значение. Мы живем свободно, и в то же время мы готовы противостоять опасности так же, как и они... храбрейшими следует признать тех, кто знает, что такое опасность, но не уходит от нее».

Предоставим историкам решать, пало ли Афинское государство из-за того, что было свободным обществом, позволившим шпионам открыто выполнять свои задания.

Соединенным Штатам в годы холодной войны было необходимо распознать опасности свободы и достигнуть баланса между национальной безопасностью, основными свободами человека, внешней политикой и разведывательными операциями. Все это иногда приводило в замешательство исполнительную власть США. Два президента подряд открыто говорили о причастности своей страны к шпионажу, чего в истории до этого времени не было.

После инцидента с самолетом У-2 президент Эйзенхауэр признал, что он поощрял политику проведения разведки любым способом. Кубинский инцидент дважды ставил в неудобное положение президента Кеннеди. 13 апреля 1961 года, за пять дней до вторжения на Кубу, Джон Кеннеди перешел узкую границу между заявлением и намерениями, пообещав, что США «ни под каким предлогом» не будут вмешиваться в свержение режима Фиделя Кастро, что он сделает все возможное, чтобы «ни один американец не оказался вовлеченным в действия, направленные против кубинского лидера», и что он «будет препятствовать началу агрессии» с территории США. Президент сдержал свое обещание — среди повстанцев, высадившихся 18 апреля в заливе Плайя-Хирон, не было американцев. Нападение началось не с берегов США, а с островов у побережья Никарагуа, которые Америка арендовала в 1916 году на 99 лет. Кеннеди оказался в роли человека, пойманного на месте преступления, но упорно не желающего признать случившееся.

Когда все-таки выяснилось, что ЦРУ играло главную роль в высадке этого десанта, Кеннеди, как и его предшественник в случае со сбитым У-2, принял на себя ответственность за инцидент. Но его вера в свободное общество пошатнулась так сильно, что он даже предложил ввести цензуру.

27 апреля, все еще находясь под впечатлением от провала на Кубе, Кеннеди заявил, выступая в Американской ассоциации издателей периодики:

«Вся трудность в том, что враги нашей нации открыто говорят, что из газет они получают ту информацию, которая должна добываться с помощью воровства и подкупа, что каждому рядовому читателю известны меры, которые принимает правительство, чтобы не допустить шпионажа на своей территории. Они заявляют, что в нашей прессе в достаточной для них степени приводятся данные о количестве, дислокации и родах войск, а также о том, как мы собираемся их использовать. В итоге подобные организации приводят к тому, что мы тратим огромное количество средств и времени на изменение всего механизма наших действий.

Каждый журналист, работая над статьей, спрашивает

себя, будет ли это новостью. Я предлагаю также задавать такой вопрос: «Будет ли это в интересах моей страны?».

Автору этой книги рассказывали, что президент был особенно раздражен статьей, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» 9 января 1961 года. Корреспондент газеты Пол Кеннеди (однофамилец президента) рассказал о том, что ЦРУ готовит кубинских повстанцев к предстоящей агрессии. Он писал, что на Тихоокеанском побережье «под руководством иностранных инструкторов, в основном американцев, к партизанской войне готовятся отряды, похожие на войска специального назначения». «Жители Гватемалы, — писал он, — считают, что они проходят подготовку к неизбежному вторжению на Кубу».

Советская сторона пыталась развенчать проблемы, возникающие в «свободном» обществе. Согласно книге «Пойман на месте преступления», теория, «развитая политиками США для оправдания действий американской разведки, есть не что иное, как грубая пропаганда, не выдерживающая критики. Достоверным фактом является то, что все правительства принимают необходимые шаги по защите своих государственных секретов. США в этом отношении не являются исключением».

Однако эти аргументы оказываются слабыми, если принять во внимание последовавшие за кубинскими событиями шум вокруг ЦРУ, а также изменения в составе организации, включая отставку Аллена Даллеса. Перед разведывательной и контрразведывательной службами Запада ставятся две проблемы, связанные со свободой общества.

1. Большая доступность информации на Западе по сравнению со странами социалистического лагеря. Аллен Даллес, занимавшийся в свое время сбором информации в нацистской Германии, отмечал, что «в Германии все было намного проще по сравнению с тем, с чем мы сейчас сталкиваемся с СССР». Он также указывал, что для советской стороны «подобной проблемы не существует. Она просто собирает предоставляемую ей информацию».

Перебежчики из СССР говорили, что военный атташе СССР в Соединенных Штатах может получить 95 % необходимого ему материала, просто попросив об этом. Например, Министерство печати за символическую плату предо-

ставляет данные о гаванях США, о размерах и дислокации аэродромов, предлагает списки месторождений природных ресурсов, реестр военнослужащих, уволенных в запас, то есть можно узнать обо всем, начиная с того, как забить гвоздь, заканчивая конструкцией атомной бомбы. Картографическое отделение геологических исследований США — еще один известный источник, готовый предоставить топографические карты всех штатов Америки. Не обделены вниманием и технические журналы, такие как «Эвиэйшен уик» и «Бюллетень атомных разработок». Советские дипломаты посещают также и промышленные съезды. Так, на выставке «Вестерн электрик», проходившей в Лос-Анджелесе в 1959 году, двое русских представителей собрали столько литературы, что им пришлось заказывать машину, чтобы увезти все книги. Позднее было подсчитано, что они увезли более 100 кг литературы. Такие книги, как «Руководство пилота» или 18-томное издание, посвященное портовым сооружениям, написанные военными специалистами, были бы засекречены в СССР, в то время как в США они общедоступны.

В апреле 1960 года вице-адмирал Гиман Риквер сообщил комиссии конгресса США по атомной энергии, что одним из производителей игрушек выпущена модель атомной подлодки класса «Поларис», причем копия сделана настолько точно, что, по словам вице-адмирала, «хорошему судостроителю будет достаточно одного часа для того, чтобы бесплатно получить информацию, стоящую миллионов долларов».

Описание, прилагавшееся к игрушке, гласило:

«Эта модель подлодки, несущей баллистические ракеты с ядерной боеголовкой, — еще одна модель из серии, выполненной в точном соответствии с параметрами, приведенными в светокопиях документов ВМС США. Пользуясь этой возможностью, мы хотели бы поблагодарить Отделение электрооборудования корпорации «Дженерал дайнемикс» за предоставленные данные. Создание точной копии подводной лодки было бы невозможным без этого сотрудничества. Эта модель представляет полный интерьер субмарины, включая отделение ядерного реактора, командную рубку, каюты команды и две ракеты «Поларис». Масштаб Вашей модели составляет 1:300».

Адмирал РикOVER сказал, что он был в ужасе от того, что модель попала в продажу, и добавил, что если бы он был русским, то был бы очень благодарен Соединенным Штатам за их щедрое предложение подобной информации всего за 3 доллара. Адмирал, известный как «отец атомной подводной лодки», заявил, что модель дает точные данные о размере реакторного отделения и количестве команды, необходимой для управления судном. Однако какой-то европейский ученый, когда его спросили, что он думает по поводу протестов адмирала, сказал: «Даже если бы русские могли завладеть светокопиями чертежей субмарины, это вряд ли имело какую-то цену, ибо они настолько огромны, что для хранения требуется трехэтажный дом. А если они у вас окажутся, перевод данных в метрическую систему обойдется во столько, что будет дешевле сконструировать свою подлодку».

Этот же ученый, незадолго до того вернувшийся из СССР, сказал, что русские публикуют больше научной информации, чем американцы. Он подчеркнул, что можно свободно получить сведения об атомных разработках и что русские даже выпустили книгу, называющуюся примерно так: «Американская ракета «Вэнгард», почему она не летает и как сделать так, чтобы она стала летать».

Однако другие ученые отмечали, что атомные заводы Советского Союза засекречены слишком сильно и обычно их скрывают под другими названиями. Например, аналог Комиссии по атомной энергии в СССР назван Министерством среднего машиностроения.

В это время советские ученые приехали в США, чтобы осмотреть американские атомные установки. Группа, которую возглавлял председатель Комитета по использованию атомной энергии В. С. Емельянов, провела 21 день в поездках по атомным станциям Соединенных Штатов. Сам адмирал РикOVER показывал им АЭС «Шиппингпорт» около Питтсбурга. Следующей остановкой была АЭС «Энрико Ферми» около Эри в штате Пенсильвания, затем группа посетила Национальную лабораторию Аргонн, где русские осматривали реакторы и изучали процесс получения плутониевого топлива. В. С. Емельянов с уважением отметил аккуратность проведения работ. Советские ученые посетили Оук-Ридж, Беркли, Лос-Аламос, где узнали детали по-

лучения плазмы и удержания ее в магнитной ловушке. Один из гостей сказал во время поездки: «Вы размещаете свои реакторы в круглых зданиях, а мы в прямоугольных, но в этом единственное различие». Американцам пришлось поверить ему на слово, потому что они так и не смогли совершить такую же поездку по Советскому Союзу.

Профессор Иллинойского университета Питер Аксель оказался в затруднительном положении, когда правительство поручило ему организовать обмен делегациями ученых между СССР и США в 1959 году. Он отмечал впоследствии, что у советской стороны нет никаких законов, регулирующих подобные обмены, добавив при этом, что, несмотря на все его усилия, он так и не узнал, от какой организации Советского Союза должно исходить ответное приглашение. Аксель также подчеркивал, что у него сложилось впечатление, что «Советы пытаются избежать ответных визитов, связанных с некоторыми техническими и научными вопросами».

Эдуард Теллер, венгерский физик, сыгравший ключевую роль в разработке водородной бомбы, писал в одной из журнальных публикаций, что можно многое сказать о свободном обществе и отсутствии засекреченности определенных научных достижений. «В Америке, — писал он, — люди не любят работать тайно. Обстановка секретности заставляет наших лучших ученых уходить из тех областей науки, развитие которых особенно важно для нас. Большинство предпочитает работать там, где поощряется свободный обмен идеями, что может сделать тебя известным».

Секретность, по мнению Теллера, по своей сути похожа на инфекцию. Она воздвигает стены между друзьями, делает невозможными открытые обсуждения на международном уровне. Открытость в определенной степени помогла бы сплочению мира. С другой стороны, по мнению Теллера, в России секретность стала образом жизни, что особенно чувствуется в области ядерных разработок.

Таким образом, обсуждая проблему доступности информации, мы оказываемся между требованиями элементарной безопасности и верой в то, что секретность не поощряется в свободном обществе. Мы жалуемся на то, что русские получают много информации из наших открытых источников, но предложения ввести цензуру вызывают еще большие протесты.

2. Существует вопрос: как сделать работу разведывательной и контрразведывательной организаций эффективной в условиях демократического государства? Эта проблема влияет на деятельность двух организаций США — ФБР, отвечающего за контрразведку и внутреннюю безопасность, и ЦРУ, в чьем ведении находится внешняя разведка.

Дж. Эдгар Гувер долгое время был фаворитом многочисленных комиссий, изучавших работу агентства, которое он возглавлял. В докладе комиссии, изучавшей в 1955 году работу разведывательных организаций, говорится: «Нами установлено, что ФБР, благодаря личным качествам своего директора, стало агентством, которое можно ставить в пример подобным организациям. Мы признаем, что ФБР ведет наиболее успешную контрразведывательную работу».

Тем не менее Гувер критиковал устаревшие, по его мнению, законы США, которые сдерживают работу этой организации. Он выделял четыре основные помехи:

1. Требование открытого слушания дел, из-за чего правительство не выдвигает никаких обвинений, так как в таком случае нужно вносить секретную информацию в протокол. В Великобритании, например, дело советского агента Джорджа Блэйка слушалось в 1961 году при закрытых дверях. В США основным методом стало убеждение подсудимого в том, что он выиграет от того, что признает свою вину. Закрытое слушание часто обменивается на мягкий приговор. Так, в 1957 году после признания своей вины в шпионаже был приговорен к семи годам заключения Джек Собл. В 1961 году его брата Роберта, фигуру менее важную в шпионаже, приговорили к пожизненному заключению, т. к. он отверг все обвинения в шпионаже.

2. Закон об исковой давности часто останавливает обвинение. После дела Розенбергов этот закон был изменен — он отменял срок давности в делах, касающихся национальной безопасности.

3. Существующее законодательство неприменимо в условиях холодной войны, так как оно направлено против военного шпионажа. В результате обвинению приходится опираться на статьи о сговоре, по которым для вынесения приговора достаточно только доказать существование заговора. Большинство дел о шпионаже в США в годы холодной войны заканчивалось именно таким образом.

4. Препятствием в расследовании и доказательстве вины является дипломатический иммунитет. ФБР решало подобные проблемы, обращаясь в МИД, который объявлял подозреваемых дипломатов персонами нон грата.

Иногда государство «снабжает» ФБР необходимыми законами. В 1934 году конгресс предоставил ему право задерживать людей на основании письменного разрешения судьи. Чтобы защитить от ареста невиновных людей, требовалось предъявить основания для подозрений. В 1949 году при аресте Джудит Коплон агенты ФБР не представили судье собранных доказательств, благодаря чему через месяц апелляционный суд снял с нее все обвинения. Спустя месяц после этого случая конгресс внес в закон поправку, разрешающую арест без разрешения судьи в тех случаях, когда существовала угроза национальной безопасности. Это было первое ограничение демократии ради вопросов государственной безопасности, когда стало предпочтительнее узаконить запрещенные ранее действия полиции, чем позволить шпиону уйти от ответственности.

ФБР совершает много неджентльменских поступков — оно прослушивает телефонные переговоры, вскрывает почту, заставляет прислугу и родственников подозреваемых следить за ними, производит аресты без объяснений и даже, как недавно выяснилось, применяет силу для получения необходимых показаний.

Тем не менее ФБР старается поступать деликатно. Речь Гувера звучала особенно убедительно, когда он в 1960 году объяснял конгрессу действия ФБР по прослушиванию телефонных переговоров. Он заявил, что «на всей территории США прослушиваются переговоры всего 78 человек и все эти случаи связаны с проблемами национальной безопасности. ...Политика, которой следует ФБР, полностью подчиняется законам, и только в этой организации для начала прослушивания требуется письменное разрешение руководителя агентства. Важной и нужной предосторожностью можно назвать то, что прослушивание должен разрешить и Генеральный прокурор. Необходимо отметить, — говорил Гувер, — что большая часть критики в наш адрес исходит либо от самих преступников, либо от адвокатов, представляющих их интересы». Таким образом, Гуверу удалось сделать ФБР эффективной контрразведывательной организацией, несмотря на все его жалобы о

несовершенстве законов. Он достиг этого, находясь, по сути, в том же положении, в котором не удержалось ЦРУ. Агентство Гувера никогда не обвиняли во вмешательстве в политические вопросы. Его критиковали за секретность, удаленность от общества, но ФБР никогда не оказывалось в таком же положении, как и ЦРУ.

В одном из интервью, отвечая на вопрос о политике, Гувер сказал: «ФБР не определяет политику, ничего не рекомендует, основываясь на информации, полученной в результате расследований. ФБР, с того момента как я возглавил агентство в 1924 году, строго придерживается своих задач, которые заключаются в поиске информации».

Секретность в ФБР касается главным образом его действий. Нельзя предавать огласке расследуемые дела до тех пор, пока не выявлены все обстоятельства. Не подлежит разглашению и то, что происходит внутри самой организации, во многом благодаря положению Гувера, о котором сложилось мнение как неподкупном человеке, стоящем во главе неподкупного бюро расследований. Большая часть критики методов, которыми пользуется в своей работе ФБР, исходит от радикальных левых и правых партийных организаций.

В 1940 году Гарри Бриджес, возглавлявший Комитет по обороне, назвал Гувера Гитлером в миниатюре. В 1939 году издательство «Пелли» (Северная Каролина) выпустило книгу антисемитского содержания, в которой были следующие строки: «Предпринимаются определенные попытки признать преступлением чтение и распространение антисемитской литературы, как это сделано в Советской еврейской России. Офицеры ФБР уже начинают действовать, как агенты ОГПУ».

Нерушимость служебной позиции Гувера говорит о том, что он нашел точки соприкосновения между требованиями своей профессии и свободного общества.

Можно, однако, считать возмутительными преграды, которые защищают эти точки. Подобная защита появилась после мощнейшей рекламной кампании, в результате которой часть американцев считает Гувера единственным человеком, защищающим их от коммунизма, а другая — тем, кто уничтожил организованную преступность в США. Эта кампания создала ФБР образ идеального агентства. Тем не менее оно далеко от совершенства, но не похоже

на аналогичные ведомства социалистических стран. Эта организация не решает проблему эффективной работы в условиях свободного общества. Она сама дитя этого общества, зависящая от его мифов и слабостей. Существует целая пропасть между общественным восприятием ФБР и реальным положением вещей.

С другой стороны, ЦРУ высмеивают со всех сторон, начиная с конгресса США и заканчивая советским писателем И. Эренбургом, который однажды написал в «Правде», что, «если бы шпион Аллен Даллес и попал по чьей-то рассеянности в рай, он бы и там начал взрывать облака, минировать звезды и охотиться за ангелами». Несколько позже московское радио говорит о «глубоком дне, где скрывается черный осьминог ЦРУ». ТАСС так сообщал о речи Даллеса перед группой ветеранов: «Он представлял собой взрывоопасную смесь лжи, бессильного гнева и беспомощной ярости. Мы не знаем, как суперагент Аллен Даллес закончит свои дни, но на лице его несомненно видны симптомы тяжелой болезни».

В Соединенных Штатах ЦРУ подвергается критике прессы и конгресса по трем причинам: за секретность и свободу от контроля правительства, за попытки влиять на политику и за поддержку реакционных групп в иностранных государствах.

В отличие от ФБР ЦРУ не нужно сообщать о своем бюджете, количестве служащих или операциях, проводимых агентством. В заявлении разведывательного управления США для прессы говорится: «Только в целях защиты национальной безопасности, как того требует закон, ЦРУ не подтверждает и не опровергает сообщения, которые появляются в прессе, независимо от их характера, никогда не объясняет структуру организации, не раскрывает имена людей, входящих в нее, за исключением руководителей управления, и никогда не раскроет ни свой бюджет, ни методы работы, ни источники информации. Хотя ЦРУ не обладает правом вызвать человека в суд или арестовать его, как это делает ФБР, в запасе у агентства есть более необычные средства, придающие репутации ЦРУ оттенок оккультности. Эти средства были предоставлены ЦРУ Законом о Центральном разведывательном управлении от 1949 года, который содержит, в частности, следующие положения:

1. В том случае, если директор Управления, Генеральный прокурор или комиссар по иммиграции сочтут въезд подданного враждебного государства в США с целью постоянного проживания полезным для национальной безопасности или для дальнейшего развития разведывательных действий, данному гражданину и членам его семьи необходимо предоставить разрешение на въезд в США без учета законов об иммиграции. Ежегодное количество получающих вид на жительство в США по данному закону не должно превышать 100 человек, включая членов их семей.

2. Ассигнования, выделяемые агентству, могут быть использованы без учета законов, регулирующих расходы правительственных фондов, а в случаях, носящих секретный или чрезвычайный характер, использование этих средств должно происходить с разрешения директора, для чего необходимо подать заявление на выдачу указанной суммы.

Благодаря подобным правовым льготам, позволяющим скрывать часть своей деятельности, ЦРУ удается избежать комиссий сената. Конгресс пытался создать комитет, который бы контролировал работу ЦРУ. Комиссия, созданная для этой цели в 1956 году, пришла к выводу, что «едва секретность становится неприкосновенной, как тут же начинаются злоупотребления ею. Тайна сейчас закрывает все, что касается ЦРУ... Форма управления в нашем государстве основана на системе балансов. Если всего один элемент выйдет из-под контроля, может быть нарушена вся система, открывая, таким образом, путь тирании».

Аллен Даллес, однако, уже ответил на это заявление в своем интервью газете «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт». Он сказал: «Любое расследование, будь то проведенное конгрессом или другой организацией, которое оканчивается разглашением наших тайных действий или информации о наших служащих, помогает потенциальному противнику так же, как и прямое внедрение в наши ряды.

Если бы было необходимо вдаваться в детали операции перед всеми комиссиями, довольно быстро исчезла бы безопасность наших действий. Нельзя управлять разведывательным агентством, основываясь на подобных принципах. Во всем мире нет ни одной такой разведывательной организации. В разведке некоторые вещи приходится при-

нимать на веру. Нужно изучить человека, который возглавляет организацию, и результаты, которые он получает. Если вы никому не доверяете или не видите результата, вам нужно менять руководителя данного Управления».

На самом деле ЦРУ работает под множественным правительственным контролем. Во-первых, оно подотчетно президенту, который проверяет деятельность разведывательного управления с помощью совета консультантов по вопросам внешней разведки. Комиссия, в которой работал отец Кеннеди, путешествовала по миру, сообщая президенту о результатах тайных операций ЦРУ. Во-вторых, оно подконтрольно Совету национальной безопасности, состоящему из президента, вице-президента, директора ЦРУ, министров иностранных дел, обороны и финансов. Управление действует согласно директивам, полученным от президента и Совета национальной безопасности, также должно отчитываться перед четырьмя комиссиями конгресса, комиссиями сената и палаты представителей по вооруженным силам и ассигнованиям. В каждом из этих органов существует подкомитет, занимающийся ЦРУ. Представители ЦРУ выступали и перед другими комиссиями, включая Комитет сената по расследованию антиамериканской деятельности и международным отношениям. Однако количество конгрессменов, знающих все секреты, остается минимальным. Генерал-лейтенант С. П. Кэйбл, заместитель директора ЦРУ, утверждал в письме сенатору от штата Монтана Майку Мэнсфилду, что «об ассигнованиях, предоставляемых ЦРУ, знает не более пяти человек в каждой палате».

Один из знавших обо всем сенаторов, Ричард Рассел из Джорджии, отмечал, что отношения между Даллесом и этими сенаторами были радушными, но иногда и пугающими. Рассел говорил: «Хотя мы спрашивали Даллеса о таких действиях, от которых мороз идет по коже, он всегда отвечал прямо и открыто на любые вопросы».

Некоторые конгрессмены в частных беседах признают, что они предпочли бы не знать о делах ЦРУ, потому что их репутация в глазах избирателей может упасть из-за провалов операций управления. Из достоверных источников стало известно, что, когда разразился инцидент с самолетом У-2, ни один конгрессмен не знал полностью программы и задач этого полета.

Обвинения в том, что ЦРУ влияет на политику, были отвергнуты Даллесом в тех выражениях, которые в свете последних событий приобрели негативный оттенок. Назначение самого Даллеса на пост в ЦРУ произошло в основном из-за докладной записки, представленной им в 1947 году конгрессу во время обсуждения Закона о национальной безопасности, а также благодаря его работе в комитете, внесшем в этот закон несколько поправок. Ныне покойный генерал Уолтер Беделл Смит, возглавлявший в то время ЦРУ, вызвал к себе Даллеса и сказал: «Если Вы написали этот чертов доклад, то именно Вам придется воплощать его в жизнь».

Вот о чем говорил Даллес в своей докладной записке:

«Центральное разведывательное управление не должно иметь ничего общего с политикой. Оно должно предоставлять факты, основываясь на которых другие люди будут определять политический курс. Донесения, в которых говорилось о подготовке атаки на Пёрл-Харбор, отвергались теми, кто знал, что Япония обязательно нанесет удар в каком-либо месте. Гитлер также высмеивал донесения о нашей высадке в Северной Африке, так как был уверен, что у нас не было для этого кораблей. Невозможно создать систему, которая могла бы победить человеческое упрямство, свойственное всем без исключения людям. Все, что мы можем сделать — это позаботиться о создании механизма, с помощью которого собранные нами факты попадали бы прямо к политикам, и желательно вовремя».

Сэр Уинстон Черчилль был одним из государственных руководителей, кто предпочитал донесения конкретных разведчиков информации, обработанной спецслужбами. Весной 1941 года он узнал, что германские танковые дивизии передислоцировались из Франции в Польшу, и предупредил Сталина о возможном нападении на СССР. Но советский руководитель счел это «английской провокацией» и оказался не готов к вторжению немецких войск в июне.

Черчилль объяснил свою позицию в подобных вопросах в 1939 году, выступая в палате общин: «Мне кажется, что министры особенно сильно рискуют тогда, когда решают обрабатывать информацию, полученную разведывательным департаментом, а также тогда, когда они при-

дают значение только той информации, которая совпадает с их искренним и достойным уважения желанием сохранить мир на земле».

После кубинских событий может показаться, что президент Кеннеди и его советники придавали вес только той информации, которая согласовывалась с их «искренним и достойным уважения» желанием свергнуть режим Кастро.

По существу, ЦРУ начало управлять политикой наравне с Государственным департаментом в результате определенных операций. Это больше, чем просто разведывательное управление, оно противостоит распространению коммунизма на весь мир. Разведка Советского Союза не занимается обращением народов в другую веру, ее задача — поддерживать режимы левого толка, рабочее движение и т. п. С 1956 года, когда был распущен Коминформ, не стало специализированного советского агентства, занимающегося активной пропагандой международного коммунизма и влияющего на политические процессы, происходящие в разных странах. Хотя под руководством ЦК партии именно это является неотъемлемой частью советской внешней политики. Как может при этом ЦРУ не оказаться прямо в центре событий, поддерживая антикоммунистические режимы, скажем, Лаоса, Ирана или Гватемалы?

Трудно понять, как в самом Даллесе сосуществуют утверждения о непричастности его ведомства к политике и сделанное им в 1954 году заявление, что ЦРУ было «серым кардиналом» нескольких антикоммунистических режимов.

Ниже процитировано уникальное интервью Даллеса газете «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», показывающее, что разведуправление с самого начала своей работы было уполномочено бороться с Коминформом.

«В о п р о с . Является ли вашей задачей начинать революции в этих странах?»

О т в е т . Позвольте мне так ответить на этот вопрос. Советский Союз вовлек в холодную войну весь свободный мир, используя при этом все методы, какие может предоставить коммунистическая изобретательность. Советы выстроили целую сеть «передовых организаций» — ассоциаций молодежи, юристов, женщин, а также Коминформ. Они внедряются и контролируют основные профсоюзы Франции, Италии, Индонезии и других стран.

В о п р о с. А некоторые из наших...

О т в е т. Во многих странах существуют сильные политические партии, возглавляемые коммунистами, и СССР использует эти партии в своих целях, пытаясь начать мировую революцию. Все эти движения создают угрозу стабильности в мире. Подобная угроза появляется уже и внутри НАТО. С нашей стороны было бы недальновидно не помочь нашим друзьям за границей сделать все возможное для противостояния разрушительному движению коммунизма».

Позднее мы узнали, что «все зависит от выбора друзей».

Интерес представляет тот факт, что в послевоенные годы, когда ЦРУ распространило свою деятельность на весь мир, СССР прекратил использовать идею международного коммунизма в целях шпионажа. Бывший колыбелью шпионов Коминтерн, которым фактически руководили спецслужбы Сталина, был распущен в 1943 году, а в 1947 году был образован Коминформ.

Автор книги «Международный коммунизм и мировая революция» Гюнтер Ноллау (офицер западногерманской разведки) пишет: «За девять лет существования Коминформа во всем мире не было арестовано ни одного агента этой организации. Не был конфискован ни один паспорт, который был бы подделан Коминформом. Следует ли думать, что эта организация работает настолько скрытно, что действия ее до сих пор не раскрыты? Если так, то это единственная разведывательная служба, достигшая таких результатов. За период времени с 1947 по 1956 год в Западной Европе задерживались сотни советских, польских, чешских и венгерских агентов, но не был арестован ни один сотрудник Коминформа. Почему? Ответ прост: у Коминформа нет агентов».

Хотя руководители советских разведывательных организаций (МВД и КГБ) занимают высокое положение в партии, по мнению специалистов, они играют всего лишь второстепенную роль в формировании политического курса. Все еще не исчезла тень Л. Берии, пытавшегося использовать свой пост главы МВД в заговоре после смерти Сталина. Берия, один из четырех заместителей Председателя Совета министров, имел огромную власть и влияние в политических кругах. Под эгидой Берии был изменен Уголовный кодекс, были амнистированы многие полити-

ческие заключенные. Его падение привело к разрыву между шпионажем и спецслужбами с одной стороны и политикой — с другой.

Советскому шпионажу, несмотря на его распространенность, пришлось бы потрудиться, чтобы сравняться с США по количеству стран, во внутреннюю политику которых вмешивалось ЦРУ. Самые яркие эпизоды приведены ниже.

1950. ЦРУ создает организацию Вестерн Энтерпрайзиз Инкорпорейтид, служащую прикрытием для китайских националистов, совершающих набеги на побережье.

1951. ЦРУ поддержало партизанские отряды китайских националистов, которые после победы коммунистов обосновались в Северной Бирме.

1952. ЦРУ поддержало заговор, в результате которого был свергнут король Египта Фарук, а его место занял Гамаль Абдель Насер.

1953. ЦРУ поддержало заговор, изгнавший из Ирана премьер-министра Мохаммеда Моссадыка, на место которого пришел шах Мохаммед Реза Пехлеви.*

1953. ЦРУ создает независимую разведывательную организацию в Западной Германии под руководством Райнхарда Гелена, начальника разведки при Гитлере. Гелен отправлял агентов в Восточную Германию во время волнений 1953 года.

1954. ЦРУ поддерживает полковника Карлоса Кастильо Армаса в свержении прокоммунистического режима Хакобо Арбенса Гусмана.**

1955. ЦРУ строит подземный туннель в Восточный Берлин, чтобы прослушивать переговоры советской стороны.

1956. ЦРУ и агенты Гелена поставляют оружие патриотам Венгрии во время венгерского восстания.

1958. ЦРУ ускорило военное вторжение в Ливан и сыграло решающую роль в отправке туда 6-го флота США.

1960. ЦРУ поддержало лаосского генерала Фуоми Носавана. Однако Фуоми оказался слишком непопулярным, что обременило ЦРУ еще одним провалом.

1961. Куба.

* Довольно произвольная интерпретация событий; монарх едва ли «пришел на место» премьер-министра. (Прим. ред.).

** Речь идет о свержении в июне 1954 г. законно избранного президента Гватемалы. (Прим. ред.).

Из этой краткой хроники десяти напряженных лет видно, что ЦРУ неоднократно превышало свои полномочия.

Во-первых, управление давало рекомендации Совету национальной безопасности; во-вторых, оценивало разведывательную деятельность, связанную с национальной безопасностью; в-третьих, оказывало услуги существующим разведывательным службам.

Четвертая функция ЦРУ появилась, как может показаться, в качестве лазейки, позволяющей делать все, вплоть до убийства Хрущева. Формулировка этой задачи такова: «ЦРУ будет выполнять и другие поручения Совета национальной безопасности».

Вспомнив, что ЦРУ приложило руку ко всем крупным переворотам последних десяти лет, его с трудом можно назвать «агентством по добыче информации», как сказал Даллес. Таким агентством можно назвать ФБР — оно расследует что-либо и о результатах сообщает в Министерство юстиции. ЦРУ же делает гораздо больше, действуя по собственным рекомендациям с согласия президента и Совета национальной безопасности.

Катастрофа, к которой может привести подобная привилегия, ясно видна на примере кубинских событий. 18 апреля штурмовая группа достигла болотистого берега залива Плайя-Хирон и закрепилась там. Через два дня Кастро объявил, что операция провалена. Неудачу списывали на четыре основные причины: во-первых, население Кубы не поднялось на восстание против Кастро; во-вторых, высадка на болотистый берег была стратегической ошибкой; в-третьих, воздушная поддержка со стороны США была отменена приказом президента Кеннеди в последнюю минуту; в-четвертых, затонул корабль с оборудованием для связи, предназначавшимся для повстанцев. В результате известно, что ЦРУ поддержало группы кубинских реакционеров в ущерб более могущественным силам, что оно назначало своих лидеров и что управление очистило группы от нежелательных элементов.

В мае 1961 года Даллес сказал корреспондентам журнала «Ньюсуик», что он признал поражение на Кубе. Объясняя это, он добавил: «Они были настроены сражаться с Кастро. Должны мы были отказать им? Или сказать

им «еще рано» или «уже поздно»? Или мы должны были сказать «это бесполезно»?.

В частных разговорах офицеры ЦРУ не берут на себя всей ответственности за провал на Кубе, указывая на «недостатки исполнительной власти». Один из служащих ЦРУ сказал автору этой книги: «Донесения нашей разведки говорили не о том, что население поднимется против Кастро, а о том, что люди будут выжидать, перед тем как принять решение. Внутри отрядов, которые мы готовили, были конфликтующие группы и очень много споров. Нам пришлось создавать однородный ударный отряд, а чтобы сделать это, нам нужно было одних отстранить, а других привлечь. План нападения предполагал участие авиации для подавления артиллерии и танковых бригад Кастро. Но в последний момент Кеннеди решил, что это был бы слишком смелый шаг, и поддержка с воздуха была отозвана.

Слишком плохо была спланирована военная часть операции. Все средства связи находились на одном корабле, и когда он затонул, все высадившиеся группы остались без связи. Когда Айк* узнал об этом, он сказал, что существует правило распределять средства связи на несколько кораблей, чтобы уцелел хотя бы один комплект. Стратеги выбрали Плайя-Хирон, потому что небольшой отряд невозможно уничтожить в болотах. Как оказалось, единственным выходом из болот была грязная тропа и железнодорожная ветка, в конце которых нападавших ждали войска Кастро.

Мы не отрицаем своей роли в этом, — сказал этот офицер, — но нам не нравится, когда на нас сваливают ошибки других».

Так как ЦРУ участвовало во всех остальных интригах, каждый новый переворот стал автоматически связываться с этой организацией. В любой части мира, если подает в отставку министр или побеждает военная хунта, огненная надпись на стене обвиняет в этом ЦРУ, и это подогревается публикациями в коммунистической прессе СССР, Франции, Великобритании.

Через день после отставки бразильского президента

* Имеется в виду бывший президент США Дуайт Эйзенхауэр. (Прим. ред.).

Хуано Куадроса в августе 1961 года ТАСС в одном из своих сообщений намекнул на причастность к этому ЦРУ. Из этого же источника следует, что конфликт в Израиле также разгорелся по вине ЦРУ. Однако самым серьезным обвинением такого рода стал переворот, осуществленный в апреле 1961 года группой французских генералов в Алжире. Частично из-за того, что французские власти долго не опровергали слухи, а частично из-за того, что операция была хорошо спланирована, нарастает уверенность в том, что генерал Морис Шайе решился на свержение Шарля де Голля, только заручившись поддержкой ЦРУ.

25 апреля, в самый разгар путча, этот слух появился в «Правде». Постоянная колонка на первой полосе газеты обвиняла алжирских повстанцев в получении помощи от ЦРУ и от союза Даллес—Салазар—Франко.

«Правда» ссылалась на итальянскую газету «Паяц», в которой часто появляются антиамериканские материалы. Этого было достаточно, чтобы придать подобному слуху огромный резонанс. Вслед за «Правдой» новость повторил ТАСС, затем радиостанции в Каире и Гаване донесли ее до Ближнего Востока и Латинской Америки. 26 апреля такое же обвинение появилось в газете «Либерасьон». В Вашингтоне слух был подхвачен сотрудником тунисской газеты. Через три дня слух уже пробудил тревогу серьезных изданий.

28 апреля парижская газета «Ле Монд», установившая тесный контакт с МИД Франции, попросила сотрудника Ке д'Орсе опровергнуть существующую информацию. Это было как раз тогда, когда генерал де Голль был оскорблен предложением президента Кеннеди помочь в решении сугубо французской проблемы. В Париже знали, что между агентами ЦРУ и повстанцами было несколько контактов на неофициальном уровне. У ЦРУ не было корыстных целей в этом деле. Его агенты просто собирали информацию и были уверены, что восстание рано или поздно начнется. Командиры американских военных сил во Франции были предупреждены о возможности нападения путчистов на базы США и получили приказ оказывать сопротивление. В случае подобных атак на аэродромах американских ВВС нужно было подготовить препятствия для вражеских парашютистов. Тем не менее МИД Франции, хотя и был уверен, что ЦРУ не было замешано в путче, не оценил должным образом слухи об участии американской разведки в восстании и не опроверг их.

Не опровергла слухов об участии ЦРУ в алжирском кризисе и «Ле Монд», что было похоже на канонизацию еретика. Дипломаты и пресса социалистических стран могли ссылаться на нее как на достоверный источник. У официального Парижа требовали документы, подтверждающие вмешательство ЦРУ. Из Вашингтона поступали сообщения, что один из членов правой партии Жак Сустель встречался с офицером ЦРУ Ричардом Бисселом. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала ничем не обоснованное утверждение, что «на встрече, проходившей 12 или 13 апреля в Мадриде, агенты США заверили генерала Рауля Салана, одного из мятежников, в том, что Соединенные Штаты в случае успеха восстания признают новое правительство Франции в течение двух суток, при условии, что не будет нападений на Тунис и Марокко».

Не многие французские газеты смогли уберечься от обвинений и недомолвок. Газета «Фигаро» писала в то время: «Американские секретные службы? Что ЦРУ может предложить заговорщикам помимо словесной поддержки? Самое большее, США помогут повстанцам благодаря своему влиянию на некоторые сферы жизни». Тем временем французское правительство все еще вело себя как обиженный ребенок. Министр иностранных дел Морис Кув де Мурвиль сам дал повод для слухов в частной беседе с американским журналистом. Когда посольство США в Париже объявило протест, Франция начала менять свои взгляды. Уолтер Липпман, видевший генерала де Голля накануне путча, отмечал, что «единственной причиной того, что французская сторона впоследствии не оправдала полностью США, является ее недовольство вмешательством ЦРУ во внутреннюю политику страны. Это недовольство, оправдано оно или нет, вызвано законом о ядерном оружии, принятию которого пытались воспрепятствовать агенты ЦРУ». Французы, как и многие другие, связали одно обвинение с другим.

Газета «Нью-Йорк таймс» не могла решить, что ей делать с этим слухом. Ее обозреватели разделились на два лагеря. Джеймс Рестон писал в репортаже из Вашингтона, что ЦРУ «оказалось вовлеченным в весьма шекотливые отношения с людьми, которые начали восстание». На той же странице, но в другой день, был опубликован репортаж С. Л. Сульцбергера, называвшийся «Время опровергнуть грязные слухи». Ниже приведен фрагмент этого материала.

«Ни один американец не встречался с лидерами повстанцев. Генерал Смит, военный атташе во Франции, был в Алжире в обычной деловой поездке. После начала мятежа он скрылся на территории Сахары. Мятежников не видели и представители консульств США. Был всего один косвенный контакт, когда руководитель швейцарского дипломатического корпуса потребовал предоставить ему свободу передвижений.

Ни один агент ЦРУ не встречался с членами хунты. Как и французское правительство, ЦРУ знало, что готовится еще один заговор, чтобы избежать мирных переговоров в Алжире. Но, как и спецслужбы Франции, управление не знало времени выступлений. Помимо этого ЦРУ занималось только сбором информации».

Это утверждение не подвергалось сомнению даже во французском правительстве. Всего один раз ЦРУ не заняло ничьей стороны и успешно занималось разведывательной деятельностью. Но слухи часто повторяются, что и подтвердилось уже спустя два месяца после мятежа. Фред Кук, написавший в газете «Нэйшнл» статью о ЦРУ, говорил, что «высшее французское руководство уже закрыло алжирский инцидент, но забыло при этом оправдать ЦРУ. Именно это оставляет неприятный привкус, от которого очень трудно избавиться».

Последний пункт, по которому ЦРУ подвергается критике, основан на постоянной поддержке агентством реакционных режимов. Уолтер Липпман доказывал, что поддержка ЦРУ правых сил в развивающихся странах не только не помогает Западу победить в холодной войне, а, наоборот, вынуждает его занять оборону. Он писал:

«Я бы отважился поспорить, что причина, по которой мы во многих странах только обороняемся, заключается в том, что около десяти лет мы делали именно то, чего от нас ожидал Хрущев. Мы использовали деньги, оружие для укрепления национальных правительств, которые, во имя борьбы с коммунизмом, противостоят всем важным переменам в жизни общества. Это именно то, что провозглашают идеи Хрущева — коммунизм должен быть единственной альтернативой существующему порядку, которому присущи бедность с одной стороны и привилегии высшего класса — с другой».

Журнал «Нью-Йоркер» отмечал постоянство, с которым разведка делала ставки не на тех людей, начиная с меньшевиков в России в 1919 году и заканчивая сторонниками Батисты на Кубе в 1961-ом. В 1919 году этот журнал писал: «После переговоров с надежными источниками разведывательные службы были уверены, что русские мужики понесут дары возвращающимся господам, которых они до этого изгнали из страны».

. Во время Второй мировой войны традиция была продолжена, когда УСС в роли освободителя Франции видело генерала Анри Жиро, а не генерала де Голля. В итоге «Нью-Йоркер» пришел к выводу, что все эти годы американской разведкой управляет некий «старик в склепе», скрывающийся в укромном месте. После кубинских событий журнал писал: «Раньше говорили, что не нужны враги, если твой друг венгр, но вполне возможно, что теперь сеньор Кастро решит, что ему не нужны друзья, потому что враг у него — ЦРУ».

Все изъяны ЦРУ становятся явными из-за того, что управление работает в открытом обществе. Оно заходит так далеко в своей готовности встретить советскую угрозу, что к нему приклеили ярлык «невидимого правительства», действующего без народного мандата и без какого-либо контроля. Советская разведка, с другой стороны, никогда не подвергается общественной критике за провалы и издержки, и даже если к офицерам спецслужб применяются репрессии, секретные организации вновь набирают силу. Советская разведка действует в сердце системы, в которой секретность — воздух, которым ты дышишь, а заговор — земля, по которой ты ходишь. Советские разведывательные службы нельзя критиковать за то, что они заходят слишком далеко, так же как и коммунистическую партию нельзя критиковать за то, что она единственная в стране. Традиции советских спецслужб и разведки зародились еще во времена царей, а разведка США — дитя холодной войны.

2. ВЗГЛЯД НАЗАД

В настоящее время Соединенные Штаты и Советский Союз считают могущественные разведывательные организации жизненно важными для национальной безопасности. В России тайные службы и разведка процветали веками, и именно на них основано выживание советского режима. Хрущеву так же нужен Комитет государственной безопасности, как российским монархам была необходима охранка (секретная полиция). Дух скрытности и правительства, построенные по принципу матрешки, были в России во все времена начиная с Петра I. Соединенные Штаты, с другой стороны, прекрасно обходились без органов разведки вплоть до создания ЦРУ в 1947 году.

Один из самых необычных результатов холодной войны заключается в том, что две системы, противопоставленные друг другу временем, в итоге стали практически родственными.

Советская система считает шпионаж, подрывную деятельность и заговор неотъемлемой частью руководства страной, а скрытность и жестокость необходимыми методами работы. Американская система характерна неприятием шпионажа и секретности, а также осуждением того, что некоторые меры, принимаемые правительством, несут на себе отпечаток аморальности. Сталин, однако, считал абсолютно нормальным сказать на XVIII съезде партии буквально следующее: «Сейчас наши карательные органы и разведка занимаются исключительно внешними врагами». И после этого он похвастал тем, что советские агенты действовали настолько эффективно, что любая военная победа зависела только от «нескольких шпионов, внедрившихся в командование армии и имеющих доступ к оперативным документам».

Всего за одиннадцать лет до такого откровенного признания Государственный секретарь Генри Л. Стимсон узнал к своему ужасу, что в его ведомстве было криптографическое бюро. Он приказал закрыть бюро, уволил его основателя и руководителя Герберта О. Ярдли и, как говорят, сказал, что «джентльмены чужих писем не читают».

Мистер Стимсон скорее всего не знал, а может, и не хотел знать, что спецслужбы России всегда считали чтение чужой корреспонденции обычным явлением. А. Т. Васильев, бывший главой царской охраны в начале двадцатого века, в своих мемуарах подчеркивал следующее: «Благодаря этой цензуре Россия спасла себя от множества ограблений, убийств и терроризма. Преимущества подобной системы достаточно очевидны, в то время как о недостатках можно вообще не упоминать. Добропорядочному гражданину не нужно опасаться цензуры, потому что частная информация обычно игнорируется читающими».

Такая «защита» могла появиться только в той стране, в которой руководители, опирающиеся на полицейские силы, не допускали даже возможности говорить о правах личности; в стране, настолько пропитанной духом секретности, что если бы сотрудники МВД арестовали человека среди белого дня на улице Горького, то этому никто бы не удивился.

Человек, в честь которого названа эта улица, с горечью признавал, что жестокость — национальная черта русских. Но даже жестокость может быть институтом власти. Петр Великий, объединивший Россию и сделавший очень много для того, чтобы она была похожа на западные государства, перенял у Пруссии особый метод наказания преступников — колесование. В дальнейшем страна отказалась от подобного варварства. Напоминанием о жестоких, давно минувших веках служит один из залов в Музее революции. На выставке, которой гордятся так же, как и лондонским Тауэром, представлены кнуты, булавы, плетки с гвоздями, целая коллекция оков разных моделей и размеров и прочих инструментов, служивших для вырывания ногтей и т. д.

Однако те, кого недавно освободили из советских тюрем, могут показать, что пыточные инструменты не используются не потому, что их запретили, а потому, что методы стали изощреннее. Эрика Глейзер Уоллок, проведен-

шая пять лет (с 1950 по 1955 год) в советских тюрьмах и лагерях, так описала обращение с заключенными:

«Один из главных методов — не дать человеку спать. Меня могли вызвать на допрос в 11 часов вечера и не отпустить вплоть до четырех-пяти утра... Мне приходилось стоять часами только из-за того, что я сказала что-нибудь, что им не понравилось... в дневное время мои охранники делали все, чтобы я не спала. Если я засыпала, они заставляли меня ходить по камере. Я ходила до тех пор, пока у меня не слипались глаза, тогда я просто садилась, меня снова поднимали, и так проходил день. Я не могла умыться. В той тюрьме я провела около двух недель, и мне ни разу не разрешили помыться, хотя я была ужасно грязной. Меня посадили в специальный карцер на шестнадцать дней, предварительно раздев и оставив только мужское нижнее белье. Камера просматривалась со всех сторон, я лежала на каменном полу, руки были скованы наручниками за спиной. Меня кормили раз в четыре дня, и там было очень холодно».

Подобное обращение в течение долгого времени ломает сопротивление человека не хуже царских пыточных принадлежностей.

Методы старой полиции постоянно оттачиваются, хотя, вопреки революции 1917 года, сама традиция не исчезла. Можно превратить аморфные массы людей в организованный пролетариат, свергнуть режим, изменить общество, но секретные службы, которые связывают большевизм и царизм, уничтожить нельзя.

Николай I был человеком, создавшим в начале XIX века так называемую жандармерию, чьей целью была тотальная слежка за обществом. Во времена царизма все методы, которые применялись шпионами, были направлены против собственного народа. Третье отделение этой организации имело такую же дурную славу, как и нацистское гестапо — у него было право арестовывать людей и держать их в тюрьме без судебного разбирательства. В 1890 году жандармерию сменила охранка, это было первое изменение, произошедшее в секретной службе. Потом подобные организации очень часто меняли названия. Охранка уступила место ЧК (1917–1922), затем было ГПУ (Государственное политическое управление) и ОГПУ, в 1934 году

их сменил НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), а в 1941 году был создан НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности). Эти два народных комиссариата в 1946 году стали министерствами (МВД и МГБ).

После смерти Сталина в 1953 году Лаврентий Берия стал главой МВД, но был снят за попытку подчинить партию и правительство силовым министерствам. Многие функции МВД передали другим правительственным организациям. В 1954 году МГБ получило новое название — КГБ (Комитет государственной безопасности), что окончательно отделило его от МВД. МГБ стало отвечать за всю советскую разведку, исключая военный шпионаж, находящийся под контролем ГРУ (Главное разведывательное управление Советской армии).

Столь частая «перекройка» силовых структур говорит о стремлении их обновления наряду с чисткой состава, так свойственной коммунистической системе. Но в каждой новой организации сохранялось что-либо от предыдущей. Униформа царской охраны была синего цвета, и именно синий стал символом террора жителей России. Он им и остался благодаря синей форме работников Министерства внутренних дел. Сегодня политические заключенные находятся в тюрьме на Лубянке, на площади Дзержинского. Это серое шестиэтажное здание стоит напротив магазина «Детский мир». Бывшие пленники Лубянки (среди них были и знаменитые люди, например, пилот сбитого У-2 Фрэнсис Гэри Пауэрс) говорят, что одиночные камеры этой тюрьмы обычно сырые, без окон, в то время как в обычных камерах более удобно — в них есть кровать, стол, стул и большое зарешеченное окно. В коридорах Лубянки горят разноцветные лампы, предупреждающие о том, что идет заключенный, чтобы он не встретился с друзьями и не передал им, когда будет освобожден. Царский режим отводил для политических заключенных зловонные казематы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. А печально известные лагеря в Воркуте стали наследниками каторги, на которую царское правительство отправляло наиболее опасных членов общества.

Революция 1917 года не остановила роста советских секретных служб. Когда в результате февральских событий к власти пришел Керенский, он решил не отказываться от охраны, со всеми ее досье, а ввести в ее состав людей с

революционными убеждениями. Он опубликовал имена агентов в прессе, однако, когда его позиции пошатнулись, обратился за помощью именно к ним. Было приказано нанимать на правительственную службу специалистов охраны, потому что даже Керенский понял, что управлять Россией без секретной полиции так же невозможно, как и готовить хлеб без муки.

После Октябрьской революции на смену пришла ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем). Эту организацию возглавил Феликс Дзержинский, поляк с профилем инквизитора, мудро перенявший методы работы охраны, начав снова использовать темные кабинеты и надзор за работой самой комиссии. В хаосе первых лет революции ЧК процветала, пользуясь неограниченной властью и став фактически четвертой, карательной, ветвью государства. Расположив свой штаб в Московском институте благородных девиц, ЧК возродила в сердцах советских граждан страх, знакомый им по былым временам. Методы остались прежними, и многие источники говорят, что и агентами ЧК стали офицеры царской охраны. В ядре нового пролетарского режима оказался червь средневекового деспотизма. Виктор Серж, участник Октябрьской революции, писал в своих воспоминаниях: «Я считаю создание ЧК одной из самых крупных ошибок правительства большевиков, потерявшего голову из-за интервенции и заговоров».

Терроризм, унаследованный от царизма, был вовсе не случаен. Он получил одобрение в самых высоких кругах. Меньше чем через два месяца после революции Лев Троцкий заявил Центральному исполнительному комитету: «Не пройдет и месяца до того, как нас захлестнет волна кровавого террора, как это было во время Французской революции. Мы должны приготовить для врагов не просто тюрьму, а гильотину». Сам Ленин сказал на съезде Советов, что партия поддерживает террор, если он направлен против эксплуататоров.

Вот как Виктор Серж описывает волну чекистского террора, последовавшего за покушением на Ленина в августе 1918 года:

«Подозреваемых вагонами увозили за город и расстреливали в полях. Сколько? В Петрограде примерно 100 — 150

человек, в Москве — от 200 до 300. Семьи расстрелянных ходили по полям, собирая то, что напоминало бы им о погибших. Позднее я встречался с одним из организаторов петроградского побоища. Он сказал мне: «Мы решили, что если народные комиссары хотят остаться гуманными, это их дело. Нашим делом было уничтожить контрреволюцию.»

Пример масштаба, с которым подавлялась контрреволюция, дается в докладе одного из лидеров ЧК Мартина Лациса, где говорится, что за первые полтора года работы (с января 1918 по июль 1919) Чрезвычайной комиссией «было подавлено 344 мятежа, в которых погибло 3057 восставших, было раскрыто 412 контрреволюционных организаций, было расстреляно 8389 человек, 9496 было отправлено в концентрационные лагеря, 34334 человека было приговорено к тюремному заключению. Общее количество арестов достигло 86983».

Это помогает понять, почему пережила царский режим следующая поговорка: «Жители России делятся на три части: те, кто уже сидел в тюрьме, те, кто сидит сейчас, и те, кто ждет своей очереди».

Из-за жестокости принимаемых мер ЧК стала таким символом ужаса, что даже руководство страны отказалось от нее и в 1922 году издало декрет, запрещающий деятельность ЧК и ее агентов*. Но на самом деле запрет коснулся лишь названия, потому что под руководством ГПУ неконтролируемые аресты и расстрелы продолжались с такой же силой.

В 1926 году умер от сердечного приступа Феликс Дзержинский. С его смертью все ясно, потому что она была естественной. В некоторых странах руководители секретных организаций окружают себя стеной компромата на политических лидеров и благодаря этому переживают смены режимов. Жозеф Фуше совершил своего рода подвиг, прослужив начальником полиции в самое беспокойное для Франции время: при Робеспьере во время Француз-

* В феврале 1922 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД). (Прим. ред.).

ской революции, при Поле Барра, руководителе Директории, при Наполеоне и при Луи XVIII. Он умер своей смертью в возрасте шестидесяти одного года, что очень неплохо для его времени и его роли в государстве.

В современной истории мы найдем пример Райнхарда Гелена, профессионального военного, возглавившего в 1942 году разведку в германской армии. Ставший в сорок три года генералом, Гелен был захвачен в конце войны американцами, но у него с собой оказались документы. Благодаря своему знанию германской разведки он возглавил шпионскую сеть, которую сначала контролировало ЦРУ, а затем правительство ФРГ. Можно спросить: какой была бы судьба Гелена, если бы в Западной Германии установился советский режим? Сумел бы он выжить в этом случае со своими документами?

В Советском Союзе, напротив, ни один из руководителей спецслужб не отличился долголетием. Сами секретные организации без изменений проходят через все политические преобразования, а их лидеры обычно оказываются жертвами реформ. Можно сравнить судьбы людей, которые возглавляли тайные службы Советского Союза, и тех, кто руководил ФБР.

Главы советских организаций и время их службы:

Феликс Эдмундович Дзержинский (1918–1926), умер от сердечного приступа в 1926 году.

Генрих Григорьевич Ягода (1926–1936), репрессирован в 1936 году.

Николай Иванович Ежов (1936–1938), репрессирован в 1939 году. Чистки этого времени называли его именем («ежовщина»).

Лаврентий Павлович Берия (1938–1953), расстрелян в 1953-м.

Сергей Круглов (1953–1956), исчез в 1956 году.

Иван Серов (1956–1959), бывший чекист, первый, кто после Дзержинского пережил отставку с занимаемого поста. Известно, что Серов занимает важную должность в разведке и одно время его называют руководителем ГРУ. В этом случае его отставку можно рассматривать как повышение.

Александр Николаевич Шелепин (1959–1961), второй человек, ушедший с поста в связи с повышением. Он был

избран секретарем Центрального комитета КПСС на XXII съезде партии в октябре 1961 года. Шелепину, протее Н. С. Хрущева, кажется, предопределена блестящая политическая карьера.

Владимир Ефимович Семичастный (1961—), самый молодой человек из всех, кто когда-либо занимал этот пост. Он выдвигенец своего предшественника и, как и Шелепин, пришел в КГБ из комсомола.

Главы ФБР и время их службы:

Стенли У. Финч (1908—1912), умер естественной смертью.

А. Брюс Беляски (1912—1919), сейчас в отставке.

Уильям Дж. Флинн (1919—1921), умер от заболевания сердца.

Уильям Дж. Бернс (1921—1924), умер от сердечного приступа.

Дж. Эдгар Гувер (1924—)*, яркий пример политического долголетия. Гуверу уже около семидесяти, но все еще занимает тот пост, который ему предложили тридцать семь лет назад. Он работал под руководством шести президентов, из которых трое были республиканцами (Кулидж, Гувер, Эйзенхауэр), а еще трое — демократами (Рузвельт, Трумэн, Кеннеди).

Учитывая тот риск, на который идет человек, принимая повышение по службе, удивляет то, что в советских спецслужбах нет проблем с набором кадров. В принципе, одним из пунктов, из-за которых КПСС чаще всего критикует секретные организации, можно назвать то, что они часто привлекают на свою сторону самых сомнительных членов общества. Еще комиссии, работавшие с ЧК, отмечали, что в «ее рядах очень много преступников, садистов и подобных им людей», которых все больше развращают неограниченная власть и кровавые методы работы. Сам Ленин допускал, что в рядах ЧК очень много «странных личностей».

Большевистский режим начал заниматься внешней разведкой сразу, как только был установлен. Шпионские

* Умер в 1972 г. На посту директора ЦРУ оставался в течение 48 лет. (*Прим. ред.*)

сети работали главным образом в тех городах, которые приняли основной поток эмигрантов из России, — например, в Париже и Берлине. Отдел внешней разведки был создан по инициативе Ф. Э. Дзержинского в 1921 году. Агенты ЧК следили не за правительствами, а за развитием антикоммунистических настроений. Ранний период этой работы, как писал Дэвид Даллин в своей авторитетной книге «Советский шпионаж», был «исключительно оборонительной операцией — борьбой с контрреволюцией», которую нужно было вести за советскими границами.

Вскоре, однако, пришло время начинать разведку, направленную уже против государств. Министерство иностранных дел создавало «официальную» сеть, в которой дипломаты были одновременно и агентами, добывающими секретную информацию. Лев Троцкий создал еще одну шпионскую сеть, под руководством Народного комиссариата обороны. Таким образом, уже в 1921 году существовали разведывательные организации, которые работают и поныне, только под другими названиями.

Переход от оборонительной функции к общему шпионажу демонстрировали попытки проникнуть в США, где не было больших групп эмигрантов из России.

Григорий Беседовский, бывший советский агент, писал, что в 1926 году он был отправлен в США представителем советского торгового агентства «Амторг» (которое и сейчас работает в Нью-Йорке). Его начальником был сотрудник ГРУ, рассказавший, что в США существовали две незаконные агентурные сети, штабы которых располагались в Нью-Йорке. Резидентом был человек, которого называли Филин, гражданин Польши, работавший по легенде бизнесмена. Беседовский говорил:

«Представители Наркомата обороны приезжали в США со списками товаров и технологий, необходимых для военных организаций СССР. Они снабжали Филина инструкциями из центра и увозили в Москву информацию, добытую им или его людьми. Берзин (руководитель ГРУ) с презрением отзывался об американской полиции, которая на таможне не досматривала багаж военных представителей».

Презрение Берзина обычно для российского мышления, которое противопоставляет прагматизм, хитрость и

упорство советского тоталитаризма и наивность, застой и либерализм американской демократии. Сеть советского шпионажа, созданная практически одновременно с самим режимом, распространилась по всему миру как сорное растение. Она развивалась без всякого контроля, несмотря на войны и союзы, и во многом благодаря безразличию стран, в которых ее агенты работали. Говорят, Сталин был огорошен, когда узнал, что любой человек мог приехать в США и получить гражданство через пять лет проживания там. Он сказал следующее: «Если так, то почему бы нам не отправить туда пять тысяч человек, чтобы они ждали момента, когда будут нужны нам».

Руководство бойца Красной Армии говорит, что «разведка будет вестись постоянно». Так и было в более чем сорокалетней истории Советского Союза. Шпионаж угрожал своей непрерывностью, не учитывая ни внутренних, ни внешних перемен. Он продолжался и во времена нэпа, и во время заключения пакта о ненападении между СССР и Германией. Он был направлен и на врагов, и на союзников, пользуясь убеждением, что, как считали его адепты, никто не следит за своими друзьями.

Шпионаж не прекращался даже во время чисток, сотрясавших основание спецслужб, когда агенты знали, что вызов домой мог означать только арест и расстрел.

Это тоже советская традиция. Секретность, саботаж и шпионаж являются основными принципами режима. По сравнению с этим история американской разведки может, на первый взгляд, не производить впечатления...

Общество, построенное на правах личности и принципе Джефферсона о том, что чем меньше правительство, тем оно лучше, искренне ненавидит все, что относится к любой секретной службе. Более того, согласно политике изоляции, провозглашенной доктриной Монро, под сенью которой США пережили Первую мировую войну, Соединенным Штатам не нужны агенты в иностранных государствах. Перед самой Второй мировой войной американцы считали шпионаж ненужной и аморальной практикой. (Хотя было и другое мнение, которое мы обсудим позже).

Любопытно, но США — государство, уверенное в аморальности шпионажа, в то же время сделало шпиона национальным героем. Но даже в истории Натана Хейла мы найдем традиционную неприязнь к шпионам. Им восхи-

щаются из-за его смерти, а не из-за профессии. С того времени историки неоднократно замечали, что солдаты отказываются от разведывательных заданий, считая их недостойными. Один исследователь писал: «Кто может уважать шпиона?»

Джон Бейкельс, автор книги «Предатели и герои», объяснил, что Натан Хейл стал шпионом после того, как лейтенант Джеймс Спрэг отказался от этого поручения, сказав, что «он готов сражаться с англичанами, но не хочет быть повешенным как собака». Последние слова Хейла искупили недостойность профессии, но армия шпионов Вашингтона из-за этого не пополнилась добровольцами.

По англосаксонской традиции у шпионов не было права на достойную смерть. Солдаты погибали в бою либо их расстреливали, шпионов же казнили через повешение. Приведем здесь историю майора Джона Андрэ, британского агента, который сдал Вест-Пойнт британским войскам. После того, как он был арестован, он написал прошение Джорджу Вашингтону, но не с просьбой сохранить ему жизнь, а с просьбой изменить способ казни. В письме говорилось:

«Стоя перед лицом смерти с осознанием того, что я служил благородным целям, я верю, что то, о чем я прошу Ваше превосходительство, а именно облегчить мои последние минуты, не останется без ответа.

Симпатии к солдату несомненно убедят Ваше превосходительство и военный трибунал изменить способ казни на подобающий человеку чести.

Сэр, позвольте мне надеяться, что из уважения ко мне Вы измените свое решение, а моя любовь к Вам станет еще сильнее, когда я узнаю, что закончу свою жизнь не на виселице».

На просьбу было отвечено отказом. Андрэ повесили через два дня после того, как он написал это письмо. Секретарь конгресса Чарльз Томсон записал в протоколе:

«...время, прошедшее от задержания майора Андрэ 23 сентября до его казни 3 октября; то, как расследовалось его дело; письма, говорящие о том внимании, с которым Его превосходительство генерал Вашингтон и другие люди отно-

сятся к нему, — все это показывает, что мы в своих поступках руководствовались не мстью. Военное время было против его просьбы, сделав невозможным то, о чем он просил».

Еще один пример, даже более показательный, — письмо генерала Израэля Путнэма британскому губернатору Уильяму Трайэну:

*«Сэр,
лейтенант королевских войск Нэтам Палмер был доставлен в мою ставку по подозрению в шпионаже, был допрошен и признан виновным, могу заверить Вас, сэр, что он будет повешен.*

Честь имею, Израэль Путнэм.

Р. С. Полдень. Он повешен».

Многие годы такое отношение к шпионам соседствовало с полным отсутствием интереса к созданию разведывательных и контрразведывательных организаций. Хотя еще в 1869 году в Министерстве финансов была создана секретная служба, она занималась в основном охраной президентов и поимкой фальшивомонетчиков. В Министерстве юстиции существовало отделение расследований, которое позднее стало ФБР. Но большинство его задач было направлено на борьбу с расцветом бандитизма, который последовал за принятием «сухого закона».

Безразличие общества и правительства к сфере шпионажа оказалось настолько сильным, что генерал-лейтенант Хойт С. Ванденберг, первый директор ЦРУ, выступая 29 апреля 1947 года перед Сенатской комиссией по вооружениям, сказал следующее: «Я думаю, можно с полной уверенностью заявить, что до самого Пёрл-Харбора в нашей стране не было таких разведывательных служб, как в Великобритании, Франции, России, Германии или Японии, только потому, что жители Соединенных Штатов не приняли бы их. Чувствуется, что в шпионаже и в разведке вообще было что-то антиамериканское. Все были уверены, что единственное условие для победы в войне — если она будет — умение стрелять. Одной из самых больших ошибок, сделанных нами до войны, стала уверенность в том, что, если Япония нападет на нас в Тихоокеанском регионе, наши вооруженные силы решат этот вопрос в течение

нескольких месяцев. Разведка сама по себе не зло, а работа в ней не должна быть оскорблением».

Руководители американских вооруженных сил оказались в беспомощном положении сразу после вступления во Вторую мировую войну, когда стало известно, что в США нет разведывательной службы. Военная разведка была настолько плохой, что вся ее информация сводилась к тому, «что мог узнать за обедом военный атташе», — так описал конгрессу сложившуюся ситуацию генерал Джордж Маршалл.*

Корпус военных атташе США состоял не из специально подготовленных офицеров, а из довольно богатых людей, которые становились цветом американского общества. В результате любая информация, которую они получали, не обрабатывалась, а самой военной разведкой пренебрегали — значимость ее функций не находила понимания. Во время Второй мировой войны покойный Эллис М. Захария, пионер военно-морской разведки, спросил у одного из адмиралов о состоянии разведывательной службы в войсках, находящихся в его подчинении. Ответ был таков: «Зачем нам это? На наших кораблях нет коммунистов».

Захария вспоминал также, что в 1942 году командующий тылом Оскар Бэдж, отвечавший за состояние портовых сооружений, на такой же вопрос ответил: «У меня лежит груз почти на 200 миллионов, готовый к отправке в Оран, а я даже не знаю, есть ли у них хоть один разгрузочный кран».

Те немногие, кто пытался бороться с безразличием, обычно проигрывали. Герберт О. Ярдли, прекрасный шифровальщик, во время Первой мировой войны работал в шифровальной комнате Государственного департамента вместе с такими же энтузиастами, как и сам. Он обратился к высокопоставленному офицеру Военной академии с предложением преобразовать весь процесс шифровки и получил следующий ответ: «Все это чепуха. Кто хоть когда-нибудь занимался этим? Во время войны с испанцами

* Маршалл Джордж Кэтлет — американский генерал, участник Первой мировой войны. С 1939 г. — начальник штаба армии США, в 1947–49 гг. — Государственный секретарь США, автор «Плана Маршалла», в 1950–51 гг. министр обороны США. (Прим. ред.).

у нас ничего подобного не было. Мы просто добавляли цифру 1898 ко всем сообщениям, а испанцы так об этом и не догадались».

Только благодаря своему упрямству Ярдли смог основать МИ-8, криптографическое бюро военной разведки, но этот предшественник Агентства национальной безопасности, которому удалось взломать шифры всех стран-союзниц, был запрещен Госсекретарем Стимсоном.

Враждебность Стимсона исключила всякий прогресс в области разведывательной деятельности в период его руководства, поэтому Дин Ачесон, сменивший его на посту, убеждал конгресс в 1945 году, что до войны в США использовались примитивные методы сбора информации.

Защита американцев от советского шпионажа была такой же несовершенной. Хотя Дж. Эдгар Гувер мог сказать, что с самого начала распознал угрозу коммунизма, его взгляды разделяли очень немногие. Когда он возглавил ФБР, никто не знал о существовании этой организации. Однажды, когда Гувер выступал перед Комиссией по ассигнованиям, один из сенаторов принял его за представителя секретной службы, которая уже обращалась в сенат за несколько дней до этого. Едва Гувер начал свою речь, этот сенатор встал и крикнул: «Вы что, опять пришли деньги просить?»

Принятие первого закона о шпионаже в июне 1917 года было вызвано участием США в Первой мировой войне. По этому закону максимальным наказанием за шпионаж в мирное время было тюремное заключение на два года и/или штраф 10 тысяч долларов. В наше время, по так называемому «розенберговскому» закону, шпионаж в мирное время карается смертной казнью.

Супруги Розенберг, которых обвиняли в похищении информации об атомных разработках, были приговорены к смерти еще по старому закону, потому что удалось доказать, что их преступление было совершено в военное время — прекрасный выход, учитывая то, что в то время СССР был союзником Соединенных Штатов. Новый закон упразднил и десятилетний срок давности в делах о шпионаже. Дело Розенбергов было для контрразведки тем же, чем был Пёрл-Харбор для военной разведки, — оно потрясло нацию, едва не доведя всех до шпиономании.

Осознание угрозы шпионажа пришло спустя двадцать

лет после того, как ничем не сдерживаемые фаланги советских агентов начали добычу информации в США. Соединенные Штаты признали СССР только в 1933 году, но коммерческое агентство «Амторг» открылось в Нью-Йорке в 1924 году, став первой базой советских агентов в Америке. Первым советским шпионом, захваченным в США, стал Михаил Горин, офицер Красной Армии, который был арестован в 1939 году. Но до этого времени агенты Советского Союза занимались своим делом без помех. Они приезжали в США по поддельным паспортам, вербовали американцев, получали неограниченную помощь от американской коммунистической партии, проникали во все области экономики и политики.

Ни в одной из стран мира не существовало для шпионов таких благоприятных условий. Были ли необходимы поддельные паспорта? Можно было просто обратиться за получением свидетельства о рождении тех людей, чьи некрологи появлялись в газетах, и по ним можно было получить паспорт. Нужны ли были сами агенты? Американская компартия в 30-е годы была достаточно сильной, чтобы выделить своих людей для «специальных поручений». Агент Гедэ Мессинг сказала Комиссии сената по внутренней безопасности: «Они не считали себя агентами и были бы очень удивлены, если бы их назвали шпионами. Они были коммунистами со специальным заданием, солдатами революции. Они были коммунистами, которых выбрали для выполнения трудного задания, и они гордились тем, что выбор пал именно на них. Они, конечно же, не считали себя агентами».

Необходимы ли были государственные секреты? По словам Уиттакера Чемберса, в период с 1936 по 1938 год в шпионаж в пользу СССР было вовлечено более семидесяти официальных лиц. Один из них, Натан Грегори Сильвермастер, служащий Министерства сельского хозяйства, возглавлял одну из самых успешных агентурных сетей. Элизабет Бентли, советская шпионка, писала, что «группе Сильвермастера удалось собрать невероятное количество информации, которую он передавал советской секретной полиции». У этой группы были очень прочные контакты в Управлении стратегических разработок. Единственным облаком в чистом небе советского шпионажа стал арест

М. Горина. Но и этот арест был не результатом контрразведывательных действий, а следствием грубейшей ошибки самого Горина.

Михаил Горин, представитель Интуриста в Лос-Анджелесе, был резидентом ГПУ на западном побережье США. Он завербовал офицера военно-морской разведки Хафиса Салича, у которого в СССР были родственники. В декабре 1938 года Горин положил секретные документы, переданные ему Саличем, в костюм, который отдал в чистку. Чистильщик может называть себя пионером американской контрразведки, потому что он отнес костюм и то, что в нем было, в полицию.

Горин и Салич были арестованы, признаны виновными в шпионаже и приговорены, соответственно, к шести и четырем годам тюремного заключения. Приговор был обжалован в 1941 году в Верховном суде, который оставил его в силе. Горин еще мог надеяться на слабость правительства, которое не осознавало ни угрозу советской разведки, ни презрение, с которым СССР относился к подобной благосклонности. Под давлением Константина Уманского, бывшего тогда послом СССР, Госдепартамент США рекомендовал суду Лос-Анджелеса изменить меру наказания для Горина. Он был освобожден при условии, что выплатит 10 тысяч долларов штрафа, оплатит судебные издержки и покинет страну в течение двух суток. Уже на следующий день Горин отбыл во Владивосток. Саличу же меру наказания не изменили.

Таким образом, первый арест советского агента создал прецедент для вынесения шпионам условных приговоров. У Горина не было дипломатического иммунитета. В двух последующих делах, когда в шпионаже подозревались представители советской делегации ООН, дипломатический иммунитет нарушался, производились аресты, но шпионов освобождали по рекомендации Государственного департамента. Подозреваемыми были Валентин Губичев, курьер Джудит Коплон и Игорь Мелех, обвиненный в том, что он пытался добыть результаты аэрофотосъемки.

Парадоксом можно назвать тот факт, что в довоенные годы, время процветания иностранного шпионажа, именно свободный доступ к информации и отсутствие наказаний обеспечивали США механизмы защиты. В связи с

этим можно привести слова одного немецкого шпиона, процитированные Эллисом Захарией в книге «Секретные миссии»:

«В Соединенных Штатах не было таких секретов, какими не могла бы завладеть иностранная разведка. За одну поездку в Министерство печати США в Вашингтоне агент мог за приемлемую плату получить информацию, которую он с большим трудом мог достать в другой стране. Продавались большинство печатных руководств армии и флота. Архивы сената и палаты представителей — еще один источник информации. Очень часто мы платили тысячи долларов за светокопии чертежей новых самолетов во Франции и Великобритании, в то время как в США мы получали всю необходимую информацию по цене газеты».

Этот агент, однако, отметил, что США были, по нескольким причинам, проблемой для разведывательных организаций, несмотря на доступность информации.

Во-первых, «Соединенные Штаты — огромный континент, который развивается одновременно на площади тысяч миль, которые и необходимо постоянно контролировать. Но как может хоть одно иностранное государство разместить в Соединенных Штатах то огромное количество агентов, необходимых для этого контроля?... Ни одна разведывательная служба не может позволить себе сконцентрировать целую армию квалифицированных агентов в одной стране».

Во-вторых, «из-за устройства американской системы обороны, потому что методы, применяемые в военное время, совершенно не похожи на методы, используемые в мирное время. Количество вооруженных сил в мирное время не сравнимо с огромной армией или флотом, которые американцы собирают в случае опасности. Их планы меняются очень быстро».

И, наконец, «из-за самого количества материала, который США предоставляет разведывательным службам мира. Тысячи страниц поступают каждый день в центры разведки разных стран, причем все они содержат что-либо секретное. Но кто может рассортировать все эти данные и отобрать действительно ценную информацию?»

«Обычно обнаруживается, что, имея большое количе-

ство материала, мы очень мало что можем с ним сделать, так как его объем обычно гораздо больше возможностей аналитических центров».

Таким образом, мы получаем довольно своеобразное представление о стране, способной запутать иностранные разведывательные агентства благодаря решению не хранить секреты и не препятствовать свободному доступу к информации. Сегодня это уже не так, особенно что касается системы обороны. Холодная война заставила Соединенные Штаты быть всегда готовыми к боевым действиям. В наше время расположение воинских частей и развитие вооружения — неотъемлемая часть задания каждого советского агента.

Во время Второй мировой войны был настоящий бум советского шпионажа в США. Дэвид Даллин пишет:

«Никто из руководителей советской разведки не ожидал, что Америка будет настолько открытой для них после начала войны с Германией. Это были золотые дни для Советского Союза. С каждым месяцем увеличивался персонал разведчиков и в Соединенных Штатах, и в аналитических центрах в Москве».

Золотая эра ленд-лиза привела в Вашингтон сотни советских технических экспертов и официальных лиц. Они устроили прямо-таки оргию шпионажа, и лишь немногие двери не открылись перед ними. Политика того времени заключалась в том, чтобы предоставить русским союзникам все, что им было нужно в области товаров, светокопий и технической информации. Попытки помочь были настолько серьезными, что американцы вскоре начали изготавливать валенки для русских солдат. Это кожаные высокие водонепроницаемые ботинки, утепленные войлоком, которые веками производились в России.* Снежные зимы и сырые весны делают их необходимой частью обмундирования русского солдата. В Вашингтоне был найден русский эмигрант, умевший делать валенки. Скоро было налажено их производство, и обувь тысячами пар отправлялась в Советский Союз.

* Как видим, у автора своеобразное представление о традиционной русской обуви. (Прим. ред.).

С информацией происходило нечто подобное. Для русских не создавали препятствий. Уже после войны в конгрессе прошли слушания по количеству атомного материала, который Советский Союз смог вывезти за годы войны. Удалось установить, что в 1943 и 1944 годах СССР приобрел с помощью канадских и американских фирм 350 кг оксида урана, 360 кг нитрата урана и около 38 кг чистого урана. Виктор Кравченко, представитель советской Торговой комиссии, дезертировавший после войны, так говорил об этом: «Мы увезли в Советский Союз не только эту партию урана. Мы передали тонны материала, и не только самолетом. Мы использовали советские корабли, приходившие по ленд-лизу, а сам материал называли «сверхленд-лизом». Никого не интересовало, что мы берем. Даже если бы мы погрузили на корабль статую Свободы, никто бы не обратил на это внимания. Я видел десятки раз, как загружали советские корабли, и знаю, о чем говорю».

Более яркий пример привел в выступлении в конгрессе Джордж Рейси Джордан, занимавшийся связями американской армии с Торговой комиссией СССР. Он служил в Грейт-Фолз, штат Монтана, первом пункте воздушного маршрута, ведущего в Фэрбенкс на Аляске и в Сибирь. Майор Джордан взялся за работу серьезно и проверял весь багаж, не имевший дипломатической неприкосновенности. Его усердие вызвало угрозы советской стороны применить определенное давление, чтобы сместить его с поста. Ниже приведен фрагмент выступления Джордана.

«Однажды вечером русские, к моему удивлению, пригласили меня на обед. Было много водки. Так случилось, что я не пил в тот вечер. Они провозглашали тосты за Сталина, Молотова, Рузвельта и многих других. Я кое-что подозревал и поэтому предупредил служащих аэродрома известить меня в случае прилета самолета. Меня вызвали, и на аэродроме я нашел двоих вооруженных русских, охранявших чемоданы. Один из них не пропускал меня в самолет. Чемоданы были черного цвета, перевязаны шнурами, на узлах стояли печати красного цвета. Они заявили, что этот груз имеет дипломатический иммунитет, но я сказал, что не верю этому.

Я разорвал шнуры и открыл примерно треть чемоданов. Со мной был вооруженный солдат, чтобы показать русским, что у меня тоже была защита».

В чемоданах Джордан обнаружил материалы атомной лаборатории в Оук-Ридж, в которых, в частности, были такие слова, как «проект Манхэттен, уран-92, нейтроны, протоны, энергия, получаемая при делении, циклотрон». Среди материалов находилась докладная записка из Вашингтона, в которой было написано: «Потратил уйму времени, чтобы взять это у Гровза» (генерал Лесли Гровз возглавлял проект по разработке специального оружия для вооруженных сил (атомная бомба)). Записка была подписана Х. Х.

Майор Джордан обнаружил также несколько технических карт, на которых было вырезано место для надписи «Секретно». Он сказал, что, если бы там стояло слово «секретно», он задержал бы самолет. Там были также карты автомобильных дорог, которые можно купить на заправках. На них были отмечены места расположения промышленных предприятий. Майор Джордан также подозревал, что русские похищали морфий из аптек первой помощи, которые хранились в одном помещении с багажом русских, однако не смог этого доказать. Все были настолько дружелюбны, что в конце 1943 года генерал-майор Уильям Дж. Донован, основатель УСС, посетил Москву, чтобы обсудить совместный проект разведывательных организаций СССР и США, одним из пунктов которого была подготовка советских агентов в Соединенных Штатах с применением современного оборудования. Планировалось также провести обмен делегациями УСС и НКВД. Но эксперимент по обмену шпионами не состоялся из-за протестов Дж. Эдгара Гувера и адмирала Уильяма Леги.

Ореол дружбы не померк и после окончания войны. Казалось, что правительство, стараясь не потревожить американо-советскую дружбу, закрывало глаза на явные случаи измены в своих рядах. Только этим можно объяснить бездействие, последовавшее в 1945 году за конфиденциальным сообщением Гувера президенту Рузвельту о двенадцати официальных лицах, подозреваемых в том, что они работали на советскую разведку. Среди этих людей был Гарри Декстер Уайт, помощник министра финансов. Единственной акцией, предпринятой против Уайта, стал его перевод на более важную должность, в Международный валютный фонд.

Этот случай стал зенитом в тридцатилетнем непонимании коммунистической угрозы и роли шпионажа. Высокопоставленный чиновник, подозреваемый в шпионаже, был переведен на более высокую должность, где он имел доступ к секретной информации, а также мог сильнее влиять на послевоенную политику.

Пять случаев потребовалось для того, чтобы вывести из состояния спячки американскую разведку и контрразведку: нападение на Пёрл-Харбор, раскрытие шпионской сети в Канаде, конфронтация Хисса и Чемберса, дело Джудит Коплон и агентурная сеть Розенбергов. Каждое из этих дел в определенной степени меняло общественное мнение, и правительственные организации не могли не обращать внимания на подобную опасность.

Расследование, проведенное после трагедии Пёрл-Харбора, показало, что ее причиной было не бездействие разведки, а отсутствие службы, которая проанализировала бы все данные. В протоколе слушаний по этому делу ясно изложено, что и доклады разведки, и данные радара, и предупреждения с миноносца «Уорд» были проигнорированы. Ответственные лица, включая главу ВМС Фрэнка Нокса, просто не верили в возможность нападения японцев на Пёрл-Харбор и отвергали всю информацию, подтверждавшую это. Об уроках Пёрл-Харбора говорится в докладе комиссии Гувера, сделанном в 1955 году:

«ЦРУ может смело приписывать свое существование атаке на Пёрл-Харбор и послевоенному расследованию роли, которую сыграла или не сыграла разведка в том, что наши войска не были предупреждены о нападении и не смогли принять адекватных мер, чтобы отразить атаку японцев».

5 сентября 1945 года бежал на Запад шифровальщик советского посольства в Канаде Игорь Гузенко, при этом он взял с собой более ста документов. В них содержалось описание агентурной сети в Канаде, что давало Западу возможность всесторонне изучить механизм работы шпионов. Документы Гузенко послужили поводом для ареста 26 советских агентов, шестнадцать из них были оправданы. Королевская комиссия по шпионажу составила заключение по этому делу, в котором было 733 страницы. В докладе, сделанном 27 июня 1946 года, говорится:

«Заявляя о желании сохранить мир на планете, Советский Союз в то же время тайно готовится к третьей мировой войне. В этих целях СССР создает в демократических государствах, таких как Канада, свою пятую колонну, в организации которой принимают участие даже дипломаты... Вместо благодарности за помощь, оказанную во время войны, советское правительство создает в Канаде шпионскую сеть, готовясь нанести коварный удар, и все это без ведома советского народа».

Необходимо отметить, что о случаях шпионажа с участием советских граждан в прессе СССР не сообщалось.

Раскрытие агентурной сети в Канаде послужило предупреждением еще в одной области — было начато первое дело, касающееся кражи атомных секретов. Документы, похищенные Гузенко, привели к необычному аресту: 4 марта 1946 года в Великобритании был задержан выдающийся ученый. Его кличка в агентурном кругу была «Алик». Настоящее имя — Алан Нанн Мэй. Он признал, что передал Советскому Союзу образцы урана, и был приговорен к десяти годам лишения свободы (был освобожден через шесть с половиной лет).

В признании ученого говорится: «Я решил, что было необходимо передать общую информацию об атомной энергии, чтобы убедиться, что она будет серьезно воспринята. Поэтому принял предложение, сделанное мне одним человеком, с которым я встречался. После первой встречи у нас было несколько контактов, в основном в Канаде. Он требовал от меня, чтобы я предоставил ему образцы урана и общую информацию по атомной энергии. На одной из встреч я передал этому человеку микроскопическое количество урана-233 и урана-235, а также письменный доклад об известных мне атомных разработках».

Канадские события имели определенные последствия в США. Правительственные круги стали обращать больше внимания на дела, которые вело ФБР.

Одним из людей, чье дело стало известно в это время, был Алджер Хисс. Первое упоминание о деятельности блестящего служащего Госдепартамента было сделано Элизабет Бентли, которая в 1945 году рассказала ФБР о почти десяти годах шпионажа. Однако дело Хисса не вышло на поверхность вплоть до 1948 года, когда его имя

назвал ныне покойный коммунист Уиттакер Чемберс. Общественность содрогнулась, узнав, что Хисс, бывший советником президента Рузвельта на встрече в Ялте, был советским агентом. После суда над Хиссом и обнародования признаний Чемберса стало ясно, что подобные дела могут иметь место не только в Канаде, но и в США.

Безразличие превратилось в бдительность, которая переросла в манию. Истерия общества стала особенно сильной в период шпионофобии, побочным продуктом которой стал маккартизм. 1949 год явился поворотной точкой, это был год, когда исчезло безразличие к внутреннему шпионажу и началась широкая разведывательная деятельность за рубежом.

В США этот год стал особенно успешным в плане поимки шпионов. Была арестована и осуждена Джудит Коплон, использовавшая свой пост в Министерстве юстиции в антиамериканских целях. Она стала первым гражданским лицом в Соединенных Штатах, осужденным за шпионаж, и ее дело впоследствии детально изучалось. В Лондоне был арестован ученый-атомщик Клаус Фукс, признавший, что он передавал русским информацию об атомных разработках. Подобно цепной реакции, его задержание вызвало еще восемь арестов, все они были произведены в 1950 году: Гарри Голд, Альфред Дин Слэк, Дэвид Грингласс, Абрахам Бротман, Мириам Москович, Мортон Собель, Розенберги.

Дело Джулиуса и Этель Розенбергов стало последним, окончательно потрясшим общественность США. Хотя вина Розенбергов была доказана, им пришлось пережить еще больше из-за того, что их дело оказалось на самом гребне волны гнева американского общества. В памяти людей супруги Розенберг навсегда останутся либо «шпионами, укравшими атомную бомбу для русских», либо «невинными мучениками, павшими во время охоты на ведьм». Однако они не были ни теми, ни другими.

Тот факт, что Джулиус и Этель стояли в центре организации, похищавшей информацию об атомных разработках, доказан полностью. Однако большинство экспертов указывало на абсурдность обвинений в похищении атомной бомбы. Но судья Ирвинг Р. Кауфман, приговоривший супругов к смерти, подчеркивал, что они «передали рус-

ским секреты атомной бомбы задолго до того, как русские сами смогли бы ее создать», и, по его мнению, «этот факт уже вызвал коммунистическую агрессию в Корее».

Наиболее плачевным последствием совместной работы атомных шпионов (Мэй, Фукс, Понтекорво, Розенберги) стало «возможное ускорение на полтора года советской атомной программы», как следует из доклада Объединенного комитета конгресса по атомной энергии, сделанного в 1951 году. Это, хотя и не является незначительным нарушением, все же нельзя сравнивать с похищением атомной бомбы. Далее в докладе говорится, что подобное ускорение «вовсе не подразумевает невозможности создания Советским Союзом атомной бомбы своими силами», то есть без помощи шпионов. В связи с этим вспоминается тот факт, что США испытали свою первую бомбу в июле 1945, а СССР — только в сентябре 1949 года.

Еще одним человеком, развенчавшим миф о возможности похищения атомной бомбы, стал Нобелевский лауреат Гарольд Юри. «Для этого потребуется восемьдесят или девяносто томов материалов, которые сможет прочесть только ученый или инженер, — сказал он. — Даже если кто-либо может достать такую информацию, ее можно быстрее получить, работая в лаборатории».

Эдуард Теллер, сыгравший ключевую роль в создании водородной бомбы, писал в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» 13 ноября 1960 года:

«Я полагаю, что русские ученые создали бы атомную бомбу и без помощи шпионов. Русские обладают всеми возможностями, чтобы раскрыть секреты природы и затем эффективно их использовать; скорее всего нет такого направления в науке, которым бы не занимались в России... основные принципы (бомбы) были опубликованы в докладе Смита в начале 1945 года... На Женевской конференции по мирному использованию атомной энергии, проходившей в 1955 году, мы сами раскрыли несколько частей, обязательных для производства реакторов. Нет причин полагать, что страна, заинтересованная в создании своего атомного оружия, не сможет этого сделать, потратив определенное количество средств и времени».

Розенберги были виновны, но их вина была признана не в то время, они стали своего рода жертвами катарсиса* — их смертная казнь была искуплением правительства за тридцатилетнее безразличие к шпионажу. За четыре года до этого проходило малоизвестное слушание дела лейтенанта советского ВМФ, обвинявшегося в попытке приобрести информацию об атомных испытаниях на полигоне Бикини. Лейтенанта Николая Редина выследили агенты ФБР, которые видели, как он получал информацию от американского связного. На суде этот человек признал, что продал Редину информацию, но сказал, что это были данные, которые можно найти в библиотеке. Прокурор предупредил присяжных, что «если они вынесут приговор «не виновен», то признают лжесвидетелями офицеров ФБР, что может привести к нежелательным последствиям». Присяжные заседали 10 часов и вынесли оправдательный приговор. Это было в 1946 году.

Потребовалось всего четыре года, чтобы шпионаж стал самым серьезным преступлением. Во время суда над Рединым судья Ллойд Л. Блэк не воспринимал слушание серьезно: «нет ни одного факта, свидетельствующего о том, что Кремль проинструктировал Редина похитить секретную информацию. Не подтверждается также, что Кремль знал, что он был в Америке. Мне жаль, что честь настоящего суда ставится под угрозу столь экстравагантными требованиями». В деле Розенбергов также не было свидетельств о причастности Кремля или самого Сталина к их деятельности, но это не спасло их от смерти. Американские суды сделали обычными жестокие приговоры в делах о шпионаже. 7 августа 1961 года был приговорен к пожизненному заключению Роберт Соблен, брат шпиона Джека Собла. Соблену был 61 год, он болел лейкемией. Приговор, вынесенный ему, звучал как ирония, потому что доктора говорили, что он проживет не больше одного года. В суде так и не было определено конкретно, какие секреты Соблен передал Советскому Союзу во время Второй мировой войны, за пятнадцать лет до суда над ним (напомним, что «закон Розенбергов» отменил срок давности в делах о шпионаже). Федеральный судья Уильям Б. Герландс объяснил, что «суровость приговора должна соотноситься с се-

* От греческого katharsis — очищение. (Прим. ред.).

рьезностью преступления обвиняемого. Похищение и передача кому-либо секретной информации об американской обороне может подвергнуть опасности жизни всех американцев. Такое преступление аналогично организации массового убийства».

Это дело характерно для того подхода к делам о шпионаже, который практиковался Министерством юстиции, — он заключался в обвинении в заговоре. Розенберги, Джу-дит Коплон, Рудольф Абель и Собл были признаны виновными в организации заговора. Денис Ноуэл Притт, британский адвокат, писал в своей книге «Свидетельствуют шпионы и информаторы»:

«Преступление заговора начинает существование с того момента, когда двое или больше людей договорились в любой форме, устно или письменно, совершить преступление. В этом случае обвинению не нужно доказывать, было ли совершено само преступление или были предприняты какие-либо шаги к его совершению. Таким образом обвинить человека в организации заговора гораздо легче, чем в совершении любого другого преступления, потому что нужно собрать меньше доказательств; а предрассудки или волнение присяжных могут привести к обвинительному приговору на основании простого утверждения того, что обвиняемые вступили в сговор, в то время как при попытке доказать само преступление суд скорее всего вынесет оправдательный приговор в связи с недостаточностью улик.

В сложившейся ситуации неудивительно, что во всех странах во времена напряженности представляется очень много обвинений в заговорах, многие люди обвиняются в этом и приговариваются к заключению, хотя против них очень мало свидетельств и их нельзя обвинить в совершении других преступлений».

Избавившись от слабой системы безопасности, правительственные организации стали чересчур осторожными. Ученые, занимавшиеся атомными проектами, рассказывали сотни анекдотов об абсурдных и неэффективных мерах, связанных с ее обеспечением. Например, говорится, что офицеры, охранявшие секретность в лаборатории в Саванне, штат Джорджия, которая занималась разработкой водородной бомбы, получили приказ вычеркивать из писем

все упоминания о водороде. Тем не менее жена кого-то из ученых получила одно из писем нетронутым. В нем говорилось: «Дорогая, мы работаем над таким секретным проектом, что я ничего не могу рассказать тебе о нем. Я даже не могу назвать главный компонент, хотя если ты соединишь две части его с одной частью кислорода, то получишь воду».

ЦРУ, основанное в 1947 году, стремилось найти исторические доказательства существования разведки в США. В первом абзаце его брошюры говорится, что «Соединенные Штаты занимаются разведкой еще со времен Джорджа Вашингтона, хотя эта работа систематизирована только после Второй мировой войны».

Сам Вашингтон и не знал, что дает основания для подобного заявления своим письмом Джону Хэнкоку, датированным 26 июля 1777 года:

«Необходимость обеспечить надежную разведку ясна и не нуждается в дальнейших обсуждениях. Единственное, что можно добавить — пожелание сохранить всю эту деятельность в тайне. Именно от секретности зависит успех большинства подобных мероприятий, в то время как ее отсутствие приведет к провалу, вне зависимости от того, насколько хорошо все спланировано».

Это и еще семь писем выставлены в главном зале ЦРУ.

Избавившись от ярлыка «антиамериканской», разведка получила благословение отцов-основателей государства. У генерала Вашингтона была целая сеть разведчиков за вражескими линиями. Он не получал платы за руководство армией, а вел книги, которые помогли бы ему впоследствии возместить убытки. Среди его счетов можно найти следующую запись: «Пять гиней выдано на расходы и как вознаграждение жителю Джерси за доставку корреспонденции через линию фронта».

Таким образом, ЦРУ перестало обращать внимание на традицию, считавшую шпионаж делом бесчестным, о чем Эддисон сказал, что «если человек способен на такое позорное дело как шпионаж, значит, он будет хорошо работать только за вознаграждение».

Так возродилось к жизни старинное убеждение, что

шпионаж необходим для выживания мощной державы, а моральные возражения становятся в этом случае лишними. Секретность, предательство, подкуп, хитрость — все было одобрено и признано необходимым для государства. ЦРУ другим путем пришло к философии, которую уже исповедовали КГБ и ГРУ. Вполне возможно, что руководители разведывательных организаций и СССР, и США могут назвать своим духовным отцом китайского военного теоретика Сун Цу, который еще в 500 году до н. э. написал трактат о шпионах, который назывался «Корни стратегии — искусство войны». В частности, он говорил:

«Узнать о войсках противника можно только с помощью человека. Следовательно, нужно использовать шпионов, которых можно разделить на пять классов: местные, внедренные, оборотни, обреченные, выживающие.

Когда работают все пять типов шпионов, раскрыть тайную систему становится невозможно. Такая система становится наиболее ценной для руководителя.

Местный шпион — человек, живущий в определенном районе, чаще всего местный житель. (Русским особенно везло с коммунистическими партиями).

Внедренный шпион — обычно чиновник противника. (У русских им был Гарри Декстер Уайт, у американцев — польские дипломаты, передавшие ЦРУ содержание секретного доклада Хрущева на XX съезде партии.)

Оборотни — люди, вербующие шпионов противника и использующие их в своих целях. (Современные примеры — Мартин и Митчелл, Петр Дерябин и другие дезертиры, сбежавшие либо на Восток, либо на Запад).

Обреченные шпионы выполняют свои задания открыто с целью обмана, задачей которых становится выявление наших шпионов. (Сейчас они известны как «приманка»).

Выживающие шпионы должны принести информацию прямо из лагеря врага. (Фрэнсис Пауэрс был таким шпионом, но он не смог доставить данные).

Исходя из этого, со шпионами нужно поддерживать самые тесные отношения. Только они должны быть щедро вознаграждены. (Цицерон, дворецкий британского посольства в Анкаре, работавший на Германию, получил 300 тыс. фунтов.)

Ни в каком другом деле не нужно соблюдать такой

секретности. Шпионом не может стать человек, лишенный интуиции и проницательности. Цель шпионажа во всех его пяти разновидностях — знание врага. Следовательно, только просвещенный господин и мудрый генерал могут использовать лучших разведчиков армии для шпионажа, добиваясь при этом хороших результатов».

Наша следующая задача — определить, как успешно американские и советские разведывательные службы воспользовались советами Сун Цу, и изучить личности наиболее выдающихся шпионов нашего времени.

3. ДЖУДИТ КОПЛОН: ШПИОН В ДОМЕ ЛЮБВИ

Альберт Соколов — 41-летний преуспевающий адвокат. Он высок, красив. Его контора находится на Бродвее. На его столе стоит фотография жены. Она не очень красива, но возраст ее по лицу определить невозможно.

Соколовы поженились в мае 1950 года по еврейскому обряду. Выполняя часть церемонии, жених раздавил каблуком бокал, причем сделал он это с первой попытки. Это было знаком того, что брак будет счастливым. В семье четверо детей: девятилетняя дочь и трое сыновей. Двум из них восемь и шесть лет, самому младшему один год, он родился 4 июля*.

Семья живет в центре Бруклина. В их жизни нет ничего исключительного. Они интересуются искусством, театром, ходят в музеи и на концерты. Дети учатся в школе. Госпожа Соколов, по словам ее мужа, «занимается воспитанием детей, благотворительностью и готовится написать книгу».

Она любит путешествовать. Вскоре после окончания войны ездила во Францию и Италию. Но в течение последних десяти лет ее поездки ограничены восточным побережьем США. Также за эти десять лет у семьи появилась серьезная финансовая проблема.

Девичья фамилия г-жи Соколов — Коплон. 4 марта 1949 года она была арестована в Нью-Йорке в компании Валентина Губичева, члена Секретариата ООН. В то время она работала в Министерстве юстиции. Агенты ФБР, производившие арест, обнаружили в ее сумочке секретные

* 4 июля 1776 г. была принята Декларация независимости США.

материалы Министерства юстиции, в которых содержалась информация о коммунистическом шпионаже и мерах, предпринимаемых США против подобной деятельности.

В 1949 году на суде в Вашингтоне Коплон обвинялась в похищении секретных материалов с целью передачи их иностранному государству. В 1950 году, на суде в Нью-Йорке, ее обвиняли в сговоре с В. Губичевым, целью которого была передача этих документов Советскому Союзу. Подсудимая избежала исполнения приговора вашингтонского суда, потому что в 1952 году Верховный суд не разрешил пересмотр дела, лишив, фактически, законных оснований первый пункт обвинений. Приговор нью-йоркского суда не был приведен в исполнение из-за решения кассационного суда, снявшего с нее обвинения в декабре 1950 года.

Кассационный суд не отменил, однако, обвинительный акт, который до сих пор остается в силе. Юридически Джудит Коплон Соколов все еще обвиняется в организации заговора и находится на свободе только благодаря залогу величиной в 50 тысяч долларов. Эта сумма заморожена в одной из контор Нью-Йорка, а условия залога запрещают ей покидать восточное побережье. В 1958 году от источника в Министерстве юстиции стало известно, что дело Коплон больше не будет пересматриваться. Насколько известно всем людям, вовлеченным в это дело, оно закрыто.

Подобный исход подтверждают и сами супруги. Они поженились в то время, когда мисс Коплон уже была приговорена судом Вашингтона к тюремному заключению сроком от сорока месяцев до десяти лет и находилась в центре судебного разбирательства в Нью-Йорке, где ей грозило заключение на срок до тридцати пяти лет и штраф величиной 20 тысяч долларов. Люди, близко знавшие Соколова, говорили, что он долго размышлял, прежде чем жениться на женщине, которую многие годы мог видеть только в дни посещений в тюрьме. Альберт Соколов познакомился с мисс Коплон, когда работал клерком в адвокатской конторе, занимавшейся ее делом. Подобные места нельзя назвать особенно романтичными, но они познакомились в январе, изучая материалы дела, и уже в мае поженились. Первый год их семейной жизни оказался самым трудным. Джуди была известна — ее фотографии появлялись на первых полосах газет, каждый день ее узна-

вали на улицах, иногда на нее смотрели с любопытством, но чаще — враждебно. Семейная жизнь Соколовых началась в доме матери Джуди в Бруклине, затем семья переехала в Морнингсайд-Хайтс и снова вернулась в Бруклин. Они не делали секрета из своих передвижений.

Когда сейчас Альберта Соколова спрашивают об их жизни, он отвечает, что все проблемы десяти лет уже забыты. «Нью-Йорк интересный город, — говорит он. — Кто-то видит свою фотографию в газете и думает, что его жизнь навсегда изменилась. Но спросите об этом обычного человека через несколько месяцев, и вы увидите, что он не знает, о чем вы говорите. Мы живем нормальной жизнью. Мы делаем все то, что делают остальные люди».

Хотя это дело и забыто общественностью, оно остается самым важным и наиболее затруднительным делом о шпионаже. Джудит Коплон была первым американским гражданином, осужденным за шпионаж в пользу СССР. Суд над ней начал десятилетний период, во время которого рассматривалось очень много подобных дел. До этого суды в основном разбирались с коммунистами в правительстве, но не со шпионами. Алджер Хисс и Уильям Ремингтон были осуждены за лжесвидетельство, менее серьезное преступление.

Дело стало критическим и для ФБР. Около восьмидесяти агентов работало над ним, но все они были незнакомы с подобными делами, поэтому практически испортили его. Часть свидетельств была получена с помощью прослушивания телефонов подсудимых уже во время судебного процесса. В Федеральном суде не допускается использование доказательств, полученных с помощью прослушивания, и агенты ФБР пошли на лжесвидетельство, чтобы эти материалы не попали в суд. Записи, сделанные на основе подслушанных разговоров, исчезли после того, как агент Говард Флетчер направил докладную записку заместителю директора Д. М. Лэдду. В записке говорилось: «Упомянутый выше источник (пленка с кодовым названием «Тигр») содержит информацию о деятельности мисс Коплон. Ввиду опасности ее дела рекомендуется прекратить использование этой пленки и уничтожить все административные записи, касающиеся этого источника». Агент, уничтожавший записи, показал, что он уничтожал восковое покрытие дисков, а части его сжигал.

Но что хуже всего — мисс Коплон и В. Губичев были арестованы без санкции. Закон того времени разрешал арест без ордера только в том случае, если становилось очевидным намерение подсудимого скрыться за пределами США. Если подозреваемый арестован при посадке на самолет в Мексику, для этого не нужен ордер. Но Коплон и Губичев к моменту ареста только что вышли из метро и не спеша шли по Третьей авеню, а ФБР не удалось убедить суд в том, что они пытались бежать. Не был объяснен и тот факт, что ФБР, которое в течение нескольких месяцев наблюдало за Коплон, не смогло вовремя получить ордер на ее арест.

Однако уже 21 декабря 1950 года конгресс принял закон, разрешающий федеральным агентам производить арест без ордера, если человек подозревался в шпионаже, подрывной деятельности или совершении других серьезных преступлений. Критики говорили, что конгресс легализовал незаконные действия ФБР, а сторонники изменений считали, что лучше расширить полномочия его агентов, чем позволить шпионам остаться безнаказанными.

Оба суда над Коплон показали методы, применяемые ФБР в расследовании преступлений. Во время ареста в сумочке мисс Коплон были найдены 34 бланка с данными, напечатанными ею самой. Информация, содержавшаяся на этих бланках, была взята из докладов ФБР, к которым Джудит имела доступ, работая в Министерстве юстиции. На суде в Вашингтоне обсуждалась возможность представить эти документы как улики, причем обвинение настаивало на том, что в случае их обнародования пострадает национальная безопасность. Но судья Альберт Л. Ривз сказал, что «правосудие должно вершиться, даже если упадут небеса», и разрешил использование этих материалов. Данные, найденные на бланках, рассказали о «методе пылесоса», по которому работало ФБР, собирая сначала всю информацию, а потом отсортировывая наиболее ценную. Например, некоторые из данных, оказавшихся у мисс Коплон, были основаны на слухах, а часть — на уже закрытых делах.

Во время слушаний по делу Коплон было сделано еще два сенсационных открытия:

1. Абрахам Померанц, адвокат Губичева, выяснил в ходе опроса свидетелей, что ФБР прослушивало телефоны Секретариата ООН.

2. Следующий разговор произошел между адвокатом Коплон Арчибальдом Палмером и одним из агентов ФБР.

«В о п р о с. Работают ли контрразведчики США в посольствах, консульствах, делегациях ООН, включая и русские?»

О т в е т. Да».

Уже на следующий день Госдепартамент опроверг эту информацию, но определенный урон был нанесен.

Дж. Эдгар Гувер был явно недоволен тем, как его люди работали над делом Коплон. Вскоре после окончания суда Говард Флетчер, агент, отвечавший непосредственно за это дело, был переведен на должность помощника в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне.

Еще одна необычная деталь — отношения мисс Коплон с Арчи Палмером, ее адвокатом, которые ухудшились настолько, что она отказалась от его услуг в середине нью-йоркского процесса. Назначенные судом адвокаты не знали подробностей дела и не смогли помочь ей.

Одной из последних и, возможно, самых главных сенсаций стал любовный треугольник. Защита мисс Коплон строилась на существовании любовной связи Джуди и Губичева. Но обвинению удалось доказать, что в то время, когда отношения Коплон и Губичева должны были быть в апогее, она проводила выходные в отелях Балтимора и Филадельфии в обществе Гарольда Шапиро, молодого юриста из Министерства юстиции. Этот факт поднял интересный психологический вопрос: может ли женщина, влюбленная в одного мужчину, в то же время встречаться с другим? Присяжные были потрясены таким предположением, вызвав тем самым неудовольствие Палмера, который заявил, что дело Коплон из «шпионского процесса превратилось в сексуальный процесс».

О Джудит Коплон рассказано в книге Курта Сингера «Великие шпионки мира», которая представляет ее продолжательницей традиций Маты Хари. Тем не менее, если мы решим описать ее одним словом, этим словом будет «скромная». В школе она была «синим чулком» и зубрилкой, получала в среднем 90 баллов. В колледже постоянно сидела в библиотеке, а также была редактором еженедельного журнала «Барнард бюллетень». Она плохо одевалась,

безвкусно причесывалась, на концерты ходила в одиночестве. Один человек, хорошо знавший Джудит, назвал ее «неббиш». Это слово на идиш обозначает незначительного человека, не производящего впечатления на других. Знакомые по колледжу вспоминают ее как «обычную умную студентку из средней еврейской семьи, которую часто можно было видеть быстро идущей по студенческому городку с книгами под мышкой».

Она была невыразительна внешне: чуть ниже пяти футов ростом, весила примерно девяносто фунтов, при этом обладала качеством, характерным для низких мужчин, стремящихся компенсировать свой рост, — она была очень энергична. В решении интеллектуальных задач была уверена в себе, но уязвима в делах, касавшихся ее чувств.

Девушке исполнилось уже 29 лет, когда ее арестовали в 1949 году. У нее были черные волосы, густые брови, выразительные карие глаза — ее главное достоинство. В фигуре было что-то мальчишеское — довольно сильные ноги, так как в колледже она занималась балетом, а ее любимым видом спорта был велосипедный.

Джуди была привычна к похвалам. Ко времени ареста она не слышала неприятных слов ни от учителей, ни от начальства. В дополнение ко всему, она была послушным ребенком, не выступавшим открыто против устоев своей семьи. Прекрасно ладила со своим братом Бертрамом, который был на пять лет старше ее. Она выросла в восточном Бруклине, где семья, польского происхождения, впитала в себя американские традиции. Ее дедушка попал в тюрьму в Джорджии во время Гражданской войны. Отец Джуди, Сэмюэль Коплон, был членом либеральной масонской ложи. Он занимался продажей игрушек и, хотя не зарабатывал много денег, ежегодно отправлял игрушки нуждающимся детям в Уорренсбург, где жил когда-то. Он долгое время болел и умер от кровоизлияния через месяц после ареста дочери.

Джуди ходила в школу им. Джеймса Мэдисона. Уже в это время проявляется ее интерес к журналистике — она работает в школьном журнале «Хайвэймэн».

Получив 97 баллов на выпускных экзаменах, она в 1939 году поступила в колледж Барнард, собираясь заниматься историей. Итог ее карьере в колледже подвел на вручении дипломов в 1943 году ректор Миллисент Мак-

Интош, сказав, что мисс Коплон была прекрасной студенткой, чей личный рейтинг был таким высоким, какого он никогда не видел.

Высокий личный рейтинг был результатом внеклассной работы Джуди, которой она старалась заменить отсутствие личной жизни. Она состояла в нескольких комитетах, в частности в клубе чести «Ариста». Едва ли было хоть одно дело, в котором она не участвовала.

Повсюду, от преподавателей колледжа до ее шефов в Министерстве юстиции, Джуди хвалили. Они считали, что она обладала всеми добродетелями. Один из преподавателей писал, что Джуди — «щедрая, бескорыстная девушка, трудолюбивая, на которую всегда можно положиться, но вместе с тем очень скромная».

Отделение колледжа, занимавшееся трудоустройством выпускников, внесло в ее дело следующие строки: «Обладает отличными способностями, оригинальна, честна, прямолинейна, скромна, способна работать в коллективе, есть склонности к лидерству, хорошо воспитана». Имея такие рекомендации, Джуди не испытала трудностей в получении работы в правительстве.

Начальство в Вашингтоне тоже хвалило молодую сотрудницу. Ее первый шеф, Лоренс Кнэп, говорил, что «в ней сочетался блестящий талант и дружелюбный характер. Кругозор Джуди был необычайно широк для ее возраста».

Джесс Мак-Найт, ставший ее следующим начальником, в 1946 году отправил ей письмо, в котором выражал «личную признательность» за работу в его отделе, отмечая, что она «была ценным сотрудником». В том же письме он говорил: «Прошу Вас не стесняться, указывая мое имя как источник рекомендаций при устройстве на работу в Вашингтоне или другом городе».

Даже Том Кларк, бывший в то время Генеральным прокурором, отмечал успехи мисс Коплон. Когда она получила повышение в 1948 году, перейдя на работу в гражданскую службу уровня П-3, он писал:

*«Дорогая мисс Джудит,
Ваш перевод в П-3 — это действительно поощрение
Ваших заслуг, и я поздравляю Вас с этим. Я не знал, что в
нашем криминальном отделе были политические аналитики,*

но, проверив, я обнаружил, что Вы работаете в отделе регистрации иностранных агентов. Желаю успехов в работе».

Еще в колледже один из преподавателей отмечал, что «Джуди серьезно интересуется внутренней политикой».

Статьи, написанные Джуди для газеты колледжа, проливают свет на образ ее мыслей во время учебы, которая совпала с первыми годами Второй мировой войны. Начало ее последнего курса, 1942 — 43 годы, совпало со Сталинградской битвой. Реакция ее не многим отличалась от реакции большинства американцев: она не скрывала своего восхищения русскими, которые противостояли нацистским захватчикам, и ужасалась тому, что союзники не делали ничего, чтобы помочь России. В статьях, которые она подписывала (это значит, что ее мнение не всегда совпадало с мнением редколлегии), доказывала необходимость открытия второго фронта. Сталин говорил о том, что Рузвельт и Черчилль нарушили свое обещание открыть второй фронт в Европе в 1942 году, чтобы оттянуть туда часть немецких войск, воюющих в СССР. В одной из своих статей, названной «Политика войны», мисс Коплон писала, что нежелание открыть второй фронт вызвано позорными политическими причинами, желанием некоторых лиц обескровить Россию перед победой союзников в войне.

В другой статье Джуди обвиняла США в манкировании ленд-лиза американской стороной. Она писала: «И нельзя говорить, что Америка уже достаточно много отравила в Россию. Это позиция мечтателя. Нам сейчас нужен реализм. Мы должны понять, что Россия — сердце войны, и мы должны сделать все, чтобы это сердце не перестало биться».

Джуди принимала активное участие в программах по обмену молодежными делегациями между США и СССР. В октябре 1942 года она помогала в организации визита на Международный съезд студентов советской делегации, в составе которой была 26-летняя партизанка, убившая, как сообщал «Барнард бюллетень», 309 немцев.

Обычная позиция Джуди заключалась в том, что американские ценности можно сохранить лучше всего с помощью их критики. В одной из своих статей она утверждала:

«Только тот может рассказать о том, что такое американская традиция, кто прошел через всю грязь американской жизни. Мы не обманываем себя. Мы знаем о рабочих, которые зарабатывают всего пять долларов в неделю, о фермере, который всю жизнь проводит в грязи, о неграх, чей путь в жизнь лежит только через дверь для прислуги. Все это грязно и дурно».

Но Джуди добавляла, что еще была надежда, она говорила, что есть люди, которые не примут конституции без билля о правах. «Мы говорим о тех аболиционистах, которых слышат люди. Мы говорим о росте рабочего движения, таком, как в Великобритании».

Больше всего поражает в статьях мисс Коплон то, что в ее возрасте, когда другие девушки думают о свиданиях, все мысли Джуди были о помощи России, об открытии второго фронта и о проблемах Америки.

За ней закрепилась репутация борца, и в прощальной статье один из ее последователей написал: «Пламенный взор характерен для Джуди. Прирожденный борец, она счастлива только тогда, когда все ее сердце чем-то занято, будь то что-то серьезное или просто выпуск нашей газеты». Остается неясным только то, был ли подобный образ мыслей следствием юношеского радикализма Коплон.

Начиная работать в правительстве, она прошла обычную проверку службой безопасности, а потом, уже находясь под наблюдением, более серьезную проверку ФБР, но ни в том, ни в другом случае не было обнаружено, что она связана с коммунистическими организациями. Во время работы в правительстве она была рьяным антикоммунистом. Однажды, на основе собранного ею материала, она составила список из пятнадцати организаций, подозреваемых в подрывной деятельности, и собиралась представить его Генеральному прокурору.

Натан Левин, юрист Министерства юстиции, сказал на следующий день после ее ареста: «Она превосходная актриса. Она садилась читать «Дейли уоркер» и всегда смеялась над их статьями». Ее брат Бертрам сказал в одном из интервью:

«В о п р о с. У Вашей сестры есть связи с радикальными кругами?»

О т в е т. Нет.

В о п р о с. А у Вас?

О т в е т. Только если Вы считаете радикальной республиканскую партию».

Джон М. Келли-младший, обвинитель по делу Коплон, полагал, хотя это и не было доказано, что связи с коммунистами у мисс Коплон появились очень рано, но ее считали слишком ценным человеком и поэтому не разрешили вступить в партию. Келли, умерший от рака в 1958 году, полагал, что Джуди считалась идеальным агентом для проникновения в правительство. Она блестяще училась, не подписывала никаких заявлений и не ходила на митинги. По его мнению, уже окончив колледж, Джуди была советским агентом. Ее задачей стало проникновение на правительственную работу в таком департаменте, где она имела бы доступ к секретным материалам, которые можно было передавать советскому курьеру. Ей не разрешали вступать в контакт с коммунистами, поскольку в этом случае она переставала быть полезной как агент.

Неизвестно по каким причинам, но мисс Коплон так и не начала писательской карьеры, к которой так стремилась в колледже. Спустя пять дней после выпуска начала работать в нью-йоркском отделении Министерства финансов. Она была ответственным работником, и уже в январе 1945 года ее перевели на более интересную должность в Вашингтоне. Министерство юстиции не было первым местом, на которое пал ее выбор. Она пыталась устроиться в ЦРУ, но не прошла по конкурсу.

Джудит стала помощником политического аналитика в отделе регистрации иностранных агентов криминального управления Министерства юстиции. Любой человек, работавший на иностранное правительство, должен был регистрироваться в отделе, в противном случае ему грозило тюремное заключение сроком до пяти лет и/или штраф в 10 тысяч долларов. Во время войны, когда все охотились за нацистами, штат этого отдела вырос. Но в 1945 году в Министерстве юстиции произошло сокращение штатов, и количество людей, работавших в отделе регистрации, уменьшилось до шести человек: руководитель отдела, два юриста, два клерка и политический аналитик.

Джуди Коплон начала работать в отделе как раз тогда,

когда там проходило сокращение штатов. Сначала она занималась регистрацией бельгийских и французских агентов. Но в 1946 году стала единственным аналитиком в отделе и получила более важные обязанности. У нее был отдельный кабинет, № 2220, в главном здании Министерства юстиции. Это была большая комната со шкафами для документов, столом, на котором лежали досье и доклады, и рабочим столом Джуди. Она занимала кабинет одна до начала 1949 года, когда, к ее неудовольствию, ей пришлось делить его с новым юристом отдела Натаном Левиным.

Вскоре после этого стала специализироваться на регистрации агентов из СССР и стран социалистического лагеря. Она имела доступ к докладам ФБР, передаваемым в Министерство юстиции, которые содержали информацию о различных нарушениях. В частности, было много докладов о советских дипломатах.

Люди, работающие в правительственном учреждении, привыкают к постоянному потоку секретных документов, а потому в их работе появляется некоторая небрежность. Служащие, привыкшие к грифу «Совершенно секретно», не запирают шкафы с документами, меняют папки местами. Одна из секретарей, работавших в отделе Джуди, оставила секретный доклад в туалете. Джуди нашла его там и принесла обратно. Такая же беспечность распространилась и на другие министерства, и она могла получить любой доклад Госдепартамента, просто попросив его у своих знакомых.

Мисс Коплон выразила свое презрение к секретности на суде в Вашингтоне, сказав следующее: «Многое из этого секретного материала было просто смешным. Например, однажды мы узнали, что в конгрессе проходят слушания, на которых выступает кто-то вроде мисс Бентли, раскрывая очередной случай шпионажа. Уже на следующий день мы читали об этом в секретной докладной записке ФБР».

Тем не менее она проявляла живой интерес к секретным материалам ФБР. После ареста у нее в столе были найдены сотни таких документов. Тяга Джуди к знаниям делала ее незаменимой для некоторых видов работы. Однажды Рэймонд П. Уирти, возглавлявший отдел в 1947 году, попросил ее просмотреть документы, чтобы определить, какие из них можно было отправить в архив. Позже Уирти появился в деле Коплон в качестве помощника обвинения.

Мисс Коплон настолько успешно справилась с этим заданием, что в октябре 1948 года начала заниматься только докладами ФБР о деятельности коммунистов. Таким образом, она стала ведущим специалистом своего отдела в этой области.

Примерно в это время Джуди встретила Губичева. И почти тогда же у ФБР появилось беспокойство из-за утечки информации. В докладе Комитета по расследованию антиамериканской деятельности об этом говорится так:

«Совершенно секретные доклады о деятельности дипломатов СССР и стран социалистического лагеря, подготовленные ФБР, попадали в руки этих самых дипломатов.

Не похоже, чтобы эта информация попадала к ним из американских источников, скорее всего она приходила прямо из Москвы. Модель этой деятельности была следующая: человек, имевший доступ к материалам ФБР, передавал их другому человеку, доставлявшему их прямо в Москву. Кремль изучал документы и затем с помощью курьеров извещал о них сотрудников посольств и консульств СССР и других государств».

Сначала ФБР сосредоточило все внимание, вызванное утечкой информации, на своих сотрудниках. Но проверка показала, что никто из них не был к этому причастен.

Затем свое расследование провело Министерство юстиции, так как все упоминавшиеся в деле документы проходили через криминальное управление. Остается загадкой, почему подозревать стали именно мисс Коплон. По свидетельству ФБР, именно на нее указал в декабре 1948 года их тайный информатор. На сленге ФБР таким информатором часто называют подслушивающие устройства. Вполне возможно, что к концу 1948 года ФБР прослушивало всех сотрудников отдела регистрации. Их было всего пятеро. Еще одно объяснение — на Джуди агентов вывел жучок на служебном телефоне Губичева. Сама она признала, что по крайней мере один раз звонила ему по служебному телефону.

Самая сенсационная версия была высказана бывшим агентом ФБР Мэттом Кветиком, много лет работавшим в рядах коммунистов. Мэтт заявил, что именно он указал на Коплон. «Мне это подсказала одна не слишком умная

коммунистка. Мы пили кофе в ресторане, и она начала хвалить женщин-коммунистов».

Кветик вспоминал, что та сказала ему: «Одна из нас работает сейчас в Министерстве юстиции, а ФБР об этом даже не подозревает. Она один из лучших агентов, она делает все для революции». Однако ФБР не стало рассматривать эту версию, назвав ее наивной.

В первую неделю 1949 года Уильям Фоли, сменивший Уирти на посту руководителя отдела регистрации агентов, вошел в кабинет Джуди и увидел, что она читает доклад о работе советских шпионов. Заглянув в него, Фоли сказал: «А у меня есть новый».

«Можно мне посмотреть?» — спросила Джуди.

«Не знаю, — ответил он. — Он с грифом «Секретно»».

Следующий день стал самым удивительным в его карьере. Его вызвали в кабинет Пейтона Форда, помощника Генерального прокурора, который сказал, что Джуди Коплон, лучший специалист по коммунизму, подозревается в хищении секретных докладов и «передаче их какому-то русскому».

Фоли приказали отстранить Джуди от работы с делами по внутренней безопасности, не вызывая ее подозрений. В это же время в служебный телефон мисс Коплон был вмонтирован микрофон, записывавший разговоры Джуди в кабинете и по телефону. «Жучки» были также установлены в ее Вашингтонской квартире и в доме ее матери в Бруклине.

В деле Коплон ФБР использовало двадцать «жучков» в Вашингтоне и столько же в Нью-Йорке. После того как стало ясно, что она встречалась именно с Губичевым, начали прослушивать и его домашний телефон. Прослушивание не прекратилось и после ареста. В Нью-Йорке записывались разговоры Джуди и ее адвоката.

Раздраженный тем, что утечка была в его отделе, Фоли влетел в кабинет Джуди и вытащил из стола ящик с документами по внутренней безопасности, сказав, что он ей больше не потребуется. Когда мисс Коплон потребовала объяснений, ее шеф сказал, что она должна посвятить себя только регистрационной работе, а дела о внутренней безопасности будут переданы недавно пришедшей в отдел Рут Россон.

Джуди была оскорблена произошедшими переменами,

решив, что это было проявлением критики ее способностей. Она ни минуты не подозревала, что была под наблюдением. Через несколько дней она спросила у Фоли, не собираются ли ее уволить. Он ответил: «Вас могут уволить в любой день. Если какой-нибудь начальник прочитает список сотрудников отдела регистрации, он может решить, что нам не нужен политический аналитик, и вас сразу же уволят».

«Знаете, — сказала Джуди, — я собираюсь сдавать экзамены, и я могу получить уровень П-4». (У Джуди не было определенного статуса в гражданской службе, ее приняли по специальному плану.)

Хотя над Джуди уже сгустились облака, она продолжала интересоваться докладами, которые больше не находились в ее ведении. Вскоре она спросила у Фоли: «Когда я смогу увидеть тот секретный доклад?» Фоли ответил, что она вряд ли сможет ознакомиться с ним.

Когда спустя месяц она снова попросила у Фоли этот доклад, он отказал ей, сославшись на то, что доклад «уже устарел».

Джуди обучала миссис Россон работе с документами по внутренней безопасности. Совершенно случайно кабинет Россон был рядом с кабинетом Джуди, и она попросила передавать ей секретные доклады по внутренней безопасности, обозначенные литерой «Р» (Россия).

Она также сходила к секретарю Фоли, Маргарет Мак-Кинни, и попросила ее показать, где Фоли хранит ключи от шкафов с секретными докладами, сказав, что они могут понадобиться ей по работе, а в офисе может никого не оказаться. Мак-Кинни показала ей, как открываются шкафы с материалами по внутренней безопасности.

Мисс Коплон все еще думала, что ее незаслуженно отстранили от части работы. Запись, сделанная ФБР 18 февраля, содержит разговор Джуди с Гарольдом Шапиро, которому она сказала, что ее отношения с Фоли ухудшились, так как он критиковал ее работу. «Не пойму только, из-за чего», — добавила она.

Джуди была расстроена настолько сильно, что интересовалась возможностью поступления на курсы журналистики в университете Колумбии. Но ей сказали, что не принимают новых слушателей в середине учебного года и что ей нужно будет подать заявление в сентябре.

Раз в три недели мисс Коплон обычно ездила на выходные в Нью-Йорк. Первый раз в 1949 году поехала домой 14 января. В то время она уже находилась под наблюдением ФБР, и за ней следили на протяжении всей поездки. Она приехала в Нью-Йорк в 5 часов вечера, но отправилась не домой, а в один из районов Бронкса. Она остановилась на углу Бродвея и 193-й улицы, через десять минут к ней подошел Губичев. Они зашли в ресторан «Де Люкс», где пообедали. За соседним столиком были агенты ФБР. Джуди выглядела спокойной, время от времени включала музыкальный автомат. По дороге из ресторана к станции метро на Восьмой авеню, по свидетельству агентов, следивших за ними, они о чем-то спорили, причем мисс Коплон часто повышала голос. Эта деталь встречи вызвала большой интерес на суде, потому что она говорила о чувстве, которое их связывало. Защита, основываясь на этом моменте, пыталась доказать, что их встреча была просто свиданием. Джуди и «Вэл», как она называла Губичева, вместе поехали на метро в центр города, и на остановке 125-й улицы русский выскочил из метро, когда двери уже закрывались, оторвавшись таким образом от следивших за ними людей.

Коплон и Губичев пользовались этим приемом во всех трех встречах, которые наблюдали агенты ФБР. Геде Мессинг, советский агент, описывает подобный прием в своей книге «Этот обман». Она назвала его «приемом аппаратчика» (сотрудник советской шпионской сети или аппарата):

«Человек, которого выследили, спокойно сидел в поезде до последнего момента и выпрыгивал тогда, когда поезд уже трогался, а двери закрывались. Суть метода в том, чтобы успокоить преследователей, дать им понять, что они все контролируют, а затем исчезнуть в самый неожиданный момент».

Коплон и Губичев часто пользовались этим приемом, когда ездили на городском транспорте. 18 февраля Джуди снова стояла на том же углу, ожидая своего русского. На этот раз она опоздала, потому что сломала застёжку на туфле, выходя из поезда. Она села на другой поезд метро и решила подниматься на Бродвей на эскалаторе. Вечер

был холодный, и кроме нее на эскалаторе было только трое агентов ФБР, одним из них была женщина.

Джуди не знала точной дороги на Бродвей и спросила одного из агентов. Он пробормотал что-то невразумительное. Она оказалась в тупике, развернулась и встретила еще двух агентов. На вопрос, как попасть на Бродвей, они ответили, что тоже заблудились. Джуди сказала, что опоздала на ужин в семь часов, и мужчина заметил, что она должна быть очень храброй девушкой, чтобы ходить одной в такое позднее время.

Губичев пришел на место встречи к назначенному времени и ушел, руководствуясь одним из правил шпиона: когда твой связной опаздывает, уйди и вернись через час. Джуди приехала к углу улицы, подождала пять минут и зашла в мастерскую, чтобы починить туфлю. Около восьми вечера пришел Губичев, он нервничал.

Джуди открыла сумочку, Губичев потянулся к ней, но, вместо того чтобы достать оттуда что-то, закрыл застёжку. После этого пара рассталась.

В ФБР решили, что дела шли слишком медленно даже для романа, и постарались ускорить процесс. Один из агентов приготовил приманку — документ, в котором была смесь верной и фальшивой информации, — полагая, что Джуди обязательно передаст Губичеву. Она сказала шефу, что собирается в Нью-Йорк 4 марта. Утром этого дня Фоли принес фальшивые доклады от Генерального прокурора и положил их на стол Джуди. Разговор, последовавший за этим, остается одной из тайн этого процесса. На суде в Вашингтоне Фоли отрицал тот факт, будто знал, что эти докладные записки были приманкой, но на суде в Нью-Йорке он занял противоположную позицию. Именно этот разговор не был записан ФБР. Агенты ссылались на неисправность аппаратуры, хотя все записи, сделанные до и после ареста Джуди, имеют отличное качество.

Конечная версия Фоли такова: он зашел к ней в кабинет и сказал: «Это очень серьезный материал. Передайте его Левину, когда он придет». Чуть позже Левин пришел в кабинет Фоли и сказал, что секретные документы лучше всего хранить в запертых шкафах.

Версия Джуди отличается от версии ее шефа. По ее словам, Фоли вошел и сказал: «Это очень серьезный материал. Я хочу, чтобы Вы обработали его и отчет отдали

Левину». Чуть позже он пришел и спросил, готова ли работа и попросил разрешения просмотреть отчет. Прочитав его, он сказал: «Вам нужно поработать над ним в выходные».

«Но Вы же знаете, что я в выходные еду в Нью-Йорк», — возразила Джуди. Но Фоли настаивал: «Возьмете их в Нью-Йорк и там поработаете». Джуди сказала, что в последнее время она получает странный материал и не менее странные поручения.

Она взяла фальшивки и положила их в сумочку. «Хотите, чтобы я положила их просто так?» — «Нет, заверните во что-нибудь».

Когда Левин пришел на работу, Джуди сказала ему, что едет на выходные в Нью-Йорк. Он начал расспрашивать ее, не встречается ли она с кем-нибудь, и Джуди ответила, что хочет встретиться с инженером из ООН.

Она приехала в Вашингтон в 17.30. Силы ФБР были наготове. В предполагаемом районе встречи было сосредоточено 27 агентов и шесть машин. Вечер был расписан как сценарий кинофильма. Джуди постоянно оглядывалась, пытаясь узнать, есть ли за ней слежка, но все-таки села в поезд до Вашингтон-Хайтс. Губичев ждал ее на углу Бродвея и 183-й улицы, но сделал вид, что не заметил ее приезда. Пара предпринимала сложные комбинации, пытаясь избавиться от слежки. Джуди села на один поезд, а Губичев — на другой. Они встретились на Таймс-сквер, так и не избавившись от «хвоста». Пошли на запад, где Губичев, увидев идущий на юг автобус, побежал, чтобы сесть в него и задержать его для Джуди. В этот момент ФБР потеряло их, но одна из машин слежения обнаружила их немного позже. Они вышли на 14-й улице и пересели на метро. В вагоне было около пятнадцати человек, пятеро из них — агенты ФБР. Но здесь Коплон и Губичев смогли выскочить из поезда перед самым отправлением и оторвались от слежки на 3-й авеню.

Было 20.30, когда они вышли на угол 3-й авеню и 16-й улицы, уверенные, что избавились от «хвоста». Постояли на улице, затем Губичев зашел в магазин, чтобы позвонить, а Джуди осталась ждать снаружи.

В это время ФБР особенно внимательно осматривало боковые улицы, заблокировав основные маршруты, по которым могли уйти подозреваемые. Проезжая по 3-й аве-

ню, агенты с изумлением обнаружили, что их «цель» находилась всего за квартал от станции метро.

Следующим шагом ФБР стал арест, произведенный без ордера по следующим причинам:

1. Коплон и Губичев могли скрыться на территории советского консульства. Позднее выяснилось, что Губичев звонил, чтобы попросить помощи у русских. ФБР полагало, что в момент ареста они ожидали приезда автомобиля советского дипломатического корпуса, который доставил бы их в безопасное место.

2. Если у Джуди было что-то, что она хотела передать Губичеву, она уже давно отдала это.

3. Существовала вероятность того, что больше не будет возможности арестовать их вместе, а это не давало оснований для обвинения в организации заговора.

«Это смешно», — сказала Джуди, когда ее задержали агенты ФБР. Губичев не произнес ни слова. Он был мрачен. По дороге в офис ФБР Джуди оказалась в машине между двумя агентами. Один из них увидел, что Джуди что-то жует, и, вспомнив уроки о шпионах, глотающих капсулы с ядом, спросил ее, что это было. Она выплюнула ему в ладонь остатки конфеты.

После дактилоскопии и фотографирования Джуди и Губичева разлучили. Раздраженную мисс Коплон обыскали медсестры ФБР. Потом она рассказывала: «Меня раздели, ощупали, заставили раскрыть рот. Я не знаю, что они хотели найти».

На допросе она была неразговорчива. Ниже приведены выдержки из протокола ФБР:

«В о п р о с. Как Вас зовут?»

О т в е т. Без комментариев.

В о п р о с. Где Вы работаете?»

О т в е т. Без комментариев.

В о п р о с. Вы приехали из Вашингтона?»

О т в е т. Без комментариев.

В о п р о с. Вы узнаете фотографию Министерства юстиции?»

О т в е т. Без комментариев».

Разозленный, один из агентов склонился над Джуди и закричал: «Что ты хочешь сказать, отвечая «без коммента-

риев»? Кем ты себя считаешь? Ты просто мусор. У меня на этом стуле сидело много мусора. Тут были рэкетеры, работорговцы, просто отбросы общества. Что тебе подсказало отвечать «без комментариев»?»

Губичева тоже раздели и обыскали. На допросе он также молчал. «Кто эта женщина, с которой мы тебя видели?» — «Я не знаю ее». — «А если я скажу, что вас видели вместе пятнадцать агентов ФБР?» В ответ на это Губичев пожал плечами.

Допрос продолжался четыре часа, за это время им не предъявили обвинений и ни разу не разрешили встретиться с адвокатами. Немного поупорствовав, Джуди начала отвечать на вопросы о себе. Губичев позже говорил, что его «допрашивали несколько часов, пытаюсь получить информацию о советской промышленности и обороне, а также о политической ситуации на родине».

Обыск Губичева не принес ФБР желаемых результатов. В его кармане был найден конверт со 125 долларами, которые могли быть платой Джуди, но, с другой стороны, 125 долларов — еженедельная зарплата Губичева в ООН. Сам он сказал, что деньги предназначались для покупки домашних товаров. Обыск не показал, что Джуди успела что-нибудь ему передать. В его карманах были только деньги и обычные мелочи.

Обыск Джуди оказался более результативным. В ее сумочке, наряду с пудрой, помадой и 20 долларами, было найдено огромное количество материалов из Министерства юстиции, включая две фальшивые докладные записки.

Основная улика (одна из этих записок) была полностью скопирована и убрана в отдельный конверт. Он был запечатан, и на нем обозначили место разрыва. Содержание второго доклада было передано на двух страницах рукописного текста.

Кроме этого, в сумочке лежало 34 печатных документа, относящихся к текущим расследованиям ФБР; три биографии ее друзей, упоминавших об их симпатиях коммунистам; некоторая информация о себе и документ со словом «Майкл». Все документы были в простых конвертах, завернутых в бумагу магазина «Бель Шармер», в котором продавали чулки. Все пакеты по размерам и массе были похожи на пару чулок и были аккуратно заклеены.

Джуди объяснила, что два документа ей дал Фоли,

чтобы она изучила их в выходные, а остальные относились к книге «Девушка из правительства», которую она пишет.

В своем выступлении на суде Джуди объяснила, что часть материала, найденного у нее в сумочке, была написана от первого лица, потому что она «сама была главной героиней».

«Я собиралась писать книгу от первого лица. Я хотела рассказать, как я приехала в Вашингтон, как я себя чувствовала в первый день, когда погода была по-весеннему теплой. Я хотела рассказать обо всех надеждах, которые Вашингтон дает девушке, начинающей работать в правительстве.

Я хотела описать в книге всех, кого я знала, разлив их образы. Но я сделала ошибку, не изменив их имен. А затем, когда я лучше поняла, куда я попала, я решила изобразить Вашингтон большим мавзолеем, в котором работают раздраженные люди, проверенные полицией, прошедшие всевозможные тесты, постоянно куда-то бегущие — как тараканы».

Почему она так серьезно изучала дела коммунистов?

«В одной из глав я хотела рассказать об этой истерии, об охоте на ведьм, о шпионаже и верности... В этой главе я использовала материалы, которые находила в докладах ФБР, а их были тысячи... Каждый день я узнавала новое о людях, о женщинах, которые обыскивали карманы мужей, а потом докладывали о них полиции, о детях, доносящих на матерей... Можно получить полную картину шпионажа и контрразведки, которые не признают семейных уз, требований религии, все доносят друг на друга».

Джуди объяснила и то, почему она не могла представить суду рукопись. Она уничтожила ее, потому что не хотела, чтобы ее читали во время процесса над ней.

Трудно понять, какое место в подобной книге мог занять документ с упоминанием Майкла. Он содержал следующие строки:

«Я не смогла, и не думаю, что смогу, достать сверхсекретный доклад ФБР о действиях советской разведки и компартии США, про который я рассказывала Майклу. Когда

момент был подходящим, я спросила у Фоли, где его взять, потому что он говорил, что доклад был у него какое-то время. Однако он сказал, что его забрал какой-то чиновник, и он не думает, что получит его обратно. Фоли говорил, что в нем не было ничего нового. Я однажды держала этот доклад в руках, смогла просмотреть его, но помню очень мало. Это был документ на 115 страницах, описывающий начало советской разведывательной деятельности в США, в частности дела Мартенса, Пойнца, Альтишлера, Сильвермастера и других. Было что-то о советских делегациях ООН, но это все, что мне удалось запомнить. Я думаю, что в остальной части доклада говорилось о действиях Польши, Югославии и, возможно, о деятельности компартии США».

Арчи Палмер, адвокат Джуди, который любил цитировать Библию, дал самое невероятное объяснение имени Майкл, которое упоминается в найденной записке. Он сказал, что это архангел Михаил, победивший красного дракона с семью головами и десятью рогами, который упоминается в Апокалипсисе. ФБР было уверено, что Майкл — кличка главы шпионской сети, работающей в Нью-Йорке, возможно, это был Юрий Новиков, второй секретарь посольства СССР, которому в 1953 году пришлось покинуть Соединенные Штаты из-за участия в другом шпионском скандале.

На одном листе с запиской о Майкле Джуди напечатала информацию о своей учебе, которой занималась после работы. «Начиная с весны 1946 года я посещала Американский университет в Вашингтоне, до того как стала перед необходимостью получить степень магистра в области международных отношений и организаций. Все, что мне нужно для получения степени — написать к лету тезисы. Моя тема — международная пропаганда и контроль». В глазах ФБР эта информация значила, что Джуди должна была представить последнюю информацию о себе для дальнейшего продвижения по служебной лестнице советского шпионажа.

Следующим разделом ее «библиотеки в сумочке» стали характеристики школьной подруги, ее мужа и молодого человека, с которым Джуди познакомилась в университете. Джуди сказала, что это были наброски в стиле Мозма. Она брала реального человека за основу и, добавив какую-то информацию, делала его литературным героем.

Школьную подругу звали Лорейн Элкин, а ее мужа — Алвин Синдербранд. Они жили в Нью-Йорке. Джуди писала, что Лорейн помнила ее как коммунистку, и объясняла, что Лорейн не знала, как относиться в связи с этим к ее работе в правительстве, считать ли ее предательницей или нет. Джуди также отмечала, что муж Лорейн был лоялен к коммунистам. Когда Синдербрандов спросили об этих характеристиках, они ответили, что озадачены, так как не видели Джуди уже много лет.

В третьей характеристике, рассказывающей об Альфреде Бойнтоне Стивенсоне, говорится: «Я познакомилась со Стивом, как его все называют, летом 1946 года. Я склонна характеризовать его как сочувствующего коммунистам, но он немного идеалист и наивен в политических вопросах».

Эти характеристики интересны с той точки зрения, что они построены по плану, используемому при описании агентурных сетей. По такому плану были написаны характеристики всех шпионов, арестованных в Канаде в 1946 году. Каждая включала шесть пунктов: 1. Место встречи автора характеристики и субъекта. 2. Описание субъекта (возраст, работа, происхождение, семейное положение и т. д.). 3. Отношение к коммунистам. 4. Политические симпатии. 5. Близкие друзья. 6. Личность субъекта и его недостатки. Во всех трех характеристиках, подготовленных Джуди, присутствуют похожие части.

На 34 печатных документах, датированных 3 марта, Джуди собрала разнообразную информацию. Каждый документ относился к делу, которое расследовало ФБР, но в большинстве случаев она выбирала в докладе несколько наиболее интересных пунктов. Однако на суде, несмотря на возражения со стороны обвинения, эти доклады были представлены полностью. Например, бланк № 11 содержал только такую строку: Стюарт Легг — возможно, русский шпион. Джуди взяла эту информацию из непроверенного доклада о симпатиях коммунистам таких людей, как Фридрих Марч, Эдвард Робинсон, Дороти Паркер, Пол Муни, Джон Гарфилд и другие. В то время доклад еще оставался на стадии слухов, но, когда его обнародовали, он тем не менее произвел сенсацию.

В другом документе Джуди писала, что Мортон Кент — выпускник Гарварда, русский по происхождению, прорабо-

тавший в правительстве уже десять лет, — пытался наладить контакт с русскими спецслужбами. Вскоре после обнародования этого доклада Кент покончил жизнь самоубийством.

Все документы, собранные Джуди, показывают, что ФБР в своей работе не пропускает никого, а подозрение может быть вызвано самыми невероятными причинами. В частности, Джуди писала: «В марте 1946-го в адресной книге субъекта появилось упоминание Рут Грубер. Доклады дают, что Грубер имела несколько контактов с сотрудником советского посольства Ф. А. Гараниным. Грубер работает секретарем у Гарольда Айкаса, министра внутренних дел». Айкас так ответил на появление этого документа: «Если это проявление аккуратности со стороны ФБР, то нам лучше расформировать эту организацию. Какая-то дура пишет имя моего секретаря у себя на бумажке, а ФБР пытается очернить ее. Если она красная, то я гугенот».

Один из докладов содержал информацию о жителе Сан-Франциско Марио Джузеппе Пеццола, вызванного в ФБР из-за нескольких писем, в которых он хвастался своим друзьям, что работает в секретной разведывательной службе. Пеццола сказал, что написал письма специально, чтобы произвести впечатление на своих друзей.

На Уильяма Дж. Рэгина подозрение пало только потому, что у него была «дорогая фототехника, что говорит о богатстве владельца, и он имел несколько контактов с сотрудниками советского посольства». Оказалось, что Рэгин был просто мегаломаньяком. Он всегда носил с собой чек на тысячу долларов, которым постоянно хвастался, хотя и говорил, что «американский доллар ничего не стоит». Он говорил на русском, польском, немецком языках. Рэгин сменил несколько должностей на оборонных предприятиях. Одно время он работал на артиллерийском заводе и, когда его допрашивали в ФБР, признал, что знает очень много об артиллерийском оборудовании, похваставшись при этом, что он легко мог достать любую информацию о разработках в этой области. Он был безобидным хвастуном, но никак не шпионом.

Еще одно расследование показало, что на полигоне Уайт-Сэндз, где испытывались управляемые ракеты, парикмахером работал коммунист, который, согласно некоторым сообщениям, узнавал у своих клиентов данные об испытаниях. Информатор ФБР сообщал, что Евгению Ча-

вез, так звали парикмахера, сказал своим друзьям-коммунистам, чтобы они не приходили к нему на базу, чтобы не возбудить подозрений. Информатор также сообщал, что «скоро нужно было ожидать передачи Чавезом советскому посольству фотографий и шифрованной информации, рассказывающей о работах, ведущихся на полигоне».

Содержание некоторых докладов было просто абсурдным: «Брат Филипа Леви встречался с человеком, похожим на русского генерала. Он (Джекоб Леви) недавно вернулся из-за границы, привез с собой 5 тысяч долларов наличными в 20-долларовых банкнотах. Как известно, именно этот номинал чаще всего используется русскими спецслужбами для оплаты услуг шпионов».

Другие доклады сообщали о тщательной слежке за советскими дипломатами и членами делегаций ООН: «Георгий Димитрович Сотиров, болгарин, работающий в комитете ООН по общественным делам, подозревается в причастности к болгарской или советской разведкам. Он получил статус сотрудника ООН с целью свободного передвижения по территории США».

В одном из самых обширных докладов говорилось о вывозе Советским Союзом без получения лицензии инструментов, применяемых в атомной отрасли. Эти инструменты закупались фирмой «Амторг» у корпорации «Циклотрон». Первый подобный груз был доставлен в СССР на корабле «Михаил Кутузов» в августе 1947 года. 2 сентября 1948 года такой же груз был изъят с корабля «Мурманск», стоявшего в гавани Нью-Йорка. Третий груз был конфискован в январе 1949 года в порту Клермонт в штате Нью-Джерси. В докладе не сообщалось, что именно вывозилось в СССР, назывались только геофоны — приборы для измерения мощности атомных взрывов, производимые на коммерческой основе.

Документы, собранные Джуди, дали возможность детально изучить деятельность ФБР, чего не было ни до этого, ни после. Одной из причин того, что Министерство юстиции отклонило прошение обвинения о пересмотре дела Коплон, стал протест ФБР, руководители которого не хотели вновь подвергать свое ведомство столь пристальному изучению.

Упоминание об «Амторге» возвращает нас к двум фальшивым докладным запискам, найденным у Джуди.

Та, над которой она работала, была помечена грифом «Совершенно секретно» и имела следующие адреса: «от директора ФБР помощнику Генерального прокурора Пейтону Форду, тема: торговая фирма «Амторг».

Доклад, сочиненный одним из агентов ФБР, содержит следующую информацию: «В данный момент мы пользуемся услугами двух высокопоставленных чиновников «Амторга». Один из них — Исидор Джибли Нидльман, официальный представитель этой фирмы. Контакт с ним поддерживается через посредника. Мы не полностью удовлетворены таким положением дел, в частности, по причине малого объема предоставляемой информации, в связи с чем мы планируем поручить ему получение более полной информации о делах «Амторга».

В этом же документе упоминаются и геофоны, о которых говорится: «Я уже предоставлял Вам информацию о том, что «Амторг» оказывает помощь в закупке оборудования, применяемого в атомных разработках. Наш информатор сообщал, что в «Амторге» знают о дальнейшем использовании этого оборудования. Подобное сообщение является еще одним примером того, что деятельность этой фирмы несет угрозу безопасности США».

Вторая докладная записка, адресованная Фоли, сообщала о том, что троих агентов ФБР, работающих в «Амторге», нужно было проверить, чтобы узнать, не работают ли они на советскую разведку.

Агент, составивший записку, которую обработала Джуди, позднее сделал следующее: он отнес рукопись Джуди известному в то время графологу Дороти Саре, которая возглавляла Американское графологическое общество. Мисс Саре сказали только то, что текст был написан молодой девушкой. Вот результаты ее экспертизы:

«Чувства автора и ее взгляд на жизнь сформированы на уровне подростка. Она может выглядеть достаточно взрослой, но она очень молода эмоционально. Она псевдоинтеллектуальна, то есть хочет сделать что-нибудь выдающееся, важное, но она может быть обманута любым комплиментом, лестным для нее. Она довольно плохо разбирается в людях, с трудом оценивает ситуации, в которые попадает. У нее драматический талант, она всегда «играет роль» и считает себя великой актрисой».

Какую бы роль Джуди не играла, она проработала в Вашингтоне полтора года к тому времени, когда в Америку приехал Губичев. Валентин Алексеевич Губичев родился 24 июня 1916 года. Он учился на инженера и закончил Московский строительный институт со степенью кандидата наук. В 1946 году, без всяких видимых причин, он стал третьим секретарем Министерства иностранных дел СССР, хотя не проходил никакой дипломатической подготовки. Его дела шли превосходно, и уже 20 июля того же года он прибыл в Нью-Йорк в должности инженера по строительству здания ООН, которое возводилось на углу Первой авеню и 44-й улицы. Он был зачислен в штат с годовым жалованьем 6 тысяч долларов.

Согласно докладу комиссии Гувера, который впоследствии назвали «Позорные годы», «советская сторона знала, что мы тщательно изучаем персонал их посольств и консульств. По этой причине они часто шли на превышение дипломатических полномочий». В данном случае это выразилось в назначении Губичева на работу в ООН.

В анкете ООН Валентин Алексеевич указал, что не хочет получить работу за пределами Нью-Йорка или связанную с частыми поездками. Он также отметил свое прекрасное знание английского языка.

Губичев приехал в Нью-Йорк вместе с женой Лидией и десятилетней дочерью Виолеттой. Скорее всего, он считал строительство здания ООН скучной работой, потому что в январе 1947 года подал заявление с просьбой перевести его в Управление безопасности или Генеральную штаб-квартиру ООН.

Советское правительство не сняло с Губичева статуса дипломата, хотя, по Хартии ООН, человек, работающий в Секретариате, не должен иметь дипломатического иммунитета. Губичев приехал в США с документами третьего секретаря, и русские, очевидно, хотели сделать все, чтобы он не потерял дипломатического статуса. Причина этого стала ясна после ареста Губичева, ставшего вторым русским, задержанным за шпионаж в США. Напомним, что первым был Михаил Николаевич Горин.

5 марта, через день после ареста Губичева и Коплон, начался обмен нотами между посольством СССР и Госдепартаментом. Советский посол А. С. Панюшкин выразил огромное удивление по поводу ареста человека, защищен-

ного дипломатическим иммунитетом. Государственный департамент ответил, что, согласно Хартии ООН, член Секретариата этой организации не может иметь официального положения в правительстве его страны. Губичев перестал быть дипломатом в момент подписания им клятвы ООН.

В то время, когда шел этот обмен, Л. С. Толоконников, первый секретарь посольства СССР в США, был отправлен в Нью-Йорк, чтобы передать Губичеву некоторые инструкции. Он сказал подозреваемому, что не следует признавать суверенитет суда, потому что это может помочь избежать его.

Этим объясняется высокомерное поведение Губичева даже тогда, когда ему предъявляли серьезные обвинения. После первого визита Толоконникова Губичев дал интервью журналистам, в котором сказал: «Со мной обращаются, как с обычным уголовником. В моей камере сидят еще два человека, насколько я мог понять, за неуплату налогов».

Через несколько дней Губичев и Коплон предстали перед нью-йоркским окружным судом для слушаний об освобождении под залог. Заседание вел федеральный судья Саймон Рифкинд. Наблюдатели обратили внимание, что Губичев был примерно одного роста с Джуди, которая в тот день надела туфли на каблуках. Он был в наручниках и почти не поднимал глаз. Джуди смотрела прямо на судью. Они не разговаривали и даже не смотрели друг на друга.

Губичев привел в ярость судью, заявив, что он отказывается от защиты, так как слушания были от начала до конца комедией, цель которой — высказать враждебное отношение к его стране. «Мне интересно, — заявил он, — будет ли какая-нибудь польза от того, что из-за меня в этой комедии появится еще один участник. Я считаю, что нарушены мои права, которые обычно соблюдаются в более или менее цивилизованных странах. Я не знаю законов и конституции вашей страны, но я знаю свои законы, а мы не обращаемся с иностранными дипломатами так, как здесь обращаются со мной. Я полагаю, что мы находимся в отсталой стране, применяющей методы инквизиции».

Судья был раздражен сарказмом Губичева и ответил: «Вы говорите мне, что есть страны, в которых подсудимому предоставляется большая возможность защитить себя,

но я не нашел такого государства ни на одной карте мира. Здесь не разыгрывается комедия, и с Вашей стороны будет большой ошибкой отказаться от защитника». Судья Рифкинд дал Губичеву еще немного времени на обдумывание своего предложения, мотивировав это тем, что тот «не знает традиций и обычаев нашей страны».

Это время не изменило отношения Губичева к суду, потому что на следующем слушании он ни слова не произнес по-английски, чем вызвал раздражение судьи Уильяма Бонди. «Вы готовы предстать перед судом?» Губичев покачал головой. «Как Вы меня поняли, если Вы не говорите по-английски?» Губичев в ответ пожал плечами. «Вы понимаете английский?» — «Нет». — «Вы понимаете мой вопрос?» — «Нет». — «Как Вы поняли то, что я Вам сказал?» — «Нет». Все три «нет» были сказаны на русском. «Я не знаю, что он говорит, я назначаю адвоката», — сказал рассерженный судья.

Из-за этой угрозы и отчасти из-за того, что Госдепартамент снял дипломатический иммунитет, Губичеву нашли адвоката. Советское посольство внесло залог в 100 тысяч долларов. Судья Рифкинд спросил Джуди: «Мисс Коплон, у Вас есть какие-нибудь мысли о побеге?» Ответив отрицательно, Джуди была освобождена под меньший залог.

Для защиты Губичева посольство СССР наняло адвоката Абрахама Померанца. Это было одним из немногих уголовных дел, которыми когда-либо занимался Померанц. Он специализировался на защите мелких вкладчиков от директоров предприятий, которые подозревались в утаивании доходов. Он говорит, что заставлял руководство некоторых корпораций выплачивать по 20 млн. долларов своим служащим. За защиту Губичева адвокат получил один из самых высоких гонораров в уголовных делах — 50 тысяч долларов. В то же время он потерял нескольких клиентов, не пожелавших быть связанными с человеком, защищавшим русского шпиона.

Ситуация Джуди была противоположной. Ей был нужен адвокат, но она не могла оплатить его услуги, а часть адвокатов просто не хотела заниматься делом о шпионаже. Спустя некоторое время она встретила Арчибальда Палмера, адвоката, специализировавшегося на делах о банкротстве, который согласился бесплатно вести ее дело.

У Палмера было немного времени на подготовку к процессу в Вашингтоне. Джуди обвинялась в похищении секретных документов с целью передачи их иностранному государству, поэтому Губичев не участвовал в слушаниях по этому делу. Палмер и Джуди разработали версию любовного романа, который потребовал от нее всех знаний о любви. По этой версии Джуди была виновна только в том, что любила русского и ее ошибки были ошибками сердца.

После выяснения законности ареста суд проходил очень быстро. Судья Ривз решил, что «офицеры должны были произвести арест, учитывая отношения с русским, секретные документы, найденные в сумочке, и все, что было сделано подсудимой ранее».

Момент кульминации наступил тогда, когда место свидетеля заняла сама Джуди. Присяжные, многие из которых сами работали в правительственных организациях, очнулись от летней дремоты, чтобы услышать классический рассказ о романтической истории. Джуди вспомнила, что познакомилась с Губичевым 4 сентября 1948 года в Музее современного искусства. Вот фрагмент ее диалога с Палмером:

«В о п р о с. Скажите, при каких обстоятельствах Вы познакомились с Губичевым?»

О т в е т. Я стояла и смотрела на какую-то картину, у них целый зал посвящен кубизму.

В о п р о с. Кубизм? Это вид живописи, изображающий будущее, а Вы должны сами решить, что там нарисовано?»

О т в е т. Нет, это сюрреализм, кубизм — это когда все разбито.

В о п р о с. Итак, Вы смотрели на картину...

О т в е т. Перед картиной стояло несколько человек. Какой-то мужчина спросил, словно обращаясь к ним: «Как вам это нравится?» Я стояла рядом с ним и сказала: «Не очень, но это довольно интересно». Этот мужчина и был Губичев».

Губичев произвел сильное впечатление на Джуди. Он был привлекателен, прекрасно говорил на английском, обладал хорошим чувством юмора. Тогда, как вспоминала Джуди, они обсуждали проблемы русской литературы и

искусства, причем Губичев говорил, что цензура в этой области была довольно глупой. После этой встречи он попросил называть его Вэл.

После этого они встречались еще несколько раз, в основном, как сказала Джуди, в общественных местах. В конце сентября Губичев позвонил ей на работу и спросил, когда она приезжает в Нью-Йорк. Она приехала в Нью-Йорк, и они катались на лодках в Центральном парке.

В октябре встречались дважды: один раз обедали во французском ресторане «У Шарля», на углу 6-й авеню и 10-й улицы, второй раз они встретились в библиотеке университета Колумбии. Губичев всегда вел себя как джентльмен, ни разу не пытаясь поцеловать Джуди. Они обсуждали музыку и литературу.

Джуди была очарована тем, что «он очень много знал о Мильтоне. Он написал несколько работ... мы также обсуждали Шекспира и Шелли. Ему особенно нравился Шелли».

Палмер, всегда быстро реагирующий на слова, спросил: «Шелли писал о любви во всех ее проявлениях, не так ли?»

После одной из таких встреч Джуди поняла, что влюблена в Губичева, и решила познакомить его со своей семьей.

На Рождество «мы встретились в Рокфеллеровском центре возле катка. День был довольно холодным. Мы немного посидели в кафе на Шестой авеню. В тот день мы виделись недолго, так как он плохо чувствовал себя из-за операции, перенесенной в декабре. Я спросила его, не сможет ли он приехать ко мне на следующий день, чтобы познакомиться с моей семьей». На это свидание Губичев приехал с букетом цветов, а Джуди с коробкой конфет и галстуком, который она хотела подарить ему. В этот момент Палмер тонко заметил: «Галстук, который связывает людей».

Договариваясь о встрече 14 января 1949 года, Джуди поинтересовалась, почему Губичев хочет встретиться именно на Вашингтон-Хайтс. Тот ответил, что ему нужно было навестить друга, живущего в этом районе. Палмер тут же заметил, что этот район как нельзя лучше подходит для встреч влюбленных. Но, по словам Джуди, это свидание стало для них «критическим». Она вспоминала, что Губи-

чев, выходя из ресторана, сказал: «Мне нужно сказать тебе что-то важное. Я не могу больше держать это в себе. Я женат, но я несчастен со своей женой».

Джуди была поражена. «Я начала плакать, в руках у меня была газета, и я, может быть, размахивала ею».

Губичев пытался успокоить ее: «Не становись похожей на других американок. Я пытаюсь объяснить тебе, как я несчастен, а ты даже не слушаешь». Они вместе ехали на метро, пока Губичев не вышел на 125-й улице. Джуди пообещала себе, что больше не будет с ним встречаться, но, когда он позвонил, предложив встретиться еще раз, она согласилась.

Это была та встреча, в которой принимало участие ФБР. В Вашингтон-Хайтс они были вместе очень мало. Джуди объяснила это тем, что Губичев боялся, что за ним следят люди, нанятые его женой.

Свидание 4 марта Джуди позднее описывала как Вальпургиеву ночь, когда все было против нее. В момент их ареста Губичев как раз говорил, что за ним могут следить люди из НКВД, тайной полиции СССР, потому что он был недоволен сталинским режимом и собирался дезертировать на Запад. Джуди сказала, что она сильно испугалась того, что ее могут преследовать русские спецслужбы. В это время они шли к тихому немецкому ресторану «Лучев», находящемуся на 14-й улице недалеко от Третьей авеню.

Она призналась, что арест был для нее полной неожиданностью. Не зная, что и думать, она чувствовала себя преданной любимым человеком.

Палмер, отметив, что «любовь не знает границ», продолжал характеризовать Джуди как трудолюбивую девушку, которая влюбилась не в того человека. Свое выступление он закончил следующими словами: «Вы начали с блеска работы, а закончили грязью и ужасом суда. Ваше слово, мистер Келли».

Обвинитель Джон М. Келли, бывший актер, вначале обращался с Джуди довольно мягко. Четко и ясно Джуди рассказала о своих обязанностях в Министерстве юстиции, о жизни в Вашингтоне, о встрече с Губичевым. И когда Келли спросил, сильно ли она любила Губичева, голос Джуди изменился, он дрожал, когда она ответила: «Да».

С этого момента изменилось и поведение Келли. Его

тон стал почти угрожающим, когда он заговорил о любви и, как сказано в буклете «Позорные годы», «дискредитировал эту любовную связь, показав, что Джудит дарила свою любовь совсем другим людям».

Несмотря на жару, стоявшую в то время в Вашингтоне, зал суда был переполнен, когда Джуди заняла место свидетеля. Судья Ривз несколько раз угрожал очистить зал заседаний после чрезмерного оживления, причиной которого обычного были Палмер или подсудимая, которую в газетах называли «маленькой хохотушкой». Палмер был дважды оштрафован на 100 долларов за неуважение к суду, а однажды судья перед всеми назвал его клоуном. Но когда слово брал Келли, в зале воцарялась тишина.

«В о п р о с. Правда ли, мисс Коплон, что Вы и Губичев никогда не любили друг друга?»

О т в е т. Я очень сильно любила его, а насколько я могу судить по его словам, он тоже любил меня.

В о п р о с. Ваши чувства оставались такими до 14 января, когда он сказал Вам, что он женат?»

О т в е т. Да.

В о п р о с. Правда ли, что за неделю до этого, то есть 7 января, Вы провели ночь в отеле «Саузерн» в Балтиморе, зарегистрировавшись с неким мужчиной как мистер и миссис Шапиро, проживающие в Ист-Харфорд, штат Коннектикут?»

Услышав это, Джуди вскочила со своего места и буквально выкрикнула ответ.

«О т в е т. Это ложь! Как Вы смеете так говорить при моей маме?»

В о п р о с. Правда ли, что Вы провели новогоднюю ночь с мистером Шапиро в квартире его друга и между вами была внебрачная связь?»

О т в е т. Нет».

Атака Келли застала Джуди врасплох. Ей пришлось придумывать объяснения. Шапиро, молодой адвокат, работавший на другом этаже, был, по ее словам, «очень хорошим другом, которому можно поведать свои секреты». Она встретила его летом 1948 года и с тех пор часто видела его.

Джуди признала, что провела с ним ночь в Балтиморе и Филадельфии, но настаивала на том, что она «была полностью одета» и между ними ничего не произошло. Она сказала, что не спала ни в одну из этих ночей, потому что обсуждала с Шапиро душевные проблемы.

«В Филадельфии Вы завтракали в постели?» — спросил Келли.

«Нет».

Келли представил счет из отеля за два завтрака в комнате. «Завтрак подавали в комнату, а не в постель», — объяснила Джуди.

Когда Келли сказал, что ФБР следило за всеми свиданиями и записывало их, Джуди потеряла самообладание и сказала: «Сначала вы хотите сделать из меня шпиона, а теперь проститутку».

Заседание суда было прервано, а на следующий день у Джуди было другое объяснение дней, проведенных с Шапиро. Она ездила с ним за покупками, так как «хотела купить новый костюм, а в Вашингтоне был маленький выбор». Шапиро никогда не спал в ее комнате, потому что у него был свой номер. Джуди признала, что он оплачивал комнаты, но «это было его желание. Он зарабатывал больше, чем я».

О новогодней ночи, проведенной в квартире его друга, она сказала, что тогда слишком много выпила и легла спать на диване. «А вообще я не пьяница», — добавила она.

Келли завершил свое выступление, показав изумленным судьям и Джуди доклад ФБР, к которому было приложено несколько фотографий. «Это может освежить Вашу память?» — спросил он. Джуди яростно сказала «Нет», но при этом покраснела. На фотографиях, сделанных в лучших традициях личной жизни, была пара в недвусмысленных позах, а сам доклад содержал фразы, которые обычно говорят друг другу мужчина и женщина, проводящие вместе ночь.

Экскурс Келли в личную жизнь Джуди не имел ничего общего со шпионажем. Не относился он и к Губичеву. Он был построен на принципе, что женщина, влюбленная в одного человека, не может иметь отношений с другим. Но, как показывает практика, этот принцип иногда нарушается. Келли смог представить обвиняемую лгуньей в вопросах, касающихся морали.

Джуди была искушенной незамужней женщиной двадцати восьми лет, которая уже четыре года прожила в Вашингтоне. Она стала бы первой, кто мог сказать, что не была образцом порядочности. Те, кто знал ее, говорили, что «она веселится везде, где это возможно». Число ее любовников сильно выросло после связи с Шапиро. Благодаря слухам, появившимся после вашингтонского процесса, она получила незаслуженную репутацию нимфоманки.

Инцидент с Шапиро стал первым камнем преткновения между Джуди и ее адвокатом. Еще до начала слушаний Палмер хотел, чтобы Шапиро сам выступил на суде. Он полагал, что тот специально поехал с Джуди в другой штат и вступил с ней во внебрачную связь. Таким образом, по закону получалось, что в действиях Джуди не было ничего предосудительного и она была «чиста как свежий снег». Однако Джуди не захотела предать это происшествие огласке.

Палмер в конце концов согласился с ней и заверил Джуди, что обвинение не сможет воспользоваться этим случаем, потому что он будет возражать против этого. Но случилось так, что возражения Палмера были отклонены, и Джуди пришлось импровизировать на суде.

Обвинение, высказанное Джуди, что Шапиро был частью заговора, организованного против нее, кажется необоснованным. Запись, сделанная ФБР в кабинете мисс Коплон на следующий после ареста день, содержит телефонный разговор Натана Левина со своим коллегой, в котором он говорит: «Это было здорово проделано, потому что ее мнение очень трудно узнать».

После допроса, проведенного Келли, Джуди была настолько зла, что решила — Губичев тоже был частью плана. «Это дело настолько дурно пахнет, что даже на небесах чувствуется. А Губичев был включен в Ваш план?»

Затем Джуди была рассержена попытками Келли не дать Палмеру представить ее героиней романа. Келли называл ее «малышкой, у которой мозг устроен, как швейцарские часы». Ко времени окончания допроса он пришел к выводу, что Джуди можно было задать «вопрос на 1 цент, а ответ получить на целый доллар».

Заседание суда состоялось 29 июня, присяжные после двадцатичасового совещания вынесли вердикт «виновна».

Судья Ривз приговорил ее к тюремному заключению сроком от трех до десяти лет по первому пункту обвинения — за похищение документов, имеющих значение для национальной безопасности, с целью передачи их иностранному государству; а также к заключению сроком от одного года до трех лет по второму пункту обвинения — за похищение правительственных документов, причем оба срока должны были проходить одновременно.

Судья рекомендовал, чтобы Джуди поместили в женскую тюрьму в Алдерсоне, в Западной Вирджинии. Показав головой, он добавил: «Вот стоит девушка с блестящими перспективами, с блестящим будущим, а она едва не предала свою страну. Я не знаю, что заставило ее сделать это». А затем он добавил: «Бенедикт Арнольд был смелым и бесстрашным солдатом, хотя он все-таки предал свою страну».

Джуди было предоставлено последнее слово, в котором она сказала: «Меня бы посадили, даже несмотря на 10-тысячный штраф, ожидающий меня в Нью-Йорке. Они знают, что я ограничена в средствах, и хотят сломать меня в тюрьме. Но я не сломаюсь. В газетах писали, что за время суда я стала истеричкой. Я никогда не была и не буду ей. Я думаю, что меня лишили честного суда в этом верном власти городе». Затем Джуди обвинила прессу в том, что она «ужасно» рассказывала о суде, и сказала, что обвинение может «радоваться своей пирровой победе».

Если вспомнить героев греческой мифологии, то Джуди сейчас плыла от Харибды к Сцилле. Закончился вашингтонский процесс над ней, но впереди ее ждал суд в Нью-Йорке, на котором вторым подсудимым был Губичев. После возвращения домой она подверглась испытанию славой. Репортеры охотились за ее интервью, а пресса предлагала 5 тысяч долларов за право напечатать ее историю.

Куда бы она не шла, ее везде узнавали, и она сказала Бертраму: «Я готова застрелиться — я даже не могу спокойно выйти на улицу». В семье Коплон тоже сгущались тучи. Жена Бертрама, Ширли Сидман Коплон, не любила свою золовку. Один из микрофонов ФБР записал, что Ширли, узнав об аресте Джуди, сказала мужу: «Это скорее всего правда, иначе они бы ее не арестовали». Услышав это, Бертрам назвал жену болтушкой и посоветовал остаться во Флориде, откуда она и звонила.

Джуди не обсуждала свои проблемы с семьей, поэтому ФБР, которое все еще прослушивало ее дом, смогло записать только ее телефонные разговоры с адвокатом. Суд в Нью-Йорке должен был начаться только 24 января 1950 года, но Палмер принимал участие в предварительных слушаниях, которые должны были решить, были ли законны свидетельства обвинения, строившиеся на записях подслушивающих устройств.

Адвокат назвал жучки «грешным плодом» и сослался на письмо Дж. Эдгара Гувера, написанное в 1940 году для «Гарвард ло ревью», где автор называл подслушивание «устаревшим и неэффективным методом», который представлял собой «барьер для развития других методов расследования».

Палмер был разочарован, узнав, что все телефоны прослушивались агентами ФБР. «Мне нужны имена всех агентов», — сказал он. Еще больше он расстроился тогда, когда на суде всплыли некоторые из его разговоров. Один из агентов заявил, что Палмер назвал ФБР «непристойным словом». Во время другого разговора он сказал Джуди: «От этого судьи не дождешься честного суда» (сказано о федеральном судье Сильвестре Райане, председательствующем на суде в Нью-Йорке).

После сенсационных слушаний в Вашингтоне суд в Нью-Йорке был практически концом всего дела. Здесь, конечно, привлекал внимание Губичев, но он ни разу не выступил сам. Померанц, бывший советник США, который помогал собрать обвинения против нацистов на Нюрнбергском процессе, блестяще отстаивал своего подзащитного, но его сдерживал контроль советских властей. Губичев, как и полковник Абель в 1957 году, ни разу не выступил перед судом. Рядом с ним был Юрий Новиков, второй секретарь посольства СССР. Померанц хотел, чтобы Губичев предстал перед судом, помня о том, что у присяжных появляются сомнения, если обвиняемый не сам возражает против предъявляемых ему обвинений. Померанц также чувствовал, что Губичев, благодаря своим личным качествам, станет выгодным свидетелем. Новикова убедить не удалось, и он попросил Померанца сосредоточиться на технике расследования, применяемой ФБР.

Сам Губичев был то зол, то шутлив. 4 марта 1950 года

он спросил, не будет ли отмечаться первая годовщина его ареста. В другой раз, когда его спросили в суде, что у него в сумке, он ответил: «Бомба». Но когда Померанц пытался еще раз вернуть на сцену суда любовные отношения, Губичев самодовольно сказал ему: «Вы хороший адвокат, но вы слишком наивны. Вы думаете, что в США есть правосудие?»

Самым драматичным моментом суда в Нью-Йорке стали не свидетельские показания, в которых в основном повторялось то, что было сказано в Вашингтоне, а конфликт между клиентом и адвокатом. В делах об организации заговоров между адвокатами обвиняемых обычно нет трений. Но в этом случае между защитниками была «глубокая патологическая враждебность». Даже на предварительных слушаниях Палмер заявлял, что он и Померанц были на «противоположных полюсах». Померанц, раздраженный тем, как Палмер опрашивает свидетелей, однажды сказал ему: «Вы ведете себя как осел». Ответ Палмера был прост: «Заткнись». Подобные препирательства продолжались во время всех заседаний и, естественно, ничего хорошего для защиты не сделали.

Более неприятным для Джуди стало ухудшение отношений между ней и Палмером, которое привело к тому, что в феврале она отказалась от его услуг. Вскоре после начала суда Джуди, нервничающая из-за того, что ей грозило более серьезное наказание, поспорила с Палмером о методе ее защиты. Они какое-то время не разговаривали. Палмер защищал Джуди так, как если бы ее не было в зале суда, а Джуди не обращала на него внимания.

Судья Райан вел закрытые заседания, чтобы дать Джуди и Палмеру возможность помириться, но однажды она обвинила Палмера в том, что он ругается в присутствии журналистов, бьет ее.

Здесь Джуди говорила о пресс-конференции, которая проходила через пять дней после начала заседаний в Нью-Йорке. Она сказала репортерам, что ее чувства к Губичеву в данный момент «нельзя назвать любовью». «Хотя я не думаю, что он шпион», — добавила она. «Твой ответ саркастичен. Нельзя допускать сарказма, общаясь с этими людьми», — сказал Палмер.

«Я не отвечала», — возразила Джуди.

«Я все слышал. Это была саркастичная фраза. Я всегда

говорил, что в некоторых вопросах ты полная дура». Потом приказал ей заткнуться.

Палмер сказал судье Райану, что Джуди пыталась объяснить ему, как нужно защищать ее, и добавил, что он не собирается позволять клиенту командовать собой. Потом он заявил, что уже год работает над делом, за которое ничего не получает, но готов продолжать работу. Но Джуди была непреклонна. Судья предупредил ее, что замена адвоката в середине процесса не даст оснований для судебного разбирательства с нарушением процедуры. После длительных совещаний Джуди были назначены три новых адвоката: Леонард Боудин, Сэмюэль Нойбергер и Сидни Берман.

Судья Райан предоставил им неделю на изучение материалов дела, которое к тому времени составляло 45 томов. Трое адвокатов остановились на заседании с нарушением процедуры, заявив, что Джуди пострадала от некомпетентной защиты. Сложившуюся в зале суда ситуацию они отнесли за счет непонимания между клиентом и адвокатом, намерениями Палмера снова вызвать Джуди как свидетеля, его желанием еще раз вернуться к случаю с Шапиро и отказом консультироваться с Померанцем. После этого они решили принимать участие в судах высших инстанций, ограничив свои полномочия на этом процессе только последним словом в защиту клиента.

Таким образом, Померанцу пришлось защищать и Губичева, и Джуди. В своем последнем слове он сказал, что «только шпионы из мюзиклов могут делать то, что делали эти люди». Он заявил, что если его подзащитные и были шпионами, то очень плохими. Вместо того, чтобы передать информацию очень быстро, они три раза встречались в одном месте. Померанц отметил, что оживленная речь Джуди и размахивание газетой «не похоже на поведение шпиона». Во время последней встречи они вели себя скорее как люди, уходящие от преследования, и, словно «голуби в тире», ждали ареста на Третей авеню. У Джуди была масса возможностей избавиться от материала, лежавшего в ее сумочке, пока их преследовали, но она не сделала этого.

По мнению экспертов в области шпионажа, они действовали глупо, но не были невиновны. Джуди была слишком самонадеянна. Она знала, что ее и Губичева пресле-

дуют, но была уверена, что они избавились от «хвоста», когда были на Третьей авеню. Более того, у них не оставалось времени, чтобы где-нибудь спрятать документы. Это была информация, которая срочно требовалась советской стороне, а Джуди заверила их, что она находится вне подозрений. Губичев был уверен в своей недосыгаемости для закона из-за дипломатического иммунитета. Они рисковали так, как не рисковал ни один разведчик.

Присяжные совещались сорок восемь часов. Померанц говорил, что ставки были два к одному, что приговор будет обвинительным. Размышления присяжных были прерваны заминкой, вызванной ошибкой в копии обвинительного акта, выданного им. Акт состоял из четырех пунктов, первый из которых включал шесть частей, разъяснявших обвинения. Часть четвертая первого пункта говорила, что Джуди, «имеющая законный доступ к материалам, документам и письмам, относящимся к национальной безопасности, которые были доверены ей, хотела передать их людям, не обладающим полномочиями для их получения».

Однако второй пункт обвинительного акта гласил, что «4 марта обвиняемая, имеющая незаконный доступ к материалам, документам и письмам, относящимся к национальной безопасности, которые были доверены ей, хотела передать их Губичеву».

Председатель суда присяжных вышел к судье в середине заседания, заметно обеспокоенный, и спросил: «Слово в третьей строке второго пункта обвинительного акта нужно читать как «законный» или как «незаконный»?»

Судья Райан попросил принести оригинал обвинительного акта и объяснил: «В слове «незаконный» две первые буквы зачеркнуты карандашом, следовательно, это слово будет читаться как «законный».

Судья, однако, подчеркнул, что эта ошибка в акте не вносит существенной разницы, так как попытка передачи документов, которыми человек обладает «законно или незаконно», уже является преступлением. Другими словами, обсуждалась не законность того, что у Джуди были эти документы, а попытка передачи этих документов представителю иностранного государства.

Померанц заявил, что ошибка в обвинительном акте произвела неправильное впечатление на присяжных, а один

из адвокатов Джуди потребовал проведения заседания с нарушением процедуры, но это требование было отклонено. Померанц потребовал, чтобы присяжным объяснили, что всеми бумагами, найденными в сумочке Джуди, она обладала на законных основаниях. Однако это требование также было отклонено. Присяжные вынесли обвинительный приговор. Поскольку именно они обнаружили ошибку, которую защита пропустила во время изучения материалов, можно предположить, что они сумели во всем разобраться.

Тем не менее приговор был довольно любопытным. Джуди признали виновной по первому пункту (организация заговора с Губичевым) и по четвертому пункту (намерение передать секретные документы иностранному государству), но она была признана невиновной по второму пункту обвинения (попытка передачи документов Губичеву). Губичева признали виновным по третьему пункту обвинения (попытка незаконным путем получить документы, лежавшие в сумочке Джуди).

Присяжные, таким образом, противоречили сами себе, признавая Коплон невиновной в передаче документов, а Губичева — виновным в их получении. Померанц указал на эту непоследовательность, потребовав отменить решение, потому что «Губичев физически не мог получить документы, если Джуди не передала их ему».

Но присяжные, очевидно, решили не признавать Джуди виновной по тому пункту, в котором была опечатка в обвинительном акте. Содержание этого пункта раскрывалось также в четвертом пункте и четвертой части первого пункта. Можно не сомневаться в том, что присяжные решили, что их основной задачей было установить, виновна ли мисс Коплон в попытке передачи документов вне зависимости от законности обладания ими.

Померанц все еще уверен в том, что на суде с ним обошлись несправедливо. Он рассказывал, что встретил в автобусе женщину, которая подошла к нему и сказала: «Вы не узнаете меня? Я была одной из присяжных на суде над Коплон». Адвокат спросил, действительно ли она верила, что Джуди была виновна в попытке передать Губичеву секретную информацию. Та ответила: «Вообще-то, нет, но мы имели дело с русским и должны были обойтись с ним так же, как и русские обошлись бы с американцем».

В день вынесения приговора судья Райан каждому из подсудимых высказал свое мнение о нем. Приговаривая Джуди к двадцати годам лишения свободы, он сказал: «Вы запятнали свое имя бесчестьем. Вы принесли позор и трагедию своей семье. Вы предали страну, которая вырастила Вас, дала Вам образование, которая доверила Вам ответственную работу. Вы оказались неблагодарной дочерью. Мои наблюдения за Вами во время суда показывают, что в Вас еще пускают корни семена предательства».

Повернувшись к ухмыляющемуся Губичеву, судья Райан приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы и заметил: «Вы прибыли сюда как посланец мира, Вы были приняты как друг, но Вы нарушили клятву Секретариата ООН... Вы осуждены за предательство всего человечества... и Вы стоите с ухмылкой, слушая свой приговор за нарушения всех прав человечества».

Затем судья Райан с горечью сообщил, что Государственный секретарь США Дин Ачесон направил ему прошение отложить исполнение приговора Губичеву с условием, что он не будет подавать апелляцию и покинет страну. Процесс, таким образом, переместился с уровня Федерального суда Нью-Йорка на уровень международной политики. Государственный департамент выражал озабоченность судьбами американских граждан в Восточной Европе, против которых могли быть приняты ответные меры, если бы Губичева все-таки отправили в тюрьму.

Судья Райан с сожалением отметил, что не в его компетенции рассуждать о причинах и мудрости этой просьбы, но, расставаясь с Губичевым, сказал ему, что его поступок «осудит все человечество».

Губичев и его жена не тратили времени на сборы, а их дочь еще до начала суда была отправлена в СССР. Русские до конца оставались высокомерными. 20 марта супруги отправились в СССР на польском корабле «Баторий». Каюта первого класса была оплачена ООН, потратившей на это почти 600 долларов. Губичев оставался членом Секретариата ООН и получал свое жалованье даже во время суда. Домой он увез около 2 тысяч долларов выходного пособия.

Среди багажа отъезжающих был и большой телевизор, который, как сказал Губичев, он купил «на свои деньги». Когда его спросили, есть ли в России телевидение, он

ответил, что «русские изобрели его, поэтому он и забирает телевизор с собой». В дорогу Губичев взял материалы нью-йоркского процесса, которые составили около 6 тысяч страниц. Его также спросили, что он может сказать на прощание своей компаньонке по заговору. Он пожелал ей удачи. «Баторий» прибыл в польский порт Гданьск, откуда семью переправили в Москву. Больше о Губичеве ничего не было слышно.

Померанц говорит, что он через некоторое время развелся со своей женой, что подтверждает роман между ним и Джуди.

Палмера как-то спросили: что, по его мнению, случилось с Губичевым? Он ответил, как бы оговорившись: «Я думаю, что он сейчас в Сибири из-за проваленного задания».

В декабре 1950 года судья Лернид Хэнд и еще двое членов кассационного суда установили, что арест Коплон и Губичева был незаконным, что правительству не удалось доказать, что дело основывалось на незаконных записях подслушивающих устройств, а также то, что судьи не представили защите часть важных документов. Однако в заключение судьи Джером Фрэнк и Томас Суон сказали: «Приговор должен быть отменен, но мы не снимаем обвинения, так как их вина очевидна».

Развязка в деле Коплон не наступила вплоть до 1954 года, когда на Запад дезертировали два офицера МВД. Они обладали ценной информацией, и каждый пролил новый свет на дело Коплон.

Юрий Расторов, второй секретарь советской миссии в Японии, подполковник МВД, сказал, что был в Москве в 1951 году, когда туда был доставлен Губичев. Он не являлся сотрудником МВД, а служил капитаном в ГРУ. После возвращения из США его лишили чина и отстранили от разведывательной деятельности. В феврале 1956 года Расторов выступал перед Комиссией сената по внутренней безопасности, и его спросили: «Знаете ли Вы Губичева?» Он ответил: «Да. Я встречался с ним, когда он вернулся из этой страны после провала операции с Коплон. Она была завербована им, но из-за неудачи он был отозван и позже уволен со службы. Сам он был арестован. Одной из причин его отстранения стало то, что ему перестали доверять. Политика СССР такова, что здесь больше не доверяют

людям, которые были арестованы контрразведкой другого государства».

Что касается Александра Панюшкина, советского посла в США, пытавшегося препятствовать снятию с Губичева дипломатического иммунитета, то именно ему принадлежала идея сделать Губичева членом Секретариата ООН. Панюшкин был генерал-майором МВД, одним из немногих, кто уцелел в чистках, начавшихся после ареста Л. П. Берии. Он уехал из США в 1952 году, до 1953 года возглавлял советскую миссию в Китае, а в 1953 году занял одну из руководящих должностей в только что созданном КГБ, где работает и сейчас.

Роль Панюшкина в этом деле подтвердил и второй дезертир, капитан МВД Николай Хохлов, сдавшийся в Западном Берлине, куда он был отправлен, чтобы убить одного из русских лидеров антикоммунизма. Хохлов рассказал американской разведке, что однажды он пришел в Управление КГБ на площади Дзержинского и узнал о новом шефе. Ему сказали следующее: «Панюшкин — очень опытный человек, знающий всю нашу работу. Теперь он отвечает за всю разведку. У нас очень мало профессионалов, имеющих опыт работы в области дипломатии».

Дело Коплон и Губичева кончилось тем, что им обоим пришлось подчиниться правосудию своих стран. Губичева скорее всего отправили в исправительные лагеря. Джуди оказалась в выигрыше, потому что юридическая система, признав ее вину, не дала наказать ее по той причине, что были нарушены ее права, хотя она пыталась предать государство, которое ей эти права и обеспечило.

4. MEA CULPA* ГАРРИ ГОЛДА

«Я рос не как воины, выросшие из зубов дракона, посаженных в землю Ясоном. На протяжении семнадцати лет постоянно что-нибудь происходило».

(Из выступления Гарри Голда перед комитетом сената в 1956 году).

История Гарри Голда еще более показательна, чем дело Коплон. Среди людей, чью профессию часто называют «тихой службой», Голд известен как самый разговорчивый человек. Его арест в 1950 году открыл шлюзы после долгих лет секретности. Он рассказывал ФБР, он говорил на суде, подолгу беседовал с репортерами. Он почти с любовью описывал, как передавал советским агентам атомные секреты, похищенные Клаусом Фуксом и Джулиусом Розенбергом. Уже после того, как его отправили в Левисбургскую тюрьму отбывать тридцатилетний срок наказания, его вызывали в сенат, чтобы он рассказал еще что-нибудь. Его разговорчивость, однако, не помогла смягчить наказание — в октябре 1960 года его прошение было отвергнуто Комиссией по делам поручительства.

Сессия сената превратилась в изучение жизни человека, уже объявленного еретиком. Сенаторы хотели, чтобы он объяснил свои поступки языком, знакомым американцам. Они хотели, чтобы он сказал, что не знал, что делает — его околдовали, и он стал предателем. Гарри же упорно настаивал на своей ответственности, на свободе сделанного им выбора, на том, что он отказался от платы за свои услуги,

* Mea culpa (лат.) — моя вина, моя величайшая вина; грешен. (Прим. ред.).

на том, что он ясно осознавал свои поступки и причины, побудившие его сделать это. Сенаторы оказались перед человеком, которым руководила не слабость, а сила характера.

Этот маленький коренастый мужчина, с лицом будто с египетского медальона (длинные, почти женские, ресницы, острый подбородок), сдерживал все попытки понять, почему он был так далек от «американской мечты». Это не было ответом, объяснял он. Сенатор от штата Айдахо Герман Уелкер спросил Гарри: «Когда Вы только начали заниматься шпионажем, у Вас был комплекс неполноценности, не так ли?»

«Я не думаю, что у меня когда-нибудь было что-то похожее на комплекс неполноценности, — ответил Гарри. — Во мне, по-моему, много энергии. Я люблю что-нибудь делать. И у меня такое мышление, что если я что-то начинаю, то должен это закончить. И меня очень трудно остановить».

Сенатор настаивал: «Я понял, что в Вашей жизни было немного счастливых моментов, верно?»

«По-моему, с этим нужно окончательно разобраться. В моей жизни в самом деле было много ерунды, например, говорят, что я занялся этим из-за несчастной любви; да, мне не очень повезло в чувствах, но не это причина, по которой я стал шпионом, как и нельзя назвать причиной чувство неполноценности и желание получить поощрение от других людей. Чтобы опровергнуть это, нужны месяцы, и это сущий вздор».

Гарри не обманывал себя. Он знал, в чем заключалась его проблема. «Моей единственной проблемой было то, что я всегда был уверен, что я прав». Гарри был похож на Фауста, и дьявол понимал его лучше, чем озадаченные сенаторы.

Гарри отмечал следующее: «Русские обращались со мной, как виртуоз со скрипкой. Они здорово меня использовали, теперь я это понимаю. Они знали, чем можно привлечь меня. Мне не платили за услуги, поэтому меня поощряли косвенно, принижая достоинство людей, работавших на них за деньги».

Приведем здесь историю сотрудничества Гарри Голда с Советским Союзом, которое началось в 1935 году и продолжалось до его ареста в 1950-м. Настоящая фамилия

его родителей была Голодницкие, они жили в Киеве, но в 1907 году бежали из города и нашли прибежище в Швейцарии. Гарри родился 12 декабря 1910 года в Берне. Когда началась Первая мировая война, его семья эмигрировала в Соединенные Штаты и в 1922 году получила гражданство. По совету иммиграционного чиновника, который с трудом произносил фамилию, родители еще во время въезда в США заменили ее на Голд.

Мистер Голд оборудовал кабинеты и работал в Филадельфии на подающем надежду предприятии — компании «Виктор толкинг машин». Одним из ранних воспоминаний Гарри стали неприятности, которые возникли у отца на работе из-за того, что он был евреем. Сам мистер Голд стоически переносил все проблемы, связанные с его национальностью. Но его жена была более экспансивна, и ее гнев часто видели Гарри и его младший брат Джозеф.

В 1920 году, после прилива ирландской и итальянской рабочей силы, мистер Голд стал объектом насмешек у себя на работе. У него воровали инструменты, наливали клей в карманы костюма. Один из ирландцев был ярым антисемитом и часто говорил ему: «Ты, еврейский сукин сын, я заставлю тебя уволиться».

К тому времени изменилась технология производства. Кустарное изготовление мебели уступило место конвейеру, и бригадир-ирландец поставил Голда на шлифовку. Старик не мог справиться со скоростью работы, и его руки, когда он приходил домой, были изодраны до крови. Он надевал перчатки, чтобы дети не видели травм.

Гарри тоже пришлось недолго ждать проявлений антисемитизма по отношению к себе. Их семья жила в то время на краю уважаемого квартала, в доме 2600 по Филипп-стрит. За этой улицей начинались трущобы, которые назывались «Нек». Жили там в основном ирландские эмигранты, которые выращивали свиней на болотистых землях этого квартала. Евреи, стремившиеся к чистоте и уважительности, были предметом их ненависти. Банда подростков, которую называли «некерз», регулярно устраивала набеги на «еврейскую территорию», вооружась кирпичами, палками. Гарри вспоминал: «Когда мне было двенадцать лет, я ходил в библиотеку, до которой было две мили. Однажды, когда я шел домой, на меня напали примерно пятнадцать человек, которые меня сильно избили.

Со мной было еще два мальчика, но им удалось убежать... После этого отец обычно ходил со мной в библиотеку и ждал, пока я брал книги. Я стыдился этой защиты и старался избавиться от нее. Позже я перестал бояться и ходил один».

Когда советские агенты, вербовавшие Голда, затронули тему антисемитизма, они нашли в нем отличного слушателя. На все, что говорилось об этом, он реагировал очень эмоционально. Он поверил, когда ему сказали, что «СССР — единственная страна, в которой антисемитизм является преступлением против государства».

Его в этом не разубедил даже пакт о ненападении, заключенный между СССР и нацистской Германией. Он был возмущен этим соглашением и потребовал у русских объяснений. «Что у вас происходит?» — спросил он.

Ответ был таким: «Нам нужно время. Мы купим время у самого дьявола, если будет нужно. В этом случае сатану зовут Адольф Гитлер. Когда мы будем готовы, мы нанесем удар и сотрем нацизм с лица земли».

Этот аргумент убедил Гарри, он продолжал верить, что Советский Союз был единственной страной, боровшейся с нацизмом и, следовательно, с антисемитизмом. Он объяснял, что суть нацизма, фашизма и антисемитизма одинакова. «Это был вековой враг, зло и кровавые побоища римских арен, средневековые гетто, инквизиция, погромы, нынешние концлагеря. Я выступаю за все, что борется с антисемитизмом».

Другие факторы раннего детства не оставили следов в характере Гарри. Его семья была бедна, но он никогда не жалел о недостатке денег. Он отказался от оплаты своей шпионской работы, хотя признал, что за все годы потратил около 7 тысяч долларов на поездки по стране, причем половина этой суммы была заплачена им самим. В 1930 году, когда депрессия коснулась их семьи, он отдал матери почти половину своих сбережений, хотя сам потерял работу.

Годы, проведенные Гарри в школе, также сыграли свою роль. Слабый мальчик был исключен из всех игр, его прозвали «Голди». Ему не давали играть в футбол, а дома он с помощью двух шахматных досок часами изобретал сложные настольные игры. Восхищение и зависть к тем, кем он не мог стать, навсегда остались с Гарри, который стал фанатичным болельщиком.

То, как работал его мозг, показывают воспоминания Голда о своей последней встрече с советским агентом 23 октября 1949 года: «Я точно помню дату, потому что после встречи с Сарычевым (его связной) купил «Дейли ньюс», на спортивной странице которой рассказывалось об игре двух футбольных клубов: Нью-Йорка и Сан-Франциско. Я особенно хорошо помню фрагмент, который описывал игру двух нападающих Нью-Йорка».

В натуре Гарри ощущалось стремление к славе, и он пытался удовлетворить его своей тайной деятельностью, хотя говорил, что шпионаж был самой тяжелой работой, с какой он когда-либо сталкивался.

В старших классах мальчику наконец удалось завоевать уважение одноклассников, в этом ему помогли знания по химии. Его перестали звать «Голди». Он никогда не прогуливал уроки и не возражал учителям. В его скромном характере не было ни одной черты, свойственной обычному американскому подростку. Внешне это был тихий, трудолюбивый Гарри Голд, которому доверяли учителя.

Но в его характере уже тогда зародилось что-то, о чем он позже говорил так: «Очень сильная склонность к принятию решительных, и даже незаконных, действий, если того требовала сложившаяся ситуация».

Однажды старшеклассника Гарри, доктор Фарбиш, преподаватель английского языка, попросил оценить часть экзаменационных работ. Голд вспоминает: «Я взял их домой, сидел до пяти часов утра, добавляя ответы, стирая неверные, иногда даже подделывая чей-нибудь почерк. Когда я закончил проверку, оказалось, что экзамен сдали все. Утром я отдал работы Фарбишу, а днем он встретил меня в коридоре. В голосе его чувствовался сарказм: «Гарри, класс очень хорошо сдал экзамен, не так ли?»

У парня тоже не было проблем с экзаменами, поэтому когда он в 1928 году закончил школу, то начал посещать курсы химической промышленности в Пенсильванском университете. Но обучение оказалось ему не по средствам, и он поступил на работу в компанию «Пенсильвания шуга компани», одновременно посещая вечерние курсы в технологическом институте в Дрекселе.

Когда Гарри на себе ощутил влияние депрессии, он начал искать ответ на вопрос: существует ли такая политическая система, которая может гарантировать экономи-

ческую безопасность? В 1932 году он публично похвалил социалистов и Нормана Томаса. Его уволили за подобный образ мыслей. За полтора месяца, что он был безработным, Гарри попал под влияние новых идей. С помощью своего знакомого Тома Блэка он устроился на фабрику, производившую мыло. Голд проработал на фабрике всего неделю, когда Блэк сказал ему: «Я коммунист и из тебя тоже сделаю коммуниста».

Гарри отправился на свою первую встречу с коммунистами частично из-за скуки, частично из-за долга Блэку, а также из-за желания с кем-нибудь подружиться.

То, что он увидел, потрясло его. Членами партии были люди, которых он называл «неприятными», — хулиганы, представители богемы, постоянно говорившие о свободной любви, лентяи, которые не будут работать ни при какой политической системе, и прочие болтуны. В дружбе с Блэком появилась трещина, когда Гарри после одного из многочасовых обсуждений марксизма вскочил и сказал, что, если ему дадут шесть человек, он поднимет восстание. Все эти бесчисленные разговоры показались Гарри бесполезными, поэтому он отказал настойчивым просьбам Блэка о вступлении в партию.

В сентябре 1933 года компания, в которой он работал до этого, открыла завод по очистке сахара, и Гарри с облегчением уехал из Джерси. На новой работе он был счастлив, потому что наконец-то нашел учителя. Доктор Густав Райх, руководивший исследованиями на заводе, взял его под свою опеку. «Он как бы вырастил меня. Я начинал в лаборатории с мытья пробирок, а когда ушел из компании, был уже опытным химиком».

Вскоре после переезда в Филадельфию в жизни Гарри снова появился Блэк. Он прочитал Голду лекцию о промышленной отсталости СССР и сказал: «Эти люди до сих пор живут в XVIII веке, они едят грубую пищу. Ты можешь помочь им сделать жизнь хоть немного лучше, довести ее до уровня, при котором может жить человек».

Блэк настаивал. Он хотел, чтобы Гарри добыл некоторую информацию о процессах очистки сахара. «Люди Советского Союза должны знать эти процессы», — сказал он.

Это было первое шпионское задание Гарри. Он выполнил его не без удивления, но с чистым сердцем и ясным умом. Причины, по которым он сделал это, следу-

ющие: он все еще чувствовал себя обязанным Блэку, люди СССР были очень симпатичны ему. К тому же, он думал, что совершает правильный поступок. Подобное понимание вещей он отмечал у многих ученых: «Я встречал подобные чувства у других людей, особенно у тех, кто работает в науке. Они знают все о своей деятельности и думают, что если они правы в ней, то они правы и в остальном».

Гарри начал похищать документы Райха, человека, который был добр к нему. Он размножал светокпии и доклады, унося материалы домой и возвращая их утром. Его привлекала техническая сторона его тайной работы — как достать материал, скопировать его, как сделать так, чтобы его не поймали.

Он сумел сделать себе ключи от шкафов и попросил перевести его на ночную работу, чтобы облегчить себе задачу. Позже Гарри говорил: «Мы начали с простых вещей. Что такое, в конце концов, химические препараты? Но потом они усложняли задания».

Он передавал материалы вплоть до 1935 года, и Блэк рассказывал ему, как русские восхищались его работой, а однажды сказал, что один из них хочет поблагодарить его лично.

Встреча должна была состояться в Нью-Йорке. Человек, представившийся как Пол Смит, приказал Блэку уйти. Русский сказал, что ему нужны все данные о Гарри и его семье и добавил: скоро он получит новое, более важное задание. Ему объяснили, что завод больше не представляет ценности как источник информации и что ему придется найти новую работу. До этого Гарри должен был заниматься поисками троцкистов в Филадельфии. На этот раз не было никакой двусмысленности. Но хотя Гарри знал, что будет работать на русских, он принял это предложение. Впоследствии он так объяснял свое решение: «Я потерял веру в демократические процессы, у меня было врожденное желание сделать что-нибудь с этим удручающим положением. Однажды я уронил сушилку, в которой было 22 тигля — результат недельной работы. Я не сел на пол и не заплакал, не пошел напиваться. Я просто работал двое суток, повторяя все анализы».

С 1934 по 1945 год Гарри провел «одиннадцать очень активных лет». У него было трое связных, все они работали под прикрытием «Амторга». Связные обычно меняются

раз в полтора года, но с Семеном (Сэмом) Семеновым Гарри работал 4 года — с 1940-го по 1943-й. Семенов был инженером, контролировавшим закупку оборудования для очистки нефти. Гарри вспоминал, что он был очень похож на мексиканца.

Семенов приехал в США в 1938 году, учился в технологическом институте в Массачусетсе. В 1940 году он закончил его со степенью магистра. Из Соединенных Штатов он уехал в 1944 году.

Семенов признался Гарри, что шпионаж был необходимой неприятностью, которая была выше их. «Смотри, — говорил он, — я математик и инженер-химик. Мы не связаны с этим делом. Мы просто у всех просим информацию, иногда угрожая, иногда лстя. Я хочу изобретать новые вещи. Ты хочешь работать в лаборатории. Когда-нибудь наступит тот счастливый день, и ты будешь заниматься своим любимым делом. То, что тебя поймают, неизбежно. Шпионажем нельзя заниматься всегда. Главное — уйти до того, как тебя схватят». Гарри был буквально очарован Семеновым. Он забыл все, с чем не совсем был согласен, когда Семенов сказал, что «после революции» ему дадут исследовательскую лабораторию.

В это время у Голда были разные поручения, но ни одно из них не было важным. Его готовили к будущему, а у него пропадало очарование от его работы. Гарри сам говорил, что «шпионаж — тяжелый монотонный труд. Если кто-то думает, что в нем есть что-то шикарное, нужно сделать так, чтобы его мнение об этой профессии никогда не менялось. Это не что иное, как тяжелый труд. Вы годами работаете, чтобы достать какую-нибудь информацию. Иногда не везет, и тогда часами стоишь на углу улицы. Успех несоизмерим с теми усилиями, которые вы в него вложили. Еще более важно то, что я постепенно начал терять индивидуализм и даже само желание чем-то отличаться от других. Я становился человеком, который делает все, что ему говорят».

Гарри по-прежнему жил со своей семьей в Филадельфии, и его частое отсутствие убедили мать в том, что ее сын ведет беспорядочную жизнь. Правдой было то, что он несколько раз влюблялся, но не мог поддерживать отношения с девушками из-за требований своей профессии. Одна из его подруг сказала даже, что у Гарри просто нет страсти.

Ко времени получения первого важного задания требования к курьерской работе уже влияли на жизнь Гарри. «Я знал, как нужно соврать родным и друзьям, чтобы объяснить свою очередную поездку. Я привык часами стоять на углах улиц — часто в городах, где мне было не место. Мне приходилось убивать время в дешевых кинотеатрах, бездумно смотря на экран и беспокоясь о том, что происходит на улице».

В 1938 году связной передал Гарри, что советское правительство хочет, чтобы он продолжил прерванное обучение, и готово заплатить за него. Голд поступил в университет Ксавье, который и окончил в 1940 году со степенью бакалавра.

Чтобы показать своим шефам, что они не напрасно тратят деньги, он начал создавать сеть агентов, которых, предположительно, завербовал еще в университете. Он готовил сообщения о студентах, сочувствовавших коммунистам. Из университетской библиотеки он получал техническую информацию. Ясно сознавая свои поступки, Гарри говорил, что ему «приходилось иногда так много лгать, что, казалось, из ушей шел пар».

В 1942 году его призвали в армию, но, к радости его руководителей, он был признан негодным к службе из-за гипертонии. Его брат Джозеф тоже был призван и через три года вернулся домой с тремя медалями Бронзовой звезды.

У Гарри также был орден — Красной Звезды, — которым его наградили в 1943 году. Этот орден давал право на бесплатный проезд в московском общественном транспорте, но этой привилегией он так никогда и не воспользовался. Самое известное задание Голда заключалось в передаче атомных секретов, которые Клаус Фукс похищал для русских. Однако, по мнению самого Гарри, он выполнил еще одно не менее важное задание, хотя оно и не было драматичным. В 1940 году ему было поручено войти в контакт с Альфредом Дином Слэком, работавшим в Сиракузах в компании «Истман Кодак». С 1940 по 1942 год Слэк передавал Голду информацию о разработках «Кодака» в области цветной фотографии. Все компоненты были настолько засекречены, что компания даже не запатентовала их. Русские могли получить формулы проявителей и закрепить

телей двумя путями: либо создав организацию, способную конкурировать с «Кодаком», либо украв их.

Гарри говорил: «Именно поэтому я считаю это более разрушительным, чем атомная бомба, потому что этот процесс нельзя скопировать... После того как стало известно, что атом можно расщепить, это может сделать кто угодно, если он обладает достаточным техническим и промышленным материалом. Это не сложно с той точки зрения, что известна теория процесса. Все относящееся к атомным разработкам было опубликовано в технических журналах. Но фотография — это та область, в которой нет теории. Здесь все зависит от знания мельчайших деталей, на открытие которых может уйти два-три года. Примерно столько времени нужно, чтобы разработать определенный проявитель. А кроме этого, нужно разработать и эмульсии, в некоторых из которых смешиваются компоненты шести-семи цветов».

Слэк также передавал Гарри информацию о производстве нейлона. Он был арестован в ходе расследования дела Розенбергов и приговорен к пятнадцати годам заключения.

Встречи Гарри со Слэком были прерваны в 1943 году срочным сообщением от Семенова, который сказал ему при встрече: «Появилось что-то новое. Оно настолько огромно, что тебе придется сосредоточить на нем все свое внимание, чтобы успешно выполнить это поручение. Ты должен сконцентрироваться только на этом деле. Перед тем как действовать, подумай, и не один раз. Здесь нельзя допустить ни одной ошибки. Это задание должно быть выполнено. Но оно очень опасно. Ты уверен, что хочешь заняться им?»

Гарри был заинтригован и сказал, что сделает все, что будет зависеть от него.

Семенов продолжил: «В вашу страну приезжает ученый из Великобритании. Он и еще группа ученых будут работать в Нью-Йорке. У этого человека будет информация о совершенно новом виде оружия, самом разрушительном. Твоей задачей будет встретиться с ним и забрать у него информацию».

Встреча с «англичанином» состоялась в Нью-Йорке в начале февраля 1944 года. На пустыре в Ист-Сайде встре-

тились два человека. Один из них был невысокого роста, его шляпа почти закрывала глаза, второй был высок, он был в очках. Высокий мужчина нес в руках теннисный мяч, у второго в руках была еще пара очков и книга.

Они отправились в ресторан «Мэнни Вулф». Фукс представился и упрекнул Гарри, за то что он выбрал для встречи общественное место, и сказал: «Я работаю около Уолл-стрит с группой ученых над проектом «Манхэттен».

Во время следующей встречи Фукс шел по Лесингтон-авеню, а Гарри следовал за ним и на повороте к Парк-авеню взял у Фукса большую пачку бумаг. Ее он передал своему новому связному Джону. Связным был Анатолий Яковлев, работавший в советском консульстве.

Он организовал встречи Гарри с Фуксом с 1944 до конца 1945 года. Его руководство было довольно результатами работы, и в 1946 году Яковлева назначили вице-консулом. Он вовремя покинул США в 1946-ом, когда понял, что за Розенбергами стали следить. В 1950 году проходил по делу Розенбергов как соучастник. Но, поскольку он больше никогда не приезжал в Соединенные Штаты, его не осудили.

На заводе Гарри таким образом построил свое расписание, что иногда работал в сверхурочное время, а потом брал несколько выходных. «Я отдавал этим людям всю свою жизнь, душу, свое «я», но в то время этого не понимал».

В 1944 году Голд встречался с Фуксом шесть или семь раз, и каждый раз он передавал Яковлеву объемистые пачки документов. Гарри, узнав Фукса лучше, начал восхищаться им. Он говорил, что Фукса «можно назвать одним словом — благородный». После ареста Фукса считали подверженным контролируемой шизофрении, как в случае доктора Джекила и мисс Хайд, но Гарри считал его очень уравновешенным человеком. Голд тоже понравился Фуксу, и иногда он делился с ним своими неприятностями. Фукс опасался, что ученые, с которыми он работал, узнают о его симпатиях коммунистам, потому что англичане собирались привезти в США его отца. Фукс говорил: «Мой отец будет болтать о моих симпатиях, за мной могут начать слежку, а ты знаешь, что произойдет тогда. Как мне в этом случае избежать подозрений?»

Гарри не смог ответить на этот вопрос. В их отноше-

ниях возникла пауза — они не встречались практически целый год. 1 января 1945 года Яковлев поручил Гарри срочно забрать у Фукса новые документы. Встреча состоялась в Кембридже, в штате Массачусетс. В этом городе жила сестра Фукса, и именно в ее доме возобновилось сотрудничество ученого и курьера. Фукс объяснил, что его перевели с проекта «Манхэттен» на Юго-Запад, в лабораторию Лос-Аламос, где шли разработки атомной бомбы. В Кембридже, говорил Гарри, он получил «огромный пакет документов».

В июне 1945 года Яковлев встретился с Гарри и сказал, чтобы он ехал в Санта-Фе, город в 50 милях от Лос-Аламоса, за новой информацией. Он также хотел, чтобы Гарри заехал в Альбукерк, где жил еще один человек, работавший в Лос-Аламосе. Гарри считал, что эта поездка становится слишком рискованной. В то время он много работал, поэтому пытался «отказаться от поездки в Альбукерк».

В Санта-Фе Фукс привез «больше двухсот страниц рукописного текста. В них были не только теоретические, но и практические материалы. Я думаю, что Фукс знал очень много о процессе разработки атомной бомбы, может быть, лишь немного меньше, чем люди, возглавлявшие этот проект... хотя, может быть, он знал больше них, потому что работал с проектом каждый день».

Гарри признавал, что плохо разбирался в том материале, который ему передавали: «Я химик и очень плохо знаю проблему расщепления атома. Я, конечно, знаю основы. Но я не специалист в ядерной физике».

Из Санта-Фе Голд отправился в Альбукерк, где он должен был встретиться с Дэвидом Гринглассом, родственником Розенберга, входившим в его агентурную сеть. В докладе ФБР «Отчет о советском шпионаже» говорится, что встреча Гарри и Грингласса, организованная советской стороной, «нарушила одно из главных правил шпионажа, запрещающего контакты между разными шпионскими сетями. Ошибку, стоившую провала целой сети, допустил сам Розенберг. Когда он узнал об аресте Голда, он дал Гринглассу и его жене 5 тысяч долларов, посоветовав отправиться в Мексику, чтобы оттуда улететь в Чехословакию по поддельным паспортам».

В докладе также говорится, что благодаря именно этой

встрече была раскрыта сеть Джулиуса Розенберга (арест в Великобритании Фукса привел к аресту Гарри Голда, затем Грингласса и других членов этой организации).

Когда Гарри прибыл в Альбукерк, в доме Грингласса никого не было. Гарри провел тревожную ночь в отеле, не выпуская из рук бумаги, полученные от Фукса. На следующий день он снова пошел к ним домой: «Я постучал, дверь открыл молодой темноволосый мужчина. Я чуть не упал на ступеньки, потому что на нем были армейские брюки, а на стене позади него я увидел форму сержанта. Я ожидал встретить гражданского. До этого у меня не было контактов с военными».

«Вам привет от Джулиуса», — сказал Гарри. Они обменялись условными знаками. Гарри передал Гринглассу пятьсот долларов. Его попросили прийти позже, потому что «доклад нуждался в окончательной обработке».

Голд был в ужасе от беспечности Грингласса. Он говорил: «Что меня больше всего расстроило, так это его наивность». Гарри задрожал от ужаса, когда тот сказал: «Вы знаете, в Лос-Аламосе работают еще несколько человек, готовых дать информацию. Почему бы мне не поинтересоваться у них?»

«Конечно поинтересуйтесь, — ответил связной. — Только не подходите прямо и не говорите: «Послушайте, вы не могли бы предоставить мне некоторые данные об атомной бомбе?» Грингласс, услышав подобное замечание, был похож на маленького мальчика, которого чем-то обидели. Гарри было интересно, «кто ввел этого мальчика в такое дело и понимает ли он, что делает?» Гринглассу в это время было двадцать три года, и он работал механиком в Лос-Аламосе. Гарри решил, что для этого молодого человека шпионаж был всего лишь игрой.

Вернувшись в Нью-Йорк, Голд передал Яковлеву две папки: документы Фукса были помечены «Доктор», а документы Грингласса — «Другие». Грингласс сделал набросок атомной бомбы на основании разговора ученых, который он случайно подслушал в Лос-Аламосе.

Затем Яковлев попросил Гарри еще раз съездить в Кембридж, чтобы узнать, когда будут новые документы от Фукса. На этой встрече ученый высказал предположение, что США не успеют создать атомную бомбу до конца Второй мировой войны. Позднее Фукс отмечал, что он

серьезно недооценил потенциал Соединенных Штатов и их способности ускорять дело. Как объяснял Гарри, Фукс «полностью знал свою часть работы, но его представление о проекте «Манхэттен» в целом было очень слабым. Вначале он не знал о существовании ни Лос-Аламоса, ни Оук-Ридж. Он плохо представлял себе промышленный потенциал США».

Эта встреча стала последней, когда Гарри видел Фука, — ученый уехал в Великобританию в июне 1946 года. Фукс видел Гарри на фотографиях, когда после ареста его принесли указать своего связного.

В 1946 году, после того как он нарушил требования безопасности, русские перестали пользоваться услугами Голда. Он уволился с завода в Филадельфии, переехал в Нью-Йорк и начал работать с Эйбом Бротманом, химиком, который поставлял русским информацию за деньги. ФБР уже подозревало его благодаря Элизабет Бентли. Мисс Бентли заявила, что с Бротманом ее познакомил Джекоб Голос, советский агент тридцатых годов.

Яковлев приказал Голду немедленно оставить работу. Гарри ответил, что уйдет тогда, когда будет меньше нагрузка на Бротмана. «Шеф» негодовал, потому что знал — ФБР следило за Бротманом. Новая работа Гарри заставила Яковлева уехать из США, когда ему начала угрожать депортация.

Дела в лаборатории Бротмана были не безоблачны. Он и его секретарь Мириам Московиц не очень по-джентльменски обращались с Гарри. Жалованье выплачивали раз в две недели, часто задерживали. Когда однажды он потребовал деньги, ему предложили вернуться в лабораторию, в которой работал раньше. Гарри так понимал сложившуюся ситуацию: «Когда у них не было денег, я был партнером, когда деньги появились, я стал обычным служащим».

Экстравагантность мышления Голда подтверждает случай, произошедший после смерти матери в 1947 году. Она умерла от сердечного приступа. Это было ударом для Гарри. Он устроил скандал, обвиняя Бротмана в том, что тот заставил его уехать из дому тогда, когда он был нужен матери. «Я убил свою мать! Ты слышишь меня? Я убил свою мать!» — кричал он. В кабинете находился еще один служащий, который спросил, так ли это было на самом деле.

Дело кончилось тем, что Гарри подал в суд на возмещение убытков и уволился. Бротман обвинил его в краже рефрактора и другого оборудования. Гарри вернулся в Филадельфию, где нашел работу в лаборатории больницы «Филадельфия дженерал госпиталь» с заработной платой 4 тысячи долларов в год. В 1947 году и Голд, и Бротман были вызваны в суд для дачи свидетельских показаний по делам коммунистов. Они проводили вместе очень много времени, и его было достаточно для того, чтобы придумать для показаний совпадающие версии. Бротман сказал, что с Гарри его познакомил Джекоб Голос, которого нельзя вызвать в качестве свидетеля, потому что он умер за несколько лет до этого. Результатом появления Бротмана и мисс Московиц перед судом стало предъявленное им обвинение в организации заговора с целью препятствовать правосудию. Они получили по два года тюрьмы и были оштрафованы на крупные суммы.

Для Гарри первая встреча с правосудием окончилась без последствий, но в январе 1950 года был арестован Фукс. На допросе он подробно описал внешность своего курьера, но на фотографии его не опознал. ФБР показало ему несколько пленок, на которых он узнал Голда. Гарри был арестован 22 мая 1950 года, причем во время допроса он заявил, что никогда не был в штатах, лежащих за Миссисипи, но агенты ФБР, проводившие обыск в его квартире, нашли чемоданы с отметками Санта-Фе, Нью-Мексико, и Гарри пришлось сдаться.

На суде он выступал и как свидетель, признав, что ему приходилось много лгать все одиннадцать лет. Но в деле Гарри Голда остается загадка, хотя он ясно объяснил все мотивы своих действий. Упоминание о тайне появилось тогда, когда Гарри выступал в сенате в 1956 году.

В конце сессии сенатор Уелкер сказал: «Я знаю, что Вы талантливый химик. Но Вы пошли против своей страны, и, как я уже говорил, только время покажет, были ли Вы настоящим преступником, и, может быть, когда Вы умрете, а я уйду из сената, на жизнь Гарри Голда прольется новый луч света. Я знаю, что Вы понимаете, о чем я говорю, я знаю, что Вы понимаете, что я уважаю Ваше доверие. Вы просили меня не говорить об этом, и я заканчиваю свое выступление».

О чем Гарри Голд просил сенатора не говорить, уже

никогда не будет известно. Сенатор Уелкер умер в конце 1957 года, унеся в могилу тайну Гарри Голда.

Итак, если мы считаем Джуди Коплон и Гарри Голда шпионами-любителями, то прежде чем рассказывать о профессионалах, нужно подробно рассмотреть организацию международного шпионажа и методы работы шпионов.

5. СТОЛКНОВЕНИЕ: ЦРУ И КГБ

Щит: серебристый, с шестнадцатиконечной звездой. Герб: серебристый, с головой орла. Под щитом на золотом свитке надпись «Соединенные Штаты Америки», выполненная буквами красного цвета. Вокруг щита и над гербом надпись «Центральное разведывательное управление», буквы белого цвета. Все это помещено в круг синего цвета с золотой окантовкой. Орел — символ могущества, стрелки компаса обозначают скопление в одном месте информации со всего мира.

Поскольку геральдика — своеобразная азбука символов, то герб ЦРУ говорит о том, что эта организация должна существовать всегда. В прошлом разведывательные организации США создавались лишь в случае необходимости, а затем снова распускались. Аллен Даллес сделал ЦРУ тем, что оно есть сейчас, — постоянным органом. Он сделал так, что Управление кажется гораздо старше своих четырнадцати лет.

Признанным основателем ЦРУ был генерал-майор Уильям Дж. Донован, по прозвищу Дикий Бык. Этот человек, который совмещал в себе безрассудство и необычайное чувство предвидения, возглавлял во время Второй мировой войны Управление стратегических служб и в 1944 году предложил создать постоянно действующее разведывательное агентство. Говорят, что Донован получил свое прозвище во время Первой мировой войны, находясь во Франции. Однажды, для разминки, он заставил своих подчиненных бежать пять миль в полном обмундировании. Когда они начали ворчать, сказал, что он на десять лет старше и тоже бежит со всем обмундированием. Один из солдат ответил: «Но мы не такие дикие, как ты, Билл».

В 1940 году Донован посетил Великобританию, Балканы и Ближний Восток. Вернувшись из поездки, Донован предоставил президенту Рузвельту информацию, оказавшую влияние на политику США. Его заключения были следующими: Британия выстоит, Германия нападет на Суэц через Северную Африку, США должны готовиться к глобальной войне.

Донован подчеркнул необходимость создания службы, которая занималась бы разведкой и проведением тайных операций на территории противника. Рузвельт поручил ему создать подобную службу и сказал: «Вам придется начинать с нуля. У нас нет разведки». В июле 1941 года Донован возглавил Управление обработки информации, из которого в 1942 году образовалось две организации: Управление стратегических служб, которое возглавил он сам, — оно занималось разведкой и подготовкой диверсий; и Управление военной информации.

УСС оставило после себя дух романтики, за которым скрывается его истинная ценность. Возможно, как однажды было сказано, в этой организации собрались люди, которые под руководством Донована хотели реализовать свои мечты о славе. Придиры утверждали, что, если бы служащие УСС делали свое дело так же хорошо, как они рассказывают анекдоты, война закончилась бы гораздо скорее.

Посол Дэвид Брюс, сотрудник УСС, писал: «Его воображению не было предела. Идеи были его любимыми игрушками. Волнение просто преображало его. И горе тому офицеру, который не соглашался выполнять задание, если оно казалось ему смешным или необычным». Однажды один из офицеров УСС несколько недель проверял возможность использования летучих мышей для бомбардировки Токио. Генерала, которого поддерживал Рузвельт, удалось отговорить от дальнейших экспериментов в этой области только тогда, когда стало ясно, что летучие мыши могут не выдержать трансокеанского перелета.

Донован раздавал поручения по шпионажу так легко, как если бы просил кого-то сходить в магазин за углом. Вот как рассказывает о своем первом задании отставной полковник, служивший в УСС: «Дикий Билл вызвал меня к себе, обнял и сказал: «Вы что-нибудь знаете об Испании? Мы не знаем, что там происходит. Почему бы Вам не

поехать туда, чтобы что-нибудь узнать?» Однако моя миссия кончилась уже в Лиссабоне. Я должен был идти по улице Святой Анны, дойти до развилки и идти до нового здания. Я дошел до этого здания и вошел внутрь. Ко мне сразу подошли трое человек в форме, один из них спросил, что я делаю в этом здании. Мне сказали, что я попал в германское посольство. Я знал, что это здание не могло быть посольством Германии. Извинился и спокойно пошел к дверям, которые открылись передо мной. Я пошел обратно по той же дороге и подошел еще к одному зданию. Это было посольство США. Я рассказал о своем приключении дежурному, который сказал, что я стал первым человеком, благополучно вышедшим из штаба гестапо».

Не все операции УСС были не подготовлены, и на каждого «героя» приходилось по одному человеку, работавшему на территории противника, и по одному аналитику в Вашингтоне.

В конце 1944 года Донован написал докладную записку президенту Рузвельту:

«Я обдумал принципы организации нашей разведывательной службы после окончания войны.

Когда мы победим наших врагов, нам будет нужна информация, с помощью которой можно будет поддерживать мир.

Для этого требуются два условия:

- 1. Разведку должен контролировать президент.*
- 2. Необходимо создать службу, которая будет сообщать всю информацию лично президенту».*

5 апреля 1945 года, за неделю до своей смерти, Рузвельт ответил на это предложение:

«Отвечая на Ваш доклад от 18 ноября 1944 года, говоривший о перспективах создания централизованной разведывательной службы, я бы оценил объединение руководителей внешней разведки и служб внутренней безопасности в целях сохранения консенсуса мнений.

Мне кажется, что в эту организацию можно привлечь сотрудников Управления внешней экономики и Федеральной комиссии по связи. Они также могут внести свои идеи по созданию централизованной разведывательной службы».

Рузвельт не увидел осуществления этого проекта. А 25 сентября 1945 года президент Трумэн своим указом сформировал УСС, передав его полномочия Государственному департаменту и Министерству обороны. Он действовал под давлением ФБР, Госдепартамента и Комиссии по бюджету. Помимо этого, он сам был уверен, что шпионаж в мирное время недопустим.

Однако необходимость создания разведывательной службы была настолько очевидна, что уже в январе 1946 года указом Трумэна была создана Центральная разведывательная группа, предшественник ЦРУ. С этого момента Трумэн ежедневно получал отчеты о разведывательной деятельности. В своих мемуарах он писал: «Наконец создана служба, которая информирует президента об известных событиях и о том, что происходит».

Эта организация существовала более полутора лет, и ею руководили три разных директора: адмирал Сидни Соерс, генерал Гойт Ванденберг, адмирал Роско Хилленкеттер. Именно генерал Ванденберг указал на большое количество информации, которая была практически общедоступна. Выступая перед Комиссией сената по вооруженным силам, он сказал: «Перед Второй мировой войной наша разведка оставила безо всякого внимания большинство источников, из которых можно было получить около 80 % необходимой информации. Я имею в виду книги, журналы, технические и научные обзоры, фотографии, коммерческие анализы, репортажи в газетах и на радио, а также сведения от людей, знакомых с международным положением».

Еще одним фактором, ослабившим наши позиции, стало отсутствие координации действий тех организаций, которые пытались что-то делать... Я говорю, в частности, о том, что нами не использовались очевидные источники».

В 1947 году Центральную разведывательную группу сменило Центральное разведывательное управление, ставшее более могущественным. Из протоколов заседаний, на которых утверждался проект создания этой организации, становится ясно, что никто не знал точно, что получится в итоге. Один из конгрессменов спросил: «Имеют ли какие-нибудь основания слухи о том, что это ЦРУ будет заниматься оперативными действиями?»

Аллен Даллес, выступая в сенате перед утверждением

проекта, выделил несколько пунктов, которых он, став директором ЦРУ, придерживался не полностью.

1. Явно имея в виду быструю смену руководителей Центральной разведывательной группы, Даллес отмечал, что «работа в Управлении не должна быть началом продвижения по службе в вооруженных силах или правительстве. Руководитель должен выбираться из небольшой элитной группы людей, желающих работать анонимно».

Даллес, возглавив ЦРУ, осуществил первую часть своего заявления. Он был директором более восьми лет, создав организацию, профессионализм которой был беспрецедентен. Он сделал работу в разведке карьерой, а не просто переводом с одной должности на другую. Однако более сомнительно его желание работать анонимно. Хотя он должен был быть изолирован от прессы, статьи о нем появлялись постоянно. Его доброжелательное, веселое лицо стало столь же привычным в журналах, как и лица звезд кино. Он стал самым известным шпионом США после Пинкертон. Он поощрял легенды о себе как о скромном, мудром руководителе разведки такими фразами, как: «В меня никогда не стреляли и меня не пытались похитить».

2. Даллес утверждал, что «благодаря очарованию и загадке этой работы основной упор всегда делается на секретную разведку, то есть ту, которая выполняется тайно». Он отмечал, что около 80 % информации можно было получать из газет и радио, а также от «тысяч американских бизнесменов и людей, приехавших в США из-за границы, особенно от эмигрантов, которые так или иначе сохраняют связь с родиной».

Обзор деятельности ЦРУ за границей производит следующее впечатление: большинство агентов занимаются не сбором «белой» информации, а тайными операциями, которые сами они называют «волшебными»: Использование американцев, проживающих за границей, может быть названо «серой» разведкой. Можно поспорить, что ЦРУ получило бы лучший результат от открытых, а не от тайных действий. Именно этой точки зрения придерживался один из героев книги Дж. Конрада «Секретный агент»: «Я бы сказал, что нельзя допускать существование тайных агентов, которые могут увеличить то зло, против которого они борются. Очевидно, что шпион будет обрабатывать свою информацию. Но в области политических и револю-

ционных действий, связанных с жестокостью, у профессионального шпиона есть возможность обрабатывать сами факты, распространяя зло соперничества на одних, а панику и ненависть на других. Но этот мир несовершенен...»

3. Даллес ставил в пример британские разведывательные службы. Он отмечал: «Британская система имеет долгую историю эффективной работы, которая строится на деятельности специально подготовленного персонала, служащего годами в этой сфере. В нашей стране есть только материал, из которого мы построим лучшую разведывательную службу мира. Но для выполнения этой задачи мы должны сделать так, чтобы эту службу уважали, чтобы она работала постоянно, а ее сотрудников награждали. Не обязательно иметь очень много сотрудников. Операции, проводимые этой службой, не должны быть ни слишком явными, ни слишком тайными».

Британская система, так восхваляемая Даллесом, всегда придерживалась принципа разделения собственно шпионажа и специальных операций; первым занимался МИ-6, а вторыми — Отдел специальных операций. Что касается «малочисленности» персонала, то предполагается, что на данный момент на ЦРУ работает больше людей, чем на Государственный департамент, который стал довольно небольшим ведомством по сравнению с быстро растущим сообществом разведчиков.

Трудно соотносится с этими словами и действия заместителя директора ЦРУ Роберта Эмори, который, говорят, за три месяца до нападения на Кубу посетил костюмированный бал, одевшись как партизан Кастро.

ЦРУ, из-за холодной войны и энергии своего руководителя, отклонилось от принципов, высказанных Даллесом в 1947 году. До Даллеса единственным грехом ЦРУ были частые упущения.

Уже в 1948 году, меньше чем через год после основания агентства, прошло первое расследование провала в деятельности разведчиков. Адмирал Хилленкеттер выступал перед комиссией конгресса, объясняя, почему ЦРУ не предупредило о начинавшейся в Колумбии революции. Это тем более волновало сенаторов, что в тот момент в Колумбии находился Дин Ачесон, руководитель Госдепартамента, оказавшийся в самой пучине переворота. За время, которое ЦРУ руководил Хилленкеттер, с 1947 по 1950

год, Управление пропустило еще два крупных события: взрыв атомной бомбы Советским Союзом в 1949 году и начало войны в Корее. Но в Корее ЦРУ очень быстро стало активным. Была начата операция «Колокольчик», суть которой состояла в том, что тысячи корейских беженцев отправлялись за линию фронта с приказанием вернуться как можно быстрее. Те, кто приходил обратно, доставляли информацию о перемещениях противника. ЦРУ установило, что лучшими разведчиками были дети. Когда решался вопрос, должны ли войска союзников переходить 38-ую параллель, ЦРУ утверждало, что Китай не окажет значительного сопротивления.

Трумэн писал в своих мемуарах: «20 октября 1950 года мне доставили докладную записку из ЦРУ. В ней говорилось, что китайцы могут продвинуться по территории Кореи достаточно далеко, чтобы защитить электростанции на реке Ялуцзян». Китайские войска не остановились, перейдя эту реку, они окружили силы ООН под командованием генерала Макартура, сделав пустым обещанием его слова о том, что они будут «побеждены уже к Рождеству».

По общему признанию, первые годы существования разведуправления можно назвать годами колебаний. Неудача разведки Соединенных Штатов в Корее привела к тому, что в 1950 году руководителем ЦРУ был назначен генерал Уолтер Беделл Смит. Три года он управлял организацией так, как если бы в ней работали только новобранцы. Смит, бывший при Эйзенхауэре послом в Москве, сделал эти три года очень напряженными.

Один из его сотрудников вспоминал, что он «уволит всех, кто не подходил для подобной службы, всю группу Мартини, а также тех, кто остался после УСС». Часто цитируют его жалобу на сложность возложенной на него миссии: «Американцы хотят, чтобы мы были на ты с Богом и Сталиным... они хотят, чтобы мы могли сказать, что война начнется именно в 17.30 в следующий вторник».

Самое потрясающее высказывание генерала было не о внешней разведке, а о своей собственной организации. Когда во время выступления перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности его спросили, есть ли коммунисты в Государственном департаменте, Смит с характерной для него прямолинейностью ответил: «Я думаю, есть. Я полагаю, что коммунисты есть и в моей

организации. В прошлом мы выявляли одного-двух, и в будущем, я думаю, будет такая же ситуация. Но это будет не в США, и это будут не американцы, а люди, недоступные для этого Комитета. Я, однако, не несу ответственности за внутреннюю безопасность США и не наделен какими-либо полномочиями в этой сфере».

Его спросили, знает ли он коммунистов. Генерал ответил: «Нет, но я хотел бы. Я делаю все возможное, чтобы выявить их, но уверен, что они есть в моей организации, раз вы о них спрашиваете. Полагаю, что это очень ловкие люди, если они смогли тем или иным способом проникнуть во все правительственные службы безопасности... Я раскрываю их деятельность на разных участках своей работы, но предпочел бы не говорить об этом на открытых слушаниях».

Генерал Смит был уверен, что ЦРУ нельзя назвать образцом службы безопасности, потому что в Управлении работало слишком много иностранных агентов. Самым выдающимся назначением, сделанным Смитом на посту директора ЦРУ, стало назначение Аллена Даллеса своим заместителем. После того как в 1953 году генерал ушел из ЦРУ, Даллес занял его пост, став первым гражданским лицом, возглавившим это агентство. За одиннадцать лет руководства Даллесу удалось повлиять на организацию, на страну и на первое десятилетие холодной войны.

Однажды он сказал: «В разведке есть что-то такое, что, кажется, навсегда остается в крови». Не многие люди могут похвастаться, что склонность к разведке у них развивалась так же рано, как и у Аллена Уэлша Даллеса. Когда ему было восемь лет, он написал историю англо-бурской войны, в которой отмечал, что англичане умело пользовались услугами местных жителей для разведки территории. Юный Даллес писал: «В битве при Данди англичане оставили при отступлении много вещей, среди которых был и железный ящик с надписью «Секретно». Буры открыли его и обнаружили карты, составленные за три года до начала войны, на которых были отмечены все действия по захвату земель буров. Англичане были достаточно хитры, нападая на датчан во время эпидемии оспы. Британия постоянно вторгается в маленькие страны... буры хотят мира, но Англии нужно золото, поэтому она и делает это, но она не осмеливается нападать на такие страны, как Китай или

Россия. Я надеюсь, что буры выиграют войну, потому что они правы, а англичане нет».

Служба в правительстве была традицией в семье Даллесов до Аллена и его брата Джона Фостера. Их дедушка по линии матери, генерал Джон Уолтер Фостер, стал Государственным секретарем в 1893 году, за год до рождения Аллена. Дядя, Роберт Лэнсинг, был Государственным секретарем во время правления Вудро Вильсона. И Аллен, и Джон Фостер выбрали дипломатическую карьеру, предпочтя ее призванию своего отца — пресвитерианского проповедника.

В двадцать три года Аллен Даллес закончил Принстонский университет. Его первым дипломатическим поручением, выполненным под руководством дяди, Роберта Лэнсинга, стала работа в Вене. Эта же поездка носила и разведывательный характер. Благодаря своему знакомству с учителем австрийского императора Даллес стал ключевой фигурой в подготовке встречи в Берне, на которой обсуждалась судьба Австро-Венгрии после окончания войны.

Секретные переговоры между представителями президента Вильсона и династии Габсбургов были направлены на возможность поддержания монархии. Представитель Габсбургов выступал за то, что поддержать императора было в интересах США. Он говорил, что «между Веной и Вашингтоном должен быть золотой мост», не уточняя при этом, будет ли золото взято из короны императора или из Министерства финансов США. Когда его спросили, будет ли возможным голос Соединенных Штатов в вопросах управления страной, он ответил: «Мы не только позволим это, для нас будет удовольствием дать вам такую возможность». Только из-за английского скептицизма президент Вильсон не поддержал открыто императора, тот вскоре отрекся от престола. Эта встреча, хотя и была бесплодной, стала для Даллеса первым примером того, что реальная власть достигается борьбой за кулисами.

Во время подписания мирного договора в Версале Даллес был ассистентом Эллиса Дресселя, эксперта по германскому вопросу. Он работал с Дресселем в Германии, затем провел два года в Константинополе и вернулся в Вашингтон в качестве главы Восточного отдела Государственного департамента. В 1926 году Даллес получает сте-

пень доктора правоведения и увольняется из Госдепартамента, начав работать в юридической фирме «Салливан и Кромвель», доля в которой принадлежала его брату. У этой фирмы было несколько крупных клиентов в Германии, и впоследствии ходили слухи, что Даллес защищал интересы Германии во время Второй мировой войны.

Одним из примеров подобных слухов стала книга, авторами которой были Боб Эдвардс и Кеннет Дьюн. Они утверждали, что братья Даллесы были «агентами» немецкой фирмы Роберта Боша:

«У фирмы «Бош» был филиал в США. Но с началом Второй мировой войны фирма оказалась в черном списке. Ее владельцы в Штутгарте немедленноотреагировали на сложившуюся ситуацию. Они заключили соглашение с известными шведскими банкирами братьями Валленберг, по которому их банк получал право контроля над американским филиалом фирмы с условием его возврата после окончания войны. Но для выполнения всех формальностей им был необходим подрядчик. Именно братья Даллесы стали теми, кто скрывал нацистскую собственность под шведским флагом. Они хорошо справлялись со своими обязанностями, но эта деятельность была обнаружена через несколько лет. В 1948 году проходило судебное разбирательство по этому делу. Нам, к сожалению, не удалось выяснить, каким было решение суда, но сам факт случившегося заставляет нас сомневаться в том, что Аллен Даллес может заботиться об интересах США больше, чем об интересах Германии».

В этой книге также говорилось, что Даллес был одним из директоров банков Шредера, занимавшихся финансированием нацистской партии.

Даллес участвовал в выборах в конгресс, но не добился успеха. Его секретная работа началась в 1942 году. Билл Donovan назначил его руководителем УСС в Швейцарии. Роль Даллеса в годы войны довольно противоречива.

С одной стороны, он подготовил несколько акций, ускоривших окончание войны. Но в то же время его обвиняют в участии в сепаратных переговорах с Германией, проходивших тогда, когда Рузвельт и Черчилль клялись, что они примут только безоговорочную капитуляцию. Хотя многие люди, знающие подробности работы Даллеса, на-

зывают его «лучшим агентом военного времени», однако большая ее часть и поныне остается неизвестной обществу. Однако достоверно известно то, что у него были контакты в абвере, военной разведке Германии, благодаря которым контрразведчики США знали о действиях немецких шпионов.

Лучшую оценку деятельности Даллеса во время войны можно получить, сравнивая цитаты из его наградных листов и секретных документов, относящихся к его переговорам с Германией в 1943 году.

При вручении медали «За заслуги» Даллеса благодарили за

«...создание разведывательной сети, вовлекавшей сотни агентов, которые работали в Германии, Югославии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Испании, Португалии, Северной Африке, Италии и Австрии. Он участвовал в организации движения Сопротивления во Франции и оказывал помощь партизанам Италии. Исключительная ценность его сообщений о перемещениях противника была оценена всеми службами Правительства США. Наиболее значительным успехом мистера Даллеса стали данные, переданные им в мае 1943 года, которые сообщали об испытаниях ракетного оружия в лаборатории в Пинемюнде; о наводнениях в Дании и Бельгии; об установке ракетного оружия у Па-де-Кале; о разрушениях, нанесенных ударами ВВС союзников по немецким, итальянским и балканским городам, сообщенные им уже через три дня после проведения операции. Благодаря своей дипломатичности и эффективной работе мистер Даллес смог увеличить авторитет США в глазах тех лидеров оккупированных стран, которые находятся в Швейцарии. Он выполнял свои задания в тяжелых условиях, находясь под постоянным наблюдением противника».

Секретные документы были обнародованы в книге Эдвардса и Дьюн. Это секретные доклады агентов СС о ходе переговоров Даллеса с немецкими эмиссарами. В одном из докладов Даллеса называют «мистер Бык», а представителя Германии, князя Максимилиана Гогенлоэ, — «герр Паульс». Переговоры проходили в Женеве. «Герр Паульс» был послан Гиммлером. Доклад говорит:

«Мистер Бык — самый влиятельный человек Белого дома в Европе, швейцарцы полагают, что у него есть прямая связь с президентом США, минуя Госдепартамент... Ему поручено изучать ситуацию в Европе, особенно в восточной ее части... Он высок, ему около 45 лет, обходителен.

Он (мистер Бык) сказал, что сыт по горло политиками, эмигрантами и евреями. По его мнению, в Европе необходимо установить мир, в котором заинтересованы все стороны. Не должно быть победителей и побежденных, то есть довольных и нет, ни одна нация не должна быть вынуждена идти на отчаянные эксперименты и героизм. Немецкое государство должно существовать как фактор порядка и прогресса; о разделении Австрии не может быть и речи.

Герр Паульс отметил, что ему кажется, что американцы вступили в войну только из-за желания избавиться от евреев, живущих в их стране. В ответ на это мистер Бык, во время разговора проявлявший антисемитские настроения, сказал, что в Америке все пока не так, и единственным вопросом оставалось желание самих евреев уезжать...

Затем мистер Бык обратился к теме национал-социализма и личности Адольфа Гитлера, однако отметил, что при всем его личном уважении к исторической роли фюрера общественное мнение США и Великобритании не готово признать Гитлера единственным руководителем Великой Германии. Люди не верят в возможность долговременного сотрудничества с ним.

Он в определенной степени согласился с тем, что политическое и промышленное устройство Европы должно основываться на больших территориях. Он также предполагает, что Германия будет лучшей гарантией порядка в Центральной и Восточной Европе. Он не отвергает национал-социализм в его основах так сильно, как прусский милитаризм».

В глазах немецкого агента Даллес был человеком, который в некоторых вопросах сочувствовал нацистам; он обещал, что Германия, проиграв войну, ничего не потеряет. Но это мнение может быть субъективным, так как агент тоже хотел получить награду от своих руководителей. Даллес, с другой стороны, играл в кошки-мышки, не делая никаких принципиальных предложений. Именно по этой причине данный документ не может быть свидетельством

того, что Даллес «мягко» относился к нацизму; если этот документ легитимен, то он показывает только то, что Даллес обсуждал с нацистской Германией возможность капитуляции. Он не вел политических переговоров в Швейцарии, и президент Рузвельт неоднократно подчеркивал, что единственным приемлемым окончанием войны была безоговорочная капитуляция.

Одно из достижений Даллеса, после того как он стал директором ЦРУ, — превращение разведывательной работы из непопулярной в высокоуважаемую профессиональную карьеру. Человек, пришедший в здание ЦРУ в Вашингтоне, вполне мог бы увидеть над входом надпись: «Просьба сдать кинжалы». Обстановка напоминает любое офисное здание. Есть даже ящики для предложений. Служащий ЦРУ может сказать своему секретарю: «Боюсь, что сегодня Вам придется задержаться на работе». В кафе такая же плохая пища, те же тривиальные разговоры. Лишь несколько деталей говорят, что это не офис какой-либо корпорации. У входа стоит вооруженная охрана, которая записывает всех входящих в особый журнал. Посетителей везде сопровождают, лифты открываются специальными ключами.

Такая атмосфера возможна лишь там, где это вызвано требованиями безопасности. Номера ЦРУ есть в телефонной книге, но операторам разрешается принимать звонки только тогда, когда звонящий называет добавочный номер. Вас не соединят с человеком, которого вы назовете по имени. У всех служащих в ЦРУ есть легенда. Секретари и клерки говорят, что они работают на правительство. Офицеры рангом выше работают по легенде учителя или бизнесмена. Однако часто о легенде просто забывают, как это видно из надписи в журнале одного из выпускников университета Джорджа Вашингтона: «Бетти Джин Смит (имя вымышленное) работает в ЦРУ. Занимается экономическими исследованиями. Удачи, Бетти Джин».

Даже работающие за границей агенты иногда не пытаются скрыть своей принадлежности к ЦРУ. Тейер Вальдо, корреспондент газеты «Кроникл», говорил, что, когда он был на Кубе, узнал имена восьми агентов, работавших в посольстве. О них ему рассказали или другие журналисты, или работники посольства. Такая ситуация не была исключением. Журналисты, работавшие во всех крупных

столицах мира, знали агентов ЦРУ. В Париже одного из них неоднократно заставляли врасплох. Корреспонденты, увидев его в ресторане, могли крикнуть ему что-нибудь вроде: «Привет, Эд, все еще в ЦРУ?» или «Как успехи в тайных делах?». Сам агент бледнел, а его компаньон обычно озадаченно смотрел на него.

При Даллесе, как уже отмечалось выше, служба в разведке стала карьерой. В Управлении существует программа обучения младших офицеров, по которой отбираются лучшие студенты престижных колледжей. Им делают завуалированные предложения «Как Вы отнесетесь к работе на правительство?» за несколько месяцев до окончания учебы. Именно эти офицеры сейчас составляют основной костяк организации. Остальные служащие имеют гражданский статус, и он определяет несколько иные условия, связанные со спецификой Управления. Один из чиновников сказал автору этих строк: «Директор может уволить меня в любой момент, когда сочтет нужным». Гражданские служащие ЦРУ не имеют права опротестовывать свое увольнение. К тому же существует трехлетний испытательный срок, и только после него человек может рассчитывать на карьеру в ЦРУ.

Даллес насаждал в своей организации дух «близости»: поощрял браки между работниками и создание всевозможных клубов. ЦРУ вызывает к чувству патриотизма своих новобранцев. В Управлении часто говорят: «Старик не будет держать того, кто пришел сюда из-за денег». Не многие офицеры уходят отсюда в сферу частного бизнеса. Хотя это довольно обычная практика среди секретарей, которые могут перейти на другую работу или жениться. Некоторые уходят, потому что им не нравится работать секретно, ибо их достижения не получают никакого признания. Другие — из-за нервных срывов или из-за несогласия с методами ЦРУ.

Несмотря на эти проблемы, в ЦРУ заявляют, что его сотрудники более квалифицированы, чем в любом другом государственном учреждении, не исключая и Госдепартамент. Здесь хвастаются тем, что в их рядах никогда не было предателя или утечки информации. Но в организации существует и проблема текучести кадров. Роджер Хилсман в книге «Стратегическая разведка и решительность нации» приводит слова одного офицера, выступав-

шего против вербовки профессоров университетов, потому что «они бесполезны, мне не нравится лесть, которую они слышали в университетах, мне не нравятся люди, посвятившие всю свою жизнь одной минуте битвы при Геттисбурге».

Условия работы в ЦРУ отчасти продиктованы и требованиями безопасности. Превалирует принцип разделения обязанностей. Члены рабочих групп, созданных по географическому принципу, не знают о работе других отделов. И только директор Центрального разведывательного управления имеет полную информацию о работе всего агентства. Даже трое его главных заместителей отвечают за определенные секторы. Генерал ВВС Чарльз Кейбел, заместитель директора с 1953 года, отвечал за разведывательные полеты У-2; Роберт Эмори, бывший профессор права, отвечает за разведывательную деятельность; Ричард Биссел занимался организацией нападения на Кубу, известного в Вашингтоне как «провал Биссела».

Полковник Стэнли Гроган отвечает за информирование прессы и общественности. Но у него нет практически никакой информации, поскольку ЦРУ «никогда не подтверждает и не опровергает» публикуемые сообщения, не отвечает на появляющиеся слухи и похвалы. Одна из обязанностей полковника Грогана — принимать журналистов и объяснять им, почему ЦРУ должно оставлять общественность в неведении. Он обычно говорит: «Если мы будем обо всем рассказывать, то останемся не у дел». Однако ЦРУ иногда все-таки высказывает свое мнение, когда чувствует необходимость поддержать свой престиж. Так, в конце 1954 года Ричард и Глэдис Харкнесс, друзья Даллеса, опубликовали в газете «Сэтердей ивнинг пост» статью из трех частей, называвшуюся «Таинственные действия ЦРУ». Статья содержала подробное описание роли ЦРУ в смещении иранского премьера Моссадыка.

Время от времени появлялись статьи, намекавшие на успехи ЦРУ. Складывается впечатление, что самые лучшие контакты в разведке у журнала «Ньюсуик». Даллес дал всего одно официальное интервью в форме кратких ответов на вопросы. Подобная честь была оказана в 1954 году газете «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт». Об интервью попросил сам Даллес. Он хотел прояснить некоторые вопросы о деятельности ЦРУ и объяснить «раз и навсегда», почему

его организация была секретной и почему он «не может рекламировать» ее работу. Даже спустя семь лет официальные лица ЦРУ говорили, что это интервью «все еще хорошо» и им нечего к нему добавить.

Одна из любимых игр прессы и Вашингтона — угадывание размера бюджета и количества служащих. Когда Грогана спросили об этом прямо, он притворно ужаснулся и сказал: «Я не могу раскрыть Вам этого, я попаду в тюрьму». Оценки различаются очень сильно, единственный намек дал Даллес в своем интервью:

«В о п р о с. Когда-нибудь публиковался размер получаемых вами ассигнований?»

О т в е т. Нет, но в печати я видел цифры, которые в несколько раз превышают реальные».

Оценки печати, как уже отмечалось, достаточно широки. «Нью-Йорк таймс» печатала как минимум пять разных цифр, последние из которых составляют: от 12 до 18 тысяч служащих, не считая тысяч иностранных агентов, бюджет — около одного миллиарда долларов в год. Рэнсом, изучавший службы разведки и безопасности, говорил о 8 или 10 тысячах агентов в США и о бюджете в «несколько сотен миллионов долларов ежегодно». Английские источники называют цифру 40 тысяч служащих. Эта цифра превзошла даже советскую оценку, которая допускает наличие максимум 20 тысяч агентов.

Строительство нового здания ЦРУ в десяти милях от Вашингтона дало новый повод для размышлений. Обошедшееся в 42 миллиона долларов, оно занимает площадь ровно 1135000 квадратных футов. Один из сенаторов узнал от архитектора, что на каждого работника получалось по 98,5 квадратных футов, и высчитал, что в Вашингтоне на ЦРУ работают 11523 человека. Было также известно, что у этого двухэтажного здания должна быть стоянка на 3 тысячи машин (при этом многие служащие будут пользоваться автобусами), кафетерий на одну тысячу и зал на пятьсот человек.

Здание находится на лесистом берегу реки Потомак и отличается огромными стеклами на двух этажах, которые делают ЦРУ самой «прозрачной» разведывательной организацией мира. На стене над главным входом надпись,

напоминающая о задачах агентства и его недостатках: «Ты узнаешь правду, и она сделает тебя свободным». Приведем две статьи расходов: «радиоантенны — 50 тысяч долларов, аппараты для уничтожения бумаги — 105 тысяч долларов».

Здание должно было быть готово к весне 1962 года, но ЦРУ начало перевозить туда свои документы еще в январе 1961-го. Критики иронизировали, что величие зданий разных организаций обычно говорит об их упадке.

В 1954 году начался спор между ЦРУ, Министерством обороны, Комитетом начальников штабов и другими военными ведомствами. Предметом спора стал контроль ЦРУ над разведкой вооруженных сил.

Одно из слушаний касалось генерал-лейтенанта Артура Гильберта Трудо, возглавлявшего разведку армии США (Джи-2). В один из дней того года Трудо был приглашен на обед в честь канцлера Аденауэра. Он встретился с главой правительства Германии и рассказал ему о своих предчувствиях относительно поддержки ЦРУ западногерманской разведки, возглавляемой Райнхардом Геленом. Трудо сказал, что он сомневается в надежности Гелена из-за его службы нацизму. Очевидно, Аденауэр был поражен его словами. Трудо пригласили в посольство Германии для дальнейшего обсуждения этой темы.

Когда Даллес узнал об этих переговорах, он ужасно рассердился, что случалось с ним крайне редко. Он вышел с этим делом лично на президента Эйзенхауэра, обвиняя Трудо в том, что последний обратился к Аденауэру, минуя обычные каналы, и поставил этим под угрозу политические интересы США. На защиту Трудо встали Комитет начальников штабов и министр обороны Чарльз Уилсон. Но все было напрасно — спустя некоторое время Трудо был бесцеремонно уволен из Джи-2 и назначен заместителем генерала Лимана Лемнитцера, возглавлявшего Дальневосточный отдел.

Посещение штаба ЦРУ даст некоторое представление о работе агентства, имеющего дело с огромным количеством информации. Высокопоставленный чиновник нажимает кнопку, и перед ним появляется помощник. «Сколько поездов ходит из Архангельска в Свердловск каждый день?» — спрашивает он и сразу же получает ответ: «Восемь». Нажимается еще одна кнопка, и появляется другой помощник, который должен сказать, каков адрес тюрьмы

на Лубянке и сколько политических заключенных в ней на данный момент. Ответ: «Улица Дзержинского, два; 186 человек».

По странному совпадению, именно в ноябре 1961 года, в один и тот же месяц, произошла смена руководителей разведывательных организаций США и СССР. Даллес, перенесший ранее провал операции с самолетом-разведчиком У-2, не мог продолжать работу после провалившейся попытки завоевать Кубу. Он передал свою мантию Джону А. Мак-Кону, а президент Кеннеди сказал ему на прощание: «О Ваших успехах никто не знает, зато все знают о Ваших неудачах».

Журналист, видевший Даллеса за месяц до отставки, писал впоследствии, что «он выглядел так, как будто его избили. Исчезли его энергия, энтузиазм, благодаря которым он казался моложе. Он жаловался на подагру* и проводил большую часть дня в кресле-качалке. Было ясно, что последние события подорвали его здоровье. Он шутил о своей отставке, но шутки были мрачными». Однако такое впечатление о человеке, определившем качества американской разведки, было мимолетным. Даллес вовсе не искал покоя отставки, давая интервью газетам и телевидению. Ему удалось вернуть себе образ человека, уверенного в своей силе. Однажды, выступая на телевидении, он сказал, ни в коем случае не извиняясь за провал акции на Кубе:

«Я полагаю, что страны Латинской Америки сейчас более озабочены угрозой коммунизма, чем это было, скажем, в прошлом году. Многие страны разорвали дипломатические отношения с Кубой; я думаю, что за прошедшие шесть месяцев влияние режима Кастро увеличилось благодаря событиям на Кубе, но правительства этих стран стараются не допустить подобных событий в своей стране».

Даллес заявил, что, находясь в отставке, он будет советником юридической фирмы «Салливан и Кромвель»

* Подагра — хроническое заболевание, вызываемое нарушением обмена веществ и характеризующееся приступами болей в суставах. (Прим. ред.).

и президента Кеннеди. Он также планирует написать книгу о разведке, не выдавая, естественно, никаких секретов, и книгу о международном коммунизме.

За шестнадцать дней до отставки Даллеса было объявлено об уходе с должности его московского коллеги. А. Н. Шелепин был столь же неизвестен, сколь Даллес был знаменит. Он возглавил КГБ в 1958 году, и его назначение было по нескольким причинам сюрпризом для русских. Шелепин представлял новое поколение коммунистов — поколение, родившееся после революции. (Шелепин родился в 1918 году в Воронеже). У него не было опыта работы в секретных службах. Он поднимался по партийной лестнице и был протеже Хрущева. Так лидер комсомола, хороший агитатор возглавил организацию, которая боролась за право называться «крупнейшей разведывательной организацией мира».

Будучи главой комсомола, Шелепин контролировал 19 миллионов человек, и именно ему удалось развеять разочарование молодежи после смерти Сталина. Одной из задач Шелепина в комсомоле было осуждение карьеры чиновника и поощрение людей, работающих на фабрике или на ферме, хотя сам он происходил из мелкой буржуазии. На новой работе Шелепин занимался пропагандой против ЦРУ и, говорят, лично контролировал издание книги «Пойман на месте преступления».

Под его руководством КГБ пытался избавиться от своей репутации «государства в государстве» и представить себя еще одной правительственной организацией. Вскоре после своего назначения Шелепин сказал, выступая на XX съезде Коммунистической партии:

«Мы рады сообщить, что органы безопасности полностью избавились от искажений и нарушений советского законодательства, существовавших в их работе ранее. С этим навсегда покончено благодаря решительным мерам ЦК КПСС и Советского правительства. Органы безопасности государства полностью реорганизованы, их численность сокращена, они избавились от несвойственных им функций. В работу органов вовлечено большое количество партийных и комсомольских работников».

Восстановив, таким образом, репутацию КГБ, Шелепин

позднее получил более важный пост под руководством самого Хрущева, а не приговор к тюремному заключению или казни, как это было с большинством его предшественников.

Владимир Ефимович Семичастный, сменивший Шелепина на посту, также начинал работать в комсомоле. На данный момент он самый молодой человек из тех, кто когда-либо возглавлял КГБ.

Его карьера очень похожа на карьеру Шелепина. Он продвигался по комсомольской лестнице до 1958 года, когда сменил Шелепина на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Через год был назначен на ответственный партийный пост в Азербайджане. Затем стал одним из членов Центрального комитета партии. Назначение его на пост руководителя КГБ яснее всего говорит о том, что КГБ, который при Берии руководился партией, оказалось теперь под его полным контролем. Было бы, однако, наивно предполагать, что, оказавшись под надзором партии, он избавился от тех непопулярных методов, которые сделали его известным. Еще необходимо подтвердить заявление Шелепина о сокращении численности сотрудников КГБ.

Имеет смысл сравнить американскую и советскую разведки. ЦРУ — объединение нескольких разведывательных групп, каждая из которых имеет свой штат и бюджет; помимо этого, существует ФБР, занимающееся контрразведкой. Обзор разведывательных организаций СССР и США даст следующие результаты:

В США:

ЦРУ — минимум 15 тысяч агентов в самой стране и за ее пределами.

Агентство национальной безопасности (АНБ), речь о котором пойдет в другой главе, — по крайней мере 10 тысяч служащих, которые заняты информационной разведкой.

Войсковая разведка (Джи-2) включает в себя 69 военных атташе и отдел контрразведки, а также широкую сеть в Западной Германии. Для получения информации, которая затем передается ЦРУ, войсковой разведке требуется бюджет более чем в 100 млн. долларов (по данным 1958 года, 125 млн. долларов) и штат из 5 тысяч человек (по неофициальным сведениям). В бюджете на 1958 год вторая по объему сумма (27 млн. долларов) отводилась на «секретные мероприятия».

Военно-морская разведка (Управление морской разведки) изучает военно-морские флоты мира, порты и флот СССР. Бюджет и количество служащих гораздо меньше, чем у войсковой разведки.

Также существует разведка ВВС, занимающаяся изучением военно-воздушных сил стран мира. Одна из основных задач — изучение потенциальных целей на территории противника. У ВВС есть своя контрразведка, Управление специальных расследований.

В Государственном департаменте существует Бюро разведки и расследований, которое получает информацию от посольств и консульств. Оно бывает особенно полезно тогда, когда в какой-то стране начинается кризис. Из-за небольшого количества агентов и маленького бюджета доля этой организации в сборе информации постоянно уменьшается.

В Комиссии по атомной энергии существует отделение, занимающееся изучением атомных разработок в СССР. Оно также получает данные от других агентств.

ФБР, в состав которого входит 6 тысяч агентов, имеет бюджет в 100 млн. долларов (данные 1960 года). Оно занимается контрразведкой на территории США.

Все эти агентства, за исключением ФБР, предоставляют информацию ЦРУ. ФБР предоставляет информацию только по запросу.

Обобщенные данные получаются такими: ЦРУ — 15 тысяч сотрудников и 1 млрд. долларов, АНБ — 10 тысяч и 500 млн. долларов, ФБР — 6 тысяч и 100 млн. долларов, разведка ВМС и ВВС — 2 тысячи и 50 млн. долларов, Джи-2 — 5 тысяч и 125 млн. долларов, а также другие — 1 тысяча и 1 млн. долларов. Итого получается 39 тысяч сотрудников и бюджет 1776 млн. долларов.

Труднее определить масштабы советской разведки. В отличие от разведки США советские разведывательные службы занимаются и такой деятельностью, которая внешне не имеет ничего общего с разведкой.

Существует три главных агентства, все они работают под прямым контролем ЦК КПСС и Совета министров. Из них только ГРУ (Главное разведывательное управление) занимается разведкой в прямом смысле этого слова. ГРУ можно сравнить с Джи-2, поскольку это разведка

советской армии и она существует столько же, сколько сама армия СССР.

Возглавляет ГРУ министр обороны. «Легальный» штат ГРУ состоит из военных атташе, которые собирают необходимые данные о вооруженных силах стран, военных базах и основных целях. Помимо этого, существует целая сеть «нелегальных» агентов, и многие из шпионов, захваченных после Второй мировой войны, служили в ГРУ. В этот список входят Клаус Фукс, сеть Розенбергов, Валентин Губичев, Рудольф Абель (полковник ГРУ), Гордон Лонсдейл (майор ГРУ). Известный шпион довоенного времени Рихард Зорге также служил в ГРУ.

Штаб ГРУ находится в центре Москвы, в доме 19 по Знаменской улице. В Управлении работают 5 тысяч человек, занятых в четырех направлениях — оперативном, информационном, тренировочном и вспомогательном, — самое важное из них контролирует деятельность агентов за рубежом. Обращаясь к этим агентам, ГРУ называет себя «Центр».

В 1953 году перебежчик из СССР Исмаил Ахмедов описал работу ГРУ, разделив ее на восемь секторов: Западная Европа, Ближний Восток, США и Дальний Восток, промышленно развитые страны (США, Германия, Великобритания, Франция и т. д.), терроризм (похищения, саботаж, политические убийства), изготовление поддельных документов, разведка самой Советской армии, криптография.

Престиж ГРУ вырос благодаря той роли, которую оно сыграло во время Великой Отечественной войны. Эта организация уцелела во время репрессий, последовавших за отставкой Берии, и с ней не произошло того, что случилось с КГБ.

КГБ (Комитет государственной безопасности) — прямой потомок ЧК. Он имеет одно преимущество перед ГРУ. Офицеры этой организации работают в военной разведке, в то время как обратного явления нет. КГБ, как и ГРУ, имеет обширную сеть иностранных агентов. Помимо этого, он занимается контрразведкой, охраной государственных границ СССР, информационной разведкой, охраной Кремля, прослушиванием разговоров и цензурой, подделками, а также расследованиями.

Офицеры КГБ работают в целой сети зданий в Москве: около Кремля, на улицах Дзержинского, Огарева, Кузнецком мосту. Нет такой открытости, какую можно встретить в США. Сердце Москвы, в котором бьется тайная жизнь, буквально наполнено милицией. По этим улицам не рекомендуется гулять, а подозрение может вызвать уже тот факт, что ты прошел по одной из этих улиц.

Самой важной частью КГБ является Управление внешней разведки, которое контролирует легальных и секретных агентов, работающих независимо от ГРУ. Есть также следующие отделы: Политическое управление, Экономическое управление, Управление контрразведкой и Главное управление контрразведки.

Разница между государственной безопасностью и военной разведкой была описана в книге Дэвида Даллина «Советский шпионаж»:

«Противоречия между армией и КГБ так же стары, как само Советское государство. КГБ — агентство принуждения и террора, которое все боятся и ненавидят, армия — институт, защищающий государство. Действия КГБ направлены против врагов диктатуры советской власти, а действия армии — против внешних врагов. Армия, основанная на всеобщей воинской повинности, охватывает всех людей призывного возраста; штат КГБ отбирается в соответствии с особыми требованиями. Армия — это массы, КГБ — привилегированная группа людей. Даже под руководством коммунистов армия ближе к людям, в то время как КГБ — кнут, который держат над народом. Армия, которая состоит в основном из крестьян, лучше понимает нужды советских людей, она всегда сопротивлялась секретным службам и не поддерживала непопулярные колхозы».

Как и в ГРУ, в КГБ есть специальный террористический отдел (Специальное бюро), организовавший убийства Льва Троцкого в 1940 году и Вальтера Кривицкого в 1941 году.

По словам Петра Дерябина, дезертировавшего офицера КГБ, в 1952 году только в Управлении внешней разведки насчитывалось 3 тысячи человек, а за границей работало более 15 тысяч агентов. Основным результатом чисток 1954 года стало административное разделение органов го-

сударственной безопасности на две отдельные организации: МВД и КГБ. Неискушенному наблюдателю разделение функций покажется случайным. МВД лишилось функций внутренней и внешней разведки, за исключением относительно небольшого отдела контрразведки. КГБ попал под контроль КПСС благодаря тому, что руководили им выдвиженцы Н. С. Хрущева И. Серов и А. Шелепин.

Сегодня МВД получило обязанности, для выполнения которых в США потребовалось бы минимум пять отдельных агентств. Кажется, что Министерство получило функции, которые еще не были распределены. Это следующие обязанности:

Полицейская функция. МВД контролирует милицию и внутренние войска, охраняет тюрьмы. Охрана государственных границ была передана в ведение КГБ.

Общественная функция. Министерство отвечает за порядок на автомобильных трассах страны.

Иммиграция. МВД регулирует депортацию граждан.

Финансы. МВД охраняет золотой запас СССР.

Транспорт. МВД осуществляет контроль за строительством железных дорог.

Оборона. Министерство контролирует мобилизацию, занимается проблемами военнопленных.

И, наконец, МВД руководит пожарной охраной СССР.

Оба разведывательных сообщества (в США и СССР) имеют свои плюсы и минусы. У ответственных лиц обоих блоков редко бывает возможность сравнить достоинства своих служб. Аллен Даллес вспоминает, что он «здорово посмеялся», поговорив с Хрущевым во время его визита в Вашингтон в сентябре 1959 года:

«Господин председатель, Вы, возможно, видели иногда мои доклады.

Х р у щ е в. Я полагаю, мы получаем одинаковые доклады, может быть, даже от одних и тех же людей.

Д а л л е с. Может быть, нам лучше объединить усилия?

Х р у щ е в. Да, нам нужно вместе покупать информацию, чтобы экономить деньги. Нам придется платить только один раз».

Во время визита в Лос-Анджелес Хрущев снова сказал: «Вы напрасно тратите свои деньги. Для вас было бы лучше отправлять деньги сразу нам, а не посредникам, мы все

равно получаем большую часть этих средств. Ваши агенты передадут нам ваши шифры, а мы с их помощью предоставим ложную информацию. Затем мы пришлем телеграмму с указанием суммы, а вы нам отправите деньги». Хрущев сказал, что в его столе лежала копия телеграммы иранского шаха, в которой он просил помощи у президента Эйзенхауэра.

Даже если Советский Союз может охватить сетью агентов весь мир, информация достается по слишком высокой цене. Офицеры Центра, которые работают с этими агентами, смеются над ними, называя их шавками. Политика Советов состоит в проникновении в массы. Шавкам, работающим под руководством подготовленных резидентов, платят очень мало. В лучшем случае они получают ценную информацию. В худшем — запутывают контрразведывательные агентства. Шпионам, стоящим на низшей ступени, не говорят ничего, что могло бы дискредитировать резидента или СССР. Они не нуждаются в специальной подготовке, а их разоблачение не создает проблем. В то же время, их доклады обычно полны ошибок, лжи и преувеличений. Это часто приводит к тому, что офицер Центра, занимающийся данным делом, может пропустить действительно ценную информацию как «провокацию Запада» и передать вышестоящим органам ту, которая найдет одобрение.

Исмаил Ахмедов рассказывал, что Центр отказался поверить в информацию, полученную в 1941 году от надежного чешского источника, который сообщал, что нацистская Германия сконцентрировала свои войска у советских границ. Ахмедов, бывший в то время майором ГРУ, вспоминал, что «источник сообщал, что Германия объявит войну СССР во второй половине июня... Эта информация была, наверное, самой ценной за все время существования ГРУ... она сразу была отправлена членам Политбюро, включая Сталина... в ту же ночь мне показали шифровку, которая была подписана Сталиным. В ней говорилось: «Это английская провокация. Найдите человека, который готовил ее, и накажите его».

Эта ошибка в оценке информации привела к тому, что Центр испортил работу своего агента. Агенты часто говорили, что им казалось, что Центр не соответствует поставленным перед ним задачам. Александр Фут, англичанин,

бывший резидентом ГРУ в Швейцарии во время Второй мировой войны, писал в своей книге «Пособие для шпионов»:

«Неэффективность советской разведки всегда удивляла меня. Обычному человеку показался бы невозможным тот факт, что разведывательная деятельность, ведущаяся на такой основе, вообще дает какой-либо результат. Любая разведывательная организация уже закончила бы свое существование. Советская же разведка продолжает свое существование, причем довольно успешное, что происходит, по-моему, только благодаря заслугам агентов на местах и возможностям, которые предлагают коммунистические партии других государств, а не организационным силам Центра».

Одной из крупнейших послевоенных ошибок советской разведки стала неудача в предсказании разрыва Тито и Сталина в 1948 году. Наблюдатели отмечали, что в этом были виновны и агенты, и Центр. Генерал Дьюхерст, бывший в то время военным атташе Великобритании в Белграде, отмечал в своей книге «Близкий контакт»:

«...я бы отнес эту ошибку (то, что разрыв не был предсказан) на счет их разведки, которая менее эффективна, чем о ней думают во всем мире. Их меры безопасности не сравнимы ни с чем, потому что подозрение — часть русского характера, они более склонны к работе. Помимо этого, они не уволили, как мы, специалистов из своего персонала после войны, потому что они считают, что война еще продолжается. Но они слабы в получении данных, потому что это требует большего знания психологии и характера иностранцев».

Поскольку рядом с Тито работали советские разведчики, Сталин потребовал провести расследование причин этого провала. В результате стало известно, что ЦК КПСС регулярно получал сообщения о готовящемся разрыве отношений и игнорировал их. Члены ЦК боялись сказать Сталину о том, что Тито может предать его.

Сегодня замечание Дьюхерста о недостатке у советских агентов знаний психологии иностранцев уже не так

ценно. Такие резиденты, как полковник Абель и Гордон Лонсдейл, прекрасно играли свои роли, что позволило им оставаться нераскрытыми в течение многих лет. В прошлом, однако, многие советские агенты открыто проявляли свое презрение к стране, в которой они работали. Василий Зубилин проработал в США в течение 15 лет, иногда под защитой дипломатической неприкосновенности, иногда без нее. Он хвастался агенту контрразведки Борису Морросу: «Я — глава НКВД в этой стране и могу делать здесь все, что хочу, как и в остальных странах мира».

Зубилин предупредил Морроса, чтобы тот не появлялся там, где могут быть русские. Однажды на большом вечере, где присутствовало несколько русских, пьяный Зубилин подошел к Морросу и начал кричать на русском: «Что с твоей памятью, мой дорогой Борис? Разве я не говорил, что тебя не должны видеть с русскими на подобных встречах? Ты хочешь, чтобы все узнали, что ты симпатизируешь нам?»

«Он схватил меня за отвороты пиджака, — писал Моррос, — и прижал к стене. Он направил на меня пистолет, который был у него в кармане... он был пьян, рассержен. «Ты будешь бесполезен для нас, дурак, если станешь известен как человек, близко общавшийся с русскими».

У Элизабет Бентли был связной, чрезвычайно похожий на Зубилина, он говорил: «Никто не убьет меня. Я нерушим». Однажды он был приглашен на обед, во время которого сказал: «Надеюсь, что еда хорошая. Американцы настолько глупы, что умудряются испортить такую простую вещь, как приготовление пищи». Это довольно необычный способ общаться с американскими коммунистами, которые были завербованы для работы на советскую разведку.

Мисс Бентли отмечала, что еще одной общей чертой советских агентов было соперничество и отсутствие взаимодействия. Она писала: «Они никогда не работают как команда. Работая в условиях суровой дисциплины и бесчеловечного соперничества, каждый агент предоставлен сам себе, каждый пытается сам пробиться наверх. Каждый агент может унижить своего коллегу или распустить о нем грязные слухи».

Такое соперничество — прямой результат быстрого

увеличения количества служб, появления организаций, выполняющих одинаковые задачи. Неудивительно, что Центры КГБ и ГРУ получают огромный объем информации, которая требует серьезной обработки, потому что она содержит много ложной информации. Затем готовятся доклады четырех типов. Петр Дерябин говорил, что специальные доклады предоставляют: всем членам Президиума; семи наиболее важным кандидатам в члены Президиума; трем членам правительства, занимающим наиболее ответственные посты; секретарю ЦК КПСС.

Оборотной стороной медали в деятельности разведывательных организаций становится дублирование функций. На слушаниях по ассигнованиям в сенате в 1957 году одного из офицеров Джи-2 спросили, существует ли дублирование функций в ЦРУ и войсковой разведке. Его ответ стал классическим: «Сэр, вполне возможно, что небольшое дублирование есть, но мы полагаем, что лучше повториться в какой-то области, чем пропустить что-либо важное». Это же, кажется, можно сказать и о советской разведке.

Одним из основных различий между разведчиками СССР и США можно назвать положение офицера в обществе. В Советском Союзе это своего рода аристократ с высоким уровнем жизни, хорошей квартирой, машиной, домашним телефоном и очень высоким престижем. В Москве у офицеров КГБ есть свой клуб, они могут получить билеты в Большой театр вне очереди, они быстро обзаводятся дачами в престижных районах Подмосковья. Несмотря на возможность чисток, люди стремятся получить работу в КГБ. Е. А. Андреевич писал в своей книге «Тайные службы СССР»:

«Те, кто не пострадал (во время репрессий) ...были щедро награждены и получили такое продвижение по службе, о котором в другое время могли только мечтать. Тех, кто попал под репрессии, сменило новое поколение молодых чекистов. Эти молодые люди локтями освобождают себе дорогу по служебной лестнице, ни на что не обращая внимания. Они применяют все возможные способы достижения цели. В борьбе за продвижение нет никаких принципов. Все, даже самые высокие, посты, стали доступны большинству офицеров, но количество вакансий было намного меньше. Как только в

НКВД освобождался какой-то пост, его сразу же занимали. Успех приходил к тем, кто обладал лучшими чертами чекиста: целеустремленностью, решительностью, ненавистью к врагу, преданностью руководству, жестокостью».

В Соединенных Штатах разведка никогда не была престижной. Военные считали ее тупиком для своей карьеры, а гражданские служащие, работавшие в этой сфере, считались неудачниками. В мае 1956 года генерал-майор Роберт Шоу, заместитель директора разведывательного управления по кадрам, сказал комиссии конгресса, что назначение в Джи-2 было «поцелуем смерти» для его карьеры. Только в то время, когда ЦРУ возглавлял Даллес, в эту организацию пришли люди, которые обладали необходимым для такой работы потенциалом.

Чрезмерная централизация советской внешней разведки часто мешает ей. Тысячи людей в Москве контролируют все мелочи, вплоть до того, какого цвета машина будет у агента, и мест, где можно передавать сообщения. Тщательно подготовив резидента, Центр затем делает все, чтобы лишить его инициативы. В конце 1955 года комиссия по шпионажу в Австралии обнародовала так называемые «московские» письма, которые были очевидным примером полного контроля за деятельностью разведчиков. Эти письма по дням описывали работу легальной сети, существовавшей в посольстве СССР в Канберре. Австралийским властям их передал Владимир Петров, дезертировавший в 1954 году.

В докладе этой комиссии говорилось, что «контроль Москвы был необычайно сильным, и резиденты на местах практически не имели свободы действий. Центр требовал, чтобы его инструкции выполнялись буквально, все отклонения от задания были запрещены, если их не одобрял Центр. Например, задания агентам давал не сам резидент, а Центр, и ни резидент, ни агент не могли ничего изменить».

Когда агент получал разрешение на покупку машины, Центр отправлял ему следующее письмо:

«Мы просим, чтобы Вы предоставили нам в следующей почте краткое описание своей машины, описание легенды, по которой Вы ее купали, то, как Вы объясните ее присут-

ствие в гараже посольства, а также то, как Вы собираетесь ее использовать. Укажите Пахомову (корреспондент ТАСС и агент КГБ), что он неправильно выполнил наши указания по использованию своей машины (наверное, купил не ту марку бензина). Пахомов должен пользоваться этой машиной только для поездок по Канберре. Ему не разрешается ездить на ней в Сидней».

Центр не пропускал ни одной детали. Резидентам не разрешалось самим определять места для передачи документов. В одной из критических записок Центра говорилось:

«Выбранные Вами места имеют целый ряд недостатков. Все они находятся в одном месте, что облегчает работу контрразведки противника, даже если Вы будете переезжать от одного места к другому.

Описание этих мест не сопровождалось рисунками, которые помогли бы определить преимущества и недостатки выбранных Вами мест, а также уточнить их положение.

Мы полагаем, что трещина в опорах, поддерживающих железнодорожный мост, не может быть надежным местом, так как мосты регулярно осматривают, а при определенных обстоятельствах их охраняют».

К этому письму прилагалось подробное описание того, какими должны быть места для передачи документов, а также описание достоинств и недостатков самих сообщений. Центр делал выговор резиденту за плохую работу:

«Сообщения, в которых Вы описываете встречи с агентами и интересующими нас людьми, несовершенно по своим формулировкам. Они содержат много компиляций, плохо соответствуют принятым шифрам, не сфотографированы. Все это является нарушением элементарных правил секретности. Мы требуем, чтобы Вы приняли наши замечания во внимание и в дальнейшем присылали негативы фотопленок с докладами как приложение к соответствующим абзацам текста».

Центр внимательно следил за агентами, которые не проходили специальной подготовки. В одном из докумен-

тов говорилось о Николае Ковалеве, сотруднике КГБ, который работал в Канберре под дипломатическим прикрытием:

«Принимая во внимание тот факт, что у Ковалева нет опыта работы в разведке, Вам необходимо обучать его способам ведения подобной деятельности и оказывать ему помощь в изучении завербованных им людей.

Через три месяца после прибытия Ковалева в страну Вы должны предоставить нам информацию о его успехах в сфере разведывательной деятельности.

Нами разработана следующая модель для установления контактов с Ковалевым:

Наш агент: «Вам привет из Москвы от Владимира Павловича».

Ковалев: «Как его успехи в учебе?»

Агент: «Хорошо». Затем он называет свое имя».

Подобной централизации не найти в ЦРУ. Однако и в этой организации полномочия не слишком широки, и любое важное мероприятие обязательно контролируется из Вашингтона. Когда в 1954 году в Западном Берлине сдался властям капитан КГБ Николай Хохлов, к нему было отправлено несколько высокопоставленных офицеров ЦРУ. В 1953 году Аллен Даллес отправился в Швейцарские Альпы якобы в отпуск, на самом деле он контролировал смещение иранского премьер-министра Моссадыка. Ричард Биссел, заместитель директора ЦРУ, отвечал за проведение операции на Кубе. Во всех важных операциях видно четкое взаимодействие между агентами и руководящим звеном в Вашингтоне.

Письма, обнародованные в Австралии, также давали возможность увидеть результат работы советской разведки. Центр особенно сильно нуждался в информации об австралийцах, которые сочувствовали Советскому Союзу. Подобные доклады должны были быть как можно более полными — описывать происхождение человека, его интересы, занятия, странности и слабости. Агенты так сильно хотели угодить Центру, что, по замечанию членов комиссии, их доклады «были смесью фактов, лжи и грязи».

Часть докладов, попавших в руки комиссии, оказалась настолько скандальной, что никогда не была обнародована.

на. Один из подобных документов был подготовлен Ферганом О'Салливаном (кличка «Земляк»), который описал 45 журналистов. Сделал он это в 1951 году, когда работал в редакции «Морнинг геральд».

Доклад включал в себя следующие пункты:

«Религия человека — католик он или протестант, радикал или консерватор, правый или левый лейборист, пьет ли он, любит ли он поговорить, каково его финансовое положение, семейное положение, количество детей». Об одном из журналистов О'Салливан говорил: «Католик, возможно, работает на органы безопасности». Другого он описывал так: «Говорят, что он агент секретной полиции».

Данные О'Салливана обрабатывались и передавались в Центр, пройдя перед этим обработку легальной сети. В итоге человек, которого О'Салливан описывал как возможного агента полиции, в докладе становился «реакционным, наглым, распущенным. Он находится в тесном контакте с... Он сотрудничает с контрразведкой, возможно, возглавляет группу контрразведчиков, работающих в прессе. Иногда испытывает финансовые затруднения».

Другой доклад, состоявший из 37 страниц, был передан советскому посольству в мае 1953 года журналистом Рупертом Локвудом (кличка «Ворон»). Комиссия отмечала, что «среди прочих данных этот документ содержит характеристики большого количества людей — политиков, журналистов, предпринимателей. Многие доклады грубы и дискредитируют людей, часть из них устарела, потому что описываемые люди уже умерли».

Разведывательные службы признают, что необработанные доклады очень часто дискредитируют людей и не заслуживают доверия. Доклады ФБР, которые были обнаружены у Джудит Коплон во время ее ареста, не очень сильно отличаются от тех, которые отправлялись в Москву из Австралии. Во многих случаях они просто взаимозаменяемы.

Советская разведка создавала свою «смесь фактов, лжи и грязи» в течение сорока лет и, говорят, имеет в результате этого самую большую картотеку в мире. Дела собирались с помощью коммунистических партий более чем 50 стран мира, сетью агентов, работавших параллельно с

партиями, а также путем обработки другой информации, как это было с документами немецкого абвера, захваченными СССР в 1945 году. Чтобы хоть как-то сравняться с этой системой, ЦРУ приходится использовать самые современные средства записи и хранения информации. В 1960 году Комиссия сената по правительственным операциям отмечала, что в ЦРУ «используется самая всесторонняя информационная система в мире».

Она состоит из более чем 40 миллионов перфокарт, а компьютерные системы могут переводить русский текст на английский язык со скоростью 30 тысяч слов в час. Новые системы, как обещают специалисты ЦРУ, будут настолько мощными, что смогут перевести роман «Унесенные ветром» на русский язык за пять минут.

Результаты деятельности ЦРУ так же запутанны, как и результаты КГБ. Генерал Уолтер Беделл Смит объяснил механизм отсеивания бесполезной информации от той, которая может повлиять на политику: «Существует два вида оценки данных разведки. Первый — оценка источника, предоставившего информацию, и надежности самой информации. Эта оценка дается людьми, которые зашифровывают информацию, и я сам не знаю, кто ее источник, потому что это делается на уровне шифров. Возьмем, например, этот разговор: в ЦРУ он мог бы быть передан с кодом X-100, что означало бы, что информация дана высокопоставленным лицом и это не официальный документ. Только сам источник и человек, который получил эту информацию, знают, кто ее передал и какой пост занимает этот человек.

Второй вид оценки — обработка всей информации, попадающей в правительство. На этом этапе вычленяются данные, которые могут сообщить нам о намерениях противника. Эта обработка осуществляется комитетом, состоящим из руководителей всех разведывательных структур правительства, находящихся под моим контролем».

Аллен Даллес однажды говорил, что хочет написать книгу об основных провалах и успехах разведывательных организаций мира. «Можно начать с троянского коня в 1200 году до н. э., когда никто не послушал Кассандру, и неудачной кампании Афин против Сиракуз. К современным провалам можно отнести просчеты кайзера в 1914

году, Гитлера во Второй мировой войне, нашу собственную неподготовленность к атаке на Пёрл-Харбор.

Говоря об успехах шпионов, отмечаем библейские времена, затем удачную расшифровку британской разведкой телеграммы Циммермана в 1917 году, участие американской разведки в победе в битве при Мидуэй».

В последней главе этой гипотетической книги Даллес мог бы описать успехи и провалы собственной организации. Подвигом, который был бы под стать расшифровке телеграммы Циммермана, можно назвать похищение секретного доклада Хрущева о культе личности Сталина, который он сделал на XX съезде партии. Съезд проходил с 14 по 25 февраля 1956 года. Речь, похищенная агентом ЦРУ в Польше, была напечатана Государственным департаментом 4 июня. Гюнтер Ноллау писал, что за публикацией речи «последовала такая волна обсуждения, какой еще не было в тридцатилетней истории большевизма».

Эта речь осуждала Сталина и содержала в себе образцы юмора Хрущева. Он, в частности, говорил: «В то время я часто разговаривал с Булганиным. Однажды мы ехали с ним в автомобиле и он сказал: «Бывает, что человек идет к Сталину по его приглашению как друг. А пока он разговаривает с ним, он не знает, куда пойдет из Кремля — домой или в тюрьму».

Хрущев был буквально взбешен, когда обнаружилась эта утечка. Вскоре после этого издатель газеты «Нью-Йорк таймс» спросил его, был ли текст Госдепартамента подлинным. Хрущев сердито ответил: «Я не знаю, что Вы имеете в виду, говоря о моей речи. Появился какой-то текст, который скорее всего сочинила американская разведка. Этот издательский дом, который контролирует Даллес, не пользуется у нас высокой репутацией. Мне все равно, что он издает».

Но сам Хрущев признал, что этот текст был довольно точным. Однако выступая на съезде писателей в 1959 году, он «удивлялся»: «Неужели нас кто-то заставлял говорить на XX съезде о культе личности?»

Среди других успешных действий ЦРУ находим: прогнозы англо-французской агрессии в районе Суэцкого канала в 1956 году, хотя Джон Фостер Даллес отрицал то, что США знали об этих планах; почти удачные прогнозы

восстаний в Венгрии и Польше в 1956 году (ЦРУ ошиблось только в том, что полагало, будто волнения начнутся сначала в Польше); восстание 1958 года в Алжире, которое привело к власти во Франции генерала де Голля; информация о запусках СССР искусственных спутников Земли, за исключением самого первого.

В ЦРУ также любят рассказывать анекдоты о советских лидерах. В 1959 году самыми популярными были анекдоты о Хрущеве:

«о том, как Хрущев пытался подкупить Нобелевский комитет парламента Норвегии, чтобы ему присудили Нобелевскую премию мира за действия, направленные на ускорение процесса разоружения в мире;

о том, как Хрущев посетил выставку США в Москве в 1959 году. Там он осмотрел американскую кухню и сказал: «У нас есть все это, только у нас стиль привлекательнее». После этого он указал на ключ для консервных банок, знакомый почти каждому американцу, и спросил: «А что это такое?»

Выступая в 1957 году в Сан-Франциско, Даллес предсказал, что в России поднимется звезда маршала Жукова. Он полагал, что Жуков был одной из ключевых фигур в формировании диктатуры военных и отставке Хрущева. Об этом Даллес сказал 20 сентября. 26 октября Москва сообщила, что Жуков освобожден от занимаемой должности. Много других успехов и неудач ЦРУ до сих пор неизвестны. Однако список его поражений не кажется меньше, чем подобный список советской разведки. А тот день, когда будет создана безупречная разведывательная организация, наступит тогда, когда, по словам Хрущева, «рак на горе свистнет».

Еще одной общей проблемой ЦРУ и КГБ становится безопасность. Она начинается уже с набора служащих. КГБ, как мальтийский рыцарский орден, требует, чтобы у кандидата было три поколения предков, ничем себя не запятнавших. После того как человек прошел административную проверку, начинаются более серьезные расследования. Один из советских дезертиров говорил, что офицеры КГБ проверяли по документам даже своих невест, чтобы избежать хоть малейшей тени подозрения. Эти меры

предосторожности, однако, не останавливают дезертиров. Скорее, чистки способствуют дезертирству, и самой большой проблемой советских спецслужб на данный момент можно назвать в связи с этим утечку ценной информации.

ЦРУ заявляет, что в его рядах никогда не было предателей. Конечно, отбор на уровне кандидатов довольно эффективен. В 1952 году генерал Уолтер Биделл Смит заявил комиссии конгресса, что из всех заявлений, получаемых ЦРУ, около 80 процентов отсеивается персоналом. Он говорил: «Для примера возьмем 1000 заявлений. 80 процентов из них отсеивают наши люди. Оставшиеся 20 процентов передаются для дальнейшего изучения либо ФБР, либо нашим агентам. Из этих 20 процентов отсеивается 11. Это не значит, что все эти люди в чем-либо виновны. Это говорит о том, что соображения безопасности включают в себя очень широкий спектр данных, начиная с того, есть ли у человека родственники за железным занавесом, и заканчивая тем, любит ли он выпить».

Из этих 11 процентов отсеиваются 4, уже исходя из самых серьезных соображений. Это люди, у которых есть такие отношения, которые, по нашему мнению, не могут позволить им заниматься секретной деятельностью. Вы видите, какой процент остается. Именно оставшиеся люди принимаются на работу».

Эта пропорция остается неизменной и в настоящее время. Произошло всего одно изменение — ФБР перестало участвовать в изучении людей. Но, хотя только 90 человек из тысячи допускаются на работу в ЦРУ, в прессе время от времени появляется информация, свидетельствующая о том, что и с этими немногими не всегда все в порядке. Иногда офицеров ЦРУ задерживают за мелкие кражи. Их обычно признают душевно больными и освобождают. Недавно был задержан офицер ЦРУ, укравший нож у пожилой женщины. Один из аналитиков ЦРУ вернулся из Западной Германии, где он работал два года, и совершил самоубийство вместе со своей женой. Джеймс Вудбери прыгнул со своей женой Дороти в реку Потомак в Вирджинии. Она разбилась о камни, а он попал в водоворот. Оба погибли. Свидетели говорили, что они прыгали, взявшись за руки. В записке, найденной в квартире, Джеймс писал, что работа была для него слишком тяжелой, а в ЦРУ отказывались дать ему отставку. ЦРУ заявило, что

Вудбери был психически болен и его должны были отправить в клинику.

Оригинальное самоубийство еще одного агента, Ника Кларка Уоллена, было отчасти вызвано предательством. Уоллен снимал номер в «Арлингтон Тауэрс», фешенебельном отеле в Арлингтоне. Его жена ушла на работу утром 25 апреля 1956 года. Она позвонила мужу в час дня, он был в хорошем настроении. Придя домой в 5 часов вечера, она обнаружила, что дверь заперта изнутри. Она вызвала слесаря, который взломал дверь, и обнаружила тело своего мужа на кухне. Уоллен покончил с собой с помощью хитроумной системы, для создания которой ему потребовалось, по мнению полицейских экспертов, не менее одного часа. Он разрезал резиновую перчатку, один конец которой присоединил к конфорке газовой плиты, а другой — к шлангу от пылесоса. Свободный конец шланга он приклеил лентой к сумке, которую надел на голову. Затем он включил газ и сел на стул, на котором его и нашла жена. На телефонном столике он оставил записку, в которой говорил о любви к жене, о неудачах в жизни и о том, что против него существует заговор.

Уоллен занял пост в одном из исследовательских отделов ЦРУ в январе 1955 года. Но уже в декабре того же года был уволен по причине нервного расстройства. В целях безопасности ЦРУ вело за ним наблюдение. Он несколько раз встречался с подполковником А. А. Поповым, военным атташе советского посольства. Уоллен был оскорблен своим увольнением и согласился работать на русских. Попов предложил ему найти работу в Министерстве обороны. Попов уехал из США вскоре после начала расследования обстоятельств самоубийства.

В мире советской разведки чаще встречается убийство. Тайна, которая окружает падение руководителя разведки, очень характерна для режима, в котором политический кризис может быть решен только с помощью интриг и заговора. Так и не получила объяснения борьба за власть после смерти Сталина в 1953 году, которая привела к аресту и казни Л. П. Берии. Все существующие объяснения заставляют нас вспомнить кровавые дни Римской империи, где убийство было обычным способом достижения политических целей. Слушая рассказы о падении Берии, мы спрашиваем себя: «Мы говорим о современном госу-

дарстве, одном из самых сильных в мире? Мы говорим о руководителях двадцатого века?»

На Западе известно несколько версий смерти Берии. Официальная версия была подготовлена правительством СССР, в ней говорилось, что Берия был исключен из Президиума после попытки захватить власть. О его аресте и об аресте еще восьми высокопоставленных офицеров государственной безопасности было сообщено 10 июля. Суд над ним проходил при закрытых дверях и длился шесть дней. Приговор был приведен в исполнение сразу после вынесения. Официальное сообщение оставило без ответа многие вопросы, что привело к появлению многочисленных слухов. Один из самых стойких слухов утверждал, что Берия застрелили прямо на заседании Президиума.

В 1956 году Хрущев дал почву еще одному слуху. Это случилось во время визита в Москву лидеров социалистической партии Франции. Указав на министра торговли А. И. Микояна, Хрущев шутя сказал: «Вы сидите рядом с человеком, который убил Берию». Потом он рассказал, что Берия сознался в антигосударственном заговоре на заседании Президиума. Затем он покинул комнату и пошел по коридору. В это время Микоян убил его выстрелом в спину.

Хрущев еще раз вернулся к этой теме. На XXII съезде партии в октябре 1961 года он выступил перед депутатами с секретным докладом о смерти Берии. В середине ноября содержание доклада стало известно западным журналистам, работавшим в Варшаве. Особенно драматичным моментом речи стал рассказ о борьбе Хрущева и Берии, державшего автомат. Именно в этот момент Берия был застрелен советским генералом (или арестован, здесь сведения польских источников отличаются).

В докладе Хрущев говорил, в частности, что по приказу Берии войска НКВД окружили Кремль, а членов Президиума обыскивали каждый раз, когда они входили в Кремль. Кроме этого, Берия назначал своих людей на ключевые посты в партии и правительстве. Заговор с целью смещения Берии был организован Хрущевым при поддержке Молотова В. М., Маленкова Г. М. и Булганина Н. А. Сценой решающего сражения стало заседание Президиума, на которое были приглашены 11 человек, якобы

для обсуждения военных проблем. Такая причина заседания позволила присутствовать на нем трем генералам, которые сочувствовали заговору: Г. К. Жукову, Р. Я. Малиновскому, ставшему министром обороны СССР, и К. С. Москаленко, который в 1960 году возглавил ракетные войска стратегического назначения.

Жуков и Малиновский были приглашены в зал заседаний. Москаленко, в чью задачу входило пронести мимо охранников Берии автомат, находился в соседней комнате, с ним было около шести человек. Он должен был действовать по сигналу Маленкова. Когда Берия прибыл на заседание, Хрущев заявил, что он не имеет права присутствовать на нем, аргументировав это тем, что Берия никогда не был членом партии.

Это было заведомой ложью, так как Берия вступил в партию в 1939 году* и входил в состав Политбюро с 1946 года. Он опроверг это заявление, и Хрущев обвинил его в том, что в 1934 году он проходил по делу о шпионаже в пользу Великобритании. Берия ответил, что это обвинение с него снял сам Сталин. Поняв, что заседание Президиума было создано для его ареста, Берия вытащил из портфеля пистолет. Хрущев говорил, что он пытался отобрать оружие у Берии. В это время Маленков нажал на кнопку звонка. В зал вошел Москаленко и (именно здесь расходуется информация) либо застрелил Берию, либо арестовал его.

Эту версию можно было бы назвать фантастической, если бы не самоубийство известного варшавского журналиста Генриха Голанда, арестованного в связи с утечкой информации об этом докладе. Генрих Голанд был одним из редакторов Польского информационного агентства и известен своими либеральными взглядами и оппозицией режиму Владислава Гомулки. Требования советской стороны расследовать утечку свидетельствуют о том, что доклад содержал достоверную информацию. Расследование привело к аресту Голанда. 21 декабря 41-летний журналист

* Берия вступил в партию значительно раньше — в 1931 г. он уже был 1-м секретарем ЦК КП(б) Грузии. Требуют критического отношения и другие приводимые автором факты, связанные с арестом Л. П. Берии и судом над ним. Впрочем, и сам де Грамон пишет о «многочисленных слухах», сопутствовавших этим событиям. (*Прим. ред.*).

присутствовал при обыске своей квартиры, которая находилась на пятом этаже. Во время обыска он выпрыгнул из окна.

Какими бы ни были истинные обстоятельства смещения Берии, оно положило начало беспокойным временам в советской разведке.

Внутри России менялись кадры, а сама государственная безопасность попала под жесткий контроль государства. За пределами страны сила советской разведки была подорвана изменой Петровых, Юрия Расторова, Петра Дерябина. Многие легальные и нелегальные агенты были отозваны. Аресты полковника Рудольфа Абеля в Нью-Йорке, Джорджа Блейка и Гордона Лонсдейла в Лондоне показали, что контрразведка может бороться с советскими шпионами. Пристальное наблюдение за коммунистическими партиями других стран заставило Центр отказаться от их услуг. Советская разведка также отказалась от услуг людей, которые были связаны с этими партиями. Использование международного коммунизма в целях шпионажа, что было обычным делом в 30-х годах, оказалось слишком опасным. Ранее агентов набирали из членов коммунистических партий, после чего начинали секретную работу, как это было в случае с Элизабет Бентли. В настоящее время агенту не обязательно быть членом компартии, и их вербуют другими способами, как Джудит Коплон. Было принято использовать руководителей партии для корректировки работы шпиона, но сейчас к подобной практике уже не прибегают, особенно в США. Утратили свою ценность и причины, по которым люди соглашались работать на Советский Союз.

Лозунг «Помогите русским», сыгравший очень большую роль во время Второй мировой войны, сейчас стал бессмысленным. Утратила свою ценность и фраза «фашизм — величайший враг человечества, и с ним нужно бороться любой ценой». Обзор причин, по которым с русскими работали люди, похищавшие информацию об атомных разработках, показывает следующее:

К л а у с Ф у к с. «Я полностью доверял политике России и полагал, что союзники специально затягивают открытие второго фронта, чтобы Германия и Россия измотали друг друга в войне».

Г а р р и Г о л д. «Я чувствовал, что как союзник помогаю СССР получить необходимую информацию».

Д э в и д Г р и н г л а с с. «Я полагал, что США допускали ошибку, не предоставляя России информацию об атомной бомбе, потому что она была нашим союзником».

Ю л и у с Р о з е н б е р г. «Я хотел выполнить поручение, для которого был предназначен, и хотел помочь России».

А б р а х а м Б р о т м а н. «Советский Союз — единственная страна, которая по-настоящему борется с фашизмом».

Еще один ученый-атомщик, Алан Нанн Мэй, назвал причину, которая до сих пор не утратила своей ценности: «Я взялся за это, потому что думал, что только так смогу внести свой вклад в безопасность человечества». Мысль о том, что наука не имеет границ и что прогресс должен быть доступен всем, все еще способна заставить человека работать на разведку другого государства. Ученым, который не поддался на уговоры, стал Дж. Роберт Оппенгеймер. В 1943 году Петр Иванов, вице-консул СССР в Сан-Франциско, встретился с Чарльзом Эльтентоном и попросил его помочь в получении информации о разработке атомной бомбы. Эльтентон вышел на Оппенгеймера через Гакона Шевалье. Но, по воспоминаниям Шевалье, когда они заговорили с Оппенгеймером на эту тему, он прямо заявил, что для него эта мысль «была ужасна». Позднее Оппенгеймер сообщил службе безопасности, что за Эльтентоном нужно следить, а после некоторых колебаний он назвал и имя Шевалье.

Таким образом, сегодня Советский Союз не может рассчитывать ни на помощь коммунистических партий, ни на идеалистов, количество которых значительно поубавилось. Холодная война — не Вторая мировая, а Берлин — не Сталинград. Среди людей, не состоящих в компартии, сегодня все меньше тех, кто готов помогать России. Но СССР все еще пользуется услугами иностранных агентов, как это показывает пример англичанина Джорджа Блейка, чей неожиданный переход на сторону коммунистов потряс Министерство иностранных дел Великобритании. Точно так же ЦРУ заявляет, что пользуется услугами иностранцев и что только они проникают в СССР. Агент все еще

остается товаром, который покупают и продают, а сам торг стал очень быстрым. В аппарате советской разведки на многих ключевых постах работают резиденты, прекрасно знающие язык и обычаи этой страны. В некоторых случаях они ждут чрезвычайной ситуации, во время которой начинают свою оперативную деятельность. Другие уже заняты восстановлением аппарата, уничтоженного контрразведкой противника, или занимаются вербовкой и сбором информации. Больше нет таких грубиянов, как Зубилин. Контролируемые из Москвы и Вашингтона, получающие на расходы огромные денежные суммы, сети агентов покрывают почти весь мир. Методы их работы варьируются от чтения утренних газет до политических убийств и заговоров.

6. АНБ: БЕЗМОЛВНЫЙ ПАРТНЕР ЦРУ

Агентство национальной безопасности оказывается в центре внимания общественности реже, чем другие секретные службы. Функции АНБ очень неясны, в отличие от функций ЦРУ, которые стали печально известны уже во всем мире. Министерство обороны кратко описывает АНБ как «организацию, уполномоченную проводить специальные исследования и подготовку».

Однако АНБ соответствует ЦРУ по своей значимости и масштабам. Сообщается, что в Агентстве работает около 10 тысяч человек. Они трудятся в железобетонном трехэтажном здании, которое по размерам сравнимо только с Пентагоном. Это здание, находящееся в одном из городов штата Мэриленд, больше новой штаб-квартиры ЦРУ (1400000 против 1135000 кв. футов). Только лица, специально приглашенные в это здание, могут увидеть чудеса современной разведки: самый длинный коридор в США (980 футов в длину и 560 в ширину*); двойной забор из колючей проволоки высотой 10 футов с четырьмя воротами, которые охраняются вооруженными людьми; подвал, напичканный электроникой, включая сверхсовременный компьютер, который, как говорят, может взломать любой код; конвейеры, передающие документы. В этом здании больше электроники, чем в любом другом здании в мире; есть даже специальные мусорные корзины с ярлыками, обозначающими конкретный отдел, бумаги из них хранятся определенное время, чтобы не пропало что-нибудь важное.

Также сообщается, что на АНБ работают около 8 тысяч человек за рубежом, они обслуживают станции ра-

* Примерно 300х170 метров. (Прим. ред.).

диоперехвата и радарные установки. Таким образом, это около 20 тысяч человек, то есть примерно столько же, сколько и в ЦРУ. Бюджет Агентства, согласно надежным источникам, составляет около 500 млн. долларов, из которых 380 млн. тратится на поддержание заграничной сети и 100 млн. отводится на нужды организации в США. Эта огромная сумма обычно включается в бюджет Министерства обороны и, должно быть, озадачивает людей, которые распределяют ее по другим статьям.

Столь огромные средства должны расходоваться на соразмерные цели. АНБ занимается «информационной разведкой». Этот относительно безобидный термин включает в себя следующее:

1. АНБ взламывает коды тех иностранных правительств, которые считает важными.

2. Агентство разрабатывает коды США и меняет их, если становится известно, что кто-либо взломал их.

3. Оно занимается прослушиванием связи в иностранных государствах, для этого используется более 2 тысяч станций, часть которых расположена на кораблях и самолетах.

4. АНБ выясняет расположение радиолокационных станций стран социалистического лагеря.

Источник, знакомый с методами работы АНБ, объяснял, что Агентство «записывает все возможные электронные сообщения коммунистов. Эта задача поражает воображение. Очень много записей регистрируют обычные переговоры, но, конечно же, большая часть информации зашифрована и пленки с записями используются для расшифровки кодов коммунистов. Особенно ценными для нас являются переговоры советских военных и служб раннего оповещения».

Главная задача этой работы — «определить дислокацию всех воинских частей мира, по обе стороны железного занавеса. АНБ всегда должно иметь эту информацию под руками. Говорят, что Агентство может назвать место дислокации любой воинской части только потому, что армии должны поддерживать связь, которую и перехватывает АНБ».

Благодаря ему стало известно, что Фрэнсис Пауэрс, пилот самолета-разведчика У-2, был сбит только после того, как его самолет опустился на высоту 36 тысяч футов

из-за проблем с двигателем. Сотрудники установили это по данным радиоперехвата переговоров советских войск ПВО.

Благодаря АНБ стало также известно, что советские летчики воевали на стороне Северной Кореи — станции слежения записали переговоры пилотов на русском языке.

Таким же образом была получена информация и о неудачных запусках советских космических аппаратов.

Об успехах АНБ узнают совершенно случайно, само оно никогда не сообщает о своих достижениях. АНБ настолько закрыто для общественности, что ЦРУ по сравнению с ним кажется рекламным агентством. Аллен Даллес стал воплощением мастерства шпионажа благодаря кампании, развернутой в коммунистической прессе, и своим деликатным отношениям с общественностью. Но ни один человек не слышал об адмирале Лоренсе Фросте, который сейчас возглавляет АНБ. Руководители этой организации не общаются с прессой ни при каких условиях.

АНБ появилось одновременно с ЦРУ по Закону о национальной безопасности 1947 года. Закон объединил шифровальные агентства вооруженных сил, самым важным из которых было Агентство безопасности армии. Первоначально штаб-квартира АНБ располагалась в Арлингтон-холле, бывшей женской школе в Вирджинии. Агентство переехало в Форт-Мид, после того как конгресс одобрил 30-миллионный бюджет на строительство нового здания.

Само Агентство нельзя винить в том, что оно не смогло сохранить части своих секретов. Именно закон человеческого фактора до сих пор приводит в дрожь ученых, работающих в АНБ. Ничто не может уберечь секретную организацию от людей, не соответствующих предъявляемым требованиям. В двух случаях АНБ стало известно благодаря своим сотрудникам. Самый недавний пример — дезертирство в августе 1960 года двух математиков, Уильяма Мартина и Бернона Митчелла. Об этом случае обычно упоминают в рамках другого дела, но нужно отметить, что они не скупились на детали, рассказывая о своей работе.

На пресс-конференции, состоявшейся в Москве, Мартин и Митчелл рассказали русским о том, что АНБ в течение тринадцати лет успешно скрывало от американцев.

Впервые стало известно, что штаб-квартира АНБ делится на четыре главных отдела.

1. ПРОД получает данные перехвата от внешних станций, занимается криптографическим анализом и анализом информации. Подразделения ПРОД: АДВА — занимается изучением советских систем криптографии* и дипломатическими кодами высокого уровня сложности; ГЕНС — изучает советские шифры среднего уровня; АКОМ — шифры социалистических стран Азии; АЛЛО — изучение шифров союзников, нейтральных стран; МПРО — занимается электронными вычислениями и снабжает данными другие отделы.

2. Р/Д (отдел исследований и разработок) состоит из следующих подразделений: РЕМП — проводит криптографические исследования и занимается прикладными проблемами криптографии, а также консультирует другие отделы и изучает компьютерные компоненты; РАДЕ — разрабатывает радиопередатчики и средства радиоперехвата, средства для определения места расположения радиосигнала, изучает неизвестные системы связи; СТЕД — изучает возможные недостатки шифровальных машин и теоретические проблемы, в частности шифровку речи.

3. КОМСЕК отвечает за производство и безопасность шифровальных систем США.

4. СЕК занимается отбором сотрудников и проводит тесты на детекторах лжи.

АНБ — одна из организаций, наиболее активно использующих детекторы лжи в своей работе, но пример Митчелла и Мартина показывает, что и этого бывает недостаточно. Детекторы лжи обычно критикуют по двум причинам: во-первых, из-за их неэффективности (Эдгар Гувер однажды сказал: «Я бы не верил слепо тому, как объясняет оператор детектора показания аппарата при вопросе о сексуальных отклонениях».); во-вторых, кандидатам говорят, что эта проверка необязательна, но без нее изучение личности займет больше времени. Операторами очень часто работают бывшие полицейские, а не профессионалы. Проверка сама по себе очень тревожна для человека. Оператор измеряет давление испытуемого, накладывает

* Криптография (от греч. *kryptos* — тайный, скрытый) — способ тайного письма, тайнопись. (Прим. ред.).

вает ему на грудь пневмограф, к рукам присоединят электроды, и после этого включается самописец. Часть вопросов носит личный характер.

Со времени дезертирства Мартина и Митчелла Агентство делает больший упор на психиатрические исследования, и, по некоторым данным, в результате проверок в самой организации было выявлено восемь гомосексуалистов.

Расследование дезертирства специальной комиссией конгресса привело к отставке Мориса Кляйна, возглавлявшего отдел кадров АНБ. Кляйн был вынужден покинуть работу после того, как стало известно, что он изменил некоторые данные о себе в 1949 году, когда был принят на службу в АНБ. Он лишен прав на пенсию, и ему угрожает уголовное дело по факту подмены данных в федеральных документах. Подмены, сделанные им, кажутся довольно безобидными: он заявил, что окончил Гарвард, специализируясь в юриспруденции, в то время как на самом деле он окончил юридический колледж Нью-Джерси; он сказал, что его мать родилась в США, а на самом деле она уроженка России; свое имя он записал как Морис Гарольд Кляйн, а его настоящее имя — Морис Гарри Кляйн. Эти мелочи становятся важными только из-за того, что их допустил человек, занимающий один из самых важных постов в секретной правительственной организации, который, к тому же, отвечал за прием на службу Мартина и Митчелла. Отставка Кляйна последовала за его выступлением на заседании Комитета по расследованию антиамериканской деятельности. Комитет отмечал, что в результате проведенных расследований были обнаружены серьезные недостатки в безопасности АНБ. Отставка Кляйна привела к тому, что было выявлено еще по крайней мере десять человек, ненадежных с точки зрения безопасности.

Мартин и Митчелл не скрыли и того факта, что АНБ успешно следило за союзниками США и обладало шифрами «почти сорока стран мира». По их словам, это происходит благодаря работе опытных криптоаналитиков, а также из-за того, что США продает другим странам шифровальные машины и иногда подкупает шифровальщиков посольств дружественных стран.

Вообще, шифровка и дешифровка признаются самой трудной работой из всех, которые вовлекаются в разведы-

вательную деятельность. Высокий процент служащих АНБ уходит в отставку из-за стрессов. Несмотря на широкое применение компьютеров, все еще наблюдаются нервные расстройства, подобные тем, которые были описаны Гербертом Ярдли, возглавлявшим «Американскую черную комнату» — шифровальный отдел Госдепартамента, появившийся после Первой мировой войны.

Ярдли писал, что он разрешил уволить двух женщин из-за того, что «одной постоянно снилось, что в ее комнате сидит бульдог. Она искала его по всей комнате — под стульями, кроватями, шкафами. Когда ей удавалось поймать его, она видела, что на его боку написано слово «код». Другой девушке часто снилось, что она идет по пустынному пляжу с огромным мешком камешков. Она искала камни, которые должны были соответствовать камням в ее мешке. Когда находила такой камень, то вытаскивала из мешка второй и выкидывала их в море. Только так она могла облегчить свой груз».

Еще одним случаем, когда АНБ обнаружило свое название на страницах газет, стал арест одного из шифровальщиков в 1954 году. Джозеф Сидни Петерсен был обвинен в хищении секретных документов и передаче их другой стране. Этой страной была Голландия, а Петерсен просто вернул голландцам их код, который был расшифрован АНБ. Обвинение предупредило Петерсена, что дело может стать очень серьезным, если оно дойдет до суда и представителям АНБ придется появиться в зале заседаний. Признание вины давало возможность условного приговора. Петерсен признал себя виновным, но тем не менее был осужден на семь лет заключения.

Информация об АНБ появилась во время предварительных слушаний по делу, когда слово было предоставлено заместителю директора Агентства Лоренсу Ширму. Он описал меры предосторожности, предпринимаемые в его организации:

«Все здания окружены двойным забором из колючей проволоки, который круглосуточно патрулируется. Кроме этого, патрулируется большая часть внутренней территории. Люди, работающие в Агентстве, проходят очень серьезную проверку. Мы тщательно изучаем их происхождение. Секретные документы, находящиеся на территории Агентства,

постоянно находятся в надежных местах. Мы выделяем три типа территорий. На одной из них не может находиться ни один документ, если только он не лежит в сейфе с кодовым замком. Такие площади также патрулируются.

На определенных больших площадях, где сейфов недостаточно, документы могут храниться либо в обычных шкафах, либо в запирающихся, а иногда и в столах, но такие помещения, когда в них никто не работает, обычно находятся под вооруженной охраной.

Те члены персонала, которые могут вывозить секретные документы из Агентства с целью передачи их другому агентству, получают специальные пропуска и владеют этими документами строго определенное время. Однако, если они едут куда-либо с документами на личной машине, они должны ехать с еще одним служащим Агентства. Им не разрешается совершать поездки по одному.

Документы обычно перевозятся в закрытых кейсах и в конце встречи должны помещаться на хранение либо в другом агентстве, либо в нашем здании. Человек, работавший с ними, не может забрать их домой».

Говоря о понимании требований безопасности персоналом, Ширм сказал, что «при поступлении на работу он проходит специальную подготовку. Кроме того, персонал, занимающийся вопросами безопасности, регулярно проводит проверки среди служащих, и все они через определенный промежуток времени подписывают документ, подтверждающий, что они знают требования надлежащих статей контракта».

Несмотря на такое обилие предосторожностей, офицеры службы безопасности узнали, что ни один сейф с кодовым замком не может помешать человеку. Мнимый шпион Петерсен — пример человека, проигравшего сложную борьбу с требованиями безопасности.

Петерсен — высокий, близорукий мужчина с болезненным цветом лица. Он родился в 1914 году в Новом Орлеане, учился в университете Сент-Луиса, в котором и получил степень магистра естественных наук. Некоторое время он преподавал в университете в Лойоле, затем получил место преподавателя физики в одном из колледжей Нового Орлеана. У него было плохое здоровье — он плохо слышал, а в 1938 году заболел туберкулезом, поэто-

му согласился на работу, до которой ему было ближе добираться.

В 1940 году он получил осторожное письмо от полковника Айкена, возглавлявшего одно из подразделений разведки армии США. Письмо предлагало ему бесплатный курс криптографии и говорило о возможности получения работы. Петерсен начал изучать этот курс и с удивлением заметил, что уроки различались по сложности. Проведя год за решением задач, которые он еженедельно получал с почтой, в июле 1940 года Петерсен начал работать в шифровальном отделе армии.

Во время войны он подружился с полковником Дж. А. Веркюлем, занимавшимся связями вооруженных сил США и Голландии. Они вместе работали над проблемами шифровки информации. После войны полковник Веркюль вернулся домой, но у Петерсена остались связи с другими голландцами. Он начал работать в АНБ сразу после его основания в 1947 году. Сенатор Юджин Маккарти, который работал с ним в эти годы, говорил, что «репутация Петерсена была очень высокой. Его считали одним из лучших людей, работавших в Агентстве».

Один из сослуживцев отмечал, что, «несмотря на все сложности, Петерсен выполнял задания, которые требовали всестороннего внимания, и оправдывал доверие, оказанное ему. Он прекрасный техник и выдающийся учитель».

Петерсен был одним из разработчиков обучающей программы. Он разрабатывал и проводил уроки, к моменту ареста читал двадцать два часа лекций в неделю, не считая постоянной работы в области криптографии.

Сам Петерсен говорит, что работа «была иногда слишком сложной». Его единственным увлечением был любительский театр в Арлингтон-холле. И он активно участвовал в его жизни. Но главным интересом оставалось Агентство, его работа и развитие.

В 1948 году Петерсен совершил любопытный поступок — отвез к себе домой сборник китайских коммерческих кодов, который использовался на курсах в АНБ. Он завернул сборник в газету и так пронес его мимо охраны. Этот сборник, позволявший зашифровать 10 тысяч иероглифов с помощью набора из четырех цифр, в то время продавался за 15 долларов. Рассказывая об этом на

допросе, Петерсен сказал, что пользовался книгой для составления задач. В другой раз он принес домой секретные документы АНБ. Один из них содержал данные по шифровальной машине «Хагелин», которая использовалась с 1939 года. Другой документ был анализом переговоров коммунистов во время войны в Корее. Он был датирован 20 февраля 1951 года и назывался «Направление работы безопасности в Северной Корее».

С 1948 по 1952 год Петерсен встречался с Джакомо Штюдтом, офицером связи голландского посольства, и несколько раз передавал ему информацию. Он сообщил ему, что АНБ расшифровало код Голландии и наблюдает за переговорами посольства и правительства страны.

Денежный вопрос в этом случае не затрагивался. Петерсен действовал только из-за дружбы с голландцами. Примерно в это время он занялся тем, что иногда считают признаком душевного расстройства — начал писать письма редакторам. 29 августа 1950 года газета «Вашингтон пост» опубликовала одно из его писем, в котором он говорил, что «правительственные агентства сейчас обвиняются во всех грехах, за исключением предательства. Поддается вера американцев в наше правительство. Чтобы восстановить эту веру, агентствам приходится жертвовать всеми, на кого падает хотя бы малейшая тень подозрения».

Может быть, именно это письмо привело к проверке Петерсена службой безопасности. Может быть, причиной этого был тот факт, что стало известно о пропаже некоторых документов, к которым он имел доступ. Может быть, к проверке привели его частые отсутствия на службе, из-за которых начальство поменяло его рейтинг на «удовлетворительный» вместо «выдающийся».

Какой бы ни была причина, 28 сентября 1954 года Петерсена вызвали из класса в здании АНБ, и он оказался перед двумя офицерами ФБР. Они дружелюбно поговорили с ним. В следующую субботу пришли к нему домой. Он был в гостиной, а его жена в спальне. Позднее он рассказывал: «Они толкнули меня в кресло, обыскали, чтобы убедиться, что у меня нет оружия, и надели на меня наручники». Они разрешили ему пойти к жене, которой он сказал, что уходит.

«На ночь?» — спросила она.

«Скорее всего», — ответил он и попросил собрать его туалетные принадлежности.

Петерсена доставили в суд Александрии и заперли там. Он вспоминал: «До этого мне пришлось ответить на многие вопросы, которые мне задавали агенты. Я представить себе не мог, что они искали». Он даже написал заявление, позволившее агентам обыскать его квартиру без санкции.

У ФБР не было особых трудностей в поисках компрометирующего материала. Документы стояли на той же полке в том же шкафу, что и раньше, где Петерсен хранил их годами. Тем не менее у него было достаточно времени, чтобы избавиться от них.

Когда агенты ФБР сказали Петерсену, что они нашли у него, он сделал следующее заявление: «Я не вернул эти документы в Арлингтон-холл, потому что был обеспокоен своим поступком, так как понял всю серьезность моей передачи секретной информации представителям других государств. Это беспокойство вылилось в полное бездействие с моей стороны, как это часто бывает во время стрессов».

Суд над Петерсеном начался в январе 1955 года. Это был идеальный подзащитный. Он окончательно понял, в чем его обвиняют тогда, когда защита потребовала рассмотреть подробные сведения о нем. Обвинение Министерства юстиции содержало в себе следующий пункт: «Петерсен копировал секретные материалы, содержащие в себе сведения об успешном взломе кода, используемого Голландией». Петерсен заключил с обвинением сделку: ему снимают два пункта, если он признает свою вину по третьему пункту обвинительного акта — использование секретной информации в целях, несущих урон США.

Подобная щедрость Министерства юстиции была вызвана тем, что непризнание вины могло привести к выступлению в суде официальных лиц АНБ, которым пришлось бы рассказывать о подробностях некоторых операций Агентства. Кроме того, адвокат был уверен, что признание Петерсеном себя виновным было в этом случае эквивалентно условному приговору.

В ходе предварительных слушаний была выяснена степень секретности документов, к которым имел доступ

обвиняемый. Защита заявила, что эти материалы уже не соответствовали данной степени, поскольку можно было купить и китайский сборник, и шифровальную машину «Хагелин».

Один из директоров АНБ терпеливо объяснил значение разных степеней секретности. Он сказал, что уровень «Совершенно секретно» значил, что раскрытие данной информации может привести к серьезным проблемам национальной безопасности, разрывам дипломатических отношений и даже войнам. Степень «Секретно» означала менее серьезный ущерб национальной безопасности. Уровень «Конфиденциально» означал, что в случае потери информации это может привести к небольшим проблемам.

Китайский сборник, по его словам, был «составлен и издан АНБ. В нем заключается работа Агентства». Но эта книга была не просто сборником кодов. Она рассказывала об устройстве, созданном жителями Дальнего Востока, чью письменность нельзя передавать по телеграфу. Устройство содержало в себе каталог иероглифов и их эквивалентов. Этот код широко использовался в Китае.

Вместо условного приговора Петерсен получил семь лет тюремного заключения. Человек, который и мухи не обидит, был признан опасным шпионом, совершившим преступление, которое, по словам судьи, «могло привести к очень серьезным последствиям для безопасности США».

Тот факт, что Петерсен признал себя виновным, спас правительство США от объяснений причин, по которым АНБ следило за корреспонденцией стран-союзников. Голландцы, в свою очередь, также не стали предавать дело широкой огласке, заявив, что они думали, будто Петерсен обладал необходимыми полномочиями, передавая им эту информацию.

Петерсен оказался в Федеральном медицинском центре в Спрингфилде, в штате Миссури. Из тюрьмы он писал судье: «Теперь, когда уже прошел первый шок, я начинаю понимать жестокость приговора, который я получил». Он писал, что узнал: нельзя подавать на апелляцию, если человек признал себя виновным, но судья мог изменить меру пресечения. Петерсен также выяснил, что можно изменить признание, если удастся доказать, что предыдущее признание было сделано из-за некомпетентности адвоката. Заключение посетил адвокат Дэвид Кин-

ни, и его первыми словами было следующее: «Я беру задаток в три тысячи долларов». Петерсен сказал, что его сбережения уже потрачены на адвоката, а жена с трудом нашла работу, потому что у нее был небольшой дефект речи. Письмо, таким образом, не сыграло в его положении никакой роли.

Правительство США особенно сильно старалось обвинить Петерсена, хотя впервые за много лет в деле о шпионаже не участвовали коммунисты. «Мы не можем оценить урон, который Петерсен нанес своими действиями национальной безопасности США», — сказал Джон Райли, поверенный отдела внутренней безопасности. Действия бывшего сотрудника АНБ были названы «граничащими с изменой». Если дело Петерсена вообще говорит о чем-либо, так именно об этой «границе» с изменой.

7. АМЕРИКАНСКОЕ И СОВЕТСКОЕ «ВОЛШЕБСТВО»

Джон Т. Дауни работает в ЦРУ десять лет, девять из которых он провел в пекинской тюрьме «Цао Ландзе» («Травяная корзина»). Первые два года он провел в одиночной камере, ожидая суда по обвинению в шпионаже. С ним стали хорошо обращаться, когда приговорили к пожизненному заключению. Его кормят три раза в день, он получает рис, овощи, мясо. Ему разрешена часовая прогулка в тюремном дворе и ежедневно он выкуривает десять сигарет. При содействии китайского Красного Креста получает письма, любимые газеты и журналы. За эти годы он получил более тысячи писем, часть из них пришла от людей, сочувствующих ему, часть от просто одиноких людей. Его мать, Мэри Дауни, работающая учительницей в Нью-Бритене, присылает ему вырезки из местных газет. Она встречалась с сыном в 1960 году, когда ему исполнилось тридцать лет. Привезла книги, американские сигареты. Они встречались пять раз, каждое свидание длилось по два часа. Она говорила, что он хорошо выглядит.

Ричард Фекто — еще один человек ЦРУ, содержащийся в «Травяной корзине». У Фекто две дочери, которых он никогда не видел. Его жена умерла вскоре после того, как правительство США объявило, что он и Дауни погибли на море, и дочери живут с родственниками. Какое-то время Фекто и Дауни находились в одной камере, но сейчас он в камере с китайцем, который владеет английским. О своем товарище Фекто говорит следующее: «Он получил пятнадцать лет за шпионаж. Ему около пятидесяти лет, и раньше он был довольно богат. У него было два дома,

новый «бьюик». Теперь он потерял все. Можно подумать, что он об этом жалеет, но он относится к этому совершенно спокойно».

Фекто и Дауни просили начальника тюрьмы Чи Чао, чтобы он разрешил им снова находиться в одной камере. Им сказали, что это будет возможно при условии хорошего поведения, но прошение так и не удовлетворили.

ЦРУ для Дауни было первым местом работы. Ему предложили «гражданскую работу в Министерстве обороны» в 1951 году, когда он окончил Йельский университет. Именно в этом году ЦРУ набрало в свои ряды большое количество выпускников колледжей — это было связано с войной в Корее. Он прошел подготовку в Вашингтоне, потом был направлен в Ацуги, небольшой город в пятидесяти милях от Токио. Там находился тренировочный лагерь ЦРУ, в котором китайские националисты готовились к выполнению специальных миссий на территории Маньчжурии. Лагерь был открыт в июле 1951 года с разрешения правительства Японии. Сообщалось, что недавно он был закрыт. Китайских агентов доставляли в Маньчжурию самолетами американских ВВС, которые в случае необходимости могли эвакуировать их из района операции. Эти самолеты были снабжены специальным устройством, которое позволяло забирать людей и грузы без посадки. Прикрытием для полетов в Маньчжурию была перевозка грузов из Сеула в Иокогаму.

Самолет, вылетевший из Сеула 29 ноября 1952 года, на борту которого и были Дауни, Фекто и девять китайцев, до Иокогамы не долетел. Он был сбит над территорией Китая.

Фекто оказался в самолете из-за решения оставить профессию тренера. Сначала он служил в торговом флоте, затем был тренером в университете Бостона. Решив, что эта профессия недостаточно прибыльна, он решил сотрудничать с ЦРУ.

Начальство сказало Дауни и Фекто, что их полеты над Маньчжурией были подготовкой к началу завоевания Китая войсками Чан Кайши. Дауни, однако, эти слова не убедили: «Я не мог поверить, что Чан мог завоевать Китай. Но я старался не думать об этом, потому что был уверен, что война в Корее была началом третьей мировой войны. А поскольку Китай занял бы, скорее всего, сторону России,

я полагал, что США не должны были упускать ни одной возможности».

На суде, который состоялся в 1954 году, Дауни с удивлением узнал, что он был лидером всех американцев, находящихся в китайских тюрьмах. Это очень спокойный человек, чья физическая сила практически не видна. Он был в университете членом команды по борьбе, но утратил форму, проведя два года в тюрьме. Фекто сильно потерял в весе, и в тюрьме у него начался нервный тик.

Единственным источником информации о суде стали передачи пекинского радио, за которыми следило агентство «Рейтер». Сообщалось: «шпионы США признались, что получили специальную подготовку по ведению шпионажа и партизанской войны». Они обвинялись в том, что «помимо этого, в их задачи входила подготовка, снабжение необходимым оборудованием и эвакуация нелегальных агентов... а также определение мест, пригодных для парашютной высадки и последующей эвакуации этих агентов». В суде были выставлены оружие, книги с записью шифров, золото в слитках и китайская валюта. Пекинское радио сообщало, что Дауни признал, что он и Фекто прошли подготовку в ЦРУ.

По своей значимости суд был таким же, как и суд над Пауэрсом в СССР. Заседания проходили в грандиозном Дворце культуры. Здесь выставили обломки самолета, карты, оружие. Была также фотография пилота, которому оказывалась медицинская помощь.

Четверо из девяти китайцев, представших перед судом вместе с американцами, были приговорены к смертной казни. Через несколько недель после вынесения приговора у Дауни и Фекто появилась компания — ожидал суда экипаж самолета Б-29, сбитого над Маньчжурией. Пекинское радио позднее сообщало, что пилот этого самолета, полковник Джон Нокс Арнольд-младший, признался, что самолеты его авиакрыла использовались ЦРУ для «выброски специальных агентов, их снабжения, поддержания связи с ними и эвакуации людей, выполнивших задание». Фекто вспоминал, что три недели, проведенные с летчиками, были лучшими за все время пребывания в тюрьме.

Во время заключения пленники посетили Шанхай, Гуанчжоу, Харбин, Нанкин, Шеньян. Фекто был в Шанхае, когда служил на флоте, и его поразили перемены,

происшедшие в городе. Он вспоминал: «Раньше Шанхай кишел попрошайками и проститутками. Как только ты высаживался в Шанхае, тебя окружало две сотни детей, которые бежали за тобой, прося милостыню. А если ты им отказывал, то слышал вслед хорошую американскую брань. Сейчас дети выглядят хорошо ухоженными. У всех есть одежда. Шанхаю коммунизм пошел на пользу».

Эта поездка произвела впечатление и на Дауни: «Я никогда не был ярым сторонником свободной экономики. Теперь я просто уверен, что плановая экономика была бы полезна для Китая, Индии и других стран». Дауни пришел к заключению, что Соединенным Штатам следует признать коммунистический Китай. Он полагает, что «поскольку США поддерживают минимальные отношения с СССР... то и с Китаем можно делать то же самое». Это признание, кроме всего, может стать причиной их освобождения. И Дауни, и Фекто отрицают, что с ними проводились специальные беседы на эту тему.

В 1957 году группа студентов, которая бросила вызов Государственному департаменту, приняв приглашение посетить Китай, встретила с Дауни и Фекто. Именно из их сообщений взяты цитаты, приведенные выше. Студенты встречались с каждым из заключенных отдельно, но им не разрешалось фотографировать их или что-нибудь записывать. Кроме этого, гостям запретили обсуждать суд и предъявленные обвинения. Письменное сообщение студентов было составлено уже после встречи. Когда оно было готово, начались обсуждения его содержания. Часть студентов пыталась описать китайские тюрьмы в слишком светлых тонах. Но Лэрри Мойер, один из членов делегации, заявил, что «у Дауни тряслись руки, он говорил коротко, иногда несвязно».

Эта группа разговаривала и с Моррисом Уилсом, одним из перебежчиков корейской войны. Уилс был взят в плен в 1951 году, сейчас он изучает китайский в университете Пекина. Дезертир с гордостью сказал студентам, что он звезда баскетбольной команды университета и что женат на дочери китайского генерала.

Точность сообщения была подтверждена преподобным Уорреном Маккенной, который был в составе этой группы, а сейчас живет в Массачусетсе. В письме автору этой книги преподобный Маккенна рассказал, что разно-

гласия из-за содержания начались по той причине, что Мойер писал репортаж для службы новостей.

«Студенты группы заранее договорились, что до написания сообщения никто из них не будет рассказывать о встречах с заключенными. Мы понимали ценность наших известий и хотели, чтобы сообщения были как можно более точными. Сразу после встреч с ними мы собрались, чтобы написать сообщение, и отдали его китайцам, чтобы они сделали копии. В итоге мы получили копии только утром следующего дня. Мойер сдержал слово и ничего не сообщил своему человеку в Москве, хотя тот выказывал недовольство и позднее уволил его. Мойер, естественно, расстроился, а вечером на встрече группы появились мнения, что доклад был задержан нарочно. Один из членов группы позднее составил свой доклад на основе именно этой встречи. Позднее Мойер отказался от слов, которые этот человек приписывал ему. Вообще вся ситуация возникла только из-за трудностей нашей поездки и важности новостей, которые мы узнали.

Однако оба сообщения довольно точны, и я полагаю, что их не будет никто опровергать».

В пользу точности сообщений позднее свидетельствовали члены семей заключенных, которые посещали своих родственников.

Заканчивая рассказ о Дауни и Фекто, необходимо отметить, что ЦРУ так и не признало их своими агентами. В единственном официальном документе они называются гражданскими служащими Министерства обороны.

Так же как Советский Союз опутывает шпионскими сетями США и другие страны Запада, ЦРУ пытается проникнуть на территорию коммунистических стран. Дело Дауни и Фекто показывает методы работы на Дальнем Востоке. ЦРУ, однако, действует более осторожно, когда речь идет об СССР. Люди, которые родились в Америке, никогда не отправляются в Советский Союз. Даже если такой агент хорошо знает язык и традиции страны, даже если его поддельные документы надежны, у него будет слишком мало шансов выжить в советском обществе. Советский агент может приехать в Нью-Йорк по иммигрантской визе, говорить с легко узнаваемым акцентом, и

в то же время ему все сойдет с рук. В 1949 году генерал-лейтенант Ведемейер, возглавлявший психологическую службу вооруженных сил, признал, что «жизнь агента в России практически ничего не стоит». «У нас есть несколько агентов, — сказал он, — но для того, чтобы создать разведывательную организацию в России, требуется очень много времени. Мы получаем мало докладов от наших разведчиков, но все они достаточно ценны».

С 1949 года ЦРУ стало активнее использовать в качестве шпионов русских эмигрантов. По внешним признакам их ничто не связывает с американской разведкой. Говорят, что большинство из них состоят в «Союзе русских патриотов» — организации русских эмигрантов, созданной во Франкфурте, которая отправляет агентов в СССР с тридцатых годов. С помощью этой и других организаций ЦРУ успешно контролирует их деятельность. Сами агенты едут в СССР либо для выполнения одной миссии и затем возвращаются на Запад, либо остаются в Советском Союзе для работы или до получения новых заданий. Обычный маршрут такого агента начинается в Западном Берлине, затем он следует через Восточную Германию в одну из социалистических стран. Границы между Советским Союзом и Польшей и Чехословакией охраняются не очень серьезно. Кроме того, есть полностью неохраняемые участки на границе СССР с Ираном и Афганистаном. Еще один метод — парашютный или лодочный десант в республики Прибалтики.

Советская книга «Пойман на месте преступления» приводит список из 23 человек, задержанных при попытке нелегального пересечения границы СССР. Также говорится, что это «только небольшая часть тех людей, чьи имена могут быть перечислены в связи с этим. Та же участь готовится для всех, кто проходит специальную подготовку в школах для разведчиков».

Авторы книги в то же время говорят, что количество не задержанных агентов беспокоит правительство. В январе 1960 года была принята поправка к Уголовному кодексу СССР, которая освобождала от ответственности шпионов, которые сдались по своей воле. Поправка гласит:

«Граждане СССР, завербованные разведывательной службой иностранного государства для ведения враждебных дей-

ствий против СССР, не несут уголовной ответственности, если они не предпринимали никаких действий по выполнению их задания и добровольно поставили органы власти в известность о своей связи с разведкой иностранного государства».

Даже мощная полицейская сеть Советского Союза не может охватить всего пространства своей страны, которая в два раза больше США.* На стороне агентов работает и факт миграций жителей внутри страны. Ежегодно из тюрем и лагерей освобождаются тысячи людей, которые и образуют основную массу меняющих место жительства. Этим людям приветствуют в малонаселенных районах, на заводах и в колхозах, где руководители практически не обращают внимания на документы, радуясь лишней паре рабочих рук. Человек с уголовным прошлым — часть советской жизни, он может выиграть во многих ситуациях. Таким людям гораздо труднее поселиться в крупных городах, таких как Москва и Ленинград. Очень трудно получить прописку, если у человека нет работы в этом городе.

У агентов, которых отправляют из Германии, все документы в порядке, у них есть комсомольский билет, паспорт, военный билет, документы о наличии профессии. Им легко найти работу и место жительства, если они успешно пересекли границу. Довольно часто они едут в города, где уже работают другие агенты. Новый житель города или деревни не вызывает особых подозрений. Это обычное дело.

Рассказы о задержанных агентах, которые приводятся в книге «Пойман на месте преступления», полны неточностей и преувеличений, но все они, как отмечают американские офицеры, довольно типичны.

Н. И. Якута служил в Красной Армии и был захвачен в плен в 1941 году. Военнопленным предлагали службу в немецкой армии, и Якута согласился. В конце войны оказался в одном из лагерей в Мюнхене. Он и другие люди работали на восстановлении аэродрома за чисто символическую плату. В 1946 году он познакомился с русским эмигрантом, который набирал группу рабочих, готовых поехать в Африку и Южную Америку. Якута считал, что там

* Территория СССР составляла 22,4 млн. квадратных километров, территория США — ок. 9,4 млн. (Прим. ред.).

ему будет не хуже, чем в лагере, и записался. Его отправили в Касабланку, где он проработал пять лет. Получал он очень мало. В 1951 году Якута вернулся в Германию с помощью другого русского эмигранта. Во Франкфурте он познакомился с Георгием Околовичем, возглавлявшим «Союз русских патриотов». Он вступил в эту организацию и вскоре был отправлен в основанный американцами лагерь, где провел девять месяцев на специальных курсах, изучая радиосвязь, шифры, оружие и разведывательную деятельность.

Якута был задержан при пересечении границы СССР. В феврале 1957 года он выступил перед советскими журналистами. Это интервью на следующий день было напечатано в газете «Правда». Во время этого неуклюжего выступления Якута сказал:

«Американская разведка развращала нас, поощряя азартные игры, пьянство. Нас водили в публичные дома. Это было отвратительное развращение тех советских граждан, которые не по своей воле оказались за границей. Нужно добавить, что американцы советовали нам совершать самоубийства, но не сдаваться при задержании. Для этой цели американцы зашили нам в воротники капсулы с ядом, нам сказали, что яд действует мгновенно. Между собой мы называли эти капсулы «дружеским подарком» Аллена Даллеса».

А. М. Новикову было семнадцать лет, когда немецкие войска оккупировали его родную Белоруссию. Парня отправили в Германию, где он работал на ферме. В 1945 году он оказался в Мюнхене.

Его также завербовал Околович, и в 1949 году он был отправлен в тренировочный лагерь в Бад-Визе. В апреле 1953 года его забросили в Советский Союз. Он сдался властям и выступая рассказал следующее:

«Американцы многое предвидели, готовя нас к шпионской деятельности. Мне дали капсулу с ядом, которую я должен был проглотить, если бы меня задержали. Мне также приказали отрицать связи с американской разведкой, ссылаясь во всем на разведку Франции, которая якобы и готовила меня.

Какое-то время я скрывался в лесах, а потом начал встречаться с людьми. Я был поражен тем, что увидел в Белоруссии, и понял, что советские люди быстро оправились

от ужасов войны и что жизнь в Советском Союзе сильно отличается от того, что нам описывали американцы.

Я поборол свой страх и сдался органам государственной безопасности. После того как я предоставил полную информацию о себе, я провел много времени, показывая места, где я прятал оборудование. Я был приговорен к пяти годам ссылки. В прошлом году было удовлетворено мое ходатайство о помиловании, и я получил возможность жить в любом месте СССР. Но я остался работать в колхозе в Красноярской области. Я женился и скоро стану отцом».

Это «откровение» о патриотизме и любви было специально напечатано в «Правде», чтобы подтолкнуть к такому же решению других агентов. Тем не менее в таких рассказах очень мало правды. Точно известно только то, что русских готовят в лагерях ЦРУ на территории Западной Германии и затем отправляют с заданием в Советский Союз.

Советские отчеты поразительно наивны. Сдавшиеся шпионы всегда называют имена людей, которые учили их, и почти всегда это одни и те же имена. Так, согласно этим рассказам, у некоего капитана Холидея работы намного больше, чем у остальных агентов ЦРУ в Западной Германии. Его имя то и дело называется сдавшимися шпионами. «Капитан Холидей приказал мне совершить самоубийство», — говорит Новиков. «Технике шпионажа нас обучал капитан Холидей и другие агенты ЦРУ», — вспоминал Якута. «Я учился шпионажу и саботажу под руководством капитана Холидея», — сказал М. П. Кудрявцев, «сдавший» в 1953 году. «Нью-Йорк таймс», сообщая в ноябре 1960 года об аресте М. Платовского, названного шпионом США, писала, что на допросе он сказал, что его готовили три инструктора, имена которых уже хорошо известны советским читателям. Одним из них был, конечно же, капитан Холидей.

Согласно книге «Пойман на месте преступления», сдаются большинство агентов. Они осознают неправо́ту своих действий, а также понимают, что в СССР произошли большие изменения с тех пор, как они были там в последний раз. У всех агентов обнаруживают радиостанции, фотоаппараты, морфий, шприцы, оружие, радиомаяки, водолазные костюмы, компасы — короче говоря, целый

склад вещей, из-за которых агент должен быть похож на странствующего ремесленника. Военная форма, в которую обычно одеты шпионы, сшита в США, а символика СССР нарисована на ней. Некоторых агентов задерживали с печатными станками, на которых они должны были печатать антисоветские листовки.

Лагерь, в которых готовят шпионов, разбросаны по всему миру. В Западной Германии находятся наиболее важные. В Кауфбойрене, что в пятидесяти милях от Мюнхена, находится летное поле, на котором лучшие кандидаты проходят подготовку к парашютной высадке. В десяти милях севернее находится диверсионная школа, где, по словам одного из захваченных шпионов, «учат повреждать железнодорожные пути, взрывать мосты, разрушать военные постройки». Этот агент вспоминал: «Нас учили пользоваться бикфордовым шнуром, электрическими детонаторами. Нам показывали фильмы, которые учили поджигать военные объекты и правительственные здания».

Проникновение на территорию другой страны — прямой и самый опасный метод работы, который в разведывательных организациях называют «волшебством». Но в активе советской и американской разведок есть еще много способов. Самые важные среди них следующие: использование туристов и студентов, поддельные документы, приближение советских туристов к американской жизни и американцев к советской, подкуп, шантаж, секс, подрывная деятельность.

Аллен Даллес сказал однажды: «Если ты нашел чиновника, который передает тебе важную информацию, — это разведка. Если же он оставил секретный документ на столе, а ты его украл, то это — шпионаж». Это определение отличает «исследование» от «волшебства».

Главная задача разведывательных агентств — совместить разрозненные сведения «исследований» и получить из них какую-то информацию. Например, «исследователь» читает в газете письмо бригадира завода, который жалуется на медленную поставку сырья. В это время военный атташе сообщает об изменении расписания движения поездов. «Правда» объявляет о том, что в одной из областей Сибири требуются рабочие. Через несколько дней чиновник, говорящий о росте производства в этой области, вставляет в свою речь несколько фраз о мирном исполь-

зовании атомной энергии. Благодаря этим обрывочным сведениям аналитик может установить место, в котором строится новая атомная станция.

Такова ежедневная работа разведчиков в Вашингтоне и Москве. Но помимо этого им приходится выполнять и много тайных заданий.

Одним из них можно назвать использование любителей для сбора информации. ЦРУ называет этот метод «патриотическим информированием». Оно просит помочь всех, кто едет в СССР, — будь то студенты, учителя, бизнесмены, туристы. Жителям СССР, которые собираются посетить Соединенные Штаты, говорят, что передать властям какую-либо информацию — одна из обязанностей патриота Родины.

Роберт Берлин, 28-летний вице-президент торговой фирмы, решил отправиться в десятидневную поездку по СССР в августе 1960 года. В интервью чикагской газете «Америкен» он рассказал, что к нему подошел агент ЦРУ и попросил сделать записи о маршруте поездки, а также об увиденном в Советском Союзе. Этот агент нашел Берлина с помощью туристического агентства, которое занималось поездками в СССР.

Берлин сказал, что ему не предлагали деньги, но он думал, что если бы согласился, то ему бы заплатили. «Позднее я выяснил, что человек, представившийся агентом ЦРУ, расспрашивал моих соседей о моем происхождении и репутации, — вспоминал он. — Я также слышал, что они даже пытались проверить мои школьные оценки». Он обдумывал предложение два дня и в итоге отказался. Больше он ничего не слышал об этом агенте. Комментируя это интервью, пресс-секретарь ЦРУ в Вашингтоне сказал: «Добывать информацию — наша работа, мы ищем ее везде, где можем. То же самое делают и русские, но для них это гораздо легче».

Летом 1960 года был приговорен к семи годам тюремного заключения Марк Каминский, студент из Мичигана. Советские власти обвинили его в шпионаже, так как он находился на одной из закрытых территорий СССР. Он был выслан из страны после того, как советские власти объявили, что он признал себя виновным. Вскоре после его возвращения в Соединенные Штаты в одной из газет появилась статья, говорившая о том, что все больше туристов

высылается из СССР по обвинению в шпионаже. Эта статья привлекла внимание сенатора Уильяма Дж. Фулбрайта, председателя сенатского Комитета по международным отношениям. Он поинтересовался у Даллеса о целесообразности использования «патриотов, не подготовленных к разведывательной деятельности». А также попросил Даллеса прекратить или уменьшить использование этой практики.

Привлечение туристов, посещающих Советский Союз, — дело особенно деликатное из-за строгих ограничений, существующих в СССР. Турист попадает под подозрение только потому, что у него есть фотоаппарат. Его могут арестовать за то, что он сфотографирует вокзал или какой-либо еще объект из целого ряда тех, фотографировать которые в СССР запрещено. Турист, который руководствуется просьбами ЦРУ, находится в опасности, о которой даже не подозревает.

Недавно такое случилось с Марвином Уильямом Макинен, студентом из Западного Берлина. Суд над ним прошел во время Берлинского кризиса. Он был приговорен к восьми годам тюремного заключения. Государственный департамент не направил протеста советскому правительству. Вскоре после его ареста СССР призвал посольство США в Москве прекратить использовать туристов в целях шпионажа.

Советская сторона не разглашала информацию об этом инциденте до того момента, когда его можно было использовать в целях пропаганды. Макинен был арестован в Киеве 27 июля, но о его аресте ничего не было известно более месяца. Представители США в Западном Берлине не заявили о его исчезновении. Радио СССР объявило об аресте только 4 сентября.

Макинен, 22-летний выпускник Пенсильванского университета, говоривший на немецком и русском языках, путешествовал на машине по Украине, когда был арестован офицерами МВД. Согласно сообщениям, появившимся в московской прессе, Макинен остановил в Киеве такси и попросил отвезти на одну из киевских окраин. Водитель Виктор Данилюк вспоминал: «Когда я привез туриста на нужную ему улицу, он заволновался. Он ерзал на сиденье, постоянно оглядывался и изучал все здания. Его интересовали военные объекты, находившиеся на этой улице, хотя он делал вид, что осматривает дорогу, которую недавно отремонтировали».

Таксист, верный антишпионской кампании, развернутой в СССР после инцидента с самолетом У-2, обратился в органы госбезопасности. Двое милиционеров и офицер Советской армии арестовали Макинена в тот момент, когда он «трясущимися руками быстро что-то фотографировал». В сумке Макинена нашли восемь фотопленок, карты автомобильных дорог, несколько блокнотов. Пленка была проявлена, и, когда снимки показали Макинену, он, говорят, согласился: «Да, это точно не фотографии туриста».

Он признал, что его поездка через ГДР, Польшу и Юг России была организована ЦРУ. Двое агентов, которых звали Джим и Дайер, дали ему «фольксваген» и денег на расходы. Он должен был описывать военные объекты, применяя несложный код. В своем признании Макинен сказал: «Когда я видел солдат, я писал, что встретился с крестьянами, а когда я проезжал мимо казарм, я отмечал, что шел дождь. Словами «большое движение» я обозначал военные машины».

Г. З. Климов, военный прокурор, обвинил Макинена в том, что он прошел шестинедельную подготовку под управлением инструкторов ЦРУ, которые научили его пользоваться фотокамерой, шифрами и картами, а также получил от них список военных объектов, которые должен был проверить. Советская сторона особенно сильно акцентировала тот факт, что Макинен попал в СССР из Западной Германии. «Известия» опубликовали фотографию его машины с немецкими номерами. Там же были напечатаны фотографии его записной книжки, записи в которой были зашифрованы.

Хотя суд проходил при закрытых дверях, «Известия» сообщали, что Макинен покался: «Теперь я полностью осознаю неправоту своих действий и готов понести суровое наказание по советскому закону». Он получил именно серьезное наказание — восемь лет тюремного заключения, всего на два года меньше, чем Фрэнсис Гэри Пауэрс, пилот сбитого У-2. Даже если кто-то обвинит Москву в том, что шпионскими скандалами она подливала масла в Берлинский кризис, и Вашингтон в том, что именно из Западного Берлина отправлялись туристы, выполнявшие разведывательные задачи, настоящей жертвой стал Макинен, который надеялся вернуться в университет, чтобы получить ученую степень, а вместо этого провел три года

в тюрьме и еще несколько лет на работах, о которых мало что знал.

Советская разведка, напротив, не полагается только на туристов. Она добивается больших успехов, отправляя офицеров КГБ с туристическими группами или спортивными делегациями. Когда советский перебежчик Юрий Расторов выступал в сенате США, он сказал, что полковник КГБ был даже в составе команды СССР по конькобежному спорту. Сенатор от штата Айдахо Герман Уэлкер спросил: «А может ли он вообще кататься на коньках?»

Это единственный способ опознать агента. На Олимпийских играх в Риме агентом КГБ была молодая девушка, которая не умела метать диск. Во время триумфального выступления ансамбля И. А. Моисеева агент, маскировавшийся под участника труппы, выдал себя неуклюжими прыжками. Перебежчик Петр Дерябин узнал в нем полковника А. С. Кудрявцева. Куда бы не отправлялась советская делегация, будь то на ярмарку в Брюсселе, на выставку в Нью-Йорке, была ли это делегация ученых или студентов, в составе группы всегда есть офицер КГБ, который выполняет двойную функцию: он собирает информацию и следит, чтобы в группе не оказалось предателя.

За Рудольфом Нуриевым, артистом Ленинградского балета, который бежал на Запад в Париже в 1961 году, следили двое агентов, которые якобы играли охотников в «Лебедином озере». Нуриеву удалось избавиться от слежки всего за несколько минут до вылета самолета в Москву.

Разведывательные организации пытаются также вербовать туристов. Американские туристы попадают в советские тюрьмы по ложным обвинениям, и им обещают свободу в том случае, если они согласятся сотрудничать с разведкой СССР. Другие способы вербовки описаны в главе, рассказывающей о перебежчиках. ЦРУ в основном контактирует с советскими чиновниками, работающими на Западе, некоторые из которых ранее намекали, что они согласны работать с американцами, если им предложат. Именно так чаще всего и организуются дезертирства. Иногда, однако, попытка перебежать на Запад не удается. В 1955 году второй секретарь посольства СССР в Вене дал понять, что он готов дезертировать в Америку со своей семьей. Для потенциального дезертира, Б. И. Наливайко, уже были готовы документы, разрешавшие въезд и прожи-

вание в США. Разрешение было выдано Государственным департаментом и подписано одним из заместителей Госсекретаря.

5 февраля 1955 года двое агентов ЦРУ встретились с Наливайко в одном из венских кафе, чтобы обсудить детали. Они показали ему документы, которые тот положил себе в карман, при этом отказавшись от дальнейших контактов. Агенты пытались помешать ему уйти из кафе с документами, тогда Наливайко плеснул пиво в лицо одного из них. Это было сигналом, по которому советские офицеры в форме перекрыли все выходы из кафе. Агенты ЦРУ, поняв, что попали в ловушку, пытались скрыться через черный ход. Вскоре приехала австрийская полиция, но советские агенты не разрешили им производить аресты до тех пор, пока не прибыла военная полиция, состоявшая из представителей трех стран.

После этого русские забрали своего человека, а американцы своих офицеров. Агентами ЦРУ были Роберт Грей (псевдоним) и полковник Фрэнсис Р. Мэннинг. Чья это была ловушка — советская или американская? Скорее всего к этому имели отношение обе страны.

На выставке СССР, которая проходила в 1960 году в Нью-Йорке, русские эмигранты подходили к персоналу, заговаривали с ним, пытаясь узнать, были ли среди них люди, готовые совершить дезертирство. Им обещали работу и постоянное проживание в Соединенных Штатах, а когда на такие предложения отвечали отказом, они обычно предлагали подумать. Если у человека, которому предлагали сдать американским властям, была своя семья, его просили обсудить предложение с женой по возвращении в Советский Союз. Семьи людей, путешествующих по США, остаются дома в роли заложников, и очень часто не без основания. Многие советские туристы с радостью согласились бы остаться на Западе, если бы не знали, что в этом случае их семью ждет приговор к тюремному заключению.

Еще одним «волшебным» методом можно назвать использование фальшивых документов. В ФРГ ЦРУ пользуется услугами издательства «Улльштайн», в котором печатает фальшивые номера газет ГДР, таких как «Нойес Дойчланд». Во Франкфурте печатают поддельные «Правду» и «Известия». Советскую сторону можно назвать спе-

циалистом по «крупным» подделкам. Недавно в лондонской газете «Дейли экспресс», тираж которой составляет 4 млн. экземпляров, появились «секретные документы». Один из них был инструкцией бывшего Госсекретаря Кристиана Гертера, который рекомендовал усилить работу по склонению советских граждан к дезертирству. Второй документ был докладной запиской министра обороны Уилбура Брюкера, тема ее была такой же. Документы выглядели очень правдоподобно, так как на них стояли все печати и номера, но пресс-секретарь британского посольства, в которое якобы и направлялись эти документы, заявил, что «расследованию не удалось обнаружить существование документов, появившихся в печати».

Советская сторона очень часто прибегает к созданию фальшивых документов, которые затрагивают отношения западных государств между собой. Самыми явными подделками стали письмо Джона Фостера Даллеса, подрывавшее престиж Египта в арабском мире, доклад заместителя министра обороны США Фрэнка Берри о том, что около 67 процентов состава американских ВВС были «психически неуравновешенны, принимали наркотики», дипломатическое письмо, которое рекомендовало посольству США в Бонне поддерживать фашистские группы Западной Германии, доклад адмирала Лоренса Фроста, который предлагал Соединенным Штатам поддержать антиправительственные восстания в Индонезии.

Еще одной сильной стороной советской разведки стало использование секса и шантажа. Сейчас принято думать, что время Маты Хари прошло. Аллен Даллес однажды сказал: «Сейчас легче поставить к кому-то в комнату «жучок», нежели сделать так, чтобы этот человек переспал со шпионкой». Что касается одного из руководителей КГБ, Л. Берии, его презрение к женщинам было настолько сильным, что он говорил: успех мужчины зависит от того, как он скрывает свои дела от жены. Однако даже Берия, как следует из одного интервью, не отказывался от услуг женщин-агентов.

«Я не люблю принимать женщин на секретную работу, но иногда они бывают полезны в качестве приманки, — говорил он. — Вы не поверите, как ничтожны важные люди в постели и что они готовы рассказать своим женщинам. Я иногда получаю сведения от проститутки, чей любовник

занимает важный пост в Политбюро, но эта информация слишком секретна, чтобы обсуждать ее на заседаниях».

Официальные лица американской разведки полагают, что сейчас русские больше не прибегают к услугам проституток в шпионских целях. Борис Моррос, однако, сказал, что в 1958 году ему показали «школу соблазнения, в которой красивых женщин учили совращать мужчин, чтобы выудить из них нужную информацию». Другие перебежчики отмечали, что даже мужчинам преподаются подобные уроки.

Анатолий Грановский, бежавший в 1946 году с советского судна, стоявшего в Стокгольме, описал в своей книге «Забудь о жалости» тот интерес к сексу, который проявляло ГРУ в своей тренировочной школе. Помимо занятий по шифрованию, работе с картами и саботажу, в расписание был включен курс совращения. Преподаватель этой дисциплины настаивал на том, чтобы курсанты называли его Распутиным. На одной из лекций он сказал:

«Перейдем к очень важному моменту. Пусть женщина знает, что ты любишь ее и что она тебя возбуждает. Но, если ты не сможешь показать свою любовь в постели, если ты больше любишь ее духовно, а не физически, скоро ты будешь вызывать у нее презрение и скуку. Ты надоедаешь, тебя ненавидят, в лучшем случае просто терпят. Но если ты удовлетворяешь женщину, даже не любя ее, она полюбит тебя, а любовь женщины более страстна и менее разумна, чем любовь мужчины, во всех ее проявлениях. Я научу вас добиваться от женщин именно этого, не важно, будут они привлекать вас или нет. Потом я научу вас заниматься сексом несколько раз, причем вы не будете терять формы».

После этого «Распутин» провел урок по анатомии человека, на котором с помощью рисунков показал эрогенные зоны женщины.

Перейдя от теории к практике, вместе со своими студентами поехал на Ленинградское шоссе. В дом, где они остановились, привели обычную крестьянскую девушку. «Вы видите, что она некрасива и меня нисколько не привлекает, — сказал «Распутин». — Но я займусь с ней любовью и удовлетворю ее... Как видите, я еще не возбужден, хотя она уже полностью обнажена. Очевидно, мне нужно возбудиться. В таких случаях смотрите женщине в глаза —

удивительно, но факт, что глаза, на которые обычно не обращаешь внимания, способны сильно возбудить человека, особенно если такой взгляд сопровождается прямым контактом. Когда вы достигли возбуждения и готовы заняться сексом с такой женщиной, вспомните самый восхитительный сексуальный контакт в вашей жизни, такой, какой вы хотели бы повторить. Наоборот, если женщина вас привлекает, а обстоятельства не позволяют вам достичь оргазма, необходимо сконцентрировать свое внимание на чем-то, что может немного отвлечь вас».

Грановский писал, что затем «Распутин занялся с девушкой любовью, лаская все ее эрогенные зоны. Сначала она отвечала ему как-то вяло, но потом вдруг выгнулась и застонала. Такой стон знают все мужчины. Скоро она простонала еще раз, расслабленно легла на диван и поцеловала Распутина. Мы провели там восемь часов, за это время Распутин удовлетворил пять женщин, при этом он не выглядел уставшим».

Есть свидетельства, что американская разведка также не всегда отказывается от услуг женщин. Герберт Ярдли, возглавлявший «Американскую черную комнату», писал, что в двадцатых годах в разведке работал капитан, который занимал свою должность только потому, что «мог в любой момент найти женщину, которая подходила по всем нужным требованиям. Он находил молодых девушек и женщин среднего возраста, полных и худых, блондинок и брюнеток, тех, которые были нужны в данной ситуации».

Подобный случай описан в книге «Пойман на месте преступления», но его никто не подтверждает. Агент А, «профессиональный разведчик, работавший в Потсдаме с 1958 по 1960 год, попросил свою жену соблазнить товарища Б, советского гражданина, который долгое время жил в Берлине без семьи, чтобы потом шантажировать его. А создал для своей жены соответствующую обстановку. Она согласилась выполнить его просьбу и несколько раз пыталась соблазнить Б и заставить его дезертировать в Соединенные Штаты. Но эта интрига американской разведки провалилась: Б отверг все предложения и сообщил о произошедшем в советское посольство в ГДР. Опасаясь скандала, который мог начаться после этого, американская разведка отозвала из ГДР своего агента и его жену в мае 1960 года».

Хотя соращение и нельзя назвать методом, признанным в ЦРУ, есть случаи, когда именно этот способ работы оказывается успешным там, где потерпели неудачу другие попытки. Однако советская сторона использует секс довольно безжалостно. Юрий Расторов рассказывал о том, как КГБ использовало слабость одного японского агента к русским женщинам. Он вспоминал: «Летом 1946 года в советской миссии в Японии появился один из самых старых и надежных агентов МВД. Такеморе Шигецу проводил очень много времени в Советском Союзе, так как был официальным представителем правительства Японии в СССР, представляя одновременно японскую коммерческую фирму, работавшую на севере Сахалина.

Он был завербован офицерами МВД благодаря своей слабости. В МВД узнали, что Такеморе питал слабость к русским женщинам, и организовали ему встречу с красивой московской проституткой, которая работала на МВД. Роман, поощряемый МВД, вскоре окончился тайной свадьбой, которая привела к тому, что Такеморе стал агентом МВД. В качестве оплаты за свою шпионскую деятельность МВД предоставляло ему нечастые встречи с женой, которую привозили на Сахалин. Для этих встреч ему снимали дом. Жenu Такеморе обычно сопровождали полковники МВД, так как его сведениям придавали большую важность. Такеморе верно работал на СССР вплоть до 1954 года, передав русским большое количество секретных документов Министерства иностранных дел Японии».

Помимо этого, огромные суммы тратятся на взятки. Советский агент, дезертировавший в Иране, сообщал, что ежегодно иранские политики получали миллионы долларов за содействие интересам СССР. Благодаря действиям ЦРУ в Париже сейчас живет генерал одной из террористических групп Индокитая, у него есть счет на миллион долларов, эти деньги он тратит с тем условием, что не покинет пределы Франции.

Использование прикрытия так же старо, как история троянского коня. В течение многих лет Советский Союз пользовался услугами местных коммунистических партий, которые могли снабжать агентов фальшивыми документами, деньгами и оказывать им другую помощь. В настоящее время советская разведка перестала пользоваться услугами коммунистической партии США, так как за ней установ-

лено пристальное наблюдение. Однако появились новые организации, выполняющие эту роль. Менее всего известно об участии в шпионаже Православной Церкви, чей Патриархат в Северной Америке тесно сотрудничает с советским правительством. Ортодоксы Церкви, настроенные против коммунизма, подали иск в суд Нью-Йорка еще в 1945 году, и он до сих пор находится на рассмотрении. Кассационный суд Нью-Йорка удовлетворил этот иск, отметив, что «доклад содержит в себе свидетельства деятельности Патриархата в интересах Советского Союза». Верховный суд, тем не менее, отменил решение суда Нью-Йорка в июне 1960 года. С помощью Православной Церкви и других русских организаций советская разведка ведет постоянную работу по вербовке русских эмигрантов.

В следующих четырех главах рассказывается о работе шпионов, пользующихся методами, разработанными в Вашингтоне и Москве. Шпион, ведущий эффективную деятельность, — не удалой парень, который жаждет славы. Его профессия требует, помимо всего, терпения, которое помогает переносить непереносимое однообразие его жизни. Хороший шпион — отнюдь не виртуоз маскировки, а человек, которому маскировка не нужна, потому что он везде может пройти незамеченным. Ему больше необходимо запоминать детали, нежели быть смелым. Он — больше ремесленник, чем гений. Все романтические представления об этой профессии меркнут перед фактами: часы слишком долго тянутся, работа шпиона грязна, оплата часто не соответствует риску, нет безопасности, и шпион волнуется только тогда, когда его задерживают.

8. РУДОЛЬФ АБЕЛЬ: ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

В семь часов утра 21 июня 1957 года в нью-йоркский отель «Лэтем» вошли трое агентов ФБР, поднялись на восьмой этаж. Они постучали в дверь номера 839, в котором жил Мартин Коллинз. Коллинз, высокий мужчина средних лет, платил за номер 29 долларов в неделю. Менеджер отеля считал его хорошим жильцом, потому что он платил вовремя, к нему никто не приходил и он не требовал многого.

Приглашенный голос из-за двери попросил немного подождать, и вскоре Коллинз, практически раздетый из-за июньской жары, приоткрыл дверь. Агенты вломились в комнату и разрешили Коллинзу надеть брюки.

«Мы надеемся на Ваше сотрудничество, полковник», — сказал один из агентов. Коллинз не выказал никакого удивления, когда к нему обратились подобным образом. Его спросили, снимал ли он когда-нибудь студию в Бруклине под именем Эмиля Голдфуса. Довольно неохотно он это признал.

В 7.30 в комнату 839 вошел чиновник по иммиграции Роберт Шонбергер. Он спросил Коллинза о еще одном имени: «Вы въехали на территорию США из Канады, назвавшись Эндрю Кайотисом, не так ли?» Коллинз кивнул. Ему сказали, что он арестован за нелегальное пересечение границы США.

Агенты ФБР продолжали свои попытки заставить Коллинза признать то, что они уже знали: что его зовут Рудольф Иванович Абель, что он служит в КГБ — организации, в которой люди не очень-то быстро продвига-

ются по службе. Позднее ФБР стало известно, что фамилия Абель была еще одним псевдонимом, которым в двадцатые годы пользовались несколько агентов СССР. Своим товарищам Абель был известен под кодовым именем Марк. Его настоящее имя так и не удалось выяснить.*

С трудом можно было поверить в то, что человек, сидевший сейчас на кровати гостиничного номера, был советским офицером.

Хотя, кто бы стал сомневаться в его звании, если в течение десяти лет он был лучшим агентом СССР в Америке. Кто угодно, но не Аллен Даллес, который, как говорят, однажды восхищенно сказал: «Хотел бы я, чтобы у нас был такой же человек в Москве».

ФБР признало, что задержание Абеля было самым большим успехом их организации. Даже серьезнее задержания Розенбергов, Соблов, Губичева и Коплон. ФБР считало Абеля лучшим советским шпионом XX века — лучше Рихарда Зорге, работавшего в Японии под прикрытием немецкого журналиста, ставшего другом посла Германии, лучше Рудольфа Росслера, чешского коммуниста, сообщавшего советским властям о передвижениях войск фашистской Германии благодаря своим связям в ее Генеральном штабе.

Абель был резидентом советской разведки в Нью-Йорке. В настоящее время ФБР полагает, что он руководил еще и сетью агентов, работавших во всей Северной Америке и даже в Центральной Америке. В его задачи не входил сбор информации. Он редактировал ту, что получал, отправлял ее в Москву по сети связных, а также контролировал финансовые вопросы. В лицо его знали всего два человека, которые выполняли роль связных с курьерами, агентами и источниками информации.

Обязанности Абеля можно описать как работу руководителя отдела кадров в большой корпорации. В мирное

* Подлинное имя Рудольфа Абеля — Вильям Генрихович Фишер — стало известно общественности в начале 90-х годов. Из последних публикаций о разведчике см.: CD-ROM «Легенда нелегальной разведки — Рудольф Абель» — диск, выпущенный в конце 2000 г. к 80-летию Службы военной разведки, а также альбом «Россия и США в творчестве советского разведчика-нелегала Рудольфа Абеля (М., 2000). (Прим. ред.).

время или во время холодной войны он должен был следить за работой агентов, а в случае начала войны ему было предписано проводить подрывную деятельность.

Казалось, что Абель воспринял свой арест так, как будто уже много раз представлял его себе. Ум его остался ясен. Профессионал, презиравший небрежную работу, он знал, что в его аресте нет его вины. ФБР получило дело на тарелочке, когда дезертировал один из его помощников, Райно Хейханен. Абель начал работать в советской разведке в 1927 году, и арест отметил тридцатилетие его работы шпионом.

«Оденьтесь», — сказал Шонбергер. Абель поднялся, подошел к шкафу и выбрал костюм. Другой агент начал складывать его личные вещи в чемодан. Абель заметил, что они неаккуратно сложены, и попросил разрешения самому собрать вещи.

Он очень осторожно складывал одежду, перед тем как положить ее в чемодан. Некоторые вещи он выбрасывал в мусорную корзину. Комната была завалена красками, кистями, карандашами и бумагой. На столике стоял радиоприемник, на другом лежали книги, среди них были «Ночи любви и смеха», «Время любить и время умирать», «Картины музея Сан-Паоло».

Когда Абель закончил упаковывать вещи, надел пиджак, Шонбергер увидел, что тот прячет в рукаве клочок бумаги. Он вытащил его — это было зашифрованное сообщение. Агент ФБР надел на Абеля наручники, и его вывели из комнаты. Агенты, оставшиеся в помещении, осмотрели содержимое мусорной корзины и нашли в ней кусок дерева, к которому была прикреплена наждачная бумага. Кусок разделился на части, в нем лежал блокнот, содержавший набор чисел, состоявших из пяти цифр.

Это был ключ к шифру, которым пользовался Абель. Шифр оказался довольно простым — цифры в нем просто замещали буквы сообщения. В то же время этот шифр нельзя было взломать. К каждой группе чисел добавлялась случайная цифра, поэтому зашифрованное сообщение выглядело совершенно бессмысленным. Эти цифры могли быть либо данными о количестве населения, либо данными о налогах.

Был также найден карандаш с ластиком, в котором было углубление. В нем находилось восемнадцать микро-

фильмов, несколько из них были письмами от жены и дочери. Еще один микрофильм содержал расписание связи с Москвой.

У Абеля были обнаружены два свидетельства о рождении, 6 тысяч долларов наличными, чековая книжка, ключи от банковского сейфа и сертификат о прививках, который говорил о том, что полковник собирался совершить путешествие за границу. Одно свидетельство о рождении было выдано Эмилю Роберту Голдфусу, родившемуся 2 августа 1902 года в Нью-Йорке. Эта дата практически совпадала с настоящим днем рождения полковника Абеля — он родился 2 июля 1902 года в Москве. Проверка выяснила, что настоящий Эмиль Роберт Голдфус умер 9 октября 1903 года в возрасте года и двух месяцев. Другое свидетельство, выданное Мартину Коллинзу, было поддельным. Чековая книжка говорила о наличии на счете тысячи четырехсот долларов, записи в ней начинались 12 июня 1950 года.

В сейфе, который был зарегистрирован на имя его друга, лежало 15 тысяч долларов. Когда Абеля спросили о происхождении этой суммы, он рассказал историю такого рода, что делают романтической профессию шпиона: «Я нашел деньги в разрушенном доме в России, купил в Дании поддельный американский паспорт, с которым и приехал в США в 1948 году».

Агенты ФБР были удивлены, тем что у Абеля было столько доказательств, включая блокнот с шифром. Один из них сказал: «Человек с таким опытом, как у Вас, не должен так относиться к подобным вещам». Из отеля Абеля привезли в штаб-квартиру Департамента иммиграции. Его быстро допросили, и в тот же день он был отправлен в штат Техас на слушания по нарушению закона о въезде в США.

Но перед вылетом в Техас Абель прошел обычную процедуру фотографирования. На фотографиях он похож на монаха, которого застали сквернословящим. Хмурое небритое лицо, седеющие волосы не причесаны, усталый взгляд. Фотограф вспоминал, что кто-то сказал: «У него дар неприметности». Был удивлен и судья Джон Т. Даблин, который воскликнул, впервые увидев его: «Таких людей каждый день встречаешь на улице!»

Когда Абель был спокоен, на его лице появлялось очень мягкое выражение. Он был шести футов ростом,

одевался скромно. Он носил черные шляпы. Те, кто судил о человеке по его внешности, как хозяин дома, в котором он снимал студию, писали, что он был «заурядным».

Его безупречный английский также ни разу не вызвал подозрения. До того, как стать шпионом, Абель преподавал иностранные языки. Он хорошо владел пятью или шестью языками, среди них немецкий, польский, идиш.

Позднее люди, знавшие его, говорили, что у него был шотландский или ирландский акцент. Человек, который снимал студию в том же доме, утверждал что, проведя несколько месяцев в Бруклине, Абель разговаривал так, как будто жил там всю жизнь. В любом случае, разведчик жил в тех районах города, где акцент скорее правило, чем исключение, и он знал разговорный английский. Уже во время суда, когда обвинитель что-либо забывал, он поворачивался к своему адвокату и шептал: «Сейчас точно об этом спросит».

В тюрьме в Техасе ему предоставили одиночную камеру, еду на выбор и личную ванную. В то же время его часто допрашивали. На допросах он признал, что является гражданином СССР, поселившимся в США по фальшивым документам. Ему сказали, что рассматривается вопрос о его депортации, и спросили, будет ли он препятствовать этому. Абель коротко ответил: «Я бы сказал, что я за депортацию». Осторожные попытки посольства СССР в Вашингтоне выяснить возможность депортации Абеля подтвердили, что это решение приветствовали и он сам, и правительство Советского Союза.

Соотечественники Абеля, приезжавшие в США с такими же заданиями до и после него, обычно были защищены дипломатическим суверенитетом. Поэтому их могли наказать только высылкой из страны. К несчастью для Абеля, у него не было этой привилегии. У него было выгодное положение жителя США, которым он пользовался долгие годы.

Ему сообщили, что депортация ставится под сомнение и что его будут судить как шпиона. Его также предупредили, что, если вина будет доказана, он будет приговорен к смертной казни. Сразу после этого ему предложили другой вариант. Агенты ФБР воспользовались методом, который в мире бизнеса известен как пиратство, — когда одна фирма переманивает у другой специалиста со всеми его

разработками. Абелю предложили работу в «федеральном агентстве» и заработную плату 10 тысяч долларов в год.

В ФБР, офицеры которого знали об условиях жизни в СССР, полагали, что эта сумма была достаточной для полковника. Как оказалось позднее, средства, выдаваемые Абелю на расходы советской разведкой, были гораздо больше предложенной суммы. Один из его друзей говорил, что он мог бы жить где угодно. Абелю не приходилось беспокоиться о своем финансовом благополучии. Он знал, что в банке ему никогда не ответят отказом. Как будто по волшебству, он получал огромные суммы из неизвестных источников. Эта щедрость распространялась и на его семью, жившую в Советском Союзе. Его жена и дочь жили в хорошем доме под Москвой, причем жили так, что им мог бы позавидовать иной капиталист. У них была дача на севере России, несколько человек прислуги, машина. В одном из писем жена жаловалась Абелю, что в России трудно найти прислугу.

Абель вежливо отказался от предложения работы, и уже через полтора месяца после его ареста, 7 августа 1957 года, суд Бруклина начал рассмотрение дела, по которому его обвиняли по трем пунктам. Во-первых, в организации заговора с целью передачи секретной информации Советскому Союзу — максимальным наказанием по этому обвинению была смертная казнь; во-вторых, он обвинялся в организации заговора с целью получения такой информации, за что ему грозил десятилетний срок заключения. Кроме этого, Абель уже признал себя виновным по третьему пункту — незаконному пересечению границы США. Максимальным наказанием по этому пункту было заключение сроком до пяти лет.

Абеля перевезли обратно в Нью-Йорк и поместили в федеральной тюрьме на Уэст-стрит. Ему нужно было как можно быстрее найти адвоката. Джон Эбт, адвокат коммунистической партии, отказался защищать его, сославшись на предшествующие обязательства. Узнав об этом, Абель обратился к судье Мэтью Абрузо.

Абель сказал: «Ваша честь, мне очень трудно найти адвоката». Судья Абрузо объяснил, что не может дать много времени на поиск защитника в связи с тем, что суд должен был начаться довольно скоро. «Вы думаете, что недели будет слишком много?» — спросил полковник.

Неделя была предоставлена, и Абель предпринял следующий ход: «Есть еще одна возможность. Я полагаю, что могу обратиться в ассоциацию юристов Бруклина». Эта просьба была передана в ассоциацию. Затем Абель попросил копию обвинительного акта, сославшись на то, что он еще не читал его.

«Дайте ему копию акта. Вы можете читать его, когда будете не заняты. Я полагаю, у Вас много свободного времени?»

«У меня будет еще одна просьба, — сказал полковник. — Я могу получить немного денег из тех, что были у меня при аресте?»

«Сколько Вам нужно?»

«Не очень много — я думаю, пятидесяти долларов хватит».

«Выдайте ему двести пятьдесят долларов, ему могут понадобиться сигареты». (Абель очень много курил).

Затем судья снова обратился к Абелю: «Видите, сэр, здесь Вы находитесь под защитой демократии. Именно так мы всегда поступаем. Я надеюсь, что Вы это оцените. Мы постараемся обеспечить Вам максимально возможный комфорт».

Сам Абель говорил, что он высоко ценил то, как его судили, он получил блестящего адвоката. Однако это никак не изменило его мировоззрения. Когда адвокат спросил его, может ли он представить себе судьбу американского шпиона, задержанного при таких же обстоятельствах, Абель сказал: «Я не писал вашу конституцию».

Что касается его комфортного пребывания в тюрьме, то оно многих удивило. Известно, что заключенные всегда горячие патриоты. Не важно, как они нарушили закон своей страны, но именно они первыми откликнутся тогда, когда этому закону будет что-либо угрожать. Если представить их политическим объединением, они заняли бы место рядом с правыми республиканцами. Заключенные всегда были своего рода «крестоносцами» в тех случаях, когда речь шла о патриотизме.

Больше всего они ненавидят коммунистов. Уильям Ремингтон, осужденный за лжесвидетельство, был до смерти избит своими сокамерниками. Дэвид Грингласс, находившийся в левисбургской тюрьме, постоянно подвергался оскорблениям.

Власти некоторым образом предвидели обстоятельства пребывания Абеля в тюрьме Манхэттена. Его поместили в камеру с главой заключенных Винсентом Сквиланте — членом мафии, крестным сыном покойного Альберта Анастазиа. Анастазиа слыл главой рэкетиоров, которого застрелили в парикмахерской. Сквиланте был раздражен, тем что в его камеру поместили иностранца, который к тому же был коммунистом. Сначала он потребовал перевода в другую камеру. В этом ему было отказано, и он начал целую кампанию, которая должна была выражать его чувства по отношению к новому заключенному. Каждое утро он с мылом буквально выскребал камеру, делая это с видом глубоко оскорбленного человека.

Однако то ли Сквиланте был недостаточно настойчив, то ли он решил, что его сокамерник был не таким уж плохим человеком, но вскоре они подружились, и все тюремное сообщество последовало его примеру.

К Абелю относились с уважением, как будто он был высокопоставленным военнопленным, все называли его «полковник». Отвечая на это уважение, как он это мог, Абель предложил Сквиланте научить его французскому языку. Начальник тюрьмы согласился дать сокамерникам учебник для начинающих. Когда Сквиланте переводили из тюрьмы Манхэттена в Левисбург, он попрощался с начальником по-французски, вкладывая в это прощание гораздо больший смысл, чем просто обещание увидеться снова.

Оставшись один, Абель стал много читать. Его адвокат, Джеймс Брит Донован, решил, что ему может быть интересна литература, рассказывающая о его профессии, и принес ему книгу о шпионаже в Германии в годы войны. Однако он нарушил правило, по которому заключенному не разрешалось читать литературу, которая могла быть связанной с его прежним занятием. Тем не менее Донован убедил начальника тюрьмы в том, что романтические рассказы о шпионаже не повлияют на полковника КГБ. Одной из самых любимых Абеля была в это время книга Квентина Рейнольдса «Я, Уилли Саттон». Написанная от лица знаменитого грабителя, она рассказывала о том, что чувствует человек, который вынужден оглядываться при малейшем шорохе.

Приближался день суда, 14 октября, и Абель проводил

очень много времени со своим адвокатом. Советник Donovan был выбран из числа членов Бруклинской коллегии адвокатов. Ему был сорок один год, он окончил Гарвард и и выбор пал благодаря опыту работы в делах о контрразведке. До этого он служил адвокатом секретного Управления научных исследований. Во время службы на флоте он стал главным советником Управления стратегических служб. Позже — главным помощником судьи Верховного суда Роберта Джексона, который участвовал в организации Нюрнбергского процесса.

Донован, успешно работавший в одной из юридических фирм Нью-Йорка, не нуждался в рекламе своей деятельности. Однако дело Абеля принесло ему много затруднений, а из времени, которое он потратил на него, можно было извлечь гораздо больше выгоды. Его коллега говорил, что за то внимание, которое Donovan уделял своему клиенту, обычный человек мог получить не меньше чем 250 тысяч долларов. Ассоциация адвокатов Бруклина настояла на том, чтобы Donovan взялся за защиту Абеля, подчеркнув, что, если дело попадет не в те руки, оно может принести позор всей ассоциации и юридической системе в целом. Он согласился защищать его, сказав, что делает это «в интересах нации».

В качестве платы Donovan получил 10 тысяч долларов, которые двумя частями были перечислены на банковские счета в Лейпциге. Очевидно, переводы были сделаны женой Абеля. Donovan распорядился этой суммой по-своему: 5 тысяч он перевел на счет Фордхема, в котором начинал учебу, и по две с половиной тысячи — на счета юридических университетов Гарварда и Колумбии, которые посещали он и его помощники, готовясь к процессу. Объясняя свою щедрость, Donovan сказал: «Я уверен, что в такой стране, как США, с тоталитаризмом можно бороться только с помощью должного воспитания и правильного понимания справедливости». Из двадцати одной тысячи долларов, принадлежавших Абелью, Donovan потратил одиннадцать тысяч на расходы во время суда и обжалования приговора. Три тысячи долларов было потрачено на оплату штрафа, как того требовал приговор. Кроме того, у Абеля были деньги на личные расходы.

Если Donovan в то время еще не был седым, он вполне мог поседеть, работая над делом Абеля. В 1957 году в

обществе еще были сильны впечатления от речи Маккарти, и для многих вина человека распространялась и на тех, кто просто общался со шпионом, даже если это был его адвокат. Доновану, который в то время жил в Бруклине, пришлось отказаться от услуг телефонной компании, когда ему все чаще стали угрожать. Дети Донована подвергались насмешкам своих одноклассников. Коллеги по юридической фирме говорили, что дело, навязанное судом, повредило его бизнесу.

Донован был удивлен такой враждебностью, но тем не менее во время всех заседаний суда носил орден «За заслуги», полученный во время Второй мировой войны. К враждебности окружающих он относился философски, объясняя ее тем, что «как сегодня думают люди — это вопрос, на кого нападают». Помимо личных проблем, возникали и профессиональные сложности. Было очень трудно подготовиться к суду, потому что подзащитный отказывался обсуждать с Донованом то, что он не рассказывал ФБР. После того как Абелю был вынесен приговор, его дело три года находилось на рассмотрении в кассационном суде.

В отличие от большинства осужденных Абель не выражал никакого недовольства своим адвокатом. В заявлении, сделанном им для прессы незадолго до окончания суда, он сказал: «Пользуясь этим случаем, я хотел бы поблагодарить своих адвокатов за то, как они вели мою защиту. Я хотел бы поблагодарить их за ту огромную работу, которую они проделали, защищая меня, и за то мастерство, с которым они это делали». Абель выразил свою благодарность Доновану еще раз, подарив ему один из своих рисунков. Этот морской пейзаж до сих пор висит в доме адвоката. Абель и Донован стали довольно близки. Если раньше их отношения были сухими и формальными, то сейчас они в письмах обращаются друг к другу «дорогой Рудольф» и «дорогой Джим». Абель, который иногда надменно относится к людям, стоящим ниже его по интеллектуальному уровню, привязался к Доновану, узнав, что он работал в Управлении стратегических служб. Донован вспоминает, что Абель относился к нему как к коллеге.

Тем, кто не понимал, почему советского агента, пойманного с поличным, вообще судят, а не расстреляли на следующий день, Донован обычно отвечал так: «Абель —

иностранец, которого обвиняют в шпионаже в пользу СССР. Может показаться странным, что наша конституция защищает таких людей. Приверженность Америки принципам свободного общества можно неверно понять как альтруизм, который может привести к саморазрушению. Но эти принципы навсегда вписаны в историю и закон нашей страны. Если свободный мир перестанет придерживаться своих принципов, то на земле не останется общества, к которому мог бы стремиться человек».

Жюри присяжных, в состав которого входили девять мужчин и три женщины, собрали довольно быстро. Судьей был Мортимер Байерс. Для него подобное дело не было в новинку. В 1943 году он приговорил к заключению двух нацистских шпионов, которым грозила смертная казнь. С Абелем, кроме Донована, были двое его помощников: Арнольд Фрейман, практикующий сейчас в Нью-Йорке, и Томас Дебевуазье, который в 1960 году, в возрасте тридцати лет, стал генеральным прокурором штата Вермонт. Со стороны обвинения выступали прокурор Уильям Томпкинс и трое помощников: Кевин Марони, Джеймс Физерстоун, Энтони Палермо — поверенные Министерства юстиции.

Суд был уникален сам по себе. Во-первых, как указал Донован, это первый суд над советским гражданином, который был приговорен к наказанию по американским законам. Валентин Губичев, которого судили вместе с Джудит Коплон, покинул США с приговором, действие которого было отсрочено. Помимо этого, дело Абеля стало первым, которое проходило по закону, позволявшему приговорить к смертной казни человека, занимавшегося шпионажем в пользу той страны, с которой США находились в состоянии мира.

Процесс был необычен и с географической точки зрения. Дом, в котором Абель снимал свою студию, находится в двух кварталах от впечатляющего здания федерального суда Бруклина. Это очень напоминало газетные истории о задержании опасных преступников в двух шагах от полицейского участка. Появились слухи, что Абель смог провести антенну своего приемника к зданию суда, чтобы улучшить качество приема. Старый шестиэтажный дом, в котором располагалась студия, и здание суда находятся на виду друг у друга. Судья Байерс даже показал членам суда

присяжных окна студии, в которой Абель рисовал свои картины.

Еще одним интригующим моментом стало то, что сам Абель не произнес ни слова в свою защиту. Он сказал Доновану, что не ожидает помощи «извне» и, казалось, подчинился судьбе. Он ни разу не выступил, а Донован фактически не приглашал своих свидетелей. Те, кто был свидетелем обвинения, в результате перекрестных допросов стали просто свидетелями, которые знали Абеля как художника и говорили, что его работа была «интересной», а репутация — «безупречной». Донован основной упор делал на правдивость основных свидетелей обвинения. Абель не согласился выступить, зная, что самый серьезный грех разведчика — привлекать к себе внимание, даже если тебя уже задержали. Донован согласился с тем, что его появление на свидетельском месте принесет больше вреда, чем пользы.

Для прессы процесс был праздником. О суде писали на первых полосах всех газет, в зале суда собралось огромное количество журналистов. Одна из лондонских газет смогла прислать адвоката, который защищал преступников в Олд-Бейли. В качестве наблюдателей были задействованы двое агентов ФБР, журнал «Лайф» прислал художника, который должен был рисовать сцены суда, так как фотографов в зал не пропускали. Один из рисунков запечатлел Донована и Томпкинса, обсуждающих что-то с судьей, в то время как Абель пытается вслушаться в их разговор. Он плохо слышал и выказывал видимое раздражение, когда упускал что-либо во время процесса.

О ходе суда рассказывали большинство газет мира, единственной страной, которая не уделила происходящему первой страницы, стал СССР, который не признавал существования Абеля вплоть до 14 ноября, когда он был признан виновным. В тот день «Литературная газета» назвала суд «обманом» и не признала тот факт, что Абель был гражданином СССР. Газета сообщила своим читателям, что «в студии художника старательные агенты ФБР обнаружили блокнот с шифрами и другие вещи, без которых не обходится ни один детективный роман. Авторы этого романа сделали художника мозгом шпионской организации, которая, естественно, существует на «деньги Москвы».

Внешний вид Абеля привел к тому, что в газетах его описывали «претендующим на тонкий вкус». Это раздражало Донована, который впоследствии следил за тем, чтобы Абель причесывался, тщательно мыл руки. Ему купили хороший темный костюм. Уже на следующий день эпитеты прессы сменились на «элегантно одетый». Он интересовался ходом процесса, внимательно наблюдая за судьями. Он также зарисовывал сцены суда, причем его рисунки были более выразительны, чем рисунки художника из «Лайф».

Правительство представило общественности своего главного свидетеля, Райно Хейханена, уже в начале суда. Хейханен был тем человеком, который выдал Абеля. Он был отправлен в США в 1952 году, чтобы стать помощником полковника, у которого, по мнению Москвы, было слишком много работы для одного человека. Хейханен не соответствовал требованиям Абеля и в 1957 году был отправлен в отпуск в СССР. Понимая, что он может провести «отпуск» в лагере, Хейханен долетел до Парижа, где сдался американцам. Он вернулся в США 4 мая и предоставил ФБР самую ценную информацию, какую они не получали с 22 июля 1934 года, когда подружка Джона Диллинджера сообщила, в какой кинотеатр они пойдут.

Хейханен приехал в суд в черных очках, его усы и волосы были покрашены. Он был скрытен, заметно нервничал. Он описал, как он и Абель занимались разведывательной деятельностью, рассказал об использовании микрофильмов, о выполнении приказов, которые они получали из Москвы. Большое внимание вызвало сообщение «Квебек» — задание завербовать сержанта армии США. Это сообщение было обнаружено в доме Хейханена. Оно гласило:

«Рой А. Родс (псевдоним — «Квебек»). Родился в 1917 году в Ойлтауне, Оклахома. Мастер-сержант, бывший служащий штата военного атташе в Советском Союзе. Руководил гаражом посольства США в Москве. Был завербован нами в 1952 году. Покинул СССР в 1953. Был завербован благодаря компрометирующему материалу, мы имеем письменные обязательства, написанные им самим. В Министерстве обороны прошел подготовку шифровальщика, но посольство США не воспользовалось его знаниями. После возвращения в США был

отправлен в Школу связи Вооруженных сил США в Сан-Луис-Обиспо, Калифорния. Должен был проходить подготовку по использованию шифровальных машин. Мы договаривались, что он будет отправлять нашему посольству в Вашингтоне специальные письма, но за последний год не было получено ни одного сообщения. Недавно стало известно, что он находится в Ред-Бэнк, Нью-Джерси, где руководит тремя гаражами. Вся работа по гаражам выполняет его жена. Его отец, В. А. Родс, проживает в Соединенных Штатах. Его брат работает на атомной станции в Кемп-Джорджии».

Тот факт, что Абелю и его подчиненным было поручено завербовать сержанта американской армии, брат которого предположительно имел доступ к информации об атомных разработках США, сыграл большую роль в признании его виновным. Однако в этом случае КГБ пошел по ложному следу. Родс представил русским историю, в которой правда и вымысел были смешаны. У него не было брата, работавшего на атомной станции, а когда Абель и Хейханен отправились искать его, он находился не в Нью-Джерси, а в Аризоне. Позднее его отправили в Форт-Монмаут в Нью-Джерси.

Родс получал от русских значительные суммы денег, находясь в Москве, и, очевидно, многое преувеличил, чтобы выглядеть более значимым. КГБ в этом случае попал на крючок.

После того как Хейханен рассказал обвинению о пяти годах, в течение которых он был правой рукой Абеля, Донован попытался лишить его свидетельства законной силы. Перед началом заседаний он воспользовался правом адвоката изучать свидетелей обвинения в серьезных делах и попросил устроить ему встречу с Хейханеном. Во время встречи Хейханен был неразговорчив, но Донован, у которого был карандаш, набросал его портрет по дороге домой. Этот рисунок он передал частному детективу, которому удалось выследить Хейханена в Ньюарке и собрать о нем немного информации. То, что он смог узнать, показало, что Абель не без оснований не доверял своему подчиненному.

Донован подверг сомнению характер Хейханена и его соответствие работе разведчика. Он также указал на основное противоречие в показаниях Хейханена. На суде тот

заявил, что занимался шпионажем в пользу СССР в течение пяти лет. Но в заявлении, которое он сделал ФБР сразу после своего дезертирства, сказал: «Я жил и работал в Финляндии с 1949 до 1952 года. Там я получил свой американский паспорт и в октябре 1952 года приехал в Соединенные Штаты. Я не занимался разведывательной деятельностью и не получал секретной информации ни во время моей жизни в Финляндии, ни во время пребывания в США». Это расхождение так и не было выяснено, и Хейханена не судили за участие в шпионаже. После суда Хейханен исчез. Зимой 1961 года он выступил в телепрограмме в Нью-Йорке. Есть сведения, что он до сих пор работает на правительство.

Донован заключил, что затруднительное положение Хейханена вызвано тем, что он оказался меж двух огней, его преследуют и СССР, и США, а его «единственной надеждой на милосердие стало не только вовлечение как можно большего числа людей в свои преступные действия, но и необходимость представить имеющуюся у него информацию более ценной, чем она есть на самом деле».

После сенсационного выступления Хейханена суд, казалось, почти закончился. Сержант Родс признал, что во время работы в Москве он предоставил русским «частично правдивую, частично ложную информацию». Донован осудил Родса, сказав, что он стал «первым солдатом в истории Америки, который признался, что продавал свою страну за деньги». Во время суда Родс сидел ухмыляясь, как будто он был очень доволен тем, что сделал. Его поведение вызвало удивление наблюдателей, которые интересовались тем, как он смог стать мастер-сержантом. Родса признали виновным 21 февраля 1958 года, разжаловали и приговорили к пяти годам общественных работ. Обвинение также опросило двух агентов ФБР, рассказавших о наблюдении, которое в течение нескольких месяцев велось за Абелем, о его аресте, о том, что было найдено у него в номере и студии.

Ближе к окончанию процесса защита попросила у суда разрешения зачитать несколько писем, обнаруженных на микроплёнках в номере Абея. Именно благодаря письмам своей жены и дочери он впервые на этом процессе предстал в роли обычного человека. Его считали супершпионом, который менял имена как перчатки. И было

трудно представить Абеля просто человеком, у которого есть семья и дом.

Его жена интересовалась здоровьем и безопасностью, а дочь, которой в то время было двадцать пять лет, рассказывала о своем замужестве и новой работе, она выражала всю свою любовь к отцу, говоря, что ее муж не идет с ним ни в какое сравнение. Было странно узнать, что советский резидент в США получал письма от жены, в которых она интересовалась его здоровьем и рассказывала об их собаке. Это было так же необычно, как если бы стало известно, что какой-нибудь маньяк на досуге коллекционировал бабочек. Письма, прочитанные в суде, воспринимались еще более трогательно, потому что было ясно, что Абель не скоро увидит своих близких. Присяжные говорили, что чувства отражались на лице Абеля только тогда, когда читали эти письма.

Из писем, кроме того, стало известно, что советский агент ездил к себе на родину в 1955 году, а в 1956 вернулся в США. Он вылетел в Москву 10 июня 1955 года через Париж и Австрию.

Дочь Эвелина писала 29 февраля 1956 года:

«Прошло уже почти три месяца с тех пор, как ты уехал. Это время, конечно, нельзя сравнить с вечностью, но все равно это очень долго, тем более, что у меня много новостей. Во-первых, я собираюсь выйти замуж. Пожалуйста, не удивляйся, я и сама очень удивлена. Но это все же факт. Мой будущий муж, кажется, неплохой человек. Ему тридцать четыре года, он радиоинженер. Маме он очень нравится. Мы встретились на дне рождения у одного из друзей. Наша свадьба состоится 25 февраля. Надеюсь, что он тебе понравится. Думаю, что у вас будет много общих тем для разговора.

Во-вторых, мы получаем новую двухкомнатную квартиру. Это, в принципе, не то, что нам нужно, но все-таки это будет наша квартира и она гораздо лучше той, в которой мы живем сейчас. В-третьих, я нашла работу. Я стала инженером-референтом в авиационной промышленности, так что я теперь стала еще ближе к тебе. (Здесь, видимо, Эвелина намекает на способности отца в электронике). Работа кажется вполне приличной. Мне обещали хорошую зарплату, а мой будущий начальник очень вежливый и умный человек. Я

уже работала у них и получила достаточно много. Мой будущий муж и я увлекаемся фотографией, особенно цветной.

У него фотоаппарат «Олимпия», и мы обожаем возиться с ним. Мы получили оба твоих письма и ключ от чемодана, хотя сам он до сих пор не дошел. Наш друг детства передает тебе привет и наилучшие пожелания. Вот и все наши новости.

Твоя Эвелина».

Еще в одном письме Эвелина поздравляла отца с днем рождения. Вместе с тем она жалуется, что ее брак не очень удачен.

«Дорогой папа, поздравляю с днем рождения. Папочка, я так по тебе скучаю. Ты даже не можешь представить себе, как ты мне нужен. Я уже четыре месяца замужем, но мне это время кажется вечностью, настолько скучно иногда бывает. В общем он хороший человек, но он не ты. Я работаю. Мой шеф... немного похож на тебя, но он не настолько эрудирован. Хотя очень умен. Я тороплюсь, потому что должна идти на работу.

Твоя Эвелина».

Об этом же Эвелина пишет и в третьем, и в четвертом письмах, говоря о том, что она не удовлетворена своим мужем, потому что он не похож на отца.

«Дорогой папа!

Нам очень понравились твои подарки. Мы высадили уцелевшие гиацинты, и сейчас три из них уже прижились. Ты просишь подробнее рассказать о моем муже. Попробую сделать это как можно лучше. Он невысок, довольно красив, у него зеленые глаза. Он весел, любит поговорить о машинах или о футболе. Он инженер, способный, но ленивый... Ты спрашиваешь, счастлива ли я с ним. Как сказал один из наших поэтов, в жизни нет счастья, есть лишь покой и свобода.

Единственное, что меня беспокоит, это то, что я иногда считаю его скучным. Теперь о его родственниках. Они просто ужасны. Как бы я хотела, чтобы ты был с нами. Все тогда было бы гораздо легче. Я очень по тебе скучаю. Сначала я думала, что муж сможет заменить тебя, но сейчас я

понимаю, что ошибалась. Теперь о работе. Мне она нравится. У меня замечательный шеф. Он очень умен, талантлив, терпелив и привлекателен. Мы проводим много времени вместе, разговаривая о разных вещах. Ему сорок четыре года, он не женат, несчастен. Если бы ты мог встретиться и поговорить с ним. Я здорова.

Р. С. Я начала писать стихи на английском. Скоро пришлю тебе несколько».

Письма жены Абеля — пример самопожертвования женщины. Она, кажется, имела представление о том, чем занимается ее муж, и с трудом переносила разлуку. Она рассказывает ему о новостях, домашних проблемах, но за всем этим видна грусть и, может быть, сожаление, что была вынуждена отпустить мужа.. «Я хочу жить с тобой для себя», — признается она.

Первое письмо, найденное у Абеля, написано вскоре после его возвращения в США. Страдая от разлуки, его жена пишет:

«После твоего отъезда я заболела. У меня болело сердце. Я плохо сплю и гуляю только на балконе. Иногда я подхожу к твоему инструменту (Абель играл на гитаре) и смотрю на него. Мне становится грустно, хочется снова услышать твою игру. Что касается оставшихся денег, то я попросила отправить основную их часть тебе. Эвелина вышла замуж в конце февраля и с тех пор постоянно говорит, что на свете нет таких мужчин, как ты. Поэтому она не очень сильно любит своего мужа. Ты — лучший для всех нас. И не хмурься, так говорят все, кто тебя знает.

Крепко целую и поздравляю тебя. Попробуй устроить все так, чтобы не откладывать нашу встречу. Годы не будут ждать нас. Как ты себя чувствуешь? Как твой желудок? Береги себя — я хочу жить с тобой для себя».

Следующее письмо, написанное 6 апреля, говорит о том, что Абель не только не потерял дочь, а приобрел еще и сына. Муж Эвелины беспокоится о том, какое впечатление он произведет на своего тестя.

«Мой дорогой!

Я пишу второе письмо — до этого я получила только

известия о твоей поездке (поездка в США). Я очень хочу узнать, как твои дела. Как твоё здоровье? Я постепенно прихожу в себя. Мне можно поехать на отдых, но я боюсь ехать одна, поэтому я ещё не решилась. Как ты мне сейчас нужен. И как хорошо, что мы пока не так сильно нужны тебе. (На самом деле Абель тяжело переживал разлуку с семьёй, к тому же он ни с кем не мог обсудить это).

Эвелина работает, в свободное от работы и мужа время она возила меня к врачу, она тоже прошла обследование. Весна у нас снова будет поздняя. До сих пор холодно, сыро, иногда идет снег. Зима была просто ужасной. Я беспокоюсь о цветах. Эвелина говорит, что померзли сливы и в этом году их будет очень мало. Твой тесть... ждет твоего возвращения, а я, хотя и знаю, что это глупо, считаю дни до твоего приезда. Я ещё не получила твою посылку... К нам приезжал друг детства... мы много разговаривали, мечтали. Не подведи нас. В целом, вся наша жизнь — ожидание. Именно так, дорогой. Пиши как можно чаще.

Дети, теперь их двое, передают тебе привет. Сын очень беспокоится о впечатлении, которое он на тебя произведет. Он может не понравиться тебе. Крепко целую тебя. Желаю здоровья, удачи, скорейшего возвращения».

21 июня жена Абеля наконец-то получила его посылку, в которой были луковицы гиацинтов. Это письмо говорит о том, что семья Абеля жила гораздо лучше обычных жителей СССР:

«Мой дорогой!

Мы наконец получили твою посылку. Все доставило нам удовольствие, особенно твоя забота и внимание. Мы были рады получить от тебя письмо, в котором ты пишешь, что у тебя все в порядке. Жаль, что ты долго не получал писем от нас (Абель получал письма пачками). Я отправляла тебе несколько. Поздравляю с днем рождения. Мы выпьем за твоё здоровье и за скорое возвращение.

Мы сейчас на даче. Наш сад во многом пострадал. На лучших яблонях, с которых ты в прошлом году снял богатый урожай, сейчас только начали появляться листья. Я все ещё сражаюсь с прислугой, новую никак не могу найти... Телевизор работает, но я редко смотрю его. Собака ведет себя хорошо, она ждет своего хозяина.

Я жду мужа, сейчас я чувствую себя более одинокой, чем обычно, потому что помню, что ты пообещал мне перед отъездом. (Возможно, Абель пообещал уйти из разведки после выполнения этого задания). Наш новый повар великолепен, тактичен».

20 августа жена Абеля получила письмо, в котором муж спрашивал ее, получили ли они его посылку.

«Мой дорогой!

Как я рада, что ты получил одно из моих писем. Мы получили посылку в мае. Гиацинты шли слишком долго, и две луковицы пропали. Остальные мы высадили, и они уже прижились. В следующем году они будут цвести. Это будет напоминанием о тебе. Мы считаем каждый уходящий месяц, помни об этом».

В своей заключительной речи Томпкинс сказал, что Абель хорошо выполнял свою работу: «Это превосходный шпион, профессионал своего дела. Эта профессия — его призвание. Он знает правила игры, и его семья тоже знает их». Абель на самом деле знал правила, первое из которых говорит, что, если тебя арестовали, ты предоставлен самому себе. У Москвы при упоминании имени Абеля началась амнезия*.

Во время судебного процесса одним из главных аргументов в оценке обвиняемого стал его профессионализм. Но, по иронии, этим аргументом, каждый в своих целях, пользовались и обвинение, и защита. И прокурор, и адвокат сходились в том, что если Абель был шпионом, то он был настоящим профессионалом.

Донован говорил: «Давайте представим, что этот человек на самом деле тот, кем его считает обвинение. Во-первых, это значило бы, что такой человек должен служить своей стране, выполняя опаснейшую миссию. В нашей армии такие поручения даются только самым отважным, самым умным людям». Донован подвергал сомнению показания Родса и Хейханена. Он утверждал, что Абель, человек необычного таланта, был предан двумя отъявленными лгунами и негодяями.

* Амнезия (от греч. «воспоминание») — нарушение памяти, пробел в воспоминаниях. (Прим. ред.).

Томпкинс пытался дискредитировать свидетелей защиты и письма, которые Абель получал из дому. Он говорил, что Абеля судят не за его семейные добродетели, а за то, что он был шпионом. На это Донован возражал так: «Международный шпион не может быть против закона, он вне его».

В полдень 23 октября присяжные удалились на совещание. Председателем был Джон Т. Даблин. Он вспоминал, что это дело было очень трудным. Многие симпатизировали Абелю как человеку.

Один из присяжных сказал: «Если бы я искал шпиона, я бы остановился именно на таком человеке». Однако они чувствовали, что доказательства были слишком очевидны. Даблин, понимая, что открытое голосование может привести к тому, что кто-нибудь застенчивый проголосует не так, как хочет, предложил провести закрытое голосование. Когда после голосования он стал разворачивать листочки бумаги, то на одном из них увидел: «не виновен». В итоге Абеля признали виновным одиннадцать присяжных. Такая же ситуация описана в пьесе и воссоздана в фильме «Двенадцать рассерженных мужчин», рассказывающих о том, как один член суда присяжных сумел убедить остальных признать невиновным убийцу. В деле Абеля такого не случилось.

Человек, который написал «не виновен», сомневался в том, что удалось доказать первый пункт обвинения: заговор с целью передачи секретной информации Советскому Союзу. Он попросил еще раз изучить некоторые показания, в частности показания о «Квебеке». Но начался обеденный перерыв, и присяжные вернулись к рассмотрению дела только в 14.20. Они изучили дело «Квебека», что убедило сомневавшегося. Снова говорили о жалости к подзащитному, но ничто не могло пошатнуть убежденности судей в том, что они имеют дело с профессиональным шпионом. Присяжные презрительно отзывались о Хейханене и Родсе, но тем не менее они были убеждены, что на суде те сказали правду.

Не произвели впечатления и те свидетели, которые говорили о характере и репутации Абеля, потому что, как отмечал Даблин, эти свидетели говорили о другом человеке. Они знали застенчивого, мягкого художника, которого звали Голдфус. А показания они давали о высокочеловеческом

шпионе Абеле. Все было похоже на ошибку в опознании личности.

Присяжные знали, что адвокаты Абеля сделали все, что было в их силах, но этого оказалось мало. По их мнению, даже судья Байерс старался быть объективным. Не было во время суда и эмоций, о которых постоянно говорило телевидение.

После трех с половиной часов совещания присяжные вынесли вердикт «виновен по всем пунктам». Абель выслушал вердикт стоя. Он вышел из зала суда с высоко поднятой головой. Ничто в его облике не говорило о поражении.

Приговор не был вынесен до 15 ноября, в это время Донован написал судье Байерсу письмо, которое в свете дальнейших событий звучит как пророчество. Принимая верность вынесенного присяжными вердикта, адвокат в то же время перечисляет причины, по которым Абель нельзя приговаривать к высшей мере наказания. Он писал, что оправданием приговора к смертной казни обычно становится то, что это средство устрашения, но, по его мнению, это не может остановить советскую разведку. Кроме этого, вынесение подобного приговора необходимо было обсудить с правительством США, чтобы предусмотреть возможные последствия для граждан США, находящихся на территории СССР. Говоря об этом, Донован намекал на американских агентов, работающих в Советском Союзе, и других граждан США, которые отбывают наказания в советских тюрьмах.

Хотя подсудимый и не согласился сотрудничать с правительством, продолжал Донован, в интересах государства было бы выгоднее не прибегать к подобным мерам в течение определенного времени. (Другими словами, он еще мог начать говорить).

Следующий аргумент Донована стал тем предвидением, о котором упоминалось ранее. Он писал: «Вполне возможно, что в ближайшем будущем в руках СССР или его союзников окажется американец такого же ранга, как и Абель, — в этом случае обмен пленными будет лучшим выходом для США». В мае 1960 года в самом сердце России был сбит самолет-разведчик У-2, а арест его пилота Фрэнсиса Гэри Пауэрса подтвердил слова Донована.

Благодаря его усилиям и решительности обмен пленными состоялся меньше чем через два года.

Говоря о сроке наказания, Донован отмечал, что в 20-е годы французские суды приговаривали советских шпионов к трем годам заключения. В последнюю очередь адвокат говорил о возрасте и мотивах в действиях своего подзащитного: «Абелю 55 лет (в 1957). Он верно служил своей стране, и это его страна, не важно, права она или нет. Я также осмелюсь напомнить суду, что «де юре» наши страны находятся в состоянии мира».

В день вынесения приговора судья Байерс согласился с просьбой Донована, но истинные причины этого решения были известны лишь ему самому. Судья сказал во время своего выступления: «Суд практически ничего не знает о личной жизни и характере этого человека. Не имея возможности лучше изучить человека, который известен нам как Абель, мы должны руководствоваться свидетельствами, которые требуют, чтобы мы обращались с ним как с человеком, выбравшим свою профессию, полностью осознавая ее опасность и цену, которую ему придется заплатить в случае ареста».

Если перевести эти слова в доллары и годы, то получалось следующее: 30 лет заключения и 5 тысяч долларов штрафа по первому пункту, 10 лет и 2 тысячи долларов по второму, 5 лет и тысяча долларов по третьему. Абель должен был отбывать сроки одновременно — в итоге он получил тридцать лет тюремного заключения.

Судье указали, что первый пункт обвинения не подразумевает уплаты штрафа, поэтому штраф в 5 тысяч долларов был отменен. Абеля перевели в федеральную тюрьму в Атлантае, штат Джорджия, где он начал отбывать свой срок.

Процесс закончился для Абеля, но не для Донована, который начал работу над обжалованием приговора. Он обратился в кассационный суд США; его заявление основывалось на том, что некоторые личные вещи Абеля были незаконным путем изъяты из его номера и приобщены к делу. В июле 1958 года кассационный суд вынес свое решение, оставив приговор в силе. Следующим шагом Донована стало обращение в Верховный суд, решение которого от 28 марта 1960 года также оставило приговор в силе. Попытка Донована отправить дело на повторное слушание также не удалась, и дело было официально за-

крыто в июне 1960 года. В это время Абель выплатил штрафы.

В Атланте Абель был зарегистрирован под номером 80016-А. Официальные лица неохотно обсуждали условия его содержания. Д. М. Херитедж, начальник тюрьмы, объяснял, что «информация об условиях содержания заключенных не разглашается по традиции». «Это помогает, — сказал он, — защитить заключенных и не приукрасить жизнь того или иного из них. Можете быть уверены, что мы стараемся создать всем заключенным одинаковые условия. Видным заключенным не создают каких-либо привилегий. Для них же нет и никаких особенных ограничений».

Из неофициальных источников стало известно, что Абель был самым известным заключенным в тюрьме и его положение было превосходным. Он пользовался уважением как военный, которому изменила удача. В его камере строгого режима было еще трое заключенных, он научил их играть в бридж. В тюрьмах обычно содержатся фальшивомонетчики, люди, занимавшиеся изготовлением фальшивых документов. Именно они более всего расположены к искусству. Абель помог им дать выход своим талантам. Он изобрел станок, на котором можно было печатать рождественские открытки для родственников заключенных. В 1958 и 1959 годах он нарисовал две открытки. На первой была изображена русская зима. В 1960 году он обратился к более подходящей теме, изобразив пастухов в Вифлееме.

Абель поддерживал связь с внешним миром, получая «Нью-Йорк таймс» и «Сайентифик Америкен». Он также интересовался публикациями о себе, благодаря Доновану продолжал получать книги об искусстве.

Адвокат посетил своего клиента в Атланте и нашел его в прекрасном расположении духа. При упоминании о том, что Донован по пути в Нью-Йорк заедет в Вашингтон, Абель немного оживился: «Вы когда-нибудь были в музее ФБР?» Донован ответил, что он не был.

«Я слышал, что они открыли выставку, посвященную моему делу, — серьезно пояснил Абель. — Я хотел бы, чтобы Вы заехали туда и посмотрели ее. Они могли в чем-нибудь ошибиться».

Донован был поражен, тем что Абель, находясь в камере строгого режима, был настолько хорошо информирован о действиях ФБР. Тем не менее пообещал заглянуть

на выставку. Он присоединился к группе туристов, которые собирались изучить лучшие моменты работы ФБР, представленные фотографиями. Последний зал был знаком Доновану — в нем было представлено все, что относилось к делу Абеля: от фотографий его студии до монет и карандашей с тайниками. Донован написал Абелю, что экспозиция составлена с присущей ФБР тщательностью.

Человек, известный нам как Рудольф Иванович Абель, родился 2 июля 1902 года в Москве. Он был единственным ребенком в семье. Его дедушка в царское время занимал небольшую официальную должность. Отец Абеля много путешествовал, и ребенок еще в раннем детстве хорошо узнал свою страну. Он был трудолюбив и умен и хотел стать учителем. У него был необычный дар к языкам, и в возрасте двадцати лет он преподавал английский, немецкий и польский в одной из средних школ Москвы. В двадцать пять лет он принял два самых важных решения: женился и начал работать в ОГПУ, в управлении иностранной разведки.

Сначала он обучал курсантов английскому языку, но в тридцатых годах хорошее знание немецкого предоставило ему возможность выполнить первое задание за границей. Ему была поручена разведка на германском фронте, и ко времени окончания войны он уже был майором НКВД. В 1954 году, когда НКВД был разделен, Абель оказался в КГБ.

После войны Советский Союз усилил разведывательную деятельность в Западном полушарии. Излюбленный маршрут советского агента в США пролегал через Канаду, власти которой уделяли меньше времени изучению эмигрантов. В 1946 году Абеля поместили в один из лагерей для перемещенных лиц в Германии под именем Эндрю Кайотиса.

Он подал заявление на въезд в Канаду и приехал туда в 1947 году. В следующем году он переехал в Соединенные Штаты. Перед приездом в Нью-Йорк Абель решил посетить остальную часть страны. Он побывал на северо-западе и проехал по западному побережью США. Возможно, эта поездка была инспекцией «местных представительств», во время которой он встречался с агентами, которые теперь оказались под его руководством. Позднее он говорил другу, что путешествовал по северо-западу под видом ле-

соруба и именно там научился играть на гитаре. Его рассказы о поездке очень точны, так же как и воспоминания о Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Чикаго.

В Нью-Йорк он скорее всего прибыл в июне 1950 года, о чем свидетельствует первая отметка в его чековой книжке. Он жил в гостиницах на Бродвее, часто переезжал. В это время он познакомился с двумя людьми, которые стали его лучшими друзьями. Абеля считали человеком со стальными нервами. Тесты по проверке интеллекта, проведенные в тюрьме, показали уровень, близкий к гениальности. Для человека, находящегося с опасным заданием во враждебной стране, он обладал поразительным самообладанием. Но все же он не был машиной, которая требуется для такой работы. Шпионаж — работа одинокого человека, который готов пренебречь человеческими отношениями ради собственной безопасности. Но Абель, обладавший железной дисциплиной, не мог перенести абсолютного одиночества. Он находил себе друзей. Выбирал их тщательно, и обычно это были люди моложе его, художники, которые как правило не интересовались политикой.

Алан Уинстон прекрасно отвечал этим требованиям. Он учился в Колумбийском университете, затем порвал с родителями, пожелав стать художником. Он был единственным другом Абеля до 1954 года, когда полковник встретил Берта Сильвермана. Они снимали студии в одном здании в Бруклине.

В чековой книжке в разделе «известить в случае необходимости» был записан адрес Берта. Абель полностью доверял Сильверману и Уинстону, на чье имя положил в банке 15 тысяч долларов. Он объяснил, что эти деньги он скопил, работая фоторетушером. Абеля и Уинстона объединяла страсть к живописи и музыке, они часто ходили в музеи, кино, на концерты. Абель и Уинстон нередко обедали вместе, причем Абель всегда сам готовил и выбирал вина. Он был превосходным поваром и отлично разбирался в напитках.

Одновременно Абель занимался своей основной деятельностью, но в 1952 году он решил, что ему нужен помощник, и попросил Москву прислать подходящего кандидата. КГБ проверил всех своих сотрудников, работающих в нейтральных странах Европы, и остановился на Райно Хейханене, 32-летнем лейтенанте КГБ.

Хейханен родился в Ленинграде, отлично знал финский язык. В ноябре 1939 года, через месяц после получения диплома учителя, Хейханен начал работать в КГБ, который отправил его переводчиком на фронт во время советско-финской войны. В последующие восемь лет он занимался разведкой в Финляндии. В 1948 году прошел специальную подготовку и через год вернулся в Финляндию.

Хейханена отправили в Финляндию для того, чтобы подготовить легенду, с которой он в случае необходимости мог быстро переехать в Соединенные Штаты. По документам он был Юджином Николо Маки, уроженцем штата Айдахо, прожившим долгое время в Финляндии: Постоянно улучшая легенду, Райно работал помощником кузнеца и автомехаником. Когда в Москве решили, что его легенда стала достаточно надежной, он обратился в посольство США в Хельсинки, чтобы получить американский паспорт. Документы были готовы через несколько дней. Хейханену пришлось только предъявить свое свидетельство о рождении, выданное в Айдахо, и доказать, что Маки не служил в финской армии. В августе 1952 года, вскоре после просьбы Абеля, Хейханен был вызван в Москву для прохождения трехнедельной подготовки к новому заданию. Он пересек границу Финляндии в багажнике автомобиля. Во время подготовки он изучал микрофильмы, технику шифрования. Ему дали кодовое имя «Вик» и сообщили, что его руководителя в Нью-Йорке зовут Марк.

В обязанности Хейханена входила встреча с Марком, помощь в вербовке агентов, поддержание связи с советскими представителями. Ему выдали 5 тысяч долларов на обустройство, он получал 500 долларов в месяц. Жена Хейханена получала его жалованье в России.

В Москве он встретился с человеком, под чьим руководством позднее проработал до 1954 года. Его Хейханен знал как Михаила. Позднее он опознал его на фотографиях ФБР — это был первый секретарь советского представительства в ООН. Кроме того, он встретился с руководителем «американского» отделения КГБ, который представился Павловым. Он провел с Хейханеном заключительную беседу и, напутствуя, сказал: «Разведчики всегда на войне. Если начнется война настоящая, они долж-

ны оставаться на своем посту. Даже если о нас ничего неизвестно, продолжайте выполнять свою работу».

Павлов объяснил, что информацию можно получить из разных источников. Сюда входила «вся информация, которую можно получить из газет или официальных сообщений, из письменных документов. Это может быть информация о мерах национальной безопасности, военных объектах, атомных разработках».

После подготовки Хейханен вернулся в Финляндию. Его жена осталась в России, но в целях безопасности он женился на финке Ханне Курикке, с которой и отправился в США. Господин и госпожа Маки приехали в октябре в Англию, откуда на борту «Куин Мэри» отправились в Нью-Йорк. Прибыв в Нью-Йорк, они остановились в отеле «Честерфилд» (потом снимали квартиры в Гарлеме и Бруклине), а на следующий день Хейханен отправился на прогулку в Центральный парк. Около ресторана «Грин» есть пересечение с дорожкой для верховой езды, рядом с которой стоит знак «Осторожно». Он приколот красную кнопку на забор, стоявший около знака. Это было одно из мест, выбранных Москвой для поддержания связи. Кнопка должна была известить начальство о его прибытии.

Позднее Хейханен узнал, что такие места нужно проверять ежедневно, чтобы знать, есть ли для него сообщения. Около тайников ставился знак мелом. Горизонтальная черта означала, что в тайнике есть сообщение, вертикальная — что сообщение забрали. За пять лет работы в Нью-Йорке Хейханен пользовался более чем пятью тайниками. Один находился в трещине в бетонной стене, идущей от 165-й до 167-й улиц вдоль Джером-авеню в Бронксе; один был за кирпичом под мостом в Центральном парке; один у памятника на углу Риверсайд-драйв и 89-й улицы. Другие располагались в фонарных столбах в парках Проспект и Форт-Трайон. Под металлическими почтовыми ящиками, стоявшими на углу 74-й и 79-й улиц, был специальный магнитный тайник.

Однажды Абель и Хейханен использовали в качестве тайника трещину в лестнице в Проспект-парке. Трещину заметили работники парка, и когда Хейханен приехал за сообщением, он обнаружил, что трещина зацементирована. Однако рабочие не нашли сообщения, поэтому не-

сколько лет спустя агенты ФБР смогли достать его из-под слоя цемента. Это была микропленка, в которой Хейханена спрашивали, почему он пропустил две встречи.

Эти предосторожности могут показаться излишними, особенно когда видишь, какими сообщениями обменивались разведчики. В таком городе, как Нью-Йорк, можно часами разговаривать, стоя на углу улицы и не привлекая к себе внимания. Хейханен предпринимал особые меры, чтобы выяснить, нет ли за ним наблюдения, и только после этого убедился, что сумел попасть в США, не раскрыв себя. Зачем нужно было пользоваться сложной системой знаков и тайников для передачи безобидных писем и сообщений?

Ответ таков: для Абеля шпионаж был делом с «хорошими традициями». Он понимал, что даже в мелочах нужно быть очень осторожным. Он следовал этим строгим требованиям во всем, невзирая на то, что это отнимало много времени. Абель был убежден в том, что его первая ошибка будет фатальной. К тому же он и Хейханен были родом из тоталитарного государства, поэтому они могли преувеличить опасность наблюдения, под которое могли попасть в США.

Предосторожности, предпринимаемые Абелем, иногда были слишком серьезны, что косвенно привело к его провалу. В его шпионский инвентарь входили карандаши, а также батарейки со сделанными в них тайниками. Они использовались в качестве контейнеров для микропленок, и если их случайно находили в тайниках, они не вызывали подозрения. У Абеля также было несколько фальшивых монет по пять центов, которые открывались с помощью булавки.

На сигнал Хейханена Абель ответил письменным сообщением, которое он зашифровал и переснял на микропленку. Он положил сообщение в одну из монет. Оно содержало первые указания Абеля:

«Поздравляем Вас с успешным приездом. Подтверждаем получение Вашего первого сообщения. Нам поручено передать Вам 3 тысячи долларов на обустройство. Если Вы решите вложить эти деньги куда-либо, сначала проконсультируйтесь с нами.

По Вашей просьбе мы передадим Вам формулу для изго-

товления пленок (это Хейханен должен был изучить в Москве) вместе с письмом матери. Еще рано присылать Вам бабушек (кем или чем были эти «бабушки», до сих пор остается загадкой). Шифруйте короткие письма, в длинных делайте вставки. В одном сообщении нельзя отправлять данные о себе, о работе, адресе. Все вставки должны пересылаться отдельно. Посылка была доставлена лично Вашей жене. С семьей все в порядке. Желаем успеха. Привет от товарищей. 3 декабря. (Через полтора месяца после приезда Хейханена)».

То что случилось потом, до сих пор не выяснено. Хейханен утверждает, что так и не получил это сообщение. Возможно, что прохожий, привлеченный блеском монеты из-за кирпича, взял ее себе. Может быть, вина лежит на Абеле, который потратил фальшивую монету, а на ее место положил настоящую. Однако каким-то образом эта монета попала в оборот.

Жарким утром летом 1953 года Джеймс Бозарт, 14-летний продавец газет, получил сдачу от одного из своих клиентов в Бруклине. Это была монета в 25 центов и пять пятицентовых монет. Джеймс рассказывал: «Я шел по лестнице, и мелочь вдруг выскользнула у меня из рук. Когда я начал подбирать деньги, одна из монет распалась на две части. Я подобрал кусочки — в одном из них лежала микропленка. Это был рисунок документа или визитной карточки. На ней был ряд цифр».

Джеймс отнес свою находку в полицию, где его похвалили за сообразительность. Если бы он не споткнулся на ступеньках, за эту монету и сейчас можно было бы купить газету. Полиция Нью-Йорка передала микропленку ФБР, откуда она попала к шифровальщикам, которые так и не смогли раскрыть секрет шифра. Монета оставалась загадкой до весны 1957 года, когда Хейханен сдался американским властям. Он передал ФБР ключ к шифру.

Код был основан на четырех легко запоминаемых ключах: русском слове «снегопад», патриотической дате, куплете русской народной песни и цифре 13. Первым в системе подстановки шло слово «снегопад», дата — 3 сентября 1945 года — день победы СССР над Японией, первые двадцать букв русской народной песни и цифра 13 использовались для дальнейших подстановок. Это был личный

шифр Хейханена, которым пользовался он и его руководители. В отличие от шифра Абеля, обнаруженного в его блокноте, этот код можно было раскрыть, хотя ФБР в этом не повезло. Тем не менее этот шифр был удобен, потому что все его элементы можно было выучить наизусть. За пять лет пребывания в США Хейханен отправил около тридцати сообщений, а получил примерно двадцать пять.

«Ни один человек не может разобраться с этим кодом», — сказал Донован, когда агент ФБР объяснял его на суде. Хотя шифр и был довольно сложен, его можно было взломать, поэтому он был изменен в 1956 году. Хейханен продолжал обмениваться сообщениями с Абелем, но лично не встречался с ним вплоть до 1954 года. В это время он контактировал с Михаилом (Свириным), которого уже встречал в Москве.

На первую встречу со Свириным Хейханен надел голубой галстук в полоску, у него была трубка, хотя он никогда не курил. Свирин передал ему контейнер с микрофильмами, на которых были письма его жены, и пожелал ему успехов на новой работе. Свирин срочно уехал из Соединенных Штатов в апреле 1954 года, когда им начало интересоваться правительство США.

Летом 1953 года Хейханен получил свое первое задание. Он встретился с финским моряком по имени Аско, корабль которого был пришвартован в порту Хобокен. Во время встречи Хейханен получил несколько сообщений, за которые сразу же заплатил матросу. В качестве тайника они пользовались телефонной будкой в одном из баров на Амстердам-авеню.

После отъезда Михаила Хейханен перешел в подчинение к Марку (Абелю). В августе 1954 года он получил сообщение, в котором его просили зайти в мужской туалет кинотеатра «РКО-Флашинг». Он должен был надеть синий галстук и курить трубку. Хейханен приготовился сказать пароль, но худой человек, подошедший к нему, произнес: «Забудьте о пароле, я знаю, что Вы тот, кто мне нужен. Давайте выйдем и поговорим». Они пошли в кафе на той же улице, Абель внимательно смотрел на своего напарника. Ему не понравилась внешность нового знакомого: это был приземистый, с одутловатым лицом и толстыми губами человек, постоянно думающий о еде и выпивке. Хейханен с самого начала почувствовал презрение к себе и

постепенно возненавидел Абеля. «Он обращался со мной как с шофером», — говорил он.

Первое задание, которое Абель поручил Хейханену, было очень похоже на работу шофера. Он купил машину и дом в Пикскилле, в подвале которого закопал свое поддельное свидетельство о рождении и другие материалы. Затем Хейханен повез своего руководителя в Вестчестер, где Абель искал подходящее место для своего радиоприемника.

У него был трансформатор, увеличивавший напряжение с 6 до 100 вольт, который он подключал к прикуривателю в салоне автомобиля, чтобы начать работу с радиацией. Сначала он прикрепил антенну к дереву, но из этого ничего не вышло. Позже они отправились в Хопвелл, где хотели купить дом для работы с радиостанцией, но не нашли ничего дешевле 15 тысяч долларов, а такой суммы не могла позволить себе даже советская разведка.

Впервые Абель почувствовал недоверие к своему напарнику во время этой поездки, когда он попросил его записать сигналы Морзе, которые послышались в эфире. Хейханен сказал, что не знает азбуку Морзе. Абель был шокирован: «Все, кто работает в разведке, должны знать азбуку Морзе. Чему Вас учили в Москве?»

В ноябре 1954 года Абель получил сообщение о «Квебеке» и сказал Хейханену, что им придется поехать в Нью-Джерси, чтобы найти сержанта Родса. Абель заметил: «Из него получится хороший агент, потому что он и кто-то из его родственников работают в военной отрасли». Они искали Родса в Ред-Бэнке, но он в это время находился в Аризоне. Абель узнал, что у Родса были родственники в Колорадо, и отправил к ним Хейханена, чтобы он узнал, где его можно найти. У Хейханена, в отличие от Абеля, были трудности с английским. (Даже на суде он жаловался, что адвокаты говорят слишком быстро. Судья Байерс предупредил, что «в зале суда присутствует свидетель, который не так хорошо владеет английским языком, как все остальные».) Он позвонил сестре Родса, испугал ее своим акцентом, но она тем не менее дала ему адрес брата. Однако все попытки найти Родса провалились.

Затем Хейханен выполнил еще два небольших поручения: он ездил в Бостон на встречу со шведским корабельным инженером Олафом Карлсоном и в Нью-Джерси на

вербовку нового агента. В обоих случаях он не нашел нужного человека. Абель решил узнать, есть ли у Хейханена способность обнаружения вещей, и для проверки отправил его в Беа-Маунтин на поиски закопанного сокровища. В государственном парке были спрятаны 5 тысяч долларов, которые Абель намеревался передать госпоже Хелен Собель в качестве платы за услуги ее мужа, Мортон Собеля, арестованного вместе с Розенбергами в 1951 году. (Позднее Абель отбывал свой срок в одной тюрьме с Собелем.)

С картой в руке Хейханен обошел весь парк и сумел найти два пакета с деньгами, в одном лежало 3 тысячи долларов, а в другом 2 тысячи. Однако нужно с сожалением отметить, что у шпионов не больше чести, чем у обычных воров. Хейханен, вместо того чтобы отдать деньги госпоже Собель, взял их себе. На следующий день он доложил Абелю: «Я передал ей деньги и предупредил, чтобы она тратила их осторожно». Впервые шеф был удовлетворен работой своего подчиненного: «Хорошо. Лучше, когда муж и жена вместе работают на нас».

В мае 1955 года Абель решил, что Хейханену нужно открыть фотомастерскую в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Однако он узнал, что его помощник знает о фотографии очень мало. Тем не менее он начал помогать ему, когда Хейханен снял магазин в одном из районов города.

Из-за своих благих намерений Абель совершил ошибку, которая в конечном счете стоила ему свободы. Он нарушил главное правило шпионажа — агенты не должны знать имен и адресов своих руководителей. Абель же привел Хейханена к себе в студию, чтобы отдать ему часть фотоматериалов и приемник. Именно эта небрежность и привела к тому, что Хейханен смог вывести ФБР на резидента советской разведки.

Абель показал Хейханену, как сделать специальный фотографический стол, он написал несколько рекомендаций для работы с цветной фотографией. Он рассказал Хейханену, какими химикатами пользоваться для получения «мягкой» пленки. Химикат отделяет основание пленки, оставляя неповрежденным верхний слой — гибкую эмульсию, которую можно положить в контейнер.

Постоянно говоря, что Хейханен должен был изучить все это в Москве, Абель помог ему в работе с микроплен-

ками. Это техника фотографического уменьшения документа, в результате чего фотография размером 20 на 22 см может быть уменьшена до размеров типографского пробела.

Негатив шириной 35 мм уменьшался с помощью короткофокусной линзы и проектора. Абель пользовался спектрографической пленкой, которая продается во всех магазинах «Кодак». На нее может быть нанесена одна тысяча линий на миллиметр, при этом она отлично сохраняет контраст между белым и черным, в то время как на обычной пленке было бы только серое пятно. У Хейханена ничего не получалось даже с этой пленкой, и Абель показал ему, как сделать так, чтобы на увеличенном изображении были видны все слова. Он также объяснил Хейханену, как пересылать микропленки в Москву. Абель взял толстый журнал, разрезал его обложку и положил в нее микропленку. Затем он заклеил журнал и отправил его в Париж до востребования.

Через месяц после переезда Хейханена в Ньюарк Абель получил неожиданный подарок. Ему присвоили звание полковника и предоставили шестимесячный отпуск. 10 июня через Париж и Вену он отправился в Москву. Когда Абель уехал, Хейханен почувствовал себя намного свободнее. Ему не приходилось каждый день проверять тайники, ездить по пригородам в поисках удобного места для приемника, ему не нужно было учиться у своего руководителя. Вместо того чтобы открыть мастерскую в Ньюарке, Хейханен сделал все возможное, чтобы никто не думал, что он переехал туда для ведения дел. Вообще он вел себя очень странно для шпиона.

Донован позднее говорил на суде: «Если Хейханен был агентом в Ньюарке, то он совершил все возможные ошибки. Шпион должен быть незаметен в толпе людей. Хейханен сделал все, чтобы привлечь к себе внимание». Его поведение привлекло внимание соседей, потом хозяина здания, которое он снимал, и, наконец, полиции. Если бы Абель знал, чем занимается его подчиненный в Ньюарке, его отпуск, первый за шесть лет работы, был бы испорчен.

Хейханен любил водку, и впервые в жизни у него оказалось достаточно денег, чтобы он мог купить ее столько, сколько хотел. Он начал много пить и пустые бутылки выбрасывал из окна в мусорный бак, стоявший за его

магазином. Следуя традиции, он начал оскорблять жену при людях. Булочник вспоминал, что однажды пьяный Хейханен пришел к нему в магазин с женой и купил буханку хлеба. Он взял хлеб и бросил его на пол, приказав жене подобрать его. Громко смеясь, он наблюдал за тем, как та опустилась на колени, чтобы взять буханку.

Однако в следующий раз он оказался пострадавшей стороной. Однажды Хейханен разошелся настолько, что соседи известили хозяина, который приехал, чтобы узнать, в чем дело. Он увидел Хейханена, у которого текла кровь из раны на ноге. В углу плакала его жена. Приехавшим полицейским Хейханен объяснил, что поранился, разрезая коробки. Он продолжал пить, чувствуя себя несчастным, из-за того что ему пришлось работать с Абелем. Он постоянно вспоминал, что ему обещали спокойную работу в «легальной» советской разведке, то есть место атташе в каком-нибудь из посольств СССР. Вместо этого его отправили на опасное задание.

Вернувшись в 1956 году из отпуска, Абель пытался найти Хейханена, но вскоре понял, что тот не проверяет тайники. Он все-таки нашел его и спросил, как продвигается работа мастерской. Хейханен ответил, что в Ньюарке работать очень сложно. Абеля подобное объяснение не устраивало, поэтому он сделал своему подчиненному выговор за плохую работу. Затем, сменив тон, Абель сказал, что понимает состояние Хейханена — он находится на грани срыва, и было бы лучше, если бы отдохнул какое-то время с семьей. Ответ из Москвы пришел через несколько месяцев, в нем говорилось, что Хейханену присвоено звание подполковника и что ему предоставляется отпуск. Абель занялся организацией поездки. Хейханен должен был отправиться в Париж по документам Лаури Арнольда Эрмаса. Абель рассказал ему, как нужно пользоваться телефоном во Франции, чтобы позвонить в советское посольство. Неожиданный отпуск и повышение по службе не успокоили Хейханена, он понимал, что в Москве его не похвалят за хорошую работу. Пытаясь оттянуть время отъезда, он сказал Абелю, что купил билеты на «Куин Элизабет», которая отправлялась в январе 1957 года. Он взял на расходы 200 долларов, но на корабль так и не сел.

В сообщении, переданном 14 февраля, Хейханен сочинил историю о том, как его допрашивало ФБР, сказав,

что за ним ведется наблюдение. Абель был непреклонен, и 24 апреля Хейханен покинул США. Он высадился в Гавре и позвонил по телефону, который ему дал Абель. Паролем была фраза: «Могу я отправить две посылки через ваше учреждение?» Советский представитель встретился с Хейханеном и передал ему 200 долларов и несколько франков. Выжав из русских все что мог, Хейханен позвонил в американское посольство и сдался. То, что он рассказал, удивило служащих посольства, но он показал монету с тайником, и его отправили в Нью-Йорк, где передали ФБР.

В Нью-Йорке Хейханен прошел психиатрическое обследование, которое показало, что он был алкоголиком со склонностью к суициду. Его начали воспринимать серьезно тогда, когда он сказал, что может раскрыть тайну шифра «Вик». Абель, понявший, что что-то пошло не так, как нужно, был арестован в июне, в самый разгар подготовки к отъезду.

Во всем мире не было двух столь непохожих шпионов, как Абель и Хейханен. Абель был очень умен и методичен, Хейханен был небрежен. Один посвятил себя работе, другой восстал против нее. Один был высок, другой низок. Абель был аскетом, Хейханен сибаритом. Они напоминают обычное для советской литературы противостояние коррумпированного и честного чиновников. Хейханен — провинциальный градоправитель, любящий водку и женщин, Абель — судья, почти фанатично преданный своим обязанностям.

На суде Донован сказал о Хейханене: «Если этот человек был шпионом, то в историю он войдет как самый безответственный, ко всему безразличный человек, которого когда-либо отправляли с секретным заданием. Невероятно, но этот человек — подполковник советской военной разведки, которого послали добывать секреты нашей страны. В нашей армии он не стал бы и рядовым первого класса». Эти слова можно было считать оскорблением, учитывая тот факт, что Родс был мастер-сержантом.

Когда стало известно об аресте Абеля, больше всего были удивлены его немногочисленные друзья и знакомые. Это было бы неудивительно, если бы Абель вел себя так же, как и Хейханен: если бы консьерж жаловался на поздних посетителей или на то, что он получает много писем

из других стран; если бы в магазине специально для него хранили запас икры если бы он, выпив в баре водки, бил стаканы и танцевал казачка.

Увы, ничего подобного не происходило, Абель никогда не говорил и не делал того, что могло бы выделять его среди других людей. Он был тихим художником Эмилем Голдфусом, немцем по происхождению. Только когда его арестовали, многие детали предстали в новом свете. Прочитав о коротковолновом радио, хозяин телевизионной мастерской, находившейся в том же доме, вспомнил, что жители соседних домов часто жаловались на странные помехи. Один из художников, который часто встречал Абеля, идущего к себе в студию поздно вечером, как-то спросил его, почему он работает так поздно. Абель сказал, что днем у него слишком много дел. Скульптор, снимавший студию на шестом этаже, вспоминал, что зимой 1956 года была ужасная вьюга. У него начала протекать крыша, и он решил поставить под течь пустой бак. В это время к нему пришел Абель и помог ему. Скульптор подумал после этого: «Какой прекрасный человек!»

«Овингтон студиоз» — массивное некрасивое здание, построенное в 1863 году торговцами из Бруклина братьями Овингтон. Они использовали его для производства глиняных изделий. Шестиэтажный дом с мансардой как нельзя лучше отвечал требованиям художников. Абель снимал студию за 35 долларов в месяц и кладовую за 20 долларов, обе комнаты были на пятом этаже. В студии он не жил, но каждый день приходил туда.

Те, кто знал его, вспоминают, что он был добрым, незлобивым человеком. Он старался быть в хороших отношениях со всеми, даже с консьержем и лифтером Гарри Мак-Мюлленом, которого часто приглашал зайти к себе. Однажды, когда сломался лифт, он предложил починить его, что и сделал в рекордно короткое время.

У Абеля было несколько причин, по которым он выбрал именно «Овингтон студиоз» в качестве своего штаба. Во-первых, квартплата была низкой, во-вторых, приемник, находившийся на пятом этаже, обеспечивал надежный прием, особенно если антенна выходила на крышу, в-третьих, это здание находилось далеко от гостиниц, в которых жил Абель, что сводило к минимуму возможность провала. Но, кроме всего, образ художника был прекрас-

ным прикрытием. Образ, возможно, не очень правильное слово, так как критики признавали, что он был талантливым художником, чьи работы могли сойти за работы профессионала. Настолько разносторонний человек, как Абель, мог стать кем угодно: учителем, фотографом, электриком. Но его интерес к живописи был неподдельным. В то же время этот образ как нельзя лучше способствовал основной работе Абеля: он объяснял отсутствие распорядка в его жизни. Кроме того, разведчик знал, что художники не любят интересоваться личной жизнью друг друга. Абель мог часами разговаривать с «коллегой», не ожидая вопросов о семье. Уважение к тайне — часть кредо этих людей, или, как сказал художник Натаниэль Кац, работавший в «Овингтон студиях»: «Живописец не обращает внимания на окружающий мир благодаря своей творческой энергии».

Эту мысль подтверждает следующий случай. Однажды Берт Сильверман, близкий друг Абеля, вошел к нему, когда тот слушал передачу из Москвы. Абель выключил радио и пошел в студию Сильвермана. Там зазвонил телефон, и Сильверман произнес во время разговора: «Мы с Эмилом слушаем передачу из Москвы по его радио». Абель побледнел и сказал: «Больше никому об этом не говори». Сильверман не придавал этому случаю никакого значения. Мысль о том, что дружелюбный художник из «Овингтон студиях» мог оказаться советским агентом, была настолько невероятна, что Абель мог выдать себя, только во всем признавшись. Франц Феликс, познакомившийся с Абелем через Сильвермана, вспоминал, что, когда Мюллен показал ему газету, рассказывавшую об аресте Абеля, он чувствовал себя так, как если бы ему сказали, что он живет в монархическом государстве.

Сильверман был шокирован этой новостью. Его друг Голдфус исчез в клубах дыма, а из пепла появился советский шпион. Был ли Абель тем человеком, который в начале 1957 года присутствовал на его свадьбе и подарил молодоженам шкатулку розового дерева, которую он сделал сам? Был ли Абель тем человеком, который позировал ему для портрета «Любитель»? Был ли Абель тем человеком, с которым он ходил в Ист-Сайд, где он делал снимки, которые служили основой для его картин? Сильверман с трудом описывал свои чувства: «Одно дело потерять друга

из-за его смерти. Но потерять друга из-за того, что он был совсем другим человеком, не просто грустно, это обескураживает».

Благодаря своему уму Абель успешно разделил две жизни, которыми он жил. Он нашел троих человек, которые стали его близкими друзьями: Берта Сильвермана, Алана Уинстона и Дэвида Левина. Абель познакомился с ними как художник и искренне любил их. Он часто проявлял свои чувства. У себя в студии устроил комнату, в которой печатал фотографии своих друзей. Он всегда предупреждал их о своих поездках, объясняя их необходимостью сменить климат, чтобы подлечить носовые пазухи. Его объяснение соответствовало истине — у него в самом деле болели носовые пазухи. Он всегда носил с собой ингалятор. Человек, которого знали друзья, был частью настоящего человека, поэтому они были поражены, когда узнали, кем он был на самом деле.

Абель всем рассказывал одинаковую историю: он немец по происхождению, работал ретушером в Бостоне и Нью-Йорке, а сбережения тратил на занятия живописью. Он говорил, что у него нет семьи. Однажды Сильверман спросил, почему он не женился, и Абель ответил, что женщины всегда «что-нибудь хотят получить взамен». Тем не менее друзья замечали, что он, хотя и не доверяет женщинам, любит их.

Сильверман часто ходил с ним на вечеринки в Бруклине, во время которых многие дамы отмечали ум и очарование лысеющего художника с европейскими манерами. Уинстон вспоминал, как бурно он выражал свои чувства, увидев на улице красивую девушку. «Fantastisch!» — восклицал он, провожая ее взглядом. Его отношения с женщинами за все годы разлуки с женой сводились к тому, что он знал их только по именам. В его студии нашли открытку, на которой написано: «Привет, Эмиль!.. Глэдис».

Но по своей сути Абель был консервативным человеком. Он ругал горячего Уинстона, когда тот рассказывал пошлые истории, но ругал так, как отец ругает сына (Абель был в два раза старше Уинстона). Они свободно обсуждали проблемы секса, но Абель был поражен, когда узнал, что Уинстон встречается с несколькими девушками одновременно. Он прочитал ему целую лекцию о верности и вреде распущенности.

Несмотря на отличную образованность, Абель всегда говорил, что всему научился сам. Его друзья отмечали, что он был «очень умным человеком, много читал, не было такой вещи, о которой бы он ничего не знал». То, чего он не знал, старался изучить. Один из друзей сказал: «Он был человеком, который мог попросить тебя научить его игре в шахматы, и уже через две недели он у тебя выигрывал». Когда Уинстон показал ему, как использовать лак в картине, он купил книгу по этой теме и скоро знал об этом все. Однажды они гуляли в Центральном парке, и Уинстон заметил необычный оттенок зеленого при искусственном освещении, в ответ Абель начал рассуждать о философии цвета. Его интерес к математике намного превышал способности друзей, которые с трудом справлялись с ведением своих счетов. Абель давал им такие книги, как «Философия математики» и «Считаем на досуге», они держали их у себя несколько дней и возвращали, говоря, что они им очень понравились.

То, что он говорил и вел себя как европеец, не смущало его друзей — у некоторых тоже чувствовался акцент, и они тоже были родом из Европы. Голубоглазого усатого Феликса, причислявшего себя к «старой школе», можно было спутать с отставным офицером австрийской императорской охраны. Ему нравились «превосходные манеры» Абеля.

Абель хорошо относился к советам, которые ему давали друзья, но он болезненно переносил критику. Уинстон, который писал в стиле немецкого экспрессионизма, отмечал, что картины его друга стали холоднее после знакомства с Сильверманом, представителем академических традиций в живописи. Художественный критик, видевший картины Абеля, оставшиеся в его студии, утверждал, что все они несут отпечаток советского социалистического реализма. Сильверман говорил, что у Абеля было хорошее чувство цвета и композиции, но иногда его картинам не хватало четкости. Феликс, писавший портреты, однажды посоветовал ему рисовать портреты и натюрморты. Через несколько дней он зашел в студию и увидел Абеля, стоящего перед зеркалом с кистью в руке.

Название, которое Сильверман дал портрету Абеля — «Любитель», — немного не соответствует действительности. Абель никогда не делал что-либо наполовину. Если

его картины не профессиональны, то это было лишь делом времени. Однажды он услышал Баха в исполнении гитариста Андрэ Сеговии и решил научиться играть на гитаре. Он купил все пластинки Сеговии, ноты и магнитофон. Потом купил гитару и практиковался до тех пор, пока не начал играть Баха.

Абель был скромен в отношениях со своими друзьями. Когда он вернулся из Флориды в мае 1957 года, сказал Сильверману, что скоро ему придется уехать. Сильверман спросил, почему он не сказал об этом раньше. «Зачем мне беспокоить вас своими проблемами?» — ответил Абель.

Обычно он не спорил и не обсуждал политику, а проявлял интерес только тогда, когда разговор заходил об искусстве. Он почитал Рембрандта и Вермеера, а абстракционисты ему не нравились. Он плохо отзывался о художниках, которые, «рисую дерево, делали его похожим на что-нибудь еще». Гуляя по Мэдисон-авеню с Уинстоном, он часто останавливался перед галереями, смотрел на полотна абстракционистов и говорил с насмешкой в голосе: «Unglaublich!» («Невероятно»).

Шутовская сторона его характера проявлялась довольно часто. Уинстон вспоминает, что Абель часто приглашал его к себе, они пили немецкое вино и проводили вечер, распевая немецкие песни. Абель всегда говорил, что Уинстон фальшивит.

Но Дэвид Левин, еще один друг Абеля, заметил в нем способность оставаться в тени. Он также понял, что одинокий художник постоянно напряжен, и решил, что «когда-то Эмиль попал в переделку». Левин был не так уж далек от истины, потому что в жизни Абеля стабильности практически не было. Кроме того, в разговорах он иногда упоминал, что много путешествовал, работал, знал, что такое бедность.

Абель не требовал многого от своих друзей, но дружба с ним впоследствии оказалась такой же опасной, как прикосновение прокаженного. Когда стало известно, кто он, за его друзьями начали охотиться пресса и тележурналисты. Тех, кто хотя бы отдаленно знал Абеля, допрашивали в ФБР, и им приходилось доказывать, что они ни в чем не виноваты. «Овингтон студиоз» стало «местом, где жил тот шпион». Таксисты, подвозившие туда пассажиров, подозрительно спрашивали, зачем они туда едут. Левину, Силь-

верману и Феликсу, которых осаждали со всех сторон, пришлось искать студии в других местах. У хозяина здания возникли проблемы с поиском новых арендаторов. Уинстону тоже пришлось уехать из своей квартиры в Манхэттене.

Несмотря на все неприятности, причиненные им дружбой с Абелем, его друзья не скрывают своего восхищения этим человеком, даже зная, что он советский шпион и заслуживает наказания. Это — редкий тип личности, современный человек эпохи Возрождения. Он был одаренным художником, хорошим музыкантом, отличным фотографом, признанным лингвистом, выдающимся математиком, физиком, химиком. На досуге он читал Эйнштейна, решал математические задачи, за час разгадывал кроссворд в «Санди таймс».

В его студии нашли десятки книг — от детективов до «Элементов логики», «Книги о криптоанализе — изучении и решении шифров», «Цифры, язык науки», «Как управлять станком». Сам он был автором статьи «Нельзя смешивать искусство и политику».

Абель плотничал и делал своим друзьям полки и столы. Он изобрел несколько контейнеров, найденных в его студии, один из них был сделан в виде застёжки с деревянным орнаментом. Доновану Абель сказал, что мысль о тайнике в монете он позаимствовал из романа Виктора Гюго «Отверженные», герой которого, Жан Вальжан, бежал из тюрьмы именно при помощи такой монеты. Как и люди, жившие в эпоху Ренессанса, Абель сделал своим идеалом знание. Мы можем только сожалеть вместе с Алленом Даллесом, что такой человек не служил в вооруженных силах США. На самом же деле он, как и все выдающиеся люди, стоял выше любой системы.

Донован настаивает, что его клиент не был марксистом, а может быть, даже и членом партии (Хейханен состоял в партии с конца Второй мировой войны.) «Оставьте политику политикам» — девиз художника Голдфуса, который чувствовал, что у художника не может быть политических обязательств перед обществом. В этом был убежден и профессиональный разведчик Абель, который скорее всего с презрением относился к политическим изменениям и интригам в собственной стране. Кто-нибудь может спросить: зачем он служил стране, недостатки которой

были ясно видны ему? Ответ очень прост: он служил своей стране потому, что он был ей нужен. Мы можем задумываться и о других причинах, в существовании которых были уверены многие люди, имевшие отношение к этому делу. Донован с огорчением отмечал, что чаще всего среди причин назывались следующие: «он делал это для своей семьи», «он делал это за деньги», «ради приключений и славы».

Мысль о том, что Абель мог согласиться на такое задание из любви к семье, может возникнуть лишь у тех, чьи самые благородные помыслы не простираются за пределы близости между людьми. Деньги и слава также казались многим достаточным поводом для миссии Абеля. Но никто из тех, кого просили объяснить действия разведчика, не сказал, что он делал это «для своей страны».

Донован глубоко переживал, что «мы настолько утратили патриотизм, что ищем только те причины, которые можем объяснить». В этих мотивах лишь практицизм, не имеющий ничего общего с такими неосозаемыми материями, как любовь к Родине. Донован, ставший самым близким другом Абеля, был убежден в том, что именно таинственная связь со своей страной, любовь к «матушке-России» стали причинами, по которым Абель согласился на столь рискованное задание и не произнес ни слова после своего ареста. В России есть много примеров, когда люди посвящали себя своей стране, даже если не служили делу укрепления коммунизма. (Вполне возможно, что Абель выбрал бы эту же профессию при царе.)

Борис Пастернак был одним из таких людей. Он отказался от Нобелевской премии в области литературы, так как для него она означала высылку из страны. Он выступил против руководителей государства, но не смог покинуть его. Он отождествлял высылку и смерть и говорил, что «любовь к родной стране — одно из лучших чувств человека. Патриотизм не должен быть слепым. Мать поправляет свое дитя, а сын видит недостатки отца. Но любовь не отворачивается от уродства и ошибок. Верность стране, в которой ты родился, и людям, благодаря которым ты появился на свет, — начало, а не конец интернационализма».

Пастернак предпочел остаться в своей стране, объяснив, что очень многим из нас «приходится жить двойной

жизнью». Двуличность Абеля была требованием профессии. Его бременем стало то, что он лучше всего служил своей стране, находясь далеко от нее. Было бы интересно узнать, как эта страна отплатила ему сейчас, когда его обменяли на Пауэрса. Обычное наказание провалившихся агентов практически не оставляет Абелю шансов на хорошую жизнь в будущем.*

* Автор ошибся. Полковник Абель (Фишер), скончавшийся в Москве в 1971 году, был окружен на родине почетом и уважением, ему было присвоено звание Героя Советского Союза. (Прим. ред.).

9. ПОДРЕЗАННЫЕ КРЫЛЬЯ У-2

Соединенные Штаты Америки всего два раза признавали использование шпионов. В первом случае это был Натан Хейл, шпионивший за англичанами во время войны за независимость. Его повесили без суда в 1776 году в возрасте двадцати одного года. Его последние слова — «Мне жаль, что у меня только одна жизнь, которую я могу отдать родине» — вошли во все учебники истории.

Вторым был Фрэнсис Гэри Пауэрс. «Последним» словом Пауэрса стала просьба о помиловании, которую он произнес на суде в Москве. В своей речи он мотивировал это тем, что он «обычный человек, для которого русские никогда не были врагами, который глубоко раскаивается в совершенном поступке». Он говорил как практичный человек, пытавшийся найти выход из сложной ситуации. Он избежал смерти, но не попал в учебники по истории.

Многие были шокированы, тем что Пауэрс оправдывался перед людьми, захватившими его. Оказавшись человеком, который мог повторить подвиг Натана Хейла, он вместо этого стал свидетелем против своей страны. Пауэрса нельзя сравнить и с Абелем, который на суде произнес всего семь слов, отрицая свою вину, и получил тридцать лет заключения, в то время как Пауэрс был приговорен всего к десяти годам лишения свободы.

Кроме того, арест Пауэрса привел в замешательство администрацию президента Эйзенхауэра, сорвав самую успешную разведывательную программу ЦРУ (в агентстве говорили, что их поймали на месте преступления) и дав СССР повод для начала крупнейшей со времени начала холодной войны пропагандистской кампании. Все это слу-

чилось оттого, что Пауэрс не предпринял следующих действий:

1. Он не нажал на приборной доске кнопку «взрыв», которая приводила в действие бомбу замедленного действия, уничтожившую самолет.

2. Он не использовал капсулу с ядом, которую ему дали на случай ареста.

3. Он нарушил первое требование шпионажа — молчание.

Люди воспринимали по-разному, то что Пауэрс не выполнил эти три указания, — кто-то относился к нему с презрением, а кто-то с пониманием. Хрущев объяснял это тем, что «люди хотят жить». Некоторые пилоты, служившие с Пауэрсом, говорили, что «он поступил правильно, так как у него не было другого выхода».

Наиболее красноречиво о деле Пауэрса сказал Уильям Фолкнер*, который редко реагирует на то, что происходит в мире. Но вскоре после окончания суда он написал:

«Теперь русские будут десять лет показывать его в странах Восточной Европы как пример человека, на которого положились США. Или, что еще лучше для них, его освободят, показав тем самым, что американцев нельзя бояться или уважать, а представителя этой нации невыгодно содержать даже в заключении».

Кем же был пилот, применивший принцип обычного человека «не высовываться» к задаче, столь важной для его страны? Начнем с того, что он не был шпионом. Его не обучали шпионажу и не готовили к тем условиям, в которых он оказался. Он был опытным пилотом, которого ЦРУ выбрало потому, что его личное дело ничем не выделялось среди других. Для программы полетов ЦРУ искало человека с железной дисциплиной, умевшего летать. Им был нужен такой, в чьем личном деле не было ни поощрений, ни выговоров.

Фрэнсис Гэри Пауэрс предстал перед московским судом 17 августа 1960 года, в день, когда ему исполнился три-

* Уильям Фолкнер (1897–1962) — американский писатель, автор популярных романов, лауреат Нобелевской премии (1950). (Прим. ред.).

дцать один год. За тридцать лет жизни он ничем не выделялся среди других людей. Пауэрс родился в Кентукки, где его отец Оливер работал шахтером. Когда он пострадал при несчастном случае на шахте, семья переехала в Паунд, в Вирджинии. Оливер открыл мастерскую по ремонту обуви. Семья, в которой было пятеро детей, никогда не была богатой, но старший Пауэрс накопил достаточно денег, чтобы дать своему единственному сыну хорошее образование. Он хотел, чтобы Фрэнсис стал врачом.

Курчавый застенчивый Фрэнсис учился в школе, которая находилась недалеко от дома. Учителя и одноклассники помнят его «хорошим мальчиком, который очень мало говорил и никогда не попадал в неприятности». Закончив школу, он поступил в Миллиган-колледж в Теннесси, где, по желанию отца, начал изучать медицину. Его однокурсники вспоминают, что он был робок с девушками и за четыре года учебы ни разу не сходил на свидание. Пауэрс окончил колледж в 1951 году и был двадцать девятью из шестидесяти студентов. Отцу он сказал, что изменил свое решение о будущей профессии.

Он говорил, что учеба «показала ему, что медицина не подходила для него — она отнимала много времени и сил». Пауэрс стал спасателем в бассейне Джонсон-сити. Вскоре его призвали в армию, и он попал в ВВС. Полеты были единственным, чем мог гордиться Пауэрс. В четырнадцать лет он уже летал на самолете в Принстоне и никогда не забывал о волнении, испытанном во время полета.

Пауэрс стал лейтенантом и с 1954 года был пилотом реактивного самолета на базе Тернер, около Олбани, штат Джорджия. На базе он познакомился с миссис Браун, которая работала там в кафе. Однажды она пригласила его к себе на ужин. Миссис Браун была вдовой, жила в городке недалеко от базы вместе со своей восемнадцатилетней дочерью Барбарой. Красивая, очаровательная Барбара смогла изменить застенчивого Пауэрса, и их отношения превратились в бурный роман. Они поженились в том же году.

В 1956 году Фрэнсис решил уйти из ВВС и начал искать работу. Они с Барбарой хотели открыть запрапочную станцию, но у них не хватило денег. Пауэрс пытался стать пилотом в гражданских авиакомпаниях, но ему сказали, что он не подходит по возрасту.

В то время как Пауэрс искал работу, компания «Локхид» подбирала пилотов для своей новой программы, которая была детищем главного инженера компании С. Л. Джонсона.

В 1954 году Джонсон решил заняться испытаниями работы авиационных двигателей и электроники на больших высотах. Он также хотел собрать данные о полетах истребителя F-104 «Старфайтер», лучшего детища компании «Локхид». Для выполнения этой программы требовался самолет, который мог долгое время летать на большой высоте. Этот самолет был назван У-2. Таким образом, Джонсон разработал У-2 совсем не для тех целей, из-за которых о нем узнал весь мир.

По своей сути У-2 — планер с турбореактивным двигателем. Благодаря длинным крыльям, легкому фюзеляжу и специальному горючему самолет может набирать высоту до 100000 тысяч футов (30 км) и несколько часов летать на высоте 70000 футов (21 км) со скоростью 500 миль в час (800 км/ч). Самолет настолько легок, что на небольшой высоте его крылья раскачиваются, как крылья гигантского насекомого, а механизм посадки сводится к касанию поверхности двумя колесами. Строительство У-2 было очень дорогим, особое внимание уделялось соединениям частей самолета, которые нужно было делать абсолютно ровными, чтобы избежать трения на больших высотах.

Первые модели, собранные вручную в лабораториях «Локхида» в 1955 году, имели размах крыльев 80 футов (24 м) и весили 17720 фунтов (около 8 тонн), в эту массу включались и баки для горючего емкостью до 1000 галлонов (около 4000 литров). Дальность полета этих моделей с запасными баками составляла 2600 миль (около 4200 км).

На У-2 стоял один турбореактивный двигатель фирмы «Прэтт и Уитни», работавший на специально очищенном авиационном керосине. Горючее, очистка которого обходилась очень дорого, кипело при температуре 330° по Фаренгейту (166°С), что в два раза выше температуры кипения обычного топлива для реактивных самолетов. Высокая температура кипения необходима на больших высотах, чтобы сделать минимальными потери топлива из-за его распыления.

Благодаря всему этому самолет мог подниматься на такую высоту, где воздух становился настолько разрежен-

ным, что уже не поддерживал огромные крылья. Сочетание разреженного воздуха и приближение к критическому числу Маха (скорость, при которой самолет преодолевает звуковой барьер) известно под названием «угол гроба». Еще одной опасностью полетов на больших высотах, как узнал Пауэрс, был помпаж двигателя. Во время испытаний У-2 подобное происходило довольно часто на высоте 90000 футов (27 км), и пилотам приходилось опускаться на более низкие высоты, чтобы перезапустить двигатель. Главным недостатком топлива для У-2 была низкая способность к перезапуску на больших высотах. Лишь на высоте 30000 — 40000 футов (9—12 км), пилот мог снова запустить двигатель. Это оказалось главной опасностью для У-2.

Когда руководство «Локхид» поняло, что испытания самолета прошли успешно, оно известило об этом ВВС Соединенных Штатов. Летом 1955 года военно-воздушные силы закупили несколько У-2 для проведения исследования совместного с Комиссией по атомной энергии. В августе ВВС обнародовали несколько фотографий, сделанных с высоты 50000 футов (15 км), возможно, с борта У-2. На фотографиях было поле для гольфа, на одном из снимков четко просматривались два мяча.

В 1955 году президент Эйзенхауэр вернулся из Женевы, расстроенный тем, что было отклонено его предложение о принципе «открытого неба». Этот принцип позволял заниматься авиационной разведкой как средством контроля за процессом разоружения. Но русские отвергли американское предложение, объяснив это тем, что они ничего не получают взамен. Хотя получали всю необходимую информацию от своих шпионов, и за годы их работы собрали аэрофотоснимки всех военных баз, ключевых промышленных центров и крупных городов. Принцип «открытого неба» принес бы огромную пользу США, которым очень трудно собирать информацию в Советском Союзе, 40% территории которого закрыто для иностранцев, а въезд в некоторые области ограничен даже для советских граждан.

Члены Комитета начальников штабов были похожи на слепых, когда разговор заходил о целях на советской территории. Если бы началась война, они не знали бы, что бомбить, разве что известные крупные города, но даже в этом случае практически ничего не было известно о новых

городах, построенных за Уралом. Воздушная разведка была так же необходима для них, как и для Ноя, который «выпустил голубя, чтобы узнать, сошла ли вода с Земли».

Нельзя сказать, что страны Запада не занимались воздушной разведкой, скорее наоборот. После окончания Второй мировой войны самолеты начали летать у границ СССР, выясняя расположение радиолокационных станций и собирая всю возможную информацию. Когда их сбивали советские самолеты, в газетах сообщали, что был сбит мирный самолет, отклонившийся от курса и попавший в воздушное пространство СССР. Почти все подобные полеты проводились Великобританией.

В феврале 1958 года эту игру разоблачили двое студентов Оксфорда. В одной из самых сенсационных статей Пол Томпсон и Уильям Миллер, служившие с 1953 по 1955 год в военно-морском флоте, писали:

«...об этих приграничных инцидентах обычно сообщают как о жестоких нападениях советских летчиков на мирные самолеты, летящие в пределах своего курса. Иногда утверждается, что жертва нападения сбилась с курса. Это все делается британской стороной. Вдоль границы СССР, от Ирана до Балтики, а может быть, и дальше, находятся специальные станции слежения, на которых работают люди, знающие русский язык и азбуку Морзе. Они занимаются перехватом всех разговоров русских по радиосвязи — между танками, кораблями, самолетами, военными частями.

Так как русские не всегда обмениваются сообщениями, их на это провоцируют. Самолет «сбивается с курса» именно тогда, когда он находится над территорией СССР. Магнитофоны записывают переговоры русских летчиков, а если самолет заставляют совершить посадку, раздувается международный скандал. Тем не менее полагают, что подобные нарушения Женевских конвенций могут предоставить богатейшие данные о расположении советских частей, вооружения, тактических методах русских. Но в настоящее время безответственность подобного рода может послужить толчком к войне».

То, что это открытие не было обманом, подтверждается арестом обоих студентов, которым было предъявлено обвинение в нарушении закона о государственных секре-

тах. Суд над ними проходил при закрытых дверях, и оба получили по три месяца тюремного заключения.

Однако такой «обман» сводился лишь к пересечению границы СССР, а воздушная разведка внутренних областей страны все еще была несовершенна.

У-2 стал ответом на провал политики «открытого неба». Какой-то сотрудник ЦРУ понял, что в этом самолете заключен огромный потенциал авиационной разведки. Это был самолет, который мог лететь над огромной территорией СССР на такой высоте, на которой его не могли сбить ни истребители, ни зенитные ракеты. Возможность использования У-2 в качестве самолета-разведчика обсуждалась и была одобрена на высшем политическом уровне в 1955 году.

Программа полетов У-2 над территорией СССР была начата в 1956 году, и в течение четырех лет ей ничто не мешало. Эту программу считали самым успешным планом ЦРУ. В 1960 году, уже после окончания полетов, министр обороны Томас Гейтс выступал перед Комиссией сената по международным отношениям. В своей речи он сказал: «Мы потеряли... важный источник информации, которую нам придется добывать другими методами». По его словам, это была информация об «аэродромах, самолетах, ракетных базах, испытательных полигонах, производстве подводных лодок, атомных разработках. Наша военная программа строилась с учетом результатов разведки».

Гейтс также сказал, что полеты У-2 были средством от внезапного нападения русских: «Полеты позволяли судить о готовности русских к началу такого нападения. Авиаразведка сообщала о важных промышленных объектах, о производстве. Мы знали о расположении военных объектов, то есть это был как бы взгляд на их военное положение. Создавалось впечатление, что они вооружены гораздо лучше, чем об этом известно».

Гейтс признал, что полеты У-2 давали «лучшую информацию». Для обеспечения секретности операция проходила под прикрытием программы по изучению погоды, которую проводило НАСА. Самолеты У-2 закупали ВВС и затем передавали НАСА для проведения научной работы. В это время Аллен Даллес встретился с двумя членами нижней палаты конгресса, чтобы предупредить их о скрытом финансировании этой программы.

Эскадрилья У-2, состоявшая из трех самолетов, была сформирована на базе Уотертаун-Стрип в Неваде в 1956 году, ее назвали 1-й эскадрилей воздушной метеорологической разведки. Эскадрилья проводила измерения воздушных потоков на больших высотах. Время от времени пресс-центр НАСА публиковал материалы, которые не относились к разряду секретных.

В мае 1956 года НАСА объявила о переносе программы в Европу, и У-2 были размещены на базах американских ВВС в Великобритании и Германии. Однако не сообщалось о существовании еще двух баз для У-2 — в Турции и Японии.

Это был начальный период разведывательных полетов У-2, и, учитывая небольшое количество самолетов, участвовавших в них, риск был очень велик. Двое из семи пилотов, нанятых ЦРУ, погибли уже в первый год полетов, еще одному удалось спастись при крушении самолета. Первое происшествие произошло в феврале 1956 года. В кабине У-2, проходившего испытания над Невадой, возник пожар. Пилот, Роберт Эверетт, смог опустить самолет до высоты 30000 футов (10 км) и катапультировался. 17 сентября погиб Говард Кэри, его самолет разбился в шестидесяти милях от базы в Западной Германии. В апреле 1957 года погиб Роберт Л. Сикер, его самолет разбился в пустынной области штата Невада. Еще один пилот из этих семерых, Брюс Грант, получил повреждение мозга в результате кислородного голодания во время полета на высоте 30 км.

У-2, которые занимались изучением погоды в Европе, Турции и Японии, были улучшенной модификацией первых моделей. На них стоял более мощный двигатель, «Прэйт и Уитни Дж75». Увеличились высота и дальность полета (маршрут Пауэрса был 3400 миль (5440 км) по протяженности при высоте полета 70000 футов (21 км)). В нижнюю часть фюзеляжа было встроено семь панорамных фотокамер, которые работали постоянно благодаря использованию вращающейся призмы. Полностью автоматические камеры настраивались заранее, движение пленки синхронизировалось со скоростью самолета, что позволяло получить более качественные снимки. На новых моделях У-2 стоял магнитофон, который записывал сигналы от радаров, находящихся в зоне полета. Кроме этого, за кабиной

летчика монтировалась взрывчатка, детонатор которой приводился в действие из кабины пилота. Специальный механизм позволял летчику катапультироваться. Количества взрывчатки хватало на то, чтобы уничтожить весь самолет.

Укомплектованные всем этим оборудованием, эскадрильи У-2 начали выполнять свою задачу, которая не имела ничего общего с изучением погоды. На базу ВВС США в Турции таинственное подразделение «10/10» прибыло в начале 1956 года. Пилоты этой эскадрильи жили отдельно, держались в стороне от других летчиков. Об их темно-серых самолетах без обозначений ничего не было известно.

Когда летчиков спрашивали, на кого они работают, они отвечали, что они работают в НАСА. Станным казалось то, что самолеты летали только тогда, когда погода была хорошей, хотя все знали, что НАСА собирает данные по воздушным потокам при любых погодных условиях. Жители Аданы, города около базы, скоро привыкли к серым самолетам с огромными крыльями, но все вопросы об их конструкции или задачах оставались без ответа.

Несмотря на все попытки сохранить операцию в секрете, русские войска ПВО засекали самолеты во время их полетов около границы. Обычно маршрут У-2, базировавшихся в Турции, начинался с полета к озеру Ван, находящемуся около турецко-иранской границы. Затем самолет летел к Тегерану, а оттуда в район города Мешхед, который находится у границ СССР, Ирана и Афганистана. Затем полет проходил над границей СССР с Афганистаном, причем пилоты практически не нарушали воздушное пространство Советского Союза. После этого самолет возвращался на базу.

Эти полеты, которые фиксировались советскими радаром, были хорошей подготовкой к полетам над территорией СССР. В это же время У-2, располагавшиеся в Германии и Великобритании, изучали «погоду» в балтийском регионе. Один из полетов состоялся через день после того, как из Москвы отбыл Натан Ф. Твининг, начальник штаба ВВС США, энтузиаст разведывательных полетов У-2. Твининг уехал из Москвы 30 июня, познакомившись до этого с мощью советской авиации. Через десять дней советское руководство направило американцам ноту протеста.

ста, в которой требовало прекращения полетов американских самолетов над территорией СССР в области Балтийского моря.

Государственный департамент настаивал на том, что над советской территорией не пролетал ни один военный самолет, а сама нота служила поводом для ухудшения международных отношений. Автор статьи, опубликованной в газете «Советская авиация», одной из газет Министерства обороны, отмечал, что это «нарушение границ совпало с пребыванием в Западном Берлине генерала Твининга».

Хрущев выразил ту же самую мысль в своей речи в посольстве Чехословакии 9 мая 1960 года: «Когда Твининг приехал к нам, его приняли как гостя. Он уехал из СССР и на следующий же день прислал самолет, летевший над нашей территорией на большой высоте. Этот самолет долетел до Киева». Затем Хрущев употребил одну из своих любимых фраз: «Все, с чем можно сравнить Твининга, так это с животным, которое делает свои грязные дела там, где ест».

Таким образом, уже с самого начала полетов У-2 Советский Союз знал о нарушении своего воздушного пространства, но только через два года стало известно, что эти полеты имеют связь с самолетами, изучающими погоду. В мае 1958 года газета «Советская авиация» сообщала, что ГРУ начало изучать полеты У-2, так как на этих самолетах «не было никаких обозначений, по которым можно было бы определить их миссию». В статье говорилось, что в разнообразные задачи У-2 входила и стратегическая разведка.

У-2 вызывали интерес во всех странах, где они базировались. Английский журнал «Флайт мэгэзин» опубликовал снимок самолета, якобы У-2, но на фотографии была видна только летящая в небе черная капля с крыльями. Японцам повезло гораздо больше, и именно редактору одного из японских журналов удалось раскрыть тайну У-2.

В марте 1958 года в журнале «Эйр ревью» были опубликованы фотографии У-2, заходящего на посадку. Сообщалось, что их сделал шестнадцатилетний член авиаклуба, которому удалось обхитрить охрану аэродрома. В сентябре 1959 года свидетелями тайны невольно стали члены япон-

ского клуба планеристов. Они фотографировали приземляющиеся самолеты на посадочной полосе для легкой авиации в сорока милях от Токио. В это время на полосу совершил вынужденную посадку черный реактивный самолет без опознавательных знаков. Увидев приближающихся людей, пилот закрыл кабину. Через пятнадцать минут на поле приземлился вертолет военно-морских сил, из него вышли люди в штатском. Пилот открыл кабину и вылез из нее, сказав, что он в порядке. Японцы заметили, что он был в форме без знаков отличия, а на поясе висел пистолет. Люди в штатском окружили самолет и приказали японцам покинуть поле.

На следующий день Акиро Секигава, редактор «Эйр ревью», получил описание самолета и совместил его с имевшейся фотографией У-2. В статье он написал, что дальность полета этого самолета может быть намного больше указанной из-за его очевидной способности планировать.

В Японии базировалось шесть самолетов У-2, и сообщалось об их ежедневных полетах. Японцы выражали признательность за информацию, которую они получали об ураганах. Маршрут других полетов, о которых не сообщалось официально, лежал на север к Охотскому морю, затем к восточной границе СССР, к южной части Желтого моря и над территорией Китая, чьи радиолокационные станции были намного примитивнее советских. Уже за пять месяцев до того, как самолет Пауэрса был сбит над Свердловском, в «Советской авиации» были опубликованы чертежи некоторых деталей У-2, в статье говорилось, что самолеты используются для проведения воздушной разведки.

Наш рассказ возвращается к Пауэрсу, подписавшему в 1956 году двухлетний контракт с ЦРУ, в котором он обязывался никому, даже своей жене, не разглашать подробностей своего задания. Один из пунктов контракта предупреждал его, что в случае разглашения информации о ЦРУ он мог быть приговорен к десяти годам тюремного заключения и/или штрафа в 10000 долларов. Его зарплата составляла 2500 долларов, из них 1000 долларов не выплачивалась до успешного выполнения задания. Ему объяснили, что его основным заданием будут полеты вдоль советской границы с целью сбора информации о радиоло-

кационных станциях. Если все пойдет хорошо, ему могут дать другие задания.

Когда Пауэрс подписал контракт, его отправили на базу Уотертаун-Стрип для прохождения подготовки к полетам на больших высотах. Ему выдали специальный костюм, прошедший проверку в барокамере. Пауэрс провел более двух месяцев, изучая во время полетов оборудование У-2 для обнаружения сигналов радиолокационных станций. В августе 1956 года, успешно пролетев над территорией Калифорнии и Техаса, Пауэрс был отправлен на базу ВВС США в Турции, где вошел в состав отряда «10/10», присоединившись к шести пилотам, уже состоявшим в этом подразделении. Ему сказали, что он пробудет за границей полтора года и что его жена не сможет поехать с ним, так как на базе не было подходящих условий.

Барбара Пауэрс не была готова к длительной разлуке с мужем, и когда он уехал в Турцию, она решила поехать к нему сама. Она переехала в Европу и получила место секретаря в управлении американских ВВС в Греции. Муж прилетал навестить ее один или два раза в месяц.

В начале 1958 года, когда первый контракт Пауэрса подходил к концу, представители «Локхид» устроили так, что их семья стала жить в небольшом доме в пригороде Аданы. К Пауэрсу приехала жена, он зарабатывал больше денег, чем мог себе представить, полеты стали обычным делом, поэтому он решил продлить контракт. Вскоре после этого все подразделение «10/10» переехало в трейлерный городок около базы, так как остальные пилоты также просили, чтобы к ним приехали их жены. У семьи Пауэрса был трейлер № 1356, в самом конце ряда, с видом на горы Торос. Семьи пилотов «10/10» были изолированы от базы как своего рода индийская каста, и жизнь Барбары Пауэрс в отсутствие мужа состояла из бриджа и скуки. Она, как и жены других пилотов, была уверена, что ее муж летает на реактивных учебных самолетах Т-33, перегоняя их в Германию для обслуживания и ремонта. Ее не тревожило то, что муж летал в Германию и обратно всего за один день. Время от времени монотонность их жизни нарушалась приездом высокопоставленных чиновников. Особенно часто в подразделение «10/10», которым руководил полковник Уильям Шелтон, приезжали несколько конгрессменов, генерал Фрэнк Ф. Эверест, командующий ВВС

Соединенных Штатов в Европе, генерал Томас Д. Уайт, начальник штаба ВВС в Европе, и Фрэнсис Спеллман.

«Обманные» полеты У-2 для Пауэрса продолжались до августа 1958 года, когда ему приказали лететь на У-2 на базу Будё в Норвегии, не пересекая территории СССР. Этот полет должен был познакомить Пауэрса с окрестностями Будё на случай полетов в будущем. Маршрут лежал через Афины, Рим, Франкфурт и Ставангер (Норвегия). Этот маршрут был короче и безопаснее того, которым ему пришлось лететь позднее.

В июне 1959 года Пауэрсу поручили роль прикрытия в полете У-2. Когда была разработана программа полета, два самолета У-2 были переброшены на базу в Пешаваре, в Пакистане. Один У-2 вылетал из Пешавара в направлении озера Ван, изучая погоду, а второй отправлялся в полет над территорией СССР и должен был приземлиться в Будё. На этот раз Пауэрс летел на самолете прикрытия, а второму пилоту предстояло пролететь 3000 миль (4800 км) в воздушном пространстве Советского Союза.

Программа полетов была усилена с началом весны 1960 года, в это время они стали ежемесячными. В апреле 1960 года, за месяц до катастрофы самолета Пауэрса, один У-2 совершил удачный полет над СССР. Об этом полете Хрущев говорил: «Нужно было сбить самолет-разведчик еще в апреле. Но наши военные его, мягко говоря, проспали, за что и были наказаны».

Поскольку вся жизнь базы касалась и Барбары Пауэрс, она поняла, что ее мужу предстоит очередной полет, когда он пришел домой 27 апреля 1960 года и попросил ее приготовить «плотный обед». Она налила в один термос картофельный суп, в другой — кофе с сахаром и сливками, приготовила шесть бутербродов, печенье.

- Той же ночью Пауэрс вылетел из Турции в Пешавар на транспортном самолете американских ВВС, на котором также летели полковник Шелтон и двадцать человек обслуживающего персонала. На специально оборудованном У-2 в Пешавар прилетел еще один летчик компании «Локхид».

Когда Пауэрс прибыл в Пешавар, он еще не знал, что ему придется лететь над Советским Союзом. Для этого полета готовили двух пилотов, но кто из них полетит,

стало известно только за два часа до вылета. Этим пилотом стал Пауэрс. Последние указания поступили из ЦРУ, которое руководствовалось долгосрочными прогнозами погоды и стратегическими соображениями. Позднее агентство упрекали за то, что полет был назначен слишком близко к встрече руководителей нескольких стран. Но этот фактор не принимался во внимание ЦРУ, оно решило, что другие обстоятельства важнее, чем предстоящая встреча. Государственный секретарь Гертер сказал, выступая перед Комиссией по международным отношениям: «В другое время года погодные условия могли бы сорвать получение очень ценной информации. Нельзя отказываться от успешной разведывательной миссии. Мы полагаем, что было бы неразумно понижать нашу активность в связи с этими переговорами».

В решении назначить дату вылета на 1 мая 1960 года большую роль сыграли три фактора:

1. Прогноз погоды говорил о хороших условиях, что означало получение качественных снимков. (На самом деле Пауэрсу пришлось лететь над облаками).

2. 1 Мая для русских почти то же самое, что День независимости для американцев. Это национальный праздник, посвященный солидарности всех трудящихся. В Москве это повод для показа военной мощи во время парада, когда советские руководители, включая Хрущева, наблюдают за движением солдат и военной техники около Кремля. В Вашингтоне полагали, что в праздничный день снизится бдительность советских частей, которые будут отмечать его.

3. У ЦРУ были данные о том, что 1 мая на испытательный полигон поступит новая советская ракета, по размерам превосходящая американские ракеты почти в два раза (самая большая ракета в США 108 футов в длину (32 м)). Было известно, что полигон находится на новой ракетной базе около Свердловска. Вице-президент Никсон, посетивший СССР в 1959 году, говорил, что в районе этого города видел новый ракетный комплекс, он также отмечал, что у новых ракет типа «земля-воздух» была совершенно другая конструкция.

Ранним утром 1 мая, примерно в 2 часа по московскому времени, Пауэрса вызвал полковник Шелтон, который сообщил ему, что в тот день полетит он. В это же

время разбудили другого пилота, и их отправили дышать кислородом, что было обязательным при подготовке к полету на большой высоте. Вскоре после этого Пауэрсу сказали, что его выбрали для полета над СССР, в то время как второму пилоту предстоит полет к озеру Ван в качестве прикрытия.

Летчику выдали карты полета, сказали, что его основной задачей будет огромная ракета на полигоне под Свердловском. Другими целями Пауэрса были площадка для запуска ракет к востоку от Аральского моря и базы военно-морского флота и ВВС в Архангельске и Мурманске, до которых Пауэрс так и не долетел. Кроме того, полковник Шелтон отметил на карте участок, на котором, по его словам, «что-то было, но что это — неизвестно». Обязанности Пауэрса были просты. Ему предстояло лететь по маршруту Аральское море—Свердловск—Киров—Архангельск—Мурманск—Будё, и над обозначенными на карте районами он должен был включать фотокамеры.

Пауэрсу выдали обычный спасательный набор, в который входила надувная лодка, комплект топографических карт Европейской части СССР, спички, сигнальные ракеты, фонарик, компас, пила, удочка, нож и полуавтоматический пистолет с глушителем, к нему прилагалось 200 патронов.

После того как Пауэрс надел свой костюм и белый шлем с номером 29, полковник Шелтон дал ему еще несколько вещей «на всякий случай».

Это были: 7500 рублей, несколько французских золотых монет, завернутых в целлофан, что позже было описано Хрущевым как «типично американская упаковка», немецкая и итальянская валюта, золотые часы и семь женских золотых колец. (Хрущев потом с иронией спрашивал: «Что он собирался делать со всем этим в стратосфере? Может быть, ему было приказано подняться еще выше, на Марс, и там совращать марсианок?») (Смех и аплодисменты членов Верховного Совета СССР).

В качестве последней меры предосторожности Шелтон дал Пауэрсу капсулу с ядом. При этом сказал: «Никакой опасности нет, потому что ни один русский самолет или ракета не может подняться на высоту твоего полета. Но если что-нибудь случится, тебя возьмут в плен и будут пытаться, можно воспользоваться этой капсулой».

Пауэрсу рассказали и о взрывчатке, которую он должен был привести в действие, перед тем как покинуть самолет с парашютом. Он, кажется, не получал конкретных указаний на тот случай, если его захватят. Государственный департамент заявил после его ареста, что «самоубийство было только одним из нескольких вариантов». Пауэрс выбрал свой вариант.

Позывным пилота стал «Паппи 68», ему сказали, что на связь над территорией СССР можно выходить только в случае непредвиденной ситуации. Над территорией Норвегии позывной должен был предупредить базу Будё о скорой посадке. Его предупредили, что на всем протяжении полета за ним будут наблюдать станции слежения союзных стран, которые также будут получать данные о радиолокационных станциях Советского Союза.

Утром 1 мая, в 4.30 по московскому времени, Фрэнсис Гэри Пауэрс, испытывая страх, отправился в полет, который был описан ему как «обычный» и которому суждено было стать одним из наиболее сенсационных моментов холодной войны. Полет должен был занять не более восьми часов, и Пауэрс полагал, что будет обедать в Норвегии.

Первый участок полета, от Пешавара до советской границы, занял один час, самолет летел на крейсерской высоте более 60000 футов (18 км). Как только он пересек границу СССР, за ним начали наблюдать станции АНБ, следили все то время, пока самолет находился над территорией Советского Союза. У-2 засекли и на советских станциях. Были подняты по тревоге все подразделения войск ПВО и истребителей, которые находились на возможном пути следования самолета. Подлетая уже к первой цели, Пауэрс понял, что из-за плохой погоды ему с трудом удастся сохранить верный курс, а также включать камеры в нужных местах. Большая часть его маршрута была скрыта облаками, и он не мог ориентироваться по земле.

Около Свердловска Пауэрс почувствовал мощный толчок, как будто от удара, а оранжевая вспышка у хвоста самолета известила его о том, что с ним случилась основная неприятность, подстерегавшая пилота У-2, — срыв пламени. Срыв пламени сопровождался звуком взрыва.

Пауэрс отправил в Будё свой позывной, извещая о нестандартной ситуации. Двигатель У-2 заглох в самое неподходящее время, когда пилот приближался к своей

основной цели. Он снизил высоту полета, надеясь на то, что богатый кислородом воздух вернет двигатель к жизни. В это время он был в двадцати милях от Свердловска, промышленного города, возле которого располагались части войск ПВО, имевшие на вооружении противовоздушные ракеты. Поскольку двигатель не запускался, Пауэрс опустил на высоту 30000 футов (10 км), и в это время вокруг самолета начали разрываться ракеты. Американские станции слежения потеряли У-2 на этой высоте, и считается, что именно в этот момент одна из ракет повредила самолет, хотя на его обломках нет свидетельства прямого попадания.

Это был не первый случай, когда программа полетов У-2 оказывалась на грани рассекречивания. Есть сведения, которые, однако, никем не подтверждаются, что по крайней мере один пилот, чей У-2 был засечен в чужом воздушном пространстве, нажал кнопку уничтожения, взорвав себя вместе с самолетом. Эти сведения говорят только о том, что часовой механизм на взрывчатке не работал, и уничтожение самолета подразумевало и уничтожение пилота. Кроме того, русский эксперт, выступавший на суде над Пауэрсом, сказал, что «невозможно было установить время взрыва, так как в обломках не было обнаружено никаких следов часового механизма».

В протоколе выступления Госсекретаря Гертера перед Комиссией по международным отношениям вычеркнуты его замечания о потерях У-2. (В о п р о с. Были ли потери самолетов при подобных условиях до 1 мая? Г е р т е р. (вычеркнуто) Не над территорией Советского Союза.)

В любом случае, Пауэрс получил однозначное приказание взорвать самолет, но нарушил этот приказ. На суде он объяснял: «Я не мог воспользоваться катапультной из-за нарастающего давления падающего самолета. Я помню, что я был на высоте 30000 футов (10 км), когда понял это. Я открыл кабину и ослабил ремни. Центробежная сила была так велика, что половина моего тела оказалась прижатой к приборной доске, а другая уже была снаружи. Я забыл отсоединить кислородные шланги, и они мешали мне выбраться. Парашют открылся автоматически, как только я покинул самолет. В это время я был на высоте 14000 футов (4,2 км)». Пауэрс сказал, что он может опре-

делить высоту так точно потому, что его парашют был настроен именно на эту высоту.

Советская сторона настаивала, что самолет Пауэрса был сбит на высоте 68000 футов (20 км). Хрущев неоднократно заострял на этом внимание, а на суде главный прокурор СССР Роман Руденко, известный своей пронизательностью во время допросов, сделал все возможное, чтобы убедить людей в правильности советской версии. Сам Пауэрс высказывался по этому поводу довольно неясно. Он не противоречил советскому прокурору, заявляя, что был сбит на меньшей высоте, но и сам не сказал, что ракета поразила У-2 именно на высоте 20 км.

Р у д е н к о. На какой высоте был Ваш самолет во время попадания ракеты?

П а у э р с. На максимальной — 68000 футов».

Существует огромная разница между утверждением и выводом. Позже Руденко задал тот же вопрос еще раз, «для прояснения». Ответ Пауэрса был другим. .

В о п р о с. Именно на этой высоте, 68000 тысяч футов, Вас и сбила советская ракета?

О т в е т. На этой высоте в самолет что-то попало.

В о п р о с. Вы сказали, что в Вас что-то попало?

О т в е т. Да, но я не знаю, что это было. Я не видел.

В о п р о с. Но высота была эта?

О т в е т. Да».

Затем Руденко зачитал доклад майора Воронова, командира установки, сбившей У-2: «Когда самолет вошел в зону поражения на высоте более 20 км (около 68000 футов), была выпущена одна ракета, которая и уничтожила цель. Попадание в цель было зафиксировано приборами, а несколько позже и на постах визуального наблюдения заметили падающие обломки и парашютиста. О результатах запуска было доложено командованию, и были приняты меры по задержанию пилота».

Доклад майора, выразительно прочитанный Руденко, был прекрасной пропагандой силы советских ракет, которые могли поразить цель на высоте 68000 футов с первого запуска. Эксперты, однако, не доверяют теории об одном запуске, отмечая, что зенитные ракеты запускаются не по

одной, а залпом. С технической точки зрения, тот факт, что У-2 был сбит на высоте полета, не представляется невозможным. В США есть ракеты класса «Найк-Геркулес», которые могут поразить цель на высоте 100000 футов (30 км). Более старая модель, «Найк-Аякс», может поражать цель на высоте 70000 футов (21 км). В Советском Союзе тоже есть такие ракеты, и вполне возможно, что ими и был сбит самолет Пауэрса. Но остается фактом, то что Пауэрс сообщил на базу о срыве пламени, то что за его самолетом наблюдали до того момента, как он снизился до высоты 30000 футов (10 км), а также то, что обломки самолета были настолько в хорошем состоянии, что русские даже боялись их показывать.

Фальшивые обломки У-2, сначала показанные русскими, были обломками самолета Ту-104, потерпевшего катастрофу под Свердловском тремя месяцами раньше. В катастрофе погибли члены официальной китайской делегации. Конструктор У-2 Джонсон уличил на фотографиях подделку, указав на разницу между тяжелыми обломками самолета и легкой конструкцией У-2. Позднее обломки настоящего У-2 были выставлены на обозрение в московском парке имени Горького. Большинство разведывательного оборудования было не повреждено, не пострадала и хвостовая часть, за исключением отсутствия руля направления. Больше всего повреждений было на крыльях. Американские эксперты, видевшие обломки, утверждали, что крылья были отделены от самолета уже на земле.

Желание советской стороны доказать, что самолет Пауэрса был сбит на высоте 20 км, было снова продемонстрировано уже после суда над ним. Отец пилота, Оливер Пауэрс, присутствовавший на суде, сказал в Нью-Йорке, что он пришел к выводу, что его сына вообще не сбивали. Через несколько недель газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала письмо, якобы написанное Пауэрсом, в котором он опровергал сказанное своим отцом:

«Очевидно, отец неправильно понял ответы, которые я давал на вопросы, задававшие мне на суде. Я хотел бы прояснить это недоразумение, сказав, что, хотя я и не видел предмета, вызвавшего взрыв, я уверен, что это не был взрыв самолета. Показания всех приборов в кабине были в пределах нормы до того момента, когда я почувствовал и услышал

взрыв. Когда я оглянулся, я увидел оранжевую вспышку. Я не могу быть полностью уверен, но я полагаю, что взрыв произошел сзади и справа от самолета. Я не почувствовал какого-либо удара о самолет, поэтому я полагаю, что повреждения были вызваны взрывной волной».

Может быть, это письмо не было инициативой Пауэрса, а он только расписался под документом, подготовленным в интересах советской пропаганды.

Гораздо ближе к истине тот факт, что в 8.30 утра майор Воронов и его отделение, состоявшее из восьми человек, находились в актовом зале военной базы под Свердловском. В это время раздался сигнал тревоги. Вскоре был замечен У-2, и из Кремля поступил приказ открыть огонь. Отделение открыло огонь в 8.53, и взрыв одной из ракет скорее всего нанес повреждения падающему самолету. Позднее всему подразделению были вручены ордена Красного Знамени.

Когда Пауэрс выпрыгивал из самолета на высоте 4 километров, то совершал первый в своей жизни прыжок с парашютом. Он неумело приземлился на спину на берегу ручья, миновав, к счастью, линию высоковольтной передачи. Он приземлился на территории совхоза, в двадцати милях от Свердловска. Работники совхоза, слышавшие взрывы, увидели спускающегося Пауэрса и подобрали его, когда он приземлился.

Один из них, Владимир Сурин, сказал, что услышал шум во время завтрака. В небе он увидел белый дым, а позже заметил «белый круг, который опускался все ниже и ниже, белый зонт с черной фигурой под ним». Леонид Чужакин, работавший в совхозе водителем, присоединился к Сурину, и они отправились к тому месту, где должен был приземлиться Пауэрс. Сурин вспоминал: «В этом месте поля, лес и река. Мы боялись, что он упадет на провода». Когда Пауэрс приземлился, там было уже 6-7 человек. Один из них, ветеран ВВС, помог Пауэрсу свернуть парашют. Остальные помогли пилоту встать на ноги и сняли с него большой шлем. У Пауэрса был кровоподтек на лице и небольшая царапина на лодыжке; в целом, он не пострадал.

Частью его экипировки был шелковый шарф с надписями на четырнадцати языках, включая русский, с помо-

щью которого Пауэрс мог выражать такие мысли, как: «Вы получите вознаграждение, если поможете мне». У него также были деньги, нож, пистолет и капсула с ядом. Он, однако, ничем этим не воспользовался, сказав вместо этого, по словам одного из крестьян, «какую-то фразу на непонятном языке».

Сурин вспоминал: «Мы спросили его, кто он, но он не ответил. Мы поняли, что он иностранец. Это встревожило нас, и Анатолий Черемисин забрал пистолет, висевший у него на поясе. Знаками мы спросили его, один ли он. Он ответил, тоже знаками, что он был один. Поняв это, мы решили задержать его». Позже Сурин говорил: «Когда мы узнали, кем он был, мы удивились нахальству империалистов».

Рабочие посадили Пауэрса в машину и повезли в правление совхоза. Пауэрс жестами показал, что хочет пить, и задержавшие его попросили какую-то женщину принести воды. Ему задавали вопросы на немецком, но он их не понимал и качал головой. Никто из русских не говорил по-английски, и в тот же день Пауэрса доставили в Москву, где он был допрошен на Лубянке. В то же время были собраны обломки У-2, которые, как сообщается, были разбросаны на территории 12 квадратных миль (19 кв. км). Они были доставлены в Москву, чтобы Пауэрс мог опознать их.

В Москве тем временем было в полном разгаре празднование 1 Мая. На Красной площади шел четырехчасовой парад. С трибуны Мавзолея проходивших военных приветствовал Н. С. Хрущев. Он аплодировал, когда мимо трибуны проезжали тягачи с ракетами, и громко смеялся, когда в небо были выпущены воздушные шары с надписью «Мир».

Кроме Хрущева на трибуне стояли Р. В. Малиновский, министр обороны, К. Е. Ворошилов и почетный гость Отто Гротеволь, руководитель ГДР. Малиновский опоздал к началу парада, но в качестве извинения принес новости, которые не мог не сообщить Хрущеву. Он сказал, что был сбит американский самолет-разведчик У-2, а его пилот взят в плен. После этого Малиновский выступил с заранее подготовленной речью о бдительности.

Пауэрс признал свою вину. В обвинительном акте, составленном главой КГБ А. Н. Шелепиным, отмечается,

что Пауэрс сказал следующее: «Я признаю свою вину в том, что я летел над территорией СССР, а над местами, обозначенными на карте, включал специальное оборудование, установленное на моем самолете. Я полагаю, что это делалось с целью сбора разведывательных данных о Советском Союзе».

Дежурившие на базе Будё члены отряда «10/10» знали, что с самолетом Пауэрса что-то произошло, но в Вашингтон ничего не сообщали вплоть до полудня, когда в самолете Пауэрса должно было кончиться горючее. Из-за задержки по времени Даллес узнал об исчезновении самолета практически в то время, когда об У-2 узнал Хрущев. Поскольку инцидент прямым образом касался ЦРУ, не объявлялось ни о пропаже самолета, ни о самом полете.

В Вашингтоне о пропаже самолета были извещены все министерства, имевшие к этому отношение. Было воскресенье, поэтому потребовалось довольно много времени, чтобы найти часть руководителей. Первыми об исчезновении узнали Даллес, Гейтс и Хью Л. Драйден, заместитель директора НАСА.

Они решили ничего не предпринимать, но тем не менее приготовили подходящую историю. В то время президент Эйзенхауэр был на своей ферме в Геттисберге. Госсекретарь Гертер был в Стамбуле на встрече руководителей стран-участниц НАТО. У него были свои проблемы, так как студенческие волнения в городе достигли такой степени, что 3 мая там было введено военное положение.

В 5.30 утра 2 мая Барбару Пауэрс разбудили друзья, которые сказали: «У нас плохие новости. Пропал Гэри. Мы отправили поисковые самолеты, но ничего не нашли». Барбара упала в обморок, и ей потребовалась помощь врача. Ей посоветовали вернуться в Соединенные Штаты. Когда начался скандал, она была у себя дома в Джорджии.

События следующей недели были похожи на шахматную партию, разыгранную главами двух сильнейших государств мира. В этом классическом примере кригшпиля Хрущев начал с итальянской атаки, расположив фигуры так, чтобы контролировать ключевые клетки доски. Эйзенхауэр начал игру с защиты, поскольку у русских были самолет и летчик, а США об этом не знали. Оказавшись в более выгодной позиции, Хрущев начал расставлять ловушку. 5 мая он сделал заявление, в котором сказал, что

советские войска сбили американский самолет, не указывая при этом место, где он был сбит, и не говоря о судьбе пилота. Эти недомолвки были приправлены обилием обвинений против «воинствующих империалистов».

Президент сделал ход слишком быстро и попал в ловушку. Обнародование заведомо ложной истории было похоже на попытку закрыться в замке, защищая свою жизнь.

Когда инцидент с У-2 стал международным скандалом, в игру вступил Государственный департамент. Пресс-секретарь Госдепартамента Линкольн Уайт повторил версию НАСА от 3 мая, в которой говорилось о пропаже исследовательского самолета, базировавшегося в Адане. Упоминалось также, что пилот сообщал о проблемах с подачей кислорода и о том, что самолет «мог случайно нарушить воздушное пространство СССР». В это время НАСА обнародовала данные о программе по изучению погоды, о количестве У-2, занятых в ней, и о маршрутах, пролежавших над Турцией. Эта искренность должна была смягчить подозрения и снять секретность с У-2.

5 мая, в четверг, от американского посла в Москве поступило сообщение, которое давало Госдепартаменту повод для изменения политики. Томпсон сообщал, что пилот сбитого У-2 арестован, но сам летчик не пострадал. Однако, даже получив это сообщение, Соединенные Штаты продолжали придерживаться своей версии.

7 мая Хрущев сделал ход, которым намеревался поставить американцам мат. На заседании Верховного Совета СССР он сказал: «Товарищи! Я должен открыть вам секрет. Во время своего доклада я намеренно опустил тот факт, что в наших руках находится пилот и обломки самолета. Это было сделано намеренно, так как, если бы мы рассказали все сразу, американцы бы выдумали другую историю». Затем Хрущев рассказал об У-2 все, что стало известно от Пауэрса.

Однако в самый разгар скандала Хрущев сделал удивительную вещь — вместо того, чтобы завершить игру, он продолжил ее, предоставив президенту Эйзенхауэру возможность оградить себя от скандала. Думал ли Хрущев в тот момент о предстоящей встрече на высшем уровне? Или он пытался дискредитировать Эйзенхауэра тем, что военные действовали без его разрешения? Какими бы ни были

причины, побудившие Хрущева сделать это заявление, он признал возможность того, что президент мог и не знать о полетах самолета-разведчика:

«Я готов поверить в то, что президент мог и не знать о запуске самолета, который не вернулся. Но это должно волновать нас еще больше».

Это великодушие давало Эйзенхауэру возможность окончить игру гамбитом. В шахматах этот термин обозначает положение, когда игрок, находящийся в невыгодных условиях, жертвует одной из фигур, обычно пешкой или конем, для получения более выгодной позиции. Хрущев предоставил Эйзенхауэру возможность заявить, что он не знал о проведении полетов, что позволило бы президенту участвовать во встрече на высшем уровне без груза обломков У-2. Но цена такого заявления была слишком высока, на что, возможно, и была рассчитана щедрость Хрущева.

Ценой могла быть отставка Даллеса, именно он должен был стать фигурой, которой нужно было пожертвовать в гамбите для продолжения игры. Ведь если бы оказалось, что президент не знал о полетах и Даллес действовал по своей инициативе, то ему пришлось бы уйти.

Даллес был согласен на этот шаг, но Эйзенхауэр не хотел терять его. Решение, принятое президентом, было очень смелым, потому что он стал первым в мировой истории главой государства, взявшим на себя всю ответственность за шпионаж.

Этим шагом он вызвал на себя огонь яростных атак со стороны Хрущева и вопросов конгрессменов, не понимавших, зачем президент взял всю ответственность на себя.

Заявлений об ответственности президента было сделано два, чтобы избежать дальнейшего непонимания. Гертер говорил 9 мая: «Согласно закону о национальной безопасности от 1947 года, президент после вступления в должность отдал распоряжение начать сбор любой информации, полезной для защиты США и свободного мира от внезапного нападения. Согласно этим распоряжениям, были разработаны программы, включавшие в себя широкое применение воздушной разведки невооруженными гражданскими самолетами. Разведка обычно носила периферийный характер, и лишь иногда осуществлялось проникновение в воздушное пространство другого государства».

Через два дня сам президент сказал в своем выступле-

нии: «Как уже было сказано Государственным секретарем Гертером, с момента принятия мной полномочий президента я издал ряд распоряжений, направленных на сбор всей возможной информации, необходимой для защиты США и свободного мира от внезапного нападения».

Таким образом, президент фактически признал, что шпионаж стал национальной, хотя и «неприятной», политикой. Парадоксально, что Соединенные Штаты, которые последними признали необходимость шпионажа, благодаря искренности Эйзенхауэра стали первой страной, узаконившей то, что раньше считалось неофициальной стороной внешней политики.

11 мая, в день, когда состоялась пресс-конференция президента, в парке имени Горького, где были выставлены обломки У-2, выступил Хрущев. Он был в ярости от признания президента: «Этот план был одобрен президентом. Это просто неслыханно! После этого они ждут, что я скажу, что они хорошие люди! Сказать такое, значит, проявить неуважение к себе. Я бы сказал, что своими словами господин Гертер сорвал с империалистической политики США все то, чем она прикрывалась. В своей речи он обнажил клыки империализма».

В конгрессе царило замешательство. Гертеру пришлось отвечать на вопросы сенатора Фулбрайта, председателя Комиссии по международным отношениям:

«В о п р о с. Является ли публичное признание в ответственности за шпионаж общепринятой практикой в странах мира?

О т в е т. Нет, я полагаю, что в течение долгого времени общепринятой практикой было отрицание любой ответственности.

В о п р о с. Знакомы ли Вам прецеденты того, что глава государства берет на себя личную ответственность за разведывательную деятельность?

О т в е т. Нет, мне не знакомы подобные прецеденты. Вполне возможно, что они были. С другой стороны, я хотел бы отметить, господин председатель, что этот инцидент носит необычный характер».

Общественность также была озадачена тем, что президент взял вину за шпионаж на себя. Возможно, лучшим

примером, говорящим о реакции людей на это признание, был следующий:

«Однажды шестнадцатилетняя школьница пришла домой после уроков и сказала: «Мы сегодня обсуждали инцидент с У-2, но никто не смог объяснить, почему президент взял вину на себя».

Ее отец, простой человек, ответил: «Представь себе вот что. Ты живешь в хорошем районе, а в нескольких кварталах от тебя живет человек, с которым ты не ладишь. У вас ни на что нет общего взгляда. Все, что он делает, он делает неправильно. Иногда он тебя так злит, что ты мочишься на его лужайку. Однажды он застает тебя как раз за этим делом. Ты можешь одеться и притвориться, что просто проходила мимо, или просто убежать. Но вместо этого ты говоришь: «Я мочусь на твою лужайку и буду делать это тогда, когда захочу».

Дочь все это выслушала и сказала: «Это неплохая история, папа, но я все равно не смогу это объяснить».

Если мы подведем итог инцидента с У-2, то узнаем, что ЦРУ вышло из своего первого большого кризиса без потерь. Аллен Даллес никак не комментировал публикации об У-2, а протокол его выступления в сенате подвергся цензуре. Через полгода после катастрофы самолета его деятельность была поддержана администрацией президента Кеннеди. Уход А. Даллеса из ЦРУ никак не был связан с инцидентом с У-2. Русским также стало понятно, что США не собираются сидеть сложа руки, в то время когда их государственные секреты похищаются армией шпионов, ограниченных только собственной инициативой.

С другой стороны, У-2 стал главным фактором, сохранившим встречу руководителей двух стран. Президент Эйзенхауэр признал враждебность обстановки, сложившейся после всех событий, уже 6 мая, когда на вопрос журналиста о предстоящем визите в СССР он ответил: «Если я поеду». Как оказалось, он туда не поехал...

Макмиллан, де Голль и Эйзенхауэр прибыли на встречу на высшем уровне как люди доброй воли, однако они ни на что не надеялись. Атмосфера была напряженной с самого начала. Хрущев, у которого в «запасе» был У-2, не преминул воспользоваться им. Его первыми словами 16

мая, во время открытия встречи, были: «Как всем известно, недавно военно-воздушные силы США предприняли действия, носившие провокационный характер по отношению к СССР». После этого он потребовал, чтобы Эйзенхауэр «осудил действия ВВС» и «отказался от подобных шагов в будущем». «Само собой разумеется, — продолжил Хрущев, — что, если правительство США согласится с этим, должны быть наказаны непосредственные виновники намеренного нарушения воздушного пространства СССР американским самолетом». Однако само собой подразумевалось и то, что ни один здравомыслящий глава государства не мог согласиться с подобными требованиями, и на этом встреча на высшем уровне закончилась.

Несколько дней спустя Чарльз Болен, специальный советник президента по вопросам СССР, провел эксклюзивную пресс-конференцию по итогам встречи. Он согласился с тем, что У-2 был одной из трех причин, из-за которых была сорвана встреча на высшем уровне. Второй причиной, по его словам, стали противоречия, существовавшие в Москве, которые побудили Хрущева занять твердую позицию. Третьей причиной стала уверенность советского руководителя в том, что ему не удастся урегулировать берлинский вопрос в свою пользу, поэтому он решил, что срыв переговоров не будет большой потерей для Советского Союза.

Неудача переговоров на высшем уровне ознаменовала собой окончание первой фазы инцидента с У-2, советская сторона торжествовала, а американцы зализывали раны. Советский Союз, желавший выгодно использовать сложившуюся ситуацию в целях пропаганды, готовил грандиозный суд над Пауэрсом.

Летчика, находившегося в тюрьме на Лубянке, содержали очень хорошо. В письмах жене, на которых стоял обратный адрес: ул. Дзержинского, 2, он говорил, что с ним «обращаются гораздо лучше, чем он ожидал». Из его писем можно сделать вывод, что с ним обходились, как с туристом, а не как с заключенным. Пауэрс писал: «2 мая меня возили на экскурсию по Москве. Я в восторге. Эти люди действительно гордятся своей столицей».

Об условиях своего «быта» он писал: «Есть мне дают больше, чем я съедаю, я много сплю... Я все еще много

кую. Кстати, сигареты здесь довольно хорошие... Я гуляю каждый день, если не идет дождь. Однажды я даже загорал. До этого было слишком прохладно».

Пауэрсу также позволили осмотреть обломки его самолета. Выставка открылась в парке имени Горького 11 мая, она изобиловала обычными приемами советской пропаганды. Начало ее совпало с открытием финской выставки сельскохозяйственной техники и мебели, чем русские как бы подчеркивали огромный контраст между «мирной» экспозицией Финляндии и останками У-2. «Правда» писала: «Разница очевидна, и она явно не в пользу Америки».

Когда около 500 журналистов вошли в павильон, они встретили там пожилого мужчину, на гражданском костюме которого «совершенно случайно» был ряд орденов и медалей. «Меня зовут Александр Сергейчук, — сказал он. — Я знаю, что такое война, и я не понимаю, как американцы могут на каждом шагу кричать о мире и искренности и одновременно посылать к нам таких бандитов, как Пауэрс. Я простой советский человек и не понимаю, как эти люди могли пасть так низко и чего в этом случае стоит их мораль».

На выставке были представлены поврежденные крылья самолета, на которых не было обозначений, костюм и шлем Пауэрса, магнитофон, включенный советским техником, чтобы посетители могли услышать звуковые сигналы, карты, фотографии и другие документы. Не были выставлены ни пистолет, ни капсула с ядом, ни иностранная валюта.

«Американская выставка», как ее называли в городе, была открыта до 5 июля, когда ее перевезли в Дом Союзов, где должен был состояться суд. В парке выставку ежедневно посещало до 10000 человек. Целые школьные классы ходили посмотреть на «американский самолет». В книге отзывов для посетителей практически не было добрых слов о пилоте и самолете, зато часто встречались такие слова, как «смерть империализму», «что вы за друзья?», «волк в овечьей шкуре».

18 июля, через два с половиной месяца после задержания, Пауэрсу предъявили обвинение в шпионаже и объявили, что он предстанет перед судом 17 августа. 9 августа он признал себя виновным по всем пунктам обвинитель-

ного акта и в тот день писал своей жене: «Мне назначили русского адвоката, и я уверен, что он сделает все, что будет в его силах».

В этом письме он также сообщал: «Я по-прежнему гуляю каждый день и уже хорошо загорел. Сейчас я читаю «Унесенные ветром», мне эта книга очень нравится. Не знаю, почему я не прочитал ее раньше. Мне также дали Библию, которую я читаю каждый день. Я полюбил вечера, потому что с приходом ночи мне остается ждать все меньше дней. Раньше я не любил это время суток, потому что это значило, что я стал на день старше».

День начала суда, 17 августа, совпал с днем рождения Пауэрса. Ему исполнился тридцать один год. Открытие заседания было больше похоже на премьеру в опере, а не на судебный процесс. Американцы могли бы продемонстрировать подобную роскошь только в том случае, если бы суд над Абелем состоялся в Карнеги-холл.

Дом Союзов — дворец XVIII века, находящийся в центре Москвы, недалеко от Большого театра. Он был построен царями как концертный зал, в нем играли Лист, Чайковский, Рахманинов. Революция положила конец царским концертам, и здание стало использоваться в государственных целях — в нем, в частности, проводится ежегодный бал студентов Московского государственного университета. Дом Союзов также используется как здание, связанное с памятью советских руководителей — в нем прощались с Лениным и Сталиным.

Самый красивый зал Дома — Колонный, с двенадцатиметровых потолков которого свисают хрустальные люстры с лампочками в форме свечей. В конце Колонного зала стоял помост высотой больше метра, на нем были высокие стулья для трех судей. Над ними, словно дамоклов меч, висели огромные серп и молот. Пауэрс, входивший и выходивший через боковую дверь, охранявшуюся двумя военными, сидел слева от судей. На возвышении, где сидели судьи, стояло шесть ящиков, в них лежала часть экспонатов выставки, включая оранжевый парашют Пауэрса.

В первых рядах зала сидели журналисты и важные гости. Около каждого места для журналистов были наушники, с помощью которых можно было услышать перевод процесса на французский, немецкий и английский языки.

Вне зала стояли телефоны, печатные машинки. Процесс проходил на втором этаже, а на первом был буфет, здесь продавали шампанское, напитки, бутерброды с икрой и ветчиной. В холле можно было купить книги и журналы. Толпы народа хотели увидеть это представление, их сдерживала милиция, окружившая здание металлической оградой. Советское телевидение снимало все важные сцены. Перед началом заседаний и после каждого перерыва звенел звонок.

Часть гостей прибывала в лимузинах. В первый день приехала жена Пауэрса, которую сопровождали мать, врач и два адвоката. Родители Пауэрса были в другой машине. Семье Пауэрса предложили лучшие места в зале.

Суд был очень быстрым — с 17 по 19 августа. Среди 2200 гостей были и стенографисты — несколько журналистов видели Гая Берджесса, английского перебежчика. Он, по-видимому, готовил пространное изложение процесса, которое впоследствии было выпущено в свет советским издательством «Иностранные языки».

Хотя исход суда был predetermined (единственным сюрпризом оказался мягкий приговор Пауэрсу), вокруг него сложилась драматическая атмосфера.

К этому, вероятно, имело отношение огромное количество декораций, которыми был обставлен этот процесс. Но настоящая драма заключалась в присутствии Пауэрса, одетого в русский двубортный костюм, который был ему на два размера больше. Он тихо отвечал на все вопросы почти кричащего Руденко.

Пауэрс в глазах русских был представителем великой нации, чьей «агрессивной политики» их учили бояться. Везде неоднократно говорилось, что Советский Союз судит Соединенные Штаты, а Пауэрс был только инструментом и жертвой холодной войны. Человек, сидевший на скамье подсудимых и отвечавший на вопросы с помощью переводчика, был, возможно, плохо подготовлен для выполнения такой важной задачи. Чтобы придать этому процессу больший пропагандистский оттенок, русским пришлось преувеличивать Пауэрса как личность, а произошедшее с ним — как личную драму человека, захваченного в момент кризиса, о котором сам он не подозревал. Он мог гордиться тем, что его судили в государстве, где личность обычно не представляла собой ценности. Во

время суда русские оказались в парадоксальной ситуации: — слишком увлекшись идеей судить страну, а не человека, они как бы давали тем самым возможность Пауэрсу самому решить свою судьбу. То, что он, по мнению многих людей, сделал неправильный выбор, не принижает достоинства человека, боровшегося против государства, судившего его.

Голос Пауэрса в те моменты, когда он отвечал на вопросы Руденко, был бесстрастным. Нейтральными были и его ответы. Тактика, которой Пауэрс придерживался по совету своего адвоката Михаила Гринева, заключалась в том, что он должен был проявлять отзывчивость и в то же время отрицать свое знание о разведывательной миссии своего полета. Он должен был представить себя роботом, который только нажимал кнопки и пилотировал самолет, не задавая вопросов о своем задании. Руденко спросил его, какие инструкции он получил относительно оборудования для воздушной разведки:

О т в е т. Я не получал никаких специальных инструкций по использованию оборудования. Я должен был включать и выключать его в районах, указанных на карте.

В о п р о с. С какой целью Вы включали оборудование?

О т в е т. Мне было приказано делать это. На карте были обозначены районы, в которых нужно было включать оборудование.

В о п р о с. Подсудимый Пауэрс, Вы знаете причину, по которой Вы включали и выключали оборудование самолета?

О т в е т. Я мог только догадываться об этом. Чтобы сказать точнее, я не знал.

В о п р о с. На Вашем самолете были обнаружены магнитофонные записи сигналов советских радиолокационных станций. Это верно?

О т в е т. Мне так сказали, но я не знаю. В любом случае, я не знаю, как выглядит большая часть оборудования, кроме того, что я увидел здесь».

Послушное безразличие Пауэрса выразилось еще раз, когда его снова спрашивали о полученных указаниях:

«В о п р о с. Здесь и во время следствия Вы сказали, что включали и выключали оборудование в конкретных точках, не так ли?

О т в е т. Я делал то, что было отмечено на карте.

В о п р о с. Не зная, чем именно был специальный аппарат?

О т в е т. Я никогда не видел сам аппарат.

В о п р о с. Вы с такой же легкостью сбросили бы атомную бомбу?

О т в е т. Вполне возможно, но этот тип самолета не предназначен для несения подобного оружия. *(В протоколе суда говорится, что эти слова Пауэрса вызвали раздражение присутствующих)*».

Во время процесса Пауэрс возражал только один раз, когда Руденко пытался связать с воздушной разведкой Фрэнсиса Спеллмана. Пауэрс сказал, что Спеллман приезжал на военную базу в Турции, поэтому Руденко спросил: «Он тоже интересуется военными базами?»

«Он духовное лицо, — ответил Пауэрс. — Я бы сказал, что он заинтересован в военном персонале, а не в базах».

«Именно этот персонал и занимается воздушной разведкой», — заметил Руденко.

Когда Пауэрсу задавал вопросы адвокат, он изо всех сил старался отдалить себя от своей работы и страны:

«В о п р о с. Вы принимали участие в политической жизни своей страны? Состоите ли Вы в какой-нибудь партии?

О т в е т. Нет, я никогда не был членом партии, я не принимаю участия в политической жизни, я даже никогда не голосовал. *(Оживление в зале. Русским явно не понравилось отсутствие политических симпатий.)*

В о п р о с. Что побудило Вас начать работать на ЦРУ? Вы согласились по собственной инициативе?

О т в е т. Нет, мне ее предложили. Когда заканчивался срок моей службы в ВВС, я хотел стать пилотом гражданских авиалиний, но не подошел по возрасту. Поэтому, когда мне предложили работу с заработной платой, как у старшего пилота коммерческой авиакомпании, я решил, что мне повезло».

Пауэрс настаивал на том, что он не знал, какое оборудование стоит на его самолете, что ему никогда не сообщали о результатах полетов и что он, отправляясь в полет, подчинялся приказам.

«В о п р о с. Вы могли отказаться от этого задания?

О т в е т. Нет. Это был приказ. В противном случае меня считали бы трусом, и, кроме того, это означало бы разрыв моего контракта».

Затем Пауэрс попытался искупить свои грехи:

«В о п р о с. Как Вы сейчас относитесь к своей работе в ЦРУ? *(Оживление в зале)* Вы понимаете, насколько опасен был ваш полет?

О т в е т. Да, я сейчас понимаю гораздо больше, чем раньше. Сначала я не хотел продлевать контракт. Если бы я мог найти другую работу, я бы этого не сделал. А сейчас я знаю о последствиях таких полетов.

В о п р о с. Вы сказали, что жалеете о том, что продлили контракт. Почему?

О т в е т. Я попал в очень непростую ситуацию. Я полагаю, что именно из-за меня были сорваны переговоры на высшем уровне. В мире выросла напряженность. Мне искренне жаль, что я замешан в этом».

Такое поведение Пауэрса было вознаграждено в заключительной речи Руденко: «У меня есть все основания просить суд приговорить подсудимого Пауэрса к высшей мере наказания. Но, учитывая искреннее раскаяние подсудимого в совершенном им преступлении, я не буду настаивать на вынесении приговора к высшей мере наказания. Я прошу суд приговорить подсудимого Пауэрса к пятнадцати годам лишения свободы».

Но самые грозные осуждения США произносил не Руденко, а Гринев. Лысеющий адвокат, потрясая в гнев очки, защищал Пауэрса, обвиняя во всем его страну. Возможно, что он одновременно защищал и себя от звания «лакея империалистов», которое ему могли дать из-за того, что его клиентом был Пауэрс.

Руденко говорил: «Здесь, на этой скамье подсудимых, должны сидеть и хозяева этого человека, а именно ЦРУ во

главе с Даллесом, американские военные и все силы агрессии, которые стремятся развязать новую мировую войну».

Гринев изображал Пауэрса жертвой «всемогущего доллара... который в самом деле развращает совесть и мораль средних американцев, к которым принадлежит и мой клиент Пауэрс». Он хвалил Пауэрса за то, что тот выпрыгнул из самолета, не взрывая его, и просил суд «принять во внимание то, что Пауэрс не выполнил приказа полковника Шелтона».

Гринев отмечал «правдивость и искренность» показаний Пауэрса и указывал на то, что «в Соединенных Штатах выдача государственных секретов наказывается тюремным заключением сроком до десяти лет или 10 тысячами долларов штрафа. Несмотря на это, Пауэрс дал правдивые показания, вступив, таким образом, в конфликт со своим работодателем. Не случайно и то, что во время следствия подсудимый Пауэрс сказал: «Я знаю, что меня будет судить ваш суд, но, если я вернусь домой, там меня тоже будут судить. Но это меня не беспокоит, потому что я вряд ли вернусь туда».

Гринев просил суд вынести такой приговор, который «стал бы еще одним примером гуманности советского суда, который бы отличался от отношения к Пауэрсу его хозяйина — ЦРУ, реакционной силы, управляющей США, которая отправила его на верную смерть».

Судьи, генерал-лейтенант и два генерал-майора, вынесли мягкий приговор. Председатель суда В. В. Борисоглебский сказал, что суд «принял во внимание искреннее признание Пауэрсом своей вины и его раскаяние в совершенном преступлении». Его приговорили к десяти годам лишения свободы, при этом в тюрьме он должен был провести три года, а срок заключения начинался со дня задержания, то есть с 1 мая 1960 года.

Пауэрса вознаградили за те уступки, на которые он пошел. Он избежал смертной казни, обычного приговора для шпионов, а его десятилетний срок был всего лишь третью того срока, к которому приговорили в 1957 году Абея.

Гринев объяснил своему клиенту, что по советскому Уголовному кодексу после трех лет заключения он будет переведен в «назначенное место жительства». «Назначенное место жительства» — слабо охраняемый трудовой ла-

герь, в котором ему дадут работу по его специальности. Если в деле не будет замечаний, его через три года могут освободить за хорошее поведение. Его жена могла жить с ним.

Вскоре после окончания суда Пауэрс был переведен во Владимир, где находится образцовая советская тюрьма. Камеры этой тюрьмы просторные, а заключенные могут покупать продукты в специальном магазине. Ожидая перевода в трудовой лагерь, Пауэрс работал на тюремной почте.

Летчик был удовлетворен приговором, но ему не понравились яростные атаки его защитника на США. На следующий день после завершения суда русские устроили встречу семьи, во время которой пилот сказал своим родителям, что он был не согласен с тем, что говорил на суде Гринев. Пауэрс добавил: «Я ведь американец».

Встреча семьи, которая состоялась в приемной Лубянки под наблюдением советских журналистов, прошла в напряженной обстановке. Между родителями и женой Пауэрса были довольно плохие отношения. Пауэрса-старшего описывали как человека, готового пойти на все ради своего сына, а его воззвания к Хрущеву как к отцу были тепло приняты в России. Когда родителей Пауэрса пригласили присутствовать на суде, у них возникла финансовая проблема, так как отец был недостаточно богат, чтобы самому ехать в Россию. Он принял предложение журнала «Лайф», который заплатил семье 5 тысяч долларов за эксклюзивный рассказ о ходе процесса и оплатил все расходы на поездку. Барбаре Пауэрс, отвергшей несколько подобных предложений, такое поведение родственников показалось оскорбительным.

В этом деле, уже запятнанном превосходством материальных ценностей над патриотизмом, были признаки того, что даже горе отца было выставлено на продажу. В свою очередь, Барбару критиковали за то, что она передала несколько писем мужа журналу «Ньюсуик», но его руководство не подтвердило того, что журнал заплатил за право опубликовать письма. Разгорелся скандал, и отношения в семье были испорчены задолго до поездки в СССР. В итоге родители Пауэрса отправились в Советский Союз со своими врачами и адвокатами, а Барбара вылетела позже со своими.

Барбара встречалась с мужем несколько раз, но они никогда не оставались наедине. Она говорила, что он потерял в весе и немного нервничал. Пауэрс не знал, какого масштаба достиг инцидент с У-2 в США. Во время их последней встречи, в конце августа, Барбара передала мужу теплые ботинки, белье, меховую шапку и другие вещи, которые могли помочь ему пережить суровую русскую зиму. Фрэнсис сказал ей, что она может раз в месяц присылать ему посылки весом не более 9 кг, он попросил ее, чтобы в каждой посылке были книги. На этой встрече присутствовали журналисты и фотографы.

Окончание процесса не стало окончанием пропаганды. Через неделю в печати появился отклик членов подразделения, сбившего самолет Пауэрса: «Мы удовлетворены вынесенным приговором, и, как и раньше, мы будем бдительно нести свою вахту и улучшать готовность к обороне страны».

В сентябре отрывки процесса показывало советское телевидение так же часто, как и прогноз погоды, а в октябре был показан весь ход суда. И если в России еще остался кто-нибудь, кто не видел репортажей об У-2, то это человек, у которого отсутствуют все органы чувств. В течение нескольких месяцев после окончания суда в России проводились массовые собрания, на которых достаточно было только упомянуть об У-2, чтобы люди начинали скандировать антиамериканские лозунги. «Правда» часто печатала речи выступавших на таких митингах. Их слова не отличаются разнообразием: «необходимо остановить поджигателей войны» (Смекалин, рабочий из Москвы), «империалисты не перестанут потрясать оружием» (Ломов, матрос Тихоокеанского подводного флота), «каждый честный человек негодует по поводу этих действий американских военных» (Иван Топор, тракторист колхоза им. Мичурина Тираспольской области).

Остается непонятным, зачем русские, у которых уже был арестованный пилот, решили поддержать судебный процесс антиамериканской пропагандой. В итоге инцидент с самолетом-разведчиком превратился в дутый сценарий.

Еще одна глава в истории У-2 оказалась практически незамеченной. В авиационных журналах появлялись небольшие заметки, в которых сообщалось: «Все У-2, бази-

рующиеся в Турции, прекратили полеты», «3 самолета У-2 были переведены из Японии в США и сейчас хранятся в ангаре на калифорнийской базе ВВС Эдвардс».

К сентябрю 1960 года исчезла и крикливая злоба Хрущева, который в это время приехал на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. В одном из интервью он прекратил разговор об У-2 следующими словами: «Шпионы всегда были и всегда будут. Мы мягко обошлись с Пауэрсом. Вы казнили Розенбергов, а они не признали свою вину. Пауэрс же получил десять лет, а выйдет он уже через три года».

На деле Хрущев оказался даже лучше, чем на словах. Пауэрс был освобожден менее чем через два года после этого и вернулся в США 10 февраля 1962 года. Его обменяли на полковника Абея*.

* Обмен Пауэрса на Абея состоялся тогда, когда эта книга готовилась к печати. В эпилоге вы найдете описание этого беспрецедентного обмена и драматических событий 10 февраля.

10. НЕУДАЧНЫЙ ГОД ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Британские службы безопасности надолго запомнят 1961 год — год, когда они очень часто оказывались там, где не любят быть, — на первых полосах ежедневных газет. В январе была раскрыта агентурная сеть, похищавшая секретные документы с базы военно-морского флота в Портленде. Этот случай обнажил небрежность в работе отдела безопасности военно-морского флота и неадекватность действий британской контрразведки. В мае был осужден Джордж Блейк, зарубежный агент английской разведки. Его обвиняли в том, что он девять лет работал на Советский Союз. В течение двух лет Блейк служил в Берлине, где имел доступ к информации, которая, по мнению западных спецслужб, во многом определила советскую угрозу этому городу. С помощью связных в ГДР он неоднократно выдавал русским агентов западных стран. Его долгое сотрудничество с советской разведкой нанесло самый серьезный удар по британским спецслужбам после 1956 года, когда на Восток бежали Берджесс и Маклин.

Два этих случая потрясли основы английской безопасности. Создавались специальные комиссии, которые работали над усилением системы отбора кандидатов в органы безопасности. Проработав над этими вопросами шесть месяцев, комиссия Редклиффа рекомендовала предпринять ряд решительных мер по пересмотру деятельности таких учреждений. В эти меры включались: работа квалифицированных психологов, периодические проверки службой безопасности, подробные досье на всех сотрудников, имеющих доступ к секретным материалам, усиление контроля за приемом на службу натурализовавшихся британ-

цев или англичан, родившихся от смешанного брака (в Блейке не было ни капли английской крови).

Общественность Великобритании пробудилась ото сна, узнав, что шпионаж существует не только в дешевых книгах с кинжалом и розами на обложке. В Лондоне несколько лет работали советские агенты, которые вербовали для своих целей слабохарактерных людей.

Кроме этого, оказалось, что почивали на лаврах английские секретные службы, прославившиеся тем, что во время Второй мировой войны организовывали блестящие операции, которые затем ставились в пример подобным службам других стран.

Но неприятнее всего был тот факт, что граждане Великобритании собирали информацию для Советского Союза. Для страны, гордящейся патриотизмом своих жителей, это был самый серьезный удар.

Раскрытие портлендской сети произошло в самое неподходящее для Англии время, когда правительство вело переговоры с США о возможности расширения обмена информацией об атомных разработках в пределах НАТО. Этот случай стал личной трагедией премьер-министра Гарольда Макмиллана («Этот удар слишком силен для меня», — сказал он во время выступления в палате общин.), так как он ослабил его позиции в НАТО.

Макмиллану, возможно, напомнили об англо-американском соглашении 1956 года об обмене информацией об атомных разработках. Президент Эйзенхауэр подписал это соглашение, несмотря на протесты сената, предоставив, таким образом, Великобритании чертежи и светокопии атомной электростанции «Наутилус». Благодаря этой информации в Англии началась работа над атомной подводной лодкой.

Когда соглашение обсуждалось в сенате США, Томас Мюррей, член Комиссии по атомной энергии, сказал, что он не одобряет этот документ «на основании полученной информации, которая говорит о неадекватных действиях английских спецслужб». Сенатор от штата Нью-Мексико Клинтон Андерсон заявил: «Я хочу сказать, что я не против помощи Великобритании всеми возможными способами. Но, помогая Англии, мы должны заботиться о соблюдении настоящей безопасности. Под «настоящей безопасностью» я подразумеваю реаль-

ную защиту военных секретов, а не защиту идей и подобных им понятий».

Возможно, Макмиллан вспомнил слова Андерсона, когда разразился скандал вокруг сети в Портленде. То, как велось это дело, должно было убедить Соединенные Штаты в том, что Великобритания была союзником, которому можно доверять, а не небрежным партнером по НАТО, не умеющим хранить секреты.

Делу придали полную огласку, а сам суд был открытым. Это должно было показать, что не произошло утечки важнейшей информации. Гораздо больше сил понадобилось на то, чтобы показать, что информация, собранная шпионами, была довольно незначительной. Сэр Реджинальд Меннингем Буллер, Генеральный прокурор Великобритании, открывавший слушания по делу, подчеркнул в своей речи:

«Я должен сказать, что особенности работы подсудимых не давали им доступа к секретным материалам об атомных разработках и что нет оснований предполагать, что они могли получить такую информацию и передать ее какому-либо государству».

Макмиллан, выступая в палате общин, подтвердил это высказывание:

«Сейчас не в наших интересах говорить о нанесенном ущербе, но не существует доказательств того, что похищенная информация касалась чего-либо, кроме вооружения нашего военно-морского флота».

Нет оснований предполагать, что была похищена информация, принадлежащая США или любой другой стране-участнице НАТО. Эти шпионы не могли похитить информацию, касающуюся наших разработок в сфере атомной энергии».

В то же время суд должен был показать, что британское правосудие нетерпимо к шпионам. Суровость приговоров казалась, с одной стороны, искуплением за недостатки в системе безопасности, а с другой стороны, средством устрашения. Но, как указала во время суда защита, шпионаж — преступление, в котором метод устрашения практически не действует. Профессиональный агент

понимает, что его рано или поздно раскроют, и время в тюрьме он проводит не за размышлением о своих ошибках. Он считает себя не преступником, потому что он служит своей стране, а жертвой обстоятельств или чьей-либо небрежности.

Приговоры, вынесенные пяти портлендским шпионам, были гораздо суровее приговоров Алану Нанну Мэю и Клаусу Фуксу, которых обвиняли в передаче СССР информации об атомных разработках. Основное противоречие возникло между утверждениями, что они причинили не такой уж большой ущерб, и общим сроком заключения девяносто пять лет, который они получили в результате суда. Но приговоры были своего рода устрашением, а подсудимые, хотя и были виновны, стали пешками в игре внешней политики.

За судом последовало обычное в таких случаях расследование «ошибок», в ходе которого специальные комиссии проверяли работу военно-морской разведки и МИ-5 — английской службы контрразведки.

Но настоящая проверка не начиналась вплоть до того времени, когда разразился скандал вокруг Блейка. В таких случаях слишком часто используется прилагательное «невероятный», но в случае с Джорджем Блейком оно подходит как нельзя лучше. Блейк был признан виновным в шпионаже 3 мая, суд над ним проходил при закрытых дверях, что противопоставляет его процесс шумному делу портлендской агентурной сети. Он был приговорен к сорока двум годам тюремного заключения (по четырнадцать лет за каждый пункт обвинения в нарушении государственных секретов) — самому большому сроку, вынесенному британским судом в нашем веке.

Блейк был прототипом секретного агента — шпиона, занимающего важную должность в своей стране, одновременно работающего на другую державу. Он работал в МИ-6, службе английской внешней разведки, с 1948 года. С 1951 года он работал на советские спецслужбы. Ущерб, причиненный им, был велик. Блейк передавал русским имена английских агентов, работающих в Восточной Германии и других социалистических странах, раскрывал советской стороне имена руководителей МИ-6 и организационные планы этой службы. С помощью этой информации он в течение ряда лет срывал операции британской разведки.

Джорджу Блейку было тридцать восемь лет, когда его признали виновным. Он родился в Голландии, его матерью была голландка Кэтрин Байер Веллан, а отцом — египтянин Альберт Уильям Бехар. Его отец был одним из четырнадцати детей богатого купца испано-еврейского происхождения, поселившегося в Египте. Бехар получил английский паспорт после того, как участвовал в Первой мировой войне в составе британской армии. Он был очень энергичным человеком, пять лет служил во французском Иностранном легионе. Бехар порвал с семьей, женившись на девушке не своего вероисповедания. Их брак распался в 1924 году, когда Джорджу было два года. Ребенок редко видел своего отца и узнал о его смерти в 1936 году. Джордж носил фамилию Бехар до 1944 года, когда он переехал в Великобританию. Его мать и две сестры уехали из Голландии еще в 1940 году, мать в это время была компаньонкой пожилой англичанки. Во время войны она сменила фамилию на Блейк, и Джордж последовал ее примеру.

Смешанное происхождение Блейка стало объектом сардонических замечаний премьер-министра Макмиллана, который сказал, что всех проблем можно было бы избежать, если бы не были пересмотрены ограничения для работы в Министерстве иностранных дел. По старым положениям, отец и мать человека, претендующего на такую работу, должны были быть англичанами. Однако это правило устранило бы не только Блейка, но и самого Макмиллана и даже Уинстона Черчилля, матери которых были американками.

В деле Блейка отмечалось, что, из-за того что ни его отец, ни его мать не были англичанами, а сам он часто менял место жительства, в нем не развилось чувство патриотизма и верности стране, в которой он начал свою необычную карьеру. Начало его жизни было слишком беспокойным, и из-за частых переездов он не полюбил ни одну страну, в которой жил. Не имея четких географических корней, он оказался подвержен доктринам, которые могли, как и он, пересекать границы разных стран. Эту версию родственники Блейка предложили тем, кто пытался разобраться в причинах, толкнувших его к измене.

Джордж жил и учился в Голландии до тринадцати лет, когда им заинтересовалась одна из сестер отца, вышедшая

замуж за египетского банкира. Она предложила оплатить его образование с тем условием, что он должен был жить в Каире. С 1935 по 1939 год Блейк был лишен размеренности жизни средней голландской семьи, познав роскошь довоенного Каира. Именно в Египте Блейк стал изучать английский. На всю жизнь у него остался легкий гортанный акцент, из-за которого его коллеги по Министерству иностранных дел сторонились Джорджа, считая его чело-веком, не получившим должного воспитания в частных школах Англии.

В Египте же у него появилась склонность к фантазии. Его тетя покупала ему экзотические костюмы, в которых он ходил в доме, изображая то арабских принцев, то английских адмиралов. Семейные альбомы Блейка полны фотографий, на которых юный Джордж всегда принимает позу, соответствующую тому костюму, который на нем надет. Его жена вспоминает, что он любил играть в такие игры с сыновьями. Он часто изображал монаха, а сына переодевал певчим. Для большей правдоподобности Блейк всегда включал органную музыку Баха.

В 1939 году Джордж вернулся в Роттердам, где продолжил образование. Когда в 1940 году Германия завоевала Голландию, он был арестован как британский подданный и интернирован. Он смог бежать из лагеря и в восемнадцать лет вступил в ряды Сопротивления. Около года был курьером, наслаждаясь риском того, что было, по сути, его первым шпионским заданием. Узнав, что его мать и сестра добрались до Великобритании, он решил поехать к ним в 1942 году. С помощью фальшивого паспорта пересек Бельгию и попал во Францию, где его приютили монахи-доминиканцы. Блейк пересек границу Испании в Пиренеях, но около Мадрида был задержан полицией. В 1943 году между Великобританией и Испанией было достигнуто соглашение, по которому Испания обязывалась репатриировать английских беженцев. Блейка отправили в Гибралтар, и оттуда он попал в Великобританию. Он вступил в военно-морской флот, но благодаря своему знанию немецкого и фламандского языков был направлен в разведывательный отдел.

Его главной задачей в Управлении специальных операций была работа с голландцами, которых забрасывали в немецкий тыл. Эта работа привлекла внимание голланд-

ского правительства, и в конце войны ему был присвоен рыцарский титул.

Блейк был демобилизован в 1947 году, но он попросил оставить его в гражданской службе разведки. Позднее писали, что «в обычное время он не стал бы и полицейским». Но время не было обычным, и Блейка с радостью приняли в ряды британской разведки, несмотря на его происхождение. Его отправили в Кембридж для прохождения курсов русского языка, и затем он был включен в секретный штат Министерства иностранных дел. Люди, состоящие в секретном штате Министерства, не проходят обычных каналов в своей деятельности, но их задания иногда намного важнее тех, которые получают «легальные» служащие. Однако настоящие руководители Блейка были не в Министерстве, а в МИ-6, которая время от времени поручала ему различные задания. Его имя никогда не упоминалось в списках Министерства иностранных дел, и он не получал официального повышения по службе.

Его первым постом стал пост вице-консула в Сеуле. Он хорошо справлялся с этой работой, много ездил по Корее, ознакомился с жителями этой страны. В 1949 году он предупредил свое руководство, что Северная Корея готовится к нападению, но его информацию не приняли во внимание. Война началась в июне 1950 года. Блейк был арестован на территории посольства вместе с руководителем миссии сэром Вивьеном Холтом. Их и других арестованных дипломатов перевезли в столицу Северной Кореи Пхеньян и поместили в тюрьму. Три года, последовавших за этим, были самыми неприятными, но и самыми важными во всей его жизни.

Люди, знавшие Блейка в это время, помнят его храбрым, энергичным человеком, которого не сломили физические неудобства и постоянная корейская пропаганда.

Он настолько искусно спорил с северокорейским инструктором, который должен был внушить британцам превосходство идей марксизма, что корейца вскоре сменил советский учитель.

Вместе с Блейком в небольшой лачуге жили еще девять англичан. Зимой их регулярно выгоняли на снег и избивали. Летом распространению болезней способствовали жара и вши. И весь год в умы ослабленных, больных пленных вбивалась марксистская пропаганда.

Сокамерник Блейка епископ Сесил Купер вспоминает: «Блейк был очень энергичным человеком. Мы жили благодаря его энтузиазму и мужеству. Блейк всегда спорил с теми, кто пытался внушить нам принципы коммунизма. Он регулярно ходил в церковь, был хорошим дипломатом и прекрасным человеком».

Журналист Филип Дин, находившийся в той же камере, говорил, что Блейк вряд ли мог поддаться идеологической обработке после «ужасной несправедливости», царившей в тюремном лагере. «Издательства над монашками, женщина, которую посадили вместе с девятимесячным ребенком, смех начальника лагеря — неужели мы должны верить, что все это могло убедить такого человека, как Блейк, в том, что коммунисты могут построить более справедливое общество?»

Дин помнит Блейка безобидным мечтателем, который «делал все, чтобы его обманули. В своих мечтах он производил себя в рыцари или епископы, это была игра, но она была довольно серьезной. А предательство вряд ли можно назвать путем к благополучию».

Но предательство стало выходом для Блейка, который через семнадцать месяцев заключения, в ноябре 1951 года, пошел к начальнику лагеря и сказал, что он разделяет идеи коммунизма. Его сокамерники вспоминали, что в это время их должны были перевести в другое место. В ночь перед этим переводом Блейк исчез из лагеря. Через день его вернул начальник охраны, и Блейк сказал, что его поймали при попытке к бегству. Сокамерники не стали вдаваться в подробности этой истории, но начали кое-что подозревать, потому что Блейк говорил, что его хорошо накормили и дали сигарет — беглец вряд ли мог рассчитывать на подобное благоволение. Обращение Блейка в коммунизм давало ему возможность освобождения. Но он остался в лагере, чтобы не вызывать подозрений: В лагере он провел еще пятнадцать месяцев. Возможно, одной из причин его примерного поведения, отмечаемого всеми сокамерниками, было то, что его свобода зависела только от него самого. Тайное знание, что он работал на людей, захвативших его, и удовлетворение, которое должно наступить после идеологической измены, могли быть приняты за решимость и мужество. Ради справедливого отношения к Блейку следует отметить, что

в лагере он придерживался трех условий: не пользовался никакими привилегиями, не получал платы за предоставляемую информацию, не докладывал о своих сокамерниках.

Почему он сделал это? Объяснение, такое же простое, как и неполное, было дано Верховным судьей лордом Паркером, который сказал: «Говоря его собственными словами, он стал коммунистом, чтобы помочь в создании более справедливого общества. Но этим он добился того, что стал ближе к русским, показав свое желание работать на них».

Услышав о таком полном изменении идеологии, вспоминаешь замечательную книгу Ричарда Кондона «Манчжурский кандидат». Роман рассказывает о том, как американец, взятый в плен китайцами, становится агентом коммунистов. Его мозг контролируется ключевой фразой, которая подчиняет его воле хозяев — в книге этот агент должен был убить президента США.

Настолько трудно понять, почему люди принимают решения, подобные решению Блейка, что можно поверить в применение оккультных методов, позволяющих контролировать мозг человека. Возможно, что русские понимали его не больше англичан, которые позднее проводили расследование его деятельности, но новые хозяева Блейка не собирались изучать причины его решения. В признании, сделанном после ареста британскими спецслужбами, Блейк искренне заявил: «Не было ни одного официального документа из тех, к каким я имел доступ, который бы я не передал русским».

В марте 1953 года Блейк и другие англичане были освобождены. В Лондоне их встречали как героев. Фотографии, сделанные во время прибытия, показывают изможденных, но улыбающихся людей. Британская разведка тщательно проверила Блейка. Его попросили написать полный отчет о пребывании в лагере. Его воспоминания о Корее не вызвали подозрений, и после доклада в Министерстве иностранных дел ему предоставили отпуск. Следующего задания он ждал два года, это время было неприемлемо с профессиональной точки зрения, но за два года Блейк обзавелся семьей. В октябре 1954 года он женился на одной из секретарей Министерства иностранных дел, дочери отставного офицера. У Блейка не было

близких друзей, поэтому шафером на свадьбе был брат невесты.

В апреле 1955 года Блейка отправили в Берлин, где он работал в политическом отделе британской военной разведки. Его жена вспоминала в серии статей, написанных позже для «Санди телеграф», что он много работал, часто встречался со связными. Она знала, что ее муж работает в разведке, но никогда не подозревала, что его симпатии на стороне Советского Союза. Оглядываясь назад, она вспоминает, что он иногда восхищался советской системой и тем, как советские лидеры выходили из нескольких политических кризисов. Он читал русские книги, а на полках у него стояли работы Маркса и Ленина. В 1956 году, когда на Восток бежали Берджесс и Маклин, он спросил у жены: «А что ты будешь делать, если я уеду в Россию?» Однако Блейк был добрым, заботливым мужем, а жена не очень интересовалась политикой, эти мелочи личной жизни Блейка приобрели значение только после его ареста.

Четыре года, проведенные в Берлине, были благополучными для семьи Блейков. Джордж хорошо зарабатывал, ему часто предоставляли отпуска — они проводили их в Италии или Югославии. «Фирме», как называли в Берлине английскую разведку, нравилась его работа. Вполне возможно, что русские делали все возможное, чтобы МИ-6 отмечал его в своих докладах. Блейк работал в специальном отделе, который собирал и обрабатывал доклады разведчиков из Восточной Германии. На самом деле он выдавал русским имена всех агентов, работающих на Запад. В обязанности Блейка входили поездки в ГДР, где, как сейчас полагают, он и встречался со своим советским связным. По сведениям западноберлинской газеты «Берлинер цайтунг», в результате действий агента было арестовано по меньшей мере шестеро немцев, занимавшихся разведкой на территории Восточной Германии.

Одним из связных Блейка в Берлине был немец Херст Айтнер. Джордж знал Айтнера под именем Микки, а Айтнер знал Блейка как голландца Макса де Фри. У Айтнера была довольно примечательная карьера шпиона. Он жил в ГДР, когда в 1950 году на него впервые вышла британская разведка. Через несколько лет он бежал на Запад и, насколько известно автору этой книги, «обслуживал» организацию Гелена.

В 1956 году он работал на англичан и, чтобы увеличить свои доходы, предложил свои услуги советской разведке. Плата советской стороны составляла примерно 25 долларов. Айтнер был настоящим двойным агентом, работая одинаково добросовестно на каждую из сторон. Вероятным кажется и то, что если бы Айтнеру платила еще одна сторона, то он стал бы работать и на нее. Он фотографировал своих западных связных, записывал на магнитофон их переговоры и передавал все это русским. Информация, которой он снабжал Запад и Советский Союз, была иногда верной, иногда нет.

Большую часть из четырех лет, проведенных в Берлине, Блейк работал с Айтнером. Он был невысокого мнения о тридцатилетнем немце и заставил его отказаться от нескольких связных, которых считал ненадежными. Полагают, что Айтнер узнал, что Блейк работает на русских. Для него это стало информацией, которой можно было воспользоваться при подходящем случае. Такой случай произошел в 1960 году, когда жена Айтнера рассказала о деятельности мужа его западному руководству — она решила отомстить за то, что он уделял много внимания другим женщинам. В октябре Айтнера арестовали. В прессу об этом не попало никакой информации. Его судили только через год, когда было закрыто дело Блейка. Айтнера приговорили всего к трем годам тюремного заключения. Его жена также проходила по делу в качестве обвиняемой, но она получила всего восемь месяцев условно. Очевидно, во время закрытых слушаний Айтнер наилучшим образом использовал ту информацию, которую собрал, работая на англичан и русских.

Блейк уехал из Берлина в 1959 году. Ему не сообщили об аресте Айтнера, а сказали, что нужно будет отправиться в Бейрут для прохождения подготовки к выполнению задания в одной из арабских стран (руководство учитывало тот факт, что он жил в Египте). Он уехал только в сентябре 1960 года. Школа, в которой он проходил подготовку, находилась в Шемлане, в двадцати километрах от Бейрута. Блейк, его жена и двое сыновей наслаждались жизнью. Примерно в это время в штаб МИ-6 стали поступать странные сообщения, касавшиеся деятельности этого человека.

Первое сообщение пришло от Айтнера, но оно, из-за

ненадежности источника, было поводом для подозрений, но не для ареста. Роковую ошибку совершил сам Блейк. Узнав, что в Портленде расследуется дело шпионов, он несколько раз встретился с агентом советской разведки в Бейруте, чтобы передать ему информацию об этом деле. Во время одной из встреч их видел офицер службы безопасности посольства Великобритании. Наконец, в марте 1961 года на Запад бежал полковник А. Альстер, заместитель министра внутренних дел Польши. Альстер возглавлял польскую секретную полицию, он отвечал за работу польских агентов, ведущих разведку в странах Запада, и несколько раз лично встречался с Блейком. Альстер был евреем по национальности и бежал на Запад после того, как в СССР решили очистить правительства дружественных стран от евреев. Когда он сообщил все, что знал о Блейке, руководство МИ-6 решило, что того нужно отозвать с подготовки (Альстер сообщил много другой ценной информации, из-за чего о нем никто не знал до февраля 1962 года). В апреле Блейка вызвали в Лондон. В телеграмме, пришедшей из Министерства иностранных дел, ему предлагали задержаться в Бейруте до окончания пасхальных каникул, а затем вернуться в Лондон. У Блейка это предложение не вызвало подозрений. Руководство МИ-6 провело в ожидании целую неделю, боясь, что Блейк бежит в Советский Союз, поэтому его арестовали, как только он прибыл в английскую столицу.

Предварительные слушания проводились при закрытых дверях. После слушаний пресса узнала только дату суда — 3 мая. Сам суд был одним из самых коротких за всю историю британского правосудия. Он длился всего пятнадцать минут, и этого времени хватило на то, чтобы Блейк признал свою вину, а судья вынес ему приговор. Зал суда в Олд-Бейли был пуст, а стеклянные двери — закрыты.

Генеральный прокурор Меннингем Буллер заявил, что своими действиями Блейк передал Советскому Союзу «много настолько секретной информации, что о ней нельзя говорить на открытых заседаниях... Он имел доступ к очень важной информации». В то же время Генеральный прокурор подчеркнул, что, «хотя он и занимал ответственный пост, его работа, к счастью, не предоставляла ему доступ к информации, имеющей отношение к секретному или ядерному оружию».

Эти слова снова стали попыткой убедить США в том, что хотя в Англии и было много шпионов, секреты НАТО оставались нетронутыми.

Когда судья выносил приговор, он отметил, что информация, переданная Блейком, «не носила научный характер, но была, тем не менее, очень важной для другой державы (СССР) и сделала бесплодными часть усилий нашей страны... Ваш поступок сродни предательству».

Блейк покинул зал суда в состоянии шока, и его госпитализировали. Позднее он подавал апелляцию, но его прошение было отклонено. Через день после суда премьер-министр Макмиллан выступал в палате общин и обещал сделать все возможное для усиления безопасности Великобритании. Макмиллан также сказал, что он, как и большинство людей, не понимал Блейка: «Несомненно, что он подвергся плохому обращению, как и все, кто попадает в руки китайцев, но он не подвергался никаким обработкам, которые применяются к другим пленным. После освобождения он прошел тщательную проверку и работал в Берлине. Его дело необычно потому, что внешне он был преданным служащим правительства».

Далее Макмиллан признал, что ему неизвестны методы, которые бы гарантировали эффективное разоблачение шпионов, предавших свою страну и успешно скрывающие это предательство: «Блейк не получал денег за свои услуги. Он никогда не был членом коммунистической партии или другой организации подобного рода. То, что он сделал, стало результатом его искренней веры в коммунизм. Трудно подозревать человека, который верно служил своей стране в течение восьми лет, вел добропорядочную жизнь, но решил предать свою страну по идеологическим причинам. В самом деле, согласившись работать на русских, он делал все возможное, чтобы не возбудить подозрений и скрыть свою веру в коммунизм».

Правительство не могло проигнорировать ущерб, причиненный Блейком — вскоре стало известно, что британской прессе рекомендовали подвергать цензуре информацию об этом деле. В Великобритании существует давняя традиция: когда возникает угроза национальной безопасности, английские газеты действуют совместно с правительством. Эта система управляется с помощью писем «Д», в которых правительство просит редакции не печатать

определенную информацию. Эти меры одобряет совет, состоящий из двадцати руководителей газет и телевизионных каналов, известный как Комитет по прессе и телерадиовещанию. В деле Блейка было две таких просьбы: одна из них просила редакции не упоминать о связи Блейка с МИ-6, а вторая просила не перепечатывать подобную информацию из иностранных газет.

Британская пресса была готова согласиться с первым письмом, но когда стало известно, что французские и американские издания пользуются этой информацией, правительство Великобритании обвинили в том, что оно пытается скрыть собственные недостатки. Иностранные газеты, продававшиеся в Лондоне, печатали ту информацию, которую английские газеты должны были скрывать.

Два дела о шпионаже, разделенные всего двумя месяцами, привели к полной переоценке британской системы безопасности, и на данный момент все еще не завершено расследование всех ответвлений портлендской сети и странной измены Блейка.

О Гарри Гоутоне, «коммивояжере» портлендской сети, можно сказать только одно — он никогда не был жертвой идеологических мотивов. Скорее он стал жертвой своей глупости и алчности. Он был одним из тех маленьких людей, которые всю свою жизнь спотыкаются на собственной мелочности.

В его биографии есть только один положительный момент — он пел в церковном хоре в своем родном городе Линкольне, что в 120 милях к северу от Лондона. В возрасте шестнадцати лет он убежал из дому и вступил в военно-морской флот. Лыстя начальству и запугивая подчиненных, он вскоре стал главным старшиной корабельной полиции. Во время войны он пригибал голову и не стоял на линии огня.

Ничего не делая, он стал кавалером Африканской звезды, медалей за Европейскую и Бирманскую кампании, Атлантической звезды, а также получил пенсию за долгую службу. Он был приписан к крейсерам, сопровождавшим конвои в Мальту и иногда в Россию, а в конце войны он оказался в Индии, где был ответственным за дисциплину в лагере для бывших пленных.

Позже Гарри живо описывал военные годы, сидя в

своем любимом баре «Старый вяз» в Веймуте. Заказав кружку пива, он говорил: «А вот когда нас торпедировали в сорок втором году» или «А когда я служил на канонерке». Его приятели усмехались, потому что знали, что он за все двадцать три года службы в военно-морском флоте ни разу не был в море.

Когда Гарри демобилизовался в 1945 году, он поступил на гражданскую службу. После четырех лет работы клерком в небольшом портовом городе он был включен в штат морского атташе в Варшаве капитана Найджела Остина, который запомнил Гарри потому, что он часто был пьян. Капитан Остин вспоминал, что Гоутона можно было встретить на всех вечерах в посольстве и что он однажды был найден на одной из улиц Варшавы.

Именно в Варшаве Гарри нашел свое истинное призвание. В то время процветал черный рынок антибиотиков, пенициллин и другие чудо-лекарства было легко провезти через границу, а выгода была больше, чем от продажи золота.

Гарри вошел в этот прибыльный бизнес с помощью молодой польки Кристины, с которой познакомился на одном из вечеров в посольстве Великобритании. Его жена Пегги уехала в Англию после полосы скандалов из-за его пристрастия к алкоголю, и он жил веселой холостяцкой жизнью. Кристина была привлекательна, ей нравилось чувство юмора Гарри и его акцент.

Когда Гарри начал встречаться с Кристиной, она предупредила его, что их свидания должны быть «тайными», так как, если ее увидят с англичанином, она будет арестована и посажена в тюрьму для политических заключенных. Гарри предпринимал все меры предосторожности и ставил на подоконник лампы, если Кристине, по его мнению, ничего не угрожало.

Кристина познакомила Гарри с состоятельными гражданами Польши, которые не гнушались заниматься бизнесом, чтобы улучшить свое состояние. Благодаря дипломатическому иммунитету и выгодному курсу обмена валют Гарри стал центром группы, торговавшей на черном рынке лекарствами. Деньги ему переводили на счет в лондонском банке, и с 1949 по 1951 год он вырос до 4 тысяч фунтов (около 11 тысяч долларов).

В то время английский фунт стерлингов стоил около

12 злотых, но в посольстве курс был 30 злотых. Гарри сказал на суде: «Если мы что-то покупали в Англии и продавали это в Польше за польские деньги, у нас получалась большая прибыль».

Даже после того как Гарри уехал из Польши, он продолжал поддерживать отношения с Кристиной и иногда посылал ей в подарок косметику, которую нельзя было купить по ту сторону железного занавеса. «Однажды я послал ей помаду «Макс Фактор», пудру «Коти». Оба раза она благодарила меня в письмах».

Гарри не знал того, что его работа на черном рынке осуществляется с разрешения советских и польских спецслужб.

Он пал жертвой методов, о которых стало известно, когда в США в 1959 году бежал полковник Павел Монат, служивший в 3-2, польской разведке. Выступая 13 июня 1960 года перед комиссией сената, он сказал:

«В о п р о с. Как 3-2 вербует агентов?

О т в е т. Несколькоими способами. Борясь против западных стран, 3-2 пытается завербовать военных и гражданских лиц, приезжающих в Польшу... Наши дипломаты, которые отвечают за выдачу виз, готовят списки людей, обратившихся за визами, и передают их представителям 3-2. Затем списки переправляются в штаб 3-2 в Варшаве, где предпринимаются шаги, направленные на возможную вербовку какого-то человека. Способ вербовки в каждом случае разный. 3-2 необязательно вербует человека тогда, когда он еще в Польше, иногда можно подождать, пока он вернется в свою страну. Бывает, что завербованный человек становится «спящим» агентом, который ждет того времени, когда он может понадобиться 3-2».

Именно этот способ был использован в случае с Гарри. 3-2 завело на него досье уже тогда, когда он выехал из Лондона в Варшаву. Когда он покинул Варшаву, у 3-2 было два способа контролировать его: во-первых, корреспонденция, доказывающая его деятельность на черном рынке, во-вторых, его связь с Кристиной, которая могла в случае необходимости предъявить ему иск по отцовству.

То предвидение, которое 3-2 проявила в случае с Гарри, было замечательным. После того как его из-за

пьянства отправили в Англию, он получил должность в отделе подводного вооружения на базе ВМФ в Портленде. Здесь он работал с 1951 по 1957 год, и, несмотря на его личное дело, ему был предоставлен доступ к секретным материалам.

Военно-морская база в Портленде — смесь доков, причалов, испытательных площадок, административных зданий и секретных объектов, на которых работают около 20 тысяч человек. С 1958 года база занимается в основном проблемами подводных лодок и изучением средств борьбы с ними.

НАТО, которое дает странам-участницам те задания, с выполнением которых они лучше всего справятся, поручило военно-морскому флоту Великобритании разработать программу по защите от подводных лодок. Вся работа по обнаружению и уничтожению подводных лодок была сосредоточена в Портленде.

Английская атомная подводная лодка «Дреднот» с применением американского двигателя также строилась в Портленде. Ключевое различие между американским «Поларисом» и английской «Дреднот» заключается в том, что английская лодка создавалась как средство борьбы с подводными лодками. СССР имеет от 350 до 400 подводных лодок и строит три атомные субмарины. «Дреднот» создавалась как угроза советским атомным подлодкам, которые не обнаруживаются обычными методами.

Таким образом, лодки типа «Дреднот», первая из которых будет готова к началу 1962 года, планировалось снабдить тем оборудованием, которое испытывалось в Портленде. В это оборудование входят:

«Аппарат «запаха»» — может обнаружить подлодку по невидимым выхлопам дизельного топлива.

«Ледяные глаза» — аппарат для эхолокационного определения отверстий во льду, которые используются подводными лодками для подачи свежего воздуха. Это устройство также содержит прибор, позволяющий подлодке определить свое местонахождение даже в том случае, если она находится подо льдом. «Финвейл» и «Амфион», экспериментальные дизельные подводные лодки, созданные в Великобритании, уже оснащены такими устройствами.

Гидролокационные установки — устройства, применяемые с конца Второй мировой войны. Радиус их действия

в конце войны достигал шести миль, а теперь, насколько это известно, он увеличился до тридцати миль. Гидролокатор — не идеальное средство для борьбы с подлодками, так как существуют специальные покрытия, рассеивающие сверхзвуковые волны. Такие покрытия уже использовались Германией в конце войны. Тем не менее эксперты полагают, что русские до сих пор не располагают эффективными покрытиями подобного рода и что именно это было главной целью работы портлендской сети.

Но больше всего русские интересовались тем средством борьбы, от которого нельзя защититься. Это устройство, регистрирующее малейшие колебания в гравитационном поле, представляет собой маятник, который может быть установлен на низко летящем вертолете, определяющем изменения в гравитации. Это устройство работает на любой глубине, и его действие ничем не ограничено. Существуют веские причины полагать, что принципы устройства этого прибора также были переданы русским шпионами из портлендской сети.

Вернувшись к выступлению полковника Моната, мы узнаем, что у польской разведки 3-2 была особая функция: «3-2 получила задачу сбора информации обо всех силах НАТО. Существует даже специальный отдел, в котором обрабатываются данные о силах НАТО независимо от места их дислокации».

Таким образом, назначение Гарри на базу в Портленде получило полное одобрение 3-2. В 1951 году, когда он приступил к работе, на базе еще не были собраны все разработки по борьбе с подводными лодками. Фактически, концентрация этой работы началась спустя год после его перевода в ремонтный отдел базы. Его перевели из отдела подводного вооружения не из-за того, что подозревали в шпионаже, и не из-за того, что он много пил, а потому, что не удовлетворяла его работа.

В этом деле есть два эпизода, которые показывают, какой несовершенной была служба безопасности в Портленде. Когда Гарри перевели в ремонтный отдел, стало известно, что он никогда не проходил проверку службы безопасности. Стюарт Эрскин Крю-Рид, бывший единственным офицером безопасности в Портленде («мои просьбы о помощнике пропадают где-то между базой и Адмиралтейством»), объяснял, что Гоутон избежал про-

верки потому, что «его работа была не настолько важной, на проверку одного человека уходит шесть месяцев, а с тем количеством людей, которые работают в нашей службе безопасности, невозможно проверить всех, кто служит на базе». Кроме того, потребовалось шесть месяцев на то, чтобы получить подтверждение перевода из гражданского отдела, который, кажется, создан специально, чтобы защищать некомпетентных сотрудников. И это происходило в то время, когда в гражданском отделе Гарри был на испытательном сроке из-за несоответствия должности.

В мае 1958 года его жена пришла с жалобой к офицеру, следившему за испытательным сроком Гарри. Она сказала, что ее муж часто приносит домой секретные документы, взятые на базе. Рассказала также и о их семейной жизни, добавив, что Гарри «хвастается, что он будет работать в Адмиралтействе».

Этот офицер, человек осторожный по натуре, не сообщил об этом разведке ВМФ, объяснив это тем, что «все было похоже на роман» и он боялся, что в случае начала расследования его могли обвинить в клевете.

Интересно отметить тот факт, что английские законы о клевете настолько строги в своей защите человека, что клеветой может стать даже официальное заявление, сделанное в процессе следствия. В США такие заявления не считаются клеветой в том случае, если они сделаны не с намерением причинить вред и становятся частью официального доклада.

Благодаря этим недостаткам службы безопасности Гоутону удалось удержаться в Портленде, несмотря на все его минусы и уход жены, которая вскоре развелась с ним и вышла замуж за офицера ВВС.

Во время работы в Портленде монотонная жизнь Гарри была несколько скрашена вялым романом с сотрудницей. В соседнем отделе работала секретарем 46-летняя Элизабет Ги, которая, по английским меркам, вполне соответствовала понятию старая дева. Несмотря на скромное происхождение (она была дочерью кузнеца), ей удалось получить хорошее образование в частной школе. Во время войны она делала то, что могла, ее не взяли в армию, но она служила обороне страны, работая на авиационном заводе. В 1950 году поступила в отдел подводного обнару-

жения в Портленде, где и работала клерком до самого ареста.

Мисс Ги была типичной англичанкой с хорошей кожей, красивыми зубами и худощавым телосложением, которое в более поздние годы превращается в застывший вариант юности.

Элизабет жила в Портленде с 86-летней матерью, больной тетей и 76-летним дядей. «Она вела довольно скучную жизнь», — скажет на суде ее адвокат. Тем не менее у нее было любимое развлечение — бадминтон.

Гарри и Элизабет Ги были знакомы, потому что жили недалеко от Портленда. Это была обычная дружба, Гарри всегда отвозил ее домой после работы. Их знакомство продолжалось пять лет, и только потом они начали встречаться на свиданиях.

В 1958 году их отношения укрепились, так как Гарри переехал в трейлер, купленный им на деньги, которые были взяты в долг у Элизабет. К тому времени он уже не жил со своей женой.

Ухаживание включало визиты к матери Элизабет, поездки в Борнмаут (курорт недалеко от Портленда) и в лондонские театры.

Мисс Ги нравились дружелюбие Гарри, широкий круг его знакомых, благодаря которому у нее тоже появились новые друзья. Она вспоминала: «Куда бы он не пошел, везде встречал знакомых, а я, наверное, слишком застенчива, чтобы знакомиться с людьми».

Гарри ждал развода со своей женой, а мисс Ги ждала, пока все ее престарелые родственники уйдут в лучший мир. «Я бы вышла за него замуж, если бы у меня дома были другие условия», — говорила она.

В 1959 году Гарри купил дом в Портленде за 9 тысяч фунтов (около 25 тысяч долларов), а Элизабет помогала обустроить его. Ее влияние чувствуется в пятидесяти кактусах, украшавших дом в стиле Тюдоров, а также в постоянно стоявшей в гостиной рождественской елке. «Мы обустроивали коттедж, надеясь, что когда-нибудь сможем пожениться», — говорила она.

Лондонская пресса пыталась, но тщетно, представить их практичную, продуманную жизнь бурным романом. О доле любви в их отношениях говорит следующий эпизод суда: «В о п р о с. Нет необходимости говорить, что Вы

раньше никого не любили. О т в е т (мисс Ги). Да, у меня на это не было времени».

Присутствовавший на суде корреспондент газеты «Обсервер» Патрик О'Донован писал: «Ее история довольно грустная. Ее жизнь была полна скуки, пока в ней не появились мужчина и деньги. А потом она начала часто ездить в театры, ночевать в гостинице. Вечерами она ходила в бар, где могла сколько угодно пить виски и пиво. А выше всего этого была возможность ходить по магазинам».

Хотя мисс Ги занимала второстепенную должность на базе, ей пришлось пройти проверку службы безопасности, и она подписала документ, в котором говорилось:

«Я обязываюсь не разглашать информацию, полученную мной в результате моей работы, ни одному гражданскому или военному лицу в устной или письменной форме без предварительного разрешения Адмиралтейства. Я осознаю, что это распространяется не только на срок моей работы, но и на время, когда я прекращу работать на Адмиралтейство».

Мисс Ги начала работать в Портленде в отделе хранения, а в 1955 году ее перевели в отдел чертежей. Там она занимала должность помощника клерка — низшую должность в такой работе. Она получала 11 фунтов 11 шиллингов (около 30 долларов). Ее работа заключалась в заполнении «тестовых брошюр», которые содержали результаты испытаний оборудования ВМФ. Многие брошюры были секретными, они хранились в комнате за ее кабинетом. Когда поступал заказ, мисс Ги доставала брошюру и отдавала ее машинистке, которая снимала с документа копии. Брошюры часто запрашивали производители оборудования, которые хотели узнать результаты испытаний. Представители портов также могли обращаться за копиями этих брошюр. Мисс Ги хранила списки документов у себя в шкафу. Брошюры пересылались по обычной почте, если они не были секретными, в ином случае их нужно было отправлять курьерами. Защита указывала во время суда, что можно было получить документы, представившись человеком, которому они были нужны. Рассылка брошюр была обычным делом для мисс Ги. Она не интересовалась их содержанием.

Но в 1957 году спокойствие жизни Элизабет и Гарри было нарушено. В январе ему позвонил человек, у которого были новости от Кристины. Они договорились о встрече в воскресенье, и Гарри поехал на нее с надеждой, что его варшавская подружка бежала из Польши. Но он услышал обратное. От Кристины разговор перешел к работе Гарри, к которой его таинственный собеседник проявлял большой интерес.

«Вы можете достать какую-нибудь информацию о Вашей работе для меня?» — спросил он Гарри, который ответил: «Нет, мне нельзя этого делать».

Мужчина продолжил: «У Вас и Вашей жены могут быть неприятности». Он рассказал Гарри о том, как они будут договариваться о встречах. Гарри будет получать по почте рекламу, и в первую субботу после этого он должен будет прийти в лондонский бар «Тобиджаг».

Реакцией Гарри на это предложение не стало заявление в полицию о том, что вражеский агент предлагал ему вести разведку против собственной страны. Он спросил своего собеседника: «Вы проследили за мной от самого Веймута. Что я за это получаю?» Ответом стали восемь фунтов, которые незнакомец вытащил из кармана и отдал Гарри со словами: «Этого хватит на расходы».

Гоутон сказал на суде, что у него была мысль сообщить в полицию, но он решил сам «отвязаться от этого человека».

Первая реклама пришла только осенью. Гарри, от скуки, а не из-за чего-либо еще («Я просто пошел узнать, что он от меня хочет»), пошел в «Тобиджаг». Он взял с собой номер местной газеты «Телеграф энд Пост», в которой была колонка, посвященная ВМФ. В колонке говорилось о перемещениях судов, маневрах, повышении и переводах офицеров флота.

«Вы не могли достать чего-нибудь получше?» — неприязненно спросил его мужчина. Гарри ответил, что это было все, что он мог достать, не подвергая себя опасности. Собеседник снова начал угрожать, намекая, что он и его жена не находятся под надежной защитой. Гарри ответил: «В Великобритании такого не происходит».

За этим последовало обсуждение возможностей советской разведки за рубежом. «Вы помните человека по фамилии Петров? Он работал в посольстве СССР в Австра-

лии. Он бежал на Запад, но австралийцы не могут защитить его. Они платят ему две тысячи фунтов в год, а он все равно боится за свою жизнь. Вы знаете, что этот человек алкоголик? Что австралийцы будут счастливы, когда он умрет?» (По последним сведениям, Владимир Петров и его жена Евдокия, дезертировавшие в 1954 году, все еще живы и находятся в Австралии, хотя Петров создавал определенные проблемы своим пристрастием к алкоголю.)

Гоутон противопоставил этому Троцкого, что оказалось неудачным примером.

«Мы все-таки достали его, не так ли? Спустия двадцать лет, а он жил в Мексике, в крепости, в которой была охрана с пулеметами. Вас нам достать гораздо легче».

Гарри ушел со встречи в шоке, и, когда получил следующую письмо, он решил никуда не ходить. Через два месяца после этого (тогда он еще жил в трейлере) он шел домой из бара, когда его остановили двое. «Ты Гоутон?» — спросил один. Второй добавил: «Почему ты не пришел на прошлую встречу?»

«Я не собираюсь ходить туда», — ответил Гарри.

Мужчины затащили упряма в трейлер и там методично избили, следов от их ударов не оставалось. Это были лондонские головорезы, нанятые 3-2 для того, чтобы запугать Гарри. Они ушли, предупредив его, что жена «получит то же самое». Очевидно, они не знали о том, что он уже был не женат.

Гарри говорил, что был слишком испуган, чтобы обращаться в полицию. «Я не мог рассказать об этом доктору, потому что мне пришлось бы объяснять, кто меня избил. Я не был готов идти в полицию. Я думал, что они все равно ничего с этим не сделают. Я больше всего беспокоился о своей безопасности. Я боялся, что меня могут убить».

После избиения 3-2 не беспокоила Гоутона целых полгода, прислав рекламу только в сентябре 1958 года. В письме, которое он получил вместе с пакетом, говорилось, что он должен был держать газету и перчатку, отправляясь на встречу со связным.

Его первого собеседника сменил балканец, представившийся Никки. Гарри принес с собой номер «Телеграф энд Пост», а также несколько номеров военно-морских газет. Когда Никки сказал, что этот материал был беспо-

лезен, Гоутон напомнил о том, что его избили. Никки рассмеялся в ответ: «Я ничего об этом не знаю, скорее всего это была ошибка. В любом случае, они не церемонились. Есть другие способы, например, мины-ловушки в воротах или посылка, которая взрывается, когда ее открываешь. Однажды Вы можете пить чай, а в нем окажется яд».

Никки дал Гарри спичечный коробок с двойным дном, в котором лежали инструкции об их последующих встречах. Гоутон, когда ему нужно было увидеть Никки, должен был поставить мелом знак ОХ на воротах лондонского парка. Знак ОХ, подчеркнутый двумя линиями, означал, что встреча должна состояться в первую субботу месяца в баре «Мэйпоул», а если он не приходил к 8 часам вечера, то она автоматически переносилась на первое воскресенье месяца. Гарри должен был приходиться с номером «Панч».

Никки хотел, чтобы тот выяснил, не занимаются ли в Портленде испытанием устройства, которое крепится к корме корабля и передает шум двигателя другому прибору, находящемуся в двух милях от судна. Это ведет к тому, что подводная лодка стреляет по ложному звуку и не повреждает настоящий корабль. Он также хотел узнать о самонаводящихся торпедах.

Гарри ничего не знал ни о первом, ни о втором, но тем не менее взял пять фунтов и ушел, пообещав скоро встретиться.

Следующая встреча была неплототворной, так как Гоутон снова принес газеты, а Никки настаивал на информации о торпедах, говоря, что у Гарри было достаточно времени, чтобы все узнать. А тот и не пытался ничего узнавать, утверждая, что эта информация нигде не упоминалась.

Когда в январе 1960 года Гарри получил очередное извещение, он решил проигнорировать его: «Я не хотел постоянно быть у них на побегушках. Я сам пытался отделаться от них». К этому времени он уже понял, что его используют иностранные агенты, скорее всего поляки или русские.

За неявкой на встречу снова последовало быстрое наказание. Его снова избили, на этот раз уже у него в доме. После расправы ему сказали: «У тебя есть подружка, Банти (мисс Ги), не так ли? Если ты не придешь еще раз,

достанется ей». Гарри говорил, что он «боялся думать о том, что мисс Ги или его бывшей жене что-то угрожает, поэтому решил стать более послушным».

На следующий день состояние друга заметила Элизабет и спросила, что с ним случилось. Гарри ответил, что плохо себя чувствует, и рано ушел домой. Он снова не стал обращаться к врачу.

В апреле ему пришло очередное письмо, и Гарри ответил на него, потому что боялся, что на него будут давить через мисс Ги. «Я боялся, что они пришлют ей посылку, которая взорвется. Я думал, что они могут избить ее».

В баре был третий связной, представившийся как Джон. Он также упрекнул Гарри в бесполезности материала: «Вы работаете на военно-морской базе. Почему вы не найдете чего-нибудь получше?»

Во время суда Гоутон по фотографии узнал Джона в Василии Дойдалеве, втором секретаре польского посольства. Но к тому времени Дойдалева уже не было в Великобритании. Однако во время встречи с Гарри польский дипломат допустил любопытную ошибку. Он сказал ему, что в случае необходимости тот может отправить сообщение по адресу: Лондон, Ланкастер-роуд, 16. Если бы Гарри отправился с этой информацией в полицию, он стал бы героем, а не негодяем.

Но к этому времени Гоутона уже подготовили к работе с более важным человеком. Именно тогда Гарри встретился с центральной фигурой портлендской агентурной сети.

После того как Гарри два раза избили и предупредили, что ему и Банти может быть еще хуже, он был готов к работе под руководством советского разведчика. Сотрудничество между разведкой СССР и разведками социалистических стран, которое подтверждается делом Гоутона, описано в выступлении полковника Моната.

Он говорил, что «методы, используемые в работе 3-2, очень похожи на методы советских спецслужб. Это совпадение связано с тем, что 3-2 находилась под прямым контролем Советского Союза в период с 1951 по 1956 год, а также с тем, что польские офицеры проходили прекрасную подготовку в СССР ... в 1955 — 1956 годах большинство советских офицеров, работавших в 3-2, были отозваны в СССР. Все ответственные посты были заняты

польскими специалистами. С этого времени контроль советской разведки стал косвенным. В настоящее время в 3-2 работает только офицер связи Игорь Амосов (бывший помощник военного атташе в Вашингтоне, объявленный в 1954 году Соединенными Штатами персоной нон грата по обвинению в шпионаже).

Амосов передает 3-2 требования, которые предъявляет к разведке Советский Союз. Кроме того, в ГРУ передаются копии всех сообщений; советские спецслужбы могут сконцентрировать работу разведывательных организаций социалистических стран в определенной точке мира. Информация, переданная в ГРУ, подвергается обработке, результаты которой сообщаются 3-2. Я полагаю, что 3-2 предоставила Советскому Союзу относительно не много действительно ценной информации».

Человек, под чьим руководством работал Гарри, был одним из самых важных советских агентов, захваченных Западом после Второй мировой войны, по значимости он сравним с Рудольфом Абелем. В ноябре 1961 года ФБР установило, что это был Конон Молодой. Его семья знала только то, что он был на Западе, выполняя специальное задание, что письма шли долго из-за того, что их приходилось пересылать на микропленке.

Молодой был полковником ГРУ и, возможно, резидентом ГРУ в Великобритании.

Расследование, проведенное полицией, выступления на суде, письма семье, воспоминания друзей — все это не дает четкого представления о его карьере разведчика.

Из переписки с женой Галиной мы узнаем, что их двенадцатилетняя дочь Лиза плохо учится в школе. Его жена пишет: «Впервые за шесть школьных лет в ее дневнике четыре «тройки»: по геометрии, алгебре, английскому и истории. По остальным предметам у нее четверки. Ты не можешь представить себе, как я была разочарована, а ведь впереди поступление в институт». Иногда она прогуливает уроки: «Лиза совсем отбилась от рук. Вчера меня вызывали в школу. Она пропустила два последних урока и где-то все это время гуляла».

Его сыну Трофиму пять лет, в школу он еще не ходит. Это игривый, вредный ребенок, который «ехал один в лифте и застрял в нем между шестым и седьмым этажом, его руки были прижаты к сетке. Все бросились помогать

ему, а он целых два часа кричал, чтобы его оттуда вытащили».

Трофим, по словам матери, «умен и проницателен», постоянно спрашивает, когда приедет папа, почему он уехал и почему у него такая плохая работа.

Семья Молодых живет согласно высокому уровню жизни советских разведчиков. У них новая квартира в Москве. У них есть няня, которая присматривает за детьми, пока мать выполняет свои обязанности заведующего отделом культуры в райкоме партии. В обязанности входит преподавание и организация праздничных мероприятий. Им скоро поставят телефон.

Няня детей, девушка, приехавшая в Москву из провинции, «определенно не справляется со своей работой». Когда Трофим застрял в лифте, она «стояла и спала», пока другие помогали ему.

Молодой, хоть и занимался в Англии секретной деятельностью, отправил детям новогодние подарки в 1960 году. Трофим получил игрушечную машину, которую можно было разбирать, а Лиза — большого плюшевого медведя.

С женой Галиной Молодой скорее всего познакомился в Чехословакии, когда он работал в Праге. У нее хороший голос, она часто поет на праздниках. Это привлекательная, немного тщеславная женщина, в одном из писем она просит мужа прислать ей белое парчовое платье и белые туфли. Жена так объясняет свое желание: «Я умоляю тебя простить меня, но я хочу хорошо встретить Новый год. Кстати, я буду петь в двух местах. Я умоляю тебя выполнить мою просьбу, первую и последнюю. Я надеюсь, что ты не сердишься, я должна петь, и я должна выглядеть подобающим образом».

Молодой отвечал на это письмо: «Что касается парчового платья — это очень сложно. Здесь не носят парчу. Можно, конечно, заказать, но как его передать тебе? И когда? Ты должна понять, что платье и туфли в карман не положишь».

Галина также сообщает, что ей не хватает ее ежемесячного содержания, и просит увеличить его на 2500 рублей. Об этом она просила в декабре 1960 года, когда в СССР готовилась денежная реформа, поэтому Молодой ответил: «Я сегодня же напишу В. М. (его начальник в Центре),

чтобы тебе передали 2500 рублей (а точнее, 250 рублей — мне недавно показывали фотографии наших новых денег. На мой взгляд, они гораздо лучше)».

Молодой только в письмах домой забывал об одиночестве, о постоянной конспирации, об отчуждении от других людей, невозможности общаться с ними. Письма шпиона домой — единственная нить, которая связывает его с тем человеком, которым он является на самом деле. Это объясняет тот риск, на который идут русские, чтобы их шпионы получали письма из дому.

В день своего ареста Молодой писал жене: «Последние двадцать минут я хожу по комнате и не могу продолжить письмо. Это как у Лермонтова: «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды». Я ни на что не жалуюсь. Но даже ты не можешь понять, как мне грустно, особенно сейчас... Я встретил Новый год с одним из моих людей, ровно в полночь по московскому времени мы пили «Столичную», поднимая тосты за друзей в СССР. Мы выпили за тебя и за друзей. Мне было очень грустно, потому что это уже восьмой Новый год, который я встречаю без тебя. Мудрецы прошлого сказали, что такова жизнь... Скоро мне будет тридцать девять. Много ли осталось? 7 января 1961 года».

Это письмо так и не попало к жене, его в тот же день читали в Скотланд-Ярде. Следователи увидели особый смысл в последнем предложении, так как у человека, арестованного ими, был паспорт на имя Гордона Арнольда Лонсдейла. Он был канадским подданным и занимался в Лондоне законным бизнесом, его документы были в полном порядке. Проверка канадских властей показала, что Гордон Арнольд Лонсдейл в самом деле родился в Кобальте, городке в 250 милях от Оттавы. Кобальт в свое время был центром канадской золотой лихорадки.

Отца Гордона звали Джек Эммануил Лонсдейл, мать — Альга Боусу — эмигрировала из Финляндии. Ее дом был в Карелии, части Финляндии, завоеванной СССР в 1940 году. Лонсдейлы поженились в 1920 году, их сын родился через четыре года. Родители развелись, и Гордон с матерью уехал в Финляндию. Ему было шестнадцать лет, когда началась война и Карелия была захвачена Советским Союзом. Внешне он был похож на Молодого, который также был невысок, черноволос, в лице его были славянские и

восточные черты. Лицо Молодого было непримечательным, но живым, не очень красивым, но привлекательным из-за особой выразительности. Он мог быть похож на сатира с гравюры восемнадцатого века и на мальчишку, которого только что наказали. Единственное расхождение между Молодым и его канадским паспортом на имя Лонсдейла было в дате рождения. Настоящий Лонсдейл родился в 1924 году, то есть в 1961 году ему было бы тридцать семь лет. Молодому, о чем он и писал в письме жене, скоро исполнялось тридцать девять.

Паспорт Лонсдейла поменял хозяина в годы войны. Скорее всего настоящий Лонсдейл пострадал в то время. Замену ему нашли в военно-морском флоте: в Молодом увидели перспективного человека, и он прошел подготовку по технике шпионажа.

Еще одна общая черта Молодого и Лонсдейла заключается в том, что их юные годы были одинаково беспокойны. Канадец Лонсдейл уехал в Карелию, где пропал во время войны. Молодой писал жене, что «с возраста десяти лет я провел всего десять лет у себя на родине. Все началось в 1932 году, когда мама решила отправить меня на край земли. В то время она, конечно, не знала всех последствий своего шага, поэтому я ни в чем не виню ее».

Под краем земли Молодой подразумевает США. У его матери в Калифорнии жила сестра, и одиннадцатилетнего Конона отправили к ней в 1933 году. Он жил в Калифорнии до 1938 года, что объясняет его знание английского языка и то, что советская разведка увидела в нем перспективного шпиона. В 1954 году он вернулся в Западное полушарие нелегальным пассажиром на советском сухогрузе, который пришвартовался в Ванкувере. У него были документы на имя Гордона Арнольда Лонсдейла.

Лонсдейлу потребовалось несколько месяцев, чтобы укрепить свою легенду. У него было несколько документов, которые можно получить без лишних вопросов, — водительское удостоверение, членская карточка Ассоциации молодых христиан, дипломы о профессиях. Вскоре он начал работать продавцом. Переехал в Торонто, попросил в ратуше выдать ему свидетельство о рождении, с помощью которого получил свой канадский паспорт.

В 1955 году Лонсдейл отправился на Ниагарский водопад, откуда поехал в Нью-Йорк. Там он встретился либо

с агентом легальной сети советской разведки (представители посольств), либо с членом нелегальной сети, которую возглавлял Абель. ФБР смогло проследить все его передвижения, когда была раскрыта портлендская группа.

Ранней весной 1955 года Лонсдейл отправился в Великобританию. Существует удивительная параллель между пятилетней работой Лонсдейла в Великобритании и восьмилетней работой Абеля в США. Абель работал по легенде художника и сжился с этим образом. Он проводил очень много времени в студии, его друзья были художниками. Он мог часами рассуждать об искусстве и ходить по музеям. Те, кто видел его картины, говорят, что он был талантлив.

Лонсдейл стал предпринимателем, полным блестящих идей, — воплощением идеала западного общества. Его друзья помнили его таким: баловень судьбы, любимец женщин, блестящий финансист, который за завтраком читал «Файнэншл таймс».

В принципе, его дела шли с переменным успехом. Этот агент коммунистической России стал настоящим капиталистом по совместительству, в будние дни его интересовали проблемы «что мне это даст» и «как заработать доллар», а по выходным он управлял работой шпионов.

Во время суда лондонские газеты называли его «режиссером трупы» — более подходящим определением его деятельности, нежели «шпион» или «секретный агент». Он делал все возможное, чтобы разделить конфликтующие стороны своей жизни. Эти стороны пересеклись только один раз — в день ареста. У него была обнаружена большая сумма денег (215 фунтов и 300 долларов), которые скорее всего были платой за услуги Гоутона и мисс Ги. Но его коллеги по бизнесу утверждали, что эти деньги были предоплатой за две тонны жевательной резинки, которую он хотел купить.

Основной сферой его бизнеса были торговые автоматы. Лонсдейл, умевший искусно лгать, рассказывал друзьям об успехе, который пришел к нему в США.

Он начал свое первое дело спустя некоторое время после приезда в Лондон. В 1955 году он остановился в «Оверсиз Клуб». Вскоре после этого переехал в квартиру в Уайт-хауз недалеко от Риджент-парка. Лонсдейл съехал оттуда после того, как соседи начали жаловаться, что он

часто водит к себе женщин. Он сменил несколько квартир и осенью 1960 года вернулся в Уайт-хауз, где и жил до самого ареста.

Лонсдейл представлялся канадцем, которого правительство отправило в университет Лондона для изучения восточных языков. Он должен был изучать китайский, потому что, по его словам, правительство Канады предвидело рост деловых отношений с коммунистическим Китаем. У него было много воспоминаний о Канаде. Он говорил, что его родители развелись, когда он был ребенком, и отец отправил его в Сан-Франциско. У отца было имение в Ванкувере, чем и объяснялся постоянный приток денег на его счет. Сам он работал поваром в лагере на севере Канады, был золотоискателем, водителем, правщиком. Он хорошо знал страну. В свою легенду он ввел жену и ребенка. «Моя жена настолько часто ругалась, что я однажды чуть не убил ее, — рассказывал он своим друзьям. — Я развелся с ней, но мне приходится посылать пятьдесят долларов в неделю на ребенка». Лонсдейл говорил, что несчастливое детство и неудачный брак сделали его мизантропом.

В 1956 году Лонсдейл увидел объявление, в котором говорилось, что компания по продаже торговых автоматов искала инвесторов, готовых заплатить аванс. Он не пришел к соглашению с этой компанией, но ему порекомендовали фирму, занимавшуюся музыкальными автоматами. Он купил пять автоматов и начал искать бары, в которых их можно было установить. Лонсдейл принимал все большее участие в бизнесе и скоро решил, что ему нужно расширяться. Он вложил деньги в фирму «Пекхэм автоматикс Лтд» и стал менеджером. Один из его коллег вспоминал, что он был очень точен в работе: «Он приходил к самому открытию, а уходил тогда, когда офис закрывали на ночь. По Гордону можно было проверять часы». Лонсдейл выдвинул только одно требование — он не должен был работать по выходным.

Вложив деньги в фирму и став менеджером, Лонсдейл купил себе машину и стал менеджером по экспорту. Он начал развивать экспортную сторону своего дела и вскоре объявил своим коллегам, что получил заказ на 300000 долларов на производство автоматов для торговли жевательной резинкой. Фирма-заказчик находилась в Милане.

Фабрика была подготовлена для выполнения заказа, через некоторое время автоматы были готовы к доставке, но сделка так и не состоялась. Эта неудача стала первой в предпринимательской деятельности Лонсдейла. Компания объявила о банкротстве, Лонсдейл и его коллеги отнеслись к этому философски.

После того как была раскрыта шпионская деятельность Лонсдейла, один из его бывших коллег, Питер Айрес, размышляя о банкротстве и сделке с Миланом, пришел к выводу, что их обманули. «Наша фирма развалилась, когда на горизонте появился Лонсдейл, — говорит он. — Причины нашего банкротства были очевидны в то время. Но с того момента, как Лонсдейл был осужден за шпионаж, я узнал многое, чего не знал раньше. То, что я узнал, начинает связываться в один узел. Сейчас я подозреваю, что наше банкротство имело под собой совсем другие основания».

Айрес собирается предпринять меры против Лонсдейла, который, по его мнению, все еще связан с различными компаниями, хотя и находится в заключении.

Ребекка Вест, обозреватель газеты «Санди телеграф», присутствовавшая на суде, жалела о том, что правительство не расследует предпринимательскую деятельность Лонсдейла:

«Неужели мы потребуем многого, если попросим правительство провести расследование причин банкротства фирмы, менеджер которой не был гражданином Великобритании. Это не чрезмерное требование. Ведь за год происходит не так уж и много банкротств. Более того, известно, что советские агенты пользуются двумя путями для прикрытия своих денежных переводов. Первый путь — неоднократная покупка земли, в течение которой кто-то из участников оказывается с большой выручкой, второй — покупка фирмы, которая впоследствии становится банкротом, что дает иллюзию бедности тем, кто не может объяснить происхождение денег на своих счетах, и обеспечиваеткрытие другим козням».

Банкротство сопровождалось одним из таинственных исчезновений Лонсдейла. Другьям он сказал, что поедет в Канаду, чтобы собрать денег для будущих вложений. Он

даже присылал им открытки и письма со штемпелем Ванкувера, что говорит о хорошей организации и распространённости шпионской сети СССР. На самом деле он был в отпуске в Москве.

Друзья отмечали, что он вернулся в Лондон «другим человеком». Несомненно, встреча с партийными руководителями убедила его в важности выполняемого задания, и он решил посвятить больше времени своей секретной работе. Однако его добрые намерения быстро пропали, и в августе 1959 года он вложил 1000 фунтов в компанию «Мастер Свитч», которая занималась производством противоугонного устройства, автоматически запиравшего капот, багажник и двери автомобиля. Устройство было только что запатентовано, и возникли разного рода проблемы, к решению которых Лонсдейл мог приложить свою неисчерпаемую энергию.

В марте 1960 года он и двое его коллег приняли участие в 9-й международной выставке изобретателей в Брюсселе. На ярмарке было представлено около пятидесяти стран, и один из партнеров Лонсдейла указал ему на человека, стоявшего у соседнего стенда. «Послушай, Гордон, он похож на тебя», — сказал он. Лонсдейл, ничуть не смутившись, подошел к этому человеку, оказавшемуся финном, представился, и они провели несколько часов вместе.

После выставки Лонсдейл снова отправился в «поездку по Европе». Вернувшись в Лондон в октябре, он снял квартиру в Уайт-хауз, а 7 января 1961 года его арестовали.

В личной жизни этот удивительный человек совмещал в себе осторожность и безрассудство. У него была навязчивая идея оплачивать вовремя все счета, налоги, страховки. В 1959 году он был почти в ярости, из-за того что ему не вовремя принесли квитанцию на налог на дороги (владелец автомобиля в Англии платит 12 фунтов и 10 шиллингов в год (около 35 долларов)). Он страдал от ипохондрии, постоянно носил с собой таблетки, а в шкафчике в его ванной всегда было полно лекарств.

Лонсдейл аккуратно следил за своим банковским счетом, который он открыл в 1957 году; его считали настолько хорошим клиентом, что однажды банк открыл ему кредит на 2500 фунтов (около 7000 долларов). Банк несколько не

рисковал, делая это, поскольку на его счете в то время были и ценные бумаги.

В то же время он, возвращаясь из своих поездок, нелегально ввозил в Англию фотокамеры, хвастаясь, что прилично на этом зарабатывал. Ему даже в голову не приходило, что из-за этого его могли раскрыть.

Любовь Гордона к противоположному полу стала широко известна благодаря лондонским газетам. Рекорд безвкусицы поставил один журнал, опубликовавший интервью с фотографиями, сутью которого было: «Я была любовницей Гордона Лонсдейла, когда муж был в отъезде». Очень многие подружки Лонсдейла рассказывали о своих отношениях с ним, причем все рассказы были в одном ключе: «Я никогда не подозревала... он был такой внимательный... всегда душа компании... Он навсегда остался в моем сердце».

Те, кто хорошо знал его, подтверждают, что очень трудно преувеличить время и внимание, которое он уделял женщинам. Случалось даже, что его девушка жила с ним, что нельзя назвать обычной практикой для шпиона. Но он выбирал таких женщин, которые не имели привычки копаться в чужих вещах. Один из друзей Лонсдейла вспоминал, что тот одно время жил в общежитии для девушек, которые приехали в Лондон в поисках работы. Истории о победах Лонсдейла кажутся неисчерпаемыми: «А помнишь, как Гордон подвез двух итальянок, голосовавших на дороге? Он целый день водил их по Британскому музею, а на ночь забрал к себе домой».

«Помнишь ту бельгийку, которая бросила мужа, чтобы поехать с Гордоном в турне по Европе? Помнишь, как он однажды заказал жареного цыпленка и бутылку джина себе домой, где обедал с двумя югославками?...» и так далее.

Коллеги Лонсдейла тепло вспоминают о нем. Для них он был везучим канадцем, носившим одежду, от которой могли содрогнуться лондонские портные; он всегда стоял на своем, и на него можно было рассчитывать в сложной ситуации.

Один из его партнеров попал в серьезное автомобильное происшествие в 1960 году — он врезался в машину, находясь в нетрезвом состоянии. На следующий день Лонсдейл сделал несколько снимков обеих машин и с ними

выступил на суде. Его друга приговорили к трем годам заключения условно, а Лонсдейл, выйдя из здания суда, сказал: «Если это образец английского правосудия, то я не хочу еще раз увидеть суд изнутри».

Когда же Лонсдейл, у которого бизнес и личная жизнь занимали все время, был шпионом?

Он пришел к выводу, что может встречаться со связными и передавать информацию в выходные дни. Летом 1960 года именно он принял под свое руководство Гарри Гоутона. В июне он приехал в дом Гоутона в Веймуте и представился Алексом Джонсоном, военно-морским атташе США.

«Я только что провел день в Портленде, и друзья подсказали мне, что я могу захватить поговорить с Вами».

Гоутон вспоминал, что «Лонсдейл разговаривал так, будто знал все о военно-морском флоте США, постепенно разговор перешел к гидролокационным установкам. Он не спросил меня прямо, знаю ли я что-нибудь об этом, — все было наоборот. Он пытался убедить меня в том, что я знаю многое о подводных лодках и гидролокаторах».

Затем разговор перешел к музыке и балету. «У меня есть друг, который очень любит балет, — сказал Гоутон. — Мы хотели достать билеты на гастроли Большого театра, если они еще есть». Лонсдейл пообещал достать билеты на 9 июля, на это же число была назначена и встреча.

Вечером, размышляя о визите «американского атташе», Гоутон понял, что Джонсон был звеном той цепи, в которую его пытались вовлечь с 1957 года. Однако он решил не упустить возможность увидеть гастроли Большого театра.

Это решение было роковым для Гоутона, потому что в то время уже начала работать машина британской системы безопасности, и он уже был под подозрением. По иронии судьбы, Гарри стал подозреваемым после того, как его обвинили в том, к чему он не имел отношения. В марте 1960 года к Фреду Хоскингу, офицеру службы безопасности Адмиралтейства, обратился фотограф отдела подводного вооружения, сказавший, что он получил анонимное письмо. Оно было написано на бумаге, использовавшейся в доках Портленда. В письме были слова «ты грязный еврей» и черная свастика. Фотограф, который не был евреем, сказал Хоскингу, что единственным служащим,

который с ним не ладил, был Гарри Гоутон. Через несколько дней руководитель отдела, в котором работал фотограф, получил анонимное письмо на такой же бумаге. В нем говорилось, что фотограф использует снимки, сделанные на базе, в своих целях.

Хоскинг проверил Гоутона, и тот оказался непричастен к письмам. Тем не менее расследование выявило некоторые странности в его жизни. Оказалось, что мелкий чиновник живет не хуже руководства Адмиралтейства. Покупка и обустройство дома стоили ему около 9000 фунтов, что слишком много для провинциальной Англии; он только что купил новую модель «рено»; он больше всех тратил в «Старом вязе»; он часто ездил в Лондон; и все это на зарплату 15 фунтов в неделю (около 40 долларов). Во время расследования один из соседей Гоутона передал полиции сведения, которые совпадали с тем, что обнаружил Хоскинг относительно финансового положения Гоутона.

Хоскинг передал дело в Скотланд-Ярд, откуда оно было направлено в Специальный отдел криминальных расследований, который отвечает за дела по защите национальной безопасности, королевской семьи и членов правительства, а также следит за действиями экстремистов.

Примерно в то время, когда Лонсдейл, представившись американским атташе, пришел к Гоутону, Специальный отдел уже начал расследование и установил наблюдение. То, что удалось обнаружить, потребовало привлечь к делу МИ-5.

МИ-5 — пятый, контрразведывательный отдел британской военной разведки. Он был создан в 1910 году как подразделение армии, но с тех пор его функции изменились и сейчас напоминают функции ФБР. Как и ФБР, МИ-5 противодействует внутренней подрывной деятельности и расследует все дела, связанные с нарушением закона о государственных секретах. Так же как и ФБР, МИ-5 подотчетен Генеральному прокурору, хотя информация, собранная отделом, сопоставляется с информацией, полученной от других источников, и поступает в Объединенное бюро разведки, которое раз в неделю готовит доклад для министра обороны. В МИ-5 работают в основном гражданские лица, и это делает недоразумением название отдела.

Фетиш МИ-5 — секретность. Общественности не известен ни один человек из 1500 работающих в отделе, руководитель не является исключением.

Штаб-квартира МИ-5 тоже засекречена. Но любой лондонец, живущий около Мэйфейр, знает, что большое восьмизэтажное здание по Керзон-стрит, известное под названием «Леконфилд-хауз», — резиденция британских охотников за шпионами.

В отличие от ФБР, МИ-5 занимается только расследованиями, но не имеет полицейских функций. МИ-5 не может производить обыски и аресты. Таким образом, любое расследование, ведущееся МИ-5, имеет два аспекта, так как все улики изымаются Специальным отделом Скотланд-Ярда.

После встречи на спектакле Большого театра Гоутон и Лонсдейл договорились увидеться 6 августа. Они встретились около театра Олд Вик и оттуда пошли в кафе «У Стива». За ними следили два агента МИ-5, которые были настолько близко, что смогли подслушать часть разговора в кафе. 6 августа на первых полосах всех лондонских газет был репортаж о дезертирстве в СССР математиков Агентства национальной безопасности Уильяма Мартина и Бернона Митчелла. Лонсдейл и Гоутон, вполне естественно, обсуждали это дело. «Думаете, они на самом деле бежали?» — недоверчиво спросил Гоутон. Лонсдейл уверил его, что это было верно.

Агент МИ-5, подслушавший разговор, сидел за спиной Гоутона, на суде он рассказывал: «Хотя я не видел его, я почувствовал, что он наклонился вперед. Столики в кафе стояли очень тесно».

Вернувшись к делу, Лонсдейл сказал: «У Вас в чемодане лежит много вещей».

«Да, — шутя ответил Гоутон. — Больше чем бритвенный прибор».

Л о н с д е й л: «Мы можем упорядочить наши встречи, чтобы Вы могли записать даты».

Г о у т о н: «Да, это нужно запомнить».

Л о н с д е й л: «Встречи состоятся в первые субботы месяца, особенно в первые субботы октября и ноября. На месте Вас будет ждать шофер с машиной. Где точно, я не знаю. Скорее всего я сам там буду. Мы будем пользоваться переводчиком. Нужно найти его».

В конце беседы Гоутон сказал: «Сейчас мне не нужна оплата».

Этот разговор не удовлетворил МИ-5. Гоутон и Лонсдейл вышли из кафе и вместе вошли в телефонную будку. На суде Гоутон объяснил это так: «У меня спадали брюки, и мне нужно было их поправить». Как оказалось, в «толстом свертке», который был в руках у Лонсдейла, были только газеты.

В октябре Гоутон получил по почте очередной вызов и отправился в бар «Мэйпоул», где его встретил один из польских связных, Джон. «Что-нибудь принесли?» — спросил он его. «Нет», — ответил Гоутон.

Ранее Гарри упоминал, что в Гибралтаре служили его друзья, и Джон спросил его: «Вы можете узнать, правда ли то, что в Гибралтарском проливе есть сеть подслушивающих устройств, которые по звуку двигателя могут засечь подводную лодку, прошедшую по проливу, и передать эти данные в Гибралтар? Мы можем оплатить поездку в отпуск в Гибралтар, чтобы Вы навестили своих друзей и получили нужную информацию».

Гоутон ответил, что он не может сделать этого: «Я знаю этих людей недостаточно хорошо. Кроме того, это судомонтажники, маляр и электрик. Они не будут знать об этом. К тому же, мне сейчас не нужен отпуск».

«Как поживает мисс Ги? — неожиданно спросил Джон. — Она все так же хороша, как и раньше? Вам бы лучше что-нибудь найти для нас. Вы всего лишь маленький человек. Вас не смогут круглосуточно защищать. Кто Вы вообще такой?»

Услышав это, Гарри подумал, что лучше было бы разорвать отношения с Банти. Но не решался на это, так как не мог придумать веский повод. Он также возобновил робкие попытки добиться перевода из Портленда. В то время была вакансия в Бридпорте, но он не подходил по возрасту.

Решающая встреча Гарри, Банти и Лонсдейла состоялась 10 декабря. Гарри наконец согласился достать нужную информацию за определенную сумму. Лонсдейл дал ему фотоаппарат и сказал, чтобы он переснял основное руководство ВМФ Великобритании — «Особенности военных кораблей». Это большая (412 страниц) книга с иллюстрациями, рассказывающая об устройстве и характеристиках всех судов, используемых в ВМФ Англии, включая

атомную подводную лодку «Дреднот» и другие современные корабли. На обложке каждого экземпляра пометка «секретно» и примечание: «Эта книга должна храниться в запертом сейфе, если ею не пользуются, ее запрещается выносить с корабля без соответствующего разрешения командира».

Гарри также обещал сфотографировать основные руководства Адмиралтейства и достать с помощью мисс Ги несколько брошюр, рассказывающих о гидролокационных установках. Сама мисс Ги следила за всем разговором с типично женской бесхитростностью. Лонсдейла она увидела таким, каким он был: «жевал резинку, говорил с американским акцентом».

Банти ожидала встретить русского шпиона, а вместо него оказался нахальный американец, который «думал, что он лучше англичан знает, как нужно все делать, и хотел доказать это». Когда Лонсдейл дал Банти список вопросов и попросил найти на них ответы, она сказала, что «они были бессмысленными» для нее.

Эти вопросы, если бы она смогла на них ответить, «дали бы полную картину наших планов по борьбе с подводными лодками и исследований, которые ведутся в этой области», сказал на суде прокурор. Некоторые вопросы относились к конструкции и расположению на кораблях и подлодках гидроакустических приборов, а также к работе гидролокаторов.

В тот же вечер, сидя у Гарри дома, пока он «готовил бутерброды и поливал кактусы», мисс Ги переписала вопросы на отдельные листки бумаги, а оригинал сожгла. Позднее Гарри сказал, что он и Банти вместе прочитали вопросы: «Мы долго смеялись. Мы приняли все за шутку, за что-то забавное, чего мы не могли понять».

До следующей встречи, назначенной на 7 января, оставался месяц, в течение которого они должны были найти нужную информацию. Для мисс Ги ее часть задания не составляла особого труда. Она планировала отдать Гарри брошюры в пятницу и отвезти их на работу в понедельник. Очевидно, безопасность в Портленде ограничивалась пятью днями, а по выходным проверки не проводились. Даже в будние дни служащих редко досматривали на выходе, и мисс Ги знала, что она может спокойно выйти с

базы с сумочкой, в которой будут лежать секретные документы.

Задание Гарри было сложнее. Он смог запереться у себя в кабинете с камерой и переснять книгу со 181 по 412 страницу, то есть вторую половину руководства. На суде он заявлял, что специально не настроил фокус камеры, чтобы характеристики кораблей нельзя было прочитать. Тридцать фотографий подводной лодки «Дреднот», по его словам, были сделаны так, что из них нельзя было составить цельную картину. «Я хотел, чтобы они были головоломкой, которую нельзя разгадать».

Обвинение утверждало, что он был просто плохим фотографом, который сделал все, что мог.

Хотя большая часть материалов, опубликованных в «Особенностях военных кораблей», уже обнародована, фотографии, сделанные Гоутоном, особенно снимки «Дреднота», содержали детали, которые до сих пор засекречены Министерством обороны. Однако в книге не было информации об атомном реакторе, изготовленном в США.

Гарри также сделал двадцать восемь фотографий восьми руководств Адмиралтейства, которые касались всех аспектов жизни военно-морского флота. Это, в частности, руководства по лечению венерических заболеваний, по применению лекарственных средств на кораблях, а также списки персонала и данные о переводах и повышениях. Очевидно, он выбирал эти материалы случайно, хотя в речи на суде заявил, что выбрал те документы, которые имели меньшую ценность для потенциального врага. Из этих же соображений он сфотографировал и устаревшую карту базы в Портленде.

Мисс Ги похитила из своего офиса семь брошюр о гидролокаторах, и прокурор отметил, что «все они представляли огромную ценность для потенциального противника», хотя из семи документов только на одном стояла отметка «Конфиденциально». (В Великобритании степень доступа различается следующим образом: ограниченно, конфиденциально, секретно, совершенно секретно.)

По поводу вопросов, которые Лонсдейл дал мисс Ги, она говорила, что просмотрела документы у себя в офисе, но не нашла ничего подходящего. Поскольку первую неделю января она работала над гидролокационными установками, то взяла семь брошюр, лежавших у нее на столе,

положила их в конверт Адмиралтейства и вышла из здания. На трех брошюрах она написала «оставить». Позже объясняла это так: «Я хотела, чтобы Гарри не отдавал мне все документы в понедельник. Я не хотела идти на работу с большим свертком. Я думала, что он прочитает их и выберет полезную информацию».

Мисс Ги отдала Гарри брошюры 6 января, четыре из них («чтобы пакет был не слишком большим») он завернул вместе с пленкой. В субботу они поехали в Лондон на поезде, так как на дорогах был гололед. Пакет лежал в сумочке мисс Ги. Они приехали в Лондон в три часа дня, сходили на рынок около станции Ватерлоо и вернулись на станцию в четыре часа.

Они шли около театра Олд Вик, когда сзади появился Лонсдейл. Он взял у мисс Ги сумочку. Она сказала: «Мы ехали с приключениями. Что-то случилось с дорогой, и мы объезжали через Бейзингсток».

Конец этой фразы слышал детектив Специального отдела Скотланд-Ярда Джордж Смит, который обогнал их, развернулся и сказал, соблюдая все формальности: «Вы арестованы. Я офицер полиции». В этот момент троицу окружили агенты Скотланд-Ярда и МИ-5. Мисс Ги, описывая арест, говорила: «Мы были ошеломлены. Я не понимала, что происходит. Я думала, что нас окружили стилисты. Вперед вышел мистер Смит. Я даже представить себе не могла, что джентльмена можно спутать со стилистом. Все шумели, я не могла разобрать ни слова. Я не знала, кем они были».

Мисс Ги была возмущена, когда ее посадили в машину, она только спросила полицейского: «Что же все-таки происходит?»

«В машине, — сказала она, — сидел еще один полицейский, который разговаривал по рации. Я ничего не поняла из его разговора».

Лонсдейл впервые заговорил только в Скотланд-Ярде: «На все вопросы, которые вы будете мне задавать, я буду отвечать «нет». Поэтому можете не трудиться». У Лонсдейла нашли 300 долларов и 215 фунтов и два водительских удостоверения, одно — выданное в Ванкувере, а второе — в Лондоне.

У Гоутона полиция обнаружила 16 фунтов и два билета на поезд до Солсбери. Когда Смит сказал, что Гарри

задержан за нарушение закона о государственных секретах, он произнес: «Господи, каким же идиотом я был». Смит спросил Гоутона, кто такой Лонсдейл, на что он ответил: «Ваша догадка так же верна, как и моя». Гарри хотел знать, сколько денег было найдено у Лонсдейла.

У мисс Ги, которая настаивала на том, что она не сделала ничего плохого, было найдено двадцать семь фунтов. В неделю она зарабатывала десять фунтов, но, как она объяснила позже, она унаследовала небольшую сумму, которую хорошо вложила.

Детектив Смит 7 января работал весь день. Допросив в Скотланд-Ярде Лонсдейла, Гоутона и мисс Ги, он поехал в Руслип, небольшой городок в двадцати милях от Лондона. Там он проехал мимо памятника погибшим польским летчикам и по окраинам добрался до Кренли-драйв, тихой улочки с одинаковыми домами на две семьи. Последний дом по этой улице, № 45, был домом на одну семью, в стиле Тюдоров. За высоким кирпичным забором скрывалась лужайка, на которой росли вишня и магнолия. Дорожка справа от лужайки вела к маленькому гаражу. Этому аккуратному домику скоро суждено было стать достопримечательностью Руслипа. Еще одной достопримечательностью стал штаб военно-воздушной базы США, находившийся в миле от этого дома.

Около 7 часов вечера Смит позвонил в дверь дома. Открыл высокий седой мужчина, Смит представился: «Я офицер полиции, я веду расследование. Могу я поговорить с Вами?» Мужчина провел детектива в гостиную, стены которой были заставлены книжными шкафами. Когда они вошли в комнату, с кресла поднялась женщина, собираясь уйти, но Смит сказал: «Мне нужно поговорить и с Вашей женой».

Жителями уютного дома были 50-летний Питер Джон Крогер и его жена, 47-летняя Хелен Джойс Крогер. Они путешествовали по новозеландским паспортам, занимаясь торговлей букинистической литературой. Супруги находились под наблюдением МИ-5 и Скотланд-Ярда с осени 1960 года, когда было установлено, что к ним в дом приходил Лонсдейл.

Настоящие личности семьи Крогер были раскрыты с помощью ФБР. Отпечатки пальцев супругов совпали с отпечатками двух американских коммунистов, завербован-

ных советской разведкой после Второй мировой войны, которые были связаны со шпионской группой Розенбергов. Крогеры были опознаны как Моррис и Лона Козны, коммунисты, бежавшие из США в 1950 году после провала сети Розенбергов.

Биография Кознов похожа на биографии всех американских коммунистов, ушедших из партии ради работы с советской разведкой. Моррис Козн вырос в Бронксе, в русско-еврейской семье эмигрантов. В 1924 году он пошел в школу «Джеймс Монро Хай Скул», где вступил в футбольную команду. Его до сих пор помнят как сильного игрока, и в 1927 году команда была непобедима. За свое дружеское отношение к товарищам по команде Козн получил прозвище «Дядя». В учебе он был не настолько блестящ и закончил школу со средним результатом, которого было недостаточно для поступления в хороший колледж.

Козн попал в футбольную команду университета штата Миссисипи, но через год бросил футбол из-за полученной травмы.

Он стал тренером команды и был настолько популярен, что его попросили остаться после окончания учебного заведения. Он пытался получить степень в университете Иллинойса, но безуспешно. В 1937 году Моррис получил паспорт на имя Израэля Альтмана, подписал документ, что не собирается использовать паспорт для поездки в Испанию, и вскоре вступил в бригаду Авраама Линкольна в Мадриде. К тому времени Козн уже не скрывал своих симпатий и сказал своему бывшему учителю, что едет в Испанию сражаться на стороне коммунистов. Там он провел один год и в 1938 году вернулся в Соединенные Штаты.

Козн был глубоко предан идеям коммунизма. Он работал в «Амторге», советской торговой организации, служившей прикрытием для советских агентов. В 1939 году он служил в охране советского павильона на Международной выставке в Нью-Йорке. Он не скрывал своих отношений с коммунистической партией. Представитель профсоюза официантов Бенни Готтсман вспоминал, что Козн пытался агитировать членов их профсоюза вступать в коммунистическую партию. Он также искал людей, желавших обучаться в Школе социальных наук Джефферсона, в которой училось очень много коммунистов.

Готтсман вспоминал: «Однажды я сдал пять долларов на подарок к дню рождения одному из членов профсоюза. Позже Коэн принес мне билет и сказал, что я стал членом бригады Авраама Линкольна. Как-то я спросил у Коэна: «Слушай, красный негодяй, почему русские подписали пакт о ненападении с нацистами?» Он ответил мне: «Наш дядя Джо очень умен. Он курит трубку и смотрит». Коэн был очень умен, хорошо образован, он со вкусом одевался. Он постоянно улыбался. Его ничем нельзя было вывести из себя».

В 1940 году, по словам Джозефа «Дока» Вейдмана, учителя Коэна, он замещал преподавателя начальных классов где-то в Манхэттене. «Я не знаю, где это было точно, но полагаю, что район был довольно бедный, так как однажды Коэн позвонил мне и спросил, не могу ли я дать ему в долг бейсбольные мячи и биты. Он всегда хотел, чтобы дети занимались спортом».

В это время Коэн начал ухаживать за Лоной Терезой Петка, дочерью польского эмигранта. Она пользовалась авторитетом у своих друзей, была решительна и придерживалась тех же идей, что и Коэн. Лона родилась в Адамсе, штат Массачусетс, и убежала из дому, когда ей было четырнадцать лет. Когда познакомилась с Коэном, она работала гувернанткой в семье Уинстонов в Нью-Йорке. Они поженились в Норвиче, Коннектикут, 13 июля 1941 года. Коэн продолжал замещать учителя, а Лона работала в библиотеке. Через шесть месяцев после нападения на Пёрл-Харбор его призвали в армию, он был приписан к квартирмейстерскому корпусу. В течение двух лет служил поваром на Аляске и в Канаде, в 1944 году его отправили в Англию в составе подразделения американской армии. Коэн демобилизовался в ноябре 1945 года. Его жена во время войны работала на оборонном заводе в Нью-Йорке. Коэны начали тайную работу в конце войны. Советским резидентом в Соединенных Штатах в то время был Джек Собл, склоненный к шпионажу частично угрозами, частично собственным желанием. Собл и его жена Мира, женщина такого же сильного характера, как и Лона Коэн, приехали в США в 1940 году как беженцы, а в 1947 году стали центром агентурной сети.

Есть основания полагать, что именно Собл и его жена

завербовали Коэнов, которые играли в сети Розенбергов второстепенную роль.

Собл, утративший доверие Москвы из-за частых поездок в Европу, траты денежных фондов и неспособности добыть ценную информацию, потерял контроль над Коэнами в 1949 году, и те начали работать с новым резидентом. Маловероятным представляется тот факт, что этим резидентом был Абель. Абель приехал в США из Канады в 1948 году и около года путешествовал по стране прежде чем поселился в Нью-Йорке. Советские секретные службы развиваются очень медленно, и скорее всего прошло три или четыре года, до того как Абель начал руководить сетью, которая осталась от Собла.

На суде в Олд-Бейли стало известно, что Коэны и Абель встретились в 1948 году. Семья переехала в квартиру на 71-й улице и, по словам детектива Смита, «в начале 1950 года Коэны устроили праздничный обед, на котором Абель был представлен как преуспевающий английский бизнесмен». Детектив Смит сказал, что Абель назвался «Мильтоном». Милтон в английском языке соответствует Эмилю, и вполне возможно, что Абель, зная, что он больше не встретится с гостями, назвался английским бизнесменом, а не художником Эмилем Голдфусом.

Коэны переехали в Ист-Сайд, рядом с которым работал Моррис. В то время он преподавал в четвертом и пятом классах в школе на углу Лексингтон-авеню и 96-й улицы.

В это время он сдает экзамены, чтобы получить возможность преподавать в средней школе. Коллеги помнят его «спокойным, хорошим» учителем, которому немного не хватало опыта.

Результаты экзаменов, опубликованные летом 1950 года, показывают, что Коэн занял первое место среди преподавателей начальной школы и третье место среди учителей средней школы. Однако он никогда не узнал своих результатов, так как в августе их семья исчезла.

Коэны уехали в то время, когда начала рушиться сеть Розенбергов. Существование сети раскрыл Клаус Фукс, которого арестовали в феврале 1950 года. Джулиус и Этель Розенберги знали, что ФБР подбирается к ним, и собирались бежать летом 1950 года. Мортон Собель, еще один

участник сети, бежал в Мексику, где и был арестован. Дэвид Грингласс, брат Этель Розенберг, знал, что ему тоже нужно готовиться к отъезду. Однако, разочаровавшись к тому времени в коммунистических идеях, не собирался уезжать. Его намерение остаться подтвердилось в разговоре с Розенбергом, который состоялся в июне 1950 года: «Ты думаешь, что мы сможем обмануть ФБР?» — спросил Розенберг. «Не знаю». — «Знаешь, если мне скажут, что становится слишком жарко, мы уедем и оставим здесь детей и жен. (У каждого из них было по двое детей)».

«Двух женщин и четверых детей? Мы оставим их и уедем? Мы когда-нибудь увидим их?»

«Не знаю... Русские постоянно кого-то присылают, их могут убить, они ни перед чем не остановятся».

Розенберг сказал Гринглассу, что уже организовал отъезд агентов сети. Через несколько дней после этого разговора был арестован Грингласс, что и привело ФБР к Розенбергам.

В день ареста Грингласса Коэны закрыли свои банковские счета и получили часть сбережений наличными. В августе Коэн уволился из школы, сказав друзьям, что уезжает на Западное побережье, чтобы попробовать себя в качестве сценариста. (В документах Гильдии сценаристов Голливуда нет упоминаний о том, что он стал им.) Отъезд супругов из Нью-Йорка был таким спешным, что Лона Коэн оставила в квартире свои драгоценности, косметику, большую часть одежды.

Избежав ареста, Коэны отправились в Австрию. Оттуда Коэн написал письмо в посольство Новой Зеландии в Париже. Представившись человеком по фамилии Крогер, он попросил выдать новозеландские паспорта ему и его жене. Они получили паспорта, пользуясь поддельными свидетельствами о рождении и свидетельством о браке, выданном людям, которые были гражданами Новой Зеландии, но умерли задолго до описываемых событий. Коэны приехали в Великобританию в 1954 году.

Здесь, впервые с окончания Второй мировой войны, они могли свободно вздохнуть. Супруги укрылись в неизвестности британской провинции, купили коттедж, похожий на тысячи других, и начали вести спокойную, на первый взгляд скучную, жизнь.

В 1955 году Крогер начал работать над своей легендой,

став торговать букинистической литературой, специализируясь на американских книгах. Он открыл небольшой магазин на Стренде, усердно посещал аукционы, регулярно печатал свою рекламу в журнале «Критик».

Он состоял в Обществе торговцев букинистической литературой, в Национальном обществе книги. Многие букинисты считали его дилетантом, скупавшим все подряд, но редко дороже 50—60 фунтов. Крогер говорил, что большинство его клиентов живут за границей, и он часто ездил в Париж и Женеву, положив несколько книг в дипломат. В книгах лежали микропленки, спрятанные в обложках. В 1956 году он продал магазин и начал заниматься бизнесом у себя дома. В Руслипе, где они купили дом за 5000 фунтов, Крогеры пользовались успехом у соседей. Миссис Крогер часто устраивала праздники для детей, делала семейные фотографии. Она любила выпить, и знакомые помнят ее шумной, энергичной женщиной, полной противоположностью тихого Крогера, всегда улыбающегося и любящего спорт. Крогер был членом команды Общества торговцев букинистической литературой по крикету, и его жена часто фотографировала его с битой в руках. Он каждый день тренировался на заднем дворе своего дома.

Но Крогеры, несмотря на все свое дружелюбие, были самыми опасными людьми из пяти человек, арестованных по делу о разглашении государственных секретов. Лонсдейл был русским и работал на свою страну. Гоутон и мисс Ги плохо осознавали свою причастность к шпионажу и смотрели только на увеличивающийся поток фунтов.

Крогеры же были людьми, отказавшимися от своей страны, связав себя узами международного коммунизма. Они вряд ли когда-нибудь ездили в Россию, но для Лонсдейла являлись близкими людьми. Они были опытными агентами, за которыми охотились почти по всему миру, которые несколько раз меняли имена, национальность. Они были преисполнены фанатизма, о котором Ребекка Вест, присутствовавшая на суде, писала:

«Где бы их не встречали, становилось ясно, что они ведут какую-то яростную борьбу с действительностью, как будто хотят доказать, что она в некоторых отношениях не такая, как о ней думают.

Они могли бы быть нудистами и полагать, что носить одежду неестественно, они могли бы верить в то, что

Земля плоская, они могли бы разговаривать с духами. К счастью, их инакомыслие выражалось в том, что они были коммунистами, но они так сильно верили в коммунизм, что стали похожи на религиозных фанатиков».

Когда детектив Смит постучал в их дверь и начал задавать вопросы, Крогеры сразу же поняли, что пришло время многое объяснить. Но они все-таки решили поиграть в кошки-мышки.

«Я хочу, чтобы вы назвали мне имя и адрес джентльмена, который приходит к вам каждые выходные, в частности, в первую субботу месяца. Он приезжает около четверти восьмого», — сказал Смит.

Крогер поглядел подбородок, он, казалось, был озадачен. «Ну, у нас много друзей». Супруги быстро назвали несколько фамилий, не упоминая Лонсдейла.

Смит сказал им, что они арестованы, и миссис Крогер спросила, может ли она затопить котел, перед тем как они уйдут. Смит разрешил, но попросил сначала осмотреть сумочку, которую она держала в руках. Миссис не хотела отдавать сумочку и прижимала ее к себе. Смит потянул сумочку в свою сторону, она растянулась, и оттуда выпал белый конверт. В конверте лежало письмо на русском языке, написанное Лонсдейлом своей жене. Миссис Крогер должна была переснять его на микропленку и отправить в Москву через Париж. Кроме того, в сумочке лежали три микропленки, наклеенные на стекло, чтобы их было удобнее читать, — это были письма жены Лонсдейла, — список восьми лондонских улиц, на которых проходили встречи агентов, лист бумаги с шестизначным кодом.

Смит вспоминал: «Когда я забрал конверт, миссис Крогер утратила всякий интерес к своему котлу».

Скотланд-Ярду и МИ-5 потребовалось девять дней на то, чтобы обыскать дом по Кренли-драйв, который позже описывали как «центр связи и банк шпионской сети». В доме было найдено все то, что хорошо знакомо людям, изучающим советский шпионаж. Если мы начнем снаружи, то на передней и задней дверях увидим защищающие от ограбления врезные замки, на окнах также стояли надежные запоры. Эти замки, делавшие дом Крогеров крепостью, можно оправдать его букинистической деятельно-

стью. В доме было несколько редких книг, и полиция обнаружила письмо из компании, которая застраховала книги Крогера на сумму 2750 фунтов с условием, что он купит надежные замки.

В спальне на первом этаже стоял шкаф, на верхней полке которого был микроскоп. На нем лежала стеклянная пластинка, похожая на ту, что была обнаружена в сумочке миссис Крогер. В корзине в кладовой лежал электрический шнур 49 футов длиной (14 м), на одном его конце была розетка, а на другом вилка. В сумочке было найдено 200 фунтов в пятифунтовых банкнотах, а за несколькими книгами были спрятаны поддельные новозеландские паспорта, выданные в Париже в 1954 году. В одном из ящиков шкафа, стоявшего в спальне, нашли металлическую фляжку, в каждой из стенок которой был сделан тайник. В одном тайнике лежал оксид железа, используемый в качестве покрытия магнитных лент для чтения сообщений на азбуке Морзе. В ящике туалетного столика был найден фонарь, в котором стояла фальшивая батарейка. В Библии, лежавшей на шкафу, был найден кусок целлофана, покрытый светочувствительным материалом, который мог использоваться для изготовления микропленок в домашних условиях.

В гостиной полиция обнаружила тайник в настольной лампе. В тайнике лежали две фото пленки и списки сигналов для радиосвязи.

В одном списке было три колонки цифр, обозначавших день, время и частоту выхода на связь с Москвой, во втором списке были позывные для выхода на связь в первое и третье воскресенье каждого месяца. Позывными служили названия русских городов и рек. В третьем списке были сигналы Морзе для радиосвязи по понедельникам.

В лампе также нашли шесть «одноразовых» таблиц с шифром, известных с 1957 года, когда подобные таблицы впервые обнаружили у Абея. «Одноразовая» система делает невозможной расшифровку кода, так как он применяется только один раз, поэтому его символы не повторяются. Таблицы, найденные в лампе, были покрыты перманганатом калия, возгорающимся при малейшем нагревании.

В гостиной также нашли коротковолновый приемник, работавший на высоких частотах. К нему можно было

подключить магнитофон. В доме нашли фотокамеру, принадлежавшую Лонсдейлу.

На следующем этаже была ванная, которую можно было использовать при работе с фотографиями. Над крапом была прибитая большая доска, такие же доски закрывали окна. В пудренице был обнаружен тайник, в котором лежало устройство для чтения микропленок — миниатюрный диаскоп с отверстием в одной стороне, куда вставляется микропленка. За ванной шел чердак, где Крогер, проклонник здорового образа жизни, хранил яблоки. Там же он прятал и антенну длиной 74 фута (22 м). Под крышей нашли 2563 доллара наличными, 230 долларов в чеках, 10 фунтов в чеках.

Во время суда адвокат Крогера пытался убедить присяжных в том, что антенной пользовались для того, чтобы «искать гнилые яблоки».

Последней комнатой, в которой был произведен обыск, стала кухня. Под холодильником обнаружили люк. Под ним было отверстие глубиной один ярд (90 см), дно покрывал щебень. Под щебнем лежала бетонная плита, а под ней — доска. Убрав доску, полицейские обнаружили углубление, в котором лежало пять сумок, завернутых в целлофан, сумка из льняной ткани, хлопчатобумажная сумка и зеленый лоток. В одной сумке лежал радиопередатчик без внешней антенны, с помощью которого можно было напрямую связаться с Москвой. Он не был изготовлен какой-либо фирмой, в крышку были встроены антенна и заземление. К нему подключалось устройство для автоматического воспроизведения магнитной ленты. Это делало возможным высокоскоростную передачу, так как сообщение можно было записать на магнитную ленту, которая затем подключалась к передатчику и воспроизводилась на большой скорости.

В коричневой хлопчатобумажной сумке лежали пленка с надписью «отснято двенадцать кадров», две катушки с пленкой и 6000 долларов наличными.

Прокурор сказал на суде: «Этот провинциальный, невинный на вид дом, в котором не было внешней антенны, даже телевизионной, в котором семья Крогеров жила с 1956 года, был, по моему мнению, радиостанцией, способной выходить на связь с Москвой. В доме было найдено оборудование, необходимое для изготовления и чтения

микропленок, таблицы шифров для кодирования сообщений. Я могу предположить, что это был центр связи шпионской сети и, судя по количеству денег, найденных там, банком шпионской сети».

Раскрыв «центр связи» сети, Скотланд-Ярд предпринял два шага, которые должны были продвинуть расследование вперед. Первым шагом — сохранить аресты в тайне, чтобы установить радиосвязь с Москвой с помощью найденных в доме таблиц. Однако произошла утечка информации, и об арестах стало известно уже на следующий день. Тем не менее через два дня после ареста, 9 января, детективы настроились на частоту Москвы в 12.30 и услышали позывной, который был указан в таблице. В 12.45 они снова слышали позывные, на этот раз передача продолжалась четыре минуты. Исследование показало, что источник сигнала находился рядом с Москвой. В среду, 18 января, детективы снова слышали сигналы из Москвы. Тот факт, что русские продолжали вести радиосвязь, хотя весь мир уже знал об аресте шпионов, так и не был объяснен, что и было использовано защитой в ходе процесса.

Вторым шагом Скотланд-Ярда стало установление наблюдения в доме Крогеров, чтобы узнать, кто еще мог прийти туда. Полиция, помимо всего перечисленного, нашла здесь письменный прибор, в котором лежали канадские паспорта с фальшивыми именами и фотографиями Крогеров. Паспорта, выпущенные в Канаде в 1956 году, были выданы на имя Томаса Джеймса Уилсона и мисс Мэри Джейн Смит. В каждом паспорте лежала записка, объяснявшая значение надписей на визах и рассказывавшая о процедуре иммиграции в Канаде. Полиция также обнаружила подставки для книг, в которых было спрятано 4000 долларов.

Через несколько дней после арестов представитель компании «Стенли», юридической фирмы, занимавшейся делом Лонсдейла, получил разрешение осмотреть дом Крогеров. Он нашел несколько фотографий хозяев, которые продал газетам по рекомендации своего руководства. Именно он нашел письменный прибор и подставки для книг, которые затем передал Скотланд-Ярду.

Этот человек, Майкл Холбрук Бауэрс, познакомился с Лонсдейлом, когда они вместе занимались продажей авто-

матов. Он рассказывал следующее: «Я нашел письменный прибор в правом ящике туалетного столика в спальне. Я услышал, что он как-то звякнул. Я решил, что там лежат деньги. Я заглянул в него и увидел что-то похожее на герб. Я раскрыл прибор шире и увидел два паспорта». После этого он нашел деньги в подставках для книг. Он «был в шоке и не знал, что с ними делать», поэтому сдал их в полицию только через три дня.

Квартира Лонсдейла в Уайт-хауз также была напичкана принадлежностями профессионального шпиона.

Буквы на его пишущей машинке совпали с теми, которыми были напечатаны шифры, найденные в доме Крогеров. В ремне на брюках, висевших в шкафу, обнаружен тайник для денег, в котором лежало 300 долларов. В коробочке с тальком был найден диаскоп и три микропленки. Списки радиопозывных нашли в фальшивой батарее карманного фонаря.

Самым экзотическим тайником, найденным у Лонсдейла, стали китайские свитки — один висел над кроватью, а второй стоял на кухонном шкафу. Лонсдейл объяснял на суде: «Если вы вставите булавку между определенными нитями в конце свитка, булавка останется там, затрудняя поиск отверстия. Если затем нажать на булавку, она освобождает зажим и можно будет увидеть, что внутренняя часть свертка полая. Это получается благодаря тому, что легкий металл очень аккуратно сворачивается». В свитке, висевшем над кроватью, было найдено 1800 долларов.

В результате обыска в доме Гоутона в Веймуте были обнаружены фотокамера, спичечный коробок с двойным дном, набор брошюр, помеченных «оставить» или «отдать», 500 фунтов в облигациях в ящике под лестницей, 650 фунтов в заплесневелых 10-шиллинговых банкнотах в металлической банке, стоявшей под навесом в саду. В бедном доме мисс Ги нашли только список из двенадцати вопросов, которые ей дал Лонсдейл.

Пятеро членов шпионской сети предстали перед судом в марте. Суд проходил в первом зале Олд-Бейли, в том самом, где ранее были признаны виновными в шпионаже Алан Нанн Мэй и Клаус Фукс. Британская пресса пристально следила за процессом, длившимся восемь дней, которых хватило, на то чтобы признать подсудимых виновными.

Этот суд был настолько показательным, насколько Великобритания могла себе позволить. Его целью было полностью осветить дело, показать всех виновных, постараться скрыть огрехи в системе безопасности разоблачением шпионской сети, показать в выгодном свете работу Скотланд-Ярда и МИ-5 и строго наказать подсудимых.

Если бы подсудимых обвиняли в нарушении Закона о государственных секретах, как это было в случае Фукса и Мэя, их вряд ли приговорили бы к более чем четырнадцатилетнему заключению. Но им предъявили обвинение в организации заговора. В обвинительном акте говорилось, что «в период с 14 апреля 1960 года по 7 января 1961 года они вступили в сговор, угрожавший национальным интересам и безопасности страны, с целью передачи другим людям информации, которой может прямо или косвенно воспользоваться враг». Британский Уголовный кодекс не оговаривает максимальный срок заключения в делах о заговоре.

Суд начался 14 марта, обвинителем был Главный прокурор Великобритании сэр Реджинальд Меннингом Буллер, к чьему имени прекрасно подходит прозвище «сэр, смеющийся над манерами», чего, естественно, не упустила пресса. Сэр Меннингем Буллер настойчиво пытался преодолеть скуку, возникшую на суде, и собственную склонность к риторике. Восемь дней — необычайно долгое время для суда в Англии, и в драме пяти советских агентов, чья вина была очевидна с самого начала, оказалось совсем не много волнующих моментов.

Было заслушано тридцать свидетелей, которые только добавляли цемент к уже построенной стене доказательств, была также выставка из 120 предметов, начиная от китайских свитков и заканчивая сумочкой мисс Ги. Выступило двадцать агентов МИ-5, которых вызывали по буквам (чтобы не разглашать их имен), они рассказывали о своих наблюдениях.

Агентов вводили из специальной боковой комнаты в углу зала, они исчезали сразу после дачи показаний, поэтому их нельзя было сфотографировать, нарисовать или каким-то образом запомнить.

Первый зал в здании Центрального криминального суда (Олд-Бейли) отделан светлым дубом, в потолке непрозрачное окно. Подсудимые находились в стеклянной

камере напротив судей. За ними была галерея для гостей на 100 мест. Все дни она была полностью занята. Жюри присяжных, в составе которого были только мужчины, сидело напротив обвинителей.

Героем суда стал Лонсдейл, а негодяем — Гоутон. Теперь, когда все знали, кто такой Лонсдейл, наблюдатели говорили, что его невозможно принять ни за кого, кроме русского. По их словам, даже по-английски он говорил со славянскими интонациями, которые ясно доказывали, что английский не был его родным языком. Когда он выступал на суде, то говорил и выглядел тем, кем был на самом деле: русским, который прошел подготовку, чтобы казаться канадцем. В то же время он демонстрировал качества настоящего профессионала. Он как бы отделил себя от суда и на каждое заседание приходил с книгой о шпионах, написанной в XIX веке, «Лотос и Ветер», которую читал, когда ход процесса становился неинтересен.

Ребекка Вест писала в одной из своих статей, что Лонсдейл может быть привлекательным благодаря «отношению к своему физическому состоянию, которое не страдало в тяжелых условиях. После нескольких недель, проведенных в тюрьме, он выглядел так, как будто мог выйти из Олд-Бейли и пойти на ближайший теннисный корт».

Случайно или по расчету, Лонсдейл смог найти тон в обращении к своим слушателям-англичанам. Он смог стать достойным любви англичан к спортсменам, умеющим достойно проигрывать, сделав заявление в середине суда, в котором брал всю вину на себя, снимая ее с Крогеров. Когда он закончил говорить, в зале Олд-Бейли были слышны крики «браво». Он сказал следующее:

«Я делаю это заявление, потому что не хочу, чтобы по моей вине страдали мистер и миссис Крогер... Крогеры знали, что я снимаю тесную квартиру в доме, ключ от которой был у многих членов обслуживающего персонала. Пользуясь этим извинением, я перевез часть своих вещей в дом Крогеров... Я подарил миссис Крогер лампу и подставки для книг, которые казались обычными предметами в быту. Как вы могли убедиться, в этих предметах были тайники, содержавшие различные объекты, представленные здесь. Поверхностный осмотр покажет, что даже списки позывных были копией тех, что были найдены в моей квартире... Ванной Крогеров я

пользовался для работы с фотографией. Некоторые химикаты, найденные в их доме, принадлежат мне. Одно время я проводил опыты по микрофотографированию, и полоса целлофана, найденная в доме, — результат этих опытов...

Пока Крогеры были в отъезде, я соорудил тайник, найденный в основании дома, и разместил там радиопередатчик... Я знал, что, если тайник будет обнаружен, я поставлю Крогеров в очень серьезное положение. Я решил получить поддельные паспорта на тот случай, если возникнет такая ситуация.

Я взял фотографии мистера и миссис Крогер и вклеил их в паспорта. Паспорта я спрятал в письменный прибор. Если бы полиция сняла отпечатки пальцев с передатчика, паспортов и других предметов, она бы не обнаружила отпечатков пальцев Крогеров.

В субботу, 7 января, в день нашего ареста, я ходил за покупками с миссис Крогер. Она купила одеяло и ткань. Продавец отдал мне чеки на доставку купленных вещей. Когда я вернулся домой, то увидел, что забыл отдать их миссис Крогер, и решил оставить их у себя на какое-то время. Пока мы ходили по магазинам, я отдал миссис Крогер большой конверт и попросил отнести его к ней домой. В этом конверте лежала моя деловая переписка, и я не хотел брать его с собой на вечеринку, на которую должен был пойти в тот вечер. Я понимаю, что сейчас слишком поздно извиняться, но я полагаю, что лучшее, что я могу сделать, — это принять полную ответственность за свои действия, несмотря на то, чем это может обернуться для меня».

Кто мог услышать эту просьбу и не вспомнить при этом героя «Сказки о двух городах» и его: «то, что я делаю сейчас, гораздо лучше того, что я сделал раньше»?

После этого Крогер сделал заявление, подтверждающее рассказ Лонсдейла. Он объяснил: «Поскольку я встаю раньше жены, я привык слушать утренние новости по радио в наушниках, так как не хочу нарушать ее сон». (Это могло бы произвести впечатление на судей-женщин, но их, к сожалению, не было среди присяжных.)

Миссис Крогер сказала, что Лонсдейл был старым другом семьи, который «много помогал по дому — приносил уголь, выручал с посудой, даже ходил за покупками, несколько раз помогал с фотографиями».

В то время как Лонсдейл принес себя в жертву ради спасения друзей, Гоутон пытался спасти свою жизнь, предложив свои услуги в качестве свидетеля обвинения.

Через день после ареста Гоутон попросил о встрече с детективом Смитом. По словам Смита, Гоутон «хотел заключить сделку, чтобы не появляться в зале суда, а стать вместо этого свидетелем обвинения... он хотел предоставить информацию, которую можно было передать властям и использовать против остальных обвиняемых». Смит ответил, что не может на это согласиться.

Гоутон сказал Смигу, что может по фотографиям опознать русских и поляков, занимающих дипломатические посты в Великобритании и также работающих на секретные службы. Он заявил, что несколько его связных были официальными лицами, которые еще могут работать в Великобритании, прикрываясь дипломатическим иммунитетом. Предложение Гоутона было отклонено, и он предстал перед судом вместе с остальными обвиняемыми.

Заключительные речи адвокатов звучали как примирение с существующими доказательствами. Однако В. М. Ф. Хатсону, адвокату Лонсдейла, удалось заронить семя сомнения, когда он говорил о радиосигналах из Москвы, которые МИ-5 получал в течение нескольких дней после ареста агентов. Он сказал: «Я уверен, что глупость существует везде, но не должен ли этот факт убедить вас, как бы вы ни относились к русским, в том, что, если этот человек русский шпион, его руководители, ответственные за его поступки, кем бы они ни были, должны были к тому времени знать об аресте этого человека.

Мы знаем, что шпионы существуют по обе стороны этого несчастного мира, известно также, что шпионы относительно умны, и кажется невероятным, что его руководство продолжало передавать сообщения, которые, и это они должны были знать, будут прослушиваться МИ-5, чтобы окончательно доказать, что этот человек — русский шпион».

Этот аргумент, какие бы сомнения он не вызвал, не произвел впечатления на присяжных, которые 23 марта в 14 часов 33 минуты удалились на совещание. Они вернулись в 16 часов с вердиктом «виновны».

Приговор, вынесенный Верховным судьей лордом Паркером, был очень строгим — суммарно 95 лет тюрем-

ного заключения — самый суровый коллективный приговор, вынесенный в Великобритании в мирное время. Лонсдейл получил львиную долю, причину этого объяснил лорд Паркер:

«Очевидно, что Вы профессиональный шпион. Это опасная профессия, готовясь к которой (а Вы несомненно готовы к ней), человек должен знать, что его могут арестовать. Более того, я понимаю, что из пяти человек, вовлеченных в это дело, именно Вы имели решающий голос».

Крогеры получили по двадцать лет каждый: «Вы также несете полную ответственность за это, так как вы тоже профессиональные шпионы, и единственное различие, которое я вижу между вами и Лонсдейлом, заключается в том, что вы не имели решающего голоса и вы старше его».

Гоутон получил пятнадцать лет: «Вам уже пятьдесят шесть лет — Вы уже далеко не молоды, — и нашим принципам противоречит любой приговор, в результате которого Вы можете умереть в заключении. Если бы не этот фактор, Вы могли бы получить больший срок».

О мисс Ги, также получившей пятнадцать лет, лорд Паркер сказал: «Я не думаю, что то, что Вы сделали, сделали из-за слепого увлечения Гоутоном. Увидев Ваше поведение во время суда, я склоняюсь к мысли, что у Вас, по сравнению с Гоутоном, более сильный характер. Я полагаю, что Вы действовали, исходя из алчности».

Помимо этого, подсудимым нужно было оплатить 4000 фунтов судебных издержек, которые впоследствии составили 5100 фунтов.

Приговоры кажутся необычайно суровыми, особенно если сравнивать их с приговорами Алану Нанну Мэю и Клаусу Фуксу, которые получили 10 и 14 лет соответственно за разглашение секретов об атомных разработках. Все пятеро осужденных подавали прошения на обжалование приговоров, но их апелляции 9 мая были отклонены. Гоутон снова пытался получить особое обращение. Его адвокат предоставил суду письменное «признание», которое сообщало дополнительную информацию о людях, участвовавших в шпионской сети.

Адвокат сказал: «Гоутон полагает, что в этом документе он делает для своей страны столько же, сколько раньше сделал против нее». Судья, председательствовавший на

заседании, просмотрел документ и сказал, что «его следует сохранить».

Еще одним смягчающим фактором для Гоутона стало то, что, когда он находился в тюрьме до суда, к нему подошли двое заключенных и предложили ему 5000 фунтов и работу в Дублине за то, чтобы на суде он не называл определенного имени. Гоутон заявлял, что он отказался от этого предложения с риском для собственной жизни.

Интересным моментом в слушаниях по обжалованию приговоров стал аргумент, приведенный адвокатом Лонсдейла. Он признал, что Лонсдейл был членом советских секретных служб, а потому «его действия не отмечены печатью позора. В его деле не было предательства. Он делал то, что от него требовалось, и он приехал в эту страну, подчинившись приказам руководства. Таким образом, элемент запугивания, первичная причина для тюремного заключения», был совершенно бесполезен для Лонсдейла. «Когда он освободится, — сказал адвокат, — он не задержится в этой стране. Устрашение не подействует и на тех, кто готовит подобные операции».

Судьи, рассматривавшие апелляции, отказались обсуждать проблему эффективности тюремного заключения в качестве устрашающего фактора для профессиональных шпионов, и все приговоры остались в силе. Гоутона, Крогера и Лонсдейла отправили в тюрьму «Уормвуд скрабс». Гоутон стал работать в цеху по производству почтовых мешков, а Крогер и Лонсдейл в швейном цеху. Женщин отправили в женскую тюрьму «Холлоуэй призон».

11. «Я ЛЮБЛЮ ИЗМЕНУ, НО НЕ ПРЕДАТЕЛЕЙ»*

В истории всегда существовали Абели и Лонсдейлы, предатели — хотя о них известно меньше — тоже не были редкостью, но за годы холодной войны фигура перебежчика приобрела такую значимость, что одной из важнейших функций советской и американской разведок стало поощрение недовольных «сменить систему». Человек отворачивается от своей страны, работы, семьи, он бросает все и принимает новую веру, новые принципы и обязанности, которые иногда ему совсем не подходят. Перебежчики постоянно движутся в обоих направлениях, и в Москве и Вашингтоне уже можно найти целые кварталы, в которых они живут.

Дезертирство в наши дни перестало быть просто изменой, оно стало решением личных проблем, альтернативой самоубийству, лекарством от невроза, бегством от пустоты и абсурда и, помимо всего, идеологическим решением. Люди, ставшие дезертирами, очень разные — это могут быть известные ученые и общественные деятели, а также простые туристы, моряки, артисты балета.

На Западе существует двойное отношение к дезертирам. Русских, бежавших на Запад, мы делаем героями, а американцев, бежавших на Восток, предателями. Эта двойность отражает наивную уверенность в том, что первые поднялись к свету из ада, а последние опустились на дно зла.

Трудно понять, почему человек может отказаться от благ свободного общества и принять ограничения, суще-

* Октавий Цезарь.

ствующие в странах по ту сторону железного занавеса. Мы полагаем, что такой человек должен быть неуравновешен или страдать от неразрешимого давления. С другой стороны, мы считаем нормальным желание русского бежать из своей страны в Соединенные Штаты, где он может жить в свободном обществе.

Ближе к истине было бы то, что человек в любом обществе склонен думать, что условия, в которых он живет, естественны. Как правило он не знаком с другими условиями жизни. Он окружен знакомыми вещами и считает нормальным то, что может привести в ужас представителя другого общества. В худшем случае эти условия можно сравнить с «Чарли Чаплином в фильме о золотой лихорадке, когда он бежит в лачуге, с трудом держащейся на краю скалы» (Чеслав Милош, «Пытливый ум»^{*}). Пропаганда убеждает русских в том, что на Западе живется не лучше, чем в СССР. Дезертирство редко вызвано сознательным выбором бегства в лучший мир. Гораздо чаще оно становится жестом отчаяния. По мнению Чеслава Милоша, дезертир может преодолеть пропаганду своей страны только из-за отчаяния и отворачивания к ней:

«Пропаганда, существующая в Советском Союзе, убеждает русских в том, что нацизм и американизм одинаковы только потому, что их породила одинаковая экономическая система. Русский верит в эту пропаганду немногим меньше американца, которого журналисты убеждают в том, что гитлеризм и сталинизм — одно и то же».

Когда в августе 1960 года на Восток бежали Уильям Мартин и Бернон Митчелл, президент Эйзенхауэр выразил негодование от лица нации, сказав, что предатели заслуживают смерти. Они бежали с ценной информацией о деятельности Агентства национальной безопасности. Когда на Запад в 1954 году бежал офицер КГБ Петр Дерябин, ЦРУ скрывало его в течение пяти лет, настолько ценную информацию он принес с собой. Когда его представили общественности, он стал безавшим героем: он «выбрал свободу», он «обманул коммунистическую диктатуру» и

^{*} Czeslaw Milosz, *The Captive Mind*. (London: Secker and Warburg, 1953).

так далее. На самом деле он сделал то же, что и Мартин и Митчелл, — предал свою страну, оставил семью, которая, несомненно, пострадала от этого шага (у Мартина и Митчелла семей не было), и принес секретную информацию в качестве пропуска в США. В частных разговорах сотрудники ЦРУ признают, что к этому поступку Дерябина побуждала не идеология, а оппортунизм, что многие другие важные перебежчики руководствовались практическими соображениями, решая бежать в другую страну. У них плохие отношения с Москвой, разваливается семейная жизнь, им не дают продвигаться по службе — все, что раньше толкало человека к спиртному, теперь может толкнуть его к дезертирству.

Однако нельзя недооценивать отвращение к коммунистической системе, которое овладевает перебежчиками. Время от времени они описывают нарастающее осознание лжи, которое заставило Чеслава Милоша написать следующее:

«Мое решение было вызвано не работой мозга, а протестом желудка. Человек может убедить себя в том, что он поправит свое здоровье, глотая живых лягушек, он проглотит одну лягушку, затем вторую, но третью лягушку не примет его желудок. Таким же образом все мое существо восстало против нарастающего влияния доктрины на мое мышление».

Ужасным в наши дни стало то, что людям по обе стороны железного занавеса приходится глотать живых лягушек, и по обе стороны находятся брезгливые люди, восстающие против этого. Мартина и Митчелла к дезертирству подтолкнул шок от того, что они узнали о методах работы ЦРУ. Мы должны рассматривать дезертирство как человеческую проблему, как болезнь нашего времени, а не как вопрос борьбы добра и зла.

Дезертиры имеют огромную ценность для разведки. В ЦРУ признают, что агентство получило больше информации о советской разведке именно от дезертировавших агентов, нежели от собственных шпионов. Русским, в свою очередь, Мартин и Митчелл предоставили подробное описание АНБ, а также взломанные шифры СССР. Кроме разведывательных данных, дезертиры дают хороший повод

для ведения пропаганды. Каждая сторона с выгодой использует неприятное положение, в котором оказалась другая сторона. Методы пропаганды одинаковы — о дезертирах пишут в газетах, а сами они появляются на экранах телевизоров. Затем пресса внимательно следит за тем, как они привыкают к новой жизни.

Американский дипломат, недавно работавший в Москве, вспоминает состояние удивления, которое он испытал, отправившись кататься на коньках со своей семьей. В парке имени Горького на зиму были залиты дорожки, что сделало парк огромным катком. Были построены деревянные кабинки для переодевания, и дипломат, завязывавший шнурки на ботинках, был удивлен, услышав рядом с собой английскую речь. Он повернулся и узнал в говоривших группу американских дезертиров. Другие американцы, посещавшие Москву, также сообщают, что встречали перебежчиков в общественных местах. Говорят, что их лидерами стали Гай Берджесс и Дональд Маклин.

Берджесс и Маклин представляют собой простейшее объяснение дезертирства — дезертирство по необходимости. Они бежали тогда, когда британская разведка начала интересоваться их политическими убеждениями. Они живут в Москве с 1951 года, и об их жизни известно от иностранцев, посещающих Россию.

Сыновья Маклина каждое лето ездят в детский лагерь на побережье Азовского моря. Они пионеры. И Маклин, и Берджесс работают в отделе английской литературы в издательстве Правительства СССР. Берджесс более общительный из двух англичан, завербованных советской разведкой, когда они начали работать в Министерстве иностранных дел. Когда в 1959 году в Россию приезжал Рэндольф Черчилль, он встречался с Берджессом. В 1957 году американский адвокат Уильям Гудман был в московской опере, человек, сидевший рядом с ним, представился Берджессом. Они разговаривали во время антрактов. Берджесс казался совершенно спокойным. «Они стали обычными московскими интеллигентами», — такой вывод сделал Гудман.

В прошлом октябре Берджесс был на вечере, устроенном в честь отъезда корреспондента агентства Франс Пресс. Берджесс сказал, что хотел бы поехать в Великобританию, чтобы навестить свою мать, Еву Бассет. Он свободно об-

суждал свою жизнь в Москве, однако заметил во время разговора, что «ко всем приходит осознание того, что ты совершил ошибку», добавив при этом: «Через десять лет я чувствую себя счастливее, чем пять лет назад». Когда он уходил с вечера, на котором были журналисты всех московских газет, он сказал с каким-то странным удовлетворением: «Боже мой, я думаю, что это снова будет на первых полосах мировых газет». Маклин бывает в обществе реже, чем его друг, и спокойно живет со своей женой Мелиндой, бывшей жительницей Чикаго.

Еще один пример дезертирства из-за угрозы ареста — семья Стернов. Марта Додд Стерн, дочь американского посла в Германии Уильяма Додда, и ее муж, Альфред Стерн, бежали в 1957 году в Мексику после того, как стало известно, что они входили в сеть Джека Собла. Супруги отказывались отвечать на повестки, вызывавшие их в суд, и были оштрафованы на 25000 долларов каждый за неуважение к суду. В сентябре было предъявлено обвинение в шпионаже и организации заговора. К этому времени они уехали из Амстердама в Прагу по поддельным парагвайским документам.

Всем новым перебежчикам устраивают своего рода медовый месяц. Стернов возили на экскурсии по всей России. Посетители Ясной Поляны, имения Л. Н. Толстого, могут найти их имена в книги записей. Там они провели целую неделю. Но шум вокруг них скоро прошел, и они поселились в Праге. Марта Стерн, душа семьи, пыталась получить работу в пропагандистском журнале «Жизнь Чехословакии». Она написала главному редактору письмо, в котором указывала на ошибки в стиле англоязычных номеров журнала и предлагала улучшить его. В ответном письме редактор написал: «У нас уже есть редактор английских номеров, перебежчик с тридцатилетним стажем». С тех пор семья Стернов живет в неизвестности, с мыслью, которая, видимо, преследует всех перебежчиков: «Я никогда не вернусь домой».

Мотивы тех, кто дезертирует по собственной воле, более загадочны, мы изучим случаи американских перебежчиков, которые сочетают в себе разное происхождение и разные мотивы. Общее у этих американцев только то, что они бежали из Соединенных Штатов в Советский Союз. И если мы не можем понять загадку, почему они это

сделали, так как они не говорят о своих истинных причинах, мы можем проследить механизм их дезертирства.

Мистическое. Профессор Александр Казем-Бег преподавал русский язык и литературу в женском колледже в Коннектикуте. Он жил в США с двадцатых годов, он и двое его детей были гражданами США. Профессор принимал активное участие в жизни одного из обществ людей, бежавших из СССР, которые появлялись в двадцатых и тридцатых годах. Он писал статьи для журнала Русской Православной Церкви, проводил беседы о событиях в мире, его любили студенты.

В 1956 году он попросил предоставить ему отпуск, в течение которого собирался поехать в Швейцарию, чтобы лечить болезнь глаз. Он уехал в августе, а через месяц от него пришло письмо, в котором он говорил, что был слишком болен, чтобы вернуться. К письму было приложено свидетельство врача. Через некоторое время «Правда» объявила о том, что Казем-Бег приехал в Москву. Он стал писать обычные для перебежчиков антиамериканские статьи. В «Правде» началось необычное обсуждение культуры в США: с одной стороны выступал Казем-Бег, говоривший об отсутствии культуры в США, с другой стороны выступал Илья Эренбург, утверждавший обратное. Позже профессор Казем-Бег сказал приезжавшим в Москву американцам, что он «приехал на родину, чтобы умереть».

Романтическое. Роберт Вебстер, 30-летний инженер по производству пластмассы, работавший в компании «Рэнд девелопмент корпорейшн», приехал в Россию в августе 1959 года, чтобы подготовить стенд своей компании на московской выставке. Вебстер оставил в Пенсильвании жену и двоих детей. Его экспонат, пластмассовый бассейн необычной формы, пользовался успехом на выставке, и Вебстер заслужил поощрение президента компании Х. Дж. Рэнда.

В октябре, когда выставка закрывалась и американцы собирались домой, Вебстер написал Рэнду письмо, в котором говорил, что остается в Москве. Он писал: «Я сравнил обе системы, решил, что останусь жить здесь. Я делаю этот выбор по идеологическим причинам». Американцы, работавшие с Вебстером, знали о другой причине. Он решил

остаться из-за официантки Веры. Русским был нужен хороший специалист по производству пластмассы на новом заводе в Ленинграде, и с помощью Веры они переманили Вебстера к себе. Счастлирое время продолжалось примерно год, но в 1960-м его жена начала получать открытки, в которых он выражал надежду на «скорую встречу». В начале 1961 года Вебстер обратился в посольство США за разрешением на въезд в страну. В посольстве ему сказали, что поскольку он стал гражданином СССР, то теперь может вернуться в Соединенные Штаты только по квоте иммигрантов из России. Вебстер все еще ждет, когда подойдет его очередь.

Интроверт. Брюс Дэвис в юности сменил много школ. Учителя помнят его мальчиком, который ни во что не вмешивался. Ученики называли его «пилюлей». В 1954 году он перевелся из калифорнийской школы в школу «Эшбери-парк». В журнале он так описал свои амбиции: «получить степень и вернуться на Западное побережье». Отслужив два года в военно-морских силах, Дэвис поступил на курсы инженеров по электронике в университете штата Аризона. Провалившись на экзаменах, он стал изучать внешнюю политику. В конце концов бросил университет и начал служить в армии. Армия также не оправдала его ожиданий, и в августе 1960 года Брюс ушел в самовольную отлучку из своей артиллерийской части и перешел границу с Восточной Германией.

Через два месяца советское посольство в Вашингтоне обнародовало следующее заявление, подписанное Дэвисом:

«19 августа я ушел из своей части вооруженных сил США и пересек границу Западной и Восточной Германии в поисках политического убежища. Мне двадцать четыре года. Я родился и вырос в Соединенных Штатах Америки. Я служил в армии в течение четырех лет и девяти месяцев и пришел к своему решению в результате двухлетних размышлений.

С конца Второй мировой войны американская пресса неоднократно осуждала холодную войну и железный занавес, которые, по ее мнению, были организованы социалистическими странами. В связи с этим в США создается мнение, что

ответственность за начало третьей мировой войны может лежать только на социалистических странах. Именно эти утверждения американской прессы и породили во мне сомнения. Я спрашивал себя: как Советский Союз, пострадавший сильнее других стран в результате Второй мировой войны, может готовить новую войну? В то же время американцев заставляют думать, что Америка ищет мира, хотя, как я мог убедиться за время службы в армии, мы ищем только пути усиления мощи нашей армии».

Очевидно, прожив два месяца в Советском Союзе, Дэвис уже научился писать под диктовку.

Попутчик. Моррис Блок был одним из членов группы, отправившейся в Китай в 1957 году, бросив вызов Госдепартаменту США после посещения Московского молодежного фестиваля, на котором он показал себя готовым последовать партийной доктрине. Когда у членов группы брал интервью корреспондент Си-би-эс Дэниэл Шорр, он спросил, как они относятся к участию СССР в венгерских событиях. Один из студентов ответил, что многие члены группы не одобряют вмешательство Советского Союза. В это время Блок выкрикнул: «Не ври, разве не знаешь, что Шорр хочет начать контрреволюцию?»

У Блока по возвращении из Китая в 1957 году был изъят паспорт. В январе 1958 года он был вызван для дачи показаний о деятельности группы в Комитет сената по расследованию антиамериканской деятельности. Когда его паспорт был предъявлен в качестве свидетельства, Блок подошел к столу, на котором он лежал, взял его и положил в карман.

Он отказался вернуть его, у суда не было полномочий изымать его силой, поэтому его обвинили в неуважении к суду. Вскоре после этого Блок уехал по этому паспорту в Европу, а в августе 1959 года оказался в Москве, вне пределов досягаемости комитетов Конгресса и паспортных служб. Сейчас он работает в порту в Одессе.

Подвох. Владимир Слобода был одним из многих членов советских секретных служб, которые поехали на Запад после Второй мировой войны под видом перемещенных лиц в поисках убежища. В это время было трудно выявить

всех «спящих» агентов среди беженцев, и многие агенты СССР попали в США или Канаду с помощью филантропов и международных организаций.

Слобода родился на принадлежавшей Польше Львовщине, которая в 1939 году была присоединена к Украинской республике. В 1953 году он без документов перешел из Польши в Германию, где принял одно из предложений, которые делают мужчинам-беженцам, — он вступил в американскую армию. Благодаря знанию русского и польского языков он был отправлен в группу военной разведки в Форт Брэгг, в Северной Каролине. Он помогал готовить «банды» — парашютные подразделения, обучавшиеся проведению диверсий на территории социалистических стран. В 1958 году Слобода стал гражданином США. Его перевели в разведывательную группу в Германии в чине сержанта.

В августе 1960 года он, оставив свою часть, жену и троих детей, бежал в Восточную Германию. Провозглашенный «Известиями» героем, он вскоре стал привычным лицом на экранах телевизоров. Московское радио на всю Европу транслировало его выступления. Слобода рассказывал о полетах У-2, о шпионских сетях, отправляющих агентов в Восточный Берлин. «Большинство своих агентов ЦРУ вербует с помощью шантажа, угроз, подкупа», — говорил он.

Он называл американских военных шпионами и рассказывал о разведывательных подразделениях. В статье, опубликованной в «Правде», он писал:

«Я знаю, что в Западной Германии существует широкая разветвленная сеть американской разведки. Действиями американской разведки и спецслужбами других стран руководит ЦРУ, чья европейская штаб-квартира находится во Франкфурте-на-Майне. Многочисленные подразделения ЦРУ разбросаны по всей Западной Германии, и часто они маскируются под обычные военные части.

Самые большие группы военной разведки США — 513-я разведывательная группа, 66-я разведывательная группа и 532-й разведывательный батальон 7-й армии. Эти группы состоят из нескольких тысяч профессиональных агентов, и их силы постоянно растут. 513-й разведывательной группой командует полковник Франц Х. Росс, который руководит

многочисленными отделениями группы, находящимися практически во всех городах Западной Германии и в Западном Берлине».

Если события развивались по принятому в СССР сценарию, Слобода сейчас снова работает в спецслужбах Советского Союза, и его должны были произвести в полковники за восемь лет успешной работы за границей.

Ученый. В декабре 1956 года в СССР бежал ученый, украинец по национальности, прославившийся работой на испытательном полигоне в Соединенных Штатах. У него была информация о двух межконтинентальных баллистических ракетах, «Титан» и «Атлас», он был авторитетом в области аэрофотосъемки и, возможно, знал о полетах У-2 над территорией СССР, которые только начинались в то время. Кроме того, он работал на полигоне Аламогордо, где была испытана первая атомная бомба.

Он представляет собой типичный случай того, что известно как «синдром ученого»: убежденность в том, что наука сама по себе закон, стоящий выше этики и религии. В наши дни ученый, как художник эпохи Возрождения, будет работать в той стране, где ему создадут лучшие условия, как Леонардо да Винчи, покинувший родную Флоренцию ради Рима и покровительства Медичи.

Профессор Орест Макар работал в России до 1949 года, затем жил в США до 1956 года и вернулся в Россию. Равнодушного, по собственному признанию, к политике, его беспокоило только то, что могла система предложить ученому: «Изучая научную литературу по своей проблематике, я пришел к выводу, что в Советском Союзе наукой занимаются очень серьезно, я думаю, что лучшие условия для проведения исследований предлагаются именно там. Поэтому я хочу продолжать свою работу в СССР», — объяснял он.

Профессор Макар и его жена Александра приехали в США в 1949 году в качестве беженцев. Он родился в западной части Украины, хорошо знал украинский, сербский, польский и немецкий языки. К сожалению, он плохо знал английский, поэтому вскоре после того как получил место преподавателя в университете Сент-Луиса, он был уволен на основании плохого выполнения своей рабо-

ты. До того как заняться преподавательской деятельностью, он восемь месяцев работал на полигоне Уайт-Сэндз, где проходили испытания американских ракет, был консультантом по математике и физике в ВВС и армии США, работал на полигоне Аламогордо. В Уайт-Сэндз он имел доступ к секретным материалам, но ушел с исследовательской работы «по личным причинам» незадолго до окончания проверки службой безопасности.

Возможность дезертировать ему дало приглашение на международную конференцию по проблемам фотограмметрии, которая состоялась летом 1956 года в Стокгольме. Макар поехал туда со своей женой и написал друзьям, что задержится в Швеции, чтобы прочесть курс лекций. Он обратился в советское посольство, попросил политического убежища, и его встретили «с распростертыми объятиями». В настоящее время он преподает у себя на родине, во Львовском политехническом университете.

Говорила ли в нем уязвленная гордость ученого, когда он сравнивал почести, оказываемые ученым в СССР, с обращением, с которым столкнулся в университетах Америки? В Советском Союзе звание «ученый» дает привилегии, высокое положение в обществе. Ученые всегда идут впереди, государство предоставляет им дачи, новые квартиры, машины с шофером, налоговые льготы, награды и все то, что освобождает ум для исследований. В болоте американской университетской жизни ученым приходится постоянно конкурировать друг с другом на всех уровнях — на приеме у ректора, в лаборатории, перед студентами. Нет привилегированного статуса, а продвижение по служебной лестнице не автоматическое — профессор Макар узнал, что даже ученого могут уволить.

Кроме этого, ученого привлекает и собственная незаменимость. Фраза «встретили с распростертыми объятиями» отражает сегодняшнее положение ученого, необходимого обеим сторонам. Ученый стал наемником, который продает свои знания не за деньги, а за лучшие условия работы. Если ему дать современную лабораторию и хороших ассистентов, ему будет все равно, где изготовлено оборудование — в России или в Америке. Разве у науки есть флаг?

Характер научной работы отделяет человека от реальности. В связи с этим можно упомянуть Ганса Эртеля,

вице-президента Академии наук Восточной Германии, одного из четырех крупнейших специалистов мира по теоретической метеорологии, которого в марте 1960 года осудили за простую финансовую аферу. Работая в Восточном Берлине, он в течение семи лет был резидентом Западного Берлина. Это позволяло ему менять восточногерманские марки на западногерманские по курсу один к одному, в то время как официальный курс составлял четыре восточногерманские марки за одну западногерманскую. За семь лет работы он выкачал из Западного Берлина около 15 тысяч долларов. Вот как он объяснял это: «Тридцать лет жизни в абстрактной сфере естественных наук оторвали меня от реальности».

Когда уважаемые ученые ведут себя как мелкие мошенники, можно не удивляться тому, что они меняют политические системы как перчатки.

Со времен Клауса Фукса и Бруно Понтекорво на Восток бежала целая группа математиков и физиков, уверенных в том, что по ту сторону железного занавеса науку уважают больше. Но как может закрытое общество, в котором человек не в силах избавиться от присутствия государства во всех сферах жизни, предоставить свободу своим ученым?

В России ученые и художники стоят вне общества. Так было с тех пор, когда власть в стране захватили большевики, которые решили, что, хотя на исправление социальной несправедливости могут уйти годы, в сфере науки и искусства это можно сделать сразу. Привилегированные группы родились вместе с коммунистическим режимом, и они стали своего рода высшим классом, к которому массы жителей могут стремиться без всякой зависти. Рабочие живут на уровне существования, а исследователи, инженеры, математики, физики, химики катаются как сыр в масле, после того как они доказали системе образования, что они смогут увеличить мощь и славу Советского Союза.

При таком положении вещей наука занимает место религии, и ученым предоставлена возможность спокойно мыслить, что раньше могла себе позволить только Церковь.* Советский Союз прославляет своих ученых, утвер-

* Видимо, содержащиеся в этом и предыдущих абзацах выводы о положении советских ученых, инженеров, художников и представителей ряда других профессий соответствовали тогдашней информированности автора в этом вопросе. (*Прим. ред.*).

ждая, что они лучшие в мире, что интеллигенция страны ни с чем не сравнима. Нить советских заявлений о научных открытиях, «украденных Западом», тянется гораздо дальше, чем самоутверждение советской власти. Вот что говорится в Большой Советской Энциклопедии:

«В восемнадцатом веке механик-самоучка И. П. Кулибин разрабатывал модели мостов с замечательными механическими свойствами, механик И. И. Ползунов изобрел паровой двигатель, в девятнадцатом веке член Российской академии Б. С. Якоби изобрел гальванотехнику и построил первую моторную лодку с электродвигателем, инженер П. Н. Яблочков создал дуговую лампу, а А. Н. Лодыгин изобрел угольную лампу накаливания, А. С. Попов изобрел и первым использовал радиоприемник, Н. Е. Жуковский создал теорию аэродинамики, был теоретиком воздушных полетов».

С существованием такой традиции, в которой неграмотные крестьяне делают важнейшие открытия современности, советская система рассчитывает на способности своих ученых. Они не связаны какой-либо догмой. Они освобождены от обязательств писателей и художников, которые принадлежат к привилегированной части общества только до тех пор, пока их творчество совпадает с линией партии. Есть антипартийное искусство и антипартийная литература, но как может существовать антипартийная наука?! Ученые могут принять то, что им предлагает государство, без кризиса сознания. Иногда им приходится появляться на партийных мероприятиях, но газеты и журналы, которые они читают, стоят вне марксистско-ленинской доктрины. Они ничем не связаны по природе своих занятий.

Помимо этого, в настоящее время существует научный обмен между Востоком и Западом. Ученые в США знают о программах в России, знают, кто над чем работает, принимаются как должное трудности (или возможности) проведения теоретических исследований, вторжение (или его отсутствие) требований безопасности в личную жизнь ученого. Советские ученые посещают все больше научных конгрессов, предоставляющих возможность для обсуждения проблем науки и ученого в двух разных системах, а также дающими возможность дезерти-

ровать. Между учеными существует солидарность, которая переходит национальные границы, подтверждая мысль Маркса о том, что один класс в разных странах может быть связан сильнее разных классов в одной стране. Маркс имел в виду рабочих, но ученые лучше доказывают это утверждение.

К кому американский ученый чувствует большую близость: к сотруднику ЦРУ, который проверяет его на детекторе лжи; к представителю компании, который говорит, что на новый проект не будут выделяться средства только потому, что он не станет новым продуктом; к ректору университета, который увольняет преподавателя, потому что он не напечатал статью; или к советскому ученому, работающему над той же проблемой, которого он встретил на международной конференции? А благодаря миграции, которая происходила последние пятнадцать лет, близость в науке может принять и другой характер. Например, на недавней научной конференции в Женеве встретились советский и американский ученые, они разговорились и в итоге обменялись адресами. У них была одинаковая фамилия — Рейнхарт. Оба были родом из Лейпцига. Оказалось, что они троюродные братья. Русский недавно навещал их восьмидесятилетнюю тетю, живущую в Восточной Германии. Эти люди с одинаковым происхождением и воспитанием в какой-то момент просто разошлись в разные стороны.

Американские ученые часто указывают на большое количество проводимых в СССР теоретических исследований. (Только треть исследований относится к техническим отраслям и прикладной науке, две трети носят теоретический и фундаментальный характер.) Рассказывают — хотя это может быть и выдумкой, показывающей тем не менее, что для советского правительства не существует странных проектов, — что один советский ученый работает над созданием двигателя, который будет использовать в качестве энергии ход времени. Он продолжает свои исследования, несмотря на критические статьи, появляющиеся в «Правде» и говорящие о том, что его «научная фантастика» подрывает престиж советской науки.

Такие истории досаждают американским ученым, которым приходится продавать свои проекты коммерческим фирмам или правительству. Получая деньги, они имеют

дело с практичными людьми, которые не во всякий проект станут вкладывать деньги.

В США есть ученый, который добивается субсидий тем, что звонит по междугородной связи своему руководству и говорит: «Что вы делаете с нашим атомным проектом? Ах, он вам не нужен. Хорошо, мы продадим его русским».

Боязнь того, что русские получают какой-либо проект из-за ошибки правительственного чиновника, стала основным стимулом развития американских научных программ. Не так давно адмирал РикOVER сказал, выступая в Аннаполисе, что, если бы в правительстве узнали, что русские отправляют своего человека в ад, ему, адмиралу РикOVERу, предоставили бы полную свободу действий, чтобы первым туда попал его человек.

С другой стороны, русские ученые часто бегут на Запад из-за своих эксцентричных взглядов, не соответствующих советскому обществу. Один венгерский ученый любил проводить спиритические сеансы. В условиях «народной демократии» это крайне недостойно ученого. Сейчас он работает на известную американскую компанию, которая поощряет его увлечения и даже купила ему все необходимое для проведения сеансов.

Однако основной поток ученых направлен на Восток, во многом благодаря тому, что Советский Союз известен как лучшее место для деятелей науки. Совсем по-другому дело обстоит для еще одной привилегированной части русских — интеллигенции и военного персонала. Один из представителей ЦРУ сказал автору этих строк: «У нас есть целый список агентов советских разведывательных служб, которые пришли к нам, принеся много ценной информации. О некоторых из них мы до сих пор не говорим».

Эти люди живут в Москве в роскоши, пользуясь теми же благами, что и ученые и художники. Но они живут и в постоянном страхе. Всегда рядом очередная чистка, и нет ничего опаснее, чем работа советского офицера разведки. Благодаря характеру своей деятельности они знают все о недостатках своей страны. Они профессиональные детективы, имеющие досье на всех политических деятелей, они безмолвные свидетели оргий, взяточничества, борьбы за места у власти — всего того, что существует во всех российских режимах начиная со времен Ивана Грозного.

Таким образом секретные службы воспитывают собственных перебежчиков, которые могут сомневаться в разумности побега на Запад, но, благодаря доступу к секретной информации, имеют лучшее представление о жизни в капиталистическом обществе.

Александр Орлов, офицер НКВД, руководивший советскими операциями в Испании, дезертировал на Запад в 1938 году. Он описал неуверенность офицеров советской разведки в своей жизни, что толкает их на дезертирство. Выступая перед комитетом сената, он сказал, что «когда они начинали работать, то честно служили своей стране — они были патриотами. Но десятилетия убийств невинных людей, уничтожение Сталиным всех, кто знал о его преступлениях... создало такую атмосферу, что каждый офицер, в то или иное время, особенно во время чисток, был бы счастлив уйти со службы и начать жизнь сначала. Говорят, что жизнь летчиков коротка, но жизнь офицера МВД еще короче».

Орлов говорил, что он дезертировал после того, как все его руководители были репрессированы. У него был отличный послужной список: руководство партизанскими отрядами во время Гражданской войны, руководство контрразведкой Красной Армии, руководство отделом НКВД, он был «серым кардиналом» республиканцев в Испании — и все-таки он не чувствовал себя в безопасности от репрессий. «Я получил приказ отправить в Россию одного из своих помощников, человека, которого награждал лично Сталин, человека, который совершил много подвигов. В Россию его вызывали для того, чтобы он доложил о ходе Гражданской войны в Испании. Прошел месяц, а от него не пришло ни одного письма. Мои подчиненные часто собирались и говорили: «С ним, наверное, что-то случилось, он ведь был честным человеком, как вы думаете?» Они все были мрачны».

Потом подошла и очередь Орлова: «Я получил телеграмму, в которой мне приказывали ехать в Бельгию и там сесть на корабль, якобы для встречи с одним из руководителей партии, который будет меня там ждать. Двое моих помощников поговорили со мной лично. Один из них сказал: «Мне не нравится эта телеграмма». Я спросил его: «Как ты думаешь, что это может быть за встреча?» Он не ответил и посмотрел в сторону. Он боялся говорить и

хотел, чтобы я понял это, потом он сказал: «Почему он не приехал в Испанию, чтобы поговорить с тобой?»

Поняв намек, Орлов, чья мать жила в России, написал Сталину письмо, в котором говорил, что, если что-нибудь случится с ним или с его матерью, он опубликует свои воспоминания. «Чтобы показать Сталину, что это были не пустые слова, я, несмотря на протесты жены, включил в письмо целый список преступлений Сталина. Кроме того, я написал и некоторые выражения, которые он употреблял во время секретных совещаний, на которых для московских судов составлялись обвинения против лидеров революции».

Отправив письмо, в июле 1938 года Орлов бежал со своей женой в Канаду, а оттуда в США. Его личность не раскрывалась в течение пятнадцати лет. «В 1953 году я решил, что наши матери уже умерли, потому что прошло столько времени, и решил опубликовать свои рукописи еще тогда, когда Сталин был жив».

Подобная паника охватила офицеров разведки после ареста и казни в 1953 году Л. П. Берии. В течение двух лет продолжались репрессии «людей Берии». Было расстреляно около десяти человек, занимавших руководящие посты в КГБ, гораздо больше было приговорено к трудовым лагерям или долгому тюремному заключению.

Не случаен тот факт, что именно в это время дезертировало очень много важных сотрудников разведки. Юрий Расторов, второй секретарь советской миссии в Японии, подполковник КГБ, дезертировал в январе 1954 года. В феврале в Вене дезертировал руководитель отдела КГБ Петр Дерябин, в апреле политического убежища в Австралии попросили Владимир Петров и его жена. Он работал шифровальщиком в посольстве, был офицером МВД. Она занималась шпионажем под руководством резидента МВД. В феврале того же года в Берлине дезертировал Николай Хохлов, капитан МВД, его руководители также были репрессированы.

Показательны обстоятельства дезертирства Петровых. Владимир Петров, настоящая фамилия его была Шорохов, работал шифровальщиком в ОГПУ с 1933 года. В 1942 году он занял пост в посольстве СССР в Стокгольме, это было прикрытием для его разведывательной работы. В 1951 году он был переведен в посольство в Канберре. Вскоре после

своего приезда стал резидентом и занимал этот пост до самого дезертирства. В 1929 году Шорохов сменил фамилию на Пролетарский, а позже — на более благозвучную, Петров. Его жена ко времени их свадьбы в 1940 году работала в военной разведке около семи лет. В Стокгольме она занимала пост машинистки резидента МВД, по документам ее в то время звали Тамара. К 1951 году она была капитаном МВД. В Канберре Тамара занимала пост бухгалтера посольства и была секретарем посла. На самом деле она была шифровальщиком МВД, когда ее муж стал резидентом.

Как отмечается в докладе, сделанном Королевской комиссией по шпионажу, Петров многим пожертвовал, дезертировав на Запад:

«Это значило, что он оставил службу, ставшую его жизнью, в которой он достиг высокого положения и получал хорошую зарплату. Он жертвовал не только своей зарплатой, но и значительными сбережениями, оставшимися в Москве. Он навсегда покидал свою родину, которую очень любил. Он полагал, что разрывает также и семейные узы, что его ожидает одинокая жизнь человека, которого будет ненавидеть советское правительство... которое постоянно будет угрожать ему возмездием».

Решение Петрова дезертировать кажется почти героическим, но только до того момента, когда мы изучим причины, побудившие его бросить работу, жену, родину. После ареста Берии семья Петровых оказалась в посольстве в неопределенном состоянии. Посол отправлял в Москву письма, в которых обвинял Петрова в попытках создать пробериевскую группу среди работников посольства. Однако Петров мог сочувствовать Берии тогда, когда он был у власти, но не в его правилах было поддерживать человека, которого расстреляли за измену странс. Письма посла стали удобным предлогом избавиться от офицера МВД. В этой игре посла поддерживал коммерческий атташе, бывший также представителем ЦК КПСС. У Петрова в посольстве был свой соглядатай, который и сообщил ему об этих письмах.

Когда прибыл новый посол, Петров пытался заслужить его благосклонность, но тщетно, и письма в Москву

шли по-прежнему. Жену Петрова освободили от должности бухгалтера и секретаря и понизили зарплату.

В посольстве было проведено специальное собрание, на котором осуждались пробериерские действия Петрова. Неприятности достигли своего пика в апреле 1954 года, когда посол направил в Москву официальную жалобу, в которой утверждалось, что Петров неправильно обращался с секретными документами. Петров часто видел, как это же случалось с другими сотрудниками, и знал, что по такому обвинению его могут вызвать в Москву и отдать под суд.

В докладе комиссии говорится: «Поняв нарастающее в посольстве напряжение, Петров задал жене вопрос о возможности обращения за политическим убежищем, но она на него не ответила. Она была предана России и русским людям. Кроме того, у нее, в отличие от Петрова, в России жили близкие родственники, и она опасалась за их судьбу, если бы решилась на этот шаг».

Петров попытался еще раз убедить жену в необходимости дезертирства с помощью другого русского, который на самом деле был австралийским агентом и сыграл ключевую роль в его побеге. Этот человек, доктор Белогусский, пришел в гости к Петровым, выразил негодование тем отношением, которое было к ним в посольстве, и предложил, чтобы семья дезертировала на Запад. Петрова отругала Белогусского за такое «непристойное предложение» и сказала, что ни она, ни ее муж даже не подумают оставить Россию. Она выразила уверенность в том, что ее муж последует ее решению. После этой тирады Петров решил спасти свою жизнь, даже если жена не хотела спасать свою.

Когда из Москвы пришел приказ уничтожить некоторые документы, к которым он имел доступ, и прислать подтверждение об уничтожении, подписанное им и его женой, Петров спрятал эти документы, а жене сказал, что уничтожил их. Он также похитил несколько документов МВД, чтобы у него была информация, которую можно было передать австралийским властям в случае дезертирства. С помощью Белогусского Петров тайно встретился с представителем службы безопасности Австралии. Ему сказали, что нужно будет подписать прошение о предоставлении политического убежища и что для обеспечения его

будущего будет создан специальный фонд. Когда Петров выразил свое непонимание, австралиец предложил ему 5000 фунтов.

Деньги были в дипломате, который принес с собой офицер, он раскрыл его и выложил их на стол. Петров прекрасно понял предложение и решил оставить посольство. 3 апреля, сказав жене, что уезжает по делам на три дня, он отправился в аэропорт в Сиднее, где сдался австралийским властям, обменяв украденные документы на 5000 фунтов. Его отвезли в загородный дом, где скрывали в течение нескольких дней.

Когда перебежчик отказался вернуться, советский посол приказал посадить его жену под арест на территории посольства. Австралийское Министерство иностранных дел предъявило советскому послу ноту протеста и передало письмо от Петрова, в котором он просил предоставить ему свидание с женой. Министерство предлагало устроить встречу. Посол показал это письмо его жене и пытался заставить ее написать следующий ответ: «Я боюсь попасть в ловушку».

19 апреля в аэропорт Мэскот привезли стройную блондинку, которую сопровождали два курьера. К этому времени она была известна из австралийской прессы, и толпа, собравшаяся в аэропорту, кричала ей, чтобы она не ехала в Россию, так как там ее наверняка расстреляют. Петрова провела в самолете одну ночь, полную страха и неуверенности. В докладе говорится:

«Хотя миссис Петрова была гражданкой другой страны и работала в иностранном посольстве, она, как и любой человек на территории Австралии, находилась под защитой нашего закона. Правительство Австралии наблюдало за тем, чтобы ее не увезли за пределы Австралии против ее воли, и по этой причине командиру самолета было приказано узнать ее решение, а действующего руководителя Северной территории мистера Лейдина попросили поговорить с ней, когда она прибудет в аэропорт Дарвина (промежуточная остановка на пути в Москву). Командир поговорил с ней во время полета и по радио доложил в Канберру, что у него сложилось впечатление, что она хочет остаться в Австралии, но боится принять окончательное решение, и что она сказала ему, что ее охрана была вооружена».

Когда самолет приземлился в Дарвине, советские охранники были разоружены, для чего австралийцы применили силу. Мистер Лейдин, встретившийся с Петровой, нашел ее в состоянии неуверенности и паники — она думала, что ее муж мертв, и боялась, что, если останется, ее родственникам в СССР причинят вред; она боялась попасть в ловушку и не понимала, что происходит.

За несколько минут до вылета самолета в Москву Петрову удалось поговорить с женой по телефону. Он сказал ей, что здоров, что ушел из посольства из-за кампании, развернутой против них, и что от нее избавиться, если она вернется в Россию. Сзади нее стояли неповоротливые охранники, слушавшие разговор.

Госпожа Петрова попросила, чтобы ее оставили наедине с Лейдином, которому она сказала, что остается. Самолет полетел в Россию с двумя охранниками и пилотом. Если в дезертирстве семьи и можно было усмотреть достоинство, то это относилось именно к ней, поскольку она разрывалась между любовью к стране, заботой о родственниках и долгом перед мужем.

Если бы Петрова вернулась в Россию, против нее скорее всего были бы приняты суровые меры. Можно привести пример перебежчика, который вернулся в СССР, Анатолия Барзова. Он в 1948 году на самолете перелетел в американскую зону Австрии со своим другом Петром Пироговым. Через четыре месяца им разрешили поехать в Соединенные Штаты. «Правда» объясняла их отсутствие тем, что они совершили вынужденную посадку на территории американской зоны Австрии из-за нехватки горючего.

Как только друзья оказались в США, к ним обратились представители советского посольства, которые обещали им безопасное возвращение в СССР. В то время послом и резидентом НКВД в США был Александр Панюшкин, один из лучших советских агентов, когда-либо работавших в Америке. Панюшкину удалось убедить Барзова в том, что, хотя он совершил преступление против государства, его в случае возвращения осудят всего на два года тюремного заключения. Если он уговорит Пирогова вернуться с ним, то приговор будет условным.

У Барзова в России остались жена и четырехлетний сын. Он был уверен в том, что предложение Панюшкина искреннее. Барзов встретился с Пироговым, показал ему

паспорт, выданный в советском посольстве, и сказал, что документы были готовы и для него. Он хотел узнать, почему Пирогов отказывается вернуться с ним.

Пирогов объяснил: «Я заключил контракт на написание книги и получил от них много денег, поэтому я не могу вернуться в Советский Союз до тех пор, пока не выплачу долг».

Барзов ответил: «Я тоже пишу, но моя книга будет гораздо лучше тех, которые эмигранты пишут в Америке о России».

«Можешь не беспокоиться о своей книге, — сказал Пирогов. — Они напишут ее за тебя. Ты ее подпишешь, а через несколько месяцев автора книги уже не будет в живых. Они убьют тебя».

«Ну, через пять или десять лет ты тоже окажешься там, — возразил Барзов. — Я буду на свободе, а ты займешь мое место в тюрьме, куда я иду сейчас».

Барзов открыл пачку папирос «Казбек», но Пирогов, со словами «У меня свои», вытащил пачку американских сигарет. «Ты уже думаешь, что они твои, — сказал Барзов с усмешкой. — Ты уже считаешь себя американцем?»

«Нет, — ответил Пирогов, — я еще не американец, но я пытаюсь стать им».

«Чепуха», — закончил полемику Барзов.

Он вернулся домой, и о нем ничего не известно. Владимир Петров писал в своей книге «Империя страха»*:

«В 1950 году, когда я приехал в Министерство внутренних дел, мой коллега Иголкин, работавший в отделе СК (Советские колонии, чьей обязанностью было докладывать в Москву о действиях советских официальных лиц), рассказал мне о возвращении Барзова и сказал, что он допрашивает его в тюрьме на Таганке. Иголкин несколько раз беседовал с Барзовым, который предоставил массу ценной информации. Он свободно разговаривал и охотно описывал свое пребывание в руках американцев, надеясь заработать этим прощение или хотя бы возможность увидеть жену и сына. Иголкин так описывал мне это: «Когда я захожу к нему, он смотрит на меня как собака, виляющая хвостом в надежде получить

* Vladimir Petrov, *Empire of Fear* (London: A. Deutsch, 1956).

кость». В тюрьме Барзова держали восемь месяцев из-за того, что у него было много информации, а высокопоставленные офицеры МВД хотели уточнить некоторые моменты в его рассказе.

Ему, конечно, никто не сказал, что его приговорили к смертной казни еще тогда, когда он был в Америке. Когда они закончили допросы, его расстреляли, так и не дав увидеть жену и сына».

Капитан Николай Федорович Артамонов представляет собой выдающийся пример советского перебежчика, которому ничто не угрожало, но он бежал на Запад, когда понял, что коммунистическая система не работает. У капитана Артамонова был неподдельный интерес к системе, которую он покинул. Когда он дезертировал в возрасте тридцати одного года, это был один из лучших офицеров советского военно-морского флота. В 27 лет он стал командовать эскадренным миноносцем Балтийского флота, в это время о нем писали в «Красной звезде» и «Советском флоте». В статьях отмечали его успешную службу, хорошую подготовленность к борьбе с подводными лодками, отличную партийную работу, проводимую им среди подчиненных.

Его корабль был одним из двух эсминцев Балтийского флота, которые выбрали для официального визита в Копенгаген. Он дезертировал в июне 1959 года в Гдыне, в Польше, где обучал индонезийских моряков противолодочным операциям.

В речи, с которой Артамонов выступил перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности, он сказал: «Я пришел в Соединенные Штаты Америки не из-за связей с иностранными разведками, потому что у меня нет таких связей. Я сделал этот шаг и не из-за угроз возмездия за что-то, что я сделал, — в мой адрес не поступало таких угроз. Напротив, советские власти хорошо относились ко мне, и передо мной было блестящее будущее, так как меня характеризовали как одного из лучших молодых офицеров советского ВМФ. Мое дезертирство не подсказано ни мыслями о большой материальной выгоде, ни соображениями безопасности, ни желанием обеспечить себе легкую жизнь, так как, чтобы попасть сюда, я оставил все, что обещало мне блестящую карьеру.

На самом деле я пришел сюда только из-за политики, проводимой Кремлем».

Упреки, которые делают дезертирам, оставляющим свою семью, не имеют отношения к случаю капитана. Он не был женат, его родители умерли, у него не было братьев и сестер.

Это идеал коммунистического воспитания. Николай был пионером, затем комсомольцем, в двадцать один год вступил в коммунистическую партию. Он рассуждал: «Говоря советским языком, я был стопроцентным советским гражданином нового поколения, не испорченным рождением при капитализме, не подвергшимся влиянию буржуазной идеологии, не имевшим отношения к деньгам капиталистов».

Артамонов жил в Ленинграде, где его отец работал механиком. Он вспоминал: «Когда я был пионером, меня учили быть всегда бдительным, потому что вокруг враги; если бы потребовалось, я должен был предать своего отца. Я видел аресты и замечал, что люди, которых я знал, исчезают в камерах НКВД, но из-за своей молодости я был доволен, что моя родина делает себя еще сильнее, избавляясь от «врагов народа».

Закончив основную школу, Артамонов, который мечтал служить на море, поступил в военно-морскую школу на Васильевском острове в Ленинграде. Закончив ее, поступил в Военно-морское училище имени Фрунзе, лучшее в России.

Он «очень гордился поведением советских людей во время Второй мировой войны, хотя временами гордость смешивалась с горечью от страданий соотечественников». «Несмотря на трудности блокады Ленинграда и нашу эвакуацию из города, я никогда не сомневался в политике, проводимой Сталиным и правительством. Я и мои друзья были готовы сделать все для нашей страны и нашего вождя».

Любопытно, но первое сомнение зародилось в нем после двух лет изучения марксизма-ленинизма, который преподавали в училище имени Фрунзе. Он понял, что «советская система была построена без достаточных оснований и что между теорией коммунизма и его практикой была огромная пропасть. Но я тем не менее оправдывал это положение вещей сложившейся необходимостью».

Один инцидент он так и не смог оправдать — венгерские события 1956 года. «Эти события убедили меня в том, что утверждения нашего правительства о мирной внешней политике были неправильны. Восстание показало агрессивный характер этой политики». Артамонова также встретила статья, опубликованная в 1950 году в журнале «Военная мысль», автором которой был маршал П. А. Ротмистров. Этот журнал доступен только офицерскому составу советских Вооруженных сил. В статье речь шла о преимуществах внезапного нападения на страны Запада. В частности, в ней говорилось:

«Внезапное нападение с применением атомного и водородного оружия, а также других современных видов вооружения, в настоящее время может дать большие результаты, чем в прошлой войне. Можно сказать, что в современных условиях применения атомного и водородного оружия неожиданность является решающим фактором достижения успеха не только в сражении и операции, но и в войне в целом. В некоторых случаях внезапная атака с широким применением новых видов вооружения может привести к быстрому уничтожению государства, способность которого обороняться становится низкой из-за недостатков в социальной и экономической сферах жизни, равно как и из-за невыгодного географического положения.

Обязанность Вооруженных сил Советского Союза — не допустить внезапного нападения противника на нашу страну... нанести противнику контрудары или даже превентивные удары большой разрушительной силы. В армии и флоте Советского Союза есть все необходимое для этой цели».

Эта философия еще больше покачула уверенность Артамонова в законности системы. Он вспоминал: «В 1957 году мои иллюзии о внутренней политике разрушил Н. С. Хрущев, который назвал Г. К. Жукова героем войны, а через три месяца уволил его с занимаемой должности. Я спросил себя: соответствует ли внешняя и внутренняя политика государства интересам моего народа? Ответ был: нет!».

Артамонов, бывший образцовым продуктом советского молодежного движения и военных училищ, разработал свою систему взглядов, задав себе много вопросов: «Где

мое место, и что я должен делать? Идти ли мне по «блестящей» карьере офицера ВМФ? Говорить ли мне о вещах, в которые я сам не верю, которые на самом деле ложь? Должен ли я распространять идеологию, которую я не разделяю, которая мне противна? Должен ли я помогать Кремлю накапливать все больше и больше силы, чтобы обманывать свой народ и управлять им, должен ли я помогать Кремлю совершать преступления на международном уровне?»

Ответ на все эти вопросы был найден летом 1959 года, когда капитан снял свою форму и попросил политического убежища на Западе. Этому не способствовало ни одно разведывательное агентство. Благодаря своему положению он мог путешествовать дальше, чем остальные русские, но, как и все перебежчики, оставлял известное ради неизвестного. В других случаях дезертиры пользовались поддержкой разведывательных служб Запада или антикоммунистических партий, и их побеги не всегда были удачными.

Николай Хохлов — человек, у которого есть все основания жалеть о своем дезертирстве на Запад, поскольку ради этого он пожертвовал своей женой и маленьким ребенком, которые в настоящее время находятся в одном из лагерей Сибири.

Хохлов, которого в 1941 году завербовало НКВД, участвовал в выступлениях эстрадной группы. Когда в 1954 году дезертировал, он был капитаном. Хохлов успешно выполнил одно политическое убийство, еще одно подобное задание закончилось неудачей, а третье задание и подтолкнуло его к побегу на Запад. Он также был разочарован переворотом в секретных службах, который последовал за арестом Берии, хотя сам занимал слишком низкое положение, чтобы бояться, что чистки коснутся и его.

В книге «Во имя совести»^{*} Хохлов пишет, что «жизнь офицера разведки летом 1953 была полна страха и слухов. Никто не знал, ни к чему приведет «расследование» дела Берии, ни что случится в следующие сутки с той или иной организацией или человеком».

Хохлов принял решение дезертировать, когда его направили в Западную Германию, чтобы он проконтролиро-

^{*} Nikolai Khokhlov, *In the Name of Conscience* (London: Frederick Muller. 1959).

вал убийство Георгия Околовича, возглавлявшего антикоммунистическую организацию «Союз русских патриотов», известную как НТС (Народно-трудовой союз). Хохлов знал, что произойдет, если он откажется от этого задания: «Это не значило, что нас троих — Яну (жена), Алюшку (дочь) и меня — должны были уничтожить физически. Меры были бы приняты скорее всего только против меня. Меня могли перевести в провинцию или даже арестовать и судить. Семье бы сказали, что я погиб, выполняя задание правительства, и запретили бы об этом говорить».

Жена Хохлова была набожной православной женщиной и ходила в церковь, несмотря на все предупреждения, что жена офицера секретной службы не может этого делать. Она сказала мужу, что, если он выполнит третье задание, их «семейная жизнь навсегда разрушится». Хохлов готовил убийство Околовича с помощью двоих немецких наемных убийц, он изучал досье НТС по документам МВД и пришел к выводу, что эта организация могла решить его проблему. В документах сила НТС была преувеличена: у этой организации якобы существовала широкая сеть агентов за пределами СССР и в самой стране. Хохлов полагал, что, если он обратится к Околовичу, расскажет ему о своем деле и сдастся властям, НТС сможет вывезти из СССР его жену и ребенка.

В отличие от других советских дезертиров, Хохлов беспокоился о своей семье. Он никогда не думал, что, обращаясь к Околовичу, он лишает себя возможности вернуться в Советский Союз и забрать оттуда жену и ребенка. Его первая встреча с Околовичем во Франкфурте стала горьким разочарованием. Лидер НТС искренне признался ему: «Мне кажется, что Вы попали под влияние мифа, созданного МВД. Мы не настолько могущественны. Напротив, мы довольно слабы в техническом отношении. Зачем мне обманывать Вас? То, о чем Вы просите, не в наших силах».

Лидер НТС сказал Хохлову, что может организовать встречу с «иностранцами, у которых есть голова на плечах и понятие о приличии». Он предоставил Хохлову выбор между американцами, англичанами и французами. Тот выразил традиционное для русских подозрение к англичанам: «Только не англичане. У меня сложилось впечатление, что во имя империи они могут обмануть или даже

предать нас. Что касается французов, то я не знаю, смогут ли они справиться с этим делом».

Они условились, что Околович встретится с американцами (имелась в виду военная контрразведка США) и расскажет Хохлову о результатах разговора. Он предупредил, что на следующую встречу с ним придет еще один руководитель НТС, Владимир Поремский. Но когда Околович пришел в военную контрразведку США с известием, что к нему обратился капитан МВД, который хочет дезертировать, дело перешло в руки американцев. Было решено, что его захватят на следующей встрече.

Когда Хохлов понял, что стал жертвой двойной игры, было уже поздно. Он сел на переднее сиденье машины Околовича. Сзади был Поремский.

Машина остановилась. «Я должен извиниться, — сказал Околович. — Дело приняло другой оборот, и мне пришлось пригласить американцев сегодня. Они недалеко отсюда... Я не знаю, подходит это Вам или нет. Если нет, то так и скажите». Что бы не ответил Хохлов, было уже поздно, потому что в этот момент в машину сел агент ЦРУ, и она тронулась. За ней следовала машина военной контрразведки.

Сотрудники военной контрразведки подвергли Хохлова допросу, проявляя временами свою враждебность и недоверие к мотивам побега. Один из них недоумевал: «Я не понимаю, почему Вы пришли». Когда Хохлов начал говорить о своей неудовлетворенности советским режимом, его прервал другой агент: «Вы хотите сказать, русским не нравится большевизм?» Околович попытался оправдаться: «Если бы на площади Вы сказали «нет», я бы уехал. Вы думаете, мы не смогли бы от них оторваться? Смогли бы. Поремский и я так и планировали».

На следующей встрече с американскими военными контрразведчиками Хохлов был представлен одному из начальников, который отличался от оперативных агентов незнанием русского языка и высокомерием. Он потребовал, чтобы Хохлов показал ему свой австрийский паспорт, выданный для проведения операции. В конце встречи он сказал: «Я хочу, чтобы Ваш паспорт был у меня. Дайте мне его, пожалуйста». Хохлов был огорошен и хотел уже выразить свой гнев, но в разговор вмешался Околович, и ему разрешили оставить паспорт у себя.

Следующая встреча проходила без участия Околовича и Поремского. Этот случай — показательный пример того, как можно загубить важный побег. Если процедура, о которой рассказывает Хохлов, такова и есть на самом деле, остается только удивляться, что количество дезертиров остается очень высоким.

Хохлова попросил рассказать все сначала тот же офицер военной контрразведки США (Леонард). Когда тот закончил рассказ, Леонард вышел с ним в соседнюю комнату, закрыл дверь и сказал: «Послушайте... хватит этой чепухи. Скажите мне, кто Вы на самом деле! Можете говорить все что угодно, кроме того, что Вы капитан советской разведки».

«Ну, это уже слишком! — ответил Хохлов. — Кто же я, по Вашему мнению?»

«Не знаю. Поэтому и спрашиваю. Может быть, журналист. Может быть, просто псих». Хохлова арестовали, сняли отпечатки пальцев. Его отвезли в находившийся поблизости «высококласный концентрационный лагерь», в котором военная разведка держала допрашиваемых перебежчиков.

Чтобы ему поверили, Хохлов выдал двух немецких агентов, работавших с ним над заданием, и показал место, где было спрятано оружие. Однако его испытания начались тогда, когда он предпринял попытки вывезти свою семью из СССР. Допросы продолжались, и Хохлова считали настолько важным человеком, что к операции подключились разведки Великобритании и Франции, а из Вашингтона прилетели двое агентов ЦРУ. После месяца допросов Хохлову сказали, что его «политические убеждения» заслуживают доверия. Москва не беспокоилась из-за невыполненной миссии, так как Хохлов регулярно встречался в Вене со своим связным, объясняя ему, что не смог выйти на цель.

После того как дезертир попал в руки западной разведки, ему пришлось пожертвовать своей семьей. В высших эшелонах решили, что дело Хохлова можно представить как победу Запада над Востоком и что он должен устроить пресс-конференцию, на которой объявит о своем дезертирстве. Такая конференция означала тюремное заключение для его семьи. Хохлову дали гарантии того, что американский посол в Москве лично поедет к нему домой

во время трансляции пресс-конференции, передаст его жене письмо с объяснением того, что случилось, и предложит ей убежище на территории посольства. После того как такие заверения прозвучали несколько раз, Хохлов согласился выступить на пресс-конференции. От него пытались скрыть пресс-релиз выступления. Он был полон ошибок и абсурда («его жена, активный враг советского режима» — только одна фраза из многих, которые заставляли Хохлова бледнеть).

Он ждал свою семью после пресс-конференции в течение двух дней, на третий день агент ЦРУ просто сказал ему: «Никто не ездил к Вашей семье в Москве. Я не знаю, почему. Похоже, что в последний момент все изменилось». Хохлову так и не удалось узнать, не были ли отправлены приказы или их не выполнили в Москве. Для него неопределенность окончилась. Он дезертировал, но цена побега оказалась очень высокой. Все слова о том, что его жена стала символом свободного мира, что существуют международные организации, которые могут спасти ее, что русские не посмеют тронуть ее, так как делу придана широкая огласка, не могли пошатнуть уверенность Хохлова в том, что вина за заключение или даже смерть жены и ребенка лежит на нем, доверившемся западным спецслужбам.

Со времени побега Хохлов принимал участие в секретных операциях НТС и сейчас живет в Швейцарии. Точно о своей семье он ничего не знает, но от людей слышал, что она находится в одном из сибирских трудовых лагерей. Книгу, написанную Хохловым, НТС распространил в Советском Союзе, и мы можем только гадать, должна ли эта книга отговаривать потенциальных дезертиров решиться на такой шаг, поскольку в ней ярко описывается несоответствие западных спецслужб подобным операциям. С одной стороны, известно, как сказал в 1957 году дезертир Игорь Гузенко, что «в России есть люди и агенты спецслужб, которые ищут возможность начать жизнь в свободном обществе, передав Западу ценные документы, свидетельствующие о шпионаже, которым руководит Кремль». С другой стороны, у нас есть пример Николая Хохлова — пример принуждения, грубости и нарушенных обещаний. Очевидно, что, если мы спросим у Хохлова, как бы он поступил, если бы начал все сначала, его ответ будет не в пользу Околовича.

Позиция западных стран по отношению к перебежчикам с Востока полна противоречий. Официальный Вашингтон поощряет дезертирство как бегство к свободе, прекрасное решение для порабощенных жителей Советского Союза и его сателлитов. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности в своем докладе «Модели коммунистического шпионажа» предлагает создание программы из четырех пунктов, которая сделает дезертирство более безопасным и привлекательным.

1. Дезертиры должны освобождаться от ответственности за урон, нанесенный в результате их разведывательной деятельности. Это ограничение не должно относиться к шпионажу, и шпион или дипломат, который занимался разведывательной деятельностью до времени побега, может преследоваться законом после того, как он выберет свободу.

2. Дезертиров нельзя подкупать. Александр Орлов отмечал, что «предложение денег не сыграет хорошую роль, так как чувства людей, принимающих подобное решение, нельзя тронуть деньгами, потому что они оставляют свои семьи, свою страну, свое прошлое, с которым они неразрывно связаны. Они почувствуют себя оскорбленными. Они не хотят, чтобы их считали предателями, они не хотят быть предателями в собственных глазах».

Хотя их и не следует подкупать, им нужно предоставлять гарантии финансовой безопасности. Когда Петрову предложили 5000 фунтов, австралийский представитель настаивал на том, что это не было взяткой. Однако это лишь вопрос семантики. Перебежчику нужно давать деньги, но при этом следует утверждать, что его не подкупают. В докладе говорится: «Дипломат или агент коммунистической страны, выбирая свободу, теряет все, кроме одежды, которая была на нем, и денег, которые лежали в его кармане. Он должен начать новую жизнь в стране, чьи традиции и язык он часто не знает».

3. Дезертирам следует предоставлять постоянное место жительства в Соединенных Штатах Америки. Попадая под действие суровых иммиграционных законов и квот, перебежчик теоретически оказывается в позиции человека без страны, как только он попадает на Запад. Он рассказывает все, что знает о советской разведке, а затем сталкивается с возможностью выдворения за пределы США.

4. Дезертирам нужно обещать, что их жизнь будет находиться под защитой. Люди, прожившие большую часть жизни с пониманием мощи советских секретных служб, знают, что они не находятся в безопасности от похищения или убийства.

Склонение к дезертирству дает весьма позитивные результаты. Часть дезертирующих офицеров КГБ или ГРУ приносит западным разведывательным организациям ценнейшую информацию, которая заставляет советскую разведку менять свои планы и перемещать агентов.

Но американские представители, работающие в Западной Германии, знают проблему перебежчиков гораздо лучше и придерживаются противоположной точки зрения. Они указывают, что перебежчики не приносят пользы Западу по трем причинам. Во-первых, на каждого перебежчика, ценного с точки зрения разведки, приходится несколько сотен людей, не имеющих абсолютно никакой информации. Тем не менее всех их нужно проверять. Судьба обычного перебежчика несчастна. Большая часть дезертиров бежит из Польши или Чехословакии в Западную Германию. Вот что случается с перебежчиком, если он не важное официальное лицо, к которому нужно относиться с почтением.

Перебежчиков обычно задерживают баварские пограничники. О них извещаются западные разведывательные службы, и представители военной контрразведки, французской и британской разведок ведут долгие допросы. Затем на дезертиров набрасываются «Голос Америки», радио «Свобода», радио «Свободная Европа», которые стремятся узнать о переменах и настроениях людей по ту сторону железного занавеса. После этого короткого «медового месяца», во время которого с перебежчиком хорошо обращаются, так как ему есть что рассказать, он оказывается в положении скота. Обратившегося за предоставлением политического убежища человека помещают в «высококласный концентрационный лагерь» — Федеральный сборный пункт для иностранцев возле Нюрнберга. Поскольку беженцы составляют 25% жителей Западной Германии, политическое убежище предоставляется не всем. У властей этой страны хватает проблем с собственными беженцами, чтобы еще беспокоиться по поводу перебежчиков из Советского Союза и его сателлитов. Беженцы из Восточной

Германии не считаются перебежчиками — с официальной точки зрения, они переезжают из одной части страны в другую, и им автоматически дают гражданство Западной Германии.

Остальные попадают под действие Женевской конвенции, в которой говорится, что политическое убежище должно быть предоставлено тем, кто покинул свою страну из-за преследований по политическим мотивам. Многие люди уезжают по личным, а не по политическим причинам, и им политическое убежище не предоставляется. Даже тем, кому оно должно быть дано, окончания всех процедур приходится ждать в лагере вместе со своими семьями. В это время они не имеют законного статуса. Короче говоря, не могут работать, путешествовать, жениться. Бюрократический абсурд доходит до того, что этим людям нельзя даже умереть до окончания всех формальностей.

Если человеку отказывают в предоставлении политического убежища или в предоставлении гражданства Западной Германии по экономическим причинам, он может прожить в лагере два года, необходимых для автоматического приобретения гражданства ФРГ. Затем он имеет право ехать в те страны, где ценится дешевая рабочая сила. Неопределенность, в которой находится лагерь (каждый год Западная Германия проводит кампании по его закрытию, которое постоянно переносится на следующий год), — нерадостное приветствие для тех, кто «выбрал свободу», поэтому неудивительно, что довольно высоко число тех, кто вернулся на родину. Промучавшись в лагере около года, перебежчик иногда предпочитает вернуться в родную страну и провести там определенный срок в тюрьме.

Это подводит нас ко второй причине, по которой дезертирство не поощряется нашими союзниками в Западной Германии. Перебежчик, вернувшийся на родину, представляет собой огромную ценность для Востока с точки зрения пропаганды и разведывательных данных. Когда он возвращается домой, то выступает на радио, описывая ужасы Запада, лагеря, бесконечное ожидание, плохие условия жизни. Это отвращение неподдельно, поэтому его слова звучат искренне, что очень редко встречается в радиовыступлениях в условиях тоталитарного режима. Когда возвращенец утрачивает свою ценность, его отправляют в

лагерь, в тюрьму или в один из слаборазвитых регионов Советского Союза.

Третья причина двоякого отношения Запада к дезертирам — понимание того, что недовольный режимом человек может принести больше пользы, если останется у себя на родине. Наиболее энергичные из оставшихся в СССР и странах — его союзниках способны вести довольно эффективные подрывные действия. Они могут способствовать изменениям в системе или начать восстание.

Их можно использовать в качестве агентов «трения», которые создают внутренние трудности в жизни режима. Все эти преимущества утрачиваются, как только такой человек дезертирует. Эта проблема особенно остро стоит в Западной Германии, руководители которой с тревогой смотрят на нарастающий поток беженцев с Востока. Их надежды на объединенную Германию тают с каждым новым потоком беженцев.*

Таким образом, вместо общей для Вашингтона и союзных государств программы по работе с дезертирами существуют противоречия между Соединенными Штатами и странами, в которых приток перебежчиков особенно велик. Идеологическая пища, которой нас кормят дома, питает веру в то, что дезертирство должно поощряться как вид самоопределения человека. Факты, однако, утверждают, что оно создает проблем больше, чем решает, и для самого перебежчика, и для страны, в которую он дезертирует. И, поскольку нет общей рабочей программы, судьба «ценных» перебежчиков часто зависит от человеческого фактора. В некоторых случаях побег удастся благодаря терпению и уму представителей дипломатических или разведывательных организаций, а в некоторых оказывается неудачным из-за несоответствующих ситуации действий.

В 1959 году Бирма стала свидетелем двух побегов, один из которых закончился провалом, а второй успехом. Неудачный побег был первым, но это не испугало второго перебежчика.

Когда М. И. Стригина назначили в 1957 году военным атташе в Рангуне, его жене и четырнадцатилетней дочери не разрешили поехать с ним. Традиционно — первый знак

* Как известно, объединение двух германских государств произошло в октябре 1990 года. (*Прим. ред.*).

того, что над человеком собираются тучи. Для дипломата это служит сигналом, что его семья будет взята в заложники, если он соберется дезертировать. Механизм этот как правило маскируется. Стригину, возможно, сказали следующее: «Ваша поездка не будет долгой; Ваша дочь уже заканчивает обучение, а Вы ведь хотите, чтобы она закончила советскую школу, поэтому пусть она завершает учебу, а Ваша жена останется с ней».

Александр Орлов отмечал, что человек, которого отравили за границу без семьи, начинает беспокоиться и перестает эффективно работать. Он знает, что ему больше не доверяют. В этом случае есть два выхода:

«Такой человек пишет в Москву, что не может работать, что он хочет вернуться, его работа замедляется — это уже не одно и то же. Нельзя отправлять человека рисковать жизнью и одновременно показывать ему, что он потерял доверие. Поэтому ему привозят жену и детей. Некоторые сотрудники, семьи которых остались в России, никогда не поменяют безопасность и жизнь членов своей семьи на сомнительное будущее в США. Они продолжают работать, возвращаются в Москву и пользуются случаем только тогда, когда они уверены, что никто не пострадает».

Полковник Стригин, спокойный человек, похожий на Фрэнка Синатру, переживал слишком сильно. Он был ветераном войны, вступил в Красную Армию в возрасте семнадцати лет, за боевые заслуги уже в тридцать один год стал полковником.

Два года он провел во Франкфурте, где служил офицером по связи с американскими войсками и из-за этой работы попал под подозрение. Он видел западную жизнь, ему нравилась открытость американских офицеров, с которыми работал. После командировки по Западной Германии он сравнил то, что увидел, с тем, что писали в газетах и журналах о жизни на Западе. Эти семена сомнения попали на почву, удобренную недоверием руководства. Он провел в Рангуне два года, а его жена и дочь все еще были в Москве.

Неспособность Стригина сконцентрироваться на работе привела к официальным упрекам. 28 апреля ему сделали выговор на собрании членов КПСС, состоявшемся в

посольстве. Он признал свои ошибки, объяснив их болезнью сердца, и сказал, что уже подал заявление о переводе в Москву. Он попросил членов партии простить его. То, как он защищался, привело в раздражение посла, который заметил: «Он обещает изменить свое поведение и улучшить работу, но ведет себя, как женщина».

Через три часа после собрания полковник Стригин, охваченный волнением и неуверенностью, пытался покончить с собой. Он был найден лежащим без сознания в своем доме, об этом, по установленному порядку, известили посольство. Сотрудники службы безопасности буквально прилетели к его дому и неохотно позволили увезти в больницу, где ему сделали промывание желудка, которое показало, что он принял большую дозу снотворного.

В больнице около его кровати стояла охрана в штатском. Когда Стригин на следующий день пришел в себя, охранники начали ругать его и называть предателем.

«Я не предатель! — закричал Стригин. — Это вы предатели. Почему вы не говорите на английском, чтобы вас все поняли?» Он обратился за помощью к медсестре, которая измеряла его температуру. «Вы разве не понимаете? — сказал он, разозлившись. — У меня в России осталась четырнадцатилетняя дочь».

Той ночью Стригин предпринял безуспешную попытку обратиться за политическим убежищем. Воспользовавшись невнимательностью своих охранников, он вскочил кровати и выпрыгнул из окна своей палаты, которая находилась на первом этаже. Он бежал, спотыкаясь, по двору больницы и кричал: «Бирманская армия, помогите!» Он добрался до комнаты охраны, но солдаты были слишком удивлены, чтобы действовать быстро, и к тому моменту, когда они вызвали дежурившего офицера, Стригина уже схватили русские.

Они объяснили врачам, что у него был нервный срыв. Врачи не обращали внимания на требования Стригина вызвать руководителя бирманской контрразведки, хотя он дал им даже номер его телефона. Охранникам удалось довести полковника до бессознательного состояния, и его отвезли в посольство.

На следующий день в газетах появились короткие заметки, рассказывавшие о произошедшем в больнице, но власти не приняли никаких мер.

Через несколько дней в аэропорту Рангуна приземлился китайский самолет. К самолету подъехали девять черных лимузинов и окружили его. Из восьми вышло по пять человек. Из девятой вывели слабого человека, который не мог идти самостоятельно. Его почти загрузили в самолет. Охрана не пропускала к Стригину журналистов и фотографов.

Операция была организована в тесном взаимодействии с китайскими коммунистами, и Стригина сопровождал китайский военный атташе. О судьбе полковника ничего не известно.

Контрастом неудачному побегу полковника Стригина стало дезертирство в следующем месяце Александра Юрьевича Казначеева, который бежал с подобающим для дипломата спокойствием. В его случае не было неприятных сцен в аэропорту, прыжков из окна и криков в больнице. Его побег был образцовым. По словам Арнольда Бейхмана, освещавшего этот случай для «Христиан сайенс монитор», дезертирство оказало большое влияние на общественное мнение Бирмы. «То, что советский дипломат, работавший в течение двух лет в Бирме, решил оставить свое правительство, до сих пор остается главной темой разговоров», — писал он. Казначеев работал в посольстве и был агентом разведки.

Редактор рангунской газеты «Гардиан» так комментировал этот случай:

«Фактом, который нанесет престижу СССР большой урон, станет то, что Казначееву еще нет тридцати лет, то есть до недавнего времени он знал только лучшее из того, что может предложить Советский Союз. То, что он решил отказаться от этих официальных благ при первом же знакомстве со свободой человека в Бирме, нанесет советской пропаганде такой удар, от которого она не сможет оправиться в этой части мира».

Кем же был молодой член привилегированного советского «нового класса», который дезертировал через несколько месяцев после того, как ему дали важное задание, и всего через месяц после неудачного побега его коллеги?

Казначеев происходил из семьи, которая, по западным меркам, относится к высшему слою среднего класса. Мож-

но сказать, что его семья «была обеспеченной». В юности он мог позволить себе бросить школу и стать стилигой — советским вариантом хиппи.

Стилиги выражают свое презрение к режиму, эксцентрично одеваясь, бросая учебу, имитируя американских подростков. Они подражают американцам, протестуя против скуки и обыденности советской жизни. При Сталине такое «декадентское» поведение молодежи подавлялось массовыми отправками в лагеря. При Хрущеве протесты против подобного поведения детей влиятельных родителей появляются только в печати. Газета «Советская культура» писала:

«Стилиги составляют только часть молодежи, но до сих пор власти ничего не предпринимают против них, хотя они выставляют напоказ свою эксцентричную внешность: длинные пиджаки в желтую или зеленую клетку, яркие «американские» галстуки, накладные карманы, подкладные плечи, завернутые манжеты, узкие брюки и — гордость всего наряда — желтые или светло-коричневые ботинки с толстыми подошвами, которые должны быть на размер больше, чтобы носки загибались вверх. Их прически — образец искусства, они любят бакенбарды. Вечера они проводят в барах или бильярдных салонах, либо там, где можно танцевать. Вечером их можно встретить в любой гостинице, где есть оркестр, но они предпочитают танцевать под плохие записи американского джаза. С ними приходят девушки-стилиги, которые носят обтягивающие до неприличия юбки и платья. Они носят юбки с разрезом. Летом они носят сандалии. Их прически сделаны в стиле «модных» киноактрис».

Эдвард Кренкшо писал в книге «Жизнь без Сталина»:

«Они именуют города и улицы их старыми названиями: вместо Ленинград они говорят Петроград, вместо Сталинград — Царицын, о чем другие уже не вспоминают. Московскую улицу Горького они называют Бродвеем. Когда они встречаются на улицах, то говорят: «Добрый вечер, леди и джентльмены», даже если встречаются только юноша и девушка. Не употребляется слово «товарищ», вместо него используется «мистер». Копейки называют центами, рубли — долларами».

Мать Казначеева была медсестрой, в 1941 году она стала врачом, но никогда им не работала, его отец был специалистом по электронике в одном из институтов Академии наук СССР. Александр был единственным ребенком в семье — еще один признак нового класса. Казначеев сказал, выступая перед Комитетом сената по внутренней безопасности: «У меня нет московских друзей или знакомых, у которых бы было три или четыре ребенка. Я никогда не видел таких семей. Я могу утверждать, что 30% городского населения могут позволить себе завести двух детей, 50% — только одного ребенка, а 20% вообще не могут позволить себе завести детей... Около 80% населения России живет в городах в таких условиях, о которых я сейчас рассказал. Население России составляло 50% населения Советского Союза в 1919 году. Сегодня эта цифра не превышает 30%».

Впервые Казначеев проявил свое «неудовлетворение жизнью» в старших классах школы, когда он присоединился к группе стиляг. Он вспоминал, что группа состояла «из разной молодежи — от уголовников до нонконформистов».

Для него вступление в эту группу было «выражением оппозиции режиму, выражением разочарования молодежи в условиях, в которых она живет, в учении партии, выражением осознания того, что молодежь — рабы коммунистического режима».

Однако восторжествовал здравый смысл, и Александр осенью пошел в школу. Следующая организация, в которую он вступил, была совершенно другой по характеру. Комсомол — молодежная организация, в которой состоит около 90% советских студентов. Казначеев решил поступить в Московский институт востоковедения, и ему пришлось подать заявление в комсомол, членство в котором было обязательным для поступающих. «Это было необходимо, — говорил он. — Так же необходимо, как и быть гражданином СССР. Если ты гражданин Советского Союза, в молодости ты не можешь не быть членом комсомола, так как это может быть опасно».

Членство в комсомоле включало в себя посещение собраний и политическую работу во время выборов. «Мне дали несколько домов, которые я должен был посещать по крайней мере раз в неделю, составлять списки избирате-

лей, читать им лекции о политике и решениях советского правительства, я должен был сделать так, чтобы все они пришли на выборы и проголосовали. Как правило избиратели были пассивны и не проявляли ни малейшего интереса к выборам. Когда они приходили на участки, около 50% не знали, за кого голосуют, хотя кандидат всегда только один».

Проучившись три года в институте востоковедения, Казначеев, благодаря отличному диплому и рекомендации комсомола, смог поступить в Московский государственный институт международных отношений — школу Министерства иностранных дел СССР.

Там он изучал бирманский язык, институт окончил в 1956 году. Человека, знающего бирманский, МИД обычно отправлял в Африку или Южную Америку, но Казначеева в начале 1957 года отправили в Бирму. К тому времени он уже успел жениться и развестись, и его бывшая жена и маленький ребенок остались в СССР.

С марта по декабрь он проходил языковую и географическую подготовку в Рангуне. Вернувшись в Москву, произвел хорошее впечатление на свое руководство, и его отправили в советское посольство в Рангуне в должности пресс-атташе.

За день до отъезда в Рангун Казначеева пригласили выпить двое дипломатов, работавших ранее в Бирме. Они сказали: «Мы работаем в политической разведке, и мы выбрали вас для нашей работы».

Казначеев вспоминал: «Это было не предложение, а приказ. Я не мог отказаться. Они сказали, что меня выбрали из-за того, что я знал Бирму и бирманский язык. Я подписал клятву, что буду хранить все секреты, доверенные мне, что я буду делать все возможное для выполнения своих обязанностей. Меня предупредили, что, если я выдам какую-либо государственную тайну, меня ждет наказание, вплоть до смертной казни. Мне приказали никому не говорить о том, что я работаю на разведку, даже послу».

Казначеев прибыл в Рангун с прикрытием дипломата. Он был пресс-атташе, представителем «низшего дипломатического ранга, не имеющим ничего общего с прессой». Его тайными обязанностями были: переводить с бирманского языка на русский документы, похищенные советской разведкой, встречаться с бирманскими политиками,

получать информацию о политических партиях, пытаться завербовать в их рядах советских агентов, встречаться с представителями других иностранных миссий в Рангуне, включая американцев, следить за поведением и моралью других советских граждан.

Связь между Казначеевым и советским режимом ослабла тогда, когда он понял, что людей его национальности любили не все бирманцы. Он понял, что с ними трудно знакомиться. Его встречали с подозрением, а не с восторгом.

«Многие люди открыто отказывались иметь со мной что-либо общее», — говорил он. Однажды он приехал в маленький город на реке с тремя бирманцами, с которыми ему удалось подружиться. «Мы искали дом, в котором можно было провести две-три ночи. Нас пустил к себе местный лоцман. Он пришел на следующий день, спросил, кто я, и узнал, что я из советского посольства».

«Забирай свои вещи и проваливай», — сказал бирманец Казначееву. Бирманцы, которые не знали, что гость говорит по-бирмански, в разговоре произнесли такую фразу: «Из-за русских всегда неприятности. Они все шпионы».

Описание Казначеевым холодного приема, который бирманцы оказывают русским, и ошибок, которые они делают в этой стране, вполне можно назвать «Скверный русский». Он показал, что просчеты и ошибки, допускаемые американцами на Дальнем Востоке, которые описаны в книге «Скверный американец», допускает и СССР. Приведем несколько моментов из этой книги, которые, по словам Казначеева, можно отнести и к русским:

На задания отправляют американцев, не знающих языка: «В советском посольстве в Рангуне я был единственным человеком, который мог разговаривать на бирманском языке. Больше таких людей в посольстве не было».

Американцы неохотно идут на контакт с местными жителями: «Вся система советских внешних отношений построена так, что она не дает устанавливать тесные контакты с местными жителями. Конечно, работникам посольства приказывали заводить друзей среди местного населения... но в то же время нам рекомендовали не заходить слишком далеко в отношениях с бирманцами. Нас постоянно предупреждали, что никому нельзя доверять».

Американцы не могут встречаться с местными жителями на их уровне: «Как правило в посольстве говорили, что страна бедна, в ней нет ничего интересного, жители страны ленивы, бедны, полны предрассудков». Когда бирманский студент, учившийся в Москве, женился на русской девушке, «посол был в ярости, он называл девушку проституткой... потому что она вышла замуж за человека низшей расы».

Американцы не пытаются подстроиться под обычаи страны, в то время как русские завоевывают людей пониманием их традиций: «Я лично присутствовал на встрече советских представителей и влиятельных бирманских монахов в Мандалае, центре бирманского буддизма. В состав советской делегации входил и посол СССР. Когда члены делегации прибыли в пагоду, им предложили сесть. Они отказались по совету посла. Им предложили поесть, но они отказались, сказав, что пища не подходит советским желудкам. Член парламента Бирмы позднее упомянул об этом инциденте в разговоре с послом, который раздраженно сказал: «Зачем нам садиться? В России, если мы хотим выразить уважение к кому-либо, мы стоим».

Возможно, Казначеев мог бы быть представителем русского аналога «Скверного американца», но он понимал страну, в которой жил, и пытался исправить ошибки других. Он полюбил Бирму и ее жителей. «Практически все свободное время я проводил со своими бирманскими друзьями. Рабочий день в советском посольстве длился с 8 утра до 2 дня. После этого я начинал совершенно другую жизнь. Я навещал своих друзей, которые часто приглашали меня к себе домой. Я в значительной мере привык к бирманскому образу жизни. Иногда бирманцы говорили мне, что они забывали, что я иностранец. Я ненавидел оставаться в посольстве, атмосфера которого была очень натянутой и недружелюбной. Моя настоящая жизнь началась только тогда, когда я был со своими друзьями.

Среди бирманцев у меня было много близких друзей. Я верил им, и они очень хорошо относились ко мне. Некоторые из них знали о том, что я хочу бежать, за несколько месяцев до того, как я предпринял этот шаг. Фактически, я доверил им свою жизнь, и они меня не предали».

Казначеев стал известен в советских кругах Рангуна

как «любитель Бирмы». Профессор Горшков, приехавший сюда в составе миссии ООН, докладывал в Москву, что молодой дипломат попал под влияние капиталистического окружения и ведет себя очень подозрительно. Но в Москве не обратили внимания на это предостережение, так как Казначеев был сотрудником разведки, которому по роду деятельности приходилось часто встречаться с бирманцами.

Прожив в Бирме два года, Казначеев понял, что единственным решением при его нарастающем отвращении ко всему советскому и любви к Бирме может быть дезертирство. Он планировал сдаться бирманским властям, но опыт полковника Стригина показал ему, что правительство Бирмы скорее всего не сможет эффективно решить эту проблему.

Казначеев хорошо обдумал свой побег. 23 июня 1959 года он приехал в центр Рангуна. Вместо того чтобы обратиться в американское посольство, он пошел в библиотеку Информационной службы США, находившейся в большом здании. То, что он посетил это здание, не должно было вызвать подозрений. Дипломат сказал библиотекарю, что хочет встретиться с кем-нибудь из посольства, вскоре в библиотеку пришел один из сотрудников. Он очень осторожно отнесся к просьбе Казначеева, понимая, что подобный инцидент может создать США плохую репутацию в глазах бирманцев. Однако слова русского звучали довольно убедительно, и встреча была назначена на следующий день в том же месте.

На этой встрече Казначеев сказал, что откажется от советского гражданства в обмен на политическое убежище. Он выразил опасение в связи с возможностью возмездия, направленного против его родителей, бывшей жены и двухлетнего ребенка. Однако добавил при этом, что высокое положение в обществе его отца ограждает его от подобных действий, а тот факт, что он разведен, возможно, защитит бывшую жену и ребенка.

Затем Казначеева допросил сотрудник ЦРУ, который должен был дать свое согласие на организацию побега. Перебежчика должны были привезти в американское посольство, но акция была задержана дипломатическими осложнениями. В тот день американский посол Уолтер П. Макконаги принимал советского посла Алексея Шил-

борина, который наносил прощальные визиты перед отъездом из страны.

Американская приверженность протоколу не позволяла провести советского дезертира на территорию посольства в тот момент, когда его руководитель обменивался любезностями с американским коллегой. Казначеева держали в надежном месте до тех пор, пока не окончился визит советского посла. После этого двадцатисемилетнему перебежчику предоставили комнату на верхнем этаже посольства, в которой он и находился пять дней до отъезда в Вашингтон.

Американский посол незамедлительно уведомил правительство Бирмы о дезертирстве, а официальное заявление для прессы было сделано 26 июня. Неизбежная пресс-конференция была проведена. На следующий день Казначеев отвечал на вопросы журналистов, говоря по-бирмански.

Во время пребывания в посольстве Казначеев написал объяснение побега и кратко рассказал о своей жизни. Ему дали одежду, так как у него было только то, в чем он бежал, он читал газеты и журналы, его познакомили с фильмотекой посольства.

Посол Макконаги поддержал требование бирманского МИД допросить перебежчика. В день отъезда в Вашингтон его привезли для допроса в Министерство обороны в Рангуне. Беседа продолжалась с 12 до 4 часов дня. Министр иностранных дел Бирмы Ю Чан Хтун Аунг предложил советскому послу встретиться с Казначеевым до его вылета в Вашингтон, но предложение было отвергнуто.

Из Министерства обороны дезертира на лимузине американского посольства в сопровождении бирманских военных доставили в аэропорт Рангуна. Он позировал фотографам, стоя на трапе самолета американских ВВС. Улыбаясь, повернулся к группе людей из советского посольства, которые также делали снимки.

Контраст с вынужденным полетом полковника Стригина, произошедшим всего за месяц до этого, был поразителен. Казначеев вошел в самолет сам, без сопровождения. Охрана не отгоняла фотографов, у официальных представителей в карманах не лежали шприцы со снотворным, а в полете путешественника не сопровождала вооруженная охрана.

В то время как мы наблюдаем такой очевидный побег от притеснений к свободе, чем можно объяснить обратное? Это побег от свободы к притеснениям? У перебежчиков из СССР прямое мышление, а у перебежчиков из США искривленное? Два самых интригующих побега с участием американцев произошли в начале и конце того времени, которое называют «позорным десятилетием».

12. ПОБЕГ ОТ СВОБОДЫ

Истории Ноэла Филда, Уильяма Мартина и Бернона Митчелла до сих пор вызывают вопросы, на которые нет окончательных ответов.

Историю Ноэла Филда определяют три даты: в мае 1949 года, успешно проработав в Государственном департаменте, Лиге Наций, Управлении стратегических служб, он исчез по ту сторону железного занавеса вместе со своей женой Гертой. В октябре того же года его привезли в Будапешт, арестовали как провокатора и шпиона, он и жена были приговорены к пяти годам тюремного заключения. В ноябре 1954 года, после освобождения из тюрьмы, он, вместо того чтобы вернуться в Соединенные Штаты, попросил предоставить ему политическое убежище в Венгрии.

Филд пережил послевоенные репрессии в Венгрии — его показания стали ключевыми в осуждении и казни Ласло Райка, бывшего министра иностранных дел Венгрии. Он был свидетелем фабрикации обвинений против группы антинацистских лидеров, которым он помогал, работая в УСС, — группы, которую в Москве называли «испанской знатью», героизм этих людей во время войны и привел к их ликвидации.

Филд пережил венгерское восстание 1956 года, не пострадал он и во время трагического кровавого периода, последовавшего за ним. Правительство Венгрии он признавал только на словах. Многие друзья считали его идеалистом, глубоко верующим человеком, он был в их глазах честной, самоотверженной личностью. Ноэл вышел из венгерской тюрьмы и достиг высот лицемерия в речи, в которой, в частности, говорил: «Я с благодарностью наслаж-

даюсь своим участием в строительстве социализма в Венгрии. Я мечтал об этом, находясь в тюрьме, и теперь моя мечта сбылась».

И после этого он добавил с мечтательной наивностью: «Я не отказался от своей страны. Я американец и всегда буду им». Это было в конце 1956 года. А за полтора года до этого Госдепартамент США, наблюдавший в течение нескольких лет за одиссеей Филда, решил лишить его американского гражданства и американской защиты.

Ноэл представляет собой незапятнанный образец истинного верующего. В то время как венгерское восстание сотрясало основы мирового коммунизма, Филд, воспитанный в либеральных традициях американской семьи и на гуманных устремлениях Лиги Наций, проявлял приверженность доктрине, желая показать, что никакие события не могут поколебать его веры.

Он один из немногих американских коммунистов, своими глазами видевших недостатки системы и не отказавшихся от веры в нее. После того как многие люди, присягавшие на верность «Богу, допустившему ошибку», были разочарованы заключением советско-нацистского пакта о ненападении, подавлением венгерского восстания, нашелся один человек, который видел все ошибки этого «Бога», но сохранил свою веру в него, который видел ужасы тоталитаризма, но смог преодолеть отвращение к нему.

Чеслав Милош описывал фундаментальную разницу между закаленным коммунистом, прожившим в этой системе всю свою жизнь, и брезгливым западным коммунистом, которого нужно кормить иллюзиями, чтобы он продолжал верить.

Восточный коммунист* скорее всего отсидел три года в тюрьме или в лагере. Это не сломило его, он не отказался от своей веры. Лес рубят — щепки летят.

Тот факт, что он, как и многие его товарищи, был невиновен, ничего не доказывает. Лучше осудить двадцать невиновных, чем освободить одного преступника. Дстойно вынести это испытание — значит проявить моральную силу и веру, свою и товарищей по партии. Зная работу

* Выражение автора.

системы изнутри, он знает, что социалистическая страна — страна слез и скрежета зубов. Тем не менее вера в историческую необходимость и предвкушение будущего убеждает его в том, что жестокая реальность современности — хотя она может длиться годами — не важна.

Противоположность этому — западный коммунист*, настроенный против несправедливостей системы, в которой он живет. Он полон негодования по поводу того, что происходит здесь, и желания попасть туда, в страну, из которой приехал его товарищ. Товарищ доброжелательно смотрит на него, слова оправдывают его ожидания... но энтузиазм его товарища становится для него недостижимым благом в сфере морального комфорта. Если бы он знал обо всем, если бы он прошел через такие же испытания, какова была бы его вера?

Опыт показывает, что западные коммунисты не могут долго находиться в социалистической стране. Доза коммунизма оказывается слишком большой для них. Они могут быть очень полезны в роли миссионеров среди «язычников» или тогда, когда их страны завоеваны армиями-освободительницами... но западному коммунисту необходимо видеть золотой век человечества, уже начавшийся на Земле.

Нозл Филд — один из немногих, кто из западного коммуниста превратился в восточного.

В течение нескольких лет дело этого человека оставалось самым загадочным во всей истории холодной войны. В 1949 году он отправился в Чехословакию, где ему обещали работу учителя. К тому времени он не работал в течение двух лет. Филд поселился в пражском отеле «Палас». Вечером 12 мая он вышел из своего номера и исчез. На следующий день в гостиницу пришла телеграмма из Вены, сообщавшая, что в отель придет человек, который оплатит его счет и заберет вещи. Жена Филда Герта, бывшая в то время в Женеве, отправилась на поиски мужа. Она тоже исчезла. Брат Филда Герман, пытавшийся найти пропавшую семью, также был захвачен за железным занавесом. Семейные узы Филдов были довольно крепки, и сестра Нозла, Элси Филд Дуб, оставила мужа и работу в Иллинойсе и поехала в Европу на поиски братьев и неве-

* Выражение автора.

стки. В Западной Европе она ничего не обнаружила, а в Восточную Европу ее уговорили не ехать. Когда она вернулась в США, то стала наследницей состояния Филда, которое оценивалось в 60000 долларов.

Пропавшие Филды были живы. Они провели по пять с половиной лет в польских и венгерских тюрьмах. Все трое были освобождены правительством Имре Надя в 1954 году, но только Герман решил вернуться домой. Он потерял 30 фунтов веса (около 14 кг), его глаза словно остекленели.

Ноэл и Гертта переехали в просторную виллу в одном из пригородов Будапешта, Геллерт-хилл, где во время восстания происходили кровопролитные сражения. Там их сфотографировала местная пресса, чтобы показать, что пребывание в тюрьме не повлияло на их здоровье. На фотографиях мы видим высокого аристократичного человека с длинными седыми волосами, он смотрит вдаль. Он одет очень элегантно. Его жена смотрит на него. Ее волосы собраны в пучок, на ней надет костюм с галстуком, что делает ее похожей на одну из героинь немецкого фильма «Женщина в форме».

Заявления Ноэла Филда об освобождении из тюрьмы прояснили загадку его отсутствия, но не загадку его мотивов. В июле 1957 года в заявлении, переданном по венгерскому радио, он назвал доклад ООН о Венгрии «клеветой и ложью, смешанной для правдоподобия с правдой». Он поддержал отказ коммунистической Венгрии допустить на территорию страны комиссию ООН, разделял с коммунистами радость победы над борцами за свободу и предсказывал, что весь мир станет коммунистическим.

Филд говорил: «Ни четыре сотни, ни четыре тысячи страниц свидетельств перебежчиков не смогут остановить победный марш Венгрии и других стран социалистического лагеря по дороге к коммунизму, к которому обязательно придут все остальные страны, каждая своим путем и в свое время».

Началом дороги к коммунизму для Филда стал Лондон, где он родился в 1904 году в семье американского зоолога. Ноэл вырос в Цюрихе, где его отец издавал научный журнал. Он был старшим из троих детей. Впервые юноша поехал в США в 1922 году, чтобы поступить в Гарвард, который он закончил через три года. Во время

традиционной после окончания университета поездки по Европе Ноэл познакомился с немкой Гертой Катериной Визер, которая стала его женой.

Филд начал работать в Госдепартаменте в 1926 году и работал там в течение десяти лет. Когда он уволился в 1936 году, то возглавлял Отдел по отношениям с европейскими странами. Одним из хороших друзей Филда в Госдепартаменте был Лоренс Дугган. Филд был расстроен, когда Дугган погиб при загадочных обстоятельствах (то ли сам выбросился из окна, либо его толкнули) во время расследования его отношений с коммунистами. Он говорил: «Это позор, Бог знает, что людей толкает к смерти».

Знакомой Филда в Вашингтоне была Геде Мессинг — агент, вербовавшая людей для советской разведки, первая жена коммуниста из Восточной Германии Герхарда Айслера. В книге «Этот обман» она вспоминает, что познакомилась с Филдами в 1934 году. Муж миссис Мессинг Пол опубликовал свои воспоминания о немецком концентрационном лагере в коммунистическом журнале «Нью мас-сиз», и Филды захотели познакомиться с автором.

Миссис Мессинг увидела в Филде либерала тридцатых годов. Ее руководители рекомендовали превратить Филда в потенциального агента, и они «сразу начали интенсивные отношения». «Наши отношения стали настолько близки, что я не всегда знала, где заканчивалось «дело» и начиналась дружба... постепенно я стала почти членом семьи и останавливалась у них во время визитов в Вашингтон». Растущий в Филде интерес к коммунизму имел романтический, иногда почти детский, характер. Однажды вечером он поехал с миссис Мессинг к мемориалу Линкольна. Он поднялся по ступенькам, стал под памятником и запел «Интернационал», причем на русском языке. Услышав такое музыкальное подтверждение веры в коммунизм, Мессинг обратилась к Филду с предложением помочь русским с информацией и документами. Филд согласился неохотно, но не потому, что не мог предать свою страну, а потому, что за него боролись несколько разведывательных организаций. Он сказал миссис Мессинг, что другая разведка была «благоприятнее».

За обедом у Филдов они почти поссорились из-за того, на кого будет работать Филд. Мессинг сказала ему, что ее советские руководители хотят, чтобы он работал в

ее группе. Вскоре после вступления в группу миссис Мессинг Филд ушел из Госдепартамента в Лигу Наций. Лига соответствовала его идеализированному пониманию спасения человечества, она помогла ему решить трудный вопрос передачи секретной информации русским, и он полагал, что в будущем окажет партии гораздо большую помощь.

Поскольку Филд в течение трех лет работал в отделе Лиги Наций в Госдепартаменте, ему не составило труда получить работу в Лиге в Женеве. Он служил в отделе разоружения и участвовал в эвакуации иностранных войск из Испании в 1938—1939 годах. Работу в Лиге Филд продолжал вплоть до ее роспуска в 1940 году.

Сведения из различных источников сходятся в том, что, приехав в Женеву, Филд вошел в состав широкой шпионской сети, находившейся под руководством Вальтера Кривицкого, главы советской разведки в Западной Европе. Кривицкий работал под прикрытием благотворительной организации, отправлявшей продукты необеспеченным семьям. Он бежал на Запад в 1939 году, и его привезли в Вашингтон. В гостиничном номере, в котором он остановился, его застрелили члены Специального бюро (террористический отдел советских спецслужб).

Исаак Дон Левин, специалист по СССР, писал, что Кривицкий сказал ему в 1939 году, что Филд был одним из его источников в Женеве. Уиттакер Чемберс писал в своей книге «Свидетель»: «Мне всегда было любопытно, как руководство могло позволить Ноэлу Филду уйти из Госдепартамента. Именно Кривицкий стал первым человеком, который сказал мне, что Филд ушел из Госдепартамента специально для того, чтобы работать в его сети».

Когда Филды уехали в 1938 году в Испанию, чтобы помогать эвакуации иностранных войск, они познакомились и подружились с Эрикой Глейзер, молодой немкой. После дезертирства Филда она отправилась искать его за железный занавес. Ее арестовали, приговорили к смертной казни, отправили в печально известный лагерь в Воркуте и освободили в 1955 году.

Доктор Глейзер, отец Эрики, был евреем. Он бежал в Испанию из Германии в 30-х годах, когда нацисты начали преследовать евреев. Когда в Испании началась Гражданская война, Глейзеры не могли вернуться домой, и доктор Глейзер стал врачом в одной из частей. Когда армию

начали очищать от иностранцев, он перешел в Коммунистическую интернациональную бригаду, где прослужил до конца войны в 1939 году. Эрика, которой в то время было шестнадцать лет, прошла курсы подготовки медсестер и работала в госпиталях, так же как и ее мать.

Нозл Филд посещал госпиталь, в котором работал доктор Глейзер, и они продолжали общаться. Здесь же Филд познакомился с его дочерью, которая в то время болела тифом. Ей пришлось из-за болезни расстаться со своей семьей, которую вывезли на север вместе с другими иностранцами и поселили в приграничном городке в Пиренеях. Когда Эрика выздоровела, она отправилась на поиски родителей. В одной из деревень около границы ее ждало письмо от Филдов. Они хотели удочерить ее, так как у них не было своих детей, и забрать девушку в США.

Эрика нашла родителей, которые не хотели отпускать ее из переполненного лагеря для беженцев. Благодаря Филдам они смогли переехать в Париж. Эрику уже нельзя было удочерить, но она поехала к Филдам в Женеву, где поступила в школу для девушек. Ее знание французского языка было недостаточным, и пришлось уехать в Цюрих, учиться в немецкой школе. В 1941 году Филд, получив работу в Комитете унитариев, уехал в незанятую Германией часть Франции и регулярно отправлял Эрике деньги.

Эрика ненавидела Филда еще до знакомства с ним уже потому, что он работал в Комиссии по разоружению, которую она обвиняла в несчастьях своих родителей. «Ее же я ненавидела потому, что для меня она была женщиной из высшего общества, посещающей бедных испанцев и жалеющей их. Тип женщины-благотворительницы».

О времени, когда она поселилась с Филдами в Женеве, Эрика говорит: «Мне не нравилось то, что мне все показывали. Кроме того, мне не нравились Филды. Но я полюбила их, когда узнала лучше. Они оба были очень милы ко мне и очень дружелюбны. У Герты было очень доброе сердце, и она всегда была добра со мной. Что касается Нозла, то я всегда чувствовала, что все, что он говорит, он обдумывает заранее. Он не мог принимать решения очень быстро. Он был совсем не импульсивен».

Эрика заметила, что миссис Филд очень любила своего мужа и восхищалась им, при этом она часто играла главную роль в семье. Она была практичнее, импульсивнее

мужа, который, помимо всего, казался «гуманистом и идеалистом в прямом смысле этих слов».

Эрика стала коммунистом и секретным агентом с помощью Филдов. В 1940 году Ноэл познакомил ее с немецким коммунистом, и она согласилась выполнить несколько второстепенных заданий в Швейцарии. Дважды во время войны ее задерживала швейцарская полиция, расследовавшая деятельность коммунистов, и оба раза освобождали. В 1942 году Филды вернулись в Женеву с юга Франции, и Эрика начала учиться в Женевском университете. В то время они жили в женском общежитии, в котором Ноэлу Филду разрешили остаться по специальной договоренности.

В военные годы Филд играл многогранную роль: он был агентом УСС и помогал своим друзьям коммунистам. Аллен Даллес подтвердил, что Филд был финансовым курьером и связным с группами коммунистов, участвовавших в Сопротивлении. Филд, долгое время проживший в Швейцарии и имевший контакты с коммунистами, был неоценимым агентом, связывавшим американскую разведку и коммунистическое подполье. За время пребывания в Южной Франции он передал группам французского Сопротивления 10000 долларов.

В Женеве Филд продолжал получать сообщения от своих связных о Сопротивлении во Франции. Эрика вспоминала: «Я помню, что в Швейцарии Филд получал нелегальные сообщения из Франции. Их приносили разные связные, некоторых мы вообще не знали — именно они работали на границе. Мы не знали их имен. Мы даже не знали, кем они были в обычной жизни. Все сообщения были написаны на очень тонкой бумаге. Я читала некоторые из них. Ноэл Филд говорил мне, что передает их Аллену Даллесу. Он показывал их и коммунистам».

Филд вовлек Эрику и в операции УСС. Она работала с двумя немецкими коммунистами на франко-швейцарской границе. Они вывозили из Франции немцев, сажали их на поезда, следили за тем, чтобы их кормили. Эти операции проводились немецкой коммунистической партией совместно с УСС, и некоторые люди, вывезенные из этой страны, были сотрудниками УСС.

Филд был настолько вовлечен в операции УСС, что в советских досье, обнародованных позже, он назван «веро-

ятным американским шпионом, вербующим коммунистов». Последним делом Филда в УСС стала встреча с Алленом Даллесом в Берне в 1945 году, во время которой он предложил свой план послевоенного устройства Германии. Филд предлагал создать «Западногерманский комитет», который должен состоять из антифашистских лидеров. В перспективе этот комитет должен был стать правительством Германии, которое бы пользовалось поддержкой США. Даллес отправил Филда в Париж для встречи с Артуром Мейером Шлезингером, который в то время работал в УСС. Шлезингер просмотрел проект устройства Германии. Позднее он писал: «Проект, представленный Филдом, подразумевал распространение на всю Германию действия комитета «Свободная Германия», контролируемого Москвой. По моему мнению, Филд действовал как коммунистический агент».

Хотя Ноэл и принимал активное участие в секретных заданиях во время войны, он сумел извлечь большую пользу и из своей работы в Комитете унитариев. Он руководил операциями по вывозу людей через Испанию и Португалию, проводившимися унитариями. Он заполнил благотворительные организации коммунистами, и многие беженцы, отправившиеся в США, принимали не унитаризм, а другую веру.

Лео Бауэр, известный немецкий коммунист, работавший во время войны в Швейцарии, подходил к Филду и говорил: «Нужно помочь вот этому и этому человеку. Для них можно что-нибудь сделать?» В это время гестапо попросило Швейцарию выдавать немецких коммунистов, и Бауэр хотел доставить их лидеров в США или Мексику, где они были бы в безопасности. В обмен Бауэр помогал Филду передавать деньги из Швейцарии во Францию. Бауэр был консультантом Филда, указывая на беженцев, более всего нуждавшихся в помощи Комитета унитариев. Таким образом, по словам Эрики, Филд «помогал главным образом коммунистам... ему нравилось помогать им, потому что их дела были в основном политическими».

Филд переступил через свой страх, поддержав своего секретаря Гертю Темпи, члена коммунистической партии. Он защитил ее, когда руководство Комитета начало интересоваться целесообразностью ее работы в Комитете.

Еще один спор между Филдом и унитариями возник,

когда Филд написал письмо, в котором выражал свою «озабоченность» планами Комитета работать с американско-украинским благотворительным комитетом. Филд заявлял, что украинцы «стали в глазах общественности немного меньшей реакционной силой, чем нацисты... они были центром антисоветской агитации».

Филд говорил, что репутация Комитета будет загублена, если он будет сотрудничать с украинцами: «Все наши друзья с отвращением отвернутся от нас». Он предлагал, чтобы вместо этого Комитет создал фонды, которые помогли бы вернуться на родину полякам и югославам. Помимо этого, Филд добавлял, что отказывается помогать беженцам из Литвы (практически все они были против коммунизма).

В 1946 году Комитет стал получать информацию о том, что Филд заигрывает с коммунистами. Рэймонд Брэгг, один из руководителей Комитета, приехал в Европу для выяснения правдивости этих утверждений. Он «не обнаружил какой-либо информации, указывающей на то, что Филд сочувствовал коммунистам или сам был коммунистом. Есть свидетельства того, что многие из тех людей, которым помог Комитет, были коммунистами, но это объясняется тем, что именно им помощь была нужна больше всего. Они были довольно бедны и, возможно, принимали самое активное участие в борьбе с коллаборационистами».

Вслед за Брэггом в Европу отправилась специальная комиссия, рассказавшая Филду о слухах вокруг его имени. Ноэл сказал, что они не имеют под собой оснований, и указал на свою работу во время и после войны. Он произвел впечатление на членов комиссии, которые, однако, решили, что ему «нужно уйти, его длительная работа нанесла вред деятельности Комитета и его репутации».

Филд и его жена вернулись в Нью-Йорк, и он начал искать работу. Он просил помощи у Алджера Хисса, к которому уже обращался с подобной просьбой ранее. В 1940 году, до того как Филд начал работать в Комитете унитариев, Хисс рекомендовал его на должность помощника Фрэнсис Сэйра, Верховного комиссара США на Филиппинах. В рекомендательном письме Хисс отметил, что имя Филда упоминалось в показаниях Дж. Б. Мэттьюса:

«В о п р о с. Вы знали, что он (Филд) член коммунистической партии?

О т в е т. Да я знал об этом, потому что он свободно обсуждал со мной этот вопрос, когда я жил в Вашингтоне (1928 год). Я знал его до того, как он начал работать в Государственном департаменте, в то время, когда он участвовал в радикальных выступлениях студентов в Бостоне в первые послевоенные годы».

Основываясь на результатах проведенного Госдепартаментом расследования, Хисс писал: «Очевидно, что обвинения мистера Мэттьюса безответственны и не имеют под собой никаких оснований». Хисс добавлял, что Филд был «талантливым человеком, хорошим редактором, обладал гибким умом». Несмотря на эти рекомендации, Филд не получил работы на Филиппинах, и на этот раз Хиссу также не удалось помочь ему.

Филды провели в Нью-Йорке два года; он пытался найти работу, а она перебивалась случайными заработками, которые позволяли содержать семью. Очевидно, именно в это время Ноэл, размышлявший над тем, что казалось ему несправедливостью реакционного общества, решил жить по другую сторону железного занавеса, где его могли оценить по достоинству. Ему было чуть больше сорока, он работал во многих правительственных учреждениях и в итоге описал полный круг, оказавшись без работы, без перспектив, разочаровавшись в жизни послевоенной Америки.

В апреле 1949 года Филд был направлен наблюдателем на Международный конгресс мира, проходивший в Париже. Там он встретил Эрику Глейзер, которая, выйдя замуж за американского солдата, стала Эрикой Уоллош. Из-за ее коммунистического прошлого (она ушла из коммунистической партии после войны) семье не был разрешен въезд в США. Эрика время от времени работала, а ее муж изучал законы о военнослужащих. Миссис Уоллош записывала речи, звучавшие на конгрессе, и переводила их на немецкий язык.

Она часто встречалась с Филдом, который сказал ей, что собирается поехать в Прагу, чтобы найти там работу преподавателя. Он уехал в мае, его жена приехала в Женеву, где собиралась жить до того времени,

когда он сможет вызвать ее к себе. Через несколько дней Ноэл сообщил Эрике, что у него все хорошо. Хотя отъезд Филда не привлек к себе в то время внимания в США, полагают, что он совпал с расследованием дела Хисса.

После сенсационных признаний, сделанных Уиттакером Чемберсом, в 1948 году перед Верховным судом предстал Алджер Хисс, который отрицал, что передавал Чемберсу секретные документы Госдепартамента. Для всех, кто был связан с делом Хисса, его появление перед судом было тревожным сигналом. Эндрю Мартон, журналист «Ассошиэйтед пресс», встречавшийся с Филдом во время суда в Будапеште, показал его причастность к делу Хисса: «Я не думаю, что могут быть какие-то сомнения относительно причин, по которым он (Филд) не вернулся в США. Он прекрасно знал, что замешан в деле Хисса... именно так он и сказал. Ясно, почему он предпочел остаться в Венгрии».

Дело Хисса кажется решающим фактором в побеге Филда, хотя в то время Филд не понимал, что он, в сущности, делает выбор между американской и венгерской тюрьмой. Исчезновение Ноэла в Праге дало начало цепной реакции исчезновения остальных Филдов. Герман, его брат, как уже говорилось, отправился на его поиски и исчез между Прагой и Варшавой. Миссис Филд обратилась к американскому консулу в Праге. Она исчезла через несколько дней.

Весной 1950 года Филдов начала искать Эрика Глейзер Уоллош, ею руководили чувства долга и любви к этим людям. Она поехала в Берлин, где встретилась с одним из знакомых немецких коммунистов, который хорошо знал Филда. Этот человек жил в Восточном Берлине, и она отправилась туда с риском для себя, так как сама вышла из партии и была в черном списке. Как Эрика рассказывает, она вошла в здание коммунистической партии в Восточном Берлине, где ей сказали, что ее знакомый в Тюрингии. Ей позволили выйти из здания. «В мыслях я уже радовалась и благодарила Бога за то, что я смогла выйти оттуда». Она захотела пить и остановилась возле киоска, где продавали лимонад. «Я сделала всего глоток, когда услышала шаги позади себя. Я поняла, что это был конец. Я даже не обернулась. Кто-то положил руку мне на

плечо и сказал: «Криминальная полиция. Не согласитесь ли Вы пройти со мной?»

Преданность миссис Уоллош своим друзьям стоила ей пяти лет жизни. Восемь месяцев ее держали в берлинской тюрьме на Шуманштрассе, затем на четыре месяца перевели в контролировавшуюся русскими тюрьму Карлсхорст, до сентября 1952 года она была в тюрьме Хоэн Шенхаузен, затем ее вернули в Карлсхорст, а в декабре этого года перевели в тюрьму Лихтенберг в Восточной Германии, где ее судили по обвинению в шпионаже и приговорили к смертной казни. Для приведения меры наказания в исполнение миссис Уоллош отправили в Москву, где она полгода провела в ожидании расстрела. После смерти Сталина приговор заменили пятнадцатью годами заключения и отправили в лагерь в Воркуту. До декабря 1954 года Эрика работала на строительстве железных дорог, затем ее перевели в один из лагерей около Воркуты, потом отправили в тюрьму на Лубянке и снова вернули в Воркуту. В 1955 году ей сообщили, безо всякого предупреждения, что ее дело отправлено на пересмотр, а через несколько недель освободили. Она вернулась в Западную Германию в октябре 1955 года и отправилась к своему мужу в США. Уоллош ничего не знал о своей жене до тех пор, пока она не попала в воркутинский лагерь, в котором заключенным разрешалось писать письма родственникам.

Миссис Уоллош показала необычайную храбрость во время своего пятилетнего заключения. Она не признала участия в шпионаже, хотя это стоило ей нескольких месяцев одиночного заключения, она совершенно безрассудно признала себя виновной в «клевете против Советского Союза и пропаганде в пользу Соединенных Штатов Америки».

В течение двух лет миссис Уоллош противостояла богатому «репертуару» физических и умственных пыток, направленных на то, чтобы вынудить к ложному признанию. Возможно, освобождением она обязана именно своей силе духа.

В то время как миссис Уоллош терпела одиночное заключение, холод, угрозы, неопределенность, голод, злобу и изоляцию, что все вместе порождает отчаяние, Ноэл Филд находился в привилегированном положении в тюрьме Будапешта.

Филд выбрал для своего побега неудачное время. Отказ югославского лидера Тито от отношений с СССР повлек за собой репрессии в других социалистических странах. Ноэл знал некоторых из тех, кто пострадал в репрессиях в Венгрии, и коммунисты, понимавшие его ценность как потенциального свидетеля, похитили его в Праге.

Участие Филда в судах, проходивших в Будапеште, описано Юзефом Сwiatло, дезертировавшим в 1953 году будучи заместителем руководителя польской службы безопасности. Сwiatло заявил в своем выступлении перед сенатом, что Филд последовал обычной практике вынужденного свидетельства: «Арестованный человек соглашается дать такие показания, о которых ему говорит следователь. Если он откажется, он даже не появится в зале суда как свидетель. Тем не менее его показания будут предъявлены суду в письменном виде, хотя он их писать не будет».

«Например, я разговаривал с Филдом — Ноэлом Филдом — американским гражданином, арестованным в Будапеште. В ходе суда над Райком, известным коммунистическим лидером, было сказано, что Филд признал себя американским шпионом и заявил, что Райк был его агентом и информатором. На самом деле, как мне сказал лично Филд, он, во-первых, никогда не был агентом американского правительства, и, во-вторых, он узнал о том, что он американский шпион от следователя, который занимался его делом. Вот почему Филд не появлялся лично в зале суда — он бы не признал всего этого. Вот почему были представлены его показания в письменной форме».

Эндрю Мартон сказал в своем выступлении: «Филд сначала отказывался сотрудничать, но его сопротивление было сломлено. Позже он узнал, что один из свидетелей по делу Райка был приговорен к смертной казни на основании своих показаний, и хотел отказаться от показаний, но было уже поздно. Райк уже был расстрелян».

Готовность Филда быть «хорошим коммунистом» оказала влияние на его приговор. Кроме того, в репортажах о судах упоминалось его имя, что прояснило загадку почти годового отсутствия. В 1952 году Филд появился в Чехословакии на суде над Рудольфом Сланским.

В 1954 году Ноэл, Герта и Герман были освобождены по причине того, что «обвинения, предъявленные им, не были доказаны».

Филд и его жена не думали о компенсации, и Ноэл сделал заявление, которое было опубликовано в венгерской коммунистической газете «Сабаднеп». В нем говорилось: «Хотя я стал одной из жертв сфабрикованных обвинений и незаконных преследований, я остаюсь верным социализму. Я не жалею о своем решении остаться и работать в этой стране, где я так много страдал и где я получил такую щедрую компенсацию». Это заявление было опубликовано незадолго до начала венгерского восстания. Когда советские войска подавили восстание, устроив массовое побоище, Филд снова появился в печати. Впервые после своего побега он дал согласие на встречу с западным журналистом. Он сказал, что был уверен в том, что марионеточное правительство Яноша Кадара «спасло Венгрию от белого террора и действовало в интересах народа». Эти слова не застревали у него в горле. Он произносил их с ясностью, присущей только идеалистам и гуманистам.

Уильям Х. Мартин и Бернон Ф. Митчелл представляют собой новое поколение перебежчиков. Филд был гражданским служащим, они были учеными. Филд увлекался марксизмом, а они были аполитичны (Митчелл в двух колледжах провалился на экзаменах по истории цивилизации). Филд бежал отчасти из-за того, что был вовлечен в дело о шпионаже (Алджер Хисс), а отчасти из-за того, что его примут как героя за железным занавесом. Мартин и Митчелл принимали решение о побеге безо всякого на них давления, и они практически ничего не знали об СССР. Дезертирство Филда стало политическим побегом, а их — побегом невротичным, который невозможно объяснить.

«Это может случиться и здесь» — говорили заголовки газет в августе 1960 года, когда двое математиков Агентства национальной безопасности оказались в Москве. Как получилось, что эти двое людей, имевшие американские корни и воспитание, которых «одобрили» для секретной правительственной работы, могли появиться в Москве и выступить на пресс-конференции, во время которой они в деталях рассказали о структуре и функциях настолько секретного Агентства, которое в своих буклетах говорит только то, что оно работает с «информацией»?

Мартин и Митчелл испытали почти пуританское разочарование игроков, которые узнали, что их команда ведет

нечестную игру. Они раскрыли миру, что «правительство США тайно манипулирует деньгами и вооружением, чтобы помогать в свержении враждебных режимов». «Оно платит шифровальщикам дружественных посольств за информацию, с помощью которой расшифровывает их коды. АНБ собирает данные информационной разведки практически обо всех странах мира, дружественных и враждебных, а затем этими данными пользуется правительство».

Двое молодых ученых (Митчеллу был тридцать один год, а Мартину двадцать девять лет) производят впечатление людей, выведенных из себя аморальной работой американской разведки. Как мужа, слепо верившие своим женам до самой измены, они решили, что развод будет единственным решением. Это совпадение с реальной жизнью сделало побег таинственным.

Даже правительство с трудом поверило в него. Двое шифровальщиков, друживших еще со времен службы на флоте, уехали в Мексику в двухнедельный отпуск, который начался 25 июня. Сотрудникам АНБ они сказали, что едут на Западное побережье, после чего нарушили одно из правил Агентства, требующее, чтобы его служащие давали полный отчет о своих поездках за пределами США. Они купили билеты в Мехико, остановились в гостинице под вымышленными именами, а на следующий день переехали в другой отель. Из Мехико они вылетели на Кубу и прожили в Гаване четыре дня, ожидая встречи со своим связным. Существуют предположения, что 4 июля Мартин и Митчелл поднялись на борт советского траулера, который и доставил их на территорию СССР.

Расследование, проведенное после побега, показало, что ранее они уже были в нелегальной поездке в Мексику и на Кубу, что может говорить о том, что их побег был подготовлен заранее.

Официальной реакцией был шок, и сообщения о побеге появились только через месяц после него. 5 августа жители США узнали от Министерства обороны, что «двое младших математиков Агентства национальной безопасности бежали за железный занавес».

Официальные сообщения намеренно вводили людей в заблуждение. Пентагон заявил, что информация, с которой работали перебежчики, «не могла нанести ущерб бе-

зопасности США, так как они не имели доступа к секретным документам об американском вооружении и о планах по защите страны».

Подобно сору, который заматают под ковер, этот инцидент был закрыт, и даже сегодня многие его детали остаются в секрете. В то время как общественности говорили, что дезертирство Мартина и Митчелла не нанесло ущерба безопасности страны, сотрудники Пентагона в частных беседах утверждали, что побег имел для разведки такое же разрушительное значение, как Пёрл-Харбор для военных. Они сравнивали этот побег с передачей русской разведке Клаусом Фуксом информации об атомной бомбе.

В самом АНБ около 10000 человек (цифра была любезно сообщена Мартином и Митчеллом) начали работать в обратном направлении, чтобы исправить ущерб, нанесенный двумя математиками. Их работой была расшифровка советских кодов и кодов дружественных стран. А когда это стало известно на пресс-конференции, состоявшейся 6 сентября в Москве, криптографы всего мира начали изобретать новые коды, чтобы проверить способности сотрудников АНБ. Говорят, что одно время АНБ работало вслепую, так как компьютеры Агентства не справлялись со всеми новыми шифрами, поступавшими в их базы данных.

Но вполне возможно, что более важной, чем информация, которую получили русские о мощном дешифровальном Агентстве, была человеческая проблема. Что побудило Мартина и Митчелла совершить побег?

Первым и самым очевидным ответом станет следующий: они были гомосексуалистами. Общественное мнение было в шоке, когда все узнали, что гомосексуалисты смогли пройти проверку безопасности, которая не раскрыла эту их «особенность».

Подобная причина делает побег Мартина и Митчелла похожим на побег Берджесса и Маклина, так как известно, что они также состояли в гомосексуальной связи еще со времени учебы в Кембридже.

В некоторых кругах гомосексуальность Мартина и Митчелла была воспринята как наиболее подходящее объяснение их поступка. Расследования конгресса указали на слабость службы безопасности АНБ, которая позволила двум «извращенцам» проникнуть в его священные ряды. Фрэнсис Уолтер, председатель Комитета по расследова-

нию антиамериканской деятельности, сказал, что изучение, проводимое его комиссией, показало, что «в АНБ работают еще несколько гомосексуалистов, что Агентство уволило ряд сотрудников после начала расследования и что некоторые ограничения в области безопасности не соблюдались в сверхсекретном АНБ».

По словам сотрудников АНБ, о гомосексуальности Мартина и Митчелла знал лишь узкий круг их друзей. Когда стало известно об их появлении в Москве, в Форт-Миде стала популярной такая шутка: «Они не бежали. У них медовый месяц».

В случае с Митчеллом данные его досье говорят о том, что он признал «ненормальные сексуальные опыты в возрасте девятнадцати лет» (этот эвфемизм подразумевал опыты с курами и кошками). В Агентстве решили, что, поскольку подобные юношеские эксперименты не повторялись и о них сказал сам Митчелл, это не было основанием для того, чтобы не принимать его на работу в АНБ. А так как все остальные показатели, включая тест на детекторе лжи, не выявили признаков нестабильности, это отклонение было списано на счет ошибок юности. Тесты, проведенные при приеме на работу, не выявили и того, что ни Мартин, ни Митчелл в юности не проявляли интереса к девушкам. Когда Митчелл учился в средней школе своего родного города Юрика в Калифорнии, его считали «робким с девушками» — он никогда не ходил на дискотеки, на свидания, а в том возрасте, когда молодежь проводит большую часть вечеров на заднем сиденье машины, а не за учебниками, его главным интересом оставалась химия. В колледже и на службе в ВМФ он также был известен своим безразличием к противоположному полу. Только после того как он начал работать в АНБ, когда Мартин в течение года готовился к степени в университете Иллинойса, у него был короткий роман с замужней женщиной. Она в итоге решила вернуться к мужу, который работал в правительственном учреждении в Греции, и Митчелл был опечален этим решением. Он сказал своим родителям, что был влюблен, и рассказал матери о несчастливом окончании его романа.

Мартина помнят в родном Элленсбурге юношей, чье высокомерие и умение одеваться шли вразрез с его робостью в отношениях с девушками. Однако во время работы

в АНБ он рассказывал о женщинах, с которыми знакомился в вашингтонских барах, а однажды упомянул о своей связи с проституткой.

Таким образом, никто из них двоих не был только гомосексуалистом. Однако расследование, проведенное после побега, выявило примеры их связи. В мотеле в Лореле в Мэриленде, где Мартин жил после получения степени, нашли ряд инкриминирующих фотографий. Митчелл увлекался атлетикой и очень гордился своей мускулатурой. На многих фотографиях он изображен в обтягивающих костюмах, популярных благодаря «журналам для мужчин», показывающих мускулатуру то в позе метателя диска, то в позе «Атласа, поддерживающего небо». На других фотографиях, очевидно, сделанных фотолюбителями с использованием стоп-кадра, изображены обнаженные Мартин и Митчелл либо вместе, либо раздельно.

Более сложное объяснение влияния гомосексуализма на побег было сделано психиатром Кларенсом Шильтом, который невольно стал одним из авторитетов по побегу Мартина и Митчелла. В июне 1960 года к Шильту пришел человек, которого он уже лечил ранее от незначительного физического заболевания, и сказал, что он нуждается в психиатрическом лечении. Этим человеком был Митчелл, и доктор Шильт знал, что он работает в АНБ.

Митчелл сказал, что не хочет, чтобы с ним обращались как с пациентом, он хотел обсудить некоторые темы, касавшиеся секса, которые он считал настолько важными, что их можно было освещать в психиатрических журналах. Доктор Шильт согласился с этой просьбой Митчелла, и они провели три встречи, каждая из которых длилась по одному часу.

В то время доктор Шильт не понял того, что их встречи были своего рода беседами с Фаустом. Митчелл рассматривал возможность дезертирства и хотел проверить свои идеи в споре. Он выбрал доктора Шильта партнером в диалоге, скрытой темой которого было его решение дезертировать. Уже на первой встрече Митчелл проявил очевидные признаки эмоционального напряжения. Он спросил доктора, не прослушивается ли кабинет, и хотел убедиться в том, что их разговор не будет записан.

Он начал с обсуждения своей жизни, в этом разговоре выяснилось, что он хорошо знаком с психиатрической

терминологией и литературой. Себя он считал человеком, стоящим выше законов, созданных людьми, разработавшим свои собственные принципы и порядок жизни. Одним из способов утверждения его превосходства была сексуальная свобода и отсутствие чувства вины.

Митчелл сказал, что у него были романы и с женщинами, и с мужчинами и что в том и другом случае он чувствовал себя одинаково свободно. Он не упоминал конкретных связей, и имя Мартина на этих встречах не было названо ни разу. Но он пояснил, что с легкостью принимал участие в бисексуальных отношениях.

Митчелл рассказал о причинах своей гомосексуальности. Он объяснил, что его мать была довольно слабой женщиной, и в семье доминировал отец, преуспевающий адвокат. Он сказал, что никогда не был близок к своему отцу и не признавал ценности, которые тот исповедовал. Сын не хотел быть похожим на отца и ревновал к своим братьям, которые были ближе к родителям. Он одновременно завидовал членам своей семьи и презирал их. Он высмеивал их религиозные убеждения и расстроил своих родителей тем, что однажды назвал себя агностиком. Митчелл оспаривал существование Бога и в беседах с Шильтом, утверждая, что, если бы Бог существовал, он бы не допустил хаоса, творящегося на Земле в наше время. Тем не менее он не обсуждал ни политику, ни происходящие события. Во время последней встречи с Шильтом Митчелл загадочно произнес: «Может быть, мы снова встретимся, а может быть, нет». Меньше чем через месяц он был на пути в Советский Союз.

Рассматривая побег Мартина и Митчелла и зная убеждения последнего, доктор Шильт приходит к выводу, что сотрудники АНБ пошли по обычному пути гомосексуалистов. Традиционной опасностью работы таких людей в правительственных учреждениях считается их подверженность шантажу. Они могут выдать государственные секреты под угрозой разоблачения. Однако доктор Шильт видит эту угрозу менее опасной, чем характер самого гомосексуалиста. Приводя в пример Митчелла, доктор Шильт указывает на отсутствие чувства вины и чрезмерно развитое чувство принадлежности к классу человечества, стоящему выше законов и морали.

«Опасность работы гомосексуалиста в правительствен-

ном учреждении, — объясняет доктор, — заключается в том, что у него прямолинейная мораль — это как бы дефект его сознания. Он не хочет лечиться. Он считает, что принадлежит к третьему полу, который никто не понимает. Для таких людей клятва верности ничего не значит. Они считают закон чем-то неудобным для себя. Интеллектуальное высокомерие Митчелла чувствовалось в том, что он не нуждался в оправдании своих поступков. Оправдание для него значило бы то, что он был не прав и что он может быть не прав».

Презрение гомосексуалистом установленного образа жизни — восстание против власти, которое всегда является повторением конфликтов с семьей. Это утверждение также подтверждается Митчеллом, который говорил о напряженности своих отношений с отцом. (Когда его отца допрашивали после побега, он описал своего сына как прекрасного, но политически наивного ученого, «который ничего не знал о политике. Эти вещи не были его стихией. Поэтому он и стал математиком, а не политическим обозревателем».)

«Митчелл не хотел быть похожим на своего отца, — говорит доктор Шильт. — Он не восхищался отцом. Поэтому он стал ближе к матери. Это началось еще в юности. Митчелл был одним из тех детей, которых называют неженками. Он сознательно не принимал участия в делах, в которых преуспевали его братья. (Один был футбольной звездой колледжа и стал маклером, а второй участвовал в драматическом театре в колледже и работает в юридической фирме отца.) Митчелл наслаждался позором, который он принес своей семье. В этом смысле его побег стал формой самоубийства. Самоубийство — способ наказать окружающих муками своей смерти.

Самоубийца чаще всего говорит: «Посмотрите, до чего вы меня довели». Когда Митчелл дезертировал, он сказал то же самое, только не настолько решительно. Его родителей называли родителями предателя. Его поведение должно было отразиться на них. Они автоматически разделили его вину. Гомосексуалист добивается того же эффекта своим отделением от общества».

Доктор Шильт считал отношения Митчелла с матерью тем звеном, которое привело его от гомосексуализма к побегу. Шильт добавлял, что ничто в Митчелле не выда-

вало его ориентации. Он не был женоподобен. Он был атлетически сложен (он занимался плаванием, теннисом, атлетикой), высок, темноволос. Он был довольно худым, имел правильные черты. Он носил очки, выражение его лица менялось от уважения до презрения и раздражительности. Доктор Шилт не считал проблему Митчелла уникальной. В то время он работал с несколькими государственными служащими, среди них был сержант ВМФ, которые также были гомосексуалистами. Поэтому доктор не счел необходимым сообщать службе безопасности о своих разговорах с Митчеллом.

Гомосексуальность Мартина кажется менее постоянной. На пресс-конференции, которую перебежчики дали в Москве в декабре 1960 года, косвенно было сказано о том, что Мартин женился на русской девушке. Мартин коротко упомянул о своем счастье, сказав: «Моя жена также собирается заняться научной работой. Она прекрасная советская девушка, отличная хозяйка, и я очень счастлив с ней». По воспоминаниям друзей, одним из наиболее горьких разочарований Мартина в американской жизни было отсутствие в американских женщинах грации и женственности. В Советском Союзе ему потребовалось всего три месяца, чтобы найти себе подругу и подать заявление в новый Дворец бракосочетаний.

Кроме гомосексуальности Мартина и Митчелла, следователей в США удивил и их ум. Оба считались высококлассными математиками, имели доступ к секретным материалам и получали 9000 долларов в год.

В 1959 году Мартин был единственным служащим АНБ, получившим отпуск для работы над ученой степенью. Отпуск был предоставлен на основании его блестящей работы, и у него были рекомендательные письма от доктора Кулбэка, директора отдела исследований и разработок АНБ, а также от офицеров Пентагона. Митчелл незадолго до этого получил работу в отделе математических исследований, так как он показал лучшие результаты в конкурсном экзамене по теории вероятности и статистике. Он также был капитаном команды АНБ по шахматам.

Из них двоих высший уровень интеллекта Ай-Кью был у Мартина. Он закончил среднюю школу за два года и принимал участие во внеклассных мероприятиях. Директор школы была настолько поражена его успехами, что

дала ему возможность написать тест, чтобы узнать, может ли он окончить школу и поступить в университет Чикаго по ускоренной программе одаренных детей. Однако другие члены руководства школой чувствовали, что Мартин был недостаточно взрослым, чтобы участвовать в этой программе, и они предложили компромисс, заключавшийся в том, чтобы он изучил программу школы за два года. После школы он провел два года в колледже и был в 1951 году призван в ВМС. Знакомые Мартина по колледжу вспоминают его презрение по отношению к тем, кого он мог победить в споре или обыграть в шахматы, и спесивость по отношению к людям, чей интеллект, по его мнению, нельзя было сравнить с его умом. Он щеголял агностицизмом и однажды ругал своих друзей за то, что у них дома была религиозная литература, говоря при этом: «Вам, конечно, лучше знать. Но разве вы не понимаете, что все религии — предрассудок?»

Митчелл был способным к математике с детства, однако чувствовал безразличие к другим наукам, а поэтому закончил первый курс Калифорнийского технологического института со средней оценкой «три с плюсом», в то время как у большинства студентов было «четыре». В детстве он не участвовал в спортивных играх, а проводил время за химическими опытами. Однажды он поразил свою мать, тем что читал труды Галилео Галилея, изучал его опыты и проводил их сам, а однажды сказал: «Знаешь, а Галилей был прав, говоря об усеченных пирамидах». В средней школе он стал анафемой учителей — отказывался изучать ненаучные предметы, а однажды вышел из класса, когда учитель математики не смог объяснить теорию Эйнштейна так, как понравилось бы ему. Позднее он перевелся в другую школу. Как и Мартин, он недолго проучился в колледже и поступил в ВМС, зная, что его все равно призовут в армию.

Мартин и Митчелл обнаружили, что у них много общего, когда начали работать шифровальщиками на базе ВМС США в японском городе Йокосука. Оба происходили из семей высшей части среднего класса, оба жили в маленьких американских городах. Оба воспитывались в больших семьях (Мартин был старшим из троих детей, а Митчелл младшим из троих), ценности которых презирали. Оба обладали прекрасным умом, и оба были застенчи-

вы и необщительны. Оба в прошлом выказывали безразличие к девушкам. Обоих привлекал высокий, формальный, безличный мир науки, у обоих был математический дар. Их личные вкусы также были похожи, включая любовь к шахматам и чтение работ Фрейда и Юнга. Их дружба стала естественным результатом такого сходства.

Мартин и Митчелл доказали, что прекрасный ум не является препятствием для побега. На пресс-конференции в декабре они опровергали третий довод, часто упоминавшийся в анализе их поступка, — что они были душевно неуравновешенны.

«Отдельные официальные лица высказывают свои предположения, направленные на то, чтобы люди усомнились в здравости наших поступков и высказываний, — сказал Мартин. — Некоторые письма, полученные нами из США, свидетельствуют о том, что эти попытки не увенчались полным успехом, и некоторые люди искренне заинтересованы в происходящем».

«Министерство обороны, — продолжил Митчелл, — указало, среди прочего, что мы нездоровы психически. Заявления подобного рода может сделать только человек, не знакомый с требованиями, которые предъявляет к математике работа в области криптоанализа».

Несмотря на их заявления, некоторые психиатры, изучавшие это дело, утверждают, что их поведение — типичный случай невроза. Согласно этой точке зрения, давление со стороны общества и деятельность, которой они были заняты, разрушили психический баланс, который в лучшем случае был хрупким. Один из психиатров сказал: «Сегодня общество предъявляет человеку огромные требования. Наши дети становятся скаутами — и что они делают там? Завоевывают значки. Это же продолжается и во взрослой жизни. Мы должны выполнять свои обязанности, идти в ряд, читать то и читать это — это невыполнимая задача. Давление общества преследует нас везде». Чувствительные личности, такие как Мартин и Митчелл, возможно, не могли справиться даже с обычным давлением, а природа их работы накладывала целый ряд новых ограничений.

Во-первых, из-за того что они выполняли секретную работу. Сотрудники специальных агентств всегда осознают секретность своей работы. Они должны следить за тем, что

говорят, чтобы не проговориться о ней. О том, чтобы закончить день вопросом «что нового на работе?», не может быть и речи. Они не могут прийти домой и на вопрос своей жены о том, как прошел день, ответить: «Сегодня я взломал новый код русских и узнал, что во вторник они нападут на Южный Вьетнам». В их работе нет удовлетворения извне, которое получает большинство людей. Человек, работающий в секретном агентстве, должен держать все свои достижения при себе, и он никогда не говорит о своем участии в том или ином результате.

В криптографии есть и другие опасности, происходящие от того, что в психиатрии называется «синдромом лабиринта». Этот синдром вызывается воздействием работы с шифрами, неудача во взломе которых ведет к появлению навязчивой идеи. Эта проблема сегодня стоит не так остро, как ранее. Лорд Твидсmeer, один из руководителей британской разведки, рассказывал о криптографе, который не мог взломать немецкий код и лихорадочно рисовал своего соперника, составившего шифр, — он представлялся ему то воином-тевтонцем, то красивой безжалостной женщиной. Герберт О. Ярдли, руководитель первого американского шифровального агентства, в пожилом возрасте видел шифры буквально везде — в телефонных справочниках, сонетах Шекспира, лотерейных билетах. В АНБ воздействие подобного рода поглощается компьютерами, которые выполняют большую часть работы, но расшифровка кодов все еще остается испытанием для служащих, и среди них часто отмечаются случаи нервных срывов.

Впервые невроз Мартина и Митчелла проявился в их навязчивой идее: они считали неэтичными некоторые действия американского правительства, хотя не чувствовали абсолютно никакой вины за свою необычную личную жизнь. В процессе работы они узнали, что США расшифровывали сообщения своих союзников, что предпринимались попытки склонить персонал дружественных посольств к шпионажу в пользу Соединенных Штатов, они узнали об успешных полетах самолетов-разведчиков У-2 над территорией СССР. Многие из 10000 сотрудников АНБ знали об этом, и они, может быть, тоже были поражены этими действиями. Однако большинство продолжало работу и не считало, что работает на стороне

дьявола. Большинство взрослых людей достаточно умны, чтобы сравнивать зло, которое делается обоими лагерями, работа тех и других, по сути, равнозначна. Но этого нельзя сказать о Мартине и Митчелле. Чувство гнева и утраченной невинности привело их к Уэйну Хейсу, конгрессмену от штата Огайо. Они выбрали Хейса потому, что он возглавлял Комитет конгресса по международным отношениям и публично высказывал свою озабоченность тем, что американские самолеты нарушали советское воздушное пространство.

Мартин и Митчелл знали, что поступают очень смело, обращаясь к конгрессмену. За разглашение любой информации о деятельности АНБ сотрудникам Агентства грозит тюремное заключение сроком до десяти лет и штраф 10000 долларов. Они встретились с Хейсом в феврале 1959 года, рассказали ему о своих функциях и попросили, чтобы их визит остался в тайне. Митчелл сказал на пресс-конференции в декабре 1960 года: «Мы рассказали ему о природе разведывательных полетов, а потом обсудили возможные осложнения в международных отношениях, которые они могут вызвать».

«Хейс сказал, что конгресс, может быть, проведет расследование этого дела, — продолжил Мартин. — Но уточнил, что все, что он сможет сделать, будет зависеть от руководства конгресса. Мы попросили мистера Хейса сохранить наш визит в полной тайне, потому что, если бы кто-нибудь узнал о нашем разговоре, нас бы приговорили к десяти годам заключения и 10000 долларов штрафа. Несколько месяцев мы напрасно ждали ответа или хотя бы телефонного звонка от Хейса. Но постепенно мы поняли, что мистер Хейс не смог или не захотел ничего делать по этой проблеме. Некоторые люди упрекают нас за тот путь, который мы выбрали, чтобы уехать из США. Но если бы мы обратились за разрешением сменить гражданство, нам бы этого скорее всего не позволили. Подобная попытка, по моему мнению, привела бы к нашему аресту».

Вот что Мартин и Митчелл говорили о действиях США, которые их шокировали: «Я хотел бы сообщить некоторым союзникам США, в частности Италии, Турции и Уругваю, если это их заинтересует, как правительство Соединенных Штатов читает их секретные сообщения. Я могу сделать это, рассказав об их шифровальных машинах

и о том, как они создают шифры». (Митчелл на московской пресс-конференции.)

«Летом 1955 года советские истребители атаковали американский военный самолет, нарушивший воздушное пространство СССР на Дальнем Востоке. Самолет был поврежден, однако пилоту удалось увести машину за пределы Советского Союза. Этот самолет разбился при посадке. Морские суда также используются в целях шпионажа. Осенью 1959 года американский гидрографический корабль «Мори» получил задание определить местонахождение советских радиолокационных станций на Кавказе. Для этого он был отправлен в Черное море».

Перебежчики также рассказали, что разведывательные полеты проводятся с 1952 года, что станции слежения АНБ, находящиеся в странах-союзниках, занимаются и расшифровкой сообщений этих стран, что «правительство США тайно манипулирует деньгами и вооружением, чтобы помогать в свержении враждебных режимов».

Удивительно, что люди, работающие в Агентстве, чьей главной задачей был сбор информации о Советском Союзе и других коммунистических странах, были шокированы методами своего правительства и в то же время ничего не знали о методах другой стороны. Они были в такой степени наивны в вопросах методов шпионажа, применяемых странами социалистического лагеря, в какой они были информированы о секретных действиях своего государства.

Некоторые психиатры считают эту наивность проявлением невроза. «Мартин и Митчелл, — говорит один из них, — чувствовали себя виноватыми в чем-то ином. Но они похожи на людей, которые сосредоточивают внимание на том, чтобы наступать на все трещины на тротуаре, и если случайно пропускают одну, то возвращаются и проходят по ней. Или на людей, которые ходят по лестницам строго определенным способом, возвращаясь назад, если сделали что-либо не так. Такой человек может быть гомосексуалистом или изменять своей жене, но он не будет чувствовать своей вины в этом».

Именно чувство неуравновешенного негодования по поводу неприятных особенностей холодной войны и предопределило поступок Мартина и Митчелла. Каким-то образом эти люди, которых президент Эйзенхауэр назвал

«сознавшимися предателями», считали себя патриотами. Некоторые факты говорят о том, что они бежали в спешке. Митчелл оставил вещи общей стоимостью 7000 долларов, включая свою новую машину.

Это заинтриговало его родителей, которые считали сына довольно «стесненным в средствах». «Хотя он зарабатывал 9000 долларов в год, всегда звонил домой за счет абонента. Когда он вернулся из отпуска, проведенного на Кубе, то только и говорил о роскоши первоклассных отелей, номер в которых стоил 8 долларов в сутки». Другие факты, более важные, говорят о долгой подготовке к побегу. Мартин и Митчелл оставили копию заявления, которое они сделали в Москве, в сейфе в банке города Лорел, штат Мэриленд. Это заявление должно было вызвать озабоченность американцев методами, которые применяются разведывательными организациями.

В более поздних заявлениях они подчеркивали, что никогда не были коммунистами, и объясняли, что они — американцы, борющиеся за мир. «Ни я, ни Бернон не состоим в коммунистической партии, — сказал Мартин. — Но то, что я вижу здесь — работу правительства и экономику, — кажется лучше, чем та же работа в США. В Советском Союзе я ни разу не встретил человека, который выступал бы за войну. Я думаю, что Советский Союз и советское правительство искренне заинтересованы в сохранении мира. Я не вижу причин, по которым народы СССР и США не могут быть в дружеских отношениях. В Советском Союзе мистер Митчелл и я решили посвятить себя мирной работе в математике».

Если немного ранее побег Мартина и Митчелла объясняли их гомосексуальностью (что было одной из причин, но не решающей), теперь их в некоторых кругах считали коммунистами. Фрэнсис Уолтер, председатель Комитета по расследованию антиамериканской деятельности, сказал в своем выступлении: «У Мартина, в то время когда он работал над получением научной степени, был по крайней мере один знакомый коммунист и несколько знакомых с левосторонними взглядами. Большинство из вас, я уверен, читали заявление, которое эти люди сделали на пресс-конференции в Москве.

Если вы хоть как-то знакомы с советской пропагандой, вы поймете, что это заявление просто напичкано ей.

Комментируя это заявление, один из выступавших перед нашим Комитетом сказал: «Это похоже на Мартина». Даже во время работы в АНБ Мартин не пытался скрыть своего отношения к СССР и США».

Однако, кроме незначительных контактов Мартина в Иллинойсе, расследование побега не обнаружило веских доказательств того, что кто-то из них был связан с коммунистами. Служба безопасности АНБ, которая проверяет прошлые политические пристрастия гораздо серьезнее, чем жизнь в юности, не нашла у них каких-либо «левосторонних наклонностей». Много говорили и о связи Мартина и Митчелла с шахматным клубом Вашингтона. Утверждали, что они встречались с советскими связными за игрой в шахматы. Однако президент клуба Джордж Томас утверждает, что русским и гражданам других стран социалистического лагеря отказывали во вступлении в клуб.

Вопрос допуска к секретной работе очень беспокоил официальных лиц в Вашингтоне. Дезертирство снова оказало слабость системы безопасности, на которую уже указывала специальная комиссия под руководством Дж. Эдгара Гувера, которая работала в 1955 году. В докладе комиссии указывалось, что «главным недостатком существующей системы становится отсутствие общего плана периодических проверок всех людей, работающих какое-то время в области разведки, с тем чтобы обезопасить подобные учреждения от возможности того, что у человека, бывшего надежным в начале работы, может измениться характер, того, что он может «сойти с пути истинного», поддаться пропаганде врага, начать пить или у него появятся сексуальные извращения».

Вполне возможно, что такая проверка предотвратила бы побег Мартина и Митчелла. Однако психиатры утверждали, что даже с такой проверкой нельзя предотвратить дезертирства, как нельзя в больнице предотвратить инфекцию, как нельзя сделать безошибочный, с точки зрения безопасности, выбор. Разведывательное сообщество Вашингтона настолько широко, оно принимает в свои ряды столько новых людей, что всегда будет существовать опасность дезертирства и других нарушений условий безопасности. Если точно выполнять все инструкции, то в разведке будет некому работать. Один психиатр так сказал об этом: «Если не принимать на работу в спецслужбы всех,

кто хоть раз участвовал в ненормальном половом акте (гомосексуализм, зоофилия, групповой секс, нимфомания), то эти учреждения получают всего десять процентов от того числа сотрудников, которое им необходимо». Поэтому сотрудники служб безопасности и психиатры обычно не обращают внимания на юношеские эксперименты или результаты пьяных походов. Если проверяют десять человек, из которых должно остаться только двое, выбор нужно будет делать между «человеком, который признает, что у него есть привычка раз в год вступать в половую связь с мужчинами, и человеком, который в течение пяти лет имел любовницу, о которой не подозревала его жена. Кого из них выбрать?» Периодические проверки могут быть полезны, но они не решают проблемы безопасности. Один из руководителей сказал: «Людей нужно проверять регулярно, как это делают с бухгалтерскими книгами, но это тоже плохо, потому что они будут чувствовать себя под постоянным наблюдением. Это создаст плохие условия работы и понизит моральный дух сотрудников».

Во всех секретных агентствах есть определенное количество людей, которые проявляют признаки беспокойства. Однако руководство часто оставляет таких сотрудников на работе. Возможно, что Мартин и Митчелл относились именно к этой категории.

Вскоре после побега руководитель АНБ, генерал Сэмфорд, ушел в отставку по состоянию здоровья. Его сменил адмирал Лоренс Х. Фрост, бывший руководитель военно-морской разведки. Поспешная отставка, последовавшая сразу за инцидентом, показавшим серьезные недостатки системы безопасности, опровергает заявления официальных лиц Пентагона о том, что побег Мартина и Митчелла не нанес большого ущерба. Адвокат АНБ Дж. Винсент Бурк заявил: «Они не могут повредить безопасности нашей связи... но они могут помочь русским улучшить безопасность их связи».

Генерал-лейтенант Джозеф Ф. Кэрролл, главный инспектор ВВС, возглавлял расследование путей, по которым Мартин и Митчелл установили контакт с русскими и попали в Советский Союз. Результаты этого расследования не разглашались. Расследование этого дела вели и два комитета конгресса, но к февралю 1962 года они также не сделали заявлений о результатах своей работы.

Озабоченности официальных кругов вполне соответствовала реакция семей перебежчиков, в которых не имели представления о брожении умов двух друзей. Даже когда Мартина и Митчелла представили в московском Доме журналистов как новых животных в зоопарке, заявления их отцов, которые они сделали для репортеров, были наполнены неверием в происходящее.

«Он звонил мне из Вашингтона, чтобы поздравить с Днем отца», — пробормотал отец Мартина, когда ему сказали о побеге сына.

«Друзья называли его профессором, потому что ему нравилось учить, — вспоминал отец Митчелла. — Он любил объяснять непонятные вещи детям и пожилым людям. Когда я спросил его о секретных материалах, он сказал: «Извини, папа, я не могу об этом говорить».

Теперь, когда об этом можно говорить, многие вещи все еще нуждаются в объяснении.

13. ДИПЛОМАТЫ, СОЛДАТЫ, ШПИОНАЖ

В историю дипломатии холодная война войдет как эра персон нон грата. За период с 1947 по 1961 год Москва объявила таковыми по меньшей мере семнадцать американских дипломатов, а Вашингтон приказал покинуть страну тринадцати советским дипломатам и еще десяти гражданам СССР, работавшим в ООН*.

Периодическое изгнание из страны аккредитованных официальных представителей другого государства отражает приверженность русских и американцев концепции легального шпионажа. Параллельно секретным агентам работает «легальная» разведывательная сеть. Эти «шпионы» собирают информацию под прикрытием дипломатического иммунитета и рискуют только выдворением из страны.

Легальная сеть разведки Советского Союза настолько широка, что, кажется, весь дипломатический корпус служит прикрытием для ведения разведки. Послы иногда получают приказы от подчиненных, а обычные дипломатические функции уступают место «специальным» заданиям. Одна из комиссий, занимавшаяся этим вопросом в 1958 году, отмечала в своем заявлении: «Дипломатическое признание — необходимое условие ведения коммунистами подрывной деятельности. Разведывательной сети коммунистических стран необходим дипломатический иммунитет посольств и консульств для развития шпионских центров. Этой сети необходима дипломатическая почта для

* В Приложении вы найдете списки советских и американских дипломатов, объявленных обеими сторонами персонами нон грата в период с 1947 года по сентябрь 1961 года.

передачи приказов шпионам и связным и информации, собранной ими».

Легальная разведывательная сеть выполняет три функции, жизненно важные для советского шпионажа: она выступает в роли связующего звена со шпионами (и у Абеля, и у Джудит Коплон связными были дипломаты), она сама собирает информацию, она вербует нелегальных агентов. Модель вербовки, как показывают советские дипломаты, дезертировавшие в Вашингтоне, Оттаве, Сиднее, Лондоне и Токио, всегда последовательна.

Легальная разведывательная сеть ЦРУ более ограничена в объеме и количестве занятых в ней людей. В каждом важном посольстве и консульстве США есть определенное количество сотрудников ЦРУ, которым в качестве прикрытия дают дипломатический ранг, но их обязанности не имеют ничего общего с дипломатией. «Легальные» сотрудники ЦРУ докладывают о результатах своей работы прямо в Вашингтон. Легальная сеть ЦРУ, так же как и советская, вербует нелегальных агентов, устанавливает контакты с гражданским населением стран, а также собирает информацию, пользуясь источниками, недоступными обычным сотрудникам посольства.

Королевская комиссия по шпионажу, работавшая в Австралии в 1955 году, определила достоинства и недостатки «легальной» и «нелегальной» разведки:

«Легальный» аппарат работает на базе (посольство), которая недоступна для проверки официальными лицами той страны, в которой она расположена, его связь с московским Центром осуществляется при помощи дипломатической почты, что делает эту связь безопасной и быстрой, а резидент «легального» аппарата и те люди, работающие с ним, которые имеют дипломатический иммунитет, защищены от обысков и ареста. Кроме этого, они имеют возможность встречаться с другими дипломатами и высокопоставленными людьми, которые могут иметь доступ к секретной информации. С другой стороны, деятельность сотрудника посольства часто привлекает внимание служб контрразведки.

«Нелегальный» аппарат лишен того преимущества, которое дает «легальному» аппарату дипломатический иммунитет, но те, кто работает в нем, меньше привлекают внимание контрразведки, а их деятельность не будет прерва-

на войной или разрывом дипломатических отношений... Принимаются меры, которые направлены на то, чтобы как можно лучше разделить легальные и нелегальные организации... Однако легальный резидент и его сотрудники могут получить приказ о помощи нелегальному аппарату, особенно в том, чтобы обеспечить въезд нелегального агента на территорию соответствующей страны».

Главное различие между американской и советской легальной разведкой состоит в том, что русские дипломаты, работающие на разведку, должны хранить свои обязанности в тайне, в то время как сотрудники ЦРУ, работающие в посольствах, часто регистрируются под своей настоящей должностью. О том, что какой-либо человек работает на ЦРУ, знают не только сотрудники посольства, но и члены их семей и официальные круги той страны, где он работает. В русской разведке дела обстоят совсем иначе.

Александр Казначеев, выступая перед Специальным комитетом сената через несколько месяцев после своего побега, сказал, что он был пресс-атташе посольства со специальными обязанностями. Ниже приведен отрывок из его интервью:

«В о п р о с. У Вас было две работы. Одна — пресс-атташе, а вторая — агент разведки?

О т в е т. Да, это так.

В о п р о с. Вам было приказано не говорить о своей разведывательной деятельности другим сотрудникам посольства?

О т в е т. Мне приказали никому не говорить о том, что я работаю на разведку, даже самому послу».

Еще одно различие между легальными сетями СССР и США состоит в том, что структура советской разведки более определена. В одном посольстве могут работать аппарат ГРУ и аппарат КГБ, которые могут заниматься вопросами безопасности внутри посольства и вербовать людей, симпатизирующих Советскому Союзу. Каждый из этих аппаратов работает отдельно и имеет свой штат в посольстве. Случалось, что офицер КГБ, имеющий невысокий дипломатический ранг, был достаточно силен, что-

бы сместить с занимаемой должности одного из своих начальников.

Структура американской разведки в посольствах более гибкая, и она не настолько могущественна. Многие американские дипломаты, выдворенные из России, были военными атташе и не входили в штат ЦРУ, но они занимались сбором разведывательной информации, что было частью их задания. Трудно провести линию между тем, где кончается обычная дипломатическая работа, и тем, где начинается шпионаж, но русские имеют более четкое представление о том, что может и что не может делать человек, аккредитованный как сотрудник посольства.

В каком-то отношении каждый дипломат — шпион, отправленный для сбора информации о той стране, в которой он работает. Истории известны факты, когда дипломаты совмещали свою работу со шпионажем. В переписке Наполеона есть следующий комментарий назначения капитана де Лагранжа вторым секретарем французского посольства в Вене:

«Я полагаю, что месье де Лагранж должен следить за точным количеством солдат в австрийских полках и знать места, в которых они стоят, он должен завести карточки, на которых будут записаны полки и их передвижения».

Советская осторожность по отношению к иностранным дипломатам — отражение их собственного опыта. Полковник Чернышов, военный атташе русского посольства в наполеоновской Франции, был осужден за попытку склонить служащего французского Министерства обороны к передаче информации о подготовке русской кампании. В 1914 году из Германии был выдворен русский военный атташе полковник Базаров, получивший от секретаря немецкого генерала план укреплений в Пруссии.

США также давно пользуются этим методом работы. В 1890 году был арестован военно-морской атташе США в Париже капитан Борап, получавший секретные документы от сотрудника французского Адмиралтейства.

Русские практически приравнивают дипломатию к шпионажу. В наш век, когда о секретах заботятся больше, то, что раньше было рутинным и законным действием,

может стать поводом для изгнания из страны. Для американского дипломата, работающего в Советском Союзе, объявление его персоной нон грата — часть профессионального риска.

В период гонки вооружений и холодной войны наибольшее внимание контрразведывательных служб приковано к военным атташе. Мы далеко отошли от того времени, когда иностранный военный атташе в Германии Бисмарка следовал на лошади за имперскими войсками, меняющими дислокацию. До Второй мировой войны правительства предоставляли военным атташе массу полезной информации. Их приглашали на авиационные шоу, на выставки артиллерийского оружия, они заводили друзей среди коллег и могли читать военные журналы. В современной России, по словам одного американского дипломата, «военного атташе могут объявить шпионом только за то, что он выглянул из окна вагона в неположенном месте». Из семнадцати американских дипломатов, объявленных СССР персонami нон грата, тринадцать человек состояли в штате военных, военно-воздушных и военно-морских атташе.

Чтобы понять, как работает легальная разведка, мы должны сравнить условия работы американских дипломатов в Москве и советских дипломатов в Вашингтоне. Начнем с того, что весь персонал советских посольств за рубежом состоит только из русских, начиная от посла и заканчивая обслуживающим персоналом. В американских же посольствах канторская работа и обслуживание выполняются иностранцами.

По состоянию на июль 1960 года в США находилось 660 советских представителей (включая членов их семей). В СССР находилось 195 американцев (с семьями). К советским официальным представителям относятся корреспонденты советских газет и радиостанций, представители «Интуриста» и некоторые другие категории, которые американской стороной не считаются официальными лицами.

Соотношение персонала двух посольств в июле 1960 года будет следующим:

посольство США в Москве, всего: 195 американцев, включая 56 работников Госдепартамента, 17 человек штата военного атташе, 9 человек военно-морского атташе, 12 человек военно-воздушного атташе, 101 иждивенец; поми-

мо этого, в посольстве работают 93 русских, занимающихся обслуживанием и конторской деятельностью.

Посольство СССР в Вашингтоне, всего: 271 русский, включая 101 аккредитованного работника и 170 иждивенцев. (Не упоминая о штате посольств стран-союзниц СССР, которые тесно сотрудничают с русскими.)

Главная причина, по которой в посольстве США работают русские, — финансовая. Американцев не приглашают на такую работу, потому что им нужно платить по американским меркам, в то время как в Москве можно без труда найти нужный персонал. Например, вместо того чтобы платить шоферу-американцу 6000 долларов в год, можно взять на работу русского шофера, которому нужно платить 2000 рублей в год. Кроме того, американцы захотят привезти с собой свои семьи. Работа в России считается трудным заданием, и американцы с трудом привыкают к условиям жизни в Советском Союзе. Русские пытаются создать американским дипломатам привычные условия жизни, но эти попытки не достигают того уровня, к которому привыкли американцы.

Главный аргумент против работы русских в американском посольстве — опасность нарушения требований безопасности. Общеизвестно, что конторские служащие американского посольства регулярно докладывают советским спецслужбам о своей работе, а некоторые из них служат в контрразведке. Но Государственный департамент настаивает на том, что в посольстве никогда не происходило нарушений требований безопасности, и отношение к персоналу, занимающемуся разведывательной деятельностью, можно выразить следующей фразой: «Они агенты, мы знаем, что они агенты, и они знают, что мы знаем, что они агенты».

Поскольку всем известно, что люди, обслуживающие персонал посольства, чаще заглядывают под кровать, чем перестилает ее, принимаются меры предосторожности.

Все секретные документы хранятся на трех верхних этажах посольства, которые были перестроены американскими рабочими; это сделано для того, чтобы убедиться, что в здании нет подслушивающих устройств. У дверей посольства всегда стоят морские пехотинцы США. Тем не менее один из американских консулов в Москве сказал:

«Во времена обострения отношений русские служащие — наша единственная связь с русскими людьми».

У этой ситуации в самом деле две стороны: русские докладывают своему руководству, как выглядит посольство изнутри, как там работают, что сказал помощник военного атташе о своем шефе. Но взамен они часто предоставляют (иногда не понимая этого) огромное количество полезной информации, особенно в такое время, как после окончания войны, когда враждебность Сталина к Западу была настолько велика, что сотрудников посольств просто бойкотировали.

В Москве существует правительственное учреждение, которое занимается всеми «домашними» делами иностранных официальных лиц. Его сотрудники ищут квартиры, обслуживающий персонал, учителей языка; это бюро проявляет искренний интерес к тому, чтобы иностранцы хорошо чувствовали себя в России. Однако контроль, довлеющий над всеми, кому приходится работать с иностранцами, иногда доходит до абсурда. Рой Эссоян, московский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, вспоминал, что однажды он ждал три дня, чтобы ему починили телефон. Когда мастер все же не пришел, он связался с телефонной компанией, в которой ему сказали, что они не смогли найти человека, которому можно было бы доверить работу с иностранцами.

Еще один гость Москвы, Николай Ньяради, последний некоммунистический министр финансов Венгрии, рассказывал в своей книге «Мое место в гуще московских событий»* об эпизоде, который произошел с ним в 1947 году. Ньяради пригласили на обед к американскому послу Уолтеру Беделлу Смигу. На следующий день он встретил советского генерала: «Он поразил меня своим подробным рассказом о вчерашнем обеде — кто на нем присутствовал, во что были одеты люди, о чем мы разговаривали (дословно), что и сколько мы ели и пили. «Позор, — сказал генерал, наливая мне коньяку. — Генерал Смит, посол богатейшей страны мира, должен угощать своих гостей вином из дешевой оловянной посуды»».

Там, куда не могут попасть слуги, используются дру-

* Dr. Nicholas Nyaradi, *My Ringside Seat in Moscow* (New York: Thomas Y. Crowell, 1952).

гие знакомые методы. Западные дипломаты работают исходя из того, что их телефоны прослушиваются, в их комнатах стоят микрофоны, а за ними следят. Контр-адмирал Лесли Стивенс, военно-морской атташе в период с 1947 по 1949 год, писал в своей книге «Задание в России»*:

«Раскрыто уже слишком много случаев прослушивания, чтобы чувствовать себя спокойно даже тогда, когда рядом нет русских. Чувствовать себя в безопасности можно только тогда, когда разговариваешь в шумном помещении или на улице. Наивным и глупым можно назвать несоблюдение иностранцем этих предосторожностей, верит он или нет в их необходимость в подобных обстоятельствах».

Генри Кэбот Лодж, бывший посол США в ООН, подтверждал, что предупреждениями адмирала Стивенса нельзя пренебрегать. В одном из интервью он сказал, что во время последнего визита в Москву ему и послу Левеллину Томпсону пришлось выйти на середину Красной площади, чтобы спокойно поговорить. Внутри посольства они разговаривали «для микрофонов», и Лоджа забавляла мысль о том, что все их разговоры записывались, отпечатывались в шести экземплярах и передавались всем спецслужбам СССР с грифом «Секретно».

Именно мистер Лодж показывал в ООН американский герб, в котором стояли русские микрофоны. В гербе, подарке послу Аверелу Гарриману, было спрятано специальное радиоустройство, передававшее все разговоры в комнате, в которой висел герб. Это устройство было обнаружено только через несколько лет в результате тщательной проверки посольства.

Прослушивание телефонов — обычная практика, и иностранцы, живущие в Москве, учатся разговаривать по телефону с выгодой для своих безмолвных слушателей. Тот, кто внимательно прислушается, услышит отчетливые короткие гудки. Если нужно удостовериться окончательно, можно поступить так, как делал московский корреспондент «Геральд трибюн» Том Ламберт, когда существовала

* Rear Admiral Leslie Stevens, *Life in Russia* (London: Longmans Green, 1954).

цензура на передачу новостей. Он звонил в редакцию и передавал первые десять строк своего репортажа, после этого линия отключалась. Спустя секунду красивый женский голос упрекал его: «Мистер Ламберт, Вы же знаете, что нельзя передавать новости по телефону».

С того момента, когда к власти пришел Хрущев и начались взлеты и падения двусторонних отношений (от Кэмп-Дэвида до инцидента с У-2), наблюдение за западными дипломатами несколько ослабло. Во времена Сталина дипломаты находились под круглосуточным наблюдением, которое во время войны считалось «защитой», любезностью, которая помогала иностранцу пробиться сквозь толпу, найти бомбоубежище, не заблудиться в городе. Золотым правилом Сталина стало то, что возле каждого иностранного дипломата должно было находиться три офицера спецслужб.

Адмирал Стивенс высмеивал оправдание «защитой», рассказывая об атташе, который «вышел однажды ночью на улицу и увидел, что с его машины снимают колеса, а один вор уже рылся в салоне. На другой стороне улицы стояла русская машина, которая всегда следовала за ним, в ней сидели люди в штатском, лениво наблюдавшие за происходящим. Не нужно говорить, что Стивенс не получил объяснений ни от них, ни от их начальства, единственное, чем он мог успокоить свой гнев — высказать им в лицо все, что он думал об их «защите».

Тотальная слежка была запрещена в 1954 году, когда она уже стала предметом анекдотов и шуток, таких как эта: «Один дипломат шел по лесному району на окраине Москвы и заметил, что за ним следят, причем следивший прятался за деревья. Погода была очень холодной, и на следившем было теплое пальто и шапка-ушанка. Очевидно, полагая, что его не раскроют, если он примет меры предосторожности, он появлялся из-за дерева в шапке с опущенными ушами. Через пять минут он снимал шапку. Пройдя около десяти деревьев, снова надевал шапку с поднятыми ушами. После этого игра продолжалась». Американским дипломатам рекомендовали игнорировать слежку, чтобы не возбуждать подозрений.

Сегодня наблюдение все еще применяется, но более скрытно. Милиционеры стоят у посольства, отмечая тех, кто входит в него и выходит. Перед резиденциями по-

сольств также стоят милиционеры. Консьержи, работающие в домах, где живет хоть один иностранец, получают плату от КГБ, за то что отмечают приходящих к нему людей. Всевозможные билеты, купленные в специальном бюро, — еще один вид контроля. Милиция знает, куда идет иностранец и сколько с ним гостей.

Американских дипломатов часто поражает очевидность слежки. Если почта отправляется не по дипломатическим каналам, конверты вскрывают, и русские цензоры заклеивают их специальным клеем.

С приходом к власти Хрущева также уменьшились ограничения на поездки. «Раньше было так, — вспоминал один американский дипломат, — если ты хотел выехать за пределы Москвы, тебе говорили, что туда поезда не ходят». Поездку можно было организовать только с помощью правительства, которое обеспечивало дипломата документами, необходимыми для проживания в гостинице, обедов в ресторанах, получения бензина, который в России есть на немногочисленных станциях обслуживания. Заправка полного бака — одна из деталей жизни, о которой сразу же сообщат в спецслужбы.

В 1959 году было снято пятьдесят три ограничения на поездки иностранных дипломатов, но выехать куда-то сразу же все еще очень трудно, и поездка за тридцать километров от Москвы должна планироваться, как археологическая экспедиция.

Если у иностранца есть машина, ее должен водить русский шофер. Поскольку станций техобслуживания очень мало, квалифицированных механиков еще меньше, а частных автомобилей практически нет, правительство СССР оправдывает эту необходимость тем, что каждый человек, который хочет самостоятельно водить машину, должен уметь ее починить. В экзамен на получение прав входит обязательный тест, в ходе которого экзаменуемый должен перечислить по-русски детали обычной советской машины. Усердно поработав, иностранец может успешно сдать этот тест с третьей или четвертой попытки, но экзаменатор всегда может завалить его.

Недавно отменили практическую часть экзамена. Она была еще одним непреодолимым препятствием для обычного водителя. Экзаменатор давал экзаменуемому отвертку и подводил к советской машине с поднятым капотом.

Экзаменуемому нужно было отрегулировать карбюратор, двигатель и так далее. Большинство дипломатов не справлялись с этим заданием и соглашались на услуги русского шофера.

Помимо всех трудностей путешествия, в Советском Союзе есть области, закрытые для иностранцев по соображениям безопасности. Эти ограничения впервые появились в 1941 году, в 1947 году они были усилены, и до настоящего времени для иностранцев закрыто около трети всей территории СССР.

В 1955 году Государственный департамент США применил такие же меры и закрыл для советских дипломатов около трети территории США. Он регулярно предлагает отменить закрытые зоны в обеих странах, но эти заявления остаются без ответа. Госдепартамент также жаловался и на то, что американских дипломатов не пускают в открытые зоны на том основании, что они временно закрыты.

Было оставлено без ответа и последнее предложение Госдепартамента о снятии ограничений на поездки дипломатов, сделанное в январе 1961 года. В то же время Госдепартамент изменил некоторые правила о закрытых зонах США, приведя их в соответствие с мерами СССР. Среди крупных американских городов, закрытых для посещения советскими дипломатами, — Сент-Луис, Хьюстон, Финикс, Цинциннати, Милуоки, Уичито. В декабре 1961 года Госдепартамент США вернулся к этому вопросу, сняв часть ограничений для журналистов из социалистических стран, работающих в ООН.

Работая в условиях ограничений, дипломаты и разведчики часто вынуждены тратить огромные усилия на получение безобидной информации. Советское правительство, оценивая других по собственным стандартам, полагает, что основной работой дипломата является шпионаж. Под особым наблюдением оказываются мелкие чиновники посольств, поскольку Москва уверена, что они работают на ЦРУ, так же как их полковники КГБ работают под прикрытием дипломатов невысокого ранга.

Два примера советской секретности — отсутствие расписаний на железнодорожных вокзалах и новых телефонных справочников. На вокзалах прибытие и отправление поездов объявляется на специальных табло, которые вы-

ключаются сразу после этого объявления. Любого, кто захочет узнать расписание движения поездов от Омска до Свердловска, спросят: «Почему вы этим интересуетесь?» Советская сторона уверена, что расписание поездов может быть использовано военной разведкой.*

Когда советские войска захватили Берлин, в штабе германской разведки они обнаружили телефонный справочник Москвы, в котором было сделано множество примечаний. Русские были настолько шокированы тем, что немцы использовали его в своих целях, что не выпускали новое издание справочника до 1953 года. Когда они все-таки издали его, он стал ценностью коллекционеров, так как тираж был ничтожно мал. К выходу в свет этой книги телефонный справочник так и не был переиздан.

Сам по себе справочник представляет собой образец осмотрительности. ЦК КПСС — орган, имеющий множество отделов, — представлен в нем всего одним номером. Ни в одной из его четырех глав — «Правительственные организации», «Партийные организации», «Жилые дома», «Абоненты» — не указаны и номера иностранных посольств. В главе «Жилые дома» здания перечисляются по улицам и номерам, и огромные пропуски номеров объясняются тем, что в книгу не внесены здания, в которых живут иностранцы.

Чтобы восполнить возникающий информационный вакуум, в больших советских городах есть информационные бюро, обратившись в которые, человек пишет вопрос, платит несколько копеек и получает ответ от дежурного служащего. Так можно найти, где живет нужный вам человек, узнать его телефонный номер и так далее. Это также помогает спецслужбам следить за тем, кто и что спрашивает. Но это постоянное попечение не имеет своей целью отказ в интересующей вас информации, оно просто позволяет властям следить за тем, какой информацией интересуются люди.

Чтобы уличить дипломата, которого подозревают в шпионаже, русские идут не только на отказ в предоставлении информации. Регулярно предпринимаются попытки сфабриковать обвинения против дипломатов, подозреваемых в работе на разведку. Генерал-майор Ричард Хилтон,

* Так у автора. (*Прим. ред.*).

бывший военный атташе в Москве, вспоминает, что однажды его остановили в парке имени Горького и обвинили в том, что он пытался сфотографировать завод. «Почему Вы не общаете меня, чтобы узнать, есть ли у меня фотоаппарат?» — спросил он. «Мы не можем этого сделать, потому что у Вас есть дипломатический иммунитет», — ответили ему. За обвинением последовало обычное в таких случаях письмо в газету «Правда», написанное четырьмя рабочими завода, которые заявили, что видели Хилтона с фотоаппаратом, и добавили, что на нем была надета старая дубленка.

Эта деталь особенно удивила Хилтона, потому что у него в самом деле была такая дубленка, но он в момент задержания был не в ней. Этот факт показал тщательность составления досье для советских спецслужб, в которые включается (с помощью горничных) даже список одежды дипломатов.

Еще один подобный случай, но уже с более очевидной фабрикацией обвинения, о котором говорится в докладе Комитета по расследованию антиамериканской деятельности «Модели коммунистического шпионажа», произошел с американским дипломатом, работавшим в одной из социалистических стран. Как-то в воскресенье он решил поехать за город вместе со своей семьей. Как того требовал закон, он поставил власти в известность о своей поездке и ее маршруте.

«В воскресенье он с семьей отправился в поездку, которая обещала быть довольно приятной. На полпути к выбранному им месту отдыха он увидел знак «объезд» и, естественно, подчинился ему. Вскоре он увидел еще один знак, затем еще один — пока неожиданно не оказался перед воротами военного аэродрома.

Как только он остановил машину, ее окружила охрана, которая заставила дипломата пойти к ближайшему самолету. Там были сделаны фотографии, доказывающие, что он был шпионом».

Этого дипломата объявили персоной нон грата и выслали в США.

Джон А. Бейкер, второй секретарь посольства США в Москве, в 1956 году получил разрешение прослушать курс лекций по истории средних веков в Московском государственном университете. Когда в Венгрии в 1956 году нача-

лось восстание, наступил очередной кризис в отношениях СССР и США. К тому времени Бейкер подружился с советскими студентами. Он приглашал их к себе домой, они вместе ходили в рестораны и на каток. Эти невинные поступки дипломата стали источником затруднений для советских чиновников, так как в то время Кремль принимал жесткую линию в отношениях с США.

В мае 1958 года Бейкер был объявлен персоной нон грата за «систематическое нарушение норм поведения дипломатического представителя». В то время он был в отпуске в Лондоне со своей семьей и уже больше не вернулся в Советский Союз.

В брошюре «Американский шпионаж и подрывная деятельность в СССР», изданной Советским информационным бюро* в 1960 году, говорится, что, «когда Бейкер был вторым секретарем посольства США в Москве, он и другие секретные агенты совершили большое количество поездок по Советскому Союзу, во время которых они занимались активным сбором военной, экономической и политической информации. В целях сокрытия своей разведывательной деятельности Бейкер представлялся офицером Советской армии, чехом или американцем, изучающим русский язык в Московском университете».

То что русские могли принять американца за офицера Советской армии, говорит, фактически, об их легковерии.

В брошюре также говорится, что «Бейкеру разрешили посещать лекции на историческом факультете Московского университета. В разговорах со студентами он неоднократно клеветал на советскую жизнь, о чем сообщается в заявлениях студентов, поданных на имя ректора университета».

Сам Бейкер так прокомментировал случившееся с ним: «Я могу сказать только то, что мои попытки лучше понять жизнь Советского Союза, подружившись с его гражданами, считаются советской стороной «нарушением норм дипломатического поведения».

На данный момент самым неординарным случаем с

*. Советское информационное бюро (Совинформбюро) — информационно-политический орган по руководству средствами массовой информации и их распространению. Существовал с 1941 по 1961 год. (Прим. ред).

американским дипломатом в Москве стало то, что произошло с Расселом А. Лэнджеллом, возглавлявшим охрану посольства с 1957 по 1959 год. Его беда заключалась в том, что он слишком хорошо выполнял свою работу — противостоял попыткам русских проникнуть в посольство, сообщал о попытках подкупа американского персонала. Он уволил нескольких советских сотрудников, которые бесспорно служили в КГБ. Перед визитом в Москву в 1959 году вице-президента Ричарда Никсона Лэнджелл приказал обыскать все посольство, чтобы обнаружить подслушивающие устройства. Его способность выигрывать у русских на их поле привела к тому, что КГБ принял решение о его выдворении из страны.

Схема действий советских спецслужб, как бы невероятно это ни звучало, состояла из следующих пунктов: похищение Лэнджелла, попытка склонить его к работе на СССР и, после неудачи этой попытки, выдворение из страны по обвинению в шпионаже. Лэнджеллу было тридцать семь лет, до работы в СССР он два года служил в Вене.

16 октября 1959 года жена сказала ему, что ей нужна машина, и он поехал в посольство на автобусе.

В 9 часов утра он вышел на остановке на углу улиц Чайковского и Воровского, откуда уже видно здание американского посольства. В это время пять человек схватили его и запихнули в стоявший рядом черный ЗИМ. Его отвезли в КГБ, где он, к радости своих захватчиков, предъявил дипломатическое удостоверение.

Его попросили снять пальто и шляпу. Человек, обыскивавший пальто, вытащил из него блокнот, который Лэнджелл, по его собственным словам, видел впервые; с помощью химического состава на его страницах были проявлены записи, сделанные невидимыми чернилами. Сначала Лэнджеллу сказали, что он арестован по обвинению в шпионаже и его карьера разрушится из-за широкой огласки этого дела. Утверждали, что в блокноте, обнаруженном в его пальто, были секретные сведения, угрожали тюремным заключением, которое могло последовать вслед за лишением его дипломатического иммунитета, возможностью расправы над ним и его семьей.

Затем захватчики сменили гнев на милость — предложили Лэнджеллу заключить «джентльменское соглашение»: ему

не будут выносить обвинения, если он согласится сотрудничать с русскими. Ему предложили оплату в рублях или долларах и пообещали также предоставлять информацию, чтобы обеспечить его продвижение по службе. Лэнджелл ничего не ответил на эти предложения, и его отвезли к посольству, где выпустили из машины.

На следующий день в «Правде» появилась статья, в которой говорилось, что Лэнджелл был задержан в автобусе при попытке передачи своему агенту 20000 рублей и материалов для изготовления невидимых чернил. Эту сцену увидели пассажиры автобуса, которые задержали «шпиона» и передали его властям.

Лэнджеллу предоставили три дня на то, чтобы он покинул Россию, кроме того, персоной нон грата был объявлен еще один сотрудник посольства, атташе Джордж Уинтерс, которого обвинили в сотрудничестве с Лэнджеллом. Уинтерс также был описан в «Правде»: на нем было «черное пальто, полосатые брюки, накрахмаленный воротничок дипломата, но для него это все было маскировкой, как кожа для ядовитой змеи».

Еще одну опасность для западного дипломата, работающего в Москве, представляет использование женщин-агентов. Во времена Сталина дипломатический персонал регулярно сталкивался с девушками-«можно» — девушками, завербованными секретными службами. Они проходили специальную подготовку для соращения западных дипломатов и передавали начальству содержание постельных разговоров.

Эта практика описана в книге «Я шпионила на Сталина», написанной Норой Мюррей, русской женщиной, вышедшей замуж за дипломата, которого она должна была соблазнить. У миссис Мюррей была комната в гостинице «Метрополь», где она должна была работать с указанными западными дипломатами. Ее первым заданием стала встреча с английским дипломатом, ей сказали: «Поговори с ним о погоде, лошадях и спорте. Англичане любят разговаривать на эти темы. Затем узнай, есть ли у него домашние животные. Но только не обсуждай с ним политику».

На первой же встрече дипломат сказал ей: «Я знаю, что Вы одна из девушек-«можно», работающих на НКВД».

После смерти Сталина систематическое использование «можно» в Москве прекратилось, но в спецслужбах

хранятся списки девушек, которых можно использовать в подобной работе, и досье о слабостях западных дипломатов.

Представители Государственного департамента сегодня не придают значения опасности девушек-«можно». Они отмечают, что дипломаты, работающие в социалистических странах, отбираются специально и им рассказывают о прецедентах и способах работы подобных «агентов». Кроме этого, у Государственного департамента существует правило, по которому в социалистических странах работают только дипломаты с семьями. Тем не менее русские последовательницы Маты Хари все еще работают и добиваются положительных результатов, даже в случаях с дипломатами, ведущими достойный образ жизни. Некоторые способы, которыми их соблазняют, перечислены в брошюре «Модели коммунистического шпионажа». В ней говорится: «Официальные представители США, которым приходится ехать в поезде ночью в социалистической стране, довольно часто попадают в странную ситуацию. Когда они входят в свое купе, оно оказывается уже занятым привлекательной девушкой, которая заявляет, что это купе ее, предъявляя в качестве доказательства билет. Чтобы уладить недоразумение, посылают за проводником. До того как найдено решение проблемы, женщина обычно дает понять, что для избежания дальнейших неудобств она готова провести ночь в купе дипломата».

В июне 1961 года в Вашингтоне по обвинению в шпионаже был арестован дипломат, бывший вторым секретарем в посольстве США в Польше. Этот дипломат, Ирвинг Чемберс Скарбек, пал жертвой красивой польки, которой сообщил секретную информацию. У Скарбека был доступ в шифровальную комнату посольства, а также к массе секретной информации. Он познакомился с этой девушкой в январе, и его поведение возбудило подозрения службы безопасности Госдепартамента, которая наблюдала за ним до мая, а затем его вызвали из Польши и арестовали. У Скарбека, которому был сорок один год, была семья и четверо детей. Он начал службу в Госдепартаменте в 1956 году, работал в Германии, в 1959 году получил награду Госдепартамента за работу по программе обмена студенческими делегациями. Такие случаи, как этот, показывают, что, хотя использование девушек-«мож-

но» уже не является системой, Советский Союз и его союзники все еще прибегают к услугам женщин-агентов, иногда небезуспешно.

Мужчины — не единственные жертвы романтических увлечений, которые ведут к шпионажу и дезертирству. Один из наиболее известных случаев — дезертирство Аннабель Букар, бежавшей в 1948 году из московского посольства ради брака с Константином Лапшиным, тенором одного из московских оперных театров. Хотя сам Лапшин и не служил в секретных органах, его роман несомненно поощрялся ими, а его брак был овеян романтикой и пахивал шпионажем.

Мисс Букар была блондинкой хорватского происхождения, выросшей в городке неподалеку от Питтсбурга. Адмирал Лесли Стивенс, бывший тогда военно-морским атташе, вспоминал, что она производила впечатление «приземленного человека, которого интересуют в первую очередь мужчины, а не их идеология».

Аннабель ушла из посольства, чтобы выйти замуж за певца и вести жизнь московской домохозяйки. Своим друзьям она сказала: «Я ищу счастья в нем, а не в чем-либо еще». Ценой этого счастья стало изменение ценностей. В письме, появившемся в советских газетах за ее подписью, она отказывалась от американского гражданства, утверждая, что Советский Союз — единственная страна, в которой может быть счастлив обычный человек.

В 1952 году она написала книгу «Правда об американских дипломатах», в которой представила посольство США гнездом американского шпионажа. Эта книга представляет собой примитивную смесь проповеди, обвинений и дешевой морали, пропущенной через мельницу советской пропаганды. Она писала, что при после Уолтере Беделле Смите оказалась «на переднем краю шпионажа» и что сам Смит был назначен послом «после долгой карьеры в военно-морской разведке, с помощью которой он должен был создать широкую шпионскую сеть».

Некоторые примеры «шпионажа», приведенные в ее книге, объективному читателю покажутся обычной работой дипломата. Советник Элбридж Дарброу, «двуличный интриган, иногда заходил так далеко, что настаивал на том, чтобы работники посольства записывали анекдоты,

которые они услышат от русских знакомых, и представляли их в своих докладах».

Посол Смит «сделал обязательным для всех сотрудников посольства устанавливать контакты с советскими гражданами, обсуждать с ними разные аспекты жизни, а после этого представлять подробные доклады о любой информации, которую им удалось узнать».

Книга мисс Букар пользовалась успехом. Ее главы печатались в «Правде». Она стала основой для фильма «Прощай, Америка». По сюжету фильма была поставлена пьеса «Дом в переулке». Мисс Букар сопутствовал успех, и когда к ней в 1958 году приехала подруга из Питтсбурга, она работала диктором американской секции московского радио. В сорок восемь лет Аннабель располнела, жалуется на высокое давление и проблемы с сердцем.

Сейчас она живет в современной четырехкомнатной квартире (одну комнату занимает ее свекровь), у нее есть пианино, телевизор с 12-дюймовым экраном (30 см), пятиместный автомобиль «Победа».

Еще одной проблемой жизни дипломата в Москве стало непостоянство советской политики. Раньше американское посольство располагалось на улице Моховой, недалеко от Кремля. Сталина, жившего в то время в Кремле, раздражало близкое соседство американцев. Он распорядился, чтобы посольство перенесли подальше от стен Кремля. Подходящее здание было найдено на улице Чайковского. После смерти Сталина отношения двух стран смягчились и американскому послу сказали, что он может остановиться там, где пожелает.

Но к тому времени конгресс, после долгих обсуждений, уже утвердил смету на перестройку здания, и у посла не хватило смелости объяснить конгрессменам тонкости политики русских. Посольство переехало в новое здание, которое было перестроено под контролем американцев, старавшихся уменьшить вероятность прослушивания.

Русские также изменили свое мнение об американской литературе, бывшей частью экспозиции США на московской выставке 1959 года. Власти заранее изучили все книги, но когда спецслужбы увидели успех, которым выставка пользовалась у посетителей, они пожалели о своей щедрости и сняли с выставки целый ряд книг.

Таким образом, если не считать периодов потепления отношений, западный дипломат работает в России под постоянным подозрением и испытывает враждебность. В некоторых случаях выдворение из страны становится наказанием за такие же меры по отношению к русским дипломатам. Вскоре после того как в Нью-Йорке арестовали соучастника Джудит Коплон Валентина Губичева, московская «Литературная газета» писала: «Его арест дает России право либо требовать объяснений от Соединенных Штатов, либо принять адекватные меры против граждан или дипломатов США».

В августе 1960 года венгерское правительство объявило персоной нон грата полковника Карла Уоткинса Миллера, военного атташе посольства США в Венгрии. Эта мера была принята в ответ на выдворение из США венгерского дипломата. В ноте венгерского МИД, отправленной в американское посольство, без обиняков говорится: «Миллер объявляется персоной нон грата. Это следствие действий, предпринятых Вашингтоном против атташе нашего государства мистера Ласло».

Иногда подобная карательная мера не объявляется, но она очевидна. В октябре 1960 года в Нью-Йорке был арестован Игорь Мелех, член Секретариата ООН, которого обвиняли в попытке кражи государственных секретов. Менее чем через месяц помощнику военно-воздушного атташе посольства США в Москве майору Ирвингу Р. Макдональду предоставили сорок восемь часов на то, чтобы он покинул территорию СССР. Официально он ни в чем не обвинялся. В сообщениях, появившихся в московской прессе, говорилось, что он был задержан в закрытой зоне, в которой находятся военные объекты. Тридцатичетырехлетний атташе отметил: «За все девятнадцать месяцев моего пребывания в Москве мои действия полностью соответствовали моим обязанностям помощника военно-воздушного атташе, аккредитованного Советским Союзом в качестве военного наблюдателя».

Поскольку правило для любого правительства заключается в отзыве дипломата вне зависимости от законности предъявленных ему обвинений, Макдональд и его семья покинули СССР в течение двух суток.

Объявление персоной нон грата в августе 1960 года военно-воздушного атташе полковника Эдвина М. Кир-

тона — результат очередного изменения отношения к гражданам США. «Труд», орган пропаганды советских профсоюзов, писал, что полковник Киртон совершил тридцать семь поездок в восемьдесят три города СССР в 1959 году и восемнадцать поездок в тридцать четыре города за первые четыре месяца 1960 года. Этого, по мнению «Труда», было достаточно, чтобы объявить Киртона шпионом, поскольку «не представляется вероятным, что полковник Киртон и его подчиненные проявляли интерес к ландшафту и историческим памятникам нашей страны». Киртон выразил удивление этими обвинениями и сказал: «Я действительно много путешествовал по Советскому Союзу за последние два года, но у меня не было скрытых мотивов».

Русские обвинили полковника Киртона в том, что он фотографировал военные объекты, что по определению ближе к шпионажу, но обвинения так и не были доказаны. Их публиковали в московских газетах, но никогда не заостряли на них внимания.

В советской брошюре «Пойман на месте преступления» указаны и другие обвинения против американских дипломатов:

«Совершал регулярные поездки по территории СССР с целью сбора разведывательной информации... угрожал советским жителям, препятствовавшим его разведывательным действиям... фотографировал военные объекты... пытался проникнуть на территорию военных объектов и промышленных предприятий, использовал специальную фототехнику».

В брошюре также напечатана фотография, которая якобы показывает «сотрудников посольства США, фотографирующих с крыши посольства советские военные самолеты, участвующие в воздушном параде (1953 год)». На фотографии изображены четверо мужчин, одетых в американском стиле, они стоят на крыше и смотрят в небо. Один делает фотографии с помощью телеобъектива, другой смотрит в бинокль, третий держит фотокамеру в руках.

Какова бы ни была законность обвинений советской стороны, фактом остается то, что западный дипломат в Москве находится в закрытом обществе, полном секретов. Из шестнадцатилетнего опыта холодной войны он знает,

что для его выдворения из страны будет достаточно самой необоснованной причины.

В отличие от этого дипломаты социалистических стран живут в Вашингтоне по законам США, а поэтому их жизнь практически ничем не стеснена. Их поездки ограничены как следствие ответных мер, принимаемых Вашингтоном. Они находятся под наблюдением ФБР, которое заводит досье на всех дипломатов социалистических стран и проводит регулярные проверки. Причиной для постоянного наблюдения может стать любая необычная деятельность или частые поездки по США.

Однако между американской и коммунистической «легальными» сетями есть сходства. И та, и другая старается завербовать агентов из числа местных жителей. Франк Тислер, военный атташе Чехословакии, дезертировавший в 1959 году, сообщив, выступая перед конгрессом в мае 1960 года: «Моя работа военного атташе, аккредитованного в США, давала законное основание для моего пребывания в Вашингтоне. Это основание давало мне возможность встречаться и устанавливать контакты с дипломатами других стран, аккредитованными в США. Это давало мне законные основания интересоваться развитием военной техники в США. В этой роли я должен был интересоваться военными проблемами, но в то же время моя работа не отвлекала меня от моего настоящего задания.

Я должен был лично вербовать американских граждан, которые могли предоставлять мне данные о секретных документах, относящихся к развитию вооружения в США».

Досье советских дипломатов, объявленных персонами нон грата в США, полны примеров того, как русские вербуют американцев. Изучив эти примеры, можно решить, что успех советского шпионажа зависит больше от напористости, а не на тонкостях действий.

Приведем три таких примера.

Капитан Борис Федорович Гладков был назначен военно-морским советником в ООН в декабре 1953 года. В январе 1955 года он познакомился с инженером военно-морской компании и несколько раз встретился с ним. Он сказал инженеру, что может хорошо заплатить за информацию об устройстве судовых двигателей, их характеристиках и местах производства американских кораблей. Встречи продолжались до июня 1956 года, и Гладков за-

платил 1550 долларов за два несекретных документа о морских двигателях, которые он мог бы получить бесплатно, если бы обратился к производителю.

Инженер поставил ФБР в известность о своих встречах, и через несколько месяцев наблюдения Гладков был объявлен персоной нон грата за «действия, не соответствующие» его статусу члена делегации ООН. Он покинул США 12 июля 1956 года.

Николай Иванович Курочкин в апреле 1956 года был назначен третьим секретарем посольства США в Вашингтоне. Осенью того года в посольство СССР обратился Чарльз Т. Бьюмо, репортер газеты «Нэшнл гардсмен», который искал статистику по производству трикотажа в СССР.

Курочкин, один из девяти секретарей посольства, предоставил ему необходимую информацию и сказал, что тоже пишет для журналов. Он объяснил, что готовит статьи для военных журналов, и предложил Бьюмо часть гонорара, если тот сможет найти полевые руководства армии США. Бьюмо, передавший несколько несекретных документов, получил 450 долларов. Он отказался передать Курочкину два секретных документа, которые просил дипломат.

Бьюмо обратился в ФБР и по совету федеральных агентов продолжил встречаться с Курочкиным. Он передавал ему документы, включавшие инструкции военных училищ США. В июне 1958 года Госдепартамент объявил Курочкина персоной нон грата, и он уехал из США через пять дней.

Вадим Кирилюк был назначен служащим в Секретариат ООН в сентябре 1958 года. В апреле 1959 года в советское посольство в Мехико обратился гражданин США, который хотел узнать, может ли он поехать на учебу в СССР. Русские особенно сильно заинтересовались им, когда узнали, что в армии он работал с шифровальными машинами.

Ему сказали, что он сможет поехать в СССР, если побывает в Нью-Йорке и встретится там с Кирилюком. Они встречались пять раз, и Кирилюк пытался убедить американца найти работу в АНБ. Он также просил рассказать о работе шифровальных машин. Американец жил в Спрингфилде, штат Массачусетс, и Кирилюк попал под

наблюдение, когда ФБР стало известно о его частых поездках. Федеральные агенты встретились с его связным в Массачусетсе, он согласился сотрудничать и об инциденте оповестили Генерального секретаря ООН. Кирилюк, являясь служащим Секретариата ООН, не имел дипломатического иммунитета, и его можно было преследовать по закону. Однако он оказался в выигрыше благодаря сложившимся обстоятельствам: в это время в США с визитом находился Н. С. Хрушев, и американские власти чувствовали, что обвинение советского представителя в шпионаже могло сорвать визит. Кирилюка и его семью попросили покинуть США, что они и сделали в январе 1960 года.

В противовес рассказу о трех вербовках американцев русскими можно рассказать о подобной попытке американцев.

Лейтенант Роберт Дреер был помощником военно-морского атташе в Москве в 1948 году, послом в то время был Уолтер Беделл Смит, а военно-морским атташе — контр-адмирал Лесли Стивенс. Дреера арестовали советские спецслужбы 23 апреля 1948 года. Его обвинили в получении секретной информации от гражданина СССР, объявили персоной нон грата, и он уехал из страны незадолго до окончания своего двухлетнего срока работы.

Детали этого дела появились в «Правде», но в этом случае представитель американского посольства сказал репортеру Ассошиэйтед Пресс, что «большинство деталей, упомянутых в «Правде», были верны».

До приезда в Москву Дреер работал в Одессе, где подружился с офицером таможни. Любопытно, что, когда Дреер уехал в Москву, туда вскоре был переведен и таможенник. В день ареста американец был на московской таможне по просьбе друга, чтобы обсудить отправку имущества посольства из Одессы.

Дреер разговаривал с русским таможенником, кое-что записывая, когда их обоих схватили представители спецслужб. «Правда» писала, что они пытались спрятать какие-то бумаги, а когда офицер органов безопасности взял несколько листов, лежавших на столе, Дреер напал на него, пытаясь выхватить их у него из рук. Газета сообщала, что в блокноте таможенника была секретная военная информация. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Дреер был задержан на несколько часов, его просили

подписать признание, но он отказался сделать это. Советский МИД сообщил об инциденте послу США Смит. Согласно «Правде», Смит в разговоре с советским министром иностранных дел А. Я. Вышинским сказал: «Я попрошу Государственный департамент присылать в Советский Союз более осторожных людей». Предполагают — Смит признал, что Дреер получал секретную информацию.

Действия советской легальной сети в США также сконцентрированы на вербовке американцев и бывших граждан Советского Союза. В первом подобном послевоенном случае был замешан Я. М. Ломакин, возглавлявший советское представительство в Нью-Йорке. Ломакин был выдворен из США по личному требованию президента Трумэна за попытку похищения миссис Казенкиной, сотрудницы представительства, решившей бежать на Запад. Она смогла бежать, выпрыгнув из окна представительства, и Ломакин требовал ее возвращения в СССР. Однако вернуться пришлось ему. Ломакин умер в 1958 году, в то время он работал в советском посольстве в Пекине.

Во многих случаях советский дипломат встречается с американцем и на первом этапе вербовки просит его предоставить несекретный материал, который может найти и сам. Некоторые обвинения, выдвигаемые против советских дипломатов, звучат так же глупо, как и те, что появляются в советской прессе, потому что в большинстве случаев им инкриминируется не настоящее преступление, а намерение. Советских дипломатов объявляли персонами нон грата за попытку получить электронное устройство или географическую карту, которые можно купить в любом магазине.

В некоторых случаях попытки советских дипломатов заполучить какую-либо информацию напоминают пародию на действия разведчика. Вот как доклад ФБР «Отчет о советском шпионаже» описывает работу Юрия Крылова в США:

«Крылов прибыл в США 4 мая 1955 года в качестве помощника советского военного атташе... В апреле 1956 года Крылов познакомился с менеджером вашингтонской компании, занимающейся поставками электроники. С помощью этого менеджера, сотрудничавшего с ФБР, он приобрел ред-

кое электронное оборудование. В августе 1955 года Крылов встретился с членом Комиссии по атомной энергии, от которого он пытался получить информацию о технических аспектах производства атомной энергии. В декабре 1955 года он встретился с бывшим членом Комиссии по атомной энергии, от которого пытался получить информацию об использовании атомной энергии. В феврале 1956 года он пытался купить 26 несекретных фильмов об использовании атомной энергии в мирное время.

В феврале 1956 года он пытался вступить в Общество американских военных инженеров и подписаться на журнал «Милитари инжинир», который содержит информацию об обороне США.

14 января 1957 года Государственный департамент США объявил Крылова персоной нон грата. Он покинул Соединенные Штаты 26 января 1957 года».

В другом случае Максим Мартынов, член делегации СССР в ООН, пытался подкупить высокопоставленного офицера армии США. Евгений Заостровцев предпринял аналогичную попытку в отношении Государственного департамента. Можно представить одного из таких дипломатов решительно входящим в Белый дом, чтобы потребовать секретные документы у самого президента.

Кроме того, есть еще советские служащие и шоферы, обязанности которых гораздо шире. Владимир Михеев был переводчиком в советском посольстве в Вашингтоне, у него был крупный финансовый счет, который использовался для развлечения американцев. За несколько месяцев трое сотрудников правительственных учреждений сообщили, что он знакомился с ними с целью получения информации. Сидни Хэткину, статистику ВВС, находившемуся под наблюдением службы безопасности, Михеев представился студентом. Он приглашал Хэткина в город, чтобы поговорить в баре за стаканчиком водки. Хэткин доложил об этом властям и был восстановлен на своей должности. Михеев, обладавший «русским» обаянием, познакомился с Ричардом С. Каттером, работником медицинской библиотеки вооруженных сил, которому сказал, что ему нужна помощь в написании диссертации по истории американских вооруженных сил за период от Гражданской войны до современных дней. Каттер сообщил властям об этой встре-

че. Третьей попыткой Михеева стало знакомство с Робертом В. Дэвисом, историком Института патологий американских вооруженных сил. Он пригласил Дэвиса и его жену на обед. Рассчитываясь, дал десять центов чаевых с чека на шестнадцать долларов. Дэвис протянул официантке доллар, извинившись за своего друга, который «не знает американских обычаев».

Дэвис описывал Михеева как человека, не знающего обычаев общества, с «мягкими, льстивыми манерами, пока не задавали вопрос, который ему не нравился. В этом случае он становился похожим на дикого зверя». Дэвис сообщил властям об этой встрече, и Михеев был объявлен персоной нон грата в июне 1956 года.

Василий Молев, связной Бориса Морроста, был водителем советского консульства в Нью-Йорке. До этого назначения он работал администратором в посольстве СССР в Вашингтоне.

Есть свидетельства того, что Госдепартамент разыгрывает гамбит «служащий-шпион». В 1958 году во въезде в США было отказано Николаю Гвоздеву, делегату 51-й международной конференции аэронавтов. В досье этого специалиста по аэронавтике было указано, что в 1954 году он являлся шофером в советском посольстве в Вашингтоне.

Работа советской легальной сети также сконцентрирована на получении аэрофотоснимков стратегических зон США. С 1955 года всем гражданам СССР запрещено фотографировать военные базы, заводы, морские порты, также введен полный запрет на аэрофотосъемку.

Человеком, отвечавшим за получение аэрофотоснимков, был П. И. Ежов, внешне очень похожий на бывшего вице-президента Ричарда Никсона. У Ежова, третьего секретаря советского посольства, был такой же овал лица, такой же рост и такие же черные вьющиеся волосы, как и у Никсона. Его часто останавливали на улицах, чтобы попросить автограф.

Ежов нанял фотографа, чтобы произвести аэрофотосъемку Восточного побережья. Русские заплатили за снимки 1000 долларов и предложили уплату за уроки пилотирования и частный самолет, чтобы фотограф мог вести «систематическую воздушную разведку». В этом, как и во многих других случаях, фотограф связался с ФБР, и Ежов был объявлен персоной нон грата 22 июля 1960 года.

Подводя итоги сравнения западных и восточных дипломатов, мы понимаем, что обе стороны потворствуют действиям, которые не одобряются правительством страны пребывания. Обе стороны нарушают ограничения, налагаемые ими на попытки установить контакты с местными жителями и получить от них разведывательные данные. У той и у другой стороны в посольствах действуют разведчики. Разница между СССР и США в этом вопросе заключается не в способе, а в эффективности работы. Русские действуют смелее, у них больше «легальных» агентов, и они выигрывают от свободы передвижения и доступности информации в демократическом обществе. Американским же агентам приходится рассчитывать лишь на милосердие капризных, но всемогущих советских спецслужб, и тем не менее они пытаются добыть секретную информацию и завербовать граждан СССР.

Дела, хранящиеся в архивах ФБР, свидетельствуют, что завербованные обычно сообщают о контактах с русскими федеральным агентам и помогают в расследовании, которое заканчивается как правило выдворением определенного дипломата из страны. Большое количество проведенных расследований показывает, что американцев не так уж легко обмануть. Однако в другой области, в которой русские предпринимают попытки склонить американцев на свою сторону, результаты менее обнадеживающие. У американских войск, особенно у частей, дислоцирующихся в Западной Германии, контакты с русскими оканчиваются по-разному.

На низшем уровне — это возможность перехода в Восточную Германию в нетрезвом виде или для избежания наказания. Одно время подобное было настолько частым явлением, что восточногерманские власти не успевали отправлять американских солдат обратно. Так, сержант Джеймс Бизонет дезертировал в ноябре 1955 года, так как у него были проблемы с его отделением и он мог потерять сержантские нашивки. Он попросил убежища в СССР, но ему сказали, что «не хотят возиться с мелкой рыбешкой». Бизонет вернулся на Запад, где был приговорен к трем годам заключения за самовольный уход из части.

Те, кто перешел границу по ошибке, обычно жалеют об этом. В мае 1954 года сержант Уильям Дж. Смолвуд,

находясь в нетрезвом состоянии, попал в Восточную Германию, где его задержали пограничники. Нарушителя поместили в тюрьму, которую он описывал как худшее место на свете: «Меня посадили в маленькую камеру, в которой уже было шестеро заключенных. Не было туалета, отопления, света, работы, писем, сигарет, мыла. Меня морили голодом до тех пор, пока я с трудом начал держаться на ногах». Смолвуд бежал и был счастлив провести два года в комфортабельной западногерманской тюрьме.

Но микроб измены поражает военнослужащих всех рангов. Случаи, о которых рассказывается ниже, представляют собой панораму измен военных от рядового до генерала.

Рядовой Роберт Д. Бливенс прослужил в Берлине всего месяц, когда оказался вовлеченным в спор с несколькими немцами в баре и был арестован военной полицией. Это был февраль 1952 года, и командиры американских частей получили распоряжение обходиться как можно строже с солдатами, которые своим поведением подрывали репутацию оккупационных сил.

Двадцатидевятилетнего Бливенса обвинили в начале ссоры и пьянстве. Через день после ареста к нему на гауптвахту пришел его командир, который сказал, что он может предстать перед военным судом. Услышав это, Бливенс взорвался и закричал: «Я могу служить в русской армии с таким же успехом, как и сидеть на американской гауптвахте!».

Бливенс не блефовал. Когда его пришла навестить подруга, немка Ингрид Янек, он попросил ее узнать, как к нему будут относиться в Восточной Германии. Она вернулась через несколько дней и сказала, что с ним будут обращаться, как с королем.

Бливенсу этого было достаточно, и 13 февраля он вместе с Ингрид бежал в Восточную Германию. В Восточном Берлине они поселились в гостинице «Интурист», и Бливенс переоделся в гражданскую одежду. Вскоре у их двери появились представители восточногерманской службы государственной безопасности, которые вежливо попросили их поехать в Потсдам, где живут все люди, обратившиеся в Восточную Германию за политическим убежищем.

В Потсдаме Бливенс познакомился с полковником Карповым, экспансивным русским, который хвастался, что

под его контролем находятся все иностранцы, живущие в Восточной Германии. Русские помощники Карпова обыскали Бливенса, среди его бумаг они нашли карточку японского управления общественной информации. Из-за этой карточки они приняли Бливенса за журналиста, и он воспользовался этой ошибкой, сказав, что он опытный специалист в области общественной информации.

С Бливенсом обходились уважительно, попросили написать статьи для восточногерманских газет. Его первые статьи были настолько плохими, что их приходилось полностью переписывать, но потом Бливенс нашел в Потсдаме библиотеку, из которой и стал брать материал. Он сдал статью, которую дословно переписал из английского перевода М. Горького. Статья произвела впечатление на русских, они сказали, что «это было хорошо сделано».

Бливенса и Ингрид отправили в Баутцен, город в шестидесяти милях к югу от Берлина, около польской и чехословацкой границ. Там Восточная Германия и Россия открыли «школу веры» для дезертиров. Сотни солдат прошли через Баутцен, изучая историю партии, социальные науки, им рассказывали о зле капитализма. В то же время Баутцен — «маленькая Америка», где советские шпионы узнают манеру речи американцев, их сленг. Большинство дезертиров, содержащихся в Баутцене, живут в лагере, который входит в школу, и в перерывах между занятиями работают в городе. В Баутцене живут почти все дезертиры из американской армии.

Но Бливенса и Ингрид поселили в квартире, им выдали пропуск на поездки по всей территории Восточной Германии. Поскольку они пользовались определенными льготами, им сказали: «Если вас кто-нибудь спросит, говорите, что вы русские».

Бливенсу представили «Джона Пита», английского перебежчика, который должен был помогать ему писать статьи. Вместе они готовили материалы для восточногерманских журналов.

Затем в Баутцен приехал Карпов, который сказал, что Бливенс и Ингрид должны вернуться в Берлин. Их ждала меблированная квартира в хорошем жилом районе. Карпов показал им квартиру, помог разобрать вещи и пообещал с ними. После обеда он потер руки и сказал: «Что же, время отдыха прошло, пора начинать работать».

Карпов объяснил, что квартира не только их любовное гнездышко, что с этого времени Ингрид должна заманивать сюда американских солдат, а задача Бливенса — склонять их к дезертирству на Восток. «Все что вам нужно делать, это рассказывать о том, как с вами обращались», — сказал полковник. Когда он ушел, Бливенс и Ингрид обсудили новый поворот в их романтических отношениях. Все зашло слишком далеко, решил Бливенс: то, чем его просили заниматься, может быть квалифицировано как предательство.

Он сказал Ингрид, что сдастся американцам, которые не предъявят ему никаких обвинений, когда услышат его рассказ. Он бежал на следующий день и снова оказался там, где и начал, — на гауптвахте. Оказавшись в заключении, Бливенс снова изменил свое решение. Он вернулся в Западную Германию в апреле, а в мае бежал обратно. Позже он объяснял, что «хотел захватить кого-либо, чтобы оправдать себя».

Когда перебежчик вернулся в Восточную зону, его отправили в Карлсхерст, где он стал переписывать документы на английском языке. Однажды вечером он задержался на работе и украл из шкафа какой-то документ. Отсутствие документа было замечено на следующий день, кто-то вспомнил, что Бливенс поздно ушел с работы, его арестовали и отправили в тюрьму в Дрезден. У Бливенса появилась возможность сравнить систему наказаний в Восточной Германии и американской армии. В тюрьме его избивали и заставляли подписать признание, что он американский шпион. Ему сказали, что его будут судить и скорее всего расстреляют. Однако в августе его отправили в Баутцен. В школе было много других американцев, и от них он узнал о контрразведчике, который работал здесь инспектором. Он познакомился с этим человеком, его звали Глокенштайн, и заплатил ему, за то чтобы тот встретился в Западном Берлине с представителями американской разведки, чтобы таким образом защитить его. Глокенштайну он сказал, что хочет стать разведчиком и работать на Запад. Глокенштайн должен был вернуться через три дня. Когда он не появился, Бливенс обратился за помощью к его жене, которая смогла сделать ему пропуск на имя мужа. С помощью пропуска Бливенс прошел во французский сектор Бер-

лина, где был задержан французской полицией во время обычной проверки.

Его передали американцам, и Бливенс стал первым американским солдатом, которого судили по закону Смита, запрещающему обращаться к услугам адвоката тем, кто выступал за свержение американского правительства. Его обвинили в сотрудничестве с восточногерманской службой безопасности, которую называют «коммунистическим гестапо».

Поведение Бливенса на суде было довольно любопытным. С одной стороны, он пытался оправдаться тем, что хотел работать на американскую разведку, став двойным агентом. С другой стороны, он не рассказывал о деталях своего пребывания в Восточной Германии. «Меня уже четыре месяца заставляют рассказать об этом, но я не буду говорить», — сказал он военному трибуналу. Бливенс был приговорен к тринадцати годам заключения, его приговор стал одним из самых строгих приговоров, которые получали американские рядовые в Германии.

В марте 1952 года, через месяц после побега Бливенса, при подобных обстоятельствах исчез еще один рядовой армии США. Роберт В. Дори, двадцатилетний солдат, должен был предстать перед военным трибуналом по обвинению в краже 134 долларов из тумбочки другого солдата. Как и Бливенс, Дори бежал в Восточную Германию и обратился к полиции в деревне Гранасзее. Он попросил, чтобы его отвели к русским властям, у которых он хотел просить убежища.

Дезертиру выдали гражданскую одежду, деньги и отвезли для допроса сначала в Веймар, а потом в Потсдам. Он хотел угодить русским и согласился вернуться в Западную Германию с советскими агентами, которым мог показать свои бараки. Дори сопутствовала удача — она обычно помогает пьяным и лунатикам, — он смог вернуться в свою часть вместе с тремя агентами МВД, которым показал склады оружия, топливные хранилища и другие объекты. Для того чтобы попасть на объекты, интересовавшие русских, он надел свою форму. Дори и его русские спутники пробыли в Западной Германии с 23 по 26 апреля, они побывали на военных базах во Франкфурте-на-Майне.

Дори вернулся в Потсдам и начал писать статьи для советских и восточногерманских газет. Статьи, как и во

всех других случаях, развенчивали армию и правительство США.

В июле Дори отправили в Баутцен для прохождения учебы, ему выдали документы, ограничивавшие его передвижение городской чертой. Он проходил учебу с остальными дезертирами и работал в булочной. Вскоре Дори начал уставать от жизни в «народной демократии». В августе он первый раз попытался бежать, но обнаружил, что покинуть Баутцен было гораздо сложнее, чем бежать с гауптвахты. Ему дали новую работу в автомастерской, которая тщательно охранялась. За следующие несколько месяцев Дори сидел в тюрьме пять раз — четыре раза за попытку бежать и один раз за кражу.

Его снова отправили в Баутцен, где он посетил лекцию, которую читал советский майор, выступавший за свержение американского правительства революцией рабочего класса. В конце лекции «студентов» попросили подписать заявление о поддержке революции. Дори выскользнул из зала до того, как подошла его очередь подписывать бумагу.

Он продолжал посещать уроки в школе и работал в автомастерской. В конце концов в августе 1953 года ему удалось скопить достаточно денег для очередной попытки бежать. Он подкупил жителя Баутцена, который купил ему билет до Берлина. Дори сумел незамеченным сесть в поезд и в Западном Берлине сдался американским властям.

В ноябре он предстал перед военно-полевым судом, на котором сказал в свою защиту, что действовал под угрозой и давлением. Он также был признан виновным в нарушении закона Смита и был приговорен к пятнадцати годам заключения, но позже приговор изменили на три года.

Тридцатитрехлетний мастер-сержант Рой Родс понял, что ему не нравится Москва. Там ему показалось холодно, неудобно. К тому же ему не нравилась его работа. В армии он не собирався быть шофером у дипломатов. Он был одинок. Он скучал по своей жене и двухлетней дочери. Отслужив девять лет, пройдя подготовку шифровальщика, он получил слишком тяжелое задание. Он руководил гаражом американского посольства, под его началом работали два русских механика — Василий и Иван. Большую часть времени он возил военных атташе посольства.

Московский май был похож на январь в родном горо-

де Родса в Оклахоме. Ему не с кем было поговорить. Его семья и друзья были на базе в Аризоне. Русские механики, ремонтировавшие автомобили посольства, казались не слишком умными и не говорили по-английски.

Сержант Родс предпринял два шага, чтобы улучшить свою жизнь: он обратился за визами для своей семьи, чтобы она смогла жить с ним, и воспользовался довольно либеральным доступом к алкоголю в магазине посольства. В этом он оказался похожим на большинство русских: водка смягчала русскую зиму, а время проходило незаметнее.

В конце 1951 года сержант Родс получил известие, что его семье выданы визы на въезд в Россию. Это нужно было отметить, и Родс немного выпил за обедом, после чего отправился в гараж, находившийся в двух милях от посольства. Его переполняла любовь ко всем людям. Позже он так рассказывал о произошедшем:

«Вернувшись в гараж, я, насколько помню, решил, что русские механики, работавшие со мной, тоже должны были выпить за это. Мы немного выпили, потом еще — и так, наверное, продолжалось весь день. Где-то около половины четвертого или четырех часов дня в гараж приехала подруга младшего механика, которая в тот день ездила на его машине. У нас еще оставалось немного водки, и я предложил: «Почему бы твоей девушке не выпить с нами?» Она привела с собой еще одну девушку, которую я раньше не встречал. По-моему, мы еще немного выпили, а потом кто-то, я не знаю кто, предложил вместе поужинать, может быть, я сам и предложил.

Я не могу точно вспомнить, как все началось, но мы уехали из гаража на его машине с двумя девушками и, насколько я знаю, поехали к нему домой. Я не был внутри. Я даже не знаю, что было внутри этого здания. В любом случае, его не было пятнадцать-двадцать минут. Он переоделся и вернулся в машину, после этого мы поехали в московскую гостиницу, и вечеринка продолжалась всю ночь. Я знаю, что я танцевал, пил и ел с этими людьми, но я не помню, чтобы я вообще уходил из гостиницы в любом состоянии. Может быть, они унесли меня оттуда. Я знаю, что на следующее утро я проснулся в постели с этой девушкой, как мне показалось, в ее комнате».

На следующий день Родс заглянул в гараж, страдая от

похмелья, и вместе с механиками посмеялся над своими приключениями. Сержант уже успел забыть об этом происшествии, когда через полтора месяца младший механик сказал ему, что девушка, с которой он провел ночь, хочет еще раз встретиться с ним.

Они договорились о встрече, и любвеобильный сержант принял участие в классической сцене. Там была сама девушка, она выглядела несчастной, и ее брат, который казался очень разозленным. Кроме них, на встрече присутствовал посредник, представившийся Бобом Деєм. Он говорил на английском с американским акцентом. Боб обнял Родса за плечи и по-мужски объяснил ему ситуацию. «У тебя проблемы, сержант, — сказал он. — Девушка беременна. Когда она родит ребенка и назовет тебя его отцом, ты не сможешь уехать из страны. Ты будешь отцом советского гражданина. Ты останешься здесь».

Родс все это выслушал. Он понимал, что его жена может приехать в Москву в любой день, что ему теперь грозит военный трибунал, что он не сможет скрыть свой поступок. Однако Боб Дей сказал ему, что эта проблема легко решается. «Почему бы тебе не поработать на нас? — спросил он. — Это все уладит».

«Но у меня нет никакой информации», — ответил Родс. Боб Дей объяснил, что он должен рассказать о себе, о своей семейной жизни, службе в армии и работе в посольстве. Родс согласился.

Возможно, сержант изумился, если бы кто-то назвал его шпионом, но он стал им. Родс работал на русских и был ценным внутренним агентом, который передавал им безобидные слухи о личной жизни сотрудников посольства. Слухи эти при соответствующей обработке становились ценной информацией. Разговоры, подслушанные в машине, сплетни о сексуальной жизни и личных особенностях дипломатов, привычки сотрудников Государственного департамента и военных атташе — все это Родс сообщал русским. За период с начала 1952 года по июнь 1953-го, когда вернулся в США, он встречался с ними пятнадцать раз. На всех встречах, проходивших в разных московских квартирах, присутствовали Боб Дей, а также высокопоставленные офицеры в форме и сотрудники МВД в штатском.

На первой встрече, по словам Родса, ему «задавали

конкретные вопросы», на которые он давал конкретные ответы. Отыскивая в памяти лакомые кусочки информации, Родс вспомнил о поездке, которую совершил с военно-воздушным атташе. Они переоделись в штатское и поехали к заводу по производству управляемых ракет, находящемуся недалеко от Москвы. Родс сказал русским, что атташе фотографировал завод. Боб Дей остался доволен этим рассказом и в конце встречи положил в карман Родсу небольшую пачку денег. Родс утверждает, что за пятнадцать встреч он получил около 3000 долларов. Но с его стороны было наивным оставлять русским расписки, как будто он получал официальную плату.

На следующей встрече Родсу показали фотокамеру размером не больше спичечного коробка: «Они предложили мне взять ее с собой, отметив, что, если я не смогу прочитать какой-либо документ в посольстве, я должен сфотографировать его, а негатив принести им». Родса просили фотографировать документы в кабинете того же атташе, с которым он ездил на военный завод. Чувство самосохранения заставило Родса отказаться от этого задания, но он продолжал рассказывать о нравах посольства.

На всех встречах, по словам Родса, царила сердечная атмосфера. С ним обращались как с товарищем по оружию, всегда было много водки, а когда он уходил, в его карманах обязательно лежала пачка денег. Иногда устраивались вечеринки с девушками, но Родс больше никогда не встречал ту, от которой у него должен был родиться ребенок.

Когда Родс узнал, что его переводят на военную базу в Калифорнию, он сообщил об этом своим русским друзьям. «Во время трех последних встреч мне рассказывали о том, как я должен найти связного в США, — сказал Родс. — Они потребовали, чтобы я продолжал сотрудничать с ними и в США, и мне пришлось согласиться, потому что я понял, что увяз в этом по самые уши. Я не видел другого выхода».

Родсу дали псевдоним «Квебек» и сказали, что, если советский агент не встретится с ним в течение года, он должен сам разыскать его. Сделать это надо было следующим способом: вырезать из «Нью-Йорк таймс» статьи, критикующие коммунистическую экономику, и три из них отправить по почте в советское посольство в Вашингтоне,

отметив каждую статью красным карандашом. То же самое проделать в течение трех недель в один и тот же день. В тот же день через четыре недели он должен стоять у определенного кинотеатра в Мехико. Родс должен был попросить у связного спички, в коробке с которыми будут инструкции на следующую встречу. Он обещал сделать это. Незадолго до отъезда Родс, будучи в нетрезвом виде, стал виновником дорожно-транспортного происшествия, но московская милиция не выдвинула против него обвинений. Его связной сказал ему, что это могло очень дорого обойтись для него, и напомнил, что он должен сотрудничать с русскими, приехав в США.

Когда Родс в июне 1953 года уезжал из Москвы, он думал, что все оставляет позади. Он не собирался продолжать заниматься шпионажем. Родс провел полгода на базе в Калифорнии, а затем его перевели в Нью-Джерси. Русские знали, что он в Нью-Джерси, о чем свидетельствует сообщение, отправленное Абелю, в котором говорится, что его можно найти в «Ред-Бэнк, Нью-Джерси, где он руководит тремя гаражами. Всю работу по гаражам выполняет его жена». Супруги в самом деле жили в Ред-Бэнк, но у них не было никаких гаражей.

К тому времени, когда Абель получил сообщение, в котором ему приказывали установить контакт с Родсом, сержанта снова перевели, на этот раз в Аризону. Именно там закончился срок его службы, и он был отправлен в запас 17 ноября 1955 года. У Родса не было профессии, он не умел делать что-либо особенно хорошо, оставался только один выход — вернуться на службу. У него был хороший послужной список, и в январе 1956 года он вернулся на военную базу в Форт-Монмаут, Нью-Джерси, где получил доступ к секретной информации.

В июне 1957 года к Родсу пришли агенты ФБР, установившие его личность по сообщению «Квебек». «Расскажите нам о Вашей работе на советское правительство», — попросил один из агентов. Родс, казалось, успокоился и сказал: «Я ждал, что кто-нибудь придет и спросит меня об этом».

Родс был свидетелем на суде над Абелем осенью 1957 года. После его выступления адвокат Абеля Джеймс Донован подверг его получасовому допросу, в котором он представил его безответственным алкоголиком:

«В о п р о с. Что Вы пили?

О т в е т. Виски, водку, почти все, что Вы можете называть.

В о п р о с. В каких количествах Вы пили эти напитки?

О т в е т. Довольно много.

В о п р о с. Правда ли, что последние два месяца Вашего пребывания в Москве Вы были пьяны каждый день?

О т в е т. Я полагаю, это так, да, сэр».

Затем Родс признал, что, кроме шпионажа, он занимался продажей рублей на черном рынке в Москве. Когда его задержало ФБР, на его счету было 19000 долларов, которые, по его словам, были его сбережениями.

Попытки Донована подвергнуть сомнению верность показаний сержанта не помогли его клиенту, но они добавили еще несколько штрихов к портрету самого безответственного человека, призванного в армию.

На заседании военного суда в феврале 1958 года Родс сказал в свою защиту: «Теперь я понимаю, что оказался вовлеченным в эту ситуацию либо из-за страха, о чем я только что сказал, либо из-за того, что они предложили мне больше денег, чем мне предлагали за всю мою жизнь».

Искренность солдата, который может признать, что стал предателем за «секс, водку и рубли», не помогла ему. Родса приговорили к пяти годам общественных работ, и он был уволен из армии. Когда его жена услышала об этом, она сказала: «Я шокирована. Я думала, что его освободят». Других шокировала мягкость приговора.

Весной 1957 года тридцатилетний капитан Джордж Х. Френч дошел, как говорится, до ручки. Френч — герой Второй мировой войны, совершивший тридцать два боевых вылета пилотом или штурманом самолета Б-17. Он был награжден за бомбардировку завода боеприпасов в Берлине. Взрыв был настолько мощным, что его самолет трясло в воздухе. За время корейской войны, в которой он участвовал незадолго до ее окончания, он совершил пять боевых вылетов на Б-29, уничтожая боевые склады северокорейской армии.

Френч был воплощением летчика-лихача. Он совершал боевые вылеты, а молодые люди его возраста все еще

просили разрешения взять на вечер машину отца. Его знали как хорошего пилота, который любил риск и волнение боя, он дружелюбно относился к членам своего экипажа и другим пилотам.

Капитан был женат. Он познакомился с женой в 1942 году, когда проходил летную подготовку в Алабаме. Как и немногие другие, Френч вступил в армию сразу после нападения японцев на Пёрл-Харбор. К 1956 году у него было три дочери. Его жена думала, что ему следует уйти из ВВС и начать спокойную жизнь. Он пытался сделать это в промежутке между войнами, но с нескрываемым облегчением встретил приказ о возвращении на службу для участия в новых боевых действиях в 1950 году.

После корейской войны у Френча возникла проблема, общая для всех ветеранов войн, — привыкание к жизни, которую можно планировать, как маршрут полета. Большинство его друзей стали продавцами или учились в университетах по закону о военнослужащих, некоторые стали пилотами коммерческих авиакомпаний.

Но он остался в авиации. В мирное время в армии появляется чувство тщетности, которое разлагает армию и ослабляет ее лучших людей. Больше не нужно было сбрасывать бомбы. Френч вернулся в школу, он изучал новые виды оружия, изобретенные в то время, когда он пользовался старыми, изучал новые стратегии, разработанные в его отсутствие. Все это было довольно скучно, а Френч никогда не любил учиться. Он был средним учеником в школе своего родного города. Его любимыми занятиями была гимнастика и футбол. Начавшаяся война позаботилась о выборе колледжа.

Френч всегда любил азартные игры, он стал активным участником обычая, презируемого всеми женами, — игры в покер субботними вечерами. Он бросился в карты так же, как бросался в полет. Вскоре играл два-три раза в неделю. Он был не очень хорошим игроком, и его долги постоянно росли.

Френч начал пить. Его мышцы стали обрастать жиром. Круг сужался. Он брал деньги в банках, проигрывал их в покер, пил, брал в долг у отца, чтобы оплатить банковские долги. Его отец одолжил ему 2500 долларов, но когда он попросил у него еще 1800, тот отказал.

Новое задание принесло Френчу недолгий отдых. В

декабре 1956 года он был направлен на базу ВВС Рэми в Пуэрто-Рико, где стал наводчиком в экипаже бомбардировщика Б-36. Это был необычный Б-36 — он был оборудован для несения ядерного оружия. Френч получил доступ к секретной информации, необходимой в его работе. Он снова ходил в школу, посещая занятия, на которых его учили сбрасывать атомную бомбу.

Френч был человеком, легко переживавшим тяготы боя, но которого могли сломить проблемы в личной жизни. Чем больше становились его карточные долги, тем больше он пил и тем больше был уверен в том, что не может разрешить свои проблемы обычными путями. Он получал 800 долларов в месяц, а его долги выросли до 8000 долларов.

Рассуждая как десятилетний ребенок, он придумал настолько фантастический и наивный план, что подобные планы можно встретить только на страницах комиксов.

Он получил отпуск и вылетел в Нью-Йорк 3 апреля 1957 года. В Нью-Йорке поселился в отеле «Нью-Йоркер», в комнате 1877. До этого он сдал свой багаж в камеру хранения на вокзале Пенсильвания-Стейшен. Он пил в течение двух дней.

5 апреля сел в поезд до Вашингтона. В телефонном справочнике он нашел адрес советского посольства и поздно вечером отправился туда. Около полуночи Френч подошел к забору, окружавшему посольство. Он достал из кармана письмо, завернул его в газету, чтобы сделать тяжелее, и перебросил через забор. Он увидел, как тот упал на стороне посольства, и с первым же поездом отправился в Нью-Йорк.

В письме говорилось:

«Всем, кого это может заинтересовать, — я полагаю, что могу передать вам ценную информацию, в которую входят рисунки некоторых видов вооружения.

Я хочу продать эту информацию за 25000 долларов наличными.

Должна соблюдаться строжайшая секретность, так как я служу в ВВС США.

Меня можно найти в комнате 1877 отеля «Нью-Йоркер» в городе Нью-Йорк.

Пришлите человека, знакомого с современным вооружением ВВС.

Это письмо нужно показать при встрече.

Еще раз прошу вас соблюдать величайшую секретность, поскольку мне может угрожать строжайшее наказание.

(Подпись) капитан ВВС США».

Загадкой останется то, почему здравомыслящий человек, осознававший все возможные последствия своего поступка, все-таки решился совершить его. Когда его жене рассказали об этом, она сказала, что у него, наверное; «было что-то с головой». Однако письмо составлено кратко и точно, а его содержание так же ясно, как абсурден план человека, написавшего его.

Единственный комментарий, сделанный позже представителем ВВС, касался практической стороны этого инцидента. «Он запросил невысокую цену, — сказал пресс-секретарь ВВС, — учитывая то, что он хотел продать».

Капитан ВВС выставил на рынок шпионажа документы, объясняющие методику работы с атомным оружием. Скорее всего у советской стороны в 1957 году уже была подобная информация, но, если бы письмо Френча подобрали сотрудники советского посольства, оно стало бы манной небесной. Причем не столько из-за того, что предлагал Френч, а из-за того, что он мог предоставить, оказавшись в руках КГБ.

Но случилось так, что письмо подобрали агенты ФБР. Это было не совпадением, а спланированным действием. Френч к тому времени уже долго был под наблюдением разведки ВВС. Его долги, пьянство и депрессии привлекли внимание службы безопасности во время обычной проверки пилотов, имевших доступ к секретным документам. Когда Френч поехал в отпуск, за ним следили сотрудники Управления специальных операций (УСО), службы контрразведки ВВС. Когда он приехал в Вашингтон, к делу подключили ФБР.

Как только Френч отошел от посольства, агент ФБР и сотрудник УСО подошли к забору и достали из-за него письмо.

На следующий день нервно ходивший по комнате Френч услышал стук в дверь. Вошли двое мужчин, кото-

рые показали ему письмо и поинтересовались: «Что Вы можете предложить нам?»

«Где деньги? — спросил Френч. — Мне нужны только наличные».

За этим диалогом последовала сцена, в которой Френч спорил с агентами ФБР о способе оплаты. Чтобы доказать, что не шутит, он показал агентам рисунки, которые сделал, и назвал темы, о которых мог рассказать. Он обхаживал агентов, стараясь заключить сделку. Они пытались получить информацию бесплатно, а он требовал наличные.

Когда эта игра начала затягиваться, федеральные агенты представились Френчу. Он рухнул на кровать, крича: «Я знал, что так и будет!». Он все признал и отдал агентам ключ от камеры хранения, в которой нашли шесть документов, похищенных в ВВС. На трех стояла отметка «Конфиденциально», а на оставшихся трех — «Ограниченный доступ».

В устном признании Френча ФБР стал понятен образ мышления, благодаря которому появился его план. «Я не чувствую себя морально виновным, — объяснял неудавшийся шпион, — потому что потом хотел совершить самоубийство, доложив перед этим о советских агентах».казалось, что Френч жил в выдуманном мире шпионской героики и особых кодексов чести. Он сказал, что чувствовал себя выше всех обязательств, кроме выплаты долгов. Однако в какой-то момент признал, что его поступок «был недостойн офицера и джентльмена».

Френч не признал себя виновным на заседании военного трибунала, разбиравшего это дело. Его обвинили в нарушении статьи 13 Кодекса военной юриспруденции, запрещающей общение с представителями иностранных держав по вопросам обороны. В состав суда входили три генерала, два полковника и два подполковника.

Френч отверг все обвинения, сказав, что он «запутался». Его защита ничего не смогла сделать, и 20 сентября он был разжалован и приговорен к пожизненному заключению.

Прессе не сообщалось об этом процессе до вынесения приговора. В газетах его сразу называли «наводчиком, любящим покер». Жене Френч написал, что заболел и проходит лечение в военном госпитале. Когда в газетах появи-

лись статьи о его деле и приговоре, который он получил, Френч позвонил отцу и сказал: «Не верь тому, что про меня говорят». То же самое он сказал и жене.

В феврале 1959 года военный кассационный суд признал, что, хотя действия Френча были невероятно опрометчивы и незрелы, их нельзя считать действиями профессионального шпиона или предателя. По сути это было нарушение, которое часто рассматривается военным судом и имеет отношение только к деньгам: кража, продажа государственного имущества, азартные игры и так далее. Его приговор был изменен на десять лет заключения.

С трудом можно представить себе, что человек, который воспитывается в атмосфере дисциплины и идеалов военной академии и затем занимает высокие должности, может забыть, что он собой представляет. Переход границы и импульсивные побег, свойственные низким чинам армии, не характерны для людей, которым доверено командование. Неуравновешенность и притупленное чувство долга, что было свойственно капитану Френчу, обычно не позволяют военным достичь высокого положения.

Однако количество звезд на погонах офицера не мешает русским пытаться завербовать его. Такие попытки делались в отношении высокопоставленных офицеров, которые дружелюбно относились к России и ее жителям. Других позволяют эксплуатировать их собственные слабости.

Бригадный генерал Филип Р. Феймонвилль был одним из тех, кто не согласился на сотрудничество. Он закончил военную школу в 1912 году и молодым офицером участвовал в военной миссии в Сибири. Как один из немногих американских офицеров, лучше других знавший Советский Союз, он стал авторитетом в области советской жизни. Чтобы укрепить эту репутацию, генерал изучил русский язык и стал читать русские военные публикации. Он поддерживал связь со своими знакомыми в России, и его интерес к Советскому Союзу стал так велик, что друзья прозвали его «большевиком».

В 1934 году Феймонвилль был назначен первым военным атташе в СССР. Его рекомендовал посол Уильям С. Буллит, который сказал, что он «знает о России больше, чем любой другой офицер американской армии». В Москве Феймонвилль стал одним из самых популярных дип-

ломатов и отправлял в Вашингтон пылкие доклады о военной мощи русских. Он выяснил, что некоторые из его друзей были репрессированы, но он познакомился с новыми людьми, и его любовь к России не увядала.

Доклады Феймонвилля вызвали удивление в Вашингтоне, а когда он написал, что «русские — величайшие воины мира», Государственный департамент потребовал объяснений от его руководства. Александр Кирк, бывший в то время поверенным в делах, ответил, что с Феймонвиллем «о России можно разговаривать столько же, сколько с другим человеком о его матери».

Те, кто беседовал с ним о России, как это иногда делал его помощник полковник Фрэнк Хейн, запомнили, что эти разговоры всегда были очень эмоциональны, и темпераментный Феймонвилль, который не любил, когда ему противоречили в этом вопросе, часто заболел после них.

Феймонвилль был военным атташе до 1939 года, и, несмотря на то что все его доклады были пронизаны восхищением русскими, его оценка советской военной силы была более точной, чем оценки его последователей. Феймонвилль, описывавший танки, тяжелую артиллерию и подвижную технику, говорил и о традиции русских людей до последней капли крови сражаться за свою землю. Он стал одним из немногих, кто увидел в России военную державу, с которой нужно считаться.

В 1941 году Феймонвилль снова вернулся в Москву, на этот раз в составе комиссии, управлявшей американским ленд-лизом. Это задание продолжалось всего год. Из-за своего рвения помочь России он поссорился с военными атташе и представителями Министерства обороны. Чтобы показать свою любовь к русским, он стал регулярно сдавать кровь в московские больницы.

Офицеры советской разведки, которые от друзей Феймонвилля знали о его любви к России, встретились с генералом и пытались склонить его к работе на их спецслужбы, пользуясь аргументом, что он поможет всему миру, помогая России. Несмотря на дружелюбное отношение к русским, Феймонвилль достаточно благоразумно отказался от этого предложения. Ему льстили, предлагали награды, но он ничем не отвечал.

Участие Феймонвилля в ленд-лизе закончилось не из-

за попытки завербовать его, о ней стало известно гораздо позже. В Государственный департамент поступали жалобы, что с ним было невозможно работать, и в 1942 году он был отозван без объяснений. Ему поручили должность, в которой не могло быть никаких противоречий: он возглавил тренировочный военный лагерь на юго-западе США.

Там Феймонвилль провел последние годы своей службы. Он лучше всех знал военный потенциал русских, но его любовь к ним погубила блестящую карьеру. Он вышел в отставку в 1948 году в возрасте шестидесяти лет и вернулся в Сан-Франциско.

Когда Юрий Расторов, офицер советской разведки, дезертировавший на Запад в 1954 году, выступал в конгрессе, он назвал имя Феймонвилля. Расторов подтвердил, что НКВД пытался завербовать Феймонвилля из-за его «необычного поведения», но он отверг все предложения.

В июле 1952 года перед военным судом в Форт-Миде предстал генерал-майор, получивший строгий выговор и отстраненный от полномочий на шесть месяцев. Это был первый со времен Гражданской войны офицер такого ранга, которого судил военный суд.

Генерал-майор Роберт В. Гроу был признан виновным по двум пунктам обвинения и невиновным по третьему пункту, который остался неразглашенным. Он был признан виновным в том, что вел записи о секретной военной информации в личном дневнике.

В результате блестящего шпионского заговора у генерала, два года бывшего военным атташе в Москве, украли его дневник. Его верность никогда не подвергалась сомнению. Он был ярым антикоммунистом, выступал за начало войны против Восточного блока.

Возможно, он считал себя блестящим военным теоретиком, чьи мысли необходимо сохранить для потомства. Годами он вел ежедневный дневник, что уже само по себе является сомнительной практикой для офицера, имеющего доступ к секретной информации. В военное время в американской армии вводится запрет на ведение дневников. После инцидента с Гроу военная разведка стала настаивать на запрете дневников до тех пор, пока будут сохраняться условия холодной войны.

Генерал Гроу был экспансивным человеком, блестящим командиром 6-й танковой дивизии, участвовавшей в

боевых действиях в Европе во Второй мировой войне. После войны он служил в Иране, откуда в 1950 году был переведен в Москву в ранге военного атташе.

Вероятно, в Москве не было двух более разных военных атташе, чем Феймонвилль, любивший Россию и русских людей, и Гроу, убежденный в неизбежности войны с ними.

В июне 1951 года Гроу участвовал в сверхсекретной военной встрече во Франкфурте-на-Майне. Он возглавлял Комитет по использованию специального оружия. Сама конференция была посвящена изучению целей, стратегических объектов и уязвимых мест Советского Союза, о которых Гроу знал очень много.

Большинство членов конференции жили в отеле «Виктори гест-хауз». Двое служащих отеля получали плату от Восточной Германии, и им не составило труда сфотографировать дневник Гроу, который тот неосмотрительно забыл в своем номере. Когда он вернулся, его дневник лежал на том же месте, в котором он его оставил. Но двое служащих исчезли. В то время на их исчезновение не обратили внимания.

В январе 1952 года в Восточной Германии была издана книга «На пути к войне». Ее автор — майор английской армии Ричард Сквирз, бежавший в Восточную Германию в 1947 году. В шестой главе книги были отрывки из дневника Гроу, передававшие личные мысли генерала. Вскоре после этой публикации московская «Литературная газета» развернула пропагандистскую акцию, обвинив американских военных в подготовке к войне против Советского Союза. Это была блестяще спланированная акция, и литературные опыты Гроу быстро привели его к военному суду.

На страницах своего дневника генерал предстает прежде всего военным атташе, который почти каждый день проверяет строгость ограничений, налагаемых Советским Союзом на иностранных дипломатов. 1 декабря 1950 года он фотографировал мост через реку Великую, его задержала советская милиция, и ему пришлось отдать им пленку. Весной 1951 года его задержали при попытке попасть в один из районов Подмосковья, где находился военный лагерь.

Он выяснял расположение советских военных целей, военных частей, баз ПВО, промышленных предприятий и

транспортных центров. Это была его работа, и он успешно выполнял ее. Для русских он был опасным шпионом. В его дневнике есть вся информация, которая интересовала его:

«16 апреля 1950 года. Музей Л. Толстого сегодня был закрыт, но это нас нисколько не волновало, потому что мы и не собирались идти туда. Я сфотографировал несколько автомобильных номеров военных машин и по дороге сюда видел несколько военных объектов.»

23 мая 1950 года. Ростов — красивый город, расположен на северо-западном берегу Дона. Мост здесь — лучшая цель на юге России.»

15 февраля 1950 года. Турнелл и я внимательно осмотрели промышленные объекты в северной части города.»

12 января 1950 года. Целый день ходили с Турнеллом и Абелем по новым улицам в юго-восточной части города. Здесь нет военных объектов, но довольно интересный ландшафт.»

28 января 1950 года. Встали в 10 часов, позавтракали, затем поехали на метро и вышли недалеко от академии имени Фрунзе. Там ничего нового, только в старой конюшне стоят лошади.»

Гроу обменивался информацией с другими военными атташе, и на опубликованных страницах его дневника перечислены страны, чьи атташе также вынюхивали советские секреты. Он упоминал о тесных контактах с атташе Великобритании, Канады, Турции, Греции.

Некоторые выдержки из дневника говорят: «Заходил Поуп (сотрудник британского посольства*), мы долго обсуждали военную силу Советского Союза. Я получил доклад от полковника Гимонда и майора Буша об их поездке в Тбилиси; полезный документ, содержащий много информации».

Снова: «Заходил Поуп, он настаивает на том, что мы видели не все объекты. Совершенно верно, но мы нашли четыре объекта, которые не видел он». (Между военными атташе существовало соперничество, которое уравнивалось обменом информацией.) «Поуп сообщил нам о военных объектах, которые он видел в Ленинграде, он подтвердил наши наблюдения».

* Здесь и далее примечание автора.

«Грек Сгордис также выступает за решительную войну. Он один из немногих европейцев, думающих так».

Поддержка Гроу «решительной войны» была самым опасным элементом в его дневнике, поскольку она давала русским возможность начать пропаганду. В преимуществах превентивной войны Гроу пытался заинтересовать Уолтера Беделла Смита, бывшего послом США, а затем ставшего директором ЦРУ.

В своем дневнике Гроу писал:

«Получил письмо от Джорджа Кинга, который показывал мои письма Смиту. Он заинтересован. Я настаиваю на подготовке к следующей войне, чего мы пока не начали делать. Он говорит, что Смит заинтересован, но я не вижу реальных дел. Он также говорит, что этот год может стать критическим».

Во время встречи во Франкфурте-на-Майне он записал в дневнике, что представил «твердую» линию, которую, как он надеется, поддержит Госдепартамент. Он писал:

«Встреча была посвящена общему обсуждению намерений Советского Союза. Фреер представил точку зрения Госдепартамента, который утверждает, что в этом году ничего не произойдет. Барбур думал, что наш доклад должен быть похож на прошлогодний, так как важных изменений не произошло. Я представил свой доклад, в котором рассказал о возможности начала боевых действий уже в этом году или до июля следующего года. Все было подтверждено фактами. Доклад сочли серьезным и заслуживающим обсуждения. Я допустил, что это было «вероятное», но не обязательно «возможное» развитие событий. Троун поддержал меня. Я думаю, что теперь Госдепартамент согласится, что нынешняя ситуация отличается от прошлогодней».

И добавляет:

«Я начал готовить оценку советских намерений, особенно в военной области, которую Барбур хочет получить уже к концу недели. Весь вечер печатал — как бы думал вслух. Пришел к такому выводу: они не могут позволить, чтобы

баланс сил изменился в нашу пользу. Им нужна промышленность Европы, чтобы соперничать с нами или уничтожить нас — нелегкая задача».

Гроу также допустил грубейшую ошибку, записав в своем дневнике: «Мы должны бить ниже пояса. Эту войну нельзя вести по рыцарским правилам».

Чувства генерала к европейским союзникам были смешанными. 5 февраля 1951 года он писал, что «европейцы слишком робки, а английские бизнесмены боятся потерять Гонконг. Французы также нарушают свои обещания».

Размышлениям Гроу о войне и мире, а также информации, собранной им в России, посвящен не весь дневник. Он был неисправимым игроком, и в дневнике аккуратно записаны его проигрыши и выигрыши.

Он ворчал на посла, как это делают большинство дипломатов, но редко писал об этом. Он служил под руководством Алана Кирка, адмирала в отставке, и чувствовал, что посол несправедливо относится к нему. В дневнике Гроу писал, что его семье дали квартиру меньшей площади, чем остальным сотрудникам с такой же семьей (у Гроу была жена и двое детей). Он жаловался, что посол отчитывал его за мелкие оплошности. Запись 14 апреля 1951 года: «Кирки не могут вести себя естественно и быть в то же время лидерами миссии». Говоря о замечании, которое его жена сделала послу, он пишет: «Она так и сказала».

Содержание дневника, после того как он появился в Восточной Германии, никогда не обсуждалось в Вашингтоне. Власти пытались замять дело и судить Гроу так, чтобы об этом не узнала пресса. Несмотря на это, неосмотрительность генерала стала достоянием гласности.

Гроу стал жертвой собственной небрежности, и его нельзя было обвинить в потворстве русским. Таким образом, во всех случаях шпионажа, имевших место в армии США, мотивы людей, причастных к шпионажу, от рядового до генерала, не были политическими или идеологическими. Однако все же был один случай, когда идеологическая сторона оказалась довольно важной, и он показывает, что русские могут использовать даже самые причудливые слабости человека. Этот случай произошел с американским генералом, который согласился помогать русским,

потому что он был патриотом Ирландии. Это произошло в 1932 году, генерал умер до того, когда его можно было судить, но тем не менее этот инцидент необходимо упомянуть, потому что он показывает, в какой мере руководителей можно использовать против их собственной страны.

О деле этого генерала, который помог русским в полной уверенности, что помогает ирландцам, впервые упомянул Уиттакер Чемберс. Генеральная прокуратура расследовала заявление, сделанное Чемберсом, и подтвердила его, однако не назвала имен основных участников. По словам Чемберса, генерал передал русским чертежи танка «Кристи», который в то время был лучшим по скорости и маневренности.

Чемберс пишет:

«Советская разведка установила, что офицер армии, имеющий доступ к секретным документам по танкам, сочувствует Ирландии. Он имел контакты с ИРА, которая в то время сражалась с Великобританией. Четвертый отдел ГРУ решил использовать этого офицера как источник информации. В Лондоне представители советской разведки встретились с представителями ИРА. Русские взяли на себя обязательство прислать к западному побережью Ирландии две подводные лодки с оружием для ИРА. В качестве оплаты представители ИРА предложили русским, чтобы американский офицер, которого я назову генерал О'Гордон, передавал русским агентам информацию о танке «Кристи»...

Генерал О'Гордон был представлен связному советской разведки. Генерал согласился взять на выходные секретные документы о танке. Он должен был передать их русскому агенту, которому предстояло переснять их на микро пленку и вернуть генералу, чтобы он мог положить их на место рано утром в понедельник».

Чемберс добавил, что генерал сказал: «Я рад помочь ИРА, но я бы ничего не сделал для этих чертовых русских».

Он продолжал:

«Появилась одна помеха. Днем генералу позвонили со службы и попросили немедленно вернуть документы, которые кому-то понадобились. Генерал был смущен, потому что в

тот момент у него не было этих документов. Их переснимали на микро пленку, и он не знал, где они находятся».

Итог этой истории таков: русские получили чертежи танка, ИРА не получила обещанного оружия, а генерал, любивший ирландцев, умер от алкогольного отравления.

Методы русских различаются по сложности, но принцип всегда один — использовать известный недостаток человека. Если у офицера возникли проблемы с деньгами или женщинами, ему скорее всего предложат сотрудничество. Подобный случай произошел в Западном Берлине с сорокавосемилетним полковником ВВС Патриком Хейсом. Хейс служил в специальном подразделении, обеспечивавшем защиту Западного Берлина от советского нападения. Необходимо отметить тот факт, что Хейс, высокопоставленный офицер разведки, не знал о девушках-«можно».

Двадцатичетырехлетняя Имгард Маргарет Шмидт училась в так называемой Школе гимнастики в Восточной Германии, находившейся у чехословацкой границы. В этой «школе» девушки в возрасте от девятнадцати до двадцати шести лет в течение трех месяцев проходят подготовку секретаря, переводчика, официантки или танцовщицы.

Мисс Шмидт, до того как ее отправили в Западный Берлин, готовилась стать секретарем. Высокую красивую брюнетку завербовали в Галле-Виттенбергском университете в Восточной Германии, где она изучала иностранные языки. Она согласилась работать на русских в обмен на смягчение условий для своего жениха, который находился в тюрьме из-за политических убеждений.

Приехав в Западный Берлин, она получила достаточно денег, чтобы войти в международное общество дипломатов, офицеров и высших слоев немецкого общества. Девушка модно одевалась, носила дорогие украшения, легко сходилась с людьми. В 1953 году на одной из вечеринок она познакомилась с Хейсом и вскоре стала его любовницей. Хейс, человек довольно легковверный, был уверен, что Имгард, которая была в два раза моложе его, встречается с ним только из-за его очарования.

Из чувства благодарности он устроил Имгард секретарем в свое разведывательное подразделение. Она работала в отделе военной разведки, занимавшемся наблюдением за

советскими войсками с помощью всех возможных источников, включая восточногерманские. Имгард так открыто интересовалась документами, лежащими на столах других сотрудников, что ее через несколько месяцев уволили. Она крепко держалась за Хейса, который, вместо того чтобы провести расследование, нашел ей работу секретаря на базе ВВС в городе Темпльхоф.

В течение года она передавала советской разведке информацию о своей работе в разведывательном подразделении и на военно-воздушной базе, а также сведения об обязанностях Хейса и еще одного американца, служившего в разведывательном подразделении в Западном Берлине (с ним она тоже встречалась). Видя, что работа дается ей легко, она осмелела и встретилась с одним из жителей Темпльхофа и пыталась склонить его к сотрудничеству. Он доложил об этой встрече властям, и за Имгард установили наблюдение. Меньше чем через месяц ее арестовали при попытке покинуть Западный Берлин с секретными документами, похищенными с базы.

Шмидт была приговорена к пяти годам тюремного заключения, признав себя виновной в сборе и передаче данных американской разведки русским, работавшим в Восточном Берлине.

Вскоре после этого Хейс и его жена были отправлены домой, а 17 июня 1955 года он был разжалован и лишен пенсии на двенадцать лет. В ВВС объяснили это тем, что он «плохо рассуждал».

14. ГЕРМАНИЯ: В ЭПИЦЕНТРЕ УРАГАНА

Агенты, перебежчики, подрывная деятельность — все это встречается в Германии, разделение которой на Западную и Восточную сделало эту страну полем боя секретной войны.

Путешественник, осматривающий соборы и замки Рейна, сегодня может совершить новую поездку, благодаря которой он узнает о послевоенном буме шпионажа в Германии. Яркий пример этого — Западный Берлин, ставший во многом троянским конем.

Самые яркие моменты этой поездки — участки наибольшего распространения разведывательных сетей в Западной и Восточной Германии, встречи с известными шпионами, находящимися в отставке. Турне может закончиться в Карлсруэ, промышленном центре недалеко от границы с Францией, в котором федеральный суд разбирает постоянно растущее количество дел о шпионаже с таким безразличием, какое можно встретить только в небольших нью-йоркских судах.

В Мюнхене нельзя не осмотреть безобидное с виду здание в пригороде Пуллах. За десятифутовой бетонной стеной скрывается штаб-квартира федеральной разведывательной службы БНД — так называется организация пяти тысяч человек, занимающихся шпионажем под руководством «серого генерала» Райнхарда Гелена.

В одном из современных зданий Франкфурта находится Департамент армии, за которым скрывается один из штабов ЦРУ в Западной Германии. В Мюнхене ЦРУ известно как Специальное подразделение, а в Штутгарте и Берлине оно называет себя просто американской миссией. Штаб-квартира ведомства по охране конституции, контр-

разведывательной службы Западной Германии, находится в Эренфельде, пригороде Кельна.

В Кельне же, около темного здания на Зойльцбергерштрассе, можно увидеть Отто Джона, бывшего руководителя ведомства по охране конституции. Отто Джон дезертировал в Восточную Германию в июле 1954 года и вернулся на Запад в декабре 1955 года. В 1956 году его судили за предательство и приговорили к четырем годам исправительных работ. В 1958 году освободили за хорошее поведение. Сейчас он пытается добиться пересмотра дела на основании новых свидетельств.

Приехав в Берлин, вы найдете обилие организаций, занимающихся секретной деятельностью. Западный Берлин сейчас называют «новым Танжером» — здесь можно легко купить секретную военную информацию, поддельный паспорт, пистолет, замаскированный под пачку сигарет, или микроскоп, спрятанный в авторучке. Также можно воспользоваться услугами агентов обеих сторон, а иногда и двух сразу. Западный Берлин, представленный как защита от коммунизма и аванпост холодной войны, на самом деле губка, впитывающая в себя элементы Востока и Запада. В последние месяцы поток агентов и информации сократился из-за усложнения обстановки. До постройки Восточной Германией своей «китайской стены» переход из одной зоны в другую был беспрепятственным из-за нерегулярного и неэффективного контроля. Уйти с Востока на Запад, от тюрьмы к свободному миру, было так же легко, как пройти по Нью-Йорку. Не было языковой проблемы, не было привыкания к новым условиям. Это было идеальное место для шпионов.

В самой безобидной деятельности были скрытые мотивы. Визит к родственникам, живущим в Восточной зоне, ежедневная поездка для тех, кто жил в одной зоне, а работал в другой, письмо из одной зоны в другую — все эти и им подобные действия могут нести и несли важную информацию.

Агенты ЦРУ, снабженные поддельными документами, отправлялись в Восточную зону через Бранденбургские ворота — это был первый этап путешествия, которое должно было закончиться на территории Советского Союза. Массы агентов приходили в Восточный Берлин, чтобы склонить к дезертирству врачей и других специалистов. До

постройки стены Западный Берлин был «городом похищений», в котором восточногерманские агенты могли перетаскивать жертву через границу при полном безучастии прохожих, привыкших за долгие годы к таким необычным ситуациям.

В районе Восточного Берлина Лихтенберг есть здание, в котором располагалось Министерство финансов Третьего рейха, сейчас в нем находится то, что бывший Госсекретарь Кристиан Гертер назвал «местом самой большой концентрации шпионской активности мира» — Министерство государственной безопасности Восточной Германии. Неподалеку расположен госпиталь святого Антония, в здании которого работают 800 сотрудников советского КГБ. Штаб-квартира советского ГРУ, в которой 250 человек, находится в Вюнсдорфе, небольшом городке около Берлина. Кроме того, у ГРУ есть четыре филиала, в каждом из которых работают по меньшей мере 25 офицеров.

Восточная Германия кишит бюро специального шпионажа, такими как на Байерштрассе в Потсдаме, где к операциям на Западе готовятся около пятидесяти молодых людей и девушек. У них есть парк автомобилей западного производства, в основном «мерседесы» и «опели» с поддельными номерами, часть из которых дипломатические. На машинах стоят устройства, которые позволяют водителю менять номера во время движения, — устройства, необычные для серийных моделей.

Поехав к Дрездену, путешественник должен посетить Центральный институт ядерной физики, в котором заместителем директора является Клаус Фукс, освободившийся из английской тюрьмы.

По всей Восточной Германии можно найти отделения Министерства государственной безопасности и других секретных организаций, руководящих шпионажем против Запада, который также делает все возможное в этой области.

Такое скопление сил должно было принести результат. Именно из-за успехов восточногерманских шпионов Западная Германия считается самым слабым звеном в системе безопасности НАТО. Страны-участницы НАТО обмениваются военными и политическими секретами, которые время от времени попадают на Восток из-за шпионажа в Западной Германии. То что у каждого пятого

немца, живущего в Западной Германии, есть родственники в восточной части, тысячи беженцев, которые также создают угрозу безопасности, политическая нестабильность Германии в течение последних двадцати лет, подрывавшая принцип верности, необходимость со стороны некоторых официальных лиц изменять свои политические взгляды в соответствии с новыми временами — все это сделало Западную Германию самой уязвимой для шпионажа по сравнению с другими европейскими странами Запада.

Обычным стал тот факт, что шпионы в Германии часто занимают высокие посты, поэтому два громких ареста в декабре 1961 года едва ли вызвали особое волнение. Тем не менее аресты говорят о следующем:

1. Советская разведка проникла в считающуюся неуязвимой организацию Гелена. Хайнц Фельфе работал в «советском» отделе организации Гелена, сопоставляя данные, полученные от агентов, работавших в социалистических странах. Он был высокопоставленным офицером в штаб-квартире Гелена в Мюнхене, и его арестовали 13 декабря по обвинению в предательстве. Сообщается, что Фельфе признал, что он начал работать в организации Гелена для русских по идеологическим причинам. Он сказал, что много лет был коммунистом.

2. Советская разведка проникла в органы управления НАТО. За два дня до ареста Фельфе был арестован полковник Карл Отто фон Хинкельди, кадровый офицер с 1937 года. У него были важные обязанности в НАТО и доступ ко всем его документам. Полковника арестовали по подозрению в передаче русским секретных документов.

Эти случаи не были первыми в череде разоблачений важных жителей Западной Германии, передававших секреты союзников Востоку. Возможно, самый шумный шпионский скандал в послевоенной Германии разразился осенью 1960 года. 28 октября в здании бундестага (немецкого парламента) сотрудники Службы защиты конституции арестовали известного депутата от социал-демократической партии Альфреда Френцеля. Френцель, уроженец Судетской области Чехословакии, аннексированной Германией в 1938 году и возвращенной Чехословакии в 1945 году, был депутатом от округа Аугсбург, в южной Баварии, с 1953 года. Благодаря партийной работе стал премьер-министром земли Бавария. В бундестаге он работал в двух

ключевых подразделениях. Руководя Комиссией по реституции, которая занималась ущербом, причиненным войной, он был связан с беженцами и Восточной Германией. Также состоял в Комитете по обороне, членство в котором давало ему доступ к секретной военной информации, которую сообщал парламенту министр обороны Франц Йозеф Штраус.

Можно представить себе фурор, который бы произвел арест известного американского конгрессмена по обвинению в шпионаже. Дело Френцеля стало сенсацией. Депутатская неприкосновенность не защитила его, так как по закону Германии она не действует, если депутат арестован в течение двадцати четырех часов после совершения преступления.

Шестидесятиоднолетнего Френцеля видели передающим информацию своему связному-коммунисту. В состоянии, близком к шоку, Френцель подписал признание и сложил с себя депутатские полномочия, сказав в письме спикеру, что он «не достоин служить».

Его история симптоматична для послевоенной Европы. Френцель родился в семье рабочего в Судетской области, в двадцатых годах он вступил в коммунистическую партию Чехословакии. Был назначен кассиром своего района, но был вынужден с позором уйти из партии после того, как стало известно о растрате партийных денег, совершенной им.

В тридцатых годах он эмигрировал в Англию и во время Второй мировой войны служил поваром в BBC. В Чехословакии осталась его маленькая дочь. После войны он переехал в Западную Германию и в 1953 году впервые принял участие в выборах. В ходе кампании его оппонент поднял дело о растрате и сказал также, что Френцель, вступая в социал-демократическую партию, не упомянул о связи с коммунистами. Френцель подал на своего оппонента в суд за клевету и под присягой заявил, что обвинения против него не имели оснований. Он выиграл выборы и начал быстро подниматься по партийной лестнице.

В 1956 году политическими успехами Френцеля заинтересовалась Восточная Германия. Спецслужбы шантажировали его положением дочери, оставшейся в Праге, и в итоге склонили к сотрудничеству с чехословацкой разведкой в Бонне.

За период с 1956 года по день ареста Френцель встречался с чешскими связными тридцать девять раз, передавая им военную информацию и данные о беженцах, которые он хорошо знал. Ему платили за услуги, и за эти годы он получил 27000 немецких марок (около 7000 долларов). В ходе суда, который проходил за закрытыми дверями и длился четыре дня, Френцель привел полный список секретов, которые он сообщил агентам коммунистов. Он был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения — максимальный срок по обвинению в шпионаже в мирное время. Это дело стало ударом по его партии и отношениям исполнительной и законодательной ветвей правительства. Оно стало препятствием для Вилли Брандта, который осенью 1961 года баллотировался на пост федерального канцлера от социал-демократической партии, его оппонентом был канцлер Конрад Аденауэр.

Одной из претензий, которые Брандт выдвигал к правительству Аденауэра, было то, что правительство не предоставляло парламенту достаточного количества информации по вопросам обороны. Дело Френцеля стало прекрасной причиной, по которой кабинет Аденауэра мог сомневаться в своем доверии парламенту и продолжать скрывать секретную информацию.

Дело Френцеля имело необычное продолжение. Вместе с ним были арестованы двое агентов чехословацкой разведки, которых суд приговорил к пяти и шести годам тюремного заключения. В декабре 1961 года Бонн обменял их на трех нацистских генералов, осужденных военным судом Чехословакии. Проблема обмена шпионов часто обсуждается, как в случае с предложением обменять пилота У-2 Фрэнсиса Гэри Пауэрса на полковника советской разведки Рудольфа Абея. Но таких обменов еще не было. Обмен осужденных шпионов на осужденных военных преступников был беспрецедентным. Возможно, правительство Германии понимало, что это был лучший выход. Оно получало трех генералов, чьи приговоры к высшей мере наказания были изменены на пожизненное заключение, в обмен на капитана и майора чешской военной разведки, которые отбывали гораздо меньшее наказание. Генералами были 71-летний Рудольф Туссен, бывший полномочный представитель вермахта в оккупированной Чехословакии, 73-летний Эрнст Хитцеград, руководивший полицией

Чехословакии во время оккупации, и 67-летний Рихард Шмидт, дивизионный командир. Чехами, которых Германия передала чешскому Красному Кресту, были майор Йиндржих Августин и капитан, известный как Эрнст Лангер. Они были связными Френцеля в Бонне.

В апреле 1961 года министр внутренних дел Западной Германии рассказал бундестагу о шпионаже со стороны Восточной Германии. Герхард Шредер, ставший впоследствии министром иностранных дел в коалиционном правительстве Аденауэра, сказал, что в Западной Германии находится по крайней мере 16000 агентов социалистических стран. Он также заявил, что правительство Восточной Германии тратит 125 млн. долларов на «западную работу», как в социалистических странах называют шпионаж.

Шредер процитировал советского представителя, который так объяснил шпионаж против Западной Германии: «Разведывательные организации советского блока не имеют четкой задачи сбора информации. Их задача состоит скорее в таком изменении политической ситуации в Западной Германии, при котором станет возможным объединение Германии под руководством коммунистов. Помимо сбора информации, ведется подготовка к ниспровержению существующего режима. Нет такой сферы жизни государства, будь то экономическая, политическая или культурная, которая не должна стать целью шпионажа и подрывной деятельности».

Шредер добавил, что за период с 1950 по 1960 год в Западной Германии было задержано 2500 агентов, из которых 2186 были осуждены по обвинениям в шпионаже, еще 19000 признали участие в шпионаже, но не преследовались по закону.

Шредер хорошо знал, о чем говорит. За несколько недель до его выступления в парламенте в его министерстве задержали служащего, пытавшегося похитить секретные документы, чтобы затем передать их агентам Восточной Германии. Министр приказал службе безопасности провести полную проверку сотрудников министерства. Во время допроса этот служащий признал, что единственным мотивом его поступка была низкая зарплата. За секреты, которые передавал коммунистам, он получал ничтожные суммы: от 20 до 30 долларов за каждый документ.

Чтобы подробно описать шпионаж со стороны Вос-

точной Германии, правительство выпустило в 1959 году «белую книгу», «Восточный Берлин: центр пропаганды и подрывной деятельности», и «черную книгу» — «Секретные действия Востока против Западного Берлина». Не желая отставать, Восточная Германия выпустила свою белую книгу, названную «Шпионаж в Западном Берлине». В ней приводились названия двадцати четырех шпионских организаций, которыми руководят из Западного Берлина. Против каждой организации были выдвинуты определенные обвинения.

В докладной записке 1959 года по вопросу о Берлине министр иностранных дел Восточной Германии писал, что «в настоящее время на территории Западного Берлина действует более шестидесяти бюро иностранных секретных служб и организаций агентов и шпионов».

Кажется, что в Германии, особенно в Берлине, шпионаж широко практикуется обеими сторонами. Здесь мы видим уменьшенную копию секретной войны между Востоком и Западом. Мы найдем здесь все признаки большой войны — обвинения и контробвинения, разоблачение тактики и целей, использование «грязных приемов», раздражение нарушениями границ. Негодующие заявления Восточной и Западной Германии так похожи, что иногда их можно менять друг с другом местами.

Например:

«Активность этих организаций усиливается тем, что между Западным и Восточным Берлином существует открытая граница и, как следствие, свободное передвижение. Это облегчает заброс шпионов и саботажников в Германскую Демократическую Республику и другие социалистические страны». (Восточная Германия, доклад по вопросу о Берлине, февраль 1959 года.)

«Западный Берлин, из-за своего географического положения и существующей политической ситуации, стал важной целью для подрывной деятельности». («Секретные действия Востока против Западного Берлина», апрель 1959 года.)

Восточная и Западная Германии говорят о нарушении общей границы и жалуются на легкость, с которой агенты проникают на территорию их государств. Западная Германия утверждает, что треть всех беженцев, попадаю-

щих в Западный Берлин, — агенты. Восточная Германия в ответ говорит, что в Берлине работают службы, которые организуют дезертирство граждан на Запад.

Одна из них — Ассоциация свободных юристов, основанная в 1949 году на деньги ЦРУ. Тем, кто приходит в ее центр на Лимаштрассе, объясняют, как можно дезертировать и какую работу можно найти в Западной Германии. Их также расспрашивают об изменениях в Восточной Германии, а если человек обладает важной информацией, его направляют в другие агентства. Благодаря своим связям, особенно с юристами Восточной Германии, Ассоциация получает сведения о закрытых судебных процессах, новых законах и процедурах, а также о многом другом, что скрывается от общественности Восточной Германии. Ассоциация также собирает данные о нарушении Восточной Германией договора об урегулировании отношений.

Своеобразным показателем эффективности работы «свободных юристов» стали похищения Восточной Германией двух ее лидеров. В 1952 году по дороге на работу был похищен доктор Вальтер Линзе, которого переправили в восточную часть Берлина. Когда командующий американской зоны Берлина генерал Лемюзель Мэтьюсон заявил протест советской контрольной комиссии в Берлине, русские сказали, что ничего не знают о похищении. Через несколько недель в Берлине начался сенсационный процесс над шпионами. Семерых человек обвиняли в сотрудничестве с Ассоциацией свободных юристов. Главным свидетелем обвинения была Рут Шрамм, бывший секретарь доктора Линзе, дезертировавшая на Восток. Двое подсудимых были приговорены к пожизненному заключению, пятеро — к длительным срокам заключения. Тайна доктора Линзе так и не была раскрыта. Его преемник, Эрнст Тиллих, говорил, что он находится в одной из тюрем Восточной зоны Берлина. В июне 1960 года агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, что доктор Линзе умер в 1953 году в советской тюрьме, но пришедшая через несколько дней телеграмма внесла поправку — это был другой человек.

В 1957 году во время плавания по озеру Ваннзее был похищен сорокалетний доктор Эрвин Нойман. Следствие установило, что руководитель «свободных юристов» вошел в воды Восточной зоны, чтобы встретиться со своим зна-

комым яхтсменом. Этот знакомый, по данным спецслужб, был агентом Восточной Германии, и он уговорил доктора встретиться с ним на опасной территории. Свидетели сообщали, что в день исчезновения Ноймана в том месте, где он должен был встретиться со своим другом, был замечен катер Восточной Германии. О докторе Ноймане также ничего не известно.

Самые сильные нападения Восточной стороны на Запад предпринимались в отношении «Кампфgruppe геген Унменшлихкайт» («Группа борьбы против бесчеловечности»). Официальные лица Западной Германии обычно меняют тему разговора, если вопрос касается «Кампфgruppe». Эта организация подвергалась такой сильной критике, что она была распущена в 1959 году.

«Кампфgruppe» была основана в 1948 году для оказания помощи политическим заключенным и их семьям. Сообщалось, что сначала она получала средства от ЦРУ, а потом от частного фонда, финансирующего также радио «Свободная Европа». «Кампфgruppe» скоро решила оправдать свое название и начала отправлять в Восточную Германию своих агентов, которым поручались разные задания, от разбрасывания листовок до взрыва мостов.

Некоторые обвинения, предъявляемые Восточной Германией «Кампфgruppe», не внушают доверия. В одном случае немецкие спецслужбы расследовали странную гибель 7000 коров на кооперативной ферме недалеко от Фюрстенберга. Они якобы установили, что на ферме работал агент «Кампфgruppe». По сообщению восточногерманской полиции, он добавил яд в корм для коров, после чего погиб скот на всей ферме.

Вот некоторые другие преступления, в которых обвиняется «Кампфgruppe»:

1951 год: агенты подожгли здание Государственной торговой организации в Восточном Берлине; они добавили мыло в сухое молоко, предназначавшееся для немецких школ; устроили короткое замыкание на электростанции в городе Эберсвальде-Финов.

1952 год: агент «Кампфgruppe» Йохан Бурянек пытался взорвать железнодорожный мост у города Эркнер; агенты устраивали диверсии на заправочных станциях на важных автодорогах, портили локомотивы, стоящие в депо, насыпали песок в турбину завода, вызвав простой пред-

приятия; агентам «Кампфгруппе» было роздано около 500 зажигательных бомб.

1953 год: агенты «Кампфгруппе» сожгли двенадцать автомобилей в грузовом вагоне на станции Вустермарк.

1955 год: агенты подожгли радиостанцию Восточного Берлина.

1958 год: двое агентов взорвали мост в курортном городе Геррингсдорф на побережье Балтийского моря; другие агенты подожгли фабрику по производству кафеля; была предпринята попытка взорвать мост в Веймаре.

Некоторые из этих обвинений были предъявлены режимом Восточной Германии, большинство из них было напечатано в западных газетах и журналах, включая популярный еженедельник «Шпигель». Кажется, что одной из важнейших задач «Кампфгруппе» был подрыв немецкой экономики. После задержания нескольких агентов организации в 1955 году журнал «Штерн» писал: «Лидеры «Кампфгруппе» превратили эту организацию в шпионский центр. Беженцев и молодых идеалистов здесь склоняют к шпионажу и саботажу. Они теряют лучшие годы своей жизни из-за этих бессмысленных предприятий».

Еще одна излюбленная цель коммунистической пропаганды — НТС («Нородно-трудовой союз»). Эта антикоммунистическая группа русских представляет интерес по двум причинам:

Это единственная организация, чьи сотрудники регулярно проникают на территорию Советского Союза. В последней директиве КГБ, относящейся к западному шпионажу, она описывается как «очень опасная организация... единственная организация, работающая на территории СССР».

Эта организация не стала продуктом холодной войны, она была сформирована в 1930 году с целью свержения советского режима. С того времени она забрасывает в Советский Союз своих агентов и литературу, изданную на Западе. Ее деятельность необходима для западных разведывательных организаций.

Штаб-квартира НТС — одновременно управление и издательский центр. У НТС есть и тренировочный лагерь, в котором инструкторы ЦРУ готовят добровольцев к работе на территории СССР.

Положение НТС достаточно сложное. Это не разведы-

вательная, а революционная организация. Ее цель — свержение советского режима силовыми методами. Но из-за ограниченности средств эти попытки теряют всякий смысл. В частных беседах руководители западных разведывательных служб посмеиваются над этой организацией, а ее лидеров называют мечтателями. Однако именно этой организации удастся проникать на территорию СССР. В НТС знают, что их цель отличается от целей западной разведки, но организация сотрудничает со спецслужбами в обмен на финансовую помощь и оборудование. Эти отношения неофициальны и довольно циничны. Агенты НТС занимаются шпионажем, преследуя свою цель — революцию. Западные разведывательные организации поддерживают НТС, хотя и высмеивают его цель.

Секретными операциями НТС руководит Георгий Околович, председатель исполнительного бюро. Хотя ему уже около шестидесяти лет, его голубые глаза светятся мальчишеским задором. Он коренаст, довольно полон, что делает его похожим на русского, дожившего до ста пятидесяти лет и говорящего, что он прожил столько благодаря водке и табаку. На его жизнь постоянно покушаются. В 1954 году покушение на него готовил капитан Николай Хохлов, который дезертировал, не выполнив своего задания.

Околовичу не нравится, когда НТС называют группой эмигрантов. Он цитирует Наполеона, который сказал, что «эмигрант — это человек, который все забыл и ничего не узнал». Околович говорит, что члены НТС ничего не забыли и узнали много нового. Количество его членов держится в секрете, возможно, потому, что оно невелико. Есть «актив» из ста человек, работающих во Франкфурте-на-Майне, а также важное представительство в Западном Берлине.

Поскольку коммунисты стараются показать НТС «пешкой в руках американцев» и «орудием ЦРУ», Околович старается отрицать любую связь с разведывательными организациями. Однако в частных беседах он признает: «Мы работаем со всеми секретными службами. Мы в союзе со всеми, кто против коммунизма». В то же время он отрицает, что агенты НТС — шпионы. «Людам, которых мы отправляем в Советский Союз, — говорит он, — запрещено заниматься разведкой. Это противоречит их революцион-

ной миссии». Обязанность агента НТС — проповедовать революцию.

Сейчас НТС не пользуется американским оборудованием, а покупает все необходимое в Германии. По понятным причинам организация не раскрывает своего бюджета, но и не скрывает, что он пополняется из «частных» источников.

Помимо всего, Околович борется за то, чтобы не попасть под влияние других организаций. «Наши люди не продаются разведывательным службам, — говорит он. — Мы попали под перекрестный огонь попыток Советского Союза представить нас марионеткой американцев и интересов Запада, которые только частично совпадают с нашими».

Если бы у НТС были силы, эта организация напала бы на СССР уже завтра. Ее лидеры заявляют, что избежать начала ядерной войны можно, только свергнув коммунистический режим. Они полагают, что большинство жителей Советского Союза примут их сторону, если начнется война. Околович думает, что в этом случае режим может использовать атомное оружие против своего народа. Единственными людьми, которые останутся верными правительству, будут руководители, которые искренне заинтересованы в сохранении режима. НТС готов поддержать любую инициативу, считая нереальной любую более «мягкую» позицию.

Ожидая начала революции, НТС посылает своих агентов в Советский Союз через Западный Берлин, Восточную Германию и Польшу или Чехословакию. Агенты создают ячейки, которые занимаются пропагандой и ждут начала активных действий. Ячейки не общаются между собой, но узнают о существовании друг друга с помощью символа НТС — трезубца святого Владимира. В Советском Союзе этот трезубец можно иногда увидеть на стене дома, рядом с ним обычно написан лозунг НТС: «Несем тиранам смерть».

Выступая перед комиссией конгресса, Николай Хохлов сказал: «Ячейки НТС существуют даже в армии Советского Союза. Для поддержания связи используются курьеры, которые регулярно пересекают границу и отправляются на территорию СССР и стран народной демократии... НТС пользуется теми же методами, благодаря которым к власти

пришла сама коммунистическая партия, а именно организацией ячеек». (Проникновение на территорию СССР обсуждалось в главе о деятельности ЦРУ.)

Для отправки пропагандистских материалов в СССР НТС пользуется воздушными шарами, непромокаемыми пакетами, которые бросают в реки, и многими другими способами. Руководство НТС признает, что после смерти Сталина в Советский Союз было отправлено более 100 миллионов книг и журналов. У него есть свое издательство — «Посев», которое выпускает периодику, в частности газеты «За Россию» и «Наши дни», а также печатает поддельные номера «Правды» и «Известий».

Радиостанция НТС «Свободная Россия» ведет вещание в течение десяти часов в сутки, но власти Западной Германии иногда закрывают станцию после протестов Советского Союза. В 1958 году агенты Восточной Германии заложили бомбы в доме, где живут семьи радиотехников. Жертв не было, но само здание было разрушено.

НТС контактирует с большей частью советских граждан, приезжающих на Запад. Организация отправляет своих агентов на все конференции и выставки, в которых принимают участие советские делегации. Ярмарку в Брюсселе посетили около 8000 советских туристов, еще больше приехало на молодежный фестиваль в Вене. Многие из них вернулись домой, зная, что такое НТС. Некоторые даже соглашались распространить в своей стране литературу НТС. Когда части ВМФ Советского Союза посетили в 1956 году страны Скандинавии, агенты НТС встретились с 1230 советскими офицерами и моряками: 385 из них остались безразличны, 700 заинтересовались деятельностью НТС и взяли их книги, 110 выразили недовольство режимом и обещали НТС активную поддержку (данные НТС).

Когда Молотов принимал участие в четырехсторонней встрече в Женеве, одному из агентов НТС удалось сфотографировать его. Фотография была опубликована в газете «Посев», ее сопровождал следующий комментарий:

«Молотова сфотографировал специальный корреспондент «Посева» с расстояния 16 футов. Бесшумные пули, которыми был заряжен пистолет капитана Хохлова, пробивают два фута хлопка с расстояния 30 футов. Мы не знаем, насколько

плотен Молотов, но интересно, о чем думает руководитель его охраны Борзов и за что ему платят».

В 1956 году представитель НТС оказался в одном самолете с послом СССР в Западной Германии Валерианом Зориным, который возвращался со съезда коммунистической партии. Во время полета они обсуждали политические события, и их фотография была опубликована в «Посеве».

Заявления коммунистической прессы о силе НТС иногда кажутся преувеличением. В марте 1957 года «Литературная газета» писала:

«В марте 1955 года в НТС было отпечатано 14 миллионов брошюр, отправленных на воздушном шаре из ФРГ в восточном направлении... установлено, что НТС отправляет в Восточную Европу не только брошюры, но и секретных агентов. Важнейшая задача этой организации — проникновение в государственные органы социалистических стран».

В сентябре 1960 года «Известия» предупреждали всех советских граждан, путешествующих по странам Запада: «В Европе существуют группы, которые будут пытаться снабдить вас пропагандистской литературы. Это, в частности, произошло во время Олимпийских игр в Риме, когда советские спортсмены получили брошюры, отпечатанные в официальном центре Олимпийского комитета Италии».

В декабре 1959 года член советской делегации в ООН заявил, что «на территории США нашли прибежище группы, похожие на НТС. Они состоят из антисоветских преступников, и, кажется, Соединенные Штаты тратят много денег, чтобы помочь тем, кто борется с советским режимом».

Если бы советская сторона ограничивалась только жалобами в прессе и Генеральной Ассамблее, НТС мог бы дышать спокойнее. Но к негодованию добавляются попытки убийств, похищений, взрывов. Последний акт насилия произошел 18 июля 1961 года, когда во двор штаб-квартиры НТС во Франкфурте была заброшена бомба. Взрывом выбило стекла и повредило часть печатного оборудования. Во дворе, покрытом бетоном, осталась воронка трех футов в диаметре (около 1 м) и глубиной в один фут.

В декабре 1958 года Министерство государственной безопасности Восточной Германии наняло бывшего члена молодежной гитлеровской организации Вольфганга Вильдпретта, который должен был убить Владимира Поремского, президента НТС. Вильдпретту дали нож, автоматический пистолет, фотографию его жертвы и аванс 500 марок (125 долларов), пообещав 20000 марок в случае успешного выполнения задания. Однако Вильдпретт сдался властям.

Николай Хохлов также отказался от выполнения задания, когда ему поручили убить Околовича, и сейчас он один из самых активных членов НТС. Успешными операциями против членов НТС стали похищения Валерия Треммеля в Австрии и Александра Трушновича в Западном Берлине в 1954 году. Треммель был схвачен советскими агентами, которые вывезли его в советский сектор. О его судьбе ничего не известно.

Случай с Трушновичем до сих пор остается загадкой. Он был членом совета НТС и добровольно возглавил его отделение в Берлине. До похищения он готовился читать курс лекций в Соединенных Штатах. 13 апреля 1954 года его заманил в ловушку агент Хайнц Глеске, завоевавший его доверие помощью в организации встреч с беженцами из СССР.

Трушновича схватили в квартире Глеске, посадили в машину и вывезли в Восточный Берлин. Сам хозяин исчез, а через несколько дней исчезла и его жена. Полицейские, прибывшие на квартиру Глеске, обнаружили следы борьбы и пятна крови на полу.

Через несколько дней средства массовой информации Восточной Германии объявили, что Трушнович бежал на Восток. В статье, озаглавленной «Почему я разорвал с прошлым», сказано: «После многочисленных поездок по Европе я убедился, что у организаций эмигрантов нет будущего. Чтобы выжить, эти организации должны предлагать свои услуги западной разведке, а члены этих организаций используются для шпионажа, подрывной работы и диверсий».

В статье говорилось, что школа, открытая Трушновичем для советских эмигрантов, стала школой шпионажа. НТС, говорилось в статье, переполнен американскими агентами, которые играют роль сторожевых псов. Восточ-

ная Германия также объявила, что Глеске был арестован как американский агент.

Семья Трушновича и НТС объявили все это вымыслом, но пока для его освобождения собирали подписи и предлагали вознаграждение, западногерманская газета «Вельт» написала, что Трушнович был двойным агентом, работавшим на Москву с момента основания НТС.

В настоящее время в НТС полагают, что Трушнович был серьезно ранен в борьбе, начавшейся в квартире Глеске, и умер по дороге в Восточный Берлин. Отмечается, что Трушнович получил тяжелое увечье во время Первой мировой войны, и часть его черепа заменяла серебряная пластина. Даже легкий удар по голове мог убить его. НТС указывает, что Трушнович не устраивал пресс-конференцию, через которую проходят все дезертиры. После того как в газетах появилась одна статья, подписанная его именем, о нем ничего не известно.

Помимо открыто «агрессивных» организаций, таких как «Кампфgruppe» и НТС, на Западе существует большое количество организаций, в чьи обязанности входит сбор информации за железным занавесом. Для властей Восточной Германии, знающих о шпионаже, эти организации просто добавляются в список разведывательных служб.

Нелегко установить предел, когда новости из Восточной Германии становятся шпионажем. Так же трудно провести линию, которая бы определяла, когда радиостанция начинает подрывную деятельность. Живя в условиях холодной войны, мы, кажется, теряем чутье — для Востока это уже шпионаж, а для Запада — законная деятельность радио и прессы. В принципе, они сочетают и то, и другое.

Самые важные из этих агентств — «Информационное бюро Запада» (IBW), «Радио в американском секторе» (RIAS), радио «Свободная Европа» (RFE) и радио «Свобода». Все они якобы работают с информацией, хотя у всех есть политическая направленность, все они имеют свою долю в берлинской «торговле беженцами» и получают средства из «конфиденциальных» (то есть от западной разведки) источников.

«Информационное бюро Запада» — частное агентство, работающее только с Восточной Германией. Оно расположено в черном двухэтажном доме в пригороде Берлина. На здании нет никаких обозначений. Сотрудники агентства

работают под псевдонимами, а почту агентство получает на абонентский ящик. Эти меры предосторожности вызваны, в частности, угрозами Восточной Германии в отношении сотрудников агентства.

IBW получает большую часть информации из секретных источников в Восточном Берлине и от беженцев. 150 подписчиков ежедневного информационного бюллетеня узнают «кто есть кто» в правительстве Западной Германии, ее прессе и спецслужбах. Через посредника IBW покупает практически все, что публикуется в Восточной Германии. У того же посредника правительство Восточной Германии приобретает информационный бюллетень агентства. IBW берет интервью у беженцев в лагере «Мариэнфельде». Благодаря этим усилиям агентство IBW создало самый крупный архив данных о Восточной Германии, в который включены и архивы правительства. В архиве заведено 90000 карточек на всех важных людей Восточной Германии, в них описывается как их работа в настоящее время, так и увлечения в прошлом.

Агентство может получить такую информацию, которую скрывает правительство Восточной Германии. В июне 1961 года IBW узнало, что пятьдесят рабочих завода в Хеннингсдорфе направили Вальтеру Ульбрихту письмо, в котором выражали протест против недостатка потребительских товаров. Письмо было уничтожено до того, как оно попало к Ульбрихту, часть рабочих была арестована. Остальные бежали в Западную Германию.

В 1958 году 58 студентов Йенского университета были приговорены к длительным срокам тюремного заключения в результате закрытых процессов. Какое преступление они совершили? Они отправили Вальтеру Ульбрихту, лидеру Восточной Германии, письмо, в котором призывали к проведению свободных выборов. В восточногерманской прессе об этих процессах ни разу не упоминали, пока IBW не рассказало об их существовании.

IBW получает средства от Министерства по общегерманским делам. У агентства есть связи с жителями Восточной Германии. Именно по этим причинам правительство Восточной Германии считает IBW шпионской организацией. Гельмута Больмана и Элизабет Рапп, которые руководят агентством, называют бывшими сотрудниками Министерства пропаганды Геббельса. На самом деле они

беженцы с Востока. После Второй мировой войны они работали в Альгемайнер Дойчер Нахрихтендинст — информационном агентстве Восточной Германии. Они бежали в 1949 году, когда агентство отказалось опубликовать результаты референдума, который потерпел поражение, несмотря на формулировку вопроса: «Вы за сохранение мира? Если да, голосуйте». Директор агентства сказал Больману и мисс Рапп, что они должны «заниматься не новостями, а пропагандой». Они бежали в Западную Германию и основали IBW, целью которого стало развенчание пропаганды Восточной Германии. Та, в свою очередь, утверждает, что IBW распространяет ложную информацию. При этом руководство страны ссылается на жителя восточной части Берлина, предоставлявшего IBW ложные сведения: «Я понял, что Больману и Рапп нужны сообщения любого рода, вне зависимости от их достоверности. Я также понял, что вся западная пресса живет на таких сообщениях. Я начал дезориентировать Больмана. Я сделал вид, что получил секретный доклад, касающийся работы немецких средних школ. Это сообщение было воспринято с интересом, и Рапп даже не спросила, насколько правдив был этот доклад».

В комплексе зданий в Энглишгартен, парке в центре Мюнхена, находится радио «Свободная Европа», которое ведет передачу новостей и «специальных» программ на территорию социалистических стран (но не на территорию СССР).

Двадцать восемь передающих станций «Свободной Европы» в Германии и Португалии ведут трансляции для Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии. (В Албании слишком мало радиоприемников, чтобы вещание велось и на территорию этой страны). Бюджет радиостанции, большую часть которого составляют субсидии от таких корпораций, как «Эссо», «Форд» и «Дженерал моторс», равен 11 млн. долларов. Штат радиостанции в одном только Мюнхене составляет 1200 человек. Все это делает «Свободную Европу» похожей на правительственное учреждение средних размеров.

Программы для стран-союзниц СССР, подчеркивающие все, что может подорвать авторитет их правительств, делятся на следующие категории: 17% — новости, 20 % — комментарии, 7 % — обзор западной прессы, оставшееся

эфирное время отведено радиопостановкам, музыке и программам для определенных групп населения (домохозяйки, рабочие, студенты и так далее).

Дважды за одиннадцать лет существования «Свободная Европа» оказывалась в затруднительном положении. В 1956 году радиостанцию обвиняли в поддержке венгерской революции, которая выражалась в обещаниях американской помощи и призывах сражаться, обращенных к борцам за свободу. RFE до сих пор не полностью оправилось от этого обвинения, а некоторые люди называют радиостанцию «поджигателем венгерского мятежа».

Представители RFE объясняют, что революция 1956 года была для них сюрпризом и их ролью в восстании была ретрансляция на территорию Венгрии передач венгерского радио, захваченного борцами за свободу. Они продолжали обычные выпуски новостей и комментариев, рассказывая о начавшемся в то же время Суэцком кризисе. RFE называет две причины, по которым общественность уверена, что радиостанция обещала помощь восставшим. Во-первых, радио Лейпцига в то время вело вещание на частоте «Свободной Европы», намеренно вводя повстанцев в заблуждение. Во-вторых, часть интервью, взятого ведущими средствами массовой информации у трех борцов за свободу Венгрии, была вырезана. В ходе интервью в Бонне их спросили: «Правда ли, что радиопередачи обещали военную помощь США?» Они ответили «да». Однако следующий вопрос и ответ — «Вы уверены, что это были передачи радиостанции «Свободная Европа»? — «Конечно, нет» — были из интервью изъяты.

Поскольку RFE — частная американская организация, работающая на территории Германии, ее возможное отношение к Венгерскому кризису осложнило отношения с немецким правительством. Чтобы оправдать себя, RFE отправило правительству ФРГ и в Совет Европы в Страсбурге магнитофонные записи всех своих передач за период восстания — больше трех миль магнитной пленки.

Но даже после этого RFE не было полностью оправдано, и руководству пришлось уволить тех сотрудников, которые, по их мнению, зашли слишком далеко в моральной поддержке восставших. Канцлер Аденауэр заявил после изучения пленок, что сообщения об обещаниях помощи венграм были необоснованны. Однако он добавил,

что некоторые «замечания» могли быть неправильно поняты.

Еще одним серьезным ударом для радиостанции стало заявление посла США в Польше Джэкоба Бима, сделанное летом 1959 года. Посол Бим просил Государственный департамент оказать влияние на радиостанцию «Свободная Европа», чтобы она прекратила вещание на территорию Польши, которое, по его словам, мешало его работе. Он сказал, что его обязанности часто пересекаются с «линией» RFE, содержание передач которой он не мог контролировать. Посол Бим полагал, что его отношения с польскими официальными лицами будут менее напряженными, если «Свободная Европа» перестанет вести трансляцию на территорию Польши. Когда это заявление попросили прокомментировать Государственного секретаря Кристиана Гертера, он ушел от прямого ответа, сказав, что доверяет послу Биму и уважает его способности, но также понимает необходимость работы, которой занимается радиостанция «Свободная Европа».

Поскольку оба инцидента говорят о довольно агрессивной пропаганде, «Свободная Европа» так объясняет свою догму: «Власть русских в странах-союзниках кончится благодаря постепенным изменениям в самих странах и расколу в коммунизме. Мы не призываем к революции, но мы хотим подготовить эти страны к изменениям».

Один из показателей эффективности работы RFE — те усилия, что направлены на подавление передач радиостанции. Поскольку сеть RFE начала соперничать с государственными радиостанциями, в социалистических странах установлено более 2000 радиостанций, заглушающих вещание RFE. Их установка обошлась в 225 миллионов долларов — эта сумма в два раза больше, чем весь бюджет радиостанции со времени ее основания. Несмотря на создаваемые помехи, RFE удается работать благодаря использованию нескольких частот, особенно в ночное время, когда подавление вещания менее эффективно.

В качестве других примеров своей пользы RFE называет следующие «эксклюзивные» репортажи. В 1956 году радиостанция передавала «секретную» речь Хрущева в течение трех с половиной дней, чтобы ее содержание узнали во всех социалистических странах. RFE также рассказало жителям этих стран о восстании рабочих в Познани. Когда

на Запад дезертировал заместитель руководителя польской службы безопасности Юзеф Сwiatло, RFE записало более 100 часов интервью, в котором он рассказывал о методах и целях работы секретной полиции. Представители радиостанции заявляют, что после передачи интервью в Польше улучшилось обращение с политическими заключенными. «Свободная Европа» передала доклад ООН о событиях в Венгрии, содержание которого было изменено правительством страны. В 1958 году власти Румынии приняли новый Уголовный кодекс, по которому неофициальные встречи с иностранцами карались смертной казнью. Этот кодекс не был опубликован, и власти арестовывали и судили граждан страны, которые даже не знали, что нарушают закон. Радиостанция смогла достать текст кодекса и рассказала о нем в своих передачах для Румынии. Позже румынское радио объявило, что кодекс был опубликован.

Обвинения в шпионаже, предъявляемые «Свободной Европе», основаны на том, что радиостанция берет интервью у беженцев из-за железного занавеса и следит за передачами тридцати пяти радиостанций социалистических стран. Около границ всех стран-союзниц СССР от Стокгольма до Стамбула существуют «аванпосты» RFE, которые собирают информацию о режимах этих государств. Сотрудники RFE, бежавшие на Восток, говорили, что им поручались разведывательные задания. Как и все остальные частные и полуофициальные антикоммунистические агентства, RFE — объект провокаций Восточной Германии. Восточная Германия обращает особое внимание на американские агентства, надеясь подорвать их репутацию в глазах правительства Западной Германии, в которой они расположены. Члены таких организаций, как Лига немецкой чистоты, звонят немцам, работающим в RFE, и говорят им: «Почему бы вам не найти честную работу, вместо того чтобы оставаться в этой шпионской организации?» Во дворе Энглишгартен разбрасывают гвозди, которые портят колеса машин RFE и заставляют сотрудников обращаться за помощью к полиции. В декабре 1959 года в солонках кафе RFE был насыпан атропин, экстракт белладонны. Очевидно, что провокаторы не хотели никого убивать, иначе они могли использовать стрихнин, отравление которым может быть смертельным. Многим сотрудникам радиостанции стало плохо, вызвали полицию, и один по-

лицейский сказал: «Почему с вами всегда происходят такие вещи?»

RIAS («Радио в американском секторе») и радиостанция «Свобода» выполняют почти такие же функции, как и RFE, но только в отношении Восточной Германии и СССР. Центр радио «Свобода» находится в Мюнхене, в здании, стоящем недалеко от аэродрома, на который в 1938 году прилетел Чемберлен. «Свобода» ведет вещание на русском и еще шести языках, на которых говорят в республиках Советского Союза. Программы транслируются на территорию СССР с запада и востока — пленки отправляются на Тайвань, откуда также идет вещание. Штат радиостанции состоит из 150 человек — эмигрантов из СССР, знающих менталитет и нужды своих слушателей. Как и передачи «Свободной Европы», все, о чем говорит «Свобода», также подвергается нападкам со стороны советской прессы, обвиняющей радиостанцию в помощи американской разведке. Как и RFE, она берет интервью у перебежчиков и имеет доступ к «специальной» информации. Со времени основания радиостанции в 1953 году двое ее дикторов были убиты сотрудниками КГБ. Первоначально радиостанция называлась «Освобождение», но это название сочли слишком агрессивным и заменили на «Свобода».

Радио «Свобода» утверждает, что его цель — информировать жителей Советского Союза о том, чего они не узнают из официальных источников, и о том, что искажается цензурой. Оно не призывает к свержению режима, а подсказывает русским, как надавить на правительство, чтобы добиться лучших условий жизни и демократизации общества. Благодаря перебежчикам и письмам, получаемым из Советского Союза, а их бывает до десяти в неделю, «Свобода» знает, что ее трансляции достигают СССР. Некоторые письма одобряют деятельность радиостанции, а их авторы просят защиты от давления режима. В некоторых одобрение смешано с возражениями, как, например, в письме ленинградского инженера: «Я слушаю ваши передачи, но я не согласен с вашим мнением о настроении советских граждан».

Радиостанция «Радио в американском секторе» подвергается особенно сильным нападкам со стороны Восточной Германии, поскольку ее передачи направлены именно на эту страну. Говорят, что она находится под прямым

контролем ЦРУ. Правительство Восточной Германии однажды опубликовало сообщение, которое якобы было просьбой директора RIAS вызывать в определенное время беженцев, которых будет допрашивать сотрудник ЦРУ. В этом документе, подписанном Дж. А. Эвингом 2 марта 1955 года, говорится: «Представитель ЦРУ мистер Мейссемер будет принимать вас по четвергам и пятницам. Мы просим вас назначать на эти дни тех беженцев из советской оккупационной зоны, которых нужно познакомить с ним».

Еще одна организация с двоякими функциями — Министерство по общегерманским делам, которое, помимо других вопросов, занимается и проблемой беженцев. В 1958 году западногерманская газета «Шпандауэр фольксблатт» рассказала о конфликте, возникшем внутри министерства из-за использования финансовых фондов. Министр Леммер хотел прекратить финансирование секретных организаций, но натолкнулся на сопротивление своего заместителя Франца Тедика, который заручился поддержкой Государственного секретаря Ганса Глобке. Субсидии были сохранены.

Откровенно шпионские организации в Западной Германии — служба Гелена и ЦРУ. Райнхард Гелен, он же герр Доктор, он же мистер Шнайдер, он же «серый генерал» — самая загадочная личность в политике Западной Германии. Сейчас ему пятьдесят восемь лет, его не фотографировали с 1944 года, когда он был генерал-лейтенантом. На снимках того времени мы видим молодого выглядящего человека с самодовольным видом, который был свойствен всем генералам Гитлера.

Сейчас, по словам тех, кто видел его недавно, он поседел и располнел. Он носит усы, общается учтиво, но немного застенчиво. Он начал служить в армии в 1920 году и посвятил военной службе всю свою жизнь. Гелен стал врагом коммунизма и специалистом по Советскому Союзу как только его перевели из Франции на Восточный фронт после начала в 1941 году войны с СССР. Через год он возглавил разведку фронта. Восточная Германия утверждает, что он был нацистом и руководил «иностранной армией», в которую входили дезертировавшие русские и другие иностранцы, выступавшие против коммунизма. Гитлер стал относиться к нему с подозрением,

когда тот доложил о возможном наступлении Советского Союза в 1944 году, и это подозрение осталось даже тогда, когда предположения начали сбываться. Гелен предчувствовал окончание войны и предусмотрительно хранил в Баварии пятьдесят сейфов бесценных документов. Когда на территорию Германии вступили союзные войска, он сдался США и предложил организовать антикоммунистическое разведывательное агентство, в которое бы вошли бывшие сотрудники его ведомства и были использованы материалы, сохраненные им. Организация Гелена разместилась в Мюнхене. Когда в 1955 году Западная Германия стала суверенным государством, Аденауэр принял Гелена под свое крыло.

Сегодня его Федеральная разведывательная служба состоит из 5000 постоянных сотрудников и еще 5000 агентов, бюджет организации — 10 млн. долларов. Два ее самых известных успеха — раскрытие сети чехословацкой разведки в Западной Германии в 1948 году и внедрение в кабинет Вальтера Ульбрихта агента, которого успешно вывезли из Восточной Германии, после того как им заинтересовались спецслужбы. Основной задачей Гелена является разведка, хотя он тесно сотрудничает и с западногерманской контрразведывательной организацией Служба защиты конституции. Многие восточногерманские агенты хотят подзаработать на стороне, и Гелен успешно пользуется услугами двойных агентов. Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Дэвид де Люс так описал его главную задачу: «Постоянно изучать и идентифицировать Вооруженные силы СССР и его союзников. Эта задача очень важна для Запада, так как в ФРГ находится 400-тысячный контингент войск США, Франции и Великобритании».

Гелен — бесспорный руководитель немецкой разведки. Одной из причин, по которым в июле 1954 года на Восток бежал руководитель Службы защиты конституции Отто Джон, было то, что он проиграл борьбу с Геленом. Аденауэр, которому неоднократно сообщали о пьянстве и беспорядочном поведении Джона, занял сторону Гелена. Джон, посещавший в июле 1954 года Соединенные Штаты, не смог заручиться поддержкой Аллена Даллеса, который также занял противоположную сторону. Через несколько недель после этого визита Джон бежал в Восточный Берлин, где заявил, что все правительство Западной Германии состоит

из бывших нацистов. Увольнение в 1955 году генерала Трудо усилило позиции Гелена.

Штаб-квартира Гелена в пригороде Мюнхена Пуллах называется «Генеральное управление». У организации есть отделения по всей стране, они используют различные прикрытия, такие как «Промышленная организация Южной Германии». Иностранные представительства организации Гелена построены по коммунистической модели шпионажа — с помощью ячеек. Резиденты работают с маленькими группами, члены которых не знают о работе остальных агентов и о них самих. Время от времени подсудимые по делам о шпионаже, проходящим в Восточной Германии, признают, что они сотрудничали с организацией Гелена. В 1954 году семеро таких людей были осуждены за кражу документов с электростанции. Сообщалось, что спецслужбы Восточной Германии нашли у них директивы Гелена. В директивах определялись цели шпионажа, такие как передвижение войск, работа аэродромов и портов. Говорят, что щупальца этой организации протянулись и в дружественные страны, а ее агенты действуют даже в Париже и Риме.

ЦРУ, которое с особой заботой относится к работе в Западной Германии, до сих пор светится гордостью при упоминании о знаменитом берлинском туннеле.

Сотрудник ЦРУ, изучавший в 1955 году карту Берлина, заметил, что граница американской зоны проходит всего в 300 ярдах (270 м) от главной телефонной линии советского военного командования. Вскоре после этого около границы начали строить новую радиолокационную установку. Эта станция была прикрытием для подземных работ. ЦРУ решило прокопать туннель, ведущий к советской телефонной линии, и прослушивать переговоры. План был смелым и успешным. Туннель стал шедевром строительства. Довольно высокий человек (6 футов (1,8м)) мог стоять в нем во весь рост. Туннель вентилировался, в нем были звуконепроницаемое покрытие, флюоресцентное освещение, телефон и три кабеля, с помощью которых прослушивалась советская линия. Вдоль стен было установлено самое современное оборудование.

Туннель длиной 500 ярдов (450 м) начинается от радиолокационной станции, проходит под кладбищем на

территории Восточного Берлина и заканчивается под Шонефельд-роуд, по обеим сторонам которой идут подземные телефонные кабели советских военных. Оборудование, использовавшееся в туннеле, было не американским.

Прослушивание продолжалось в течение года, контролируя около шестидесяти телефонных линий связи советского командования. Полученная информация была бесценна. Контрольная комната, дежурство в которой велось круглосуточно, была защищена тяжелой металлической дверью, с надписью на русском и немецком языках: «Вход воспрещен по приказу командования советскими Вооруженными силами в Германии». На границе Восточного и Западного Берлина была установлена колючая проволока, благодаря которой туннель казался сооружением русских. В апреле 1956 года советские военные, проверявшие линии связи, обнаружили туннель. По сообщениям восточногерманской прессы, в нем в это время работали трое американцев, которым удалось бежать. В спешке они оставили включенным свет и все оборудование.

ЦРУ имеет доступ ко всем данным других разведывательных организаций. Оно работает со всеми важными перебежчиками, управляет самыми важными операциями, встречается с наиболее ценными агентами.

Его главная задача в Германии — выявление коммунистических агентов на военных объектах США и помощь в обнаружении агентов, попадающих в Западный Берлин под видом беженцев. Агентов, обнаруженных таким образом, передают ЦРУ, которое пытается сделать из них двойных агентов. Войсковая разведка Западной Германии также имеет оперативную разведывательную группу. Но ЦРУ руководит всеми агентствами и занимается теми делами, которые выбирает само. Некоторые представители разведки, работающие в Западной Германии, жалуются, что ЦРУ порой возглавляют люди, не имеющие опыта работы в разведывательных организациях. Они часто рассказывают о полковнике, возглавившем ЦРУ. На первой встрече с сотрудниками главной темой обсуждения стала деятельность управления, известного как Департамент армии. Полковник внимательно слушал, иногда кивал, а в конце

встречи спросил своего помощника: «Кто этот чертов папа?»*

Контрразведкой в Германии занимается Служба защиты конституции, которая борется со шпионажем и проникновением коммунистов на Запад (коммунистическая партия запрещена в Западной Германии). В самой контрразведке работают 400 агентов, которые связаны с полицией 11 земель Германии, с организацией Гелена и немецкой военной разведкой. Кроме этого, специальные юристы работают в Генеральной прокуратуре. Служба защиты конституции подвергается нападкам, за то что она выполняет функцию политической полиции, и в феврале 1959 года министр внутренних дел Шредер прочитал в «Штерне» статью, называвшуюся «Кто защищает нас от защитника?».

Проникновение с Востока на Запад настолько легко, а количество организаций, прикрывающих шпионаж, настолько велико, что работа в Службе защиты конституции требует огромного терпения. Шредер недавно обвинил Немецкий союз мира в том, что эта партия была прикрытием для коммунистического шпионажа. Союз подал на него в суд за клевету. Сейчас это дело находится на рассмотрении. Дело Френцеля показывает, что проникнуть можно даже в правительственные круги.

Немецкие почтовые отделения каждый месяц задерживают более миллиона почтовых отправлений, присылаемых из Восточной Германии, но это количество считается всего лишь десятой частью того, что проходит проверки. Адреса берутся из телефонной книги Западного Берлина. Пропагандистская литература предназначена для разных слоев общества. Солдатам присылают журнал «Барракс», в котором критикуется «милитаристская» политика министра обороны Штрауса. Учителя получают бюллетени от коллег из Восточной Германии. 180 разных изданий предназначены для рабочих, что говорит о решимости Восточной Германии проникнуть в профсоюзы. Шредер сказал в своем недавнем выступлении в бундестаге, что подрывной деятельности адептов коммунизма в Западной Германии нет равных, а количество шпионов постоянно растет.

* Игра слов: сокращение DAD, обозначающее Department of Army Detachment, Департамент армии, имеет значение «папа». (Прим. переводчика).

Центры шпионажа и провокаций, расположенные в Восточной Германии, приобрели такую угрозу, что этой теме был посвящен отдельный документ Государственного департамента, опубликованный в ноябре 1961 года. Этот документ заслуживает того, чтобы его процитировать. В нем, в частности, говорится:

«Министерство государственной безопасности Восточной Германии, руководимое из СССР, ответственно за программы похищений, убийств, подрывной деятельности и пропаганды, а также за шпионаж.

С момента окончания войны власти Западного Берлина и Западной Германии насчитали 255 случаев успешного похищения людей, по крайней мере 143 попытки похищения и шесть попыток убийства, совершенных агентами Восточной Германии.

Вербовка коммунистических агентов и информаторов осуществляется разными методами как в Западной Германии, так и на территории советской зоны. Вербовщики, в частности, угрожают расправой над членами семьи, оставшимися на территории Восточной Германии. Вымогательство, подкуп и принуждение — обычная практика. Поскольку нужно часто прибегать к криминальным способам, Министерство государственной безопасности освободило из тюрьм тех преступников, которые согласились стать агентами.

Министерство руководит работой из здания, расположенного на Норманнентрассе. Руководство осуществляется с помощью «специалистов», отбираемых из 16000 коммунистических агентов, работающих на территории Западного Берлина. Это подтверждают дезертировавшие агенты. Помимо членов этой сети, 22000 человек работают в Министерстве государственной безопасности и еще 5000 — в полиции.

Из 16000 агентов около 5000 постоянно проживают в Западной Германии, передавая свои доклады в советскую зону, а оставшиеся живут в Восточной Германии, но периодически отправляются на Запад для выполнения шпионских заданий. Только за 1959 год в Западной Германии было задержано 2802 агента.

Миссии, которые выполняют эти агенты, носят преимущественно военный и политический характер. Около 25% всех заданий направлено против земли Северный Рейн-Вест-

фаля, где находится промышленность Рурской области и федеральное правительство.

Второй по важности объект — Западный Берлин, в котором работают около 16% всех агентов Восточной Германии. За период с 30 августа 1951 года по 15 февраля 1960 года за шпионаж и связанные с ним преступления осуждено 590 человек.

Согласно данным, сообщенным перебежчиками, и другим сообщениям, штат Министерства государственной безопасности составляет 22000 человек. Москва руководит этой организацией с помощью ядра немецких коммунистов, получивших советское гражданство во время войны.

После основания в апреле 1950 года Министерства государственной безопасности его первым руководителем стал Вильгельм Цайссер, заместителем — Эрик Мильке.

Мильке возглавил Министерство в 1957 году. Он вступил в коммунистическую партию Германии в двадцатых годах. 9 августа 1931 года он застрелил двух полицейских. Чтобы избежать наказания, Мильке бежал в Советский Союз и принял советское гражданство.

Во время Гражданской войны в Испании Мильке был капитаном в войсках коммунистов, затем уехал во Францию, где пробыл до конца Второй мировой войны. Он вернулся в Германию с советскими войсками в 1945 году после четырнадцатилетнего отсутствия. Мильке начал работать в секретной полиции, обучаясь этой работе в Советском Союзе. Он остается руководителем Министерства государственной безопасности, несмотря на то что обвиняется в двойном убийстве.

Руководитель Министерства, кем бы он ни был, сам объект контроля и использования со стороны КГБ, сотрудники которого постоянно работают в Восточной Германии.

Министерство государственной безопасности делится на отделы, которые, помимо разведки за пределами своей страны, занимаются наблюдением за всеми сферами жизни Восточной Германии. 1-й главный отдел контролирует «надежность» состава вооруженных сил. Около 900 сотрудников этого отдела работают непосредственно в армии. Главная задача агента — склонить офицеров и солдат к слежке друг за другом.

Шпионажем на Западе руководит 2-й главный отдел. В штабе этого отдела работают 800 человек, вербующих и

контролирующих тысячи агентов за границей, в основном в Западной Германии.

Одно из подразделений 2-го отдела — Подразделение портов. Оно основано в 1958 году. Основная задача — наблюдение за всеми портами в Западной Германии и других странах НАТО, вербовка агентов, фотографирование военных судов НАТО.

Еще одно подразделение — Подразделение «Р», основанное в начале 1960 года. Оно занимается операциями против военных миссий стран Запада, работающих в столице Восточной Германии. Один отдел занимается вербовкой агентов, которые живут или работают около этих миссий. Другой отдел следит за передвижениями сотрудников миссий, а третий отвечает за проведение травли военных миссий.

3-й главный отдел отвечает за наблюдение над экономической жизнью Восточной Германии. Его задача — увеличение продукции и трудовых норм. Он карает такие «преступления», как частые болезни рабочих, неофициальные отпуска и жалобы о сокращениях. В последнее время 3-й отдел был занят коллективизацией сельского хозяйства.

В настоящее время не существует 4-го главного отдела. Он был «реорганизован», и его функции были переданы другому отделу.

5-й главный отдел наблюдает за «преданностью» всех официальных лиц и гражданских служащих Восточной Германии. В его обязанности также входит контроль за всеми религиозными организациями, который осуществляется с помощью угроз и травли.

В Министерстве государственной безопасности есть отдел, состоящий из 6300 человек, которые занимаются охраной руководителей государства от их собственного народа.

В одном из пригородов восточной части Берлина есть заведение, которое носит безобидное название «Школа управления». На самом деле, по словам дезертиров, закончивших ее, это «Школа разведчиков» Главного управления разведки (ГУР) Министерства государственной безопасности Восточной Германии.

ГУР — элитное отделение иностранной разведки, в чьи задачи входит организация сетей и добыча информации как в Западной Германии, так и в других странах.

«Школа разведчиков» находится под прямым контролем подполковников Руди Бартонек и Вилли Возла, но внимание ей уделяет и сам руководитель ГУР генерал Маркус «Миша» Вольф.

40 студентов школы, проходящие обучение в течение одного года, отбираются специальной комиссией ГУР. Больше половины студентов нигде до этого не работали.

Все студенты получают вымышленные имена и фальшивые документы, и им запрещается, под угрозой строгого наказания, раскрывать свою личность даже друг другу.

Занятия идут шесть дней в неделю, с 8 часов утра до 6.30 вечера с перерывом на обед. По утрам в воскресенье — обязательные занятия спортом. Вторая половина воскресного дня «свободна», если нет домашнего задания. Отбой в 11 вечера.

Первые шесть месяцев отводятся политической учебе и изучению иностранных государств. Диалектический материализм, история коммунистической партии Советского Союза, классовая структура иностранных государств, сила коммунистических партий этих стран — только немногие из изучаемых предметов.

Особое внимание уделяется политическим партиям Западной Германии, их составу, структуре, внешним и внутренним разногласиям; структуре правительства Западной Германии, особенно силовым министерствам: Министерству обороны, Министерству иностранных дел, Министерству по общегерманским делам и Федеральному казначейству; армии Западной Германии и ее отношениям со странами НАТО.

Вторые полгода отводятся изучению практических предметов, таких как аудионаблюдение и использование аудиооборудования, взлом замков и изготовление копий ключей. Каждый студент должен сделать два тайника для передачи информации, с которыми будут работать остальные. Они должны подготовить и провести две встречи, на которых роль секретного агента играет опытный сотрудник ГУР. Во время встречи они должны обмениваться фотографиями секретных объектов.

Для того чтобы подготовиться к работе, студенты изучают этикет, литературу, архитектуру и религию. В течение всего года они изучают английский язык, фотографию, вождение, занимаются спортом и рукопашным боем.

По завершении курса обучения студенты едут в Западную Германию. Цель поездки — познакомиться с целями, над

которыми они будут работать, познакомиться с местностью, что позволит лучше инструктировать и контролировать их агентов, а также проверять соответствие докладов действительности.

В каждом году примерно половина студентов — около 20 человек — становятся резидентами, живущими в Западной Германии. Они отвечают за развитие и работу сети агентов.

С 1955 года, времени основания школы, из Восточного Берлина уехало около 120 резидентов, у каждого из которых была агентурная сеть из числа местных жителей».

В ГУР работают 800 человек, которые с момента возникновения Управления в 1956 году контролируют около 20000 агентов в Западной Германии. Большинство из этих агентов работают, получая указания по радиосвязи. Также была создана «спящая» сеть, которая должна начать активные действия только в случае начала войны, как знаменитая «Красная капелла», созданная СССР во время Второй мировой войны. Западногерманские станции слежения регулярно записывают закодированные сообщения, передаваемые в промежутках между обычными трансляциями немецких радиостанций, таких как «Берлинер рундфунк». Часть сообщений записана на магнитофонную пленку и передается по радио на высокой скорости, поэтому такие сообщения звучат как помехи. Агент записывает такое сообщение и воспроизводит на обычной скорости.

Многие «спящие» агенты попали на территорию Западной Германии в качестве беженцев и стали частью общества, служа даже в правительственных учреждениях. Многие из них студенты, изучающие специальности, которые позволяют им в дальнейшем работать на правительство. Агенты, работающие на заводах, проникают в профсоюзы. Некоторые официальные лица Западной Германии боятся, что проникновение агентов было настолько широким, что они могут в случае необходимости парализовать страну забастовками, восстаниями и саботажем. Другие сомневаются в преданности этих агентов, которые могут забыть о своих обязанностях, прожив несколько лет в Западной Германии.

Подробнее о шпионаже Восточной Германии рассказал бежавший на Запад в декабре 1961 года сотрудник

Министерства государственной безопасности, работавший в американском отделе. Дезертирство лейтенанта Гюнтера Меннела настолько важно, что его иногда сравнивают с изменой Джорджа Блейка. В газетных интервью, в которых использована только небольшая часть той информации, которую он сейчас предоставляет западным разведывательным организациям, он говорит, что для проникновения в посольства США, Франции и Великобритании в Бонне использовались женщины. Он отмечает, что использование женщин было успешным во всех посольствах, кроме британского. Меннел утверждал, что менее успешно Министерство вербовало американских туристов, посещающих Восточную Германию. Оказывается, что они приезжают посмотреть на коммунизм в действии не потому, что они его сторонники, а потому, что они его враги.

Одним из самых интересных моментов признаний Меннела стал рассказ о том, как спецслужбы Восточной Германии готовят поддельные документы западных стран. Он сказал, что паспорта приезжающих иностранцев часто фотографируются специальным оборудованием на пограничных пунктах. Паспорт задерживается за матовым стеклом на пятнадцать минут, которых достаточно для фотоснимка. «Если бы я захотел дать агенту личность жителя Западной Германии, — говорит он, — это было бы очень просто, потому что мы можем делать западногерманские паспорта. Я бы заполнил бланк требования и отнес его в 6-й отдел. Я бы сказал, что мне нужен паспорт на темно-волосого лысеющего мужчину около сорока пяти лет, занимающегося продажей швейных машин в Рейнланд-Пфальце, родом с севера страны, женатого, имеющего одного или больше детей. Сотрудники 6-го отдела проверят свои сейфы, и очень скоро у меня будет паспорт на такого человека, очень похожего на того, кто на самом деле живет в Западной Германии». Лейтенант Меннел сказал также, что в большинстве случаев вербовки идеологические причины не играют почти никакой роли.

То же самое можно сказать и об агентах, завербованных ГУР, которое угрожает людям шантажом или подкупает их. Способы работы ГУР подробно описаны в «черной книге» Западного Берлина.

1. Потенциальному агенту, который совершил уголовное преступление или которого заставляют верить, что он

его совершил, предлагают отсрочить наказание взамен на выполнение задания.

Недавно в фотоателье Герберта Реппина, живущего в Восточном, а работающего в Западном Берлине, пришла красивая полногрудая девушка. В ее голосе смешивались робость и бесстыдство — она объяснила, что ее друга, офицера восточногерманской армии, перевели служить далеко от Берлина и что он хотел взять с собой несколько ее фотографий, на которых она была бы обнаженной. Сначала Реппин колебался: осторожность — привычка берлинцев, но в конце концов согласился, когда она предложила ему хорошую плату.

Через неделю в дом Реппина вломились агенты ГУР и арестовали его. Они показали ему фотографии и напомнили, что за «порнографию» ему грозит долгое тюремное заключение. Однако тут же предложили: если он согласится выполнить «специальное» задание, негативы уничтожат, а ему хорошо заплатят.

Реппину дали поддельные документы на имя гражданина Западной Германии Курта Ланге, и в последующие несколько месяцев он путешествовал по ФРГ, отправляя в Восточную Германию сотни фотографий различных объектов: станций метро, полицейских участков, частных домов и так далее. Он побывал в Мюнхене, Вюрцбурге, Гамбурге, Франкфурте и Бонне. К тому времени, когда его арестовали, он получил около 1000 долларов за фотографии, которые отправил курьеру в Западном Берлине.

2. Беженцам в Западной Германии говорят, что, если они не будут сотрудничать, пострадают их семьи, оставшиеся на Востоке.

Илзе Пол, медсестра, работающая в Западной Германии, однажды была встревожена телеграммой, в которой говорилось, что ее мать серьезно больна. На первом же поезде она поехала в Глаухау, город в шестидесяти милях от Дрездена. Оказалось, что мать прекрасно себя чувствует. Илзе решила остаться на несколько дней. В следующий вечер ее схватили сотрудники ГУР, которые допросили ее о работе в комендатуре. Полковник ГУР прозрачно намекнул, что беспокоится состоянием ее матери и предложил Илзе работать на их организацию. Она согласилась.

3. Потенциальному агенту угрожают личной мстью.

Ганс Ноймейер, тридцатисемилетний сотрудник та-

можни Западного Берлина, решил провести медовый месяц на Северном море, для чего ему нужно было проехать по территории Восточной Германии. Его остановили и допросили сотрудники ГУР. Они сказали, что пропустят только в том случае, если он подпишет письменное соглашение о встрече в определенное время с агентом Восточной Германии в Западном Берлине. Через несколько месяцев ему позвонила женщина. Он не обратил внимания на этот звонок. После этого получил письмо, в котором ему напоминали о его обещании. Письмо он разорвал. Примерно через год его жена получила анонимное послание, в котором говорилось, что ее муж изменяет ей, в письме лежала фотография обнаженной женщины.

4. Заключение, отбывающим наказание, предлагается освобождение взамен на выполнение задания.

В тюрьме Лихтенберг отбывал восьмилетний срок политический заключенный, обвиненный в подстрекательстве к войне. Его перевели в мастерские ГУР, где он работал четыре года. Ему предложили освобождение из тюрьмы, если он согласится выполнить задание по шпионажу в Западной Германии. Когда тот согласился, власти организовали побег, чтобы дать ему хорошее прикрытие.

В «западной работе» участвуют еще две организации Восточной Германии. В военной разведке VFK (Verwaltung für Koodinierung) служат 500 офицеров, которые заняты сбором информации о союзных войсках в Западном Берлине и войсках НАТО, расположенных в ФРГ. Эта организация тесно сотрудничает с советским ГРУ, чьи сотрудники проходят курсы немецкого языка в подготовительной школе в городе Клиц-на-Эльбе. Школа называется «Школа иностранных языков Министерства обороны», курс обучения длится полтора года. В военной разведке есть специальные лаборатории, в которых изготавливают фальшивые документы, невидимые чернила, другие химикаты.

Кроме того, отдельной разведывательной сетью обладает и Объединение профсоюзов Восточной Германии. Эта сеть собирает экономическую информацию с помощью агентов, работающих на заводах Западной Германии, а также руководит деятельностью агентов, внедренных в ее профсоюзы. Прикрываясь профсоюзным движением, Объединение профсоюзов вербует своих агентов во всех сферах

экономической жизни Западной Германии — от банков до сталелитейных заводов.

В восточной части Берлина работает большой исследовательский центр Министерства государственной безопасности. На самом деле это лагерь, заключенные которого — западные ученые и техники, разрабатывающие оборудование для шпионажа. Центр производит микрокамеры, невидимые чернила, миниатюрные микрофоны, подслушивающее оборудование, наркотики, поддельные документы, печати. Отдел, изготавливающий поддельные документы, возглавляет старый коммунист Рихард Кваст, сделавший свой первый фальшивый паспорт в начале тридцатых годов.

В то время Кваст возглавлял крупнейшую в мире подпольную сеть. В 1932 году, с приходом к власти Гитлера, около 600 лидеров немецких коммунистов были вынуждены уйти в подполье. Кваст, под руководством которого было семь художников, получил украденные бланки паспортов нескольких стран и приготовил из них прекрасные подделки. Он подделывал и настоящие немецкие паспорта, меняя страницы и визы. Кваст, которого члены сети знали как Абея, руководил агентствами по всей Европе, у него было около тридцати «филиалов» в Германии. В свои лучшие дни подпольная сеть насчитывала около тысячи коммунистов. В 1932 году полиция провела обыск в главной мастерской, в которой обнаружила 2000 печатей, 600 бланков паспортов, 800 фотографий на паспорта, 700 полицейских бланков. Кваст бежал в Прагу, позже он оказался в Париже, а затем в Мехико. Он вернулся в Германию (Восточную) в 1947 году и вновь занялся своей профессией.

Ветераны «Красной капеллы» и других разведывательных организаций помогают разрабатывать оборудование, которое иногда ставит в тупик полицию Западной Германии. Недавно около берлинской штаб-квартиры социал-демократической партии остановился грузовик с вращающимся вентилятором на крыше. Он привлек внимание полицейских, так как простоял там достаточно долго; в результате обыска в вентиляторе была обнаружена камера, которая снимала всех, кто входил и выходил из здания. Микрокамеры находили в наручных часах и зажигалках —

завод часов или поворот колесика на зажигалке взводил затвор камеры. Маленькие магнитофоны, укрепленные на стене дома, обладают достаточной чувствительностью, чтобы записывать то, о чем говорят внутри.

Этот центр также разрабатывает средства уничтожения. У одного агента, арестованного в Западном Берлине, обнаружили духовое ружье, замаскированное под зажигалку. В нем был яд кураре, смертельная доза которого составляет всего 0,025 г. У другого агента нашли коробку шоколадных конфет с коньяком. Коньяк был в одной конфете, а в остальных — наркотик. Агент предлагал конфету с наркотиком своей жертве, а сам брал обычную, чтобы не возбудить подозрения.

Все эти способы кажутся слишком далекими от шпионажа, но для офицеров Восточной Германии они стали привычными. А количество похищений людей, совершенных в Западном Берлине с 1945 по 1958 год, говорит о том, что наркотики и насилие применяются довольно успешно, — за этот период агентами Восточной Германии в Западном Берлине было похищено 63 человека, в четырех похищениях применялись наркотики, а в остальных насилие.

В разведывательных организациях как Восточной, так и Западной Германии существуют отделы, которые можно назвать «отделами злонамеренного озорства». Эти шутники от шпионажа придумывают сотни писем и газетных объявлений, которые должны сеять замешательство и способствовать деморализации.

Например, молодой человек, живущий в Восточном Берлине, получил официальное письмо, на котором стояла печать Министерства внутренних дел ГДР. В письме говорилось: «Настоящим Вам приказывается прийти в вышеуказанный призывной пункт для беседы о Вашей службе в Народной армии. Вы должны принести с собой документы. Вам будет оплачена стоимость проезда. В случае, если Вы не сможете прийти, Вы должны прислать объяснение». Такие же письма получили тысячи молодых людей, многие из которых в назначенный день пришли на призывные пункты, внеся полную неразбериху в их работу. Работникам призывных пунктов, которые ни о чем не подозревали, пришлось разбираться с сердитыми толпами, требовавшими оплаты проезда.

В Западном Берлине соседи полицейского получили

анонимное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Под этим благопристойным видом скрывается злой, распущенный человек. Он нарушал обещания жениться, склонял своих любовниц к шпионажу, заставил нескольких своих подруг сделать аборт».

В Восточном Берлине рабочий, член коммунистической партии, получил такое приглашение:

«Вы приглашаетесь на праздник в честь первой годовщины Народной армии, который состоится в актовом зале нашего министерства. Мы хотим, чтобы Вы отпраздновали годовщину существования нашей армии вместе с нами. Ваше присутствие заявит о крепкой связи жителей страны с ее армией, о непоколебимой решимости сохранить мир и приумножить успехи нашего социалистического общества».

Сотни счастливых граждан приехали на праздник в честь годовщины армии только для того, чтобы их встретили свирепые охранники, не пропустившие их в министерство. Люди решили, что эта награда за их рвение была слишком странной.

В газете Западного Берлина появилось объявление, которое говорило о распродаже мебели и офисного оборудования в здании Лиги свободных юристов. К зданию Лиги приезжали толпы желающих купить мебель, и сотрудники потратили почти весь день на то, чтобы объяснить, что это объявление было ошибкой.

Подобные кампании дезинформации, угроз, анонимных писем и фальшивых приглашений происходят ежедневно. Одним из самых низкопробных трюков стало письмо, которое получили беженцы из Восточной Германии, находившиеся в лагере «Мариэнфельде». В письме говорилось, что парламент Германии своим решением постановил выдать каждому беженцу по 50 марок в качестве рождественского подарка.

Почти все сотрудники государственных учреждений Западной Германии получали анонимные письма. Показателен случай, произошедший с семьей, которая работала в Ассоциации политических беженцев. Муж получил письмо, в котором ему рекомендовали «следить за женой, потому что ее отношения с шефом начинают переходить границы нормальных деловых контактов». В то же время

жена получила с почтой такое письмо: «Кто дал тебе право выкачивать информацию из ничего не подозревающих людей? Я могу сказать тебе только одно: я прослежу, чтобы тебя все знали и избегали, потому что это то, чего ты заслуживаешь, сучка».

Эта бумажная война помогает поддерживать напряженность в обоих лагерях Германии. Сегодня трагически разделенная Германия — аванпост разведывательных служб двух блоков, ставший, по словам одного из официальных лиц, «нацией шпионов».

15. БУДУЩЕЕ ШПИОНАЖА

Какое будущее у шпионажа? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно ответить на целый ряд других.

1. Какие изменения произошли в шпионаже? Шпионаж — любопытная смесь старого и нового. Невидимые чернила и тайники применяются уже тысячи лет. Возможно, свитками Гордона Лонсдейла пользовался какой-нибудь шпион в древнем Китае.

Шпион, когда его раскрывают, все еще сталкивается с тем, что Уинстон Черчилль назвал «известным наказанием». Шпиона, когда к нему в дом входит полиция, все еще можно увидеть жуящим секретные документы. Ему все еще говорят, что самоубийство предпочтительнее ареста (не для него, а для его страны). И он все так же зависит от того, что он видит и слышит. Китайский военный теоретик Сун Цзы сказал, что только с помощью человека можно узнать о войсках противника. Через двадцать пять столетий Комптон Макензи признал, что самой надежной разведкой остается «наблюдение на местности». В связи и передаче данных произошли существенные улучшения. Ушло то время, когда один человек мог составить план всей кампании. Радио, радары, магнитная лента, самолеты, компьютеры и многие другие технические достижения — все это добавило новое измерение в мир шпионажа. Но все это только помогает основному элементу — человеку-шпиону.

Настоящие изменения в шпионаже произошли как квантовый скачок: не улучшение существующего метода, а полное переосмысление проблемы. Такой квантовый скачок произошел с появлением «шпиона в небе» — спутника, фотографирующего территорию противника, находясь на

околоземной орбите. Первый спутник проекта «Самос» (система наблюдения за спутниками и ракетами) был успешно запущен 3 января 1961 года с космодрома Пойнт-Аргелль в Калифорнии. Эта дата может стать исторической в анналах шпионажа и сделать самого секретного агента таким же устаревшим, как и алебарду.

Это может произойти потому, что «Самос» со своей орбиты может различить такие детали, которые человеческий взгляд различает с расстояния 100 футов (30 м). «Самос» очень надежен. С помощью специальной капсулы отснятая пленка посылается на Землю, кроме того, ведется постоянная передача того, что снимают его телекамеры. Теоретически, он может сфотографировать всю территорию Советского Союза, показав движение на дорогах и места дислокации войск. Это постоянный глазок в лагерь врага. «Нью-Йорк таймс» писала в октябре 1960 года, когда спутник «Самос» не достиг заданной орбиты из-за неполадок, уничтоживших вторую ступень ракеты: «В военных кругах проект «Самос» считается очень важным».

Вот что такое «Самос», и что он может делать. Это спутник массой 5 тонн, выводимый на орбиту ракетой-носителем «Атлас». Ракета «Атлас» весит 262000 фунтов (120 тонн) при высоте 77 футов (24 м). Вторая ступень, включающая в себя отсек для спутника, имеет форму сигары, ее длина 22 фута (7 м). Орбита «Самоса» направлена с севера на юг на высоте 300 миль (480 км), спутник делает один виток вокруг Земли за 95 минут. На его борту стоят фотокамеры «Кодак» и «Анско», чувствительность которых позволяет делать снимки при звездном свете. Фотографии по качеству соответствуют фотографиям, получавшимся с самолета-разведчика У-2, к тому же «Самос» может попасть туда, куда не мог попасть У-2. Фотографии проявляются автоматически на борту спутника. Он наклонен так, что его носовой отсек всегда направлен к Земле. Действие спутника ограничивается двумя препятствиями — время работы его передатчиков составляет всего двадцать дней, а количество топлива, используемого двигателями для ориентировки фотокамер, также ограничено.

У проекта «Самос» есть аналог «Мидас» — спутник, оснащенный инфракрасными фотокамерами, которые позволяют предупреждать о запуске ракет. Когда спутники «Самос» и «Мидас» будут улучшены (сейчас идут орби-

тальные испытания, но Пентагон не раскрывает деталей проекта), «Мидас» будет предупреждать о ракетном нападении за 15 минут, а не за полчаса, которые возможны благодаря использованию радаров и систем раннего оповещения. «Самос» будет передавать данные о перемещениях войск и другой подозрительной активности в СССР. В ЦРУ знают, что Советский Союз также работает над подобными программами и что его электронный шпионаж развивается быстрыми темпами. Наступит день, когда спутники-шпионы обоих блоков образуют ожерелье вокруг нашей планеты, высматривая начало возможной агрессии.

Еще одно изменение связано с функцией шпионажа. С одной стороны, шпион продолжает собирать информацию, с другой стороны, он должен поощрять дезертирство и диверсии. Сегодня разведывательные организации борются за убеждения человека. ЦРУ возлагает свои надежды на недовольство режимом, которое заставляет бежать из СССР высокопоставленных офицеров разведки и официальных лиц. ЦРУ также привлекает опасная вера в неизбежный раскол коммунизма. Бывший пленник концентрационного лагеря в Маутхаузене вспоминал, как коммунисты, находясь в лагере, через несколько месяцев создали антипартийную группу и постоянно ругались между собой. Такие расколы и ссоры поощряются ЦРУ везде, где бы они ни возникали по обе стороны железного занавеса. Все разведывательные службы Запада питают надежду, что коммунизм разрушит себя внутренними противоречиями и репрессиями. Советский Союз, с другой стороны, обещает, как обещал сорок лет, что коммунизм будет заботиться о своих агентах. Советская разведка также считает психологическую войну частью своих обязанностей. Она разжигает разногласия в лагере Запада, как это было с путчем в Алжире, когда Советы смогли убедить французское правительство в том, что ЦРУ имеет к восстанию непосредственное отношение.

2. Осталась ли в шпионаже романтика? Некоторые истории, рассказанные автору этой книги во время работы над ней, показывают, что вокруг образа профессионально-го шпиона все еще сверкает ореол очарования.

Одной из причин успеха британской разведки называют любовь англичан к хобби. В какой еще стране можно найти человека, который может в случае необходимости

провести вас горной тропой в Пелопоннесе только потому, что он однажды был там в походе? Где еще можно найти человека, досконально знающего побережье Франции потому, что он там собирал ракушки?

Одной из причин испано-американской дружбы называют возможное существование огромного подземного озера на острове Менорка, входящем в состав Балеарских островов. По этой теории, США намерены построить на этом озере базу для подводных лодок и атомного оружия, которую можно будет сравнить только с французской базой ВМФ в тунисском городе Бизерта. Причина дружбы США и Турции — прекращение Турцией археологических раскопок вблизи американских военных баз.

Одна из самых ужасных мыслей холодной войны: наблюдатели, присутствовавшие на встрече Кеннеди и Хрущева в Вене, заметили, что после первого общения Кеннеди был очень бледен, как будто его сильно испугали. Это объяснили болезнью спины, которая начала беспокоить его еще в Париже, а к приезду в Вену доставляла серьезные неприятности. Однако некоторые вспомнили слова, которые Хрущев произнес на съезде коммунистической партии в 1958 году: «У наших ученых есть то, о чем мне даже страшно говорить». Думал ли он о нейтронной бомбе или же советские ученые совершили квантовый скачок и пришли к «абсолютному оружию» — не большей по размерам и мощности бомбе, а к новому оружию, которое так же отличается от бомбы, как бомба от дубинки? Это может быть что-то из электронного оружия, которое способно менять ролями проводники и изоляторы.

Изолятор стал проводником. Он может поразить током человека, ведущего машину, разговаривающего по телефону, пользующегося любым электроприбором. Мог ли Хрущев сказать Кеннеди, что у него есть абсолютное оружие? Это звучит как химера из научной фантастики, но каждый, кто проводит время в сомнительной компании разведчиков и «специальных» агентов в Женеве, Вашингтоне и Берлине, слышит такую «информацию» каждый день.

3. Нужны ли огромные сети шпионов, поглощающие миллиарды долларов и жизни людей, которые ухудшают обстановку в мире?

По своей сути шпионаж похож на вооружение. Пока

одна сторона практикует тотальную разведку и посылает своих агентов, которые должны похищать военные секреты, другая сторона должна отвечать на эту угрозу. Почему мы снова начали испытания ядерного оружия? Потому что их возобновило советское правительство. Зачем нам нужна такая мощная разведывательная организация? Потому что у СССР такая же. В этой связи иногда вспоминают «теорию бизнесмена»: пока кто-то хочет платить, он может получить почти всю секретную информацию. Так, Запад выиграет битву разведок, если получит настолько же ценную информацию, но за меньшую плату.

Запад также может сослаться на защитный характер своей разведки. Европейские страны нужно предупредить об угрозе внезапного нападения. Передвижения войск, сила ракет, воздушные базы, секретное оружие — все это и многое другое должно быть известно для создания точной картины намерений Советского Союза в холодной войне. Советская сторона, имеющая опыт многих других войн, оправдывает свою деятельность почти так же. В этом смысле разведка тоже оружие. Мы готовимся к возможной обороне. Все агрессивные действия совершаются как превентивные меры. Западная разведка изменилась во многом благодаря принципу ЦРУ влиять на шествие коммунизма по миру. За прошедшие десять лет оно приняло участие в нескольких крестовых походах, часть из которых остановила распространение коммунизма (Гватемала), а другая часть помогла ему (Куба). В других странах, где тоже чувствуется рука ЦРУ, борьба еще продолжается (Иран)..

Никто, кроме президента Кеннеди, его кабинета и советников, не знает настоящего баланса ЦРУ. Возможно, успехи этой организации под руководством Даллеса были настолько впечатляющи, что президент готов простить несколько фиаско, подобных кубинскому (особенно потому, что он сам принял участие в провале действий на Кубе). Вскоре после избрания на должность президент Кеннеди согласился, что Даллес может уйти в отставку, увидев, как этот монстр поднимается с «глубокого дна», заполняя новое здание в Вирджинии. Первым кандидатом на пост руководителя ЦРУ стал Фаулер Гамильтон, адвокат из Нью-Йорка. К этому предложению он отнесся прохладно и сказал, что в любом случае уйдет с поста после окончания первого срока президентства Кеннеди.

После этого заявления его кандидатура была снята, потому что президент руководствовался принципом Даллеса, который был убежден, что работа в разведке должна быть карьерой, а руководитель разведки должен способствовать преемственности в работе.

Этот пост был предложен и Артуру Х. Дину, возглавлявшему американскую делегацию на переговорах о запрещении испытаний ядерного оружия, проходивших в Женеве. Дин поразил Кеннеди своим знанием советской атомной силы. Он отказался от предложения, сказав: «Меня воспитывали как юриста, и я привык говорить правду. Боюсь, ЦРУ будет слишком сложным для меня». Когда президент попросил его подумать еще раз, Дин ответил: «Я не передумаю».

27 сентября президент Кеннеди объявил, выступая в военно-морском колледже в Ньюпорте, что он нашел подходящего человека. Он сказал:

«Я попросил мистера Джона Мак-Кона принять на себя ответственность руководства Центральным разведывательным управлением, и я попросил его возглавить Управление этой осенью... Через две недели он начнет работать с мистером Даллесом и в ноябре примет руководство Центральным разведывательным управлением».

Я не знаю другого человека, который служил обществу так храбро и беззаветно, как мистер Аллен Даллес, и я, выразив удовольствие от того, что его сменит мистер Мак-Кон, хочу выразить мое искреннее сожаление, что мистер Даллес должен уйти в отставку в возрасте шестидесяти восьми лет, из которых десять лет он посвятил работе в Управлении. Он согласился стать моим консультантом по вопросам разведки, и его опыт работы в этой области будет служить всем людям нашей страны».

Президента сопровождали и Даллес, и Мак-Кон, которые также сказали несколько слов. Так закончилось десятилетнее руководство Даллеса ЦРУ. Но он остался помогать Мак-Кону. Даллес ушел в отставку 29 ноября, в этот день президент Кеннеди вручил ему правительственную награду. Даллес планирует написать книгу о шпионаже.

Джон Алекс Мак-Кон соответствует всем требованиям, предъявляемым к руководителю ЦРУ, кроме одного —

у него нет опыта работы в разведке. Однако в его пользу говорит следующее:

Ему пятьдесят девять лет, он здоров, силен, и от него, как и от его предшественника, можно ожидать десять лет хорошей работы.

Он республиканец, второй раз работает в правительстве демократов (в 1947—48 годах он состоял в правительстве Трумэна, а в 1950—51 годах был заместителем министра ВВС), конгрессмены от демократической партии относятся к нему хорошо. В то же время он друг Дуайта Эйзенхауэра и Ричарда Никсона.

Он — воин холодной войны, которого никто не сможет обвинить в потворстве русским. Возглавляя Комиссию по атомной энергии в 1958—1961 годах, он боролся с запретом испытаний атомного оружия и сказал ученым, которые выступали за введение запрета: «Ваше предложение испугает тех, кто не знает всех деталей... вы, очевидно, попали под влияние советской пропаганды». Когда запрет на испытания был введен, он постоянно обвинял Советский Союз в проведении подземных испытаний. Он был в Советском Союзе и не питает иллюзий относительно характера холодной войны. 10 лет назад, когда он был заместителем министра ВВС, то способствовал реализации ракетной программы, которая обходилась в 2 млрд. долларов в год. (Его назначению на должность директора ЦРУ препятствовали нейтральные группы, утверждавшие, что Мак-Кон будет продолжать «агрессивную холодную войну» ЦРУ.)

У него очень цепкий ум. Он получил степень в Калифорнийском университете, в возрасте тридцати двух лет стал вице-президентом сталелитейной компании, во время Второй мировой войны руководил огромной корпорацией «Калифорния шипбилдинг». Под его руководством компания построила 467 кораблей на общую сумму 1 млрд. долларов.

В то время когда ЦРУ все еще зализывает раны и проходит через реорганизацию, его возглавляет упрямый, решительный человек. В то же время Мак-Кон известен как прекрасный политик, который смог уладить разногласия в Объединенном Комитете конгресса по атомной энергии. Чет Холифилд, руководитель комитета, сказал, что «он сотворил чудо, создав гармоничный комитет, который был нужен нам всем».

Хотя Мак-Кону не хватает опыта работы в разведке, который сделал прекрасного шефа из Даллеса, он готов к наращиванию научной базы шпионажа. Его впервые называли преемником Даллеса, когда Советский Союз 1 сентября 1961 года возобновил испытания атомного оружия. Знание силы этого советского оружия, которым обладает Мак-Кон, необходимо в современной разведке.

Несмотря на эти достоинства Мак-Кона, нашлись люди, которые спрашивали: как для руководства одним из важнейших агентств страны могли выбрать человека, которого «Нью-Йорк таймс» назвала «инженером в глубине души»? Означает ли это снижение уровня ЦРУ? Очевидно, нет. Президент Кеннеди сказал в своей речи о назначении Мак-Кона на этот пост, что он «сделает все, чтобы это агентство продолжало оставаться эффективным инструментом политики нашего государства».

Очевидно, Мак-Кон был выбран на этот пост из-за своей несговорчивости во всем, что касается Советского Союза. Он вряд ли будет иметь меньшее значение в администрации президента, чем Даллес. Кажется, что ЦРУ уже оправилось от весеннего кризиса. Согласно устным докладам президенту Кеннеди, сделанным специальным комитетом, состоящим из Роберта Кеннеди, генерала Максвелла Тейлора и адмирала Арлея Бурке, в структуре ЦРУ произойдут изменения, которые отделят разведывательные функции от оперативных. Это поможет Управлению избавиться от его мессианского качества. Агентство больше не будет поддерживать переворот, который оно должно было подготовить. Но, возможно, это не изменит политику тайного вмешательства в дела государств, в которых существует возможность захвата власти коммунистами. Бюджет ЦРУ скорее всего будет расти вместе с объемом разведывательных данных, которые ежедневно докладываются президенту.

Правительство СССР недавно воздало должное существованию тотального шпионажа. На съезде Союза писателей страны, состоявшемся весной 1961 года в Москве, была подчеркнута важность шпионажа. Писателей укоряли за недостаточное количество советских книг о разведчиках, в то время как на Западе масса шпионской литературы прославляет отважного агента ЦРУ, борющегося с негодяем из КГБ.

Писатели сразу же начали писать книги, рассказывающие о том, как советские разведчики похищают у врагов государственные секреты и обычно в последней главе произведения уезжают с таинственной блондинкой. Эти книги как две капли воды похожи на те, которые издаются на Западе. Но это только часть того, что говорится о секретной войне в СССР. Кроме этого, в Советском Союзе постоянно чувствуется атмосфера бдительности, а в советских газетах стали чаще появляться статьи, рассказывающие о шпионаже. Эти статьи, основанные на реальных действиях советских разведчиков против нацистов во время Второй мировой войны, создают образ героя, защищающего советских людей от агрессии.

4. Как оценить эффективность тотального шпионажа?

Некоторые критики шпионажа периода холодной войны говорят о его бесполезности. Выдвигается четыре основных возражения. Во-первых, сегодня осталось немного секретов, похищение которых оправданно. Научный уровень обеих сторон таков, что разработать самим новое оружие гораздо легче, чем украсть его у противника. Вера в то, что русские похитили у американцев секрет атомной бомбы во время Второй мировой войны, подвергается сомнению всеми ответственными источниками.* Передвижения войск отслеживаются радарами и станциями наблюдения. Криптографические компьютеры могут взломать любой код. Известно, что шифровальные агентства всего мира сейчас стараются использовать при разработке шифров малоизвестные диалекты своих стран. Говорят, что АНБ разрабатывает шифры на базе языка индейцев навахо, диалекту которых посвящено всего несколько книг. Единственный способ, которым русские могут взломать этот код, — завербовать навахо, который будет работать на них. Советские шифровальные бюро также используют малоизвестные диалекты, существующие в СССР.

Во-вторых, критикуются «нелегальные» агенты, веду-

* Вывод автора, несомненно, устарел. В последние годы в печати появилось достаточно материалов, доказывавших выдающуюся роль советской разведки в раскрытии секретов разработки и производства атомного оружия в США и Великобритании. См., напр., книги генерал-лейтенанта НКВД П. А. Судоплатова «Разведка и Кремль» (М., 1996) и «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» (М., 1997). (Прим. ред).

щие скрытное существование, которое не окупается в мирное время. Те из них, кто был задержан, не передали Центру сенсационных данных. Александр Фут писал в своей книге «Руководство для шпиона», что «настоящие трудности обычного шпиона связаны с его работой. Установка передатчиков, получение средств, организация встреч — эти детали занимают очень большую часть его жизни».

Другими словами, для занятия собственно шпионажем остается не так уж много времени. Отправить «нелегального» агента на территорию противника — подвиг, но, как только он завершен, агент может сделать очень мало. Малкольм Маггеридж, автор книги «Новый политик», сравнивал нелегального агента с соблазнителем, который постоянно «обманывает и хитрит. Со временем его хитрости теряют смысл. Он настолько занят тайной перепиской, выдумыванием алиби и легенд, что у него не остается ни времени, ни сил, ни желания воспользоваться возможностями, которые должны предоставлять эти действия».

Еще один недостаток «нелегальных» агентов заключается в том, что их энтузиазм может остыть или, наоборот, стать чрезмерным. Шпион может, как это было в случае с Джеком Соблом, резидентом советской разведки в США, посвятить больше времени своей легенде (в случае Собла — бизнес), нежели отправке сообщений в Москву. По словам Бориса Морроса, Собл больше интересовался «выкачиванием денег из Москвы и их тратой», чем другими проблемами. Агент также может, как герой книги Грэма Грина «Наш человек в Гаване», создать сеть агентов и отправить «центру» модель нового оружия, придуманного им самим из пылесоса.

Тип человека, работающего в разведке, — еще один объект критики. Причины, приводящие его в шпионаж, не всегда похвальны. В разведывательные организации то и дело попадают невротики, хвастуны, люди, навсегда оставшиеся подростками, и другие сомнительные личности.

Многие из них работают успешно, несмотря на их причуды и недостатки, и в ЦРУ есть несколько высокопоставленных сотрудников, которые регулярно проходят курс лечения у психоаналитика. Маггеридж писал:

«Главная слабость разведывательной организации заключена в ее персонале. Человек, подобный Гаю Берджессу, обязательно будет работать в разведке, и он в ней преуспеет. Если бы Берджесс не бежал в Москву, он бы очень высоко поднялся в МИ-6, может быть, даже стал бы руководителем этой службы. Его характер вполне подходил для этого — энергичный, общительный, хвастливый. В разведывательные организации часто попадают люди, которые соответствуют всем требованиям этих служб, но впоследствии оказывается, что именно такие люди наносят им самый большой ущерб. Блейк был блестящим сотрудником. Он соответствовал всем требованиям, но оказался ненадежен. С советской стороны таким человеком был Петров».

В сегодняшних разведывательных организациях все еще есть место для таких высокопарных людей, хотя существует и обратная тенденция. Недавно на одном из вечеров в Вашингтоне хозяйка дома спросила скромного маленького человека, где он работает. «В ЦРУ», — ответил он. «Это, должно быть, очень интересно», — заметила хозяйка. «Боюсь, что нет, — со вздохом ответил маленький человек. — Я работаю в финансовом отделе». Тысячи людей, занимающихся сейчас разведкой, выполняют такие же обязанности, какие они могли выполнять в любом другом учреждении. Единственное отличие заключается в том, что они не могут рассказывать о своей работе. Это также может привести к психологическим нарушениям, неудовлетворенности и отставке.

Противоречия заключаются и в том, что сотрудники разведки не могут точно отличить правду от лжи. Но эта ситуация стала объектом критики не только отдельного сотрудника, но и всей разведывательной структуры Советского Союза. Джордж Ф. Кеннан писал в своей книге «Россия, атом и Запад»*:

«Последнее время меня часто спрашивают, почему люди такого склада ума, как советские лидеры, руководящие сложной и дорогостоящей разведывательной сетью, могут знать

* George F. Kennan. Russia, the Atom and the West (London: Oxford University Press, 1958).

о чем угодно, но только не о нас и не о том, что относится к нам. Я хотел бы ответить на этот вопрос».

Кеннан утверждает, что анализ данных в советской разведке искажен, «потому что за сорок лет коммунистическая партия отняла у разведчиков возможность применять к полученным данным по-настоящему объективный анализ природы западного общества». Причина этого заключается в следующем:

«Такой анализ подвергнет опасности основные принципы, которыми дорожит русский коммунист... советские лидеры должны видеть искаженный образ внешнего мира... их безразличное отношение к правде стерло различия между тем, во что они верят, и тем, что им удобнее говорить.

Сорок лет интеллектуального противостояния вызвали странные изменения в мозгу коммунизма, сделав его неспособным к различию фактов и вымысла в одной сфере его жизни, а именно в его отношениях с другими странами. Русский коммунизм всегда характеризовался способностью использовать ложь в качестве политического оружия».

Систематическое искажение правды может быть самой большой слабостью советской разведки. Изучая короткую историю ЦРУ, мы видим агентство, которое переняло многие методы работы у русских разведчиков и стало известным из-за агрессивных заговоров и сенсационных провалов. Что же в этом ободряющего? Ободряющим в этом может стать то, что все неудачи обсуждаются и анализируются, они приводят к изменениям, которые ограждают от повторения ошибок. ЦРУ принимает во внимание всю критику, относящуюся к деятельности агентства. Открыто показано опасное сходство методов и целей работы советских и американских разведчиков. Установлено соотношение между принципами демократии и необходимостью иметь эффективную разведывательную организацию.

Это первый парадокс: тоталитарные методы могут защищать демократические институты. Второй парадокс заключается в том, что демократия похожа на Ислам, который считает Иисуса Христа одним из святых наравне с Аллахом. Демократия достаточно сильна, чтобы противостоять внутренним противоречиям и абсурду. Мы живем в

обществе, в котором Бертран Рассел может попасть в тюрьму, в котором конгрессмен жалуется на то, что Государственный департамент выделил несколько тысяч долларов на театральные гастроли, в то время как миллионы долларов тратятся на свержение очередного латиноамериканского правительства. Какие из этих противоречий мы должны сохранить, чтобы противостоять советскому полицейскому государству с его деспотизмом и властью, основанной на страхе? Только силу, которая сможет выдержать почти все удары и сохраниться благодаря своей бесформенности. Демократическое общество считает ЦРУ изъёмом, но агентству разрешено существовать (как полагают, под растущим контролем), потому что оно доказало свою необходимость. Советская же разведывательная система — ядро режима, исчезновение которого может привести к концу коммунистической диктатуры, существующей уже сорок лет.

ЭПИЛОГ

Профессиональный советский шпион и пилот самолета У-2 встретились на белой линии, отмечающей середину старого моста, ведущего из Западного Берлина в Потсдам. Эта встреча была похожа на встречу двух противоборствующих группировок. Поля шляп опущены, руки в карманах, две группы людей осторожно шли по мосту Глинике, который в 1945 году был назван «Мостом единства». Человек, шедший впереди своей группы со стороны Берлина, сутулился. На нем была одежда американского покроя. На высоком человеке, стоявшем на другой стороне моста, была русская меховая шапка, широкие брюки. В сером свете утра мужчины стояли в центре моста, переминаясь с ноги на ногу. Через двадцать минут шепотом был подан приказ начинать. Человек в русской одежде шагнул на западную сторону моста, один из гражданских похлопал его по плечу и сказал: «Ты дома». Человек в американской одежде тихо присоединился к советской группе, стоявшей на потсдамской стороне моста.

Это была банальная сцена, но тем не менее она стала самым драматичным обменом шпионами в современной истории. Пауэрс и Абель были задержаны как шпионы, и правительства их стран не могли помочь им. Абель, верный своей профессии, отказался от сделки, которую ему предложили после ареста. Он не выступил на суде, хотя знал, что его выступление может смягчить приговор. Своему адвокату он сказал, что смирился и готов провести остаток жизни в тюрьме, отбывая тридцатилетнее заключение.

Пауэрс был летчиком, но его арестовали как шпиона.

Из-за отсутствия специальной подготовки и слабости характера его поведение не было героическим. Он говорил там, где Абель молчал. Где Абель не сделал ничего, чтобы повлиять на мнение присяжных, Пауэрс сделал все, чтобы смягчить свой приговор. Их дела похожи только тем, что ЦРУ отказалось признать существование Пауэрса, а ГРУ отказалось признать своим сотрудником Абеля.

Было много факторов, препятствовавших обмену. Советский Союз заявляет, что у него нет шпионов — шпионажем занимаются только империалистические страны. Но обмен Абеля и Пауэрса отразится на всем мире. Невозможно будет скрыть эту новость от советской общественности. Возвращение Пауэрса вызовет еще большие затруднения. Считать ли его героем или предателем? Устроить ли ему торжественный кортеж по Бродвею или он должен на десять лет отправиться в тюрьму за разглашение клятвы, которую он давал ЦРУ?

Джеймс Б. Donovan, адвокат Абеля, сыгравший ключевую роль в обмене, столкнулся с оппозицией, когда впервые заявил о такой возможности. Это было во время президентства Эйзенхауэра, и кабинет, ответственный за начало полетов самолета-разведчика У-2, отнесся безо всякого энтузиазма к возвращению человека, раскрывшего существование программы. Предложение обмена было сделано по советским каналам, и советская сторона не была против подобного шага. Но куда бы Donovan не обращался в Вашингтоне, он сталкивался с уклончивостью и отсрочками.

В июне 1960 года отец Пауэрса написал Donovanу письмо, в котором просил его устроить обмен для его «мальчика». Через Donovanа Абель попросил Пауэрса-старшего написать письмо его семье, живущей в Восточной Германии. Осенью 1960 года Пауэрс получил ответ, подписанный Еленой Абель, в котором она просила милосердия к ее мужу.

Просьба была отправлена Генеральному прокурору Уильяму Роджерсу, который сказал, что обменом лучше заняться уже во время президентства Кеннеди. В начале 1961 года Рид Козарт, поверенный Министерства юстиции по помилованиям, сказал, что для помилования нет достаточных оснований. Однако переписка между Donovanом и миссис Абель продолжилась, они вместе искали

возможности обмена. Генеральный прокурор Роберт Ф. Кеннеди и президент Кеннеди знали об идущем процессе. Кроме того, президент, чья администрация не была связана с У-2, понимал, что обмен поможет улучшить международные отношения.

Осенью 1961 года Донован получил разрешение на организацию обмена в Восточной Германии. В Берлине и Лейпциге он встречался с советскими официальными лицами, которым показывал письмо Козарта, в котором тот говорил, что приговор Абеля может быть изменен «при соответствующих обстоятельствах». Донован, действовавший как адвокат Абеля, по сути был дипломатом без ранга, выполнявшим важное правительственное задание. Он узнал, что русские выступают за обмен и, кроме того, готовы передать вместе с Пауэрсом еще одного американца, отбывавшего наказание за шпионаж, — двадцативосьмилетнего Фредерика Л. Прайора.

После переговоров, которые длились две недели, Донован сообщил президенту, что он договорился о проведении обмена. Президент подписал документ, по которому Абель освобождался в момент передачи Пауэрса американцам. В обстановке строжайшей секретности Абеля доставили в Форт-Дикс в штате Нью-Джерси — этот полет стал первым звеном путешествия, которое должно было вернуть его на родину. В это же время Пауэрса доставили из владимирской тюрьмы.

Состоявшийся обмен добавил еще одну тайну к личности Абеля. В письмах от семьи, которые были прочитаны на суде в 1957 году, его жена подписывалась «Илиа», а дочь — «Эвелина». Но письма, полученные Донованом из Восточной Германии, подписаны Еленой Абель. Кроме того, письма, описывающие жизнь семьи Абеля в СССР, рассказывают о даче, прислуге, телевизоре и других удобствах, которые может себе позволить только семья высокопоставленного человека. Если письма из Германии писала жена Абеля, то как она туда попала? Абель хорошо говорил на немецком, и во время Второй мировой войны он служил на германском фронте. Люди, с которыми он познакомился в Нью-Йорке, знавшие немецкий язык, говорили, что его можно было принять за немца. Связь Абеля с Германией и его настоящая личность (Абель —

обычный псевдоним для шпионов из социалистических стран) остались покрытыми тайной.

От Пауэрса также ждали объяснений, и после своего возвращения он должен был предстать перед специальной комиссией ЦРУ. Однако Государственный департамент заявил, что он не предстанет перед судом, и исключил возможность того, что итогом обмена будет лишь его перевод из советской тюрьмы в американскую.

Советская пресса не придала большого значения освобождению Пауэрса и вообще не сообщила о возвращении Абеля. В объявлении, сделанном советским радио, говорилось: «Президиум Верховного Совета СССР, принимая во внимание просьбу родственников Пауэрса, американского летчика, отбывающего заключение в Советском Союзе, учитывая его признание в совершении серьезного преступления, а также руководствуясь желанием улучшить отношения между СССР и США, принял решение освободить Пауэрса и передать его американской стороне».

Заявление в «Правде» было еще короче. Об освобождении Пауэрса сообщалось среди других новостей. Больше внимания было уделено присвоению почетного звания «Народный художник» В. Ф. Рындину, мужу балерины Галины Улановой.

Корреспонденты агентства Ассошиэйтед Пресс, работающие в Москве, сообщали, что советские граждане не верили им, когда они говорили, что Пауэрса обменяли на русского шпиона. «У нас нет шпионов», — таким был самый частый ответ. Другие признавались, что никогда не слышали об Абеле. Однако суд над ним не прошел полностью незамеченным советской прессой. В ноябре 1957 года «Литературная газета» назвала его «обманом». Кажется, советское руководство смогло утаить от своих граждан настоящие причины освобождения Пауэрса.

В Соединенных Штатах, когда закончились все торжественные церемонии с участием гордых родителей и счастливой жены, нашлись люди, которые посчитали, что президент Кеннеди заключил плохую сделку и что Пауэрс должен был вернуться на родину в наручниках. Уильям Томпкинс, бывший обвинителем на суде над Абелем, сказал: «Абель был настоящим профессионалом и гением разведки, а Пауэрс был просто пилотом». Более сердито

этот обмен прокомментировал Джон Уикерс, представитель Американского легиона, который сказал: «Я наблюдал за этим обменом с отвращением. Пауэрс — трусливый американец, который оценил свою шкуру гораздо дороже, чем благосостояние нации, которая хорошо платила ему».

Подводя итоги, можно сказать, что инцидент с У-2 сначала нанес серьезный удар по советско-американским отношениям, сорвав встречу на высшем уровне, но затем, благодаря обмену Абея и Пауэрса, он внес свой вклад в оттепель в холодной войне. Принцип, которым руководствовались Хрущев и президенты Эйзенхауэр и Кеннеди, был следующим: шпионаж — органичная ветвь внешних отношений и внешней политики, похожая на дипломатические обмены и встречи на высшем уровне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список американских дипломатов, выдворенных из СССР за период с 1947 по 1961 год:

1947 год: лейтенант Роберт Дреер, помощник военно-морского атташе.

1954 год: подполковник Говард Фелхлин, помощник военного атташе, и майор Уолтер Маккинни, помощник военно-воздушного атташе.

1955 год: подполковник Джон Бенсон, капитан Уильям Страуд, капитан Уолтер Мьюл, все — помощники военного атташе.

1957 год: Мартин С. Воуи, второй секретарь, майор Хьюберт Тэнси, помощник военного атташе, капитан Чарльз Стокелл, капитан Пол Уффельман, оба — помощники военно-воздушного атташе, лейтенант Уильям Левис, помощник военно-морского атташе.

1958 год: Джон Бейкер, второй секретарь.

1959 год: Дэвид И. Марк, первый секретарь, Рассел А. Лэнджелл, руководитель охраны.

1960 год: полковник Эдвин М. Киртон, военно-воздушный атташе, Джордж П. Уинтерс и майор Ирвинг Р. Макдональд, помощники военно-воздушного атташе.

(Советский Союз также сделал американским дипломатам пятнадцать замечаний, которые не привели к объявлению их персонами нон грата).

Список советских дипломатов, выдворенных из США за период с 1948 года по 1961 год:

ООН:

1952 год: Николай Сворцов, помощник заместителя Генерального секретаря Константина Зинченко.

1954 год: Александр Ковалев, второй секретарь советской делегации.

1955 год: полковник Максим Мартынов, член делегации ООН.

1956 год: Константин Екимов, первый секретарь советской делегации, Александр Гурянов, член советской делегации, капитан Б. Ф. Гладков, военно-морской советник, В. И. Петров, переводчик, Ростислав Шаповалов, второй секретарь советской делегации.

1957 год: Владимир Груша, первый секретарь советской делегации.

1959 год: Кирилл Доронкин, член Секретариата ООН.

Посольства и консульства СССР:

1948 год: Я. М. Ломакин, генеральный консул в Нью-Йорке.

1953 год: Юрий Новиков, второй секретарь посольства.

1954 год: подполковник Леонид Пивнев, помощник военно-воздушного атташе, капитан Игорь Амосов, помощник военного атташе.

1956 год: полковник И. А. Бубчиков, помощник военного атташе.

1957 год: майор Юрий Крылов, помощник военного атташе, Г. Ф. Машканцев, второй секретарь, В. М. Молев, шофер.

1958 год: Н. И. Курочкин, третий секретарь посольства.

1959 год: Е. А. Заостровцев, второй секретарь посольства.

1960 год: В. М. Иванов, первый секретарь, В. Ф. Глинский, помощник военно-морского атташе, П. И. Ежов, третий секретарь посольства.

Двое советских сотрудников Секретариата ООН преследовались за шпионаж: Валентин Губичев, который был признан виновным и освобожден по просьбе Генерального прокурора, и Игорь Мелех, которому было предъявлено обвинение, но он не предстал перед судом и также был освобожден по просьбе Генерального прокурора Роберта Кеннеди.

Говоря об ООН как о базе советского шпионажа, можно отметить парадокс советского представительства в Секретариате ООН, членство в котором основано отчасти на территориальном признаке. Советский Союз жалуется, что он представлен недостаточным количеством мест, но, когда появляется свободное место, у него часто не бывает подходящего кандидата. Выступая в октябре 1960 года перед комитетом Генеральной Ассамблеи ООН, один из членов советской делегации заявил: «Из 1170 представителей, выбираемых по территориальному принципу, 800, или около 65%, — граждане США или их союзников по военным блокам, в то время как Советский Союз и другие социалистические страны представляют всего 84 человека, или 7%». Он добавил, что из 28 постов заместителей Генерального секретаря социалистическим странам принадлежит только один.

Говоря об этом, он забыл упомянуть, что самый высокопоставленный представитель СССР в ООН бежал в 1952 году. Им был Константин Зинченко, один из восьми помощников Генерального секретаря, работавший под прямым руководством Трюгве Ли. Зинченко отвечал за дела Совета Безопасности. Именно он ввел в делегацию ООН Валентина Губичева, связанного Джудит Коплон. Когда он понял, что за ним следит ФБР, бежал в Россию, откуда прислал телеграмму, что он болен и не может вернуться (срок его полномочий должен был длиться еще два года). Зинченко стал героем знаменитого анекдота: однажды к нему подошел журналист, сказавший, что в США любой человек может войти в Белый дом и крикнуть: «Долой американского президента!» Журналист добавил: «Вы не сможете сделать подобного в Кремле». Зинченко ответил ему: «Я очень просто могу прийти в Кремль и крикнуть: «Долой американского президента!»

Несмотря на подобную деятельность советских пред-

ставителей, ООН попытается удовлетворить просьбы русских о местах в Секретариате, когда у них появляется кандидат.

В этом случае недостаточное количество представителей становится преимуществом, поскольку Советский Союз может назначать своих делегатов в срочном порядке, предоставляя им блестящее прикрытие для шпионажа.

Даг Хаммаршельд прекрасно знал об этой стороне работы советских представителей в Секретариате ООН и в своей речи перед пятым комитетом Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1960 года сказал, что требования советской стороны, касающиеся территориального принципа представительства, входят в противоречие с Хартией ООН. Из трех факторов, названных в Хартии — «продуктивность, компетентность, честность», — на первом месте должна стоять честность. Это значило, что «представители ООН при выполнении своих обязанностей должны соблюдать верность только ООН». Генеральный секретарь добавил, ссылаясь на страны за железным занавесом, что очень трудно увеличить набор представителей из тех, «кто слишком часто уходит в отставку, или из групп стран, которые через небольшой промежуток времени отзывают своих представителей без всяких предупреждений».

В делах о шпионаже, в которые были вовлечены сотрудники ООН, с представителей Советского Союза два раза снимали дипломатический иммунитет. В деле Валентина Губичева, как и в деле Игоря Мелеха, было указано, что они не могут пользоваться дипломатической неприкосновенностью, так как автоматически отказались от нее, начав работу в международной организации.

Члены делегации СССР в ООН тоже доставляют неприятности. В 1947 году С. Н. Кудрявцева, члена делегации ООН, его бывший подчиненный опознал как офицера ГРУ. За свою долгую карьеру в легальных структурах он был связан с сетью, раскрытой после дезертирства Гузенко в Канаде. Он был отозван в Советский Союз, но недавно стал послом СССР на Кубе.

Содержание

К читателю	3
1. Тотальный шпионаж	10
2. Взгляд назад	36
3. Джудит Коплон: шпион в доме любви	65
4. Mea culpa Гарри Голда	108
5. Столкновение: ЦРУ и КГБ	124
6. АНБ: безмолвный партнер ЦРУ	166
7. Американское и советское «волшебство»	178
8. Рудольф Абель: портрет художника	198
9. Подрезанные крылья У-2	242
10. Неудачный год Великобритании	279
11. «Я люблю измену, но не предателей»	337
12. Побег от свободы	382
13. Дипломаты, солдаты, шпионаж	413
14. Германия: в эпицентре урагана	465
15. Будущее шпионажа	505
Эпилог	518
Приложение	523

Серия «Мир в войнах»

Санш Де Грамон

ИСТОРИЯ ШПИОНАЖА

Ответственный редактор *А. Бушув*
Художественный редактор *П. Трофимов*
Технический редактор *Е. Цветкова*
Корректор *Г. Селицкая*

**Издательство «Русич»:
«Книга-почтой»**

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7,
тел.: (08122) 9-15-96

Каталог высылается бесплатно

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.12.2001.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 27,17.
Тираж 7000 экз. Заказ 2758.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.
E-mail: rusich@keytown.com. — редакция.
E-mail: salerus@keytown.com. — отдел реализации.

Издание выпущено при участии ООО «Миринда».
Лицензия ЛВ № 273 от 29.04.98.
220072, Минск, ул. Сурганова, д. 1, кор. 2, ком. 309.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.600.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Книга Санша Де Грамона посвящена соперничеству разведок бывшего СССР и государств-участников НАТО в 1940-60 годы в эпоху так называемой холодной войны. В центре внимания автора — громкие политические скандалы, особенности ведения разведдеятельности, судьбы людей, волею истории вовлеченных в драматическое противостояние сверхдержав XX века.

ISBN 5-8138-0325-4

9 785813 803253